ВОЕННЫЕ МЕМУАРЫ

К. В. КРАЙНЮКОВ

ОРУЖИЕ ОСОБОГО РОДА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Генерал-полковник Константин Васильевич Крайнюков, назначенный осенью 1943 г. членом Военного совета 1-го Украинского фронта, прошел с его войсками путь от Днепра до Эльбы, от Киева до Берлина и Праги. В своих воспоминаниях он рассказывает о разработке Ставкой Верховного Главнокомандования и претворении в жизнь планов фронтовых наступательных операций; показывает значение партийно-политической работы в бою как оружия особого рода: раскрывает великую освободительную миссию Советской Армии, которая спасла народы Европы от фашистского рабства.

- Константин Васильевич Крайнюков. Оружие особого рода
  - ОРУЖИЕ ОСОБОГО РОДА
  - Часть первая. Битва на Днепре
  - Даешь берег правый!
  - Новое назначение
  - Накануне Киевской операции
  - Крепла партийная сила
  - В наступление!
  - Часть вторая. Освобождение правобережной Украины
  - Часть третья. Выполняя интернациональный долг
  - Часть четвертая. Вперед, на запад!
  - Часть пятая. К рубежам победы
  - Примечания
  - Аннотация, Содержание, Выходные данные

Константин Васильевич Крайнюков. Оружие особого рода

ОРУЖИЕ ОСОБОГО РОДА

Часть первая. Битва на Днепре

Даешь берег правый!

Над выжженной степью густо клубилась седая пыль, поднятая колоннами пехоты, гусеницами танков, колесами автомашин и обозных повозок. Бурный поток советских войск днем и ночью неудержимо двигался мимо обгоревших «тигров», «пантер» и «фердинандов», мимо разбитых немецких грузовиков и опрокинутых зарядных ящиков. Разгромив врага под Орлом и Белгородом, под Харьковом, Богодуховом и Ахтыркой, наши войска преследовали отступавших к Днепру гитлеровцев.

В те горячие сентябрьские дни 1943 года я был членом Военного совета 40-й армии, которая входила в состав Воронежского фронта, наступавшего на киевском направлении.

Вместе с генерал-полковником Кириллом Семеновичем Москаленко и генерал-майором Алексеем Алексеевичем Епишевым мы спешили в передовые части, которые вели упорные бои с противником, сбивая его с промежуточных оборонительных рубежей, уничтожая многочисленные засады и заслоны.

Погруженный в думы, командующий молчал. И без того худощавый и бледный, он за дни наступления еще больше осунулся. Сняв фуражку, Кирилл Семенович старательно вытер платком высокий, с пролысинами лоб и, окинув взглядом заполонившую шоссе солдатскую рать, задумчиво произнес:

— Устали войска. Устали. А медлить нельзя: надо как можно быстрее выйти к Днепру и с ходу форсировать его, не дать неприятелю возможности закрепиться.

— Не такое время, чтобы медлить, — подтвердил Алексей Алексеевич. Полагаю, это понимают и солдаты, и командиры. Днепр сейчас — огромная притягательная сила, воодушевляющая войска на подвиг.

— Вот именно, — согласился Кирилл Семенович. — Идти таким стремительным маршем после многодневных боев, идти упорно, как говорят, на энтузиазме, это подвиг.

"А ты сам, Кирилл Семенович, — подумал я, — большой энтузиаст. С тебя и берут пример наши воины".

И в самом деле, увидев командующего, фронтовики подтягивались, бодрились: рядом с ними неутомимый командарм!

Днепр. Эта одна из крупнейших рек в Европе представляла собой основу стратегического оборонительного рубежа — так называемого Восточного вала. Гитлер, как нам стало позднее известно, клятвенно заверил сборище нацистов в Берлине, что скорее Днепр потечет вспять, нежели русские преодолеют его.

Мы знали, что битва здесь будет тяжелой, что наиболее сильное сопротивление врага следует ожидать на киевском направлении, особо важном в политическом, оперативном и стратегическом отношении. Вот почему командующий и Военный совет 40-й армии принимали все меры к тому, чтобы движение наших войск к Днепру проходило в быстром темпе, чтобы не дать возможности неприятелю организованно занять оборону.

Подъехав к голове полка, двигавшегося по шоссе, К. С. Москаленко спросил пехотинцев:

— Ну как, друзья, есть ли порох в пороховницах, крепка ли сила солдатская?

Один из бойцов в тон командующему задорно ответил:

— Нам не впервой вот так шагать. Уж если у солдата ноги да поясница поразомнутся, тогда только версты считай!

Когда затих смех, вызванный шуткой, боец вскинул на командующего глаза и уже серьезным тоном произнес:

— Откровенно говоря, притомились мы. Но отдыхать некогда, особенно мне. За Днепром, под Киевом, семья ждет меня. — Солдат нахмурился и невесело, словно сам с собой рассуждая, добавил: — А может, никого и не застану в живых. Фашист вовсю лютует…

— Вот поэтому мы должны спешить, чтобы и вашу семью спасти, и тысячи других людей из тяжкого плена вызволить, — заключил командующий.

Из-за реки Удай, к которой мы подъезжали, все явственнее доносилась перестрелка. Это наш передовой отряд, ворвавшийся в Пирятин, довершал бой, подавляя последние очаги сопротивления.

Из пыльной завесы, клубившейся над степью, внезапно появились тридцатьчетверки и, обгоняя пехоту, устремились к Днепру. В сражение вступала 3-я гвардейская танковая армия, переданная из резерва Ставки Верховного Главнокомандования в состав Воронежского фронта.

Въезжая в Пирятин, мы повстречали командующего танковой армией генерал-лейтенанта П. С. Рыбалко. С удивительной для его полноты подвижностью Павел Семенович соскочил с машины и с шумными, радостными возгласами крепко, по-товарищески обнял меня. Мы были с ним давними друзьями. В 1929–1930 годах Рыбалко командовал кавалерийским полком, а я в той части был секретарем партийного бюро. Я тогда не раз благодарил судьбу за то, что во главе полка стоял перешедший на командную работу боевой комиссар гражданской войны. Павел Семенович помогал мне дружескими советами, делился богатым опытом боевой и политической работы в Первой Конной армии.

Жили мы дружно, трудились слаженно. Почти одновременно пошли на учебу. Затем беспокойная армейская жизнь надолго разлучила нас.

Перед Великой Отечественной войной мы снова повстречались. Я служил тогда во Львове заместителем командира 2-го кавалерийского корпуса по политической части. Признаюсь, немало удивился, увидев великого оптимиста Рыбалко сумрачным и озабоченным. Но тому были свои причины…

После окончания академии Павел Семенович находился на военно-дипломатической работе в сопредельных с нами государствах, а также в Китае. Затем его перевели в Москву.

С ответственными поручениями он прибыл и в наш край, в приграничные районы Украины.

— Что там в столице говорят о фашистской Германии? — спросил я Рыбалко. — Слухи ходят всякие, порой тревожные…

— Да, слухи ходят всякие, — медленно повторил Павел Семенович. Он задумчиво потер подбородок и многозначительно произнес: — Гляди, Константин Васильевич, в оба, будь начеку. На переднем крае, можно сказать, находишься, на боевом направлении.

Затем мой собеседник доверительно сообщил, что железнодорожный транспорт у немцев работает по графику военного времени, что к нашим границам перебрасываются все новые и новые дивизии вермахта, что в приграничной полосе неспокойно — подозрительно оживились закордонные лазутчики, участились случаи нарушения воздушного пространства.

— Не исключено, что фашистская Германия может напасть на нас, заключил П. С. Рыбалко.

В тот же вечер Павел Семенович уехал в Москву, и я долго ничего не слышал о нем. А война и в самом деле вскоре началась. Как и десяткам тысяч наших воинов, автору этих строк довелось вместе с конниками принять боевое испытание утром 22 июня 1941 года. Но в бой мы вступили не на львовском направлении, а на советско-румынской границе, куда в самый канун войны перебросили наш 2-й кавалерийский корпус.

И вот несколько лет спустя, неожиданно встретившись на фронтовой дороге, мы сидим с Павлом Семеновичем Рыбалко на окраине Пирятина и вспоминаем обо всем значительном, что произошло в нашей жизни за время войны.

Беседу прервал офицер штаба армии, передавший генералу П. С. Рыбалко донесение о том, что танкисты вошли в соприкосновение с противником. Отдав необходимые распоряжения, Рыбалко уточнил у генерала К. С. Москаленко

данные о противнике, ознакомился в общих чертах с боевой задачей 40-й армии, с которой гвардейцам-танкистам предстояло взаимодействовать, и сразу же заспешил к своим передовым частям, А мы с Кириллом Семеновичем тотчас же направились в войска, продвигавшиеся с боями от Пирятина к Днепру.

У околицы небольшого селения к нам подошел командир передового отряда и доложил обстановку: по данным разведки и показаниям пленных, противник, прикрывая отход сильными боевыми заслонами, спешит быстрее переправить на западный берег Днепра живую силу и технику. Наш передовой отряд, сбивая неприятеля и охватывая его заслоны с флангов, успешно двигается к реке.

Мимо нас неожиданно промчался какой-то странный грузовик, набитый фанерными щитами.

— Это что за машина? — удивился командарм. — Куда держит путь?

Грузовик остановился невдалеке, и люди, находившиеся в кузове, проворно соскочили на землю, водрузив на обочине дороги щит с надписью: "Днепр совсем близко. Вперед!" На втором щите было написано: "Герои Волги и Дона, вас ждет Днепр! Преследуйте врага, не давайте ему передышки!" На третьем: "До Днепра — один переход. Вперед, советские воины!"

— Оказывается, своих не признал, — усмехнулся Кирилл Семенович. Молодцы политотдельцы!

Автомашина политического отдела 40-й армии двигалась непосредственно с передовыми частями. Политработники средствами наглядной агитации пропагандировали боевые задачи, стоявшие перед армией, мобилизовывали воинов на ратные подвиги.

Перед началом битвы за Днепр Военный совет 40-й армии рассмотрел и утвердил план партийно-политической работы, охватывавший все этапы операции. В обсуждении этого важного документа приняли участие командарм (он же председатель Военного совета) генерал-полковник К. С. Москаленко, член Военного совета армии генерал-майор А. А. Епишев, начальник политотдела полковник П. В. Севастьянов и автор этих строк.

Надо заметить, что форма и содержание всей нашей агитации и пропаганды вытекали из самой сути наступательных операций. В плане были предусмотрены специфические особенности подготовки и проведения предстоящего сражения. Войска впервые встречали на своем пути крупную водную преграду. Опыт форсирования рек у нас был незначительный, поэтому его приходилось собирать буквально по крупицам. Полки и дивизии, прошедшие с боями через всю Левобережную Украину, были

сильно утомлены. Это в известной мере отражалось на настроении воинов. Перед командирами и политорганами стояла нелегкая задача — вдохнуть бодрость в солдатские сердца, еще выше поднять боеспособность войск.

Военный совет совместно с политическим отделом армии наметил меры по пропаганде директивы Ставки Верховного Главнокомандования от 9 сентября 1943 года. Этот документ обязывал командиров и начальников представлять к присвоению звания Героя Советского Союза и награждению орденами тех солдат, сержантов и офицеров, которые первыми переправятся через Днепр и будут успешно вести бой за захват и расширение плацдармов.

Директива Ставки подчеркивала, что форсирование Днепра и захват плацдармов — первейшая боевая задача. Ей, этой главной задаче, была подчинена организаторская деятельность командарма и Военного совета, осуществлявших волю партии в войсках, повседневная деятельность командиров всех степеней и политорганов.

Военный совет обязал политотдел 40-й армии выпустить совместно со штабом памятку о форсировании рек. Предложено было развернуть широкую пропаганду способов преодоления водных преград, в том числе и с помощью подручных средств.

Лучшими проводниками передового опыта и активными агитаторами по праву считались бывалые солдаты, чье слово представляло особый авторитет. Молодежь прислушивалась, тянулась к ним, подражала им. Как-то по пути к Днепру я увидел группу воинов, остановившихся на короткий привал. Солдаты внимательно слушали рассказ старшего сержанта. По обилию нашивок, обозначавших легкие и тяжелые ранения, и медалям, сверкавшим на его выгоревшей гимнастерке, нетрудно было понять, что старший сержант много испытал на своем боевом пути. Увидев меня, ветеран подал команду: "Встать. Смирно!" — и доложил, что он, старший сержант Коваль, проводит беседу о предстоящем форсировании.

— Продолжайте, — сказал я Ковалю.

— Самое главное — не мешкай, не маячь на берегу перед глазами противника, — назидательно говорил старший сержант. — Не жди, пока тебе мостик построят или катер подадут. Война — это не воскресная прогулка по реке на пароходе с буфетом, пивом и лимонадом.

Солдаты дружно засмеялись, а Коваль продолжал:

— На войне смекалка нужна, находчивость. Подошел к реке — сразу же готовься к переправе, Коль нет на берегу лодок, надо связать плот из бревен и досок или же соорудить самодельный

понтон из пустых бочек. Наконец, можно набить плащ-палатку сеном, соломой или же сухим камышом. На таком индивидуальном «плоту» можно вплавь перебраться и через Днепр, сохранив личное оружие сухим и готовым к бою. Смелому и умелому солдату река не помеха. Он сумеет все одолеть и добыть победу.

Когда агитатор умолк, я спросил его слушателей:

— Не заробеете перед днепровской ширью?

— Нет, — дружно ответили солдаты. — Переплывем.

Военный совет рекомендовал командирам частей и соединений при форсировании реки использовать местные и подручные переправочные средства, так как понтонных парков и других табельных средств в войсках не хватало. Воины саперных и хозяйственных подразделений заготавливали в освобожденных населенных пунктах металлические скобы, канаты и веревки, бревна и доски для оборудования плотов. Собрав на малых реках лодки и баркасы, они смолили и конопатили их и, отремонтировав, транспортировали в район будущих переправ.

Командиры брали на учет смелых и выносливых пловцов, способных ночью бесшумно переплыть Днепр и выполнить разведывательное задание. Словом, к форсированию реки мы готовились всесторонне, зная, что это дело не легкое.

Самые трудные дела, как всегда, возлагались на коммунистов. Штурмовые группы и отряды, роты и батальоны, которые должны были первыми переправиться на правый берег и захватить там плацдарм, на 50–70 процентов состояли из членов партии и комсомольцев.

Дни нашего наступления к Днепру были примечательны не только боевыми событиями, но и бурным ростом партийных рядов. Только за первые две декады сентября 1943 года партийные бюро и парткомиссии частей и соединений 40-й армии рассмотрели более 2 тысяч заявлений о приеме в члены и кандидатами в члены ВКП(б). Наибольший приток заявлений наблюдался не во время фронтового затишья, а в период самых трудных испытаний.

В суровый час перед наступлением многие воины писали: "Хочу идти в бой коммунистом".

Уместно заметить, что в годы Великой Отечественной войны армейские парторганизации росли и пополнялись главным образом за счет закаленных и проверенных в огне сражений солдат, сержантов и офицеров.

Важную роль в усилении роста партийных рядов сыграли постановления ЦК ВКП(б) от 19 августа и 9 декабря 1941 года. Первое из них устанавливало, что "красноармейцы и

начальствующий состав действующей Красной Армии, особо отличившиеся в боях, показавшие образцы героизма и изъявившие желание вступить в партию, могут представлять рекомендации трех членов партии с годичным партийным стажем, знающих их по совместной работе и менее одного года. В этом случае вступающие в партию представляют боевую характеристику политического руководителя подразделения или комиссара части". Второе постановление разрешало "политорганам Красной Армии принимать в члены ВКП(б) отличившихся в боях военнослужащих после 3-месячного кандидатского стажа"{1}.

Вступая в ряды ленинской партии, боец-фронтовик знал, что принадлежность к ВКП(б) не дает ему никаких привилегий, кроме одной: первому подниматься в атаку и увлекать за собой других, насмерть стоять на завоеванных рубежах, не щадя себя, сражаться с врагом. И партийные ряды не только не редели, а умножались, пополнялись стойкими людьми из неиссякаемого источника, имя которому — великий и героический советский народ.

Только в сентябре 1943 года партийные организации Воронежского фронта приняли в свои ряды 11 782 солдата, сержанта и офицера. Ко времени форсирования Днепра в войсках фронта насчитывалось около четверти миллиона коммунистов и комсомольцев.

Все честное, передовое, испытанное в огне сражений тянулось к партии. Армейские коммунисты пользовались огромным доверием беспартийных воинов, а вера и любовь к партии Ленина были поистине безграничны.

20 сентября в 40-ю армию прибыл командующий войсками Воронежского фронта генерал армии Н. Ф. Ватутин. Невысокий, коренастый и плечистый генерал, добродушно прищурившись, долго смотрел на двигавшиеся через село войска. Иногда он вступал в короткие разговоры, задавал вопросы солдатам и офицерам, справлялся о самочувствии и настроении личного состава. Затем командующий войсками фронта сказал генералу К. С. Москаленко:

— А пожалуй, ваша армия может выйти к Днепру раньше запланированного срока. Темп наступления не следует снижать. — Николай Федорович пригласил нас с генералом А. А. Епишевым принять участие в беседе и продолжал: Приближается кульминационный момент битвы. Военному совету и политотделу армии нужно мобилизовать всю энергию людей для того, чтобы они сумели превозмочь усталость и смогли решительным броском достичь Днепра, с ходу форсировать его и овладеть плацдармами на правом берегу реки.

Генерал армии отметил, что это необходимо еще и потому, что нашим войскам при преследовании не удалось упредить отступавшего противника и захватить переправы через Днепр. 3-я гвардейская танковая армия генерал-лейтенанта П. С. Рыбалко, до последнего момента находившаяся в резерве Ставки в районе Курска, из-за недостаточной пропускной способности железнодорожного транспорта с запозданием была переброшена в район боевых действий. Лишь к вечеру 20 сентября танкисты начали выдвижение в общем направлении на Яготин, Переяслав. В течение суток им надо было преодолеть расстояние более 100 километров и к исходу 21 сентября передовыми частями форсировать Днепр, захватив плацдарм на его западном берегу. Войска 3-й гвардейской танковой армии наступали в высоком темпе, но все же не смогли упредить противника и захватить переправы. Неприятелю удалось отвести большинство частей и подразделений за водный рубеж и разрушить мосты.

— Будем полагаться на свои силы и возможности, вплоть до использования подручных средств, — сказал Н. Ф. Ватутин. — Форсировать Днепр надо немедленно, и на широком фронте. Противник вынужден будет метаться, распылять силы. Это облегчит нашу задачу по захвату плацдармов. Сейчас мы прочно овладели боевой инициативой и упускать ее не имеем права. Настал такой момент, когда промедление поистине смерти подобно, ибо от этого зависит не только освобождение Киева, но и всей Правобережной Украины. Вот почему Ставка Верховного Главнокомандования придает исключительно важное значение быстрому и решительному форсированию реки на широком фронте.

Николай Федорович отметил, что 40-й армии выпала честь одной из первых на фронте начать переправу через Днепр. Пожелав нам боевого успеха, воинского счастья, командующий весело, по-молодому улыбнулся. А улыбался он, надо заметить, не часто. Видно, поэтому улыбка так преобразила его лицо, подчеркнув открытый и простой русский характер.

После отъезда Н. Ф. Ватутина мы на Военном совете еще раз рассмотрели предстоящие боевые задачи. Заседание проходило накоротке, без протокольной записи. Сама боевая обстановка не раз диктовала нам такую оперативную форму работы. Командарм Москаленко, как председатель Военного совета, высоко ценил коллективный разум и опыт этого руководящего органа, всегда прислушивался к мнению и предложениям его членов.

Мы были озабочены нехваткой понтонно-мостовых парков, а также горючего и боеприпасов. Скоростное строительство деревянных мостов на малых реках позволило снять с

промежуточных водных рубежей понтонные парки и немедленно двинуть их к Днепру, одновременно подтянув туда и отставшие колонны зенитной артиллерии, Военный совет предусмотрел и меры по улучшению боепитания войск и обеспечению передовых частей горючим и продовольствием.

Здесь я считаю необходимым отметить, что военным советам фронтов и армий, флотов и флотилий принадлежала видная роль в руководстве боевыми операциями по разгрому германского фашизма. Направляя деятельность командиров и политорганов, осуществляя военное и политическое руководство войсками, военные советы несли ответственность перед партией и правительством за обучение и воспитание, воинскую дисциплину и политико-моральное состояние личного состава, формирование, укомплектование и материально-техническое обеспечение войск, их боеспособность и боеготовность. Обладая на территории фронта, армии всей полнотой власти, они постоянно следили за поддержанием общественного порядка и государственной безопасности, способствуя укреплению прифронтового тыла и направляя все его усилия на помощь действующей армии.

ЦК ВКП(б) и Государственный Комитет Обороны придавали большое значение военным советам, как органам, сочетающим в себе военные, политические и административные функции. За годы Великой Отечественной войны они накопили большой опыт, имеющий и ныне немаловажное значение. Жаль, что в исторических трудах и в мемуарной литературе скупо освещена деятельность военных советов. Если порой и упоминается о них, то лишь в общей связи, мимоходом, в силу чего молодые командные и политические кадры не очень отчетливо представляют себе практику работы военных советов в годы войны, их значительный вклад в дело победы.

Всесторонне обсудив на заседании Военного совета необходимые вопросы, генерал К. С. Москаленко отдал затем войскам армии приказ форсировать Днепр на широком фронте в наиболее выгодных местах, используя для этой цели все переправочные средства, в том числе и подручные, А Военный совет в свою очередь сделал все для того, чтобы приказ командующего был выполнен образцово.

Мы знали, что предстоит тяжелая битва и что многое в ней решают моральный фактор, наступательный порыв и стойкость воинов. Военный совет и политотдел 40-й армии созвали на вспомогательном пункте управления у Сошников совещание начальников политотделов соединений. На нем присутствовали: от 47-го стрелкового корпуса — полковник Ф. Ф. Туликов, от 52-

го стрелкового корпуса — полковник А. В. Карцев, от дивизий — полковники М. М. Бикрицкий, Н. Ф. Ведехин, М. А. Гуцало, Н. С. Косович, В. П. Прокофьев и подполковник А. Н. Ярославцев.

На совещании шла речь о непрерывности политработы на всех этапах операции: перед форсированием Днепра, в момент переправы и на плацдармах. Начальник политотдела 40-й армии полковник П. В. Севастьянов подчеркнул, что противник занимает господствующий правый берег, все видит и простреливает. Поэтому приказано форсировать реку ночью, скрытно подведя войска к пунктам переправ.

— В таких сложных условиях, — продолжал П. В. Севастьянов, — особенно необходимы высокая дисциплина, организованность, отличная маскировка. Как известно, успех политработы в бою, операции во многом зависит от того, сколь точно определено ее главное звено и правильно расставлены силы. В данном случае важнейшими участками работы следует считать места переправ и плацдармы. Именно там надо сосредоточить лучшие силы коммунистов.

Военный совет и политотдел армии обратили внимание участников совещания на такие насущные вопросы, как обеспечение войск устойчивой связью, боеприпасами, продовольствием. Мы потребовали, чтобы политорганы взяли под особый контроль эвакуацию раненых на левый берег, не допуская их скопления на плацдармах и не подвергая новым опасностям. Для этой цели предлагалось использовать обратные рейсы лодок и паромов.

Мне было поручено ознакомить присутствовавших с решением Военного совета, в котором говорилось о том, чтобы все внимание было сосредоточено на форсировании реки, чтобы начальники политорганов лично обеспечивали неколебимую стойкость войск, способных не только преодолеть Днепр и захватить плацдармы, но и значительно расширить их. На заключительном этапе операции предлагалось еще более усилить пропаганду героизма, оповещать личный состав о боевых успехах части, соединения, армии и фронта, призывать равняться на тех солдат, сержантов и офицеров, которые первыми переправятся через Днепр.

Военный совет 40-й армии рекомендовал политорганам вести строгий учет ратных подвигов, поднимать на щит славы героев, заботиться о том, чтобы отличившиеся без промедления представлялись к правительственным наградам.

В заключение выступил командующий армией. Он выразил надежду, что совещание поможет политработникам лучше уяснить особенности операции, позволит четко спланировать

свою деятельность на различных этапах наступления.

В эти напряженные сентябрьские дни, предшествовавшие днепровской переправе, политорганы, партийные и комсомольские организации работали инициативно, с особым подъемом и творческим огоньком. В войсках чувствовался огромный наступательный порыв. Все были охвачены одной мыслью: "Скорее форсировать Днепр!" Каждый солдат был полон решимости и патриотического стремления первым выйти к реке и с ходу преодолеть ее.

Путь к Днепру пролегал по земле, истерзанной гитлеровскими вандалами. Куда ни глянь — пепел, руины, дым пожарищ. Захватчики применили варварскую тактику "выжженной земли", превращая цветущие районы Советской Украины в "зону пустыни". Сама обстановка способствовала воспитанию ненависти к врагу.

Горел древний Переяслав — родина Богдана Хмельницкого, полыхали окрестные села и деревни.

— Вы видите, товарищи, что творят гитлеровские палачи? — говорили бойцам командиры и политработники. — Поспешим на выручку нашим родным людям!

И воины, забыв про усталость, с боями стремительно двигались вперед,

В полосе боевых действий армии наши политорганы совместно с представителями партийных, советских и общественных организаций освобожденных городов и сел составляли акты о злодеяниях фашистов. Эти официальные документы печатались в газетах, выпускались отдельными листовками.

Не могу забыть Переяслав-Хмельницкий того времени. Огромный плакат, водруженный на окраине истерзанного города, гласил: "900 человек гитлеровцы расстреляли и повесили в первые же месяцы своего хозяйничанья в Переяславе. 5300 юношей и девушек отправлено на немецкую каторгу.

90 процентов всех домов гитлеровцы сожгли, взорвали и разрушили. 452 лучших здания города, в том числе исторические памятники, превращены в развалины. Свыше 200 жителей погребено под обломками домов в результате варварской бомбежки.

В окрестных селах десятки грудных и малолетних детей зарублены и брошены в колодцы.

Кровь Переяслава, его пепел, его руины зовут к священной мести. Вперед, воин! Отомсти за слезы и горе наших граждан. Смерть немецким оккупантам!"

К исходу 22 сентября главные силы 40-й армии на участке

Кайлов, Гусенцы, Андруши вышли к Днепру. На правом берегу глухо бухали орудия, и к нам с воем и свистом летели снаряды и мины, разметая взрывами мокрый песок. Однако большинство вражеских огневых точек, расположенных на заднепровских кручах, пока еще молчало.

Началась непосредственная подготовка к форсированию. Солдаты вязали плоты из бревен, хвороста и досок, ремонтировали найденные в прибрежных кустах рыбачьи челны и лодки, мастерили самодельные понтоны.

— Пока есть время, пройдемся к Днепру, — предложил мне генерал К. С. Москаленко. — Проведем предварительную рекогносцировку.

Мы оставили машину в укрытии и пошли по зыбким пескам, поросшим лозняком. В лицо ударил резкий сырой ветер, и взору открылась необъятная водная гладь.

— Ну, здравствуй, родной ты наш Днепр, — тихо проговорил Кирилл Семенович и тяжко вздохнул: — Нелегок был путь к тебе, ох как нелегок!..

Вспомнились тяжелые бои в августе 1941 года. Тогда я был членом Военного совета 6-й армии, прикрывавшей подступы к Днепропетровску. Неимоверно трудно было отражать бешеный натиск танковых соединений фон Клейста. В 6-й армии, формирование которой было еще не завершено, не хватало танков и артиллерии. Ведя беспрерывные бои, войска испытывали острую нехватку боеприпасов. Иногда положение было критическим, и тогда командарм генерал-майор Р. Я. Малиновский, член Военного совета бригадный комиссар И. И. Ларин, начальник штаба армии комбриг А. Г. Батюня, все члены Военного совета, начальник поарма полковой комиссар П. Г. Степанов, его заместитель Ф. Я. Лисицын и другие руководящие работники штабов и политотделов армий и соединений направлялись на самые опасные участки, организуя отражение атак врага.

В ту пору штаб армии часто получал тревожные донесения. Помню, как командир 169-й стрелковой дивизии полковник Н. Н. Зелинский докладывал: "Танки противника потеснили наш левый фланг. Бой идет непосредственно рядом с моим командным пунктом. Держимся до последнего!" Войска, возглавляемые командирами и комиссарами, стояли насмерть, ибо нужно было любой ценой задержать вражескую бронированную лавину.

И вот после двух с лишним лет, пройдя великий ратный путь и закалившись в огне сражений, мы вернулись на берега Днепра. Здесь фактически завершался начатый под Сталинградом коренной перелом не только Великой Отечественной, но и всей

второй мировой войны.

Этот великий перелом в смертельной борьбе с темными силами фашизма обеспечила героическая партия коммунистов, партия великого Ленина. В годы суровых испытаний еще ярче и полнее раскрылась ее направляющая и организующая роль, еще более упрочилось монолитное единство партии и народа. Проявив величайшую твердость, героизм и стойкость в борьбе, ВКП(б) показала непревзойденное умение сплачивать массы, быстро перестраивать боевые ряды, мобилизуя все силы на разгром врага.

— Теперь времена другие, — задумчиво проговорил генерал К. С. Москаленко. — Стратегическая инициатива сейчас принадлежит Красной Армии, и мы диктуем неприятелю свою волю.

Командарм, укрывшись в кустарнике, долго рассматривал в бинокль противоположный крутой берег реки. Противник на какое-то время прекратил артобстрел, и установилась непривычная тишина.

— Притаились фашисты, выжидают, — заметил Кирилл Семенович. — По данным фронтовой разведки, за Днепром сосредоточены крупные силы. А вот что враг замыслил, как построил свою оборону, какие сюрпризы нам приготовил, хотелось бы еще раз выяснить и уточнить.

Командующий вызвал начальника разведывательного отдела армии полковника С. И. Черных, приказал ему отобрать смелых разведчиков, умеющих отлично плавать, и послать их на западный берег с задачей прощупать противника, его огневую систему, добыть пленных.

Руководящие работники штаба и политотдела находились в войсках. Мне в тот вечер довелось побывать на переправах 309-й Пирятинской стрелковой дивизии, которой командовал генерал-майор Д. Ф. Дремин. Передовой отряд дивизии в ночь на 22 сентября 1943 года одним из первых в армии вышел к Днепру в районе Переяслав-Хмельницкого.

Как и положено танкистам, первыми вырвались к реке передовые отряды 3-й гвардейской танковой армии, а также приданного нашей армии 10-го танкового корпуса.

Беседуя с политработниками частей, я напомнил им требования Военного совета, сформулированные для войск в канун форсирования реки: "Захватил плацдарм — стойко его обороняй! Ни шагу назад, вперед, и только вперед!" Под этим девизом проходили митинги солдат, партийные и комсомольские собрания.

Перед форсированием Днепра вступившим в ряды ВКП(б)

вручались партийные документы. Герои-фронтовики клялись, что не пощадят ни крови, ни самой жизни в боях за освобождение Правобережной Украины и всей Отчизны.

В Днепровскую битву мы вступили, имея вполне сложившиеся, полнокровные и боеспособные первичные партийные и комсомольские организации. Этому весьма способствовало постановление ЦК ВКП(б) от 24 мая 1943 года "О реорганизации структуры партийных и комсомольских организаций в Красной Армии и усилении роли фронтовых, армейских и дивизионных газет". Если раньше первичные организации имелись в полках, то теперь они были образованы в батальонах, дивизионах и равных им подразделениях. Новая структура полностью себя оправдала, принесла большую пользу и сохранила свою жизненность на протяжении всей Великой Отечественной войны.

Во время подготовки войск к наступлению мы получили директиву Главного политического управления Красной Армии от 7 сентября 1943 года, в которой излагались конкретные задачи политорганов по улучшению руководства работой партийных и комсомольских организаций. Она обязывала политорганы уделять исключительное внимание идейному воспитанию партийных кадров, создать резерв кандидатов на должности парторгов и комсоргов рот, батальонов и обучить их практической деятельности.

Партийно-политическая работа, указывалось в директиве, лишь тогда приносит свои плоды, когда она неразрывно связана с очередными задачами, которые решаются частью, подразделением. Только выполнение этих задач и будет свидетельствовать о подлинной, а не формальной перестройке партийной работы в Красной Армии, как того требует ЦК ВКП(б).

Этот документ сыграл большую роль в повышении качества партийно-политической работы в войсках как в дни битвы за Днепр, так и в последующих наступательных операциях.

Велико было влияние партии на солдатские массы, на все стороны ратной деятельности войск. Коммунисты брали на себя выполнение наиболее ответственных заданий: первому переправиться через реку, добровольно пойти в разведку или штурмовую группу для уничтожения вражеского дзота или дота и, конечно, первому подняться в атаку, пламенным призывом увлечь за собой других.

Политработники использовали самые разнообразные идеологические средства, в том числе песню и стихи. В 7–8 километрах от Днепра, в укрытом месте, я встретил бригаду артистов Красноармейского ансамбля песни и пляски. Притихшие

бойцы с волнением слушали солиста, который под аккомпанемент баяна исполнял "Песню о Днепре" (стихи Е. А. Долматовского, музыка М. Г. Фрадкина):

У прибрежных лоз, у высоких круч
И любили мы, и росли.
Ой, Днепре, Днепро, ты широк, могуч,
Над тобой летят журавли.
Ты увидел бой, Днепр, отец-река…
Мы в атаку шли под горой.
Кто погиб за Днепр, будет жить века,
Коль сражался он как герой.

Песня будила у воинов благородные патриотические чувства и звала в бой. Призывно звучали заключительные ее слова:

Как весенний Днепр, всех врагов сметет
Наша армия, наш народ.

Когда песня смолкла, кто-то из солдат крикнул: "Даешь Днепр!" В ответ раздалось дружное «ура». И я убедился (в который раз!), сколь велико воздействие боевой песни на солдатские массы и как много делают для победы над врагом наши поэты и композиторы. За годы войны политорганы научились искусству подбирать песенный репертуар, отвечающий моменту и специфике боя, операции. Песня шагала вместе с Красной Армией по трудным фронтовым дорогам, воспитывая у солдат чувство гордости за нашу Родину, горячую любовь к ней и страстную ненависть к фашизму.

Вечером 22 сентября войскам 40-й армии было зачитано обращение Военного совета Воронежского фронта. "Славные бойцы, сержанты и офицеры! — говорилось в нем. — Перед вами — родной Днепр. Вы слышите плеск его седых волн. Там, на западном берегу, — древний Киев — столица Украины. Вы пришли сюда, на берег Днепра, через жаркие бои, под грохот орудий, сквозь пороховой дым. Вы прошли с боями сотни километров. Тяжел, но славен ваш путь…

Наступил решающий час борьбы. Сегодня мы должны преодолеть Днепр. Разве есть преграда для армии героев, армии освободителей, разве можно остановить полки, которые борются за Родину, за счастье и жизнь человечества!"{2}

К тому времени у танкистов Рыбалко, действовавших с нами в одной и той же полосе, обозначился первый успех. В районе

Григоровки уже форсировали Днепр мотострелки из 51-й гвардейской танковой бригады и захватили небольшой плацдарм. Радостная весть об успехе соседей быстро облетела Левобережье.

Мне хорошо памятна холодная ночь 22 сентября, когда войска нашей армии начали героическую переправу южнее Киева. Как только сгустились сумерки, к реке двинулись из укрытий первые штурмовые группы и десантные отряды численностью от взвода до усиленного батальона, а порой даже и полка.

Но и враг не дремал. Он усилил артиллерийский обстрел. В воздухе непрерывно гудели немецкие самолеты, сбрасывая фугасные и осветительные бомбы. Однако это не могло остановить наступательный порыв наших воинов. Вот один из многих примеров.

Когда лодка с десантом, возглавляемым заместителем командира стрелкового батальона по политической части капитаном Михаилом Ивановичем Борисовым (957-й стрелковый полк 309-й Пирятинской стрелковой дивизии), была пробита осколками снарядов и начала тонуть, политработник не растерялся.

— Спокойно! — крикнул он. — Добираться всем вплавь. За мной, на врага!

Солдат, получивший ранение, безуспешно пытался преодолеть оставшиеся пятнадцать — двадцать метров. Капитан выручил раненого бойца из беды, помог ему добраться до берега, а сам устремился вперед. За ним последовали подчиненные.

В результате был захвачен плацдарм южнее Ржищева.

С первыми десантами переправлялись на противоположный берег и другие политические работники, которые так же, как Борисов, воодушевляли бойцов личной отвагой. Это яркий образец действенности агитации в бою, партийного влияния на солдатские массы.

Мне памятен давний спор о том, можно ли организовывать политработу непосредственно в бою. Некоторые товарищи пытались доказать, будто в период боевых действий ничего сделать невозможно. Практика опровергла подобные суждения. В годы Великой Отечественной войны партийно-политическая работа велась непрерывно. Речь идет не о времени суток, а о различной обстановке. В любых условиях изыскивались эффективные формы и методы политического воздействия на личный состав подразделения, части.

В боях за Днепр широкий размах получила пропаганда военной присяги. Так, перед посадкой на плоты воинов из 11-й мотострелковой бригады 10-го танкового корпуса заместитель командира батальона по политчасти Александр Карпович Болбас

громко зачитал текст солдатской клятвы. Затем капитан сказал:

— Кто любит Родину и умеет ненавидеть врагов всеми силами души, тот будет беспощадно истреблять фашистских захватчиков на правом берегу.

В момент переправы, проходившей под ураганным огнем, Александр Карпович воодушевлял бойцов призывным словом и своим бесстрашием. А когда плот причалил, капитан с возгласом "За Родину, за партию, вперед!" увлек за собой воинов в дружную, стремительную атаку.

Заменив в бою командира, он доложил по радио старшему начальнику о захвате небольшого плацдарма. Противник, во много крат превосходивший численностью, предпринимал атаку за атакой, намереваясь сбросить храбрецов в реку. Но заместитель командира мотострелкового батальона по политчасти и составлявшие основу десантного отряда коммунисты и комсомольцы стояли неколебимо, прикрывая переправу других подразделений. Получив подкрепление, А. К. Болбас возглавил наступательный бой по расширению плацдарма, который завершился захватом села Балык.

О мужественных делах этого офицера и других героях Днепра рассказала фронтовая и армейская печать. Политотдел 10-го танкового корпуса посвятил отважному воину специальную листовку. "Четвертые сутки, — говорилось в листовке, — храбрые воины идут вперед по Правобережной Украине, метр за метром освобождают родную землю. И нет той силы, которая может задержать героев земли советской. Впереди — капитан Александр Карпович Болбас.

Слава тебе, неустрашимый герой. Имя твое с любовью будет произноситься всем народом, всей Советской страной"{3}.

Те, кто первыми переправились через Днепр, располагали лишь автоматами, пулеметами, гранатами да противотанковыми ружьями. Почти вся артиллерия, все наши танки и другое тяжелое вооружение оставались на левом берегу, потому что встретились серьезные трудности с переброской их через реку. И тем не менее врагу не удалось ликвидировать наши плацдармы.

Наряду с другими смельчаками геройски сражались бронебойщик Сергей Лаптев и его товарищи из 494-го армейского минометного полка, оборонявшие важную высоту за Днепром. Не раз дело доходило до рукопашных схваток. Получив тяжелое ранение в голову, красноармеец Лаптев не оставил позиции и из противотанкового ружья подбил три фашистских танка. Не считаясь с потерями, противник продолжал наседать. Отважный воин вторично был ранен. Обливаясь кровью, он до последней возможности отстреливался от приближавшихся гитлеровцев.

Силы уже оставляли Сергея Лаптева, когда сзади раздалось «ура». Пришла подмога. Переправившиеся через реку подразделения с ходу атаковали врага и отбросили его. Лишь после этого самоотверженный солдат покинул поле боя.

Военный совет 40-й армии направил раненому герою в госпиталь письмо: "Вы как истинно русский патриот сражались за Правобережную Украину. Ваши стойкость, мужество и воинское умение восхищают всех. Благодарим за честную солдатскую службу Родине. Желаем скорого выздоровления. Представляем Вас к высокой правительственной награде"{4}.

Кстати, приветственные письма героям днепровской переправы стали действенной формой поощрения воинов, пропаганды их подвигов и заняли видное место в политработе.

Вскоре Президиум Верховного Совета СССР присвоил красноармейцу Сергею Петровичу Лаптеву высокое звание Героя Советского Союза.

Образцово действовали подразделения 20-го отдельного моторизованного понтонно-мостового батальона, которым командовал капитан И. П. Петухов. В числе первых батальон со всей своей техникой вышел к Днепру. Воины, возглавляемые старшим лейтенантом Х. А. Русских, тотчас спустили на воду понтоны и начали переправу войск. Они быстро оборудовали тяжелый паром, способный перевозить танки, автомашины и артиллерию. Ничто — ни бомбежки вражеских самолетов, ни артиллерийский обстрел, ни пулеметный огонь — не смогло запугать отважных понтонеров.

Игнатий Петрович Петухов, удостоенный за бои на Днепре звания Героя Советского Союза, как-то показал мне на причаливший к пристани понтон со следами залатанных пулевых и осколочных пробоин и с гордостью заявил:

— Место сему понтону в музее славы советского оружия. На нем младший сержант Василий Высоких первым среди понтонеров пересек в районе Букринской излучины реку Днепр. Только за двадцать третье сентября сорок третьего года он совершил под огнем врага двадцать семь рейсов.

Я уже говорил, что войска, захватившие за Днепром пятачки, встретились с различными трудностями и неожиданностями. Нелегко было с доставкой боеприпасов. Еще сложнее оказалось поддерживать с плацдармов бесперебойную проводную связь, а радиосредств у нас не хватало. Военный совет хорошо понимал, что устойчивость частей и подразделений на занятых рубежах во многом зависит от четкого и непрерывного управления ими, и потребовал, чтобы командиры, политработники, штабы приблизили руководство к войскам и при первой возможности

переносили командные пункты на западный берег. Эти меры, помимо всего, оказывали благотворное влияние на боеспособность войск.

Пять дней и ночей 132-й гвардейский стрелковый полк майора П. И. Шуру хина (42-я гвардейская Прилукская стрелковая дивизия) удерживал захваченный им плацдарм, отбивая бесчисленные атаки танков и пехоты врага. Фашистская авиация и артиллерия перепахивали бомбами и снарядами маленький плацдарм. Танки противника, сопровождаемые автоматчиками, штурмовали позиции гвардейцев. Но воины, руководимые смелым и волевым командиром-коммунистом, стояли неколебимо.

Павел Иванович Шурухин — авторитетный и влиятельный командир-единоначальник. Не теряясь ни при каких обстоятельствах, он личным мужеством и распорядительностью, твердостью и хладнокровием умел вселить в солдат уверенность в своих силах и возможностях, воодушевить подчиненных, укрепить их моральный дух. Опытный руководитель и организатор боя, П. И. Шуру хин знал, когда необходимо оказать подразделениям поддержку огнем артиллерии, своим резервом, а когда подбодрить подчиненных словом, личным примером. Нередко он сам был организатором политработы.

За мужество, проявленное при форсировании Днепра, П. И. Шурухин был представлен к награждению орденом Красного Знамени. Но еще большую отвагу, стойкость и личное геройство он проявил при удержании плацдарма. Командующий 40-й армией, наблюдавший за умелыми и энергичными действиями храброго и волевого офицера, внес в наградной лист существенные коррективы, написав, что командир 132-го гвардейского стрелкового полка гвардии майор Павел Иванович Шурухин достоин присвоения звания Героя Советского Союза.

Когда мне впервые довелось встретиться с П. И. Шуру хиным, мое внимание Привлекла сверкавшая на его груди медаль "Партизану Отечественной войны".

— Да, жизнь заставила побывать и в партизанах, — перехватив мой взгляд, скупо улыбнулся Павел Иванович и рассказал историю этой награды.

В июле 1941 года, когда создалось тревожное положение на Западном фронте, 1-я Московская мотострелковая дивизия под командованием полковника Я. Г. Крейзера была выдвинута на рубеж Березины, где нанесла сильный контрудар по наступавшим гитлеровцам. В жарком бою П. И. Шурухин, командовавший тогда батальоном, был ранен.

Не дожидаясь, пока заживут раны, Павел Иванович возглавил

партизанский отряд и развернул активные боевые действия в тылу врага. Был вторично ранен.

После выздоровления майор П. И. Шурухин принял под свое командование стрелковый полк. Павел Иванович отличился не только в Днепровской битве, но и в других операциях. Недаром он впоследствии был награжден второй медалью "Золотая Звезда".

В советском человеке, советском воине заложены поистине неиссякаемые запасы мужества и отваги. В ночь на 23 сентября 1943 года заместитель командира 1850-го истребительно-противотанкового полка 40-й армии капитан Василий Степанович Петров переправил на самодельных плотах через Днепр орудия и снаряды. Едва артиллеристы успели занять огневые позиции, как им пришлось вступить в жестокий, неравный бой с превосходящими силами противника. Не считаясь с потерями, гитлеровцы бешено рвались к орудиям, намереваясь смять храбрецов, опрокинуть их в реку. У орудий оставалось уже по одному-два человека. Капитан Петров тоже встал за панораму и прямой наводкой расстреливал врага.

В бою Василия Степановича тяжело ранило. Однополчане, участники этого жестокого боя, считали его убитым. Но всем смертям наперекор капитан Петров выжил, хотя врачи вынуждены были ампутировать ему обе руки.

Молодой офицер победил тяжкий недуг и, несмотря на полную, казалось, инвалидность, добился разрешения вернуться в полк, в свою родную 32-ю отдельную истребительно-противотанковую артиллерийскую бригаду. Он затем участвовал во многих боях, умело и мужественно руководя артиллерийским огнем подразделений, и закончил войну дважды Героем Советского Союза. В послевоенные годы Василий Степанович Петров стал генералом, кандидатом военных наук.

Дважды Героем Советского Союза завершил войну и отличившийся при форсировании Днепра Н. И. Горюшкин.

В ночь на 23 сентября вместе с двенадцатью пехотинцами переправилась на первой лодке через Днепр и ротная санитарка 835-го стрелкового полка 237-й Пирятинской стрелковой дивизии комсомолка Мария Щербаченко. Когда во время сильного артобстрела лодка села на мель, а до правого берега было уже недалеко, она прыгнула в воду и с криком "Вперед!" увлекла бойцов в атаку. Промокшие, перепачканные в тине, возбужденные и ожесточенные боем солдаты с криком «ура» преодолели обрывистый берег и сбили вражеское охранение, захватив небольшой плацдарм. Под прикрытием горстки храбрецов успешно форсировали реку и другие подразделения. Десять дней

шли кровопролитные бои на плацдарме. Красноармеец Мария Щербаченко перевязывала раненых, ободряла солдат, а порой и сама стреляла из автомата. Ей и товарищам ее, которые первыми пересекли Днепр, было присвоено звание Героя Советского Союза.

Крохотные плацдармы-пятачки… Сколько их очерчено красным карандашом на старенькой фронтовой карте, которую я долго хранил. В Букринской излучине Днепра войска 3-й гвардейской танковой армии генерала П. С. Рыбалко и 40-й армии генерала К. С. Москаленко вели очень тяжелую борьбу с врагом.

Вместе с гвардейцами-танкистами сражался за Григоровку, Бучак, Зарубенцы, Трахтомиров и другие населенные пункты 47-й стрелковый корпус (командир генерал-майор С. П. Меркулов, начальник политотдела корпуса полковник Ф. Ф. Туликов). В состав корпуса входили 38-я (командир полковник А. В. Богданов, начподив подполковник А. Н. Ярославцев), 337-я (командир генерал-майор Г. О. Ляскин, начподив полковник Н. С. Косович) и 253-я (командир генерал-майор Е. В. Бедин, начподив полковник М. М. Бикрицкий) стрелковые дивизии.

Одновременно 52-й стрелковый корпус (командир генерал-майор Ф. И. Перхорович, начальник политотдела корпуса полковник А. В. Карцев) захватил небольшой плацдарм — Щучинка, Монастырек, Гребенки, отметка 185,7 и южную окраину Стайки. В составе корпуса сражались 68-я (командир генерал-майор Г. П. Исаков, начальник политотдела полковник Н. Ф. Ведехин), 42-я (командир генерал-майор Ф. А. Бобров, начальник политотдела полковник Б. А. Питерский) гвардейские стрелковые и 237-я (командир полковник П. М. Мароль, начальник политотдела полковник В. П. Прокофьев) стрелковая дивизии.

Войска 3-й гвардейской танковой и 40-й армий, овладев Вел. Букрином, расширили плацдарм на 10–12 километров по фронту и около 6 километров в глубину. В ходе ожесточенных боев к нему удалось подсоединить еще несколько небольших плацдармов.

Форсировав Днепр на широком фронте, Красная Армия одержала выдающуюся победу. Значительных успехов достигли и соединения 3-й гвардейской танковой и 40-й армий, которые первыми среди войск Воронежского фронта переправились через Днепр в районе Букринской излучины, захватив плацдарм.

Надо заметить, что в первые 3–4 дня под Букрином у противника не было крупных сил. Только примерно к 27 сентября он сосредоточил на этом участке 7-ю танковую дивизию, 20-ю гренадерскую мотодивизию и другие части. Располагай наши войска достаточными переправочными средствами, мы сумели бы

с 23 по 25 сентября перебросить на правый берег Днепра больше танков и артиллерии. Это позволило бы быстро развить успех, значительно расширить букринский плацдарм и наступать на Кагарлык и Белую Церковь. Но из-за нехватки переправочных средств наращивание наших сил на плацдарме проходило медленнее, чем мы хотели. Да и сильно пересеченная местность под Букрином затрудняла маневр войск, особенно танков.

Следует откровенно сказать, что условия борьбы на заднепровских плацдармах южнее Киева сложились для нас не совсем выгодно. Подтянув новые резервные соединения, в том числе и танковую дивизию СС «Рейх», противник потеснил нас северо-западнее Ржищева. Никак не поддавались слиянию и очаги щучинского плацдарма, где натиск врага был особенно силен. Необычайным упорством отличались бои у Григоровки.

Начальник политотдела 38-й стрелковой дивизии подполковник А. Н. Ярославцев докладывал, что ценой больших потерь гитлеровцам удалось вклиниться в расположение подразделений и потеснить их к реке. Создалось опасное положение. В критический момент боя заместитель командира батальона по политической части старший лейтенант И. Г. Тарадейко возглавил атаку. Окинув взором воинов, он бросил призыв: "Коммунисты, вперед!" — и первым поднялся в контратаку.

Как один, двинулись на врага коммунисты, а за ними и все солдаты. Враг не выдержал их дерзкого натиска. Советские воины не только вернули утраченные позиции, но даже продвинулись вперед, расширив плацдарм.

Паромы на переправах работали круглосуточно и с предельной нагрузкой. И все-таки они не могли полностью обеспечить переброску войск и техники. Требовались прочные и надежные мосты, обладающие большой грузоподъемностью. Особенно нуждалась в них 3-я гвардейская танковая армия, у которой основная масса боевых машин и техники застряла на левом берегу.

Сразу же после того, как наши войска форсировали Днепр, в районе села Козинцы инженерные части начали строить большой мост. На помощь войскам пришло более двух тысяч трудящихся Переяславского района. Руководил строительством член Военного совета 3-й гвардейской танковой армии гвардии генерал-майор танковых войск Семен Иванович Мельников.

Саперы 40-й армии тоже строили мостовые переправы, но они были рассчитаны на меньшую грузоподъемность. Вот почему мы были заинтересованы в скорейшем окончании строительства главного моста. Побывав на этой стройке, я познакомился с

генералом С. И. Мельниковым. Он был в окружении пожилых крестьян, пришедших с холщовыми сумками, топорами и пилами. Неподалеку от воздвигаемого моста рвались снаряды, били зенитки, а высоко в небе с надрывным стоном гудели вражеские самолеты.

— Ну как, отцы, не привыкли еще к фронтовым концертам? — шутливо спросил он строителей. — У всех душа на месте?

— А мы, товарищ генерал, — хитровато подмигнул бородатый крестьянин, готовы проложить мосты до самого Берлина, лишь бы скорее Гитлера доконали…

— Это Мусий Божко, отменный плотник, мастер на все руки, артельный тамада и запевала в работе, — представил мне его Мельников.

За одиннадцать суток военные саперы и крестьяне из близлежащих сел проложили через Днепр 700-метровый добротный мост, по которому на Правобережье двинулась танковая армия.

Многие мостостроители были награждены орденами и медалями. Члену Военного совета 3-й гвардейской танковой армии генералу С. И. Мельникову, который возглавил строительство моста и отличился при форсировании Днепра, было присвоено звание Героя Советского Союза.

Фронтовая обстановка, как известно, быстро сближает людей. На букринском плацдарме мы с Семеном Ивановичем Мельниковым оказались соседями, а наши блиндажи были расположены совсем рядом. В минуты затишья мы не раз встречались и беседовали. Генерал С. И. Мельников любил политработу, танковую технику и, конечно, героев-танкистов. Обладая необыкновенной памятью, он мог в любой момент подробно охарактеризовать многих командиров бригад и батальонов, точно описать их боевую деятельность и нравственные качества. Командарм Рыбалко ценил члена Военного совета и тепло отзывался о нем.

Позже я видел Семена Ивановича и в более трудных условиях боя. Как-то среди мотострелков одной из частей 3-й гвардейской танковой армии, испытавшей контрудар врага, произошло замешательство. В критическую минуту в боевых порядках появился генерал С. И. Мельников. Несмотря на сильный артиллерийский обстрел, он спокойно шел, призывая воинов твердо стоять на рубежах и крушить врага. Своим хладнокровием, волей и абсолютным презрением к смерти он вселял в солдат и командиров спокойствие и уверенность в победе.

Советские войска прочно обосновались на букринском

плацдарме. Кроме 40-й и 3-й гвардейской танковой армий в октябре здесь развернулась 27-я армия. Левее ее, на плацдарме в районе Бучака, действовала 47-я.

Немецко-фашистское командование пыталось сильными контрударами восстановить оборону на Днепре. Как-то мне пришлось допрашивать немецкого офицера, взятого в плен в октябре 1943 года.

— Мы пережили два страшных удара, — признался пленный. — Сталинград и Курск. Сейчас русские находятся на правом берегу Днепра. Это третий удар, и — скажу прямо — самый страшный. Впереди почти нет крупных водных преград. — После долгого, тягостного молчания немец с горечью вымолвил: Разве что Висла…

Наши разведчики фиксировали появление новых немецко-фашистских войск. Гитлеровцы, занимавшие выгодные естественные рубежи, успели основательно укрепиться. Но, пожалуй, не меньше, чем упорство сильного и коварного врага, продвижение наших войск, и особенно танков, сдерживала чрезвычайно пересеченная местность. Куда ни глянешь — холмы, поросшие лесом и густым кустарником, крутые обрывы да глубокие овраги. Естественные препятствия были усилены инженерными заграждениями, минными полями, прикрыты огневыми средствами.

В октябре ударная группировка Воронежского фронта дважды предпринимала наступательные операции, однако прорвать глубоко эшелонированную оборону врага и выйти на оперативный простор так и не удалось.

Немецкие самолеты постоянно совершали налеты на мосты и переправы, на боевые порядки наших войск. В отдельные дни авиация противника делала до 2200 вылетов.

14 октября по Козинскому мосту всю ночь шли на плацдарм автомашины и танки. Это радовало нас. В то же время тревожила мысль, что гитлеровцы предпримут массированный налет на этот важный объект. Именно гак и случилось. С запада показались вражеские самолеты. Их было несколько групп. Но гитлеровцам не удалось прицельно бомбить мост. Вражеская воздушная армада была дерзко атакована восьмеркой «лавочкиных». Рассыпалась головная девятка «юнкерсов», рассеялась и вторая. Вот резко пошел на снижение фашистский бомбардировщик, затем задымил еще один… и еще…

Как я потом узнал, восьмерку советских истребителей, сбивших на наших глазах десять вражеских бомбардировщиков, возглавлял старший лейтенант С. Горелов.

В дни боев на Днепре ярко засияла слава И. Кожедуба, А.

Куманичкина, В. Бородачева, Н. Худякова и многих других соколов-героев из 2-й воздушной армии, которой командовал генерал-лейтенант авиации С. А. Красовский.

Яростные схватки шли в воздухе и на земле. Докладывая о беспримерной отваге и стойкости воинов, начальник политотдела 68-й гвардейской стрелковой дивизии гвардии полковник Н. Ф. Ведехин сообщил, что только с 24 сентября по 3 октября подразделения и части соединения отбили 91 неприятельскую контратаку, уничтожив при этом более 2 тысяч солдат и офицеров. Так же самоотверженно и стойко защищали свои рубежи подразделения и части 309-й Пирятинской стрелковой дивизии. С 27 сентября по 2 октября это соединение отбило 84 вражеские контратаки, уничтожив 1817 гитлеровцев.

Вся страна следила за битвой на Днепре и славила героев. 17 октября 1943 года газета «Правда» в передовой статье писала:

> "Много великих дел, совершенных во славу Родины, видел на своих берегах седой Днепр. Много витязей — защитников Руси купали коней своих в его водах, героическими преданиями овеяна его старина. Но меркнут все былые подвиги перед подвигами воинов Красной Армии. Еще не бывало такого на берегах Днепра, что совершается там теперь бесстрашными советскими воинами.
>
> Не владеть гитлеровским разбойникам берегами старого Днепра!
>
> Смерть им в днепровских водах! Слава героям Днепра!"

Высокая оценка ратных подвигов участников Днепровской битвы поднимала боевой дух воинов, способствовала усилению ударов по врагу. Передовую газеты «Правда» перепечатали все наши газеты. Политуправление фронта издало ее отдельной листовкой.

Патриотизм, мужество, высокий моральный дух воинов Красной Армии представляли собою сильнейшее оружие в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками.

18 октября наша ударная группировка снова перешла в наступление. Н. Ф. Ватутин находился на наблюдательном пункте 40-й армии и лично руководил боевыми действиями войск. Однако, как и в прошлый раз, наступление желаемого результата не принесло: узкий и холмистый плацдарм сковывал действия танковых соединений.

Затребовав сводки боевых потерь и выслушав доклады командармов К. С. Москаленко и П. С. Рыбалко, командующий

войсками Воронежского фронта тут же, на НП 40-й армии, высказал мысль:

— А целесообразно ли продолжать наступление с букринского плацдарма? Не поискать ли иное решение — скажем, севернее Киева? Букрин же использовать для вспомогательного удара.

Условия для этого уже созрели. Войска 38-й армии под командованием генерал-лейтенанта Н. Е. Чибисова, наступавшие севернее Киева, сумели под Лютежем значительно расширить свой плацдарм. Теперь и лютежский плацдарм мог вместить крупную ударную группировку фронта. Там местность была более ровная, чем под Вел. Букрином, и благоприятствовала действиям подвижных войск. Все явственнее вырисовывалась возможность именно там, севернее Киева, добиться оперативного успеха.

Новое назначение

Октябрь 1943 года был сырой и ненастный. Пронзительный ветер рвал с деревьев жухлые листья, беспрестанно сыпал унылый мелкий дождь, превративший дороги в сплошное месиво.

В трудных осенних условиях войска продолжали настойчиво расширять плацдарм. Руководя боевыми действиями, командиры и политработники не забывали и о бытовом устройстве людей: о горячем питании, снабжении крепкой обувью, ремонте обмундирования, о землянках, банях, санпропускниках и многом другом, без чего трудно жить и воевать фронтовику. Все это существенным образом влияет на политико-моральное состояние войск и в известной мере на ход и исход боевых действий.

Проверив в одной из частей организацию солдатского быта, я вернулся на командный пункт армии.

— А тебя, Константин Васильевич, по ВЧ Москва вызывала, — сообщил командующий.

— Кто и по какому поводу? Но Кирилл Семенович лишь пожал плечами. Впрочем, вечером снова раздался звонок. К аппарату потребовали меня и сообщили:

— С вами будет разговаривать товарищ Щербаков.

Секретарь Центрального Комитета ВКП(б) и начальник Главного политического управления Красной Армии генерал-полковник А. С. Щербаков поинтересовался положением дел на букринском плацдарме, подробно расспросил о боевых делах армии, о том, как работают Военный совет и политорганы. В конце беседы он сообщил, что ГлавПУР рассматривает вопрос о моем новом назначении. Я попросил А. С. Щербакова, если возможно, перевод пока отложить.

Однако 19 или 20 октября последовал новый звонок. На этот раз из Военного совета фронта. Мне предлагалось незамедлительно прибыть в Требухово, где размещались Военный совет и штаб Воронежского фронта.

В порядке предварительной разведки я связался с начальником политуправления генерал-майором С. С. Шатиловым. Сергей Савельевич отвечал уклончиво, но порекомендовал на всякий случай захватить с собой походный чемоданчик с вещами.

Когда я прибыл в Требухово, мне сказали, что из Государственного Комитета Обороны поступили важные документы. В штабе я ознакомился с приказом Ставки Верховного Главнокомандования о переименовании с 20 октября 1943 года Воронежского фронта в 1-й Украинский и постановлением

Государственного Комитета Обороны о назначении меня членом Военного совета этого фронта.

Обстоятельства назначения таковы. В связи с тем что многие области Украины уже были освобождены от немецко-фашистских захватчиков и на повестку дня встал вопрос о Киеве, несколько членов Военного совета фронта, в том числе Председатель Совета Народных Комиссаров УССР Л. Р. Корниец, должны были переключиться на республиканские дела и заняться восстановлением разрушенного народного хозяйства в освобожденных районах. Вместе со мною получил назначение и генерал-майор Н. Т. Кальченко. Он стал членом Военного совета по тылу.

Назначение членом Военного совета 1-го Украинского фронта, явившееся для меня неожиданностью, не могло не вызвать чувства серьезной озабоченности. Ответственность огромная. Но вместе с тем доверие партии воодушевляло и окрыляло.

Командующий войсками фронта генерал армии Н. Ф. Ватутин встретил меня дружеской улыбкой, как старого знакомого.

— Нашего полку прибыло, — пожимая мне руку, сказал Николай Федорович. Уверен, что работать будем дружно. Надеюсь на помощь действенную и постоянную.

Командующий повел разговор о сложном и многогранном процессе управлении войсками в современном бою, операции. Он подчеркнул, что управление войсками имеет не только организационную и техническую сторону, но и политическую, в том числе поддержание высокого боевого накала, крепкого политико-морального состояния войск, неослабеваемой бдительности и постоянной боевой готовности частей и подразделений.

— Кто должен этого добиваться? — спросил Николай Федорович и тут же ответил: — Командиры, штабы и политорганы тесной, дружной, четко согласованной работой.

Командующий сообщил, что он совместно со штабом завершает разработку плана Киевской наступательной операции, и кратко ознакомил меня с теми вопросами, которые предстояло решить Военному совету в ближайшие дни.

На должность заместителя командующего войсками 1-го Украинского фронта был назначен генерал-полковник А. А. Гречко. Андрей Антонович включился в текущую работу.

Передо мной также стояла задача как можно быстрее войти в курс дела, изучить оперативную обстановку в полосе наших войск, найти свое место в огромном и сложном фронтовом организме. Не теряя времени, я решил ближе познакомиться с

работниками политуправления и штаба, ибо с ними мне предстояло совместно трудиться. Начальника политического управления фронта генерал-майора С. С. Шатилова я знал больше других. Во время боев на Дону, под Белгородом и Харьковом, на Курской дуге и Днепре мы не раз встречались с ним в 40-й армии, куда Сергей Савельевич частенько наезжал. Этот инициативный, мужественный и опытный политработник помог мне во многом.

Познакомился я и с членом Военного совета по тылу генерал-майором Н. Т. Кальченко. Никифор Тимофеевич оказался простым, открытой души человеком, который и сам никогда не унывал и умел поднять настроение других.

— Я ведь никогда не собирался быть военным, — улыбаясь, признался мне Кальченко. — Специальность моя самая что ни на есть мирная — агроном. Я люблю эту хорошую профессию, но война заставила постигать военное дело и думать, как лучше обеспечить войска всем необходимым для боя.

Перед Отечественной войной Н. Т. Кальченко, выдвинутый партией на руководящую работу, был председателем исполкома Одесского областного Совета депутатов трудящихся. Никифор Тимофеевич находился в осажденном городе во время его легендарной обороны. Затем Н. Т. Кальченко стал членом Военного совета армии, действовавшей на Кавказе, и уже оттуда прибыл на 1-й Украинский фронт.

Добрые товарищеские отношения установились у меня и с начальником штаба фронта генерал-лейтенантом Семеном Павловичем Ивановым. Он хорошо знал свое дело, обладал организаторскими способностями, умел проявить волю и требовательность. Я частенько заглядывал к нему и советовался по многим оперативным вопросам, стремясь понять многообразную механику штабного организма фронта.

Без знания военного дела, военного искусства, законов, способов и форм вооруженной борьбы нельзя глубоко познать сложную динамику боя, операции, невозможно квалифицированно вести и организовывать политработу в различных условиях боевой обстановки. И все мы настойчиво учились военному делу. Наряду с этим политработники передавали свой опыт командным кадрам. Шло взаимное обогащение знаниями, опытом, что способствовало нашим успехам в борьбе с немецко-фашистскими оккупантами.

В дни боев за Днепр инженерные войска фронта возглавлял генерал-майор инженерных войск Ю. Г. Благославов, начальником тыла был генерал-лейтенант интендантской службы В. Н. Власов, а командующим бронетанковыми и механизированными войсками — генерал-лейтенант танковых

войск А. Д. Штевнев.

Андрея Дмитриевича Штевнева я хорошо знал еще с начала войны по Южному фронту. Впервые я встретился с ним осенью сорок первого года под Мелитополем, где вела тяжелые бои наша 9-я армия. Мы наблюдали за стрельбой впервые появившихся на нашем участке прославленных «катюш». После залпа гвардейских минометов позиции противника окутались клубами дыма и огня. Ошеломленные действием нового оружия, гитлеровцы дрогнули. Наши подразделения, поднявшиеся в атаку, отбили у противника один населенный пункт, затем другой, третий. Это был для нас отрадный успех.

— Что ж, может, и удержим Мелитополь? — в радостном возбуждении проговорил тогда Андрей Дмитриевич и тут же пояснил мне, что Мелитополь его родной город. Здесь он кочегарил, работал в железнодорожном депо и в 1918 году вступил в партию. Его военная биография началась в мелитопольском красногвардейском отряде.

Однако мечтам Андрея Дмитриевича не суждено было сбыться. В 1941 году, как известно, Мелитополь удержать не удалось. А в октябре 1943 года, когда у берегов Днепра мы снова встретились с генералом А. Д. Штевневым, у нас опять зашла речь о его городе.

— Войска 4-го Украинского фронта ворвались в Мелитополь и ведут уличные бои, — с радостью сообщил мне Андрей Дмитриевич. — Хотелось бы в родных местах побывать, да здесь, под Киевом, боевых дел и забот очень много…

20 октября состоялось заседание Военного совета 1-го Украинского фронта. Впервые в его работе принял участие и я. В тот день обсуждался очень важный вопрос. Открывая заседание, генерал армии Н. Ф. Ватутин напомнил, что Военный совет фронта еще 18 октября донес в Ставку Верховного Главнокомандования о том, что развитие успеха севернее Киева значительно облегчило бы прорыв с букринского плацдарма, и в связи с этим просил Ставку усилить правое крыло фронта, действовавшее севернее Киева, резервами, а также выделить определенное количество боевых машин для укомплектования танковых корпусов.

Речь шла о нанесении двух мощных ударов" По замыслу командующего фронтом, сосредоточенная на букринском плацдарме группировка в составе 40, 27 и 3-й гвардейской танковой армий должна была нанести удар в обход Киева с юго-запада, отрезая врагу все пути на запад. Одновременно расположенная на лютежском плацдарме ударная группировка в составе 38-й армии, усиленной 5-м гвардейским танковым

корпусом, должна была нанести удар в южном направлении. Лютежской группировке ставилась задача, обойдя Киев с северо-запада, на четвертый день операции овладеть городом.

Генерал армии Н. Ф. Ватутин отдавал себе отчет в том, что сил у нас недостаточно, и надеялся, что нам помогут резервами. После упомянутого заседания Военный совет фронта снова доносил в Ставку: "По плацдармам севернее г. Киев. Имеется полная возможность получить здесь успех, но сил для этого мало, для этой цели необходимо фронту дать: одну общевойсковую армию и одну танковую армию"{5}.

Командующий и штаб фронта развернули подготовку наступательной операции. Н. Ф. Ватутин торопил командующих армиями, но именно за эту излишнюю поспешность основательно досталось от Ставки и ему самому, и Военному совету.

Операция была спланирована и назначена на 25 октября. Днем раньше командующий 1-м Украинским фронтом Н. Ф. Ватутин выехал в войска, чтобы на месте уточнить некоторые вопросы и отдать последние распоряжения. Когда Ватутин проводил совещание командармов, ему доложили, что по ВЧ его вызывает товарищ Иванов (условный фронтовой псевдоним И. В. Сталина).

Николай Федорович доложил Верховному Главнокомандующему о том, что подготовка к наступлению на Киев в основном завершена. Выслушав генерала Ватутина и задав ему несколько вопросов, касающихся преимущественно главной ударной группировки войск, Сталин заявил, что назначенная на 25 октября операция, по его мнению, обречена на провал. Запланированный фронтом удар получится недостаточно мощным, ибо силы распылены, и поэтому Киевом овладеть не удастся. Он приказал операцию отменить и ожидать директиву, в которой будут указаны фронту время, силы, средства и задачи, а впредь не назначать какого-либо наступления без одобрения Ставки.

— Что ж, товарищ Сталин поправил нас вовремя, — нарушив долгое молчание, произнес Николай Федорович. — Его замечания меня многому научили. Торопливость к добру не приводит.

После разговора Н. Ф. Ватутина с Москвой мне, молодому члену Военного совета фронта, стала еще более ощутима и ясна роль Ставки Верховного Главнокомандования, которая твердой рукой держала все нити управления фронтами и непосредственно руководила вооруженной борьбой наших войск на огромнейшем театре военных действий.

В такой тяжелой и большой войне, как Великая Отечественная, была совершенно необходима высокая

централизация руководства фронтами. Ставка определяла стратегические цели, ставила войскам конкретные оперативные задачи, руководила совместными действиями фронтов и флотов и координировала эти действия, умело используя имеющиеся силы и средства для достижения победы над врагом.

В послевоенные годы некоторые товарищи не совсем правильно освещали роль Ставки, пытаясь даже умалить ее значение. Это, естественно, не соответствует истине. Под руководством Ставки были осуществлены выдающиеся операции и кампании, завершившиеся всемирно-исторической победой советского народа и его Вооруженных Сил над фашистской Германией. Эта победа продемонстрировала не только мощь и необоримую силу советского народа, нашего государственного и общественного строя, руководящую роль ленинской партии, она явила собой также и торжество советской передовой военной мысли, образец оперативного и стратегического искусства Ставки Верховного Главнокомандования, Генерального штаба, командующих фронтами и армиями.

Я не помню случая, чтобы Ставка опекала руководство фронта по мелочам. Наоборот, она предоставляла немалую инициативу, поддерживая все ценное и полезное. Обычно фронт по указанию Ставки разрабатывал план операции, вносил предложения, которые, если они соответствовали обстановке и задачам, внимательно рассматривались в Генштабе и затем утверждались Ставкой.

В ночь на 25 октября 1943 года поступила директива, официально подтвердившая указания и распоряжения И. В. Сталина, сделанные во время переговоров по ВЧ с Н. Ф. Ватутиным. В директиве говорилось: "1. Ставка Верховного Главнокомандования указывает, что неудача наступления на букринском плацдарме произошла потому, что не были своевременно учтены условия местности, затруднявшие здесь наступательные действия войск, особенно танковой армии. Ссылка на недостаток боеприпасов не основательна, так как Степин{6}, имея не больше боеприпасов, чем Николаев{7}, но правильно используя свои войска и действуя на несколько более благоприятной местности, успешно выполняет свою задачу.

2. Ставка приказывает произвести перегруппировку войск 1-го Украинского фронта с целью усиления правого крыла фронта, имея ближайшей задачей разгром киевской группировки противника и овладение Киевом".

В этом документе конкретно указывалось, как именно усилить правое крыло и создать на лютежском плацдарме перевес в силах и средствах. Ставка предложила перевести с букринского

плацдарма на участок севернее Киева 3-ю гвардейскую танковую армию, использовав ее здесь совместно с 1-м гвардейским кавалерийским корпусом. Верховное Главнокомандование требовало провести переброску войск незаметно для противника, применив средства маскировки, в том числе макеты танков.

По замыслу Ставки соединения, оставшиеся на букринском плацдарме, также должны были вести наступательные действия и приковать к себе как можно больше сил противника, а при благоприятных условиях прорвать оборону врага и двигаться вперед.

Директива содержала конкретные указания и по поводу усиления правого крыла фронта стрелковыми дивизиями. К перегруппировке приказано было приступить немедленно, а наступление начать 1–2 ноября 1943 года.

Правда, командующий войсками фронта Н. Ф. Ватутин, как мне помнится, не хотел ослаблять букринский плацдарм и намеревался сохранить там 3-ю гвардейскую танковую армию, а для лютежской ударной группировки надеялся заполучить танковую армию из резерва Ставки. Николай Федорович был уверен, что для осуществления такой крупной, стратегически важной операции, как Киевская, Ставка Верховного Главнокомандования не поскупится резервами и выделит 1-му Украинскому фронту достаточное количество сил и средств. Он полагал, что наступление с лютежского плацдарма ударной группировки, усиленной танковой армией из резерва Ставки, неизбежно вынудит немецко-фашистское командование оттянуть части, расположенные южнее Киева. Это в свою очередь позволило бы быстрее прорвать оборону противника на букринском плацдарме и где-то в районе Белой Церкви соединиться с подвижными частями лютежской ударной группировки.

Но Ставка Верховного Главнокомандования, воздержавшись от передачи 1-му Украинскому фронту танковой армии из своего резерва, иначе решила вопрос о силах и средствах. Сосредоточение на лютежском плацдарме 3-й гвардейской танковой армии, 7-го артиллерийского корпуса прорыва и частей усиления 40-й армии позволило создать севернее Киева мощную ударную группировку, способную разгромить противостоявшего врага и освободить Киев.

Накануне Киевской операции

В ту беспокойную ночь, когда была получена директива Ставки, в Военном совете, штабе и управлениях 1-го Украинского фронта никто не спал. Генерал С. П. Иванов и его подчиненные сразу же занялись разработкой основных маршрутов и графика переброски войск с букринского плацдарма под Лютеж. Командующий приказал начальнику инженерных войск генералу Ю. В. Благославову взять под контроль оборудование ложных районов сосредоточения танков, а также днепровские переправы, по которым будут перебрасываться войска. Поскольку понтонно-мостовых парков было маловато, он порекомендовал сманеврировать переправочной техникой, но непременно обеспечить быструю рокировку соединений фронта. Генералу А. Д. Штевневу было приказано выехать в 3-ю гвардейскую танковую армию, которой предстояло совершить большой и трудный марш-маневр. Конкретные задания получили и руководители различных служб.

Самый действенный метод руководства — личное общение с войсками. Ведь штаб фронта от переднего края все же далеко, а по телефону всего не скажешь. На месте же многое можно решить. Направляя руководящих работников штаба и политуправления фронта в части и соединения, генерал армии Н. Ф. Ватутин сказал:

— Если мы не сумеем скрытно и в срок перегруппировать войска, то успеха нам не видать. Пусть каждый командир и политработник поймет, что от строгого сохранения военной тайны, соблюдения всех мер маскировки, от высокой дисциплины и организованности войск во многом зависит исход Киевской операции.

Штаб фронта, возглавляемый генералом С. П. Ивановым, проделал огромную работу по обеспечению быстрой перегруппировки и сосредоточения войск на лютежском плацдарме.

Для подготовки операции отводилось всего лишь каких-нибудь семь-восемь суток. Дорог был каждый день, каждый час. И уже в ночь на 26 октября началась крупная перегруппировка войск. На букринском плацдарме незаметно снимались с позиций танковые бригады и артиллерийские части. Вместо убывших боевых машин расставлялись макеты танков, оборудовались ложные огневые позиции батарей и дивизионов. Войска и штабы уходили с плацдармов, а многие радиостанции на прежнем месте продолжали вести обычный радиообмен. Оставшиеся в районе

Букрина артиллерийские подразделения стремились поддерживать прежний режим огня. Войска на плацдарме продолжали оборонительные инженерные работы, углубляя и развивая систему траншей и ходов сообщения, совершенствуя позиции.

Создавалась видимость, что все идет прежним чередом. А на самом деле с букринского плацдарма на север двинулись 3-я гвардейская танковая армия, 7-й артиллерийский корпус прорыва, 23-й стрелковый корпус, а также минометные и инженерные части. Войска шли ночами, в кромешной темноте, под проливным дождем, по раскисшим полевым дорогам.

Немало трудностей представляли и переправы через реки. Так, например, соединениям 3-й гвардейской танковой армии, совершившим почти 200-километровый марш вдоль линии фронта, пришлось дважды переправляться через Днепр и один раз через Десну, преодолеть много других препятствий на пути к лютежскому плацдарму, где сосредотачивалась наша ударная группировка.

Большую помощь танкистам и другим войскам оказали инженерные части. В трудных погодных условиях, под огнем врага они очень быстро навели через Днепр понтонный и соорудили два деревянных моста с настилом ниже уровня воды, что делало их почти незаметными с воздуха. Оборудовались и ложные переправы, которые, так же как и действовавшие, прикрывались дымовыми завесами. Дополнительно были развернуты паромные переправы. Надо заметить, что переброска войск на лютежский плацдарм проходила быстрее, организованнее и успешнее, чем под Букрином в первые дни форсирования Днепра. Однако трудностей было немало, и воины ежедневно и ежечасно проявляли ратный и трудовой героизм.

Маршал Советского Союза А. А. Гречко впоследствии писал об этом: "… мы с генералом П. С. Рыбалко прибыли в район Сваромье, где находились основные переправы через Днепр. Основной мост, по которому на лютежский плацдарм переправлялись танки и тяжелая артиллерия, подвергался постоянно авиационному и артиллерийскому воздействию, особенно днем. Часто прямые попадания бомб и снарядов разрушали мост, и требовались неимоверные усилия для его восстановления под огнем противника.

Подъехав к мосту, мы увидели около левого берега реки развороченный настил, вздыбленные бревна опор. Только что отбомбились вражеские пикировщики. Указав саперам на остановившиеся невдалеке танки, мы попросили их всемерно ускорить восстановительные работы. Больше не потребовалось ни

бесед, ни приказов. Дружно закипела работа, и через несколько часов тяжелые машины снова двинулись по мосту на плацдарм"{8}.

В условиях интенсивных действий вражеской авиации мосты с настилом ниже уровня воды отличались большой живучестью. Практически они оказались малоуязвимыми для немецких самолетов. Настойчиво стремясь прорваться к нашим переправам, над которыми часто кипели ожесточенные воздушные бои, фашисты не раз бомбили на букринском плацдарме макеты танков, ложные артиллерийские позиции и ложные переправы. Это свидетельствовало о том, что меры дезинформации противника в ряде случаев нам удавались.

Скрытная перегруппировка огромной массы советских войск в основном прошла успешно. Сыграли свою роль и разработанные штабом фронта меры по оперативной маскировке. Но противник все же почувствовал неладное и на ряде участков предпринял разведку боем. Немецко-фашистское командование, разумеется, догадывалось о готовящемся советском наступлении и понимало, что наши войска нацелены на Киев. Однако где и когда будет нанесен главный удар, противник, конечно, не знал и пытался разгадать наш оперативный замысел. Вот почему вражеские лазутчики так настойчиво пытались проникнуть за линию Днепра, на наше Левобережье, а также на правобережные плацдармы. Усилилось и наблюдение с воздуха.

Вспоминаю, с какой настороженностью и сосредоточенностью командующий фронтом брал в руки очередную разведсводку, вчитываясь в каждую строку и придирчиво задавая вопросы начальнику разведывательного отдела штаба генерал-майору И. В. Виноградову. Узнав, что противник активизировал все виды разведки, Николай Федорович задумчиво проговорил:

— Манштейн сейчас, должно быть, рвет и мечет, требует точных данных о советских войсках, о сосредоточении наших ударных группировок. У гитлеровцев есть еще немало боеспособных дивизий, в том числе и танковых. Сражение будет жестоким…

Когда пехотинцы 38-й армии форсировали Днепр севернее Киева и завязали бой за лютежский плацдарм, Н. Ф. Ватутин приказал 5-му гвардейскому танковому корпусу немедленно прийти на помощь стрелковым частям, чтобы удержать захваченный за рекой пятачок.

— На пути к Днепру, — предупредил генерал армии Н. Ф. Ватутин командира танкового корпуса А. Г. Кравченко, — серьезным препятствием является Десна. Восемь — десять суток уйдет на постройку моста большой грузоподъемности. Время

упустим и потеряем плацдарм. Надо постараться преодолеть Десну вброд.

Разведка показала, что глубина брода почти в два раза превышает норму, установленную для тридцатьчетверок.

На помощь танкистам пришли местные старожилы, посоветовавшие переправляться в районе села Летки. Комсомольцы Семен Кривенко и Иван Горбунов несчетное число раз ныряли в студеные воды Десны, промеряя дно, разведывая характер грунта. Совместно с местными жителями танкисты обозначили маршрут вешками. Гвардейцы задраили люки боевых машин, проконопатили щели паклей, пропитанной солидолом, залили их смолой. Танкисты удлинили выхлопные трубы промасленными брезентовыми рукавами, что обеспечило выход отработанных газов. Для доступа воздуха оставался открытым башенный люк, через который командир экипажа мог вести наблюдение и указывать маршрут механику-водителю, управляющему машиной вслепую.

И вот танки один за другим двинулись по дну Десны. Сейчас, как известно, имеются плавающие танки и бронетранспортеры, а также танки, приспособленные для подводного вождения. Теперь форсирование реки с ходу не представляет особого труда. Но во время Отечественной войны такой техники мы не имели, если не считать ограниченного числа легких автомобилей-амфибий. В данном же случае по дну Десны переправлялись многотонные Т-34. Когда танк достигал середины реки, вода подступала к самому верху башни, брызги и волны порой перехлестывали через люк. Иногда вода пробивалась сквозь паклю, заливала людей. Проявив мужество, выдержку и стойкость, участники переправы за восемь часов провели по дну Десны на западный берег реки более 70 боевых машин.

Танкисты устремились к Днепру — на выручку советской пехоте. На лютежском плацдарме наш танковый корпус появился гораздо раньше, чем это мог предположить противник. Положение наших войск упрочилось.

Великая Отечественная война, не подчинявшаяся «классическим» буржуазным канонам, таила для немецко-фашистских оккупантов бесчисленное множество неожиданностей. Это и партизанские налеты на гарнизоны гитлеровцев, и засады на дорогах, и пущенные под откос фашистские эшелоны…

В битве за Днепр и Киев ярко проявился всенародный характер Отечественной войны. Коммунистическая партия объединила усилия советского народа и его воинов. В тылу врага активизировали свои действия отважные партизаны и герои

большевистского подполья. Они наносили удары по коммуникациям противника и помогали советским войскам при форсировании Десны и Днепра. Военный совет фронта поддерживал самую тесную связь с начальником Украинского штаба партизанского движения Тимофеем Амвросиевичем Строкачем, в прошлом пограничником и опытнейшим чекистом.

При планировании боевых операций наши военачальники учитывали и партизан. Однако главное внимание сосредоточивалось на подготовке войск фронта.

На основе директивных указаний Ставки быстро и организованно была осуществлена сложная перегруппировка войск 1-го Украинского фронта. Умелая маскировка, скрытный маневр, строгое хранение военной тайны способствовали достижению внезапности.

В целях оперативной маскировки было подготовлено несколько экземпляров ложного приказа по войскам фронта. Наши разведывательные органы позаботились о том, чтобы данные «документы» непременно попали в руки врага.

Немецко-фашистскому командованию мало что удалось узнать о характере нашей перегруппировки. Это подтверждает следующий факт. В то время как 3-я гвардейская танковая армия уже полностью ушла из-под Букрина и сосредоточивалась под Лютежем, противник по-прежнему считал букринский плацдарм наиболее опасным и даже начал отводить туда из-под Киева одну из танковых дивизий. Сообщение об этом обрадовало нас.

— Перехитрили-таки нацистскую лису Манштейна! — воскликнул Николай Федорович Ватутин.

Во время подготовки Киевской наступательной операции генерал армии Н. Ф. Ватутин поражал всех нас огромной трудоспособностью, умением увлечь работой и других. Как-то, показав членам Военного совета карту, на которой графически был запечатлен оперативный замысел наступления на киевском направлении и отражены ближайшие и последующие задачи фронта, Николай Федорович сказал:

— Я ведь, товарищи, зримо представляю все эти высотки, рощицы и населенные пункты, которые предстоит освобождать нашим войскам. В бытность начальником штаба Киевского особого военного округа мне довелось исколесить все эти места вдоль и поперек. При разработке операции знание местности в какой-то мере помогало мне. Все, что возможно, старался учесть. Прошу и вас, товарищи, поразмыслить над картой, критически рассмотреть проект плана. Надеюсь, что вы подскажете мне ценные мысли и предложения, дадите свои замечания и поправки. Прежде чем принять окончательное решение, я

постараюсь внести в план и ваши коррективы.

Николай Федорович довольно часто обсуждал возникшие замыслы с заместителем командующего войсками фронта генералом А. А. Гречко, начальником штаба, членами Военного совета и командармами. Порой он откладывал свои наброски и изучал разработки оперативного отдела штаба, развивая предложенное решение.

Планирование операции — длительный и трудоемкий процесс, который в наше время под силу только большому коллективу штаба и начальникам родов войск. При разработке Киевской операции, равно как и любой другой, требовалось рассчитать соотношение сил во фронтовой полосе и на участке прорыва, определить темпы наступления, спланировать режим артиллерийского огня, высчитать, какое количество боекомплектов понадобится на каждое орудие, отработать вопросы взаимодействия войск по времени, месту и целям, предусмотреть многое другое. Вот почему полководец физически не в состоянии все единолично рассчитать, спланировать и предугадать. Вместе с командующим большой вклад в разработку плана Киевской наступательной операции внесли генералы и офицеры штаба фронта, руководимые генерал-лейтенантом С. П. Ивановым. Это был хорошо спаянный и работоспособный коллектив, умевший образцово решать сложные задачи.

В канун операции Военный совет был озабочен затруднениями в материально-техническом обеспечении войск. Хотя железнодорожное сообщение на Левобережной Украине было в основном восстановлено, пропускная способность дорог, и особенно узловых станций, оставалась низкой. На днепровском рубеже железнодорожное сообщение полностью обрывалось, что создавало трудности в снабжении войск. В конце октября 1943 года на станции Бахмач скопилось 687 вагонов, адресованных фронту. Для их разгрузки и доставки в войска у нас не хватало автотранспорта.

28 октября Военный совет заслушал информацию начальника тыла фронта генерал-лейтенанта интендантской службы Владимира Николаевича Власова. Он трудностей не скрывал и говорил суровую правду. Накопление потребного для операции количества боеприпасов проходило медленно. Еще хуже обстояло дело с бензином. Фронтовой запас горюче-смазочных материалов составлял 1,5 заправки, а непосредственно в войсках и того меньше — в среднем 0,5 заправки на машину.

Перед началом операции на фронте насчитывалось 700 самолетов, 675 танков и самоходно-артиллерийских установок. Без горючего они стали бы небоеспособны. Необходимо было

иметь и по нескольку боекомплектов снарядов на каждый ствол. А их, орудийных и минометных стволов, насчитывалось 7 тысяч.

Основная масса войск и боевой техники сосредоточилась на лютежском плацдарме. Требовалось непременно к началу операции, к 2 ноября, обеспечить войска материально. Чрезвычайно трудно было это сделать за такой короткий срок. Пришлось мобилизовать все средства для Доставки в войска всего необходимого.

38-я армия, составившая общевойсковую основу ударной группировки фронта, усиливалась 23-м стрелковым корпусом, переданным из 47-й армии, а также управлением 21-го стрелкового корпуса. В распоряжение командарма поступили также 7-й артиллерийский корпус прорыва, 3-я гвардейская минометная дивизия, 21-я зенитно-артиллерийская дивизия, 9-я истребительно-противотанковая артиллерийская бригада, 83-й гвардейский минометный полк и другие части.

Незадолго до наступления произошли изменения в руководстве 38-й армии. В командование ее войсками вступил генерал-полковник К. С. Москаленко, а членом Военного совета был назначен генерал-майор А. А. Епишев. Их обоих я хорошо знал по совместной боевой работе в 40-й армии.

Сослуживцы с глубоким уважением относились к командарму, ценили его мужество, волю, умение руководить операциями. К. С. Москаленко часто бывал там, где создавалась наиболее напряженная обстановка. За год совместной боевой работы я хорошо узнал Кирилла Семеновича. Он был несколько горяч, но вместе с тем не кичлив, прямодушен. Признаюсь, эта прямота нравилась мне. Не приукрашивая действительности, он всегда говорил подчиненным и старшим начальникам суровую, нелицеприятную правду. Когда генерал К. С. Москаленко был глубоко убежден в целесообразности тех или других решений, он смело их отстаивал перед вышестоящими начальниками.

Приведу такой пример. В конце 1942 года, когда советские войска под Сталинградом успешно окружили и громили крупнейшую группировку врага, 40-я армия вела оборонительные бои на Дону в районе Воронежа. Мы все радовались великим победам Красной Армии на Волге, но одновременно и тяготились пассивным характером боев на нашем участке фронта. Воины прямо-таки рвались в наступление. Но, пожалуй, более других был охвачен этим порывом сам командарм, человек активного действия. Кирилл Семенович Москаленко всесторонне обдумывал план наступательной операции на Дону со сторожевского плацдарма.

Когда командарм ознакомил меня со своим замыслом, я

ответил, что план очень интересный. Генерал К. С. Москаленко решил послать его на рассмотрение командующему Воронежским фронтом. В порядке исключения он позвонил Верховному Главнокомандующему и доложил о замысле наступательной операции. Сталин выслушал командарма и кратко ответил:

— Ваши предложения будут изучены и учтены.

Позднее выяснилось, что руководство Воронежского фронта и Генштаб в то время разрабатывали план наступательной операции по разгрому противостоящей нам вражеской группировки силами правофланговых армий фронта.

21 декабря 1942 года Ставка дала указание командующему Воронежским фронтом генерал-лейтенанту Ф. И. Голикову о разработке плана Острогожско-Россошанской наступательной операции. Затем соответствующее распоряжение поступило из штаба фронта в 40-ю армию, которой отводилась важная роль в наступлении. В целях оказания практической помощи и проверки готовности операции 40-ю армию посетил начальник Генерального штаба генерал-полковник А. М. Василевский.

В результате совместных творческих усилий Ставки, Генштаба, фронта и армии была детально разработана и в январе 1943 года осуществлена Острогожско-Россошанская операция, отличавшаяся смелым и оригинальным замыслом, рассчитанным на окружение и уничтожение крупной группировки противника. Затем последовали Воронежско-Касторненская и Харьковская наступательные операции, в которых 40-я армия, руководимая генералом К. С. Москаленко, принимала самое деятельное участие.

Военачальник ярко выраженного наступательного направления, К. С. Москаленко вместе с тем был осмотрителен, учитывал реально сложившуюся боевую обстановку. Предложения, которые он вносил командованию фронта, отличались точным расчетом и смелостью оперативного мышления. Генерал армии Н. Ф. Ватутин высоко ценил эти замечательные качества Кирилла Семеновича. И вот теперь, когда на повестку дня встал вопрос об освобождении столицы Советской Украины, Государственный Комитет Обороны по предложению Военного совета фронта назначил генерал-полковника К. С. Москаленко командующим 38-й армией, которой в предстоящей наступательной операции отводилась весьма ответственная роль.

Разрабатывая операцию, наши военачальники неизменно руководствовались мудрым ленинским положением о том, что законом военных успехов является наличие подавляющего перевеса сил в решающий момент в решающем пункте. Надо

заметить, что в то время 1-й Украинский фронт имел незначительное превосходство над противником. По самолетам силы оказались примерно равными, по артиллерии наше превосходство было всего лишь в 1,2 раза, а по танкам и самоходным артиллерийским установкам (САУ) — в 1,7 раза.

В результате перегруппировки войск и ослабления второстепенных участков наше командование обеспечило на лютежском плацдарме значительный перевес в силах и средствах. На 6-километровом участке прорыва было сосредоточено более 2 тысяч орудий и минометов калибра 76 мм и выше и до 500 установок реактивной артиллерии. Это обеспечило плотность, равную 344 орудиям и минометам на километр фронта прорыва. Наступление с лютежского плацдарма нашей главной ударной группировки должна была поддерживать всей своей боевой мощью 2-я воздушная армия, которой командовал генерал-лейтенант авиации С. А. Красовский.

Особенность Киевской операции заключалась в том, что усилиями одного фронта решалась стратегическая задача по разгрому крупной, почти равной нам вражеской группировки и овладению важным политическим, административным и экономическим центром Советской Украины — Киевом. Сущность замысла Киевской наступательной операции заключалась в том, чтобы ударом с севера разгромить киевскую группировку противника, обходным маневром освободить столицу УССР и в дальнейшем выйти в тыл немецкой группе армий «Юг», создав благоприятные условия для освобождения всей Правобережной Украины.

38-й армии, сосредоточенной на лютежском плацдарме, предстояло совместно с 5-м гвардейским танковым корпусом и 7-м артиллерийским корпусом прорыва нанести главный удар в южном направлении, имея задачу овладеть городом Киев. На второй день операции планировалось в полосе 38-й армии ввести в прорыв подвижные войска фронта: 3-ю гвардейскую танковую армию и 1-й гвардейский кавалерийский корпус. Севернее лютежского плацдарма должна была наступать 60-я армия под командованием генерал-лейтенанта И. Д. Черняховского, обеспечивая с запада действия нашей главной ударной группировки.

Крепла партийная сила

Занимаясь подготовкой Киевской наступательной операции, Военный совет и политуправление 1-го Украинского фронта особое внимание уделяли усилению активности партийно-политической работы в войсках как действенного оружия партии, обеспечивающего боевые успехи. Мы всегда помнили, какое огромное значение политработе придавали ЦК партии и лично В. И. Ленин. Еще в годы гражданской войны Владимир Ильич обязывал реввоенсоветы следить за политработой, не ослаблять ее, требовал сообщать ему о том, "какие меры приняты… для улучшения политической работы, для внесения бодрости и сознательности в подкрепления"{9}.

Во время Великой Отечественной войны с особой силой звучали слова В. И. Ленина: "…где тверже всего дисциплина, где наиболее заботливо проводится политработа в войсках… там нет расхлябанности в армии, там лучше ее строй и ее дух, там больше побед"{10}.

Командиры и политорганы успешно осуществляли ленинский принцип единства идеологической и организаторской работы. Коммунистическая партия, взрастившая военачальников нового типа, научила наших командиров сочетать в себе черты военных и политических руководителей, быть мастерами не только вождения войск, но и воспитания людей, формирования у них высоких морально-боевых качеств.

Командующий фронтом генерал армии Н. Ф. Ватутин, как я убедился, прекрасно сочетал в себе эти важнейшие качества. Чем ближе я узнавал Николая Федоровича, тем больше раскрывался передо мной духовный мир этого скромного, работящего человека. Он был глубоко партийным, нравственно цельным и требовательным к себе военачальником. Командующий и на фронте находил время, порой урывая его у сна, для совершенствования политических и военных знаний и требовал того же от командармов и командиров всех степеней.

Как-то мы с Н. Ф. Ватутиным собирались в поездку на лютежский плацдарм. Николай Федорович положил в портфель рабочую тетрадь, необходимые документы, а затем выдвинул из-под походной кровати чемоданчик и достал книгу М. В. Фрунзе "Статьи и речи".

— Люблю читать труды Фрунзе, — сказал он.

По пути следования к днепровской переправе командующий продолжил начатый разговор о Фрунзе. Когда в 1921 году Ватутин учился в Полтавской пехотной школе, Михаил

Васильевич приезжал туда и выступал перед курсантами. Из рук выдающегося пролетарского полководца Николай Ватутин получил удостоверение краскома. М. В. Фрунзе напутствовал молодых командиров Красной Армии, вступавших в большую военную жизнь.

— Мне хорошо запомнились выступления и беседы Фрунзе с курсантами, рассказывал Н. Ф. Ватутин. — Михаил Васильевич убедительно и доходчиво разъяснял, как после победоносного окончания гражданской войны будет строиться первое в мире государство рабочих и крестьян. Он подчеркивал, что для защиты молодой Советской республики и мирного социалистического строительства необходима сильная и могучая Красная Армия. Я тоже поделился воспоминаниями о пролетарском полководце. Как и Николаю Федоровичу, мне впервые довелось увидеть М. В. Фрунзе в 1921 году, когда наш бронепоезд № 61 отправлялся на уничтожение банд Махно. Перед выходом на боевую операцию к нам приехал Михаил Васильевич и произнес перед красноармейцами и командирами яркую напутственную речь. Несколько позднее я слушал его доклад на партийном активе в Виннице, а также его выступление на окружной партийной конференции.

— Фрунзе — выдающийся военный теоретик, испытанный боец ленинской гвардии, — заключил Николай Федорович. — В совершенстве владея марксистско-ленинским методом, он четко и с исчерпывающей полнотой определил сущность советской военной доктрины. А как высоко он оценивал роль политработы, являющейся тем особым видом оружия, которое в известной обстановке будет иметь решающее значение! Фрунзе образно и ярко характеризовал деятельность политорганов в гражданской войне.

И Николай Федорович почти дословно привел известное высказывание М. В. Фрунзе о политических органах. Они вносили элементы порядка и дисциплины в ряды молодых красных полков, налаживали тыл армии, укрепляли там Советскую власть, обеспечивая тем самым быстрое и успешное продвижение наших армий вперед, настойчивой и упорной работой разлагали вражеские войска, расстраивали неприятельские тылы.

— Так было в годы гражданской войны, — продолжал Н. Ф. Ватутин, — когда коммунистов в полках насчитывалось не больше, чем сейчас мы имеем в ротах и батареях. Теперь политорганы могут и должны работать еще лучше, ибо в войсках сосредоточена могучая партийная сила, способная творить чудеса.

Перед началом Киевской наступательной операции в

партийных организациях 1-го Украинского фронта насчитывалось свыше 135 тысяч членов и кандидатов в члены партии. Эта армия коммунистов проводила большую работу по сплочению воинов под лозунгами Коммунистической партии. Призывы ЦК ВКП(б) к 26-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, опубликованные перед началом Киевской операции, словно набат, будоражили солдатские сердца, воодушевляли на разгром врага. "Доблестные воины Красной Армии! — говорилось в Призывах Центрального Комитета партии. — Вас ждут как освободителей миллионы советских людей, изнывающих под немецко-фашистским игом. Крепче бейте врага, истребляйте немецких захватчиков. Вперед, на запад, за полное освобождение советской земли!"

Завершая подготовку к наступлению, Военный совет конкретизировал и боевые лозунги фронта. Теперь они звучали так: "Освободим Киев к 26-й годовщине Великого Октября!", "Выполним приказ Родины — вызволим Киев из фашистской неволи!"

Подготовка к наступлению совпала со знаменательной датой — 25-летием Ленинского комсомола. Поздравив комсомольцев и молодежь фронта со славным юбилеем, Военный совет и политическое управление призвали молодых патриотов ознаменовать годовщину ВЛКСМ героическими делами. В канун юбилея была издана листовка о подвиге первых героев Днепра комсомольцев 3-й гвардейской танковой армии В. Н. Иванова, Н. Е. Петухова, И. Д. Семенова, В. А. Сысолятина. Она открывалась приветствием Военного совета фронта. Листовки о героях и подвигах массовым тиражом выпускали и политотделы армий.

Большой популярностью у бойцов и командиров пользовались многокрасочные "Окна ТАСС", готовившиеся при политуправлении фронта. "Вперед, за родной Киев!" — так назывался первый агитплакат, созданный художником В. Брискиным и поэтом А. Безыменским. Хорошо отзывались солдаты об "Окнах сатиры". Словом, все формы политической работы использовались для воспитания у воинов наступательного порыва, стойкости, мужества, уверенности в победе.

В конце октября 1943 года на экраны страны вышел документальный фильм Александра Довженко "Битва за нашу Советскую Украину". Известный кинорежиссер, прошедший с войсками фронта большой боевой путь, создал вместе с режиссером Юлией Солнцевой и группой операторов документальную кинокартину, которая содержала немало эпизодов, повествовавших о боевых делах нашего фронта. Здесь и знаменитое танковое сражение у Прохоровки, и бои за Харьков и

другие города и села Украины. Рассказывалось о подвигах партизан, о мужестве, стойкости и непоколебимой воле советского народа, поднявшегося под руководством ленинской партии на Отечественную войну. Заключительные кадры картины запечатлели плавно бегущие волны Днепра и советских воинов-освободителей, пришедших на его берега. Мы зачислили этот фильм в арсенал действенных политических средств.

Перед Киевской операцией наши части и соединения пополнялись молодыми бойцами. Призывники из освобожденных районов Украины шли в армию с большой охотой и горели желанием в бою рассчитаться с ненавистными фашистами, принесшими советскому народу муки, горе и страдания.

Но среди новичков были такие, которые страдали танко — и самолетобоязнью. Надо было помочь им побороть эту боязнь, укрепить их морально-боевые качества, подготовить к суровым испытаниям войны. Ветераны делились опытом борьбы с танками и самолетами врага, знакомили молодых солдат с новыми образцами оружия, рассказывали о боевых традициях и главнейших требованиях военной присяги.

В массово-политической работе мы учитывали, что отдельные новобранцы испытали ужасы немецкой оккупации, что их сознание два года отравлялось ядовитой фашистской пропагандой. Командиры и политработники, коммунисты и комсомольцы рассказывали им об огромных переменах, происшедших за два года в Советской стране, о героях фронта и тыла, о важнейших решениях партии и правительства.

Новички внимательно прислушивались к авторитетному слову бывалых воинов и стремились брать с них пример. Ветераны были хорошими агитаторами, опорой командиров. Об одном из них — участнике трех войн коммунисте В. Ульянкине хочется рассказать подробнее. Ему было уже под пятьдесят, когда он добровольно вступил в боевой строй. В беседе с молодежью он вспоминал:

— Приехали мы на фронт. Привели нас к присяге. Читал я вслух ее слова, расписывался под ее текстом и думал: "Ты, Ульянкин, член партии, старый русский солдат, отец двух сыновей-фронтовиков. Смотри не осрамись, не отстань от молодых!" В первом же бою мне пришлось вспомнить это свое размышление. Приняли мы бой, помнится, возле Кривой рощи. Хлещет дождь, рычат фашистские танки… Кое-кому, вижу, не по себе стало. И только стихнет канонада на пару минут, я напоминаю ребятам, как в шестнадцатом году в Карпатах мы действовали под шрапнелью, как в гражданской войне пуль не боялись. Слушают они, и вроде от сердца у них отлегает. А ты

шутку бросишь, сделаешь вид, будто не заметил, как молодой солдат от разрыва вздрогнул, кинешься помочь тому, кто замешкался, — глядишь, помогает. Когда бой кончился, всем расчетам объявили, что батарея наша три танка сожгла и пятнадцать автомашин превратила в щепы. И уже в других боях наша молодежь увереннее держалась. Молодые солдаты настоящими пушкарями сделались.

Воспитательной работой с пополнением занимались командиры и политработники, огромная армия наших агитаторов. Мне тоже не раз приходилось выступать перед призывниками.

Однажды я повстречал маршевое подразделение молодых солдат, направлявшихся в 1-й гвардейский кавалерийский корпус, которым командовал гвардии генерал-лейтенант В. К. Баранов. С призывниками у меня завязался продолжительный разговор. В первые месяцы войны я был комиссаром этого соединения, называвшегося тогда 2-м кавкорпусом. Мне довелось быть очевидцем подвигов конников 22 июня 1941 года, отразивших на границе вероломный удар превосходящих сил врага. В Отечественной войне конники своими героическими делами в числе первых заслужили гвардейское звание.

Рассказав о боевых традициях и славной истории 1-го гвардейского кавкорпуса, я направился с колонной в ближайшее село, где временно были расквартированы конники. Там встретил боевых друзей, заслуженных ветеранов. Мне хорошо был знаком командир корпуса Виктор Кириллович Баранов. Перед войной он командовал 5-й кавдивизией имени Блинова, входившей в наш корпус. В боях с немецко-фашистскими захватчиками Виктор Кириллович зарекомендовал себя смелым и решительным командиром.

В июле 1941 года 5-я кавдивизия под командованием В. К. Баранова вела очень тяжелый бой в районе Котовска. Силы были явно неравными. Фашистские танки непрерывно атаковали боевые порядки конников, стремились окружить и уничтожить наши части. Когда один из командиров полков доложил, что не может устоять и вынужден начать отход подразделений, комдив В. К. Баранов ответил: "Держите рубеж до последнего. Я к вам сейчас прибуду!"

Когда Виктор Кириллович появился в боевых порядках конников, воины встретили его восторженными возгласами. По цепи передавалось: "Пришла подмога. К нам сам комдив Баранов прибыл!" Появление любимого храброго командира вселило в подчиненных бодрость, стойкость, уверенность в своих силах. Отразив атаки врага под Котовском, кавалеристы В. К. Баранова

разгромили под Балтой штаб 198-й немецкой дивизии и нанесли гитлеровцам большой урон.

Командир-коммунист, умевший найти путь к сердцу солдата, широко поощрял мужественных воинов. После одного из боев В. К. Баранов собрал отличившийся эскадрон и объявил о представлении храбрецов к правительственным наградам.

Сам он за мужество, проявленное в приграничном сражении 1941 года, был награжден орденом и впоследствии стал Героем Советского Союза.

В. К. Баранов участвовал в защите Москвы, в легендарном рейде конников генерала П. А. Белова по тылам врага. Потом он принял от Павла Алексеевича Белова командование 1-м гвардейским кавалерийским корпусом. И вот теперь это прославленное соединение готовилось принять участие в Киевской наступательной операции и пополняло свои ряды молодыми солдатами.

Учитывая, что личный состав войск фронта обновился, командиры и политорганы усилили пропаганду присяги, разъясняя молодежи, только что призванной в армию, сущность воинского долга, главнейшие требования Родины, предъявляемые к ее защитникам. "Верность присяге — вот что наполняет собой жизнь наших воинов, — за несколько дней до наступления писала фронтовая газета "За честь Родины". — Верностью присяге мы побеждали от Волги до Днепра. Верность присяге — вот глубочайший корень массового героизма на Днепре. Верностью присяге каждого воина — бывалого и молодого, старшего и рядового — мы выиграем Киевскую битву, добьем ненавистных фашистских оккупантов".

Во время боев на днепровских плацдармах редакция фронтовой газеты "За честь Родины" направила воинам письма, обратившись к ним с вопросом: "Как ты выполняешь присягу?" К письму был приложен конверт с напечатанным на нем адресом редакции и чистым листом бумаги. Бойцы, командиры и политработники очень активно откликнулись на запрос редакции.

Полюбившуюся фронтовикам газету "За честь Родины" редактировал с октября 1943 года и до победных дней полковник С. И. Жуков, сменивший на этом посту полковника Л. И. Троскунова.

В связи с тем что на нашем фронте было особенно много воинов-украинцев и войска пополнялись главным образом за счет населения освобождаемых районов УССР, Главное политическое управление Красной Армии разрешило нам издавать ежедневную фронтовую газету на украинском языке "За честь Батьківщини" (ответственный редактор Т. Р. Одудько). Кроме того, редакцией

"За честь Родины" еженедельно выпускались газеты на узбекском, казахском и татарском языках.

Пропагандируя идеи партии, ее важнейшие решения, фронтовая печать гибко и оперативно откликалась на самые злободневные вопросы боевой жизни. Призывы ЦК ВКП(б), напечатанные в газетах, быстро становились достоянием войск. Газета "За честь Родины" по праву считалась боевым другом и наставником солдат, сержантов и офицеров.

Фронтовая печать постоянно пропагандировала героические подвиги. Героизм — важнейшая сторона победы. Наша славная партия, взрастившая за годы мирного строительства могучую когорту героев труда, так же заботливо и любовно растила героев боев. Было немало специальных решений, направленных на воспитание в армии и народе военной гордости и ратной доблести. Большое значение имели салюты Москвы, прославлявшие победы Красной Армии, благодарности Верховного Главнокомандующего частям и соединениям, массовое награждение отличившихся в боях, учреждение советской гвардии. Это в свою очередь вызвало к жизни немало новых форм партийно-политической работы по воспитанию воинов в духе советского патриотизма, преданности Родине и народу, великим идеалам коммунизма.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 23 октября 1943 года 136 солдатам, сержантам, офицерам и генералам 40-й армии, проявившим отвагу при форсировании Днепра, было присвоено звание Героя Советского Союза. В почетном списке встретились имена знакомых мне людей — командиров соединений генералов Е. В. Бедина, Д. Ф. Дремина, Г. П. Исакова, командиров полков подполковников И. Е. Давыдова, В. Н. Федотова, командиров подразделений старших лейтенантов С. А. Толстого и А. В. Шафарова, сержанта Н. А. Черных, младшего сержанта А. В. Ларина, рядовых С. И. Козлова, Б. Д. Ларионова и многих других. Золотой Звездой Героя Отчизна отметила и командующего 40-й армией генерал-полковника К. С. Москаленко.

Почти одновременно появились указы о присвоении звания Героя Советского Союза большому числу отличившихся воинов 13, 60, 38-й армий, 3-й гвардейской танковой армии и других частей и соединений, входивших в состав 1-го Украинского фронта.

Высокие награды Родины за успешное форсирование крупных водных преград и закрепление на плацдармах способствовали укреплению морального духа солдат, сержантов и офицеров, повышению боевой активности и наступательного порыва

советских войск.

Поднимая на щит славы героев Днепра, командиры и политработники, партийные и комсомольские организации, наша фронтовая печать, пропагандисты и агитаторы распространяли их передовой опыт и на высоких примерах учили молодых солдат ратному умению, воспитывали в них мужество, стойкость, выносливость.

В годы войны ярко проявилось мудрое предвидение В. И. Ленина, пророчески предсказавшего, что Россия способна давать не только героев-одиночек — она сможет выдвинуть сотни, тысячи героев.

Перед началом наступления политотдел 38-й армии, возглавляемый полковником П. А. Усовым, созвал совещание начальников политотделов корпусов и дивизий, а также заместителей командиров отдельных бригад и полков по политчасти. На совещании обсуждались вопросы о приведении соединений и частей в полную боевую готовность, о повышении бдительности и моральной подготовке войск к наступательной операции. Совещанием руководил член Военного совета 38-й армии генерал А. А. Епишев.

Присутствующие были предупреждены, что в канун наступления в каждую дивизию поступят листовки с текстом обращения Военного совета к войскам фронта и что его надобно довести до каждого бойца.

Кстати об обращении. Начальник политуправления фронта генерал-майор С. С. Шатилов представил Военному совету первоначальный проект этого документа. Прочитав его, генерал армии Н. Ф. Ватутин отметил, что обращение написано суховато и текст желательно переделать, привлечь к этой работе писателей и журналистов. Он порекомендовал в проекте обращения ярче и доходчивее сказать о том, что киевляне и все население Правобережной Украины стонут под сапогом гитлеровских оккупантов и с нетерпением ждут Красную Армию-освободительницу, что фашистские варвары предают огню и уничтожают древний Киев, истребляют мирное население.

— Этот важный политический документ надо так написать, — заключил командующий, — чтобы каждое слово вдохновляло солдата, звало его на бой, будоражило душу воина, чтобы он был готов немедленно ринуться на врага.

При подготовке окончательного текста документа мы обратились к трудам В. И. Ленина, к руководящим указаниям партии. В основу обращения Военного совета, подчеркивавшего особенности и специфику Киевской операции, были положены призывы ЦК ВКП(б) к 26-й годовщине Великой Октябрьской

социалистической революции, выражавшие главные задачи и требования военного времени.

Надо заметить, что ни одна фронтовая или армейская операция не проходила без обращения Военного совета и командиров к войскам, и это являлось одной из непременных и действенных форм политработы. Государственный Комитет Обороны еще в начале войны в постановлении от 10 июля 1941 года указывал: "Обязать главкомов почаще обращаться к войскам своего направления с призывом держаться стойко и самоотверженно защищать нашу землю от немецких грабителей и поработителей"{11}.

Сейчас в Центральном архиве Министерства обороны СССР бережно хранятся многие обращения военных советов фронтов и армий, командиров соединений и частей к войскам перед началом операции, решающего боя, сражения. Эти яркие документы и теперь нельзя читать без волнения. Они передают горячее дыхание героического времени, учат беззаветно любить мать-Родину и самоотверженно защищать ее.

Наши командиры и политорганы, партийные организации стремились донести до сознания каждого воина великие идеи, призывы, указания партии, боевые задачи и требования командования, глубокий смысл обращений военных советов и других руководящих документов. Всеми формами политработы они стремились поднять моральный дух войск, воспитать и укрепить в солдатах волю, мужество, уверенность в победе.

Так было и на этот раз. Листовки с обращением Военного совета 1-го Украинского фронта поступили в войска в канун наступления. Но час «Ч», дата наступления не для всех войск были одинаковыми. Наша букринская группировка, расположенная южнее Киева, перешла в наступление 1 ноября 1943 года. После 40-минутной артиллерийской подготовки войска 40-й армии под командованием генерал-лейтенанта Ф. Ф. Жмаченко и 27-й армии, которой командовал генерал-лейтенант С. Г. Трофименко, атаковали вражеские позиции, но успеха не имели. Лишь на отдельных участках они продвинулись до полутора километров. Прорвать глубоко эшелонированную оборону противника им так и не удалось. Несмотря на незначительный территориальный успех, наступление южнее Киева сыграло свою роль. Не имея никакого превосходства в силах и средствах, наша букринская группировка своими наступательными действиями сковала резервы противника, задержав их переброску в район севернее Киева.

А тем временем на лютежском плацдарме наша ударная группировка готовилась к решающему наступлению. В войсках

нарастал боевой подъем.

Совсем недалеко от переднего края противника, в районе села Ново-Петровцы, наши саперы оборудовали наблюдательный пункт фронта. Отсюда хорошо просматривалась местность на направлении главного удара.

Перед наступлением Военный совет фронта собрал накоротке командиров войсковых соединений, сосредоточенных на лютежском плацдарме. Генерал армии Н. Ф. Ватутин уточнил боевую задачу ударной группировки и отдал последние распоряжения.

В войска направились заместитель командующего фронтом генерал-полковник А. А. Гречко, член Военного совета по тылу генерал-майор Н. Т. Кальченко, начальник политуправления генерал-майор С. С. Шатилов и другие руководящие работники. Я выехал в 60-ю армию. На окраине колхоза «Приднепровский» я разыскал командующего 60-й армией генерал-лейтенанта И. Д. Черняховского. Вместе с ним находились член Военного совета генерал-майор В. М. Оленин, начальник штаба генерал-майор Г. А. Тер-Гаспарян и начальник политотдела армии генерал-майор К. П. Исаев.

Об Иване Даниловиче Черняховском как о талантливом и растущем военачальнике я слышал раньше, но видеть его довелось впервые. Иван Данилович был свежевыбрит, подтянут, ладно сидело на нем обмундирование. Подчиненные стремились ему подражать. Всюду чувствовалась войсковая четкость. Генерал Черняховский протянул мне руку и поздоровался, будто с давним знакомым.

— В обиде я на вас, фронтовые товарищи, — блеснув темно-карими глазами, заявил Черняховский. — Так и передайте Николаю Федоровичу. Он знает, как настойчиво я рвался на 1-й Украинский фронт, надеясь, что с 60-й армией буду непосредственно участвовать в освобождении Киева. А нас подальше от города отодвинули. — Иван Данилович помолчал, размеренно постукивая ладонью по карте, и, вздохнув, произнес: — Ведь с Киевом связаны лучшие годы моей жизни. Вся моя молодость там прошла.

Потом я узнал, что тринадцати лет И. Д. Черняховский остался сиротой. Советская власть воспитала его. Иван Данилович учился в Киеве, окончил там артиллерийскую школу, а затем получил академическое образование. И. Д. Черняховский был человеком обаятельным, и встреча с ним произвела на меня большое впечатление.

Добрым словом хочется вспомнить члена Военного совета 60-й армии генерал-майора Василия Максимовича Оленина.

Кадровый политработник, воспитанник Военно-политической академии имени В. И. Ленина, он с 1929 года находился в рядах Красной Армии. Будучи военкомом 4-го воздушно-десантного корпуса, он в начале 1942 года принимал участие в десантной операции под Вязьмой и в труднейших условиях действовал во вражеском тылу, сражаясь с превосходящими силами гитлеровцев. В июле 1943 года Василий Максимович был назначен членом Военного совета 60-й армии. Он хорошо проявил себя в Курской битве и при форсировании Днепра. Опытный политработник, В. М. Оленин умел находить ключ к солдатской душе, и фронтовики любили его.

Когда мы с генералом В. М. Олениным пришли в подразделение 75-й гвардейской стрелковой дивизии (командир генерал-майор В. А. Горишний, начальник политотдела полковник И. А. Власенко), бойцы встретили Василия Максимовича как хорошего знакомого. Послышались одобрительные возгласы: "Наш комиссар прибыл!" По-вологодски окая, Василий Максимович начал беседу. Бесстрашный политработник, человек действия, он требовал от коммунистов личного примера в бою.

— Скоро начнется атака, — говорил генерал В. М. Оленин на партийном собрании перед началом операции. — Коммунисты призваны показать боевой пример. Помните, что все солдаты смотрят на вас. Если ненароком оробеешь перед атакой, сразу потеряешь авторитет. Большевику надобно собрать в себе всю волю и смело идти вперед, воодушевляя других словом и делом. Помните о своей главной партийной обязанности: в бою первый шаг делают коммунисты.

После собрания мы с Василием Максимовичем по установившемуся обычаю обошли перед началом наступления траншеи переднего края. Как показал боевой опыт, обход войск перед атакой является одной из эффективных форм политической работы. Так, например, на лютежском плацдарме на участке предполагаемого прорыва траншеи переднего края обходили командарм К. С. Москаленко и член Военного совета генерал-майор А. А. Епишев. Их появление на решающем участке и беседы с солдатами, готовившимися к атаке, еще более ободрили войска.

Во всех подразделениях, где побывали мы с генералом В. М. Олениным, Василий Максимович зачитывал обращение Военного совета 1-го Украинского фронта. Вот что говорилось в нем: "Товарищи! Перед нами Киев — мать городов русских, колыбель нашего Отечества. Здесь много веков назад зародилась наша могучая Русь. Здесь с оружием в руках отстаивали свободу и независимость русского и украинского народов наши отцы и

матери, наши деды и прадеды…

На этой земле расцвела культура народа Богдана Хмельницкого и Тараса Шевченко. Фабриками и заводами, театрами и университетами, школами и садами украсился Киев за время Советской власти… 25 месяцев фашистские хищники издеваются, грабят и убивают мирных советских граждан, жгут и уничтожают киевские фабрики и заводы, прекрасные здания и зеленые улицы, оскверняют и поганят памятники и могилы борцов нашей священной земли…

К героическим подвигам, к самоотверженности в бою зовет нас великий Киев. К мужеству, отваге и храбрости зовет нас многомиллионный советский народ".

Обращение заканчивалось пламенными словами: "За нашу Советскую Родину, за нашу свободу и счастливую жизнь, за Украину, за Киев — вперед, на разгром врага!"{12}.

Там, где позволяла обстановка, прошли короткие митинги. Каждый из нас не раз убеждался, что митинги перед боем являются одной из действенных форм политического воспитания, укрепления наступательного порыва воинов.

Не могу забыть митинг в одном из батальонов 75-й гвардейской стрелковой дивизии. Помню, слово взял рядовой Антипов.

— Было это дней десять назад, когда мы ворвались в село Копытинцы, сказал солдат. — Вы сами видели, что фашист сжег его дотла. Наш взвод ворвался в центр села. Продвигаюсь вперед, по канаве. Вдруг вижу, трупы лежат: старики и женщины. И вот из груды трупов выбирается окровавленная девочка. Маленькая такая, не больше десяти лет. "Дядя, спаси! Немцы убивают нас!" — жалобно закричала она. Этот крик и сейчас в моих ушах звенит. Пусть он всколыхнет и ваши сердца. Даю клятву перед вами и перед осиротевшей девочкой, что буду без пощады истреблять фашистских гадов.

До глубины души взволнованные рассказом однополчанина, воины решительно произнесли: "Смерть фашистским убийцам!"

Я смотрел на суровые лица фронтовиков, на горящие от гнева глаза и думал: "Атака бойцов будет яростной и неукротимой. Они бесстрашно ринутся на врага. Перед ними фашисты не устоят". А еще думал о том, как много таких пламенных агитаторов воспитала наша партия, как велико воздействие яркого образного слова на солдатские сердца.

Велика и почетна роль агитаторов на войне. Они охватывали политическим влиянием всю солдатскую массу. В различных условиях боя, в наступлении и обороне, они использовали короткие минуты затишья и непосредственно в траншее,

землянке или блиндаже, в лесу у походного костра проводили беседы с воинами, мобилизуя их на выполнение боевых задач. Хорошо зная солдат и сержантов подразделения, агитаторы умели потолковать с ними по душам, используя примеры и факты из боевой жизни родной части. В большинстве своем они говорили ярко, самобытно, доходчиво и в то же время кратко, потому что свободных минут на войне бывает слишком мало.

Политорганы постоянно учили агитаторов искусству большевистской работы в массах, и они достойно выполняли почетную роль активных проводников идей партии, помогая командирам и политработникам воспитывать воинов-патриотов, крепить в войсках дисциплину и организованность.

Сама фронтовая действительность поднимала в войсках волну ненависти к фашистским захватчикам. Перед нами стоял измученный и истерзанный немецкими оккупантами Киев. Через линию фронта к нам проникали вести о фашистском терроре и варварском разрушении столицы Советской Украины. Порой с риском для жизни пробирались к нам бесстрашные киевляне. "Вчера днепровский плес переплыла девушка, — сообщала фронтовая газета "За честь Родины". — Она рассказывала, что немцы взрывают дома вместе с людьми, загоняют в подвалы жителей и бросают туда гранаты. Они привезли в крытый рынок сотни людей, обреченных на смерть… Дорог не только каждый час — минута! Вспомним страшный рассказ киевской девушки. На час, на минуту раньше ворвемся в город — и сотни, тысячи наших братьев и сестер останутся на земле для жизни, для счастья, для радости. Скорее, скорее, на выручку!"

Все наши войска, готовые к штурму вражеских укреплений и освобождению Киева, были охвачены невиданным наступательным порывом.

В наступление!

3 ноября 1943 года развернулось сражение за Киев. Робко занимался рассвет, когда на вражеские позиции обрушился шквал огня. Сорок минут била артиллерия по переднему краю обороны врага, узлам сопротивления и важным целям. И вот огневой вал перенесен в глубину. Взлетели сигнальные ракеты, по траншеям прокатился призывный клич: "За Родину, за славный Киев, в атаку вперед!" Солдаты хлынули из траншей и, не дав противнику опомниться, бросились на его позиции.

— Хорошо пошли! — воскликнул командарм Черняховский, наблюдая за нарастающим наступлением. — Атака дружная.

После мощной и эффективной артиллерийской подготовки наша пехота на первых порах продвигалась почти беспрепятственно. Но затем сопротивление неприятеля возросло на всем участке 60-й армии. Усилился и минометно-артиллерийский обстрел. Пытаясь восстановить положение, гитлеровцы неоднократно переходили в контратаки.

На участке главного удара действовали 24-й стрелковый корпус, которым командовал Герой Советского Союза генерал-майор Н. И. Кирюхин, и 30-й стрелковый корпус, возглавляемый генерал-майором Г. С. Лазько. Прорвав оборону врага на фронте 20 километров, войска 60-й армии заняли населенные пункты Федоровка, Глебовка, Сычевка, Ровы, Ростесно и к вечеру завязали бой за овладение районным центром Дымер. Об этом командарм И. Д. Черняховский и я сообщили по ВЧ генералу армии Н. Ф. Ватутину. Командующий войсками фронта воспринял это с удовлетворением, но подчеркнул, что темпы продвижения надо увеличить, ибо от действий 60-й армии во многом зависит и успех 38-й армии, наступавшей непосредственно на Киев. Задача дня, указал Н. Ф. Ватутин, непременно должна быть выполнена.

В свою очередь и Николай Федорович поделился с нами новостями. 38-я армия, действовавшая на главном направлении, прорвала сильно укрепленную вражескую оборону и овладела дачами Пуща-Водица. Но противник оказывал ожесточенное сопротивление, вводил резервы, предпринимал яростные контратаки.

4 ноября я вернулся из 60-й армии в Ново-Петровцы. На КП фронта Н. Ф. Ватутин давал указания командующему 3-й гвардейской танковой армией генералу П. С. Рыбалко.

— Настал твой час, Павел Семенович, — сказал командующий войсками фронта. — Пора вводить в сражение и 3-

ю гвардейскую танковую. Ты сам, видимо, не раз убеждался, что чистого прорыва обычно не бывает. Танкистам приходится помогать пехоте прорывать неприятельскую оборону, а затем вводить в прорыв и свои главные силы. Медлить нельзя. Танковый кулак у тебя мощный. Громыхни им так, чтобы все тылы и коммуникации противника затрещали. Надеюсь на успех.

Второй день наступления отличался возросшим напряжением. Не считаясь с потерями, противник лихорадочно закрывал бреши, маневрировал резервами, вводил в бой новые части и соединения. Как мы и предполагали, находившаяся в ближайшем резерве 7-я немецкая танковая дивизия 4 ноября была брошена в контратаку и причинила нашим войскам немало хлопот. Особенным ожесточением отличались бои в районе дач Пуща-Водица. Стойко дрались в полуокружении подразделения 20-й гвардейской танковой бригады, возглавляемой гвардии полковником С. Ф. Шутовым, и другие наши части.

Данные воздушной разведки свидетельствовали о том, что из районов Белой Церкви и Корсунь-Шевченковского на север, к лютежскому плацдарму, движутся большие колонны немецко-фашистских войск. Надо было упредить врага.

Генерал армии Н. Ф. Ватутин, неослабно державший в своих руках все нити управления войсками, был спокоен, энергичен, находчив и тверд в решениях. Настойчиво и последовательно он наращивал удар на главном направлении, стремясь быстрее завершить прорыв тактической обороны гитлеровцев.

Если в первый день нашего наступления вместе с пехотинцами отличились артиллеристы, то во второй день героями наряду с пехотой и артиллерией стали танкисты.

Перед вводом подвижных частей в прорыв командующий войсками фронта 4 ноября направил танковым военачальникам следующую телеграмму: "Успешное выполнение задачи зависит в первую очередь от стремительности, смелости и решительности ваших действий. Ваша цель — не боясь оторваться от пехоты, стремительно двигаться вперед, смело уничтожать отдельные очаги противника, навести панику среди его войск. Стремительно преследовать их, с тем чтобы к утру 5 ноября 1943 г. нам занять Киев. Командирам всех степеней быть со своими частями и лично вести их для выполнения задачи"{13}.

Выполняя приказ командующего фронтом, генерал П. С. Рыбалко ввел в сражение 3-ю гвардейскую танковую армию. В первом эшелоне наступали 9-й механизированный корпус и часть сил 6-го гвардейского танкового корпуса. За ними следовал 7-й гвардейский танковый корпус.

Но это было лишь на первых порах. Когда удалось завершить

прорыв тактической обороны противника и перед нашими войсками открылся оперативный простор, 7-й гвардейский танковый корпус, возглавляемый генерал-майором танковых войск К. Ф. Сулейковым, обогнал наступавшие стрелковые части и начал стремительно развивать наступление. В середине дня корпус овладел населенным пунктом Берковец, а к 23 часам его передовые подразделения вышли в районе Святошино к шоссе Киев — Житомир.

Появление советских танков в тылу неприятеля, несомненно, оказало сильное психологическое воздействие на его войска, оборонявшие Киев. Генерал П. С. Рыбалко доносил, что подразделения 7-го гвардейского танкового корпуса дополнили внезапную ночную атаку световыми и шумовыми эффектами. Танки, развернувшись в линию, двигались вперед, прорезая ночную тьму ярким светом множества фар, ослепляя метавшихся в панике гитлеровцев. Включив воющие сирены и стреляя из пушек и пулеметов, наши экипажи ворвались в Святошино.

В течение всей ночи шел ожесточенный бой. К утру 5 ноября гвардейцы-танкисты окончательно перерезали шоссе Киев — Житомир, лишив противника важной коммуникации.

В районе Святошино, на подступах к городскому району Киева, проходил последний оборонительный рубеж врага. Оправившись от внезапного натиска, фашисты дрались с ожесточением. Но танкисты во взаимодействии с подразделениями 50-го стрелкового корпуса, которым командовал генерал-майор С. С. Мартиросян, разгромили оборонявшихся в этом районе гитлеровцев. Успешно действовала и 167-я стрелковая дивизия генерал-майора И. И. Мельникова, ворвавшаяся на западную окраину Киева в районе кинофабрики.

Утром 5 ноября с букринского плацдарма пришло сообщение, что противник снимает часть своих сил и, видимо, готовится перебросить их в район Киева. Но поздно спохватились гитлеровские генералы. Исход Киевской операции в основном был уже предрешен.

5 ноября в сражение вступил и 1-й гвардейский кавалерийский корпус генерала В. К. Баранова. Одновременно командующий 38-й армией генерал К. С. Москаленко ввел в бой свой второй эшелон — 23-й стрелковый корпус, которым командовал генерал Н. Е. Чуваков. Но попытки этих соединений с ходу форсировать реку Ирпень и развить наступление в западном направлении успеха не имели.

На этот участок выехал генерал А. А. Гречко. Он принял все необходимые меры для того, чтобы быстрее прорвать вражескую оборону на реке Ирпень и полностью снять угрозу вражеского

контрудара с северо-запада по нашей группировке, наступавшей непосредственно на Киев.

В бой вступила и 1-я отдельная чехословацкая бригада. Военный совет фронта с особым вниманием и заботой относился к чехословацкой бригаде. Лишь после настойчивых просьб и ходатайств командира бригады Л. Свободы было дано разрешение ввести ее в бой.

Под прославленным стягом бригады, на котором начертаны пламенные слова Яна Гуса "Правда победит!", полковник Людвик Свобода призвал чехословацких воинов:

— Сражайтесь за Киев так, как вы стали бы сражаться за Прагу и Братиславу. Именем наших народов и тысяч убитых и замученных — беспощадно истребляйте врага!

Здесь, в боях за Киев, продолжала крепнуть боевая дружба советских воинов с воинами 1-й отдельной чехословацкой бригады.

Вот что писал в газете «Правда» один из участников этих боев: "Братство по оружию, скрепленное кровью уже в первых совместных боях наших частей, не знает различия между серой шинелью красноармейца и зеленой — чехословака. Вот залегли рядом советский пехотинец и чехословацкий автоматчик. Распределяют задачи между собой оба взвода. Советский сержант исполняет приказ наших ротных, наш свободник восклицает: "Есть, товарищ сержант!" — и молниеносно отбегает с донесением. Русский старший лейтенант принимает пулемет у раненого словацкого воина Копичка, упавшего у его ног. Через минуту и он падает. Его кровь смешивается с кровью наших солдат. Но немцы уже не продвигаются ни на шаг. Их контратака сорвана, и наша пехота советская и чехословацкая — идет вперед"{14}.

Ввод в сражение 23-го стрелкового корпуса и других частей второго эшелона, в том числе и 1-й чехословацкой бригады, позволил наступающим войскам смять контратакующие части врага и ворваться на окраину Киева. Ломая сопротивление противника, решительно наступал и 5-й гвардейский танковый корпус генерала А. Г. Кравченко. Его 20-я танковая бригада овладела совхозом «Арсенал», а 22-я танковая бригада — территорией завода «Большевик». Экипажи 5-го гвардейского танкового корпуса ворвались в Киев с севера и запада.

Соединения 51-го и 50-го стрелковых корпусов вели ожесточенные уличные бои, уничтожая вражеские опорные пункты. В битве за Киев вновь отличилась 240-я стрелковая дивизия (командир Герой Советского Союза полковник Т. Ф. Уманский, начальник политотдела полковник П. Г. Терентьев).

Подразделения этого соединения в числе первых форсировали Днепр севернее Киева и под Лютежем захватили плацдарм. Именно с этого плацдарма и началось победное наступление советских войск на Киев. Герои Днепра были первыми и в боях за освобождение столицы Советской Украины. Политдонесение 240-й стрелковой дивизии гласило: "В боях за город Киев отважно и смело дрались с немецкими оккупантами вновь принятые в комсомол рядовые из нового пополнения ручные пулеметчики 9-й стрелковой роты 842-го стрелкового полка Чубур Дмитрий Лукич и Печура Иван Иванович. Стремительно и незаметно продвинувшись вперед, они поставили пулеметы на просеку и уничтожили при этом до 30 гитлеровцев.

Продвижению вперед наших пехотинцев мешал станковый пулемет противника, который вел фланкирующий огонь. Славный комсомолец Печура набрал гранат. С лютой ненавистью, кипевшей на сердце, он подполз вплотную к немецкому пулемету и бросил противотанковую гранату, уничтожив вражеский пулемет вместе с расчетом…

Комсомолец 3-й пульроты 836-го стрелкового полка красноармеец Дорохов, когда командир отделения был убит, встал во весь рост и крикнул: "За Родину, вперед на Киев!" Отделение поднялось за Дороховым и поставленную задачу выполнило".

Фронтовая газета "За честь Родины" в те дни сообщала: "Наступавшие с севера пехотинцы Полетаева штурмом прорвались в центр города, на улицу Кирова, на Крещатик, и чья-то рука на витрине углового здания мелом написала: "24.00. Первым вошел батальон Якушева. Да здравствует свободная Украина!"

Позже эта лаконичная надпись натолкнула работников Центрального архива Министерства обороны СССР на мысль установить имена первых героев, вошедших в Киев. После того как были проведены документные изыскания и запрошены многие участники боев за древний город, научный сотрудник архива В. Пережогин опубликовал эти данные в Военно-историческом журнале № 10 за 1963 год. Интересны, на мой взгляд, воспоминания бывшего командира взвода автоматчиков младшего лейтенанта Г. П. Саморукова, который в числе первых вошел в Киев. "Прорвавшись к центру города на Крещатик, — писал Г. П. Саморуков, — мы в 24.00 вышли к угловому дому, у которого с фасада по обеим сторонам находились два льва. Бойцы стали делать надписи на стенах дома, на ограде и прямо на тротуаре. Сейчас трудно вспомнить, кто именно делал надписи, но мне хорошо запомнилось, что писал командир роты старший лейтенант Гуськов. Писал и я".

Так на Крещатике появились надписи, об одной из которых сообщала фронтовая газета "За честь Родины".

Одновременно с упомянутым батальоном к Крещатику с боем пробивался и 3-й батальон 21-го стрелкового полка, которым командовал капитан А. Г. Козуто. Бойцы М. И. Бобров и И. А. Бугаенко первыми достигли здания Совнаркома УССР и водрузили на нем красный стяг. Командиры и политработники поручали это почетное задание лучшим из лучших.

Группа смельчаков из 4-й отдельной моторазведывательной роты 1-го Украинского фронта под командованием капитана Н. П. Андреева под покровом темноты 5 ноября скрытно выдвинулась в центр города, где еще находился противник, и незаметно пробралась к зданию, где ранее размещался Центральный Комитет Коммунистической партии Украины. В половине первого ночи 6 ноября разведчики Кирюхин, Погорелов и Дегтяренко укрепили на уцелевшем флагштоке Красное знамя.

Одними из первых прорвались в центральную часть Киева подразделения 5-го гвардейского танкового корпуса генерала А. Г. Кравченко, взаимодействовавшие с пехотинцами 38-й армии. Особенно отличился танковый батальон гвардии капитана Д. А. Чумаченко. Дерзко и стремительно ворвался на Крещатик танковый взвод гвардии старшины Н. Н. Шолуденко. Отважный танкист был родом из Киева. Здесь он учился и получил трудовую закалку. В уличном бою за освобождение родного города он пал смертью храбрых. Гвардии старшине Никифору Шолуденко посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Жители украинской столицы свято хранят память о своем замечательном земляке, верном сыне, пламенном патриоте Отчизны.

Ночным решительным штурмом наши воины к 4 часам утра 6 ноября 1943 года полностью овладели Киевом — крупнейшим промышленным центром и важнейшим стратегическим узлом вражеской обороны на правом берегу Днепра. Освобождению города и спасению его древнейших исторических памятников во многом способствовал глубокий обходный маневр 3-й гвардейской танковой армии генерала П. С. Рыбалко и других подвижных соединений фронта. Они перерезали не только шоссе Киев — Житомир, но и другие дороги, ведущие на запад. Для киевской группировки врага создалась угроза полного окружения. Противник начал поспешно отступать в юго-западном направлении.

6 ноября в 5 часов утра Военный совет фронта направил в Ставку донесение, в котором говорилось: "Город Киев полностью очищен от немецких оккупантов. Войска 1-го Украинского фронта продолжают выполнение поставленной задачи".

В то же утро мы с генералом армии Н. Ф. Ватутиным выехали в Киев. Николай Федорович много лет жил и работал в этом городе и помнил столицу Украины во всей ее довоенной красе. Теперь он с душевной болью молча глядел на пожарища и руины, на разрушенный Крещатик и обуглившиеся стены Дома обороны, на охваченный огнем университет. Наконец он нарушил молчание и гневно произнес:

— Что они, проклятые варвары, сделали с тобой, страдалец-Киев! За одно только это злодейство они заслуживают самой жестокой кары. — Обернувшись ко мне, добавил: — Пусть политуправление примет меры к тому, чтобы фронтовая печать, наши агитаторы рассказали бойцам о преступлениях фашистов в Киеве.

Гитлеровцы нанесли городу громадный ущерб. За два года своего хозяйничанья они разрушили 800 предприятий, 140 школ, 940 зданий государственных и общественных организаций, дворцов культуры и клубов. Перед своим отступлением оккупанты решили взорвать, сжечь, уничтожить и все остальные здания, стереть с лица земли украинскую столицу. Но стремительное наступление советских войск нарушило этот подлый замысел. Город был спасен.

В первые часы освобождения Киева, когда туда только что вошли части Красной Армии, город произвел на нас удручающее впечатление. Его улицы были полупустыми: фашисты угнали в лагеря и на каторгу значительную часть населения. Преследуя врага и перерезая ему пути отхода, наши войска вызволили из неволи многих киевлян, и уже во второй половине дня жители начали возвращаться в родные дома. Киев с каждым часом становился многолюднее, оживленнее.

Изможденный, оборванный старик подошел к нам и горько заплакал. Сбивчиво и торопливо он поведал нам об ужасах фашистской оккупации.

— А как дальше будет, не вернется фашист? — спросил он.

Николай Федорович твердо ответил:

— Не вернется, не пустим, погоним дальше. Русские прусских всегда бивали. А с гитлеровцами у нас особый счет. Гром военный прогрохочет и над Берлином.

На площадях, где мы останавливались, вокруг машины командующего собирались местные жители, воины, и порой стихийно возникали короткие митинги. Узнав, что войсками 1-го Украинского фронта, освободившего столицу УССР, командует бывший начальник штаба Киевского особого военного округа генерал Н. Ф. Ватутин, люди оживлялись, слышались радостные возгласы и аплодисменты.

А Николай Федорович смущенно улыбался и жестами показывал на бойцов как на главных виновников торжества и творцов победы. Киевляне выражали благодарность родной ленинской партии и героической армии за освобождение от фашистского ига, за спасение их столицы.

Выдающуюся роль в разгроме врага сыграла наша славная Коммунистическая партия — партия Ленина. В самые тяжелые минуты войны, как и в дни побед, советские люди шли на бой с врагом, вдохновленные великими идеями социалистического патриотизма, который воспитала в каждом из нас Коммунистическая партия.

В боях за Киев, за освобождение Украины коммунисты были душой советских войск. Они находились в первых рядах борцов против фашизма на фронте, в подполье и в тылу. В войсках фронта 25 тысяч воинов вступили в партию только в дни подготовки к штурму города. Политические работники, партийные и комсомольские организации вели большую организаторскую и идеологическую работу в войсках, поднимали их боевой дух, вселяли уверенность в нашей победе над фашистскими захватчиками.

Политработа в войсках была тем могучим оружием партии, которое умножало ударную силу армии и способствовало достижению победы.

День 6 ноября 1943 года, когда наши войска освободили столицу Советской Украины, был насыщен многими событиями. Но задерживаться в Киеве нам не пришлось. Во второй половине дня мне потребовалось выехать в 3-ю гвардейскую танковую армию, которая совместно с 38-й развивала наступление в юго-западном направлении. По дороге на Фастов в одной из крестьянских хат-мазанок разыскал генерала П. С. Рыбалко и члена Военного совета армии генерала С. И. Мельникова. Едва успел я поздороваться с ними, как Семен Иванович пригласил меня в соседнюю комнату, где связист настраивал радиоприемник на московскую волну. И вот диктор торжественно читает приказ Верховного Главнокомандующего об освобождении Киева войсками 1-го Украинского фронта. Собравшиеся у приемника с огромным волнением внимали словам приказа: "Со взятием Киева нашими войсками захвачен… наивыгоднейший плацдарм на правом берегу Днепра, имеющий важное значение для изгнания немцев из Правобережной Украины.

В боях за освобождение города Киева отличились войска генерал-полковника Москаленко, генерал-лейтенанта Черняховского, танкисты генерал-лейтенанта Рыбалко, летчики генерал-лейтенанта авиации Красовского и артиллеристы

генерал-майора артиллерии Королькова".

Свыше 60 отличившимся соединениям и частям, в том числе 6-му и 7-му гвардейским танковым корпусам 3-й гвардейской танковой армии, присваивалось почетное наименование Киевских. За успешные боевые действия многие соединения были награждены орденами Красного Знамени, а 1-ю отдельную чехословацкую бригаду Советское правительство отметило орденом Суворова II степени.

Уместно будет сказать, что с 12 октября по 7 ноября 1943 года в войсках фронта было вручено 17479 орденов и медалей. Родина увенчала высоким званием Героя Советского Союза более 660 солдат, сержантов, офицеров и генералов.

Москва салютовала войскам, освободившим Киев, двадцатью четырьмя артиллерийскими залпами из трехсот двадцати четырех орудий. Это был самый крупный салют со времени учреждения такого почетного ритуала.

Когда в радиоприемнике стих грохот московского торжественного салюта, генерал П. С. Рыбалко, прислушавшись к гулу усиливающегося в Фастове боя, сказал:

— А наш боевой салют продолжается!

6 ноября 7-й гвардейский танковый корпус овладел Васильковом. При этом отличились 23~я гвардейская мотострелковая (командир полковник А. А. Головачев), 55-я (командир подполковник Д. А. Драгунский) и 56-я (командир подполковник Т. Ф. Малик) гвардейские танковые бригады. Затем корпус успешно продолжал боевые действия. Бросок танкистов был так стремителен, что на одном из вражеских аэродромов гвардейцы захватили десять немецких исправных самолетов. Развивал наступление и 6-й гвардейский танковый корпус.

91-я отдельная танковая бригада, возглавляемая энергичным и мужественным полковником И. И. Якубовским, к 18 часам 6 ноября достигла Фастова, являвшегося крупным узлом железных дорог и важным опорным пунктом обороны противника, и ворвалась на окраину города. О полковнике Иване Игнатьевиче Якубовском, впоследствии Маршале Советского Союза, уже тогда шла молва как о бесстрашном, искусном командире. Возглавляемая им 91-я отдельная танковая бригада прославилась во многих боях Отечественной войны, в том числе и в легендарной битве на Волге.

Авангардный батальон капитана В. С. Гусева, что первым ворвался на восточную окраину Фастова, был поддержан боевыми действиями других подразделений бригады И. И. Якубовского. Танковый батальон майора П. В. Лусты совместно с автоматчиками батальона Х. Г. Мустафаева совершил обходный

маневр и, атаковав Фастов с севера, ворвался на железнодорожную станцию, разгромил стоявшие там вражеские эшелоны.

Успех передового отряда армии был развит частями 6-го гвардейского Киевского танкового корпуса. В ночь на 7 ноября в Фастове, оборонявшемся довольно крупными силами противника, продолжались ожесточенные бои.

Овладев железнодорожным узлом и городом Фастов, наши танкисты захватили большие трофеи. На станции находились также и эшелоны с оборудованием киевских предприятий, которые оккупанты намеревались вывезти в Германию. По распоряжению Военного совета фронта это драгоценное оборудование было немедленно возвращено его истинным владельцам — государственным заводам и фабрикам Киева.

Кроме 91-й отдельной танковой бригады в боях за овладение этим важным опорным пунктом обороны противника на юго-западном направлении отличились части 6-го гвардейского танкового корпуса: 51-я гвардейская танковая бригада подполковника М. С. Новохатько, 52-я гвардейская танковая бригада подполковника М. Л. Плеско, которого сменил подполковник В. Г. Гусев, 53-я гвардейская танковая бригада полковника В. С. Архипова, а также 22-я гвардейская мотострелковая бригада полковника Н. Л. Михайлова. Танкисты, освободившие Фастов 7 ноября, порадовали Родину замечательным боевым подарком.

За мужество, проявленное в боях с немецко-фашистскими войсками, И. И. Якубовский, П. В. Луста, Х. Г. Мустафаев, А. И. Фофанов, а также механик-водитель 344-го танкового батальона П. А. Конев получили звание Героя Советского Союза. Многие солдаты и офицеры были награждены орденами и медалями.

Войска 1-го Украинского фронта наращивали боевые усилия. На Житомир стремительно продвигался 1-й гвардейский кавалерийский корпус генерала В. К. Баранова. Оторвавшись от пехоты, конники шли по тылам врага, перерезая его коммуникации, громя штабы и захватывая пленных.

Успешно развивал наступление на Паволочь 7-й гвардейский танковый корпус 3-й гвардейской танковой армии. Командир разведвзвода А. Серажимов из 55-й гвардейской танковой бригады захватил пленных. Они сообщили важные сведения о том, что из Франции, с побережья Ла-Манша, под Фастов и Белую Церковь переброшена полностью укомплектованная 25-я немецкая танковая дивизия. Мотопехотные подразделения этого соединения, ничего не подозревая, двигались по шоссе походной колонной к Фастову. А параллельно, по грунтовой дороге,

углублялись в тыл врага наши гвардейцы-танкисты. Отправив командиру корпуса донесение о показаниях пленных и о сложившейся обстановке, командир 55-й гвардейской танковой бригады гвардии подполковник Д. А. Драгунский внезапно атаковал врага. Гвардейцы расстреливали гитлеровцев в упор, давили их гусеницами боевых машин, таранили вражеские бронетранспортеры и разбивали грузовики. В стане противника, понесшего огромные потери в живой силе и технике, вспыхнула паника. Но это было лишь началом разгрома. Вступившие в бой главные силы 7-го гвардейского танкового корпуса и сражавшиеся в районе Фастова части 6-го гвардейского танкового корпуса нанесли гитлеровцам сокрушительный удар. Наши войска разгромили новое резервное соединение врага, переброшенное с Западного театра военных действий.

В связи с этим небезынтересны признания фашистского генерала Ф. Меллентина. Вот как он описывает бесславный конец 25-й немецкой танковой дивизии под Фастовом: "Днем 7 ноября передовой отряд 146-го мотострелкового полка встретил южнее Фастова русские танки Т-34 и обратился в паническое бегство, В страшном беспорядке эти необстрелянные части бежали… им с большим трудом удалось оторваться от русских, уничтоживших почти весь их транспорт… 25-я танковая дивизия понесла настолько тяжелые потери в личном составе и технике, что в течение нескольких недель не могла использоваться ни в каких наступательных действиях"{15}.

Но обстановка на этом участке по-прежнему оставалась напряженной. Наша разведка обнаружила крупные колонны немецко-фашистских войск, продвигавшихся в общем направлении на Фастов. Противник концентрировал свои силы также и в районе Белой Церкви. Все это свидетельствовало о том, что гитлеровцы готовят контрудар, намереваются срезать киевский клин.

Исключительно ожесточенный характер приняли бои за Фастов. Войска 3-й гвардейской танковой армии стойко защищали отвоеванный город. В боях применялись подвижные танковые заслоны. Наши экипажи уничтожали врага из засад, укрывая и маскируя боевые машины в окопах полного профиля. Сочетая огонь и маневр, воины наносили гитлеровцам огромный урон и стойко удерживали завоеванные рубежи.

Во время напряженных боев под Фастовом мы с членом Военного совета 3-й гвардейской танковой армии генералом С. И. Мельниковым прибыли на наблюдательный пункт одной из частей. С НП хорошо просматривалась высота 225,5, ставшая неприступной для танков и пехоты врага. В районе этой высоты

огневые позиции занимала первая батарея 386-го истребительно-противотанкового артиллерийского полка, которой командовал коммунист младший лейтенант И. С. Пухов. Когда утром к Фастову ринулись поддержанные фашистской авиацией вражеские «тигры», расчеты батареи Пухова встретили противника уничтожающим огнем.

Гитлеровцы, не считаясь с потерями, лезли напролом. В критический момент боя внезапно смолкло одно орудие. Из строя выбыли наводчик и командир расчета. Тогда находившийся поблизости младший лейтенант Иван Пухов бросился к замолчавшему орудию. «Тигр» уже рядом. Еще секунда, другая — и он сомнет пушку. Но офицер успел дослать снаряд и навести орудие. Грянул выстрел вражеский танк вспыхнул. Затем отважный артиллерист подбил еще одну приближавшуюся вражескую машину. Всего батарея И. С. Пухова уничтожила на подступах к высоте восемь фашистских танков. Противник отступил.

Стрелковые соединения 38-й армии, выдвинувшиеся в район Фастова, помогли танкистам и артиллеристам более прочно закрепиться на завоеванных рубежах. Однако Военный совет фронта тревожило положение, сложившееся на левом крыле фронта. Неутешительное донесение поступило от командира 5-го гвардейского танкового корпуса генерала А. Г. Кравченко. Его части и соединения (20, 21, 22-я гвардейские танковые и 6-я гвардейская мотострелковая бригады, 48-й гвардейский тяжелый танковый и 4-й гвардейский артиллерийский полки), наступая с 6 по 11 ноября в направлении Васильков, Гребенки, Белая Церковь и в районе Германовка, Красное, Гребенки, Сливонки, подверглись атакам превосходящих танковых сил врага.

Николай Федорович Ватутин попросил меня поехать к генералу А. Г. Кравченко. Погода выдалась прескверная. Все кругом заволокло туманом. Шофер И. В. Гойчик с неимоверным трудом вел машину по раскисшим от дождя проселочным дорогам. Возле маленького мостика машина забуксовала. Водитель выскочил из кабины и, наломав охапку ветвей, бросил ее под колеса. Машина вырвалась наконец из трясины.

Под вечер мы добрались до деревни Кодаки, где находился штаб 5-го гвардейского танкового корпуса. В хате было сильно накурено, сизая табачная завеса застилала трепетный свет каганца. Генерал А. Г Кравченко поднялся из-за стола и доложил, что поставленную перед корпусом задачу до сих пор выполнить не удалось. Противник вводит все новые силы, натиск его нарастает.

О трудной обстановке, сложившейся на этом участке, я уже

знал и поэтому коротко спросил:

— А отвоеванное удержите? Учтите, что от вашей стойкости во многом зависит и судьба Киева.

— Будем драться как положено и стоять насмерть! — заявил Андрей Григорьевич.

Так он сказал не ради красного словца. Начальник политотдела корпуса полковник И. Н. Плотников в беседе со мной сообщил, что командиры, политработники и весь личный состав частей настойчиво добивались успешного исхода боя, проявляя твердость, решительность и непреклонную волю к победе. Он высоко отозвался о боевых качествах командиров бригад С. Ф. Шутова и К. И. Овчаренко, политработников М. Ф. Молярова, Г. С. Полукарова, Н. П. Молоканова и других. В этих боях танкисты проявляли массовый героизм.

К разговору присоединился генерал А. Г. Кравченко. Он рассказал, что буквально накануне моего приезда гвардии капитан Д. А. Чумаченко уничтожил в бою минометную батарею врага и проутюжил позиции, занимаемые фашистской пехотой. Но замаскированная в засаде немецкая пушка подожгла его танк. Однако и тогда боевая машина не остановилась. Выполняя приказ командира, механик-водитель Николай Нечитаев на предельной скорости повел танк в последнюю атаку. Смяв злополучную противотанковую пушку гитлеровцев и расстреливая метавшихся по деревне фашистских автоматчиков, пылающая машина прорвалась к своим. Из прокопченной тридцатьчетверки с трудом выбрались раненые и обгоревшие танкисты во главе с гвардии капитаном Дмитрием Чумаченко.

Мужественно и стойко сражались с превосходящими силами гитлеровцев подразделения 21-й и 22-й гвардейских танковых бригад и других частей 5-го гвардейского танкового корпуса.

— Многие наши люди погибли в последних боях, — покачав головой, горестно произнес Андрей Григорьевич. — На днях мы потеряли командира бригады Кузьму Ивановича Овчаренко. Этот храбрый и заслуженный офицер воевал с белофиннами, сражался на Волге, был на Курской дуге и под Киевом. Не стало и начальника политотдела танковой бригады Георгия Степановича Полукарова.

Генерал сумрачно задумался, потом, вздохнув, добавил:

— Да, утраты большие, тяжелые. Особенно в двадцать первой гвардейской танковой бригаде, принявшей на себя главный удар превосходящих сил врага.

Я внимательно посмотрел на Андрея Григорьевича и заметил, что он очень устал. Лицо его почернело от бессонницы, глаза ввалились. На войне А. Г. Кравченко не щадил себя. Еще в 1941

году генерал-лейтенант танковых войск П. В. Волох так охарактеризовал этого замечательного танкиста: "Решительный, волевой командир, умеет личным примером воодушевить подчиненных".

Вместе с Кравченко и Плотниковым мы побывали в некоторых частях, которые вели напряженные бои, и я убедился, как появление командира корпуса поднимало дух и стойкость танкистов, вселяло в них уверенность в боевом успехе. Там, где крайне необходимо, он помогал своим резервом, хотя его почти не было. Несмотря на трудное положение, танкисты стойко обороняли рубежи, прикрывая с юга левый фланг наших войск и Киев.

Возвращаясь из 5-го гвардейского танкового корпуса в штаб фронта, я по пути заехал к командующему 3-й гвардейской танковой армией генералу П. С. Рыбалко.

— Что нового, Павел Семенович? — спросил я.

— Новые немецкие дивизии, — невесело пошутил командарм, — и преимущественно танковые. К сожалению, это обстоятельство в штабе фронта во внимание не принимается…

Рыбалко раскрыл папку с документами и, отыскав нужный листок, протянул его мне:

— Прочитай, пожалуйста, Константин Васильевич.

Я начал читать: "10 ноября 1943 года. Лично тов. Рыбалко. 1. Противник вывел: в районе южнее Фастова — 25-ю тд; в районе Гребенки, Винницкие Ставы — тд. «Рейх» (по вашему донесению, 6-ю тд), начал выводить с букринского плацдарма 3-ю тд. Одна ее рация вчера к вечеру отмечена в Кагарлыке. Других частей противника против вас пока не отмечается".

Обратив мое внимание на последнюю фразу, Рыбалко воскликнул:

— Как же так других частей не отмечается? Ведь кроме двадцать пятой немецкой танковой дивизии, переброшенной на наш участок из Франции, к Фастову выдвигается, как показали пленные, танковая дивизия СС "Адольф Гитлер". Мы послали в штаб фронта донесение, но просим и вас, Константин Васильевич, проинформировать командующего, что противник сосредоточивает большие силы. Дело пахнет не усиливающимися сейчас контратаками, а мощным и нарастающим контрударом с далеко идущими целями.

Я продолжал читать документ: "Намерения противника, видимо, сводятся к тому, что он хочет захватить ж.-д. узел Фастов, который для него имеет исключительное значение.

2. Все войска севернее Вас продолжают наступление, захватывая много трофеев.

3. Не приостанавливая наступления Пухова, Черняховского и Москаленко, я решил в самое короткое время разбить противника в районе Фастов, Белая Церковь и во что бы то ни стало сдвинуть вперед Жмаченко и Трофименко (речь идет о 40-й и 27-й армиях, находившихся в то время на букринском плацдарме. — К. К.).

…Вы же в районе Фастова пока возложенные на Вас задачи не выполнили и тем ухудшили наше общее положение. Поэтому я торопил Москаленко с выходом в район Фастова…

Ваша задача с утра 11.11.43 г. возобновить стремительное наступление на Казатин, который прочно занять не позднее 13–14 ноября. Это я Вам подтвержу директивой.

Занятый Вами район Попельня, Паволочь удерживать и вести разведку теперь же дальше…

При действиях на Казатин требую решительности и стремительности, иначе Вас уже значительно обогнала пехота… Н. Ватутин".

— Недочеты у нас, разумеется, есть, — глухо произнес генерал Рыбалко, и мы заслуживаем суровой критики. Но зачем танкистов бросать на Казатин, когда при этом можно и Фастов потерять. И где, наконец, та самая пехота, которая якобы обогнала нас?! В район Фастова подходят стрелковые и артиллерийские части тридцать восьмой армии, но обогнать нас они пока не успели. Да и противник не пускает!..

Вернувшись на командный пункт фронта, переместившийся к тому времени на дачи Пуща-Водица, я поспешил проинформировать генерала Н. Ф. Ватутина о создавшемся положении под Фастовом и Белой Церковью.

— Какие новости привез? — еще в дверях нетерпеливо спросил меня Николай Федорович.

— К сожалению, хороших новостей нет.

— Знаю, — нахмурясь, произнес Ватутин. — В донесениях о многих неприятностях уже сообщено. Но правдивый рассказ очевидца подчас дополняет донесения такими данными, которые не всегда укладываются в строки документа.

Командующий войсками фронта и начальник штаба С. П. Иванов выслушали мою информацию о тяжелых боях под Фастовом и Белой Церковью. Николай Федорович сказал, что у него возникали серьезные опасения насчет наших возможностей на этом направлении, но он все же надеялся, что наступающие войска фронта смогут продвинуться вперед и если не овладеть Казатином, то все же улучшить положение.

Ставка Верховного Главнокомандования, пристально следившая за ходом Киевской операции, объективно оценила обстановку, сложившуюся на 11 ноября. В директиве от 12 ноября

1943 года Ставка предупредила командующего фронтом, что противник сосредоточивает в районе Фастов, Триполье танковую группировку, собирает силы для удара в направлении Фастов, Киев. Учитывая это обстоятельство, Ставка Верховного Главнокомандования приказала 1-му Украинскому фронту "своим центром временно приостановить продвижение на запад, всемерно усилить левое крыло 38-й армии на фронте Фастов, Триполье артиллерией, танками и инженерными частями и ни в коем случае не допустить здесь прорыва противника".

Ставка Верховного Главнокомандования и Генеральный штаб напомнили нам о важном принципе советского военного искусства, заключающемся в том, что всякое огульное продвижение вперед без учета соотношения сил и изменившейся боевой обстановки, без закрепления достигнутых успехов может привести к нежелательным последствиям.

Командующий и Военный совет фронта приняли меры по усилению наших войск в районе Фастов, Триполье. С букринского плацдарма были выведены некоторые дивизии 40-й и 27-й армий, а также некомплектные 8-й гвардейский и 10-й танковые корпуса. Все эти соединения были направлены на прикрытие Киева с юга.

Генерал армии Н. Ф. Ватутин обладал хорошим качеством самокритично оценивать свою деятельность. Изучив информацию, присланную из армий, он еще раз проанализировал сложную оперативную обстановку и принял правильное решение. Вызвав к прямому проводу генерала П. С. Рыбалко, он приказал ему временно приостановить наступление танкистов на Казатин. Отражая сильнейший натиск врага в районе Фастов, Белая Церковь и Триполье, советские войска закреплялись на достигнутых рубежах.

А достигнуто было немало. 1-й Украинский фронт, освободив Киев, за десять дней наступления продвинулся вперед на 150 километров, создав на Правобережной Украине плацдарм стратегического значения, общая площадь которого достигала 60 тысяч квадратных километров.

В один из ноябрьских дней 1943 года в Киеве состоялся массовый митинг трудящихся, посвященный освобождению столицы Советской Украины от немецко-фашистских захватчиков. Надо заметить, что митинги в освобожденных городах и крупных населенных пунктах и беседы в селах и деревнях являлись хорошей традицией и прочно вошли в практику. Эта массовая форма политработы давала возможность рассказать освобожденному населению о героической борьбе армии и народа с фашистскими захватчиками, вселить веру в нашу окончательную победу над ненавистным врагом, воодушевить

массы на самоотверженный труд по восстановлению разрушенного войной народного хозяйства, на всемерную помощь фронту.

С большим подъемом проходил 40-тысячный митинг киевлян. Несмотря на ненастную погоду, собравшиеся возле памятника Тарасу Шевченко жители восторженно приветствовали героев Киевской битвы. Военный совет фронта принял меры по обеспечению безопасности такого многолюдного собрания: на подступах к городу непрерывно патрулировали летчики-истребители из 2-й воздушной армии.

Затаив дыхание, слушали люди выступления командующего войсками фронта генерала армии Н. Ф. Ватутина, представителя Ставки Верховного Главнокомандования Маршала Советского Союза Г. К. Жукова, рабочего завода "Ленинская кузница" Е. А. Грачева, писателя Миколы Бажана и других.

Все выступления были пронизаны мыслью: фашизм будет разбит, и победит наше правое дело, страна будет освобождена, и партия Ленина сделает все для того, чтобы быстрее залечить тяжелые раны войны, сделать страну процветающей и счастливой.

Высоко оценив отвагу, мужество и ратное умение бойцов, командиров и политработников киевских дивизий и всех войск 1-го Украинского фронта, трудящиеся столицы УССР поклялись всемерно крепить единство армии и народа.

Свидетелем волнующих событий довелось мне быть и три десятилетия спустя, в ноябрьские дни 1973 года, когда Киев отмечал 30~ю годовщину освобождения города от фашистских захватчиков. Во Дворце культуры «Октябрьский» состоялось торжественное собрание представителей трудящихся города-героя и области, воинов Киевского гарнизона. Член Политбюро ЦК КПСС, Первый секретарь Центрального Комитета Компартии Украины В. В. Щербицкий сердечно поздравил киевлян, всех трудящихся республики с знаменательным юбилеем и пожелал им славных побед на трудовом фронте.

Перед собравшимися выступили Маршал Советского Союза К. С. Москаленко и другие участники освобождения Киева. Бывший командир пулеметного взвода 1-й отдельной чехословацкой бригады Ладислав Килиан огласил приветствие генерала Людвика Свободы.

На юбилейных торжествах присутствовало много ветеранов, хорошо знакомых мне по 1-му Украинскому фронту. Среди них были Герой Социалистического Труда генерал-полковник технических войск в отставке П. А. Кабанов, дважды Герой Советского Союза генерал-лейтенант танковых войск в отставке З. К. Слюсаренко, Герои Советского Союза генералы С. С.

Мартиросян, Т. Ф. Уманский, полковник М. К. Пилипенко, бывший санинструктор 835-го стрелкового полка Герой Советского Союза М. З. Щербаченко и другие.

В парке Вечной славы мы вместе с Маршалом Советского Союза К. С. Москаленко и другими ветеранами возложили от имени Министерства обороны СССР венок на могилу Неизвестного солдата, а затем направились к памятнику генералу армии Н. Ф. Ватутину, возложили цветы и почтили светлую память талантливого военачальника, дорогого и близкого нам человека.

Побывали мы на местах былых сражений, в том числе и в Ново-Петровцах, где в свое время находился командно-наблюдательный пункт 1-го Украинского фронта. Теперь там сооружен памятник-музей воинам-освободителям Киева и на мраморных плитах высечены наименования частей, отличившихся в Киевской наступательной операции. Бережно сохраняются и фронтовые блиндажи. Мы с удовлетворением узнали, что совхоз в Ново-Петровцах носит славное имя генерала армии Н. Ф. Ватутина.

К исходу первой декады ноября 1943 года у нас сложилась довольно своеобразная обстановка. На левом крыле фронта в районе Фастова наши части отражали сильный натиск танковых дивизий противника, а войска правого крыла по-прежнему продвигались вперед. Сломив сопротивление врага на житомирском направлении, 1-й гвардейский кавалерийский корпус генерала В. К. Баранова во взаимодействии с 23-м стрелковым корпусом 38-й армии с ходу форсировал реку Тетерев, овладел Коростыневом и ворвался в Житомир.

В результате упорных боев к 17 часам 12 ноября наши войска освободили крупный областной центр Украины и важный узел железных и шоссейных дорог город Житомир. При этом было захвачено много вражеских автомашин, орудий, крупные склады боеприпасов, горючего, продовольствия и другие трофеи.

Успешно наступала и 13-я армия, еще ранее форсировавшая Припять. На коростеньском направлении развивала наступление 60-я армия.

Перебросив из Франции, Италии и других стран Западной Европы, а также с соседних участков советско-германского фронта немало дивизий, особенно танковых, немецко-фашистское командование предприняло мощное контрнаступление, намереваясь ликвидировать киевский плацдарм и восстановить свои прежние рубежи по берегу Днепра.

Обо всех изменениях в сложной обстановке командующий и штаб 1-го Украинского фронта докладывали в Ставку Верховного

Главнокомандования. Но в одном из донесений по вине работников штаба оказались неточные данные об оперативной обстановке в районе Фастов, Гребенка, Брусилов, за что Верховный Главнокомандующий строго наказал некоторых руководящих работников фронта.

Из этого сурового урока командующий и Военный совет, штаб и политуправление фронта сделали надлежащий вывод. Собрав руководящий состав, Николай Федорович Ватутин сказал:

— На войне более чем где-либо нужна правда. Любая неточность, приукрашивание действительности могут привести к тяжелым последствиям. В большом и малом мы должны быть объективны, точны, правдивы. Прежде чем сообщать о взятии того или иного населенного пункта, надо хорошо в этом убедиться, все точно узнать, а потом уж доносить. Победы нужны не на бумаге, а в действительности, и никак нельзя вначале доносить, а потом уж уточнять. Любая недостоверность должна быть исключена из нашей боевой деятельности.

Военный совет фронта обязал военные советы армий, командиров всех степеней и политорганы использовать все средства для повышения боеспособности частей и морального духа воинов, приложить все силы к регулярной доставке в войска первой линии боеприпасов, горючего и продовольствия, а также ускорению ремонта танков, артиллерийских орудий и другой техники.

Нас очень беспокоили потери в личном составе, а также уменьшение численности коммунистов и комсомольцев. В ходе длительного наступления и тяжелых оборонительных боев на киевском направлении некоторые первичные и низовые партийные и комсомольские организации стали малочисленными. Чтобы восполнить потери, пришлось изыскивать резервы непосредственно в ходе операции, даже прибегнуть к своеобразной мобилизации членов ВКП(б) перебросить значительную их часть из тыловых учреждений в полки, сражавшиеся на главных участках и направлениях.

Перед коммунистами, посланными в войска первой линии, политорганы ставили задачу личными действиями показывать воинам пример успешного выполнения приказов командования. В одном из ноябрьских номеров фронтовая газета "За честь Родины" напечатала напутственные слова В. И. Ленина: "Для тех, кто отправляется на фронт, как представители рабочих и крестьян, выбора быть не может. Их лозунг должен быть — смерть или победа. Каждый из вас должен уметь подойти к самым отсталым, самым неразвитым красноармейцам, чтобы самым понятным языком, с точки зрения человека трудящегося, объяснить

положение, помочь им в трудную минуту, устранить всякое колебание, научить их бороться…"

Иногда спрашивают: считать ли личный пример в бою политработой? Конечно, да! И притом самой массовой и действенной политработой, когда слова подкрепляются воодушевляющими боевыми делами. Личный пример коммуниста и комсомольца — это одна из сильных форм проявления твердости, несокрушимой воли партии в борьбе с врагами, одна из самых убедительных форм агитации в бою.

Когда под Фастовом противник ввел в действие свежие резервные соединения и предпринял мощный танковый контрудар, среди наших войск имели место отдельные случаи недостаточной стойкости. В трудные, а подчас и критические моменты боя командиры и политработники делали все возможное, чтобы помочь солдатам преодолеть колебания, укрепить уверенность в своих силах и отстоять завоеванные рубежи. Войска левого крыла фронта с честью выполнили труднейшую задачу, отразив в районе Фастова все атаки превосходящих сил врага.

Войска центра, руководствуясь директивой Ставки от 12 ноября 1943 года, приостановили наступление и поспешно закреплялись на местности, сдерживая натиск гитлеровцев. Не добившись успеха под Фастовом, немецко-фашистское командование сосредоточило в районах Корнина и Ходоркова крупную танковую группировку и 13 ноября нанесло мощный контрудар.

Противник бешено рвался к Брусилову, стремясь выйти на шоссе Киев Житомир, чтобы разрушить эту важную коммуникацию, а затем расчленить наши войска, отрезать житомирскую группировку. Развернулось ожесточенное сражение. Сотни фашистских танков атаковали наши позиции. С новой силой прозвучали призывы: "Ни шагу назад! Отстоим родной Киев!", "Не отдадим фашистам ни пяди родной земли! Стоять насмерть!", "Будьте стойкими и непоколебимыми! Не дадим врагу прорваться к Днепру!" Вся деятельность командиров и политорганов была подчинена этой боевой задаче.

Победа в бою во многом зависит от умелого и твердого руководства. Наша пропаганда и агитация были направлены на то, чтобы внушить каждому воину, что боевой приказ командира — железный закон. Он должен быть выполнен, несмотря ни на какие трудности. В сложной боевой обстановке политработа не прекращалась, а лишь принимала иные формы. Коммунисты и комсомольцы, выполняя данные им поручения, информировали воинов о ратных успехах, ободряли их, воодушевляли словом и

личным примером.

В одной из частей 60-й армии мне показали гильзу противотанкового патрона с вложенной в нее листовкой. На квадратике бумаги цветным карандашом было написано: "Боец Соболев первым ворвался в расположение противника и увлек за собой товарищей. При контратаке фашистских танков и пехоты рядовой Соболев проявил стойкость и защитил свой окоп, уничтожив шесть гитлеровцев. Враг не прошел". В приписке говорилось: "Товарищ, вложи снова листовку в гильзу и перебрось к соседу".

Командование наградило бойца орденом Красной Звезды.

При отражении контрнаступления врага, особенно в борьбе с танками, большую роль сыграли артиллерийско-противотанковые резервы и подвижные отряды заграждения. По всему фронту гремела слава о героических делах воинов 32-й гвардейской отдельной истребительно-противотанковой артиллерийской бригады РГК, которой командовал энергичный 27-летний полковник И. В. Купин, считавшийся одним из лучших командиров истребительно-противотанковой артиллерии.

Мне хорошо знакома эта бригада, прошедшая в составе фронта боевой путь от Дона до Вислы. Личный состав ее мужественно сражался под Касторной, Старым Осколом, Белгородом, Харьковом, Богодуховом, Ахтыркой, Тростянцом, участвовал в освобождении городов Ромны, Лохвица, Пирятин, Яготин, Переяслав и отличился в боях на букринском плацдарме.

Мне не раз приходилось видеть эту бригаду в бою. Ее воины обладали такими замечательными качествами, как хладнокровие, точность, мастерство. Они всегда подпускали танки противника поближе, чтобы бить их наверняка.

— Артиллерист, истребитель танков, — говорил мне полковник Купин, должен обладать быстротой реакции, большой волей, самообладанием, всегда быть уверенным в самом себе и в боевой технике, в силе и безотказности противотанковой артиллерии.

К моменту Киевской операции на счету артбригады уже имелось около 200 подбитых танков врага. Из-под Фастова вместе с другими частями она была переброшена в район Житомирского шоссе, на направление главного удара противника. Иптаповцы не пропустили неприятеля, подожгли и уничтожили десятки его танков.

В этом соединении сражалось немало замечательных людей. Заместителем командира бригады являлся сын легендарного героя гражданской войны подполковник Александр Васильевич Чапаев, проявлявший в боях стойкость, отвагу, готовность к

самопожертвованию. Командирами полков были опытные и мужественные подполковники В. И. Литвиненко и В. В. Ковин.

Защищая подступы к столице Советской Украины — Киеву, воины проявляли поистине массовый героизм. Приведу один из многочисленных примеров. Встав ночью в засаду, танковый экипаж младшего лейтенанта Василия Ермолаева встретил врага уничтожающим огнем. Запылали три немецких танка. Первая атака была отбита.

Но вот после сильного артиллерийского обстрела на наши позиции вновь двинулось несколько десятков танков противника. Под прикрытием брони шли гитлеровские автоматчики. Ожесточение боя нарастало. Башенный стрелок доложил командиру экипажа Ермолаеву, что у него остался всего лишь один подкалиберный снаряд, остальные — осколочные.

Последний бронебойный снаряд точно послан в цель… Головной танк врага вспыхнул, но другие продолжали наступать. Один из «тигров» почти в упор выстрелил по нашей тридцатьчетверке и поджег ее. Враги ликовали, считая, что последний очаг сопротивления подавлен и путь открыт. Однако они просчитались. Пылающая советская машина вдруг стремительно рванулась наперерез «тигру» и пошла на таран…

Ценой своей жизни самоотверженные танкисты преградили фашистам путь к столице Украины. Указом Президиума Верховного совета СССР командиру танка младшему лейтенанту Василию Антоновичу Ермолаев и механику-водителю сержанту Андрею Александровичу Тимофееву было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Приказом Министра обороны СССР два славных героя-кантемировца навечно зачислены в списки родной части.

В дни тяжелых оборонительных боев случалось, что некоторые подразделения ослабляли меры охранения, нарушали взаимодействие с соседями, не проявляли необходимой стойкости при обороне своих позиций. В результате противник вновь захватил Житомир и Радомышль.

За сдачу противнику этих городов Военному совету 1-го Украинского фронта крепко досталось от Ставки Верховного Главнокомандования. Она решительно потребовала улучшения управления войсками.

На совещании руководящих работников фронта генерал армии Н. Ф. Ватутин подробно проанализировал причины оставления нашими войсками Житомира и Радомышля. Он подчеркнул, что главной причиной была беспечность, зазнайство, ослабление бдительности и боевой готовности. Николай Федорович напомнил военачальникам, что надо постоянно и

твердо управлять войсками, изучать противника, внимательно присматриваться к его поведению, улучшать наземную и воздушную разведку, бдительно следить за противостоящей вражеской группировкой, чтобы снова не оказаться застигнутыми врасплох. Военный совет также обсудил этот вопрос.

Штаб фронта пристально следил за группировкой противника и ее поведением. Н. Ф. Ватутин не раз говорил начальнику разведотдела генералу И. В. Виноградову:

— Я должен точно знать, куда Манштейн бросит свои танки, куда нацелит главный удар. Важно уловить момент и успеть подтянуть артиллерию на угрожаемое направление, создать неодолимый противотанковый барьер.

Вражеская разведка тоже проявляла повышенную активность, пытаясь нащупать слабые места в нашей обороне. Однажды ночью в полосе фронта и наших ближних тылах высадились три группы немецких агентов-парашютистов, одетых в красноармейскую форму и имевших фиктивные документы советских военнослужащих. Органы контрразведки задержали и обезвредили шпионов. Но сам факт активизации гитлеровской разведки не мог не насторожить нас. Надо было еще раз обратить внимание командиров и политорганов на вопросы бдительности и сохранения военной тайны, укрепления дисциплины и порядка, повышения боеготовности войск.

В ноябре Военный совет доложил в Ставку, что перед 1-м Украинским фронтом действует, как это установлено всеми видами разведки, 31 дивизия противника, в том числе 10 танковых. В донесении предположительно указывалось, что главный удар противник, видимо, будет наносить 10–12 дивизиями из района Житомира вдоль шоссе Житомир — Киев. Вспомогательный удар ожидается вдоль шоссе Белая Церковь — Киев.

Как и предполагалось, ударный кулак танковых дивизий врага обрушился на наши части, оборонявшиеся в районе Житомирского шоссе. Не считаясь с потерями, противник рвался к Киеву. Пленные сообщали, что после захвата фашистскими войсками Житомира Гитлер приказал всемерно развивать успех и во что бы то ни стало овладеть Киевом. Неприятель по-прежнему ставил перед собой цель ликвидировать наш стратегический киевский плацдарм и отбросить советские войска за Днепр.

Кроме Житомира и Радомышля врагу удалось захватить города Черняхов, Коростышев, Брусилов. По шоссе Житомир — Киев противник продвинулся даже восточнее Кочерово и стоял всего в 60 километрах от столицы Советской Украины. В эти тревожные дни командующий войсками фронта генерал армии Н.

Ф. Ватутин, его заместитель генерал-полковник А. А. Гречко, все члены Военного совета, работники штаба и политуправления фронта предпринимали поездки в район боев, чтобы на месте оказать помощь войскам и принять меры по укреплению наиболее опасных участков. И хотя противник наращивал свои усилия и напряжение борьбы возрастало, стойкость советских войск повысилась, наши удары по врагу становились все сильнее.

Немецко-фашистская армия истекала кровью на наших оборонительных рубежах. В течение ноября вражеская сторона потеряла убитыми и ранеными около 90 тысяч солдат и офицеров. Кроме того, мы захватили в плен 5762 солдата и офицера, а также уничтожили немало боевой техники, особенно танков.

В связи с этим вспоминаются героические дела наших минеров. На участки, где наступал противник, их подвозили на машинах, и они минировали местность. Даже в тех случаях, когда танкам врага удавалось прорваться через нашу оборону, подвижные отряды заграждения спешили упредить противника и на дорогах, где двигались фашистские машины, быстро устанавливали противотанковые мины. Только с 11 по 21 ноября на минах подорвалось 75 немецких танков.

Но противотанковых мин, к сожалению, было мало. Не хватало также горючего. Перебои в снабжении войск происходили главным образом потом)/, что фронтовые и армейские базы находились на Левобережной Украине. Отступавшие гитлеровцы взорвали все железнодорожные и автомобильные мосты через Днепр. В период распутицы и из-за плохих грунтовых дорог автопарк и гужевой транспорт не справлялись с переброской огромного количества грузов.

По заданию Военного совета фронта в районе Киева чуть ли не на другой же день после освобождения города началось строительство железнодорожного моста через Днепр на деревянных свайных опорах. Ударную стройку осуществляли мостовики 3-го управления военно-восстановительных работ. Ее возглавлял член Военного совета фронта по тылу генерал Н. Т. Кальченко. Всеми работами руководили начальник железнодорожных войск фронта генерал П. А. Кабанов и главный инженер Г. И. Зингаренко.

Воины-железнодорожники и помогавшие им строители-киевляне, жители близлежащих сел проявляли трудовой героизм, работали днем и ночью, подчас в ледяной воде, на холодном ветру, в ненастье. Мне запомнился плакат, установленный в районе строительства моста. Он гласил: "Хочешь врага разбить на Днепре, задание свое выполняй вдвойне и втройне!"

На строительство железнодорожных мостов через реки обычно требуется много времени. Однако на этот раз мостовики добились исключительно высоких темпов работы. Боевое задание Военного совета было выполнено досрочно.

В приказе по войскам фронта говорилось: "20 ноября 1943 года в течение 13 суток построен низководный железнодорожный мост через р. Днепр у г. Киева длиной 1059 м. Мой приказ и приказ НКПС выполнен досрочно на 7 суток. Отмечая исключительные заслуги железнодорожных войск и спецформирований НКПС, в рекордно короткий срок построивших железнодорожный мост через р. Днепр, приказываю:

1. Всему личному составу железнодорожных войск и спецформирований НКПС 1 УФ, участвующих в постройке моста через р. Днепр, объявить благодарность…

2. Начальнику УВВР 1 УФ представить наиболее отличившихся на строительстве моста к награждению правительственными наградами"{16}.

Средний темп сооружения свайного железнодорожного моста составлял 81,5 м в сутки. Таких выдающихся результатов во время второй мировой войны не смогли показать военные железнодорожники ни одной армии капиталистических государств. Трудовым успехам строителей во многом способствовали социалистическое соревнование и хорошо поставленная партийно-политическая работа, проводившаяся под девизом: "Героям Днепра, успешно ведущим бои на Правобережье, сдадим досрочно железнодорожный мост".

В 14 часов 20 ноября 1943 года из Дарницы на Киев проследовал через Днепр к фронту первый железнодорожный состав. Тремя днями раньше открылось двухпутное движение по низководному мосту для автотранспорта. Это позволило резко улучшить боепитание и материально-техническое обеспечение войск фронта, быстрее сосредоточивать резервы, усиливать удары по врагу.

На 1-й Украинский фронт Ставка направляла свои резервы. С Тамани двигалась к нам 18-я армия, участвовавшая в операции по освобождению полуострова от немецко-фашистских захватчиков. В пути находилась и 1-я танковая армия. В Броварах и Дарнице сосредоточивались части 1-й гвардейской армии и 25-го танкового корпуса.

Это была могучая сила. Но воспользоваться прибывшими резервами мы не могли, не имели на то права. Даже когда противник бросал на штурм наших позиций сотни танков, когда измотанные боями поредевшие части фронта с трудом сдерживали танковую лавину врага, Ставка Верховного

Главнокомандования сохраняла в неприкосновенности свои стратегические резервы, сберегая их для будущей наступательной операции. Лишь в особо кризисный момент, когда возникла реальная угроза прорыва через нашу оборону крупной танковой группировки противника, генерал армии Н. Ф. Ватутин с разрешения Ставки ввел на опасном направлении (в стыке между 60-й и 38-й армиями) 94-й стрелковый корпус из 1-й гвардейской армии.

Ввод в бой этого корпуса под командованием генерал-майора И. В. Попова помог несколько задержать продвижение немецких войск к Киеву.

По указанию командующего войсками фронта на подступах к городу заняли оборону только что выгрузившиеся из эшелона части 18-й армии, а также батальоны 156, 160 и 159-го укрепрайонов. Это была необходимая мера предосторожности.

В ноябре и декабре оборонительные бои на киевском направлении почти не прекращались. Когда все танковые атаки врага вдоль шоссе Киев — Житомир были отбиты, гитлеровцы перешли в наступление несколько правее. 6 декабря они решили прорваться с северо-запада к городу Малин, чтобы затем развивать прорыв непосредственно на Киев. Главный удар врага стойко приняли на себя и успешно отразили войска 60-й армии под командованием генерала И. Д. Черняховского.

Прошло каких-нибудь три дня, и атакам противника подверглись части 13-й армии генерала Н. П. Пухова, находившиеся на правом крыле фронта, который упирался в полесские болота. Тяжелые бои продолжались там с 6 по 14 декабря. Всюду, где ни пытались прорваться гитлеровцы, их ждал сокрушительный отпор.

Руководя напряженными оборонительными боями, генерал армии Н. Ф. Ватутин, штаб и Военный совет фронта одновременно готовили контрнаступление, которое должно было начаться с подходом стратегических резервов, прежде всего 1-й танковой армии. План операции разрабатывался при участии представителя Ставки Маршала Советского Союза Г. К. Жукова.

Согласно плану, войскам фронта надлежало сильным фронтальным ударом разгромить главную группировку противника на житомирско-бердичевском направлении. Нашим подвижным соединениям предстояло на первом этапе выйти в район Жмеринки, а главным силам общевойсковых армий — на рубеж Любар, Хмельник, Южный Буг.

Ставка утвердила план операции и определила срок начала наступления на 24 декабря 1943 года.

Оперативной директивой от 16 декабря войскам ставились

следующие задачи. Главный удар фронт наносит по группировке противника в районе Брусилова силами тридцати стрелковых дивизий, четырех танковых и двух механизированных корпусов, арткорпуса прорыва, фронтовой артиллерии РГК и всей авиации фронта в общем направлении на Радомышль, Житомир, Бердичев, Жмеринку. Вспомогательные удары надлежало нанести: правым крылом — в направлении Коростень, Новоград-Волынский и Ново-Мирополь, частью сил — в обход Житомира с запада, а левым — на Белую Церковь, восточнее и юго-восточнее ее{17}.

Нашим войскам ставилась ближайшая задача — прорвать фронт противника и выйти на рубеж Минины, Кочерово, Водотый, Корнин. В дальнейшем, развивая успех, к исходу шестого дня операции овладеть рубежом Вересы, Тулин, Волосово, Андрушевка, Попельня.

На двое суток позднее главной ударной группировки должна была перейти в наступление 60-я армия, решавшая важную задачу. 60-й армии во взаимодействии с 3-й гвардейской танковой армией и частью сил 1 гвардейской армии надлежало разгромить малинско-радомышльскую группировку противника и к исходу шестого дня операции овладеть рубежом Шершин, Салы, Троковичи, а затем развивать успех в общем направлении на Бердичев, Казатин.

В Великой Отечественной войне Житомирско-Бердичевская операция имела немаловажное значение, но она до сих пор не нашла должного освещения в военно-исторической литературе. Вот почему я счел необходимым более подробно остановиться на ней и ознакомить читателей с задачами армий, входивших в состав 1-го Украинского фронта.

1-я гвардейская армия (командующий генерал-полковник А. А. Гречко, член Военного совета генерал-майор И. В. Васильев, начальник штаба генерал-майор В. В. Панюхов) в составе 11, 94 и 107-го стрелковых корпусов должна была нанести главный удар в направлении Коростышева и частью сил оказать содействие 60-й армии в разгроме малинско-радомышльской группировки противника обходом Радомышля с юга в направлении на Бещев. 1-й гвардейской армии во взаимодействии с 60-й армией надлежало одновременно наступать одним корпусом (11-м) в обход Радомышля с севера с задачей выйти на рубеж Чайковка, Качкары и в дальнейшем продолжать наступление на Житомир.

Надо заметить, что малинско-радомышльская группировка противника в декабре причинила нам немало неприятностей, угрожая непосредственно Киеву. Генерал армии Н. Ф. Ватутин и теперь опасался, как бы противник из района Радомышля не нанес новый удар и не осложнил наше наступление. Вот почему

1-й гвардейской армии была поставлена задача: нанося главный удар в общем направлении на Коростышев, одновременно одним стрелковым корпусом занять оборону на реке Тетерев и не допустить прорыва немецко-фашистских войск в сторону Киева; затем совместно с 60-й армией принять участие в разгроме малинско-радомышльской группировки противника.

18-я армия (командующий генерал-полковник К. Н. Леселидзе, член Военного совета генерал-майор С. Е. Колонии, начальник штаба генерал-майор Н. О. Павловский) в составе 22, 52 и 101-го стрелковых корпусов должна была нанести главный удар правым флангом в направлении Негребовка, Кочерово, Романовка. Ближайшая задача — прорвать оборону противника, обеспечить ввод в прорыв 3-й гвардейской танковой армии и к исходу дня овладеть рубежом Кочерово, Озеряны, Брусилов. В дальнейшем продолжать наступление в направлении Вильня, Стар, Котелъня и к исходу шестого дня операции занять рубеж Стар, Котельня, Андрушевка.

3-я гвардейская танковая армия (командующий генерал-лейтенант П. С. Рыбалко, член Военного совета генерал-майор танковых войск С. И. Мельников, начальник штаба генерал-майор В. А. Митрофанов) в составе 6-го и 7-го гвардейских танковых и 9-го механизированного корпусов имела задачу войти в прорыв в полосе 18-й армии и, нанося совместно с нею удар на Озеряны, Карабачин, разгромить брусиловскую группировку врага. В дальнейшем же, развивая наступление в направлении Стрышевка, Высоко-Чешское, 3-я гвардейская танковая армия должна была нанести удар по тылам малинско-радомышльской группировки противника. При благоприятной обстановке 3-й гвардейской танковой армии предлагалось быть готовой развивать прорыв на Андрушевку, Бердичев.

38-я армия (командующий генерал-полковник К. С. Москаленко, член Военного совета генерал-майор А. А. Епишев, начальник штаба генерал-майор А. П. Пилипенко) в составе 17-го гвардейского, 21-го и 74-го стрелковых корпусов должна была прорвать оборону противника и, развивая удар в обход Брусилова с юга, к исходу дня овладеть рубежом Брусилов, Соловьенка. После прорыва вражеского фронта 38-й армии надлежало частью сил нанести удар на Дивин, Корнин и, свертывая боевые порядки противника, овладеть Корнином. В дальнейшем, развивая успех в направлении Борки, к исходу шестого дня операции овладеть рубежом (иск.) Андрушевка, Борки, Попельня.

1-я танковая армия (командующий генерал-лейтенант М. Е. Катуков, член Военного совета генерал-майор Н. К. Попель, начальник штаба генерал-майор М. А. Шалин) в составе 11-го

гвардейского и 31-го танковых корпусов, 8-го механизированного корпуса составляла резерв фронта и находилась в готовности развивать удар в полосе 38-й армии в направлении Бровки, Казатин, а частью сил захватить Корнин.

13-я армия (командующий генерал-лейтенант Н. П. Пухов, член Военного совета генерал-майор М. А. Козлов, начальник штаба генерал-майор Г. К. Маландин), действовавшая на нравом крыле фронта в составе 24, 28, 76 и 11-то стрелковых и 25-го танкового корпусов, должна была прочно удерживать рубеж Барбаров, Ельск, Овруч, Михайловка и обеспечить стык с Белорусским фронтом. На левом фланге ей надлежало нанести удар силами шести стрелковых дивизий совместно с 60-й армией по группировке противника в районе Коростеня и овладеть этим городом, наступая в дальнейшем в общем направлении на Новоград-Волынский.

60-я армия (командующий генерал-лейтенант И. Д. Черняховский, член Военного совета генерал-майор В. М. Оленин, начальник штаба генерал-майор Г. А. Тер-Гаспарян), оборонявшаяся левее 13-й армии, в составе 18-го гвардейского, 15, 23 и 30-го стрелковых корпусов, 4-го и 5-го гвардейских танковых корпусов готовилась для ударов в направлении на Потиевку, Воросавку, Чайковку, имея задачу в дальнейшем наступать на Шепетовку.

40-й армии (командующий генерал-лейтенант Ф. Ф. Жмаченко, член Военного совета генерал-майор К. П. Кулик, начальник штаба полковник В. И. Белодед) надлежало прочно удерживать занимаемые рубежи и не допустить прорыва гитлеровцев на Фастов; частью сил (две-три дивизии) подготовить удар во взаимодействии с левым флангом 38-й армии в общем направлении на Корнин; в дальнейшем наступать на город Белая Церковь и овладеть им.

27-я армия (командующий генерал-лейтенант С. Г. Трофименко, член Военного совета генерал-майор И. П. Шевченко, начальник штаба генерал-майор Г. С. Лукьянченко) должна была прочно оборонять занимаемый рубеж и не допустить прорыва противника в северном направлении, быть готовой содействовать 40-й армии в овладении Белой Церковью.

Отдельные танковые корпуса планировалось использовать для развития успеха общевойсковых армий. Так, например, 25-й танковый корпус был оставлен в подчинении командующего 13-й армией, а 4-й и 5-й гвардейские — в подчинении командующего 60-й армией. Авиационное обеспечение операции возлагалось на 2-ю воздушную армию (командующий генерал-лейтенант авиации С. А. Красовский, заместитель командующего по политчасти

генерал-майор авиации С. Н. Ромазанов).

Главной целью операции, как подчеркивала директива Ставки Верховного Главнокомандования, являлся разгром крупной группировки противника на бердичевско-казатинском направлении и выход наших войск к Южному Бугу. Ставка требовала организовать контрнаступление так же тщательно и основательно, как это было сделано под Белгородом.

Одновременно командующий стремился ускорить события и не дать гитлеровцам передышки, ибо разведывательные данные свидетельствовали о том, что немецко-фашистское командование еще не отказалось от мысли ликвидировать киевский стратегический плацдарм и собирает силы для нового удара по нашим войскам. Важно было упредить противника, получить выигрыш во времени и добиться внезапности.

Командование фронта, армий, штабы и политорганы в ходе напряженных оборонительных боев развернули деятельную подготовку к предстоящей операции и в сложных условиях создавали наступательные группировки.

Накануне декабрьского наступления Военный совет знакомился с частями и соединениями, прибывшими на наш фронт из резерва Ставки Верховного Главнокомандования. В те дни я впервые повстречался с прославленным танкистом, героем обороны Москвы, Курской битвы и многих других боев и сражений генерал-лейтенантом М. Е. Катуковым, генерал-майором Н. К. Попелем, полковником А. Г. Журавлевым, генерал-полковником К. Н. Леселидзе, генерал-майором С. Е. Колониным.

Приближалась дата наступления, определенная директивой Ставки. В части приходило пополнение, поступала боевая техника и вооружение. Правда, нам не пришлось заниматься крупной перегруппировкой войск, как это было, скажем, перед боями за Киев. Ударная группировка фронта, усиленная резервами Ставки, в основном сложилась еще в ходе оборонительного сражения.

С большим напряжением в те дни работали органы тыла фронта. Декабрь хоть и считается зимним месяцем и славится морозами и снегопадами, но в 1943 году он изменил своим привычкам и преподнес нам неприятный сюрприз. Внезапно пошли дожди, смывшие снег и превратившие мерзлую почву в грязевое болото. Бойцам требовалось немедленно сменить валенки на сапоги, а кожаной обуви имелось очень мало. Как быть? Помню, этот вопрос мы обсуждали на Военном совете. Интендант фронта генерал-майор Г. А. Лелюк доложил на заседании, что мы располагаем кожаной обувью примерно на 30 процентов общей потребности. Начальник санитарного управления фронта генерал-майор медицинской службы Н. П.

Устинов сообщил, что усилились простудные заболевания и из-за отсутствия кожаной обуви они могут принять массовый характер, а болезни, если их не пресечь, могут вывести из строя гораздо больше солдат, нежели вражеские пули, снаряды и бомбы.

В присутствии членов Военного совета я позвонил в Москву и доложил обо всем этом начальнику тыла Красной Армии генералу армии А. В. Хрулеву.

— Сколько же у вас кожаной обуви в наличии? — спросил генерал Хрулев.

— Примерно одна треть общей потребности,

— Маловато. Как же вы дошли до жизни такой? Куда разбазарили обувь?

— К обуви, товарищ генерал армии, — ответил я, — наши тыловые органы фронта относятся по-хозяйски, повсюду организован ее ремонт, и, как положено, сберегается она на складах. Но большинство обуви пришло в полную негодность. Ведь наш солдат с боями прошагал от Курской дуги до Киева, до Правобережной Украины. И ему еще далеко шагать! К тому же войска принимают новое пополнение из числа жителей освобожденных районов Украины. Их тоже обуть и одеть надо. Кроме того, большинство резервных соединений, присланных нам Ставкой, экипированы по-зимнему и тоже обуты в валенки, а не в сапоги.

Выслушав меня, А. В. Хрулев после некоторого молчания проговорил:

— Обувь будет немедленно отгружена, и я распоряжусь дать эшелонам "зеленую улицу". Проследите, чтобы работники фронтового и армейских тылов без промедления доставили ее в войска.

Получив с центральных складов и баз крупные партии сапог и мобилизовав наши местные ресурсы, работники тыла фронта в кратчайший срок заменили сотни тысяч валенок на кожаную обувь.

Это лишь один из многочисленных примеров заботливого отношения генерала армии А. В. Хрулева к нуждам фронта. Андрей Васильевич Хрулев сохранился в нашей памяти как человек большого трудолюбия, крупный организатор, отзывчивый, простой и чуткий товарищ.

Как я уже говорил, во время напряженных оборонительных боев в ноябре и декабре 1943 года войска фронта вынуждены были израсходовать часть боеприпасов и горючего из фондов предстоящей наступательной операции. Работники органов тыла приложили немало усилий, чтобы в условиях ограниченных переправ через Днепр и плохих дорог подвезти в части и

соединения от 1 до 2,7 боекомплекта боеприпасов, 3–4 заправки горючего и до 15–20 сутодач продовольствия. Конечно, боеприпасов и горючего было маловато, но и с этим запасом мы уже могли решать оперативную задачу.

Военный совет всесторонне обсудил и рассмотрел план партийно-политической работы, рассчитанный на все этапы операции. Докладывали по этому вопросу начальник политуправления фронта генерал-майор С. С. Шатилов и его заместитель генерал-майор П. А. Усов. Приглашены были на заседание и их ближайшие помощники — полковники И. В. Суриков, А. А. Пирогов, Г. И. Любимов и другие руководящие работники политуправления-. Речь шла о том, чтобы политически, морально и психологически подготовить солдат к выполнению труднейших боевых задач и помочь командованию успешно провести наступательную операцию.

Мы сосредоточили внимание на четырех основных вопросах, повышающих боеспособность войск:

— воспитание воинов в духе советского патриотизма, горячей любви к Родине, беззаветной преданности делу Коммунистической партии;

— разоблачение фашизма как злейшего врага человечества, разжигание священной ненависти к нему;

— всемерная пропаганда требований воинской дисциплины, готовности любой ценой выполнить приказ командира;

— личный пример в бою командиров, политработников, коммунистов и комсомольцев.

Перед началом операции Военный совет заслушал доклад ответственного редактора фронтовой газеты "За честь Родины" полковника С. И. Жукова На заседании шел большой разговор о содержании газеты, ее достоинствах и недостатках, о том, что нужно сделать редакционным работникам в ближайшее время.

Военный совет отметил, что коллектив редакции уделяет значительное место материалам, направленным на воспитание воинов-патриотов и пропагандирующим требования военной присяги. Отмечалось также, что газета стала лучше освещать боевой опыт, особенно опыт борьбы с танками врага. Вместе с тем рекомендовалось шире разъяснять методы уничтожения немецких танков, графически изображая это в рисунках и фотографиях; ярче рассказывать о тех, кто вступает в единоборство с «тиграми» и «пантерами» и побеждает их, кто проявляет сметку, ратное умение.

Командующий войсками фронта генерал армии Н. Ф. Ватутин взял со стола маленькую листовку, озаглавленную "Как сберегать и использовать оружие зимой", и сказал:

— Вот эта памятка подготовлена нашим штабом и политуправлением и напечатана в походной типографии. Подобные советы солдатам полезно публиковать и в газете, тщательно выискивать зерна солдатского творчества. Может быть, на страницах "За честь Родины" следует завести рубрику "Советы молодому бойцу".

На заседании отмечалось, что газета должна оперативнее показывать опыт партийно-политической работы в войсках, конкретнее говорить о ее формах и методах, обстоятельно объясняя особенности политработы в различной боевой обстановке, на различных этапах боя, операции.

Надо иметь в виду, подчеркивал Военный совет фронта, что молодые парторги рот, батальонов, дивизионов и полков, а также замполиты частей и подразделений крайне нуждаются в советах, рекомендациях, так как многие из них не имеют достаточного опыта. Редакция должна поддерживать самую тесную связь с политорганами, штабом и управлениями фронта.

В редакции фронтовой газеты, издававшейся на русском, украинском, узбекском, казахском и татарском языках, сложился хороший, квалифицированный и работоспособный коллектив. Военных журналистов по праву называли солдатами переднего края. Они всегда были на важнейших участках, в огне боев.

Вот один из многочисленных примеров. На нашем фронте первыми форсировали Днепр разведчики мотострелкового батальона 51-й гвардейской танковой бригады, которой командовал Герой Советского Союза гвардии подполковник М. С. Новохатько. С первым десантом под огнем врага переправился и корреспондент фронтовой газеты капитан С. М. Борзунов. В своем репортаже он ярко и правдиво рассказал о подвиге гвардейцев-комсомольцев В. Н. Иванова, И. Д. Семенова, Н. Е. Петухова и В. А. Сысолятина, ворвавшихся в районе Григоровки на правый берег Днепра и положивших начало образованию букринского плацдарма. Эта весть сразу распространилась по всем войскам. С приветственным письмом Военного совета к четырем героям Борзунов вторично переправился через обстреливаемую реку на правый берег и вместе с гвардейцами принял участие в боях по удержанию захваченного плацдарма.

Мужественно выполняли свои обязанности и другие журналисты.

За инициативу и оперативность в освещении боевой деятельности войск сотрудники фронтовой газеты "За честь Родины" офицеры Ф. Н. Орешкин, А. Н. Рогожин, В. М. Гунин, В. В. Ермилов, А. П. Верхолетов, поэт Илья Френкель, художники В. М. Брискин и Е. А. Ведерников, фотокорреспонденты В. П. Юдин,

О. В. Игнатович и другие были удостоены правительственных наград.

На 1-м Украинском фронте обосновался довольно солидный и представительный корреспондентский корпус центральной печати. От редакции газеты «Правда» у нас находились писатели Вадим Кожевников, Михаил Брагин, Леонид Первомайский, затем прибыл со 2-го Украинского фронта Борис Полевой. Газету «Правда» представлял на нашем фронте и Сергей Борзенко, в прошлом сотрудник газеты 18-й армии "Знамя Родины" и газеты 1-го Украинского фронта "За честь Родины". За отвагу, проявленную при форсировании Керченского пролива и в боях на плацдарме под Эльтигеном, С. А. Борзенко первым среди военных корреспондентов получил высокое звание Героя Советского Союза.

Редакция газеты "Красная звезда" имела на нашем фронте постоянный корпункт, возглавляемый военными журналистами офицерами Н. Н. Денисовым, М. М. Зотовым и погибшим в начале 1944 года Петром Олендером. От "Красной звезды" у нас бывали Петр Павленко, Борис Галин, Константин Симонов и другие писатели.

Газету «Известия» на нашем фронте длительное время представлял Виктор Полторацкий, а "Комсомольскую правду" — Сергей Крушинский. Частенько наезжал к нам от «Комсомолки» и Юрий Жуков. Не обходили нас вниманием представители Совинформбюро, ТАСС, Союзкинохроники, радиовещания.

Но центральные газеты, доставляемые из Москвы поездом, поступали в части и соединения фронта с запозданием. С таким положением мириться было нельзя. Военный совет принял постановление об улучшении доставки центральных газет соединениям и частям и обязал командующего 2-й воздушной армией генерал-лейтенанта авиации С. А. Красовского выделить специально для этой цели два транспортных самолета. На заместителя командующего 2-й воздушной армией по политчасти генерал-майора авиации С. Н. Ромазанова возлагалась персональная ответственность за бесперебойную работу выделенных экипажей и самолетов и своевременную доставку центральных газет.

Фронтовая пресса росла количественно и улучшалась качественно. В войсках 1-го Украинского фронта издавалось 67 газет, включая и дивизионные, и каждая из них пропагандировала великие идеи партии, воодушевляла воинов на подвиги, освещала боевые дела и фронтовой опыт войск, партийную и комсомольскую жизнь частей и подразделений.

Военная печать представляла собой мощную силу Разовый

тираж газет, издаваемых на 1-м Украинском фронте в конце 1943 и начале 1944 года, составлял 250 290 экземпляров. Газеты, являющиеся одним из главнейших средств политработы в войсках, оказали действенную помощь командованию и политорганам в подготовке войск к предстоящей операции, в мобилизации воинов на разгром врага.

Часть вторая. Освобождение правобережной Украины

Житомирско-Бердичевская операция

Приближался день начала наступления. К утру 24 декабря 1943 года части и соединения заняли исходное положение для решительного броска вперед. Как и другие члены Военного совета фронта, я заблаговременно выехал в войска и начало операции встретил в 18-й армии, действовавшей на направлении главного удара.

На армейском наблюдательном пункте царило такое приподнятое настроение, какое обычно предшествует наступательным операциям. Командующий 18-й армией генерал-полковник Константин Николаевич Леселидзе, вскинув руку с часами-хронометром, неотрывно следил за ходом секундной стрелки.

— Ну, бог войны, тебе первому слово, — тихо произнес он.

И в ту же секунду командующий артиллерией армии дал сигнал, продублированный радистами, телефонистами и ракетчиками. Мощный залп сотен батарей потряс округу. Небо расчертили огненные молнии реактивных снарядов знаменитых «катюш».

— Хороша боевая музыка! — восторженно воскликнул Леселидзе. — Двести стволов на километр фронта прорыва!

— Такая музыка вдохновляет солдат перед атакой, — согласился я. — Но под Киевом артиллерийский концерт был мощнее. Там пришлось выставить почти триста пятьдесят орудий и минометов на километр.

— Да, о таком сосредоточении артиллерии в начале войны мы и мечтать не могли, — произнес генерал К. Н. Леселидзе.

Константин Николаевич находился на фронтах Отечественной войны с июня 1941 года. Он отличился в боях под Минском и Тулой, в историческом сражении под Москвой. Видный военачальник умножил свою боевую славу и в дни обороны родного Кавказа. Под его руководством советские воины на перевалах Главного Кавказского хребта наголову разбили альпийский корпус врага, а затем участвовали в освобождении Таманского полуострова и форсировании Керченского пролива.

Находясь в 18-й армии, я познакомился и с членом Военного совета армии генерал-майором С. Е. Колониным. Сосредоточенный, неулыбчивый и на первый взгляд сухой в

обращении человек, Семен Ефимович говорил скупо, но его лаконичные суждения отличались четкостью, точностью, емкостью. Потом нам приходилось встречаться довольно часто, многократно беседовать и решать вопросы, связанные с боевой деятельностью войск армии. Беседовать с генералом Колониным было небезынтересно. Он умел метко охарактеризовать человека, высказать полезные советы и предложения по улучшению политработы. Член партии с 1918 года, он в том же году добровольно вступил в ряды Красной Армии и с 1920 года непрерывно находился на политработе. Перед войной С. Е. Колонии был начальником политического управления округа, а на фронтах Отечественной войны являлся членом Военного совета 21, 11, 9 и затем 18-й армий. Боевую жизнь он знал превосходно и значительную часть времени находился в войсках.

Мне рассказывали, что генерал С. Е. Колонии на своем «виллисе» как-то заехал в цепь пехоты и, пыхнув трубкой, указал ею на неприятельские позиции, призывая бойцов вперед. Я напомнил Семену Ефимовичу этот эпизод и шутя заметил:

— Оказывается, о вас слагают легенды!

— Личность моя самая обыкновенная и отнюдь не легендарная, — сухо ответил Колонии. — На машине в пехотную цепь не въезжал, а оставил ее возле командного пункта комбата и далее пешком двинулся вместе с бойцами. Что же касается трубки, табачного дыма и прочего, то все это присочинили. Тогда было не до курева…

В канун наступления мне довелось побывать в одном из стрелковых полков 18-й армии и присутствовать на митинге. Объявив приказ о переходе полка в наступление, командир батальона зачитал обращение Военного совета к войскам 1-го Украинского фронта. "Боевые друзья! — говорилось в обращении. — В битвах за Днепр, за Киев, за Советскую Украину вы проявили величайшее мужество, отвагу и героизм. Вы разбили немецкие дивизии на Дону и на Северском Донце и, отразив летнее наступление немцев, разгромили врага под Белгородом и Обоянью. Сокрушая и преследуя гитлеровцев, вы героически форсировали Днепр и освободили от немецких оккупантов украинскую столицу Киев.

Сорок дней стойко и мужественно, не щадя своей крови и жизни, отражали вы яростные атаки врага в районах Фастова и Василькова, Брусилова и Коростеня, Малина и Радомышля. Враг бросил на этот участок фронта десятки лучших танковых и пехотных дивизий. Взбешенный военными неудачами, Гитлер хотел любой ценой прорвать нашу оборону, выйти к берегам Днепра и снова захватить Киев.

Не вышло! Коварные замыслы врага сорваны. Он захлебнулся от вашего мощного огня в своей же собственной крови. Вы измотали и обескровили врага. Наши силы утроились. Настал момент для полного разгрома этой группировки"{18}.

Военный совет 1-го Украинского фронта призывал красноармейцев, сержантов, офицеров и генералов смело и решительно взламывать немецкую оборону, днем и ночью преследовать противника, не давая ему закрепляться на промежуточных рубежах, дерзкими и умелыми маневрами перерезать коммуникации врага, окружать и дробить его войска, уничтожать и захватывать живую силу и технику.

Обращение заканчивалось призывом: "За нашу священную советскую землю, за Украину, вперед, на полный разгром врага!"

На митинге выступали воины самых различных национальностей — русский Петров, украинец Чумак, грузин Жанешвили, армянин Манукян и другие. Перед лицом своих товарищей они поклялись с честью выполнить наказ партии и народа, боевой приказ командования.

Находясь под впечатлением только что закончившегося в Харькове судебного процесса над фашистскими палачами и их прихвостнями, советские воины клялись отомстить извергам за чудовищные злодеяния, совершенные в различных городах и селах страны.

Делясь на НП армии впечатлениями о митингах в различных частях, мы разговорились о настроении и поведении солдат перед атакой. Генерал С. Е. Колонии, прекрасно знавший душу бойца, рассказывал:

— Перед началом атаки люди ведут себя по-разному. Одни не в меру возбуждены, суетливы, другие задумчивы, молчаливы, но в душе каждый думает об одном: как обернется для него этот бой? В такие минуты солдату очень нужны товарищеские советы, бодрое напутственное слово. Это как раз и есть самая сильная и действенная форма политработы.

Однажды, обходя войска, я заметил хмурого, сосредоточенного солдата, державшегося как-то особняком. Над головой просвистел вражеский снаряд и неподалеку разорвался. Заметив, что боец инстинктивно вобрал голову в плечи и что у него подрагивают пальцы, я спросил:

— Что, брат, боязно? Первый раз в атаку пойдешь?

— Конечно, страшновато, товарищ генерал. Я ведь новичок, только что призван в армию.

— Да, в первый раз всем боязно, — согласился я. — Вначале кажется, что все пули, снаряды и мины летят именно в тебя.

Участвовавшие в разговоре бойцы заулыбались.

— Мой совет всем вам, и прежде всего тебе, дорогой товарищ, думайте не о смерти, а о том, как победить врага и живым остаться. Для этого надо броском миновать открытое поле и держаться ближе к разрывам наших снарядов, расчищающих путь пехоте. Фашисты и опомниться не успеют, как вы захватите их первую траншею. А если медлить будете, то могут и покосить из пулемета. Делайте, как требует командир, как поступают бывалые солдаты, правильно совершайте перебежки, прицельно обстреливайте противника, и он не сумеет вас поразить. Недаром в песне поется: "Смелого пуля боится, смелого штык не берет!"

Вернемся, однако, к началу наступления. Артиллерия перенесла огонь в глубину. В воздух взлетели сигнальные ракеты, и прокатилась команда, повторенная многими голосами:

— В атаку, вперед!

С командно-наблюдательного пункта хорошо было видно, как дружно поднялись солдаты одного из полков, как стремительно движется по полю лавина стрелков, как в глубине вражеской обороны кружат над позициями неприятеля наши «илы», нанося штурмовые удары.

Артиллерийская и авиационная подготовка сокрушила оборону противника. Вот что впоследствии говорил один из военнопленных о силе этого огневого воздействия: "Артиллерийский огонь был страшен. У многих из ушей и горла шла кровь от сильных разрывов снарядов. Огонь приближался к нашим окопам постепенно. Когда он перешел через нас, то мы увидели, что красноармейцы бегут вслед за огневым валом в 60-100 метрах. Нам ничего не оставалось делать, как поднять руки"{19}.

Наступление войск 1-го-Украинского фронта, начатое 24 декабря, явилось полной неожиданностью для противника. Пленные офицеры показали, что фашистское командование никак не предполагало, что мы сумеем за короткий срок оправиться от ударов немецких танковых дивизий и предпринять наступление. Не предвидя ничего угрожающего, командующий группой немецких армий «Юг» генерал-фельдмаршал Манштейн лично пожаловал под Житомир и намеревался в резервной дивизии безмятежно провести рождественские праздники. Но после того как загрохотала наша артиллерия, возвестившая о наступлении советских войск, Манштейн поспешно ретировался в Винницу, в свой штаб. Но и там его вскоре потревожили прорвавшиеся к Южному Бугу советские танкисты.

При мощном и хорошо организованном артиллерийском сопровождении пехотинцы довольно быстро овладели первыми траншеями противника и продолжали продвигаться в глубину

вражеской обороны. Но вот на подступах к одному из населенных пунктов наши стрелковые подразделения залегли. Гитлеровцы превратили село в сильный узел сопротивления: деревянные и каменные дома были приспособлены под огневые точки, колодцы оборудованы под дзоты. Пехоту выручили орудия сопровождения, которые прямой наводкой уничтожили и подавили огневые точки врага. Стрелковые подразделения ворвались в село.

Политработа не ослабевала и в напряженных боях. Во взятом нашими войсками населенном пункте мне передали маленькую листовку, которую прочитали многие бойцы. Ее составил и пустил по цепи заместитель командира батальона по политчасти капитан Синица. "Товарищи! — гласила листовка. — 8-я и 9-я стрелковые роты отличились в бою. Они первыми под огнем врага ворвались в село и решили судьбу боя. Не отстанем от них и мы, завершим освобождение Украины от гитлеровских душегубов. Вперед, товарищи!"

Атаку стрелковых рот возглавили коммунисты. Парторг 9-й роты Ласавелидзе поднялся первым и с возгласом "Вперед за освобождение братской Украины!" увлек за собой всех бойцов. Коммунисты этой роты Алакаев и Проходин уничтожили в уличном бою несколько гитлеровцев.

Сопротивление врага возрастало. Противник предпринял несколько сильных контратак. В эти напряженные минуты коммунисты умело влияли на ход боевых действий. Парторг роты Филонов фланговым огнем из станкового пулемета метко косил фашистов и парализовывал их контратаки. Так же стойко сражались и другие коммунисты.

К 14 часам стрелковые подразделения взломали оборону противника на глубину до 4–5 километров. Но гитлеровцы норовили закрыть брешь, бросая в контратаки «тигры» и «фердинанды», оказывая сильное огневое сопротивление. И тогда для завершения прорыва в сражение вступили передовые части 3-й гвардейской танковой армии под командованием генерала П. С. Рыбалко.

С помощью танкистов пехотинцы относительно быстро преодолели вражеские укрепления и прорвали тактическую зону обороны противника. Затем в прорыв хлынули главные силы армии П. С. Рыбалко. За танками на машинах следовали подвижные отряды мотострелков.

Прежде чем возвратиться в штаб фронта, я решил посмотреть на результаты работы нашей артиллерии и авиации и на вездеходе отправился по дорогам наступления. На обочине шоссе догорал немецкий танк. Неподалеку от него сидел раненый солдат. Я подошел к нему и спросил:

— Что делаешь и давно тут сидишь? Давай подвезу в ближайший госпиталь.

— Мне уже первую помощь оказали, — ответил раненый. — Скоро подойдет машина из нашего медсанбата и заберет меня. А в госпиталь я не желаю попадать. Оттуда врачи переправят в глубокий тыл, а потом на пересыльный пункт. Тогда уже не попадешь в свою часть.

Любовь к родному соединению, армии и фронту — это замечательная традиция, получившая широкое распространение во время Отечественной войны. В ратной славе полка, дивизии, армии слит воедино героизм многих тысяч солдат, сержантов и офицеров, спаянных благородным чувством войскового братства.

Вот об этом и говорил со мной раненый солдат, не пожелавший расставаться с родной частью. Затем он показал на подбитый и опаленный вражеский танк и с гордостью сказал:

— Моя работа! Смотрю и сам удивляюсь: неужели я уничтожил его? Когда это чудовище надвигалось на меня, то, признаться, струхнул. Бью из противотанкового ружья вроде точно, целюсь в уязвимые места, а танк все ползет и ползет, из пушки стреляет и пулеметным огнем сечет. Ноги так и просятся из окопа. Хочется убежать от опасности. Но все же сообразил, что, если покину окоп и побегу, танк непременно раздавит меня или же скосит огнем. Я поборол робость и, тщательно прицелившись, еще два раза выстрелил из бронебойки. И вдруг танк зачадил, а фрицы, пораскрывав люки, кинулись врассыпную. Тут их наши автоматчики уложили наповал.

Вскоре подошла санитарная машина и забрала раненого героя. Я до сих пор сожалею, что запамятовал фамилию отважного воина. Но хорошо помню, что это был солдат из мотострелковой бригады 3-й гвардейской танковой армии.

В штаб фронта я прибыл в тот поздний час, когда для Ставки Верховного Главнокомандования было уже подготовлено боевое донесение о результатах первого дня наступления войск 1-го Украинского фронта. Боевые итоги гласили, что 1-я гвардейская, 18-я и 38-я армии прорвали оборону врага на всю тактическую глубину, а войска 1-й и 3-й гвардейской танковых армий, вошедшие в прорыв, устремились вперед.

На второй день операции погода ухудшилась. Начал моросить дождь, все кругом затянулось туманом, и боевые действия авиации крайне осложнились. Войска 38-й армии под командованием генерал-полковника К. С. Москаленко, используя огневую поддержку артиллерии, овладели мощным опорным пунктом обороны противника городом Брусилов. Ломая ожесточенное сопротивление врага, они продолжали

продвигаться в заданном направлении.

Операция развивалась по намеченному плану. 25 декабря перешла в наступление своим правым флангом 40-я армия, в составе которой успешно решала боевые задачи 1-я отдельная чехословацкая бригада под командованием генерала Л. Свободы. 26 декабря началось наступление и войск 60-й армии.

Танковые армии, вошедшие в прорыв, перерезали важные коммуникации врага, продолжая развивать наступление. Крупных успехов достиг во встречном бою 8-й гвардейский механизированный корпус 1-й танковой армии. В ходе наступления это соединение возглавил генерал-майор танковых войск И. Ф. Дремов, сменив генерала С. М. Кривошеина. В напряженном и продолжительном встречном бою гвардейцы окружили и уничтожили главные силы 20-й моторизованной дивизии гитлеровцев.

А тем временем, не ввязываясь в затяжной бой с окруженными силами врага, части второго эшелона гвардейского мехкорпуса нанесли стремительный и внезапный удар в направлении на Казатин.

Танкам маневрировать было трудно, всюду торфяные болота, овраги, перелески. Большак прикрывался многочисленными противотанковыми артиллерийскими засадами и заслонами врага. Но советские воины перехитрили гитлеровцев. Командир 69-го гвардейского танкового полка подполковник И. Н. Бойко принял дерзкое решение пустить машины по железнодорожному полотну. В слякотную ночь, когда мокрый снег застилал все вокруг, механики-водители чуть ли не вслепую вели танки с потушенными фарами по железнодорожной колее. Высокое мастерство и отвага принесли победу.

Танкисты подполковника И. Н Бойко совершили искусный обходный маневр и с тыла ворвались в Казатин, подняв в стане врага панику. Город и железнодорожный узел были захвачены с малыми потерями. На станции стояло множество немецких эшелонов, улицы города были запружены грузовиками.

Герой боев за Казатин подполковник Иван Никифорович Бойко воевал, можно сказать, в родных местах. Позднее в ходе наступления танкисты достигли села Жорнище, Ильинецкого района, Винницкой области, где жили родители И. Н. Бойко. Первыми в это село проникли разведчики и передали одному из крестьян записку: "Отец и мать! Если вы живы, сообщите. Я недалеко от вас. Иван".

Вскоре вся родня и односельчане сердечно встречали прославленного танкиста, представленного за бои под Казатином к званию Героя Советского Союза. Увидев младшего брата,

подполковник И. Н. Бойко радостно воскликнул:

— Роман! Да какой же ты большой вымахал! Добрый вояка будешь.

— А что слышно о старшем? — спросил отец.

— Танковой бригадой наш Герасим командовал, полковником был, — глухо произнес Иван Никифорович. — На Волге мы его потеряли…

Побледнел отец, схватился за сердце. Всю ночь проплакала мать. А утром родители подвели к подполковнику И. Н. Бойко младшего сына и сказали:

— Теперь ты, Иван, самый старший среди братьев. Бери в свою солдатскую семью Романа. Пусть заменит погибшего Герасима…

Попросились добровольцами в танковую часть и двоюродные братья Ивана Никифоровича Бойко — Василий Бурмистренко и Кирилл Трофименко. Отыскался на дорогах войны и еще один родной брат — Василий Бойко, служивший в 4-м гвардейском Кантемировском танковом корпусе. Он был переведен в часть, которой командовал подполковник И. Н. Бойко.

— Хороший танковый экипаж подбирается, — одобрительно заметил Иван Никифорович.

— Ты уж береги их, Ванюша, — напутствовала мать.

— Беречь буду, как всякого солдата, — сказал Иван Никифорович и, испытующе поглядев на братьев, выразительно погрозил им пальцем: — А с вас буду спрашивать вдвойне. Поблажки не ждите…

Когда-то Иван Бойко хотел стать хирургом, а Василий — инженером. Но настал грозный для Отечества час, и все сыновья старого колхозника Никифора Бойко стали воинами, защитниками Советской Родины.

Прорыв наших танковых соединений поставил под угрозу основные коммуникации врага на юге. Немецко-фашистское командование всполошилось и приняло экстренные меры. Уже 29 декабря более сотни вражеских танков и крупные силы пехоты нанесли контрудар по войскам 38-й и 1-й танковой армий под Бердичевом. Участились довольно сильные контратаки гитлеровских войск и на других участках фронта, особенно под Житомиром.

Командующий и Военный совет 1-го Украинского фронта особенно пристально следили за житомирским направлением. 30 декабря я вновь выехал на этот участок, чтобы на месте разобраться в сложившейся обстановке и проследить за ходом боевых действий.

— Пусть командующие армиями учтут горький опыт

ноябрьских боев, когда нам пришлось временно оставить Житомир, и будут настойчивы в своих решениях, бдительны на всех этапах операции, — сказал мне генерал Н. Ф. Ватутин. Командармы имеют в своем распоряжении достаточно сил и средств, чтобы овладеть Житомиром и разгромить группировку врага.

Побывав в войсках, которые вели бои за Житомир, я передал командующим и военным советам армий рекомендации Н. Ф. Ватутина и напомнил, что Родина ждет от 1-го Украинского фронта новогоднего боевого подарка.

30 декабря бои велись уже на ближних подступах к Житомиру. Соединения 3-й гвардейской танковой и 18-й армий, охватывая областной центр с юго-востока, перерезали все коммуникации, связывавшие житомирскую и бердичевскую группировки противника. Тем временем 60-я армия обошла город с северо-запада. Еще глубже охватывал житомирскую группировку врага 25-й танковый корпус под командованием генерал-майора танковых войск Ф. Г. Аникушкина, действовавший в полосе 13-й армии. Он приближался непосредственно к Новоград-Волынскому — крупному железнодорожному узлу и важному опорному пункту обороны гитлеровцев.

Побывав в военных советах, штабах и политотделах армий, я выехал в войска, наступавшие непосредственно на Житомир. На окраине города встретил связистов, тянувших телефонный провод, и вместе с ними добрался до комбата.

Из показаний пленных выяснилось, что немецко-фашистское командование, почувствовав серьезную угрозу окружения, фактически уже начало отвод из Житомира всех штабов и тыловых учреждений; отходили на новые позиции и некоторые дивизии врага.

В этих условиях требовалось усилить нажим на противника и сломить его сопротивление. Так и было сделано. 31 декабря войска 1-й гвардейской и 18-й армий стремительной атакой овладели Житомиром.

Всесоюзный староста Михаил Иванович Калинин в. своей новогодней речи проникновенно сказал и о боевых делах 1-го Украинского фронта.

К исходу 31 декабря наши войска, расширив прорыв до 300 километров и углубившись на 100 километров, освободили более тысячи населенных пунктов, в том числе города Житомир, Казатин, Коростень, Радомышль, Черняхов, Корнин, Брусилов и другие.

С первых дней 1944 года в стране с новой силой развернулось патриотическое движение по сбору средств в фонд Красной

Армии. Коллектив киевского завода «Большевик» собрал сотни тысяч рублей на постройку танковой колонны «Киев». В Житомире и области так же активно шел сбор средств на строительство танковой колонны. Город залечивал свои раны, восстанавливал предприятия, оказывал посильную помощь фронту. Даже когда наши войска продвинулись вперед, трудящиеся Житомирской области продолжали поддерживать тесную связь с нашими воинами. На 1-м Украинском фронте сражалась с врагом и танковая колонна "Житомирский колхозник".

Танки, самолеты и орудия, приобретенные на народные рубли, торжественно вручались в присутствии делегации трудящихся. Вот как, например, в 3-й гвардейской танковой армии проходило вручение боевой машины, приобретенной четырьмя колхозницами-патриотками из Житомирской области. На сельской площади в окружении гвардейцев и местных жителей, вышедших с красными флагами, стоял новенький танк. На его борту надпись: "Гвардейцам освободителям с. Сингуры от колхозниц А. И. Маевской, А. А. Боровик, С. И. Прилипко и Л. М. Кашкаревой".

На митинге была оглашена телеграмма Верховного Главнокомандующего, адресованная этим четырем патриоткам. В ней говорилось: "Примите мой привет и благодарность Красной Армии, Анна Ивановна, Лидия Михайловна, Анна Александровна и Серафима Ивановна, за вашу заботу о бронетанковых силах армии. Ваше желание о передаче танка в 54-ю гвардейскую танковую бригаду будет исполнено".

Перед собравшимися выступила инициатор приобретения боевого танка для Красной Армии молодая колхозница А. И. Маевская. Передав воинам горячий комсомольский привет от молодежи села Сингури, славная патриотка сказала:

— Сердечное спасибо вам, танкисты-гвардейцы, за то, что вы вернули нам свободу. На всю жизнь нам запомнился тот радостный день, когда в село вошли краснозвездные танки. Несите свободу и дальше, на запад, приближайте желанный час полной победы!

— Вы, товарищи гвардейцы, — взволнованно говорила выступившая затем колхозница А. А. Боровик, — избавили нас от издевательств и мук, от постоянно висевшей над нами угрозы смерти. Низкий вам поклон! Примите наш боевой подарок и на этом могучем танке беспощадно громите проклятых захватчиков, освобождайте родную землю!

По приказанию командира части экипаж гвардии младшего лейтенанта Громова занял места в боевой машине. С брони танка

командир экипажа произнес пламенную речь, заверив колхозниц, что их грозную тридцатьчетверку принимают умелые воины, которые без пощады будут бить фашистских захватчиков.

Везде и всюду советский народ помогал своей армии. В ходе декабрьского наступления, когда наши войска освободили под Брусиловом село Болячев, колхозники передали в армейский госпиталь несколько спасенных ими раненых воинов.

Дело было так. В середине ноября 1943 года, когда под Брусиловом немецко-фашистские войска предприняли сильный контрудар и потеснили наши части, колхозница Евдокия Ефимовна Ляшенко подобрала на поле боя пятерых раненых красноармейцев и укрыла их в хате колхозника Петра Денисовича Евгиенко.

Командование эсэсовской дивизии объявило, что укрывательство красноармейцев карается смертью. Но и эта угроза не устрашила патриотов. Узнав, что фашистские палачи расстреляли за селом захваченных раненых советских бойцов и что из груды тел доносится чей-то слабый стон, Евдокия Ляшенко ночью пробралась мимо немецких часовых и патрулей и из-под трупов извлекла тяжело раненного красноармейца Василия Роя.

Престарелый колхозник Евгиенко и отважная женщина постоянно дежурили возле раненых, подбадривали их:

— Мы вас, родные сынки, сбережем и вылечим.

Добрым словом фронтовики вспоминали и жителей села Чернятинцы. Когда в дни наступления войск 1-го Украинского фронта передовой отряд танкистов глубоко прорвался в тыл врага, один наш танк оказался подбитым и окруженным. Экипаж, покинувший горящую машину, ночью сумел выбраться из вражеского кольца. После скитаний по тылам противника танкисты попали в село Чернятинцы, где их укрыли местные жители.

— Чувствуйте себя как дома, — сказали танкистам в селе. — Фашисты хоть и наезжают сюда, да не задерживаются, жмутся к большим дорогам и крупным гарнизонам! Так что порядки в селе нашенские, советские!

Члены экипажа подбитого танка Ф. Шангин, Г. Дуркин и В. Иващенко оказались в Чернятинцах далеко не первыми, роме них в селе находились еще одиннадцать советских бойцов, спасенных местными жителями. Здесь укрывались раненые в схватке с карателями парашютист-десантник Дмитрий Еськин, разведчик Александр Ламаев и другие воины, выполнявшие задания в тылу врага.

Все село знало, что в хатах Марии Вознюк, Прасковьи Отропович, Екатерины Глущук, Екатерины Дробицкой, Федота,

Семена и Петра Сенчуков, а также Степаниды Ремиз, Надии Червинской и других находятся советские воины, но их никто не выдал фашистским властям. Немало хлопцев из Чернятинцев сражалось с врагом в партизанских отрядах. Когда наши наступающие войска стали приближаться к селу, все мужчины, владеющие оружием, под руководством танкиста Филиппа Шангина заняли круговую оборону и держали ее вплоть до подхода Красной Армии. "Село патриотов" — так назвала Чернятинцы газета «Правда».

И таких замечательных сел, деревень и хуторов очень много встречалось на нашем боевом пути. Украина была охвачена огнем всенародной борьбы против иноземного нашествия. Люди, от мала до велика, боролись с ненавистным врагом, помогали Красной Армии.

9 января 1944 года штаб и управление фронта перебазировались в районный центр Житомирской области — село Андрушевка. Всякий раз, когда случалось мне проходить или проезжать по мосту возле мельницы, я добрым словом вспоминал патриота, спасшего этот мост и оказавшего помощь наступавшим войскам.

На подступах к Андрушевке батальон майора П. И. Орехова из 1-й танковой армии встретил сильное сопротивление врага. С опушки леса, опоясанной глубоким рвом, по нашим танкам открыли огонь немецкие пушки. Головная походная застава завязала огневой бой. Тем временем танковая рота совершила обходный маневр и ударила с тыла. Гитлеровцы дрогнули. Воспользовавшись замешательством противника, наши танки помчались к речке Гуйва, чтобы захватить мост и не дать гитлеровцам взорвать его.

Стреляя из пушек и пулеметов по метавшимся на берегу реки фашистским саперам, головные машины приближались к мосту. Не обращая внимания на перестрелку, наперерез танку выбежал коренастый дед.

— У моста мины, — сообщил он танкистам. — Подорваться недолго. Фашисты мост хотели разрушить. Они уже и тол заложили, заряды подготовили. Но мы с соседом не дремали, секирой перерубили запальные шнуры. А насчет мин не беспокойтесь. Я вам покажу, где их заложили.

— Спасибо, отец, — поблагодарил майор Орехов. — А как же тебя величать?

— Манила Никитович Магола, — ответил дед. — А хата моя туточки. Заходите, дорогими гостями будете.

— Спасибо, Манила Никитович, — поблагодарил комбат. — У нас еще дел много, бой продолжается.

Обезвредив минное поле и достав из-под моста взрывчатку, танкисты ворвались в Андрушевку.

В начале 1944 года наше командование наградило медалью "За боевые заслуги" семидесятишестилетнего патриота из села Головчино Родиона Корду. За свою жизнь дед Родион прошел вдоль и поперек все Полесье. Когда наши разведчики обратились к нему за помощью, Корда молодцевато подтянулся и заявил:

— С вами, красные бойцы, хоть куда пойду! Только вот коня дайте быстрого, а то мою кобыленку фрицы забрали, да седло, да саблю. Я, может быть, и в гвардию к вам запишусь.

И Родион Корда повел наш кавалерийский разведывательный отряд по глухим местам Полесья. Когда требовалось, Корда оставлял коня и проникал в село, занятое гитлеровцами. Потом возвращался и докладывал командиру, что видел.

В ходе Житомирско-Бердичевской операции войска 1-го Украинского фронта добились значительных успехов. Ломая ожесточенное сопротивление крупных сил врага, наши войска в первых числах января 1944 года освободили Бердичев, Новоград-Волынский, Белую Церковь, Ржищев и Сарны.

При штурме города Белая Церковь вместе с частями 40-й армии вновь отличилась 1-я отдельная чехословацкая ордена Суворова бригада. На этот раз она была награждена орденом Богдана Хмельницкого I степени. В приветственной телеграмме Военного совета 1-го Украинского фронта, посланной братьям по оружию, говорилось, что эта вторая награда правительства СССР является признанием геройства, храбрости и отваги лучших сынов чехословацкого народа, которые с оружием в руках в жестоких боях с врагом завоевывают свободу и независимость своей родины. "Пусть ваши героические подвиги, — писал Военный совет, — войдут в историю чехословацкого народа как лучшая ее страница".

Вечером 10 января 1944 года Военный совет фронта, получив текст Указа Президиума Верховного Совета СССР по телеграфу, сердечно поздравил с высокими правительственными наградами командующих армиями генералов А. А. Гречко, Ф. Ф. Жмаченко, М. Е. Катукова, С. А. Красовского, К. С. Москаленко, Н. П. Пухова и И. Д. Черняховского. Они стали одними из первых кавалеров вновь учрежденного полководческого ордена Богдана Хмельницкого I степени.

Одновременно Президиум Верховного Совета СССР издал указ о присвоении звания Героя Советского Союза большой группе воинов фронта, отличившихся в битве за Киев и Правобережную Украину. Высшей боевой почести были удостоены гвардии старший сержант Иван Антонов, первым ворвавшийся на

танке в Святошино, младший сержант Алимкай Абдершин, который в течение восьми дней удерживал важный рубеж, отбивая превосходящие силы врага, красноармеец Матай Баисов, заменивший выбывших из строя командира расчета и наводчика, гвардии лейтенант Иван Бутенко, таранивший фашистский танк, и многие другие отважные воины.

11 января 1944 года газета «Правда» посвятила героям нашего фронта специальную передовую статью "Красная Армия — армия героев". В ней говорилось: "Антонов — русский, Бутенко — украинец, Баисов — казах, Абдершин — татарин, и все они — братья по оружию, сыновья единой Советской матери-Родины, Баисов — член ВКП(б), Абдершин — беспартийный. Ими владеет один порыв. У них одна советская душа.

Из таких людей состоит весь список новых Героев Советского Союза. Несокрушима страна, рождающая таких воинов!"

Несколько дней спустя по инициативе начальника политотдела 1-й танковой армии полковника А. Г. Журавлева были выпущены листовки о Героях Советского Союза. Особенно запомнилась листовка о подвиге парторга подразделения лейтенанта П. Ф. Гриболева, принявшего в решающий момент боя командование танковой ротой и воодушевившего своей личной отвагой другие экипажи. Танкисты под командованием Петра Гриболева прорвались к железной дороге, перерезали важную коммуникацию и блокировали бронепоезд противника. Парторг одним из первых ворвался в населенный пункт и вместе с другими танкистами захватил его, победив многочисленного и сильного врага.

Военный совет и политуправление фронта рекомендовали шире популяризировать подвиги героев, предавать гласности каждый факт награждения отличившихся. Командиры, используя предоставленное им право, часто в ходе боя или сразу же после выполнения задачи награждали мужественных воинов и объявляли об этом по радио, перед строем, в многотиражной печати.

Фронтовая практика выработала разнообразные и действенные виды поощрений: посылка писем на родину героев, фотографирование отличившихся солдат и сержантов при развернутом Знамени части. Такая фотография, например, в начале 1944 года была послана на родину кавалера ордена Славы разведчика гвардии старшины Архипа Левчука. "Гордитесь, славная мать, своим сыном-защитником! — писало командование полка Марии Ильиничне Левчук. — Шлем вам в подарок его фотографию у гвардейского Знамени части. Ему он присягал в верности Родине и клятву свою выполняет с честью".

Поощрение отличившихся принимало самые разнообразные формы. Порой имели место и случаи исключительные, как говорится, уставами не предусмотренные. Однажды, когда бои приняли позиционный характер и выдалось небольшое затишье, к офицеру обратился рядовой Кременчуцкий и попросил на несколько часов дать ему отпуск, чтобы навестить семью. Его родное село находилось в нескольких километрах.

Боец с трудом узнал родные места, превращенные фашистскими извергами в руины. Вместо своего дома он увидел пепелище, а семья его ютилась у знакомых в погребе.

Вернувшись в часть, солдат поделился горем с командиром и его заместителем по политической части. Они посовещались между собой и решили: "Кременчуцкий — хороший солдат, воюет уже не один год, с боями прошел от Волги до Правобережной Украины. Надо оказать помощь заслуженному фронтовику".

На другой же день по приказанию командира в село отправились саперы и быстро построили для семьи Кременчуцкого добротный дом.

— Это вам как поощрение за храбрость в бою, за самоотверженный ратный труд, — сказал командир рядовому Кременчуцкому перед строем бойцов.

— Заверяю вас, — взволнованно ответил красноармеец, — что буду еще усерднее нести службу и яростнее сражаться с врагом!

Забота командира о подчиненном до глубины души тронула всех однополчан, Родина отмечала храбрых бойцов и командиров орденами и медалями. Лучшие комсомольцы и молодые солдаты награждались Почетными грамотами ЦК ВЛКСМ и ЦК комсомола Украины. Снимки героев печатались в газетах и листовках. Поэты слагали о них стихи. Славным делам отважных воинов была посвящена передвижная выставка фронтового Дома Красной Армии "Боевой путь 1-го Украинского фронта". На ней экспонировались портреты и фотографии отличившихся солдат, сержантов и офицеров. Скульптор Першудчев подготовил для выставки несколько бюстов Героев Советского Союза,

Сердечное слово командира, политработника, благодарность старшего начальника тоже были поощрениями, воодушевлявшими воинов на новые подвиги.

Житомирско-Бердичевская операция войск 1-го Украинского фронта положила начало зимней кампании 1944 года. Вслед за нами 5 января 1944 года перешел в наступление наш сосед — 2-й Украинский фронт под командованием генерала армии И. С. Конева, а затем 3-й и 4-й Украинские фронты, возглавляемые генералами Р. Я. Малиновским и Ф. И. Толбухиным.

Наступавшие войска встречали возраставшее с каждым днем противодействие неприятеля. С 24 по 31 декабря 1943 года противник перебросил с других участков к полосе нашего фронта четыре пехотные дивизии. Но это было только начало. В первой половине января 1944 года появилось еще несколько пехотных и танковых дивизий врага.

Сосредоточив в районе Винницы и Умани крупную танковую группировку, гитлеровцы нанесли по войскам 38-й и 1-й танковой армий два контрудара. Обстановка создалась сложная. В тот момент, когда наши передовые отряды вели бои на Южном Буге, к штабу 1-й танковой армии, находившемуся в районе Липовца, бешено рвались фашистские «тигры». На угрожаемое направление были переброшены резервные части. Ожесточенные бои продолжались около двух недель.

Противник нанес контрудар и по частям 40-й армии и 5-го гвардейского танкового корпуса. Усилились контратаки на житомирском направлении и на правом крыле фронта, где 13-я армия генерала Н. П. Пухова 11 января 1944 года овладела городом Сарны и передовыми отрядами вышла к рекам Горынь и Стырь.

Учитывая сложившуюся обстановку, командующий войсками 1-го Украинского фронта 15 января с разрешения Ставки приказал всем армиям и соединениям перейти к обороне и, прочно удерживая занимаемые рубежи, разбить контратакующие части противника.

Критически оценивая общие итоги декабрьского наступления войск 1-го Украинского фронта, нельзя не заметить отдельных просчетов со стороны командующего, штаба и Военного совета, переоценивших возможности измотанных боями войск. Порой наши силы и средства распылялись по второстепенным направлениям. Может быть, поэтому на завершающем этапе операции мы остались без резервов, вследствие чего трудно было отражать контрудары врага.

В целом же декабрьское наступление, развернувшееся на огромном фронте от Полесья и почти до Винницы, принесло крупный оперативный успех. Войска 1-го Украинского фронта, отвлекшие на себя крупные силы врага и перемоловшие немало фашистских дивизий, за время наступления (с 24 декабря 1943 года по 6 января 1944 года) продвинулись на 80-200 километров и почти полностью освободили Киевскую, Житомирскую области и ряд районов Винницкой и Ровенской областей, в том числе города Житомир, Бердичев, Казатин, Белая Церковь, Новоград-Волынский.

Противник понес огромный урон. Наши воины уничтожили

72,5 тысячи гитлеровцев, 1311 орудий и минометов, 1227 танков и штурмовых орудий, захватили около 4,5 тысячи пленных.

Войска 1-го Украинского фронта полностью ликвидировали угрозу, нависавшую над Киевом, и совместно с наступавшими войсками 2-го Украинского фронта создали реальные предпосылки для окружения и уничтожения корсунь-шевченковской группировки врага.

Корсунь-Шевченковский котел

Корсунь-Шевченковский выступ, начинавшийся от реки Днепр и господствующих Каневских высот, разъединял смежные фланги 1-го и 2-го Украинских фронтов, затрудняя их совместные боевые действия. Немецко-фашистское командование не оставляло намерения при благоприятных условиях использовать этот плацдарм для удара на Киев и восстановления утраченных позиций в районе Днепра. Недаром гитлеровская пропаганда, пытаясь принизить успехи нашего наступления на житомирском направлении, продолжала бахвалиться: "Солдаты германского рейха и поныне черпают воду из Днепра".

Учитывая опасность Корсунь-Шевченковского выступа, Ставка Верховного Главнокомандования в директиве от 12 января 1944 года поставила перед 1-ми 2-м Украинскими фронтами задачу — одновременными ударами под основание выступа окружить и уничтожить сосредоточенную здесь группировку противника.

В сжатые сроки, фактически почти не имея оперативной паузы, Военный совет и штаб фронта должны были в ходе непрекращающихся напряженных боев осуществить перегруппировку войск, обеспечить доставку в части тысяч тонн снарядов, мин и бомб. Требовалось также принять пополнение, морально и политически подготовить воинов, ведущих оборонительные бои, к активным наступательным действиям против вражеской группировки, которая насчитывала в своем составе десять дивизий, моторизованную бригаду, отдельный танковый батальон и шесть дивизионов штурмовых орудий.

Перед Корсунь-Шевченковской операцией создавалась 6-я танковая армия. В наступлении ей отводилась заметная роль. В состав нового объединения вошли 5-й гвардейский танковый и 5-й механизированный корпуса. К началу операции армия, находившаяся в стадии формирования, имела лишь 107 танков и САУ.

Когда встал вопрос о том, кого назначить командующим вновь организуемой танковой армии, Военный совет 1-го Украинского фронта рекомендовал генерала А. Г. Кравченко. Николай Федорович Ватутин, знавший Кравченко еще по Юго-Западному фронту, охарактеризовал Андрея Григорьевича как

решительного и энергичного военачальника, способного выполнять большие и трудные задачи. Умелый организатор боя и мастер глубокого маневра, он был одним из тех танковых командиров, кто окружал немецко-фашистскую армию под Сталинградом.

С генералом А. Г. Кравченко я не раз встречался в боевой обстановке и был согласен с характеристикой, которую дал ему генерал армии Н. Ф. Ватутин. Военный совет высоко ценил боевое умение, инициативу и опыт Андрея Григорьевича, его морально-боевые качества, прежде всего честность, храбрость и твердую волю. На основании нашего ходатайства генерал А. Г. Кравченко был утвержден в должности командарма.

В боевой обстановке произошло мое знакомство с вновь назначенным членом Военного совета 6-й танковой армии генерал-майором Г. Л. Туманяном. Он обладал немалым боевым опытом, находился на фронтах Отечественной войны с 1941 года, был комиссаром полка, затем стрелкового и танкового корпусов, членом Военного совета 12-й и 46-й общевойсковых армий.

Контратакующим танкам врага удалось тогда вклиниться в нашу оборону и прорваться непосредственно к деревне, где находился штаб армии. На окраине села уже рвались снаряды, все явственнее приближалась пулеметная трескотня. В эти критические минуты член Военного совета генерал Туманян проявил хладнокровие и выдержку. Встретившись со мной, он кратко доложил о сложившейся обстановке и попросил разрешения немедленно выехать в расположенную поблизости танковую бригаду, чтобы в соответствии с решением командарма выдвинуть ее на угрожаемое направление. Активное вмешательство члена Военного совета ускорило выдвижение бригады. Она нанесла удар по прорвавшемуся противнику, и положение было восстановлено.

В ходе подготовки к Корсунь-Шевченковской операции на левом крыле 1-го Украинского фронта была создана ударная группировка в составе 6-й танковой армии и части сил 40-й и 27-й армий. Она имела задачу прорвать оборону противника на 25-километровом участке в районе Тыновки и, нанося главный удар в общем направлении на Звенигородку, к исходу третьего дня операции главными силами выйти на рубеж Тальное, Звенигородка, Лысянка, а подвижными войсками овладеть Шполой, где соединиться с танкистами 2-го Украинского фронта.

24-25 января 1944 года начал наступательные действия наш левофланговый сосед — 2-й Украинский фронт. Перед наступлением войск 1-го Украинского фронта погода изменилась. Внезапно пошел дождь, зажурчали ручьи, согнавшие снега. На

водоемах почернел и набух лед, а местами даже вскрылись реки. Грунтовые дороги стали непроезжими. Доставка боеприпасов и продовольствия в войска осложнилась.

Командиры, политорганы и работники войскового тыла обратились за помощью к местному населению. На подводах и волокушах, а то и просто вручную жители прифронтовых сел доставляли частям боеприпасы, под руководством армейских специалистов ремонтировали мосты, прокладывали гати, застилали хворостом крутые спуски и подъемы. Помощь местного населения трудно переоценить.

Утром 26 января на позиции противника, затянутые серой завесой тумана, обрушился артиллерийский шквал. Н. Ф. Ватутин находился на своем наблюдательном пункте, оборудованном в районе наступления нашей ударной группировки, и лично руководил боевыми действиями левого крыла фронта.

Но прорвать оборону врага нам долго не удавалось. Гитлеровцы предпринимали сильные контратаки, цеплялись за каждую позицию и траншею.

Тем временем у 2-го Украинского фронта, начавшего наступление раньше нас, успех уже обозначился. Оборона противника была прорвана, и части 5-й гвардейской танковой армии генерал-полковника танковых войск П. А. Ротмистрова вышли на оперативный простор и приближались к Шполе. Командиры и политработники оповестили об этом бойцов, призвав их решительно взламывать неприятельскую оборону, прокладывать путь нашим танкистам и, завершив окружение противника, с честью выполнить приказ Родины.

Во второй половине дня некоторым соединениям 27-й армии удалось вклиниться во вражескую оборону. Командующий войсками 1-го Украинского фронта решил развить наметившийся успех и перебросил в полосу наступления 27-й армии генерал-лейтенанта С. Г. Трофименко резервные части.

Успешно прорывала оборону противника и 6-я танковая армия, выполнявшая несколько необычную для нее задачу. Механизированный корпус армии имел самостоятельную полосу наступления.

Усилиями войск 6-й танковой, 40-й и 27-й армий вражеская оборона была сокрушена! Наступило утро 27 января. В рассветной мгле все яснее проступали серые холмы, перепаханные накануне артиллерией, измятые гусеницами боевых машин.

С гулом и грохотом двинулись танки, облепленные десантниками, загудели автомашины с орудийными расчетами и прицепленными пушками. Это ринулся в прорыв передовой отряд

6-й танковой армии под командованием генерал-майора танковых войск М. И. Савельева. В составе отряда были 233-я танковая бригада, 1228-й самоходно-артиллерийский полк, мотострелковый батальон и батарея истребительно-противотанковой артиллерии.

После стремительного удара через Лысянку наш подвижной отряд ворвался в Звенигородку ив 13.00 28 января соединился с танкистами 2-го Украинского фронта. Так было замкнуто кольцо окружения вокруг семи пехотных и одной танковой дивизий врага, моторизованной бригады, управлений 11-го и 42-го армейских корпусов, отдельных частей еще одной пехотной дивизии и многих специальных подразделений гитлеровской армии.

Враг понес огромный урон. Имели потери и наши войска. Продвигаясь вместе с передовыми частями к Звенигородке, пал в бою командующий бронетанковыми и механизированными войсками 1-го Украинского фронта генерал-лейтенант танковых войск А. Д. Штевнев. Это был мужественный военачальник, закаленный воин, старый член партии. Военный совет был глубоко опечален потерей крупного танкового командира, опытного организатора, хорошего товарища.

Сражение под Корсунью с каждым днем ожесточалось. Военный совет 1-го Украинского фронта в своем обращении к войскам потребовал в короткий срок разгромить и уничтожить оказавшуюся в котле крупную группировку гитлеровцев. "Доблестные боевые друзья! — говорилось в обращении Военного совета. Окруженный, загнанный нашими войсками в ловушку, враг мечется в своей предсмертной агонии, делает отчаянные попытки вырваться из окружения. Не допустим этого!

Во имя нашей Родины, во имя нашей победы призываем: стремительными и сокрушительными ударами обрушить всю мощь нашего оружия на голову врага, полностью разгромить и ликвидировать окруженную группировку противника! Действовать быстро, смело, нападать на врага внезапно, решительно дробить и уничтожать его по частям…"{20}

Большой подъем среди воинов вызвал салют Москвы и приказ Верховного Главнокомандующего о присвоении отличившимся частям и соединениям почетного наименования Звенигородских.

Генерал Н. Ф. Ватутин и штаб приняли энергичные меры для создания совместно с соседом внутреннего и внешнего фронтов окружения. 2-я воздушная армия генерала С. А. Красовского получила задачу действовать на внешнем кольце, уничтожая немецко-фашистскую авиацию, и в первую очередь транспортные самолеты, на земле и в воздухе. Наши летчики установили

надежную и прочную воздушную блокаду котла.

Помня о недавней катастрофе на Волге, постигшей 330-тысячную немецкую армию, гитлеровское командование с лихорадочной поспешностью пыталось деблокировать свои войска в районе Корсунь-Шевченковского. В полосе 2-го Украинского фронта эсэсовские танковые дивизии, выдвинутые из-под Кировограда, нанесли сильный контрудар. Не добившись там успеха, гитлеровское военное руководство перенесло главные усилия на наш участок. Но это не застало нас врасплох. Разведка установила сосредоточение севернее Умани крупных танковых сил врага. На участке 27-й армии бойцы задержали переодетого фашистского лазутчика, пробиравшегося к командовавшему окруженной группировкой генералу Штеммерману с задачей согласовать детали совместного концентрированного удара по советским войскам, намеченного Манштейном на 4 февраля 1944 года.

Вечером 2 февраля мы с генералом армии Н. Ф. Ватутиным и начальником штаба фронта генерал-лейтенантом А. Н. Боголюбовым обсуждали эти разведывательные данные. До начала контрудара неприятеля оставалось немногим более суток, а резервов поблизости не было. Как же поступить, что предпринять? Николай Федорович позвонил по ВЧ командующему 2-й воздушной армией генералу С. А. Красовскому и сообщил о серьезной угрозе, нависшей над нашими войсками, действовавшими на внешнем фронте, о сосредоточении севернее Умани крупной танковой группировки врага. Командующий фронтом приказал 2-й воздушной армии содействовать наземным частям в отражении контрудара противника и не допустить подхода его танков к окруженной группировке. Еще более прочной должна быть и блокада с воздуха.

Выслушав доклад генерала С. А. Красовского, Николай Федорович сказал:

— Я знаю, что погода не благоприятствует, и отчетливо представляю все трудности полетов в сложных метеорологических условиях. Но обстановка требует, чтобы наша авиация без промедления, завтра же нанесла удары по фашистским танкам.

Телефонный разговор с генералом С. А. Красовским командующий фронтом закончил словами: "Иного ответа от вас и не ждал. Желаю боевых успехов".

Николай Федорович положил трубку и сказал:

— Красовский заверил, что он и летчики сделают все, что в их силах и возможностях, — несмотря на плохую погоду, нанесут

бомбовые и штурмовые удары по танковой группировке врага.

— А погода и в самом деле нелетная, — хмуро проговорил генерал А. Н. Боголюбов, прислушиваясь, как вьюга бьет по оконным стеклам колкой крупой и в печной трубе неумолчно воет неистовый ветер.

Как мне потом рассказывал заместитель командующего 2-й воздушной армией по политчасти генерал С. Н. Ромазанов, в штабе и политотделе армии в ту ночь никто не спал. В 291, 264 и 227-й штурмовых авиадивизиях, выделенных для выполнения боевого задания, командиры и политработники, инженерно-технический состав и труженики авиационного тыла готовились к напряженному и трудному летному дню.

Под утро вьюга стихла, но метеорологические условия оставались сложными. На рассвете 3 февраля группы штурмовиков поднялись в воздух и взяли курс на Гайсин и Христиновку. В районе этих населенных пунктов в перелесках и оврагах укрывались немецкие танки, сосредоточенные для контрудара по войскам нашего фронта.

Появление краснозвездных «ильюшиных» в нелетную погоду было полной неожиданностью для врага. Штурмовыми и бомбовыми ударами наша авиация вывела из строя немало фашистских танков, самоходных орудий, автомашин и бронетранспортеров. Значительны были потери гитлеровцев и в живой силе. Аэрофотосъемка подтвердила большую эффективность налетов.

Одновременно 2-я воздушная армия нанесла удары и по вражеским аэродромам, уничтожив десятки боевых и транспортных самолетов, предназначенных для снабжения окруженных немецких войск боеприпасами и эвакуации гитлеровцев из котла.

Получив донесение о боевых успехах летчиков, Военный совет вечером 3 февраля направил во 2-ю воздушную армию следующую телеграмму: "Командирам 10 иак Головня, 264 шад Клобукову, 227 шад Ложечникову. Военный совет 1-го Украинского фронта удовлетворен работой летчиков ваших частей по уничтожению транспортной авиации противника 3.2.44 г. Поздравляем с победой. Объявляем благодарность всему личному составу, участвовавшему в разгроме врага.

Военный совет фронта желает больших успехов в уничтожении немецких захватчиков.

Ватутин, Крайнюков"{21}

Эффективно действовали летчики и в последующие дни. Ненастным февральским утром, когда низкая облачность, снегопад и плохая видимость, казалось, исключали полеты,

наиболее подготовленные и опытные экипажи 291-й штурмовой авиадивизии генерала А. Н. Витрука поднялись на выполнение нового боевого задания.

Генерал С. Н. Ромазанов, находившийся на командном пункте, рассказывал о том, как командарм С. А. Красовский с тревогой и волнением следил за полетом в сложнейших метеорологических условиях. Определив по времени, что штурмовики миновали линию фронта и подходят к цели, генерал С. А. Красовский взял в руки микрофон и обратился к экипажам:

— Орлы! Родина верит вам и надеется на вас! Прямо по курсу — фашистские танки!

Выслушав краткий доклад ведущего группы о том, что цель обнаружена, генерал С. А. Красовский дал разрешение начать боевую работу по уничтожению скопления вражеских танков и автомашин.

Летчики точно вышли на цель и нанесли гитлеровцам большой урон. Генерал С. А. Красовский не только умело руководил боевой деятельностью авиационных соединений, но и был искусным организатором политической работы, воспитателем личного состава. Один из первых комиссаров молодых авиаотрядов, Степан Акимович хорошо знал формы и методы политработы, повседневно применял их на практике, подавая пример командирам дивизий и полков.

Сослуживцы любили командарма Красовского за его боевые и душевные качества, умелое руководство, твердость и требовательность, отзывчивость, простоту и подлинно партийное отношение к делу.

2-я воздушная армия успешно действовала в Корсунь-Шевченковской операции, равно как и в других битвах Великой Отечественной войны.

4 февраля 1944 года северо-западнее Звенигородки гитлеровцы нанесли по войскам нашего фронта сильный контрудар. Массированными атаками, в которых участвовало до 200 танков, противник норовил извне прорвать кольцо советских войск и деблокировать корсуньскую группировку. Одновременно и окруженные вражеские части во главе с танковой дивизией СС «Викинг» предпринимали отчаянные попытки вырваться из котла. Но тщетно! Наши войска, обогащенные опытом сталинградских боев и других сражений, не позволили врагу вырваться из кольца.

Показания военнопленных свидетельствовали о том, что окруженные под Корсунь-Шевченковским немецкие солдаты все более задумывались над своей незавидной участью, вспоминая о печальном уроке на Волге. Некоторые из них поговаривали, что надо-де жизнь спасать и сдаваться в плен, пока не поздно. Но

большинство германских солдат опасалось совершить этот разумный шаг, потому что было напугано нелепыми россказнями о "зверствах красных" и "ужасной Сибири", где их якобы ждет неминуемая смерть. Подобные клеветнические измышления о Красной Армии усиленно насаждались так называемыми офицерами по национал-социалистскому воспитанию. Создание в вермахте нацистско-пропагандистского института лишний раз подтверждало, что на огромном советско-германском фронте шли не только напряженные боевые действия. Ни на минуту не затухала и яростная идеологическая борьба, в которой полную и безраздельную победу одержала наша жизнеутверждающая и справедливая, подлинно научная коммунистическая идеология.

Важным участком политической работы являлась пропаганда среди войск противника. В ходе Отечественной войны мы приобрели в этом известный опыт. Но трудностей пришлось преодолеть немало. Я вспоминаю, какой острый недостаток в кадрах мы испытывали в начале войны, когда органы, призванные вести эту важную работу, находились в стадии формирования и становления.

На первых порах наша пропаганда среди войск противника была малоэффективна не только из-за наших временных неудач на фронте, но также и потому, что она велась не всегда умело. На это, в частности, указывал Совет военно-политической пропаганды при Главном политическом управлении Красной Армии в своем постановлении от 27 июня 1942 года. "Фронтовая пропаганда, говорилось в этом документе, — носит преимущественно общий, декларативный характер. В ней не учитывается подлинный морально-политический облик немецкого солдата, отравленного ядом разбойничьей фашистской идеологии и способного понять только аргументацию силы… Преобладают уговаривание и чуждые солдатам немецко-фашистской армии различные моральные доводы (совести, гуманности, справедливости и т. д.) и совсем недостаточно используется аргументация силы устрашения".

В начальные месяцы войны вся тяжесть работы по изданию листовок для войск противника падала на Главное политическое управление РККА, выпускавшее до 80 процентов всех агитационно-пропагандистских материалов. На долю же политуправлений фронтов приходилось лишь 20 процентов. Политорганы армий, корпусов, дивизий вовсе не издавали листовок. Их деятельность ограничивалась распространением материалов, присланных из Центра и написанных подчас без учета местных условий и конкретной оперативной обстановки.

А между тем фронтовая действительность все более

настоятельно требовала, чтобы политорганы на местах развернули оперативное издание листовок для войск противника. Помню, 29 ноября 1941 года войска Южного фронта, в том числе 9-й армии, где я был членом Военного совета, освободили Ростов-на-Дону, крепко потрепав 1-ю немецкую танковую армию фон Клейста. Гитлеровцы поспешно бежали из Ростова, побросав в панике немало орудий, минометов, автомашин, боеприпасов и оставив на произвол судьбы многих раненых. Это одно из первых и довольно крупных поражений фашистского вермахта в 1941 году ошеломило гитлеровских вояк. Немецкие солдаты недоумевали, как же случилось, что командующий группой армий «Юг» генерал-фельдмаршал Рундштедт, командующий 1-й танковой армией генерал фон Клейст и их многочисленные войска, покорившие Францию и другие страны Европы, оказались вдруг битыми и позорно бежали.

Мы не могли ждать, пока Главное политическое управление пришлет рассчитанную на войска противника агитационную литературу о победе советских войск под Ростовом-на-Дону. Политотдел 9-й армии, возглавляемый полковым комиссаром Б. С. Мельниковым, экстренно выпустил листовку на немецком языке о поражении гитлеровцев под Ростовом, а наши летчики разбросали эти листовки над отступавшими колоннами танковой армии фон Клейста и в полосе передовых позиций противника.

Сокрушительный разгром немецко-фашистских войск под Сталинградом, Курском и другие крупные успехи Советских Вооруженных Сил оказали известное влияние на моральный дух немецкого солдата. Выдающиеся победы Красной Армии придали особую убедительность нашим пропагандистским материалам для войск противника. Да и люди, занимающиеся этой необычной и нелегкой деятельностью, стали более опытными. Как правило, пропаганда велась оперативно и дифференцированно. Для солдат одна листовка, для офицеров — другая. Содержание их увязывалось с оперативно-тактической обстановкой на фронте.

В устной и печатной пропаганде и контрпропаганде разъяснялась неизбежность поражения фашистской армии, разоблачались преступные планы гитлеровской клики. В листовках непременно проводилась четкая грань между немецким народом и Гитлером с его нацистскими приспешниками, посылавшими солдат вермахта на гибель за чуждые им интересы.

В дни Корсунь-Шевченковской операции политуправление 1-го Украинского фронта большим тиражом выпустило листовку на немецком языке, снабженную схемой окружения. В ней говорилось о том, что советские войска прочно, как на Волге, взяли в непробиваемое стальное кольцо крупную группировку

вермахта. Солдатам и офицерам противника предлагалось сделать выбор — либо сдача в плен, либо неминуемая гибель.

Наши самолеты неоднократно разбрасывали эту листовку. Ее распространяли и воины-разведчики, проникавшие в тыл врага, а также отдельные военнопленные, засылаемые в окруженные части. Широкий размах приняла и устная агитация с помощью мощных радиовещательных установок.

В первых числах февраля на 1-й Украинский фронт прибыли работники Главного политического управления РККА во главе с заместителем начальника ГлавПУРа генерал-лейтенантом Иосифом Васильевичем Шикиным. В это же время прибыли вице-президент национального комитета "Свободная Германия" и президент Союза немецких офицеров генерал артиллерии Вальтер фон Зейдлиц, член правления Союза немецких офицеров генерал-майор доктор Отто Корфес и другие.

Я пригласил прибывших в столовую Военного совета. За ужином завязался разговор о цели приезда столь необычных гостей. Генерал артиллерии фон Зейдлиц заявил, что он после трагедии германской армии под Сталинградом хочет предостеречь своих соотечественников от бессмысленных жертв. Он сообщил, что написал личные письма командиру 42-го армейского корпуса, а также знакомым ему генералам и офицерам.

В листовке с подписью-факсимиле генерала фон Зейдлица, распространенной среди окруженных под Корсунью немецких войск, в частности, говорилось: "Как президент Союза немецких офицеров движения "Свободная Германия", я поспешил на ваш фронт, чтобы установить лично связь с вами и показать вам единственно возможный путь из катастрофы". Листовка призывала солдат и офицеров вермахта переходить на сторону национального комитета "Свободная Германия".

Как затем стало известно, гитлеровцы заочно приговорили генерала фон Зейдлица к смертной казни. Приговор зачитывался во всех дивизиях вермахта. Военнослужащих гитлеровской армии обязывали подписывать клятвенное обязательство: "Я не перейду на сторону армии фон Зейдлица, если окажусь в плену. В противном случае пусть меня исключат из народной общности и уничтожат мой род".

К слову сказать, никакой армии фон Зейдлица в природе не существовало. Но у страха, как говорят, глаза велики. Гитлеровскую клику пугало антифашистское движение в любых формах и проявлениях, в том числе и деятельность Союза немецких офицеров, основанного осенью 1943 года военнопленными в СССР. Союз солидаризировался с манифестом

национального комитета "Свободная Германия".

Советское командование, решив избежать напрасного кровопролития, 8 февраля 1944 года предъявило германским войскам, окруженным под Корсунь-Шевченковским, ультиматум, в котором предлагало прекратить сопротивление. В документе, подписанном представителем Ставки, координировавшим действия фронтов, Маршалом Советского Союза Г. К. Жуковым и командующими 1-м и 2-м Украинскими фронтами генералами армии Н. Ф. Ватутиным и И. С. Коневым, всем немецким офицерам и солдатам, прекратившим сопротивление, гарантировались жизнь и безопасность, а после окончания войны возвращение в Германию или в любую другую страну по личному желанию военнопленного. В ультиматуме говорилось, что всем сдавшимся офицерам, унтер-офицерам и солдатам будут сохранены военная форма, знаки различия, ордена, личная собственность и ценности, а старшему офицерскому составу и холодное оружие. "Если вы отклоните наше предложение сложить оружие, гласил ультиматум, — то войска Красной Армии и воздушного флота начнут действия по уничтожению окруженных ваших войск и ответственность за их уничтожение понесете вы"{22}.

Для вручения противнику ультиматума командующий войсками 1-го Украинского фронта генерал армии Н. Ф. Ватутин назначил парламентером старшего помощника начальника 1-го отделения разведывательного отдела штаба фронта подполковника А. П. Савельева, переводчиком лейтенанта А. В. Смирнова и сигналистом рядового А. Р. Кузнецова. Парламентер и сопровождавшие его лица получили лично у генерала армии Н. Ф. Ватутина подробный инструктаж об их обязанностях и правах, о том, как надлежит исполнить процедуру вручения пакетов с ультиматумом командирам 42-го и 11-го немецких армейских корпусов.

8 февраля в 11 часов парламентер и сопровождавшие его товарищи перешли линию фронта. "Исходным пунктом нашего выступления был бугор, что метров 300 севернее Хировка, Стеблев, — писал подполковник А. П. Савельев в рапорте Военному совету фронта. — До переднего края обороны противника было не менее 1000 метров. Дул сильный встречно-боковой ветер… Я понял, что вряд ли при такой погоде и таком расстоянии немцы могли слышать нашу передачу через громкоговорящую установку. Приходилось надеяться на белый флаг, который был хорошо виден. Сигнала трубы первое время немцы также слышать не могли.

Как только мы прошли шагов 30–40, нас с фронта обстрелял

пулемет очередью в 10–12 пуль. Мы остановились, помахали флагом, тов. Кузнецов проиграл сигнал «Внимание». Прошли еще шагов двадцать. Последовала такая же очередь. Пули просвистели буквально около нас. Я дал команду "Ложись!". Мы легли в неглубокую борозду, держа флаг вверх. Через пару минут противник обстрелял нас лежащих…"{23}

Группа Савельева вынуждена была сделать перебежку Пулемет замолчал но ружейный огонь не прекращался. Пренебрегая опасностью, наши посланцы продолжали продвигаться вперед, размахивая белым флагом. Время от времени сигналист играл «Внимание».

Наконец навстречу вышла группа немцев. Подполковнику и его спутникам завязали глаза и ломаным маршрутом повели в Стеблев. Оттуда их на машине повезли в штаб. Переговоры вел офицер, назвавшийся полковником Фукке. Он заявил, что командиров 42-го и 11-го армейских корпусов здесь якобы нет и что он является командующим сосредоточенными в данном районе войсками.

А. П. Савельев сказал, что ему неясно, командующим какими войсками является полковник Фукке — всеми ли войсками, находящимися в окружении, или же частями того участка обороны, где парламентеры перешли линию фронта.

К слову сказать, нам уже тогда было известно, что в окруженной фашистской группировке полковник Фукке командовал одним лишь стеблевским участком обороны. Вот почему на вопрос советского парламентера он прямого ответа не дал и пустился в отвлеченные и путаные рассуждения о том, что есть, мол, различные тактические понятия термина «окружение». Однако пакет он принял и сообщил, что ультиматум советского командования будет передан в вышестоящие инстанции.

Прошло некоторое время, потребовавшееся немцам для консультации, и упомянутый полковник объявил парламентерам, что окончательный ответ будет дан на следующий день в установленное время. "Я уточнил, — докладывал об итогах своего визита в стан врага подполковник А. П. Савельев, — каким способом будет дан ответ: так, как сказано в ультиматуме, или другим способом? Мне ответили: как сказано в ультиматуме.

…Тот же автомобиль быстро домчал нас на передний край. Было уже поздно (около 18.30). Мы спешили.

Сопровождавший нас офицер предложил развернуть белый флаг. Мы взяли друг друга под руки и, сопровождаемые с флангов солдатами, быстро пошли по шоссе в сторону нашей обороны. Офицер передал, что после того, как нам развяжут глаза, мы должны, не оглядываясь, следовать в свою сторону…

Когда мы приблизились к нашим окопам, были уже густые сумерки. Нас встретил боец с радостной улыбкой"{24}

На следующий день к 12 часам штаб генерала Штеммермана сообщил, что немецкая сторона отклоняет ультиматум советского командования. Как потом выяснилось, Гитлер требовал, чтобы окруженные под Корсунь-Шевченковским фашистские войска любой ценой удерживали позиции, клятвенно заверяя, что котел будет во что бы то ни стало деблокирован.

Об этом говорили перебежчики и пленные. Они сообщали, что с юга на помощь окруженным войскам идут пять танковых дивизий, в том числе танковая дивизия СС "Адольф Гитлер".

Руководству фронта было ясно, что фашистские генералы и офицеры всячески постараются скрыть от немецких солдат сам факт окружения и содержание советского ультиматума, имеющего в своей основе гуманные предложения. Военный совет фронта обязал политуправление напечатать текст ультиматума советского командования на немецком языке и распространить эту листовку среди окруженных войск противника.

После того как ультиматум был отклонен, войска 1-го и 2-го Украинских фронтов усилили боевые действия по уничтожению окруженной группировки врага, обрушив на нее всю мощь артиллерийско-минометного огня, бомбовые и штурмовые удары с воздуха.

С каждым днем бои принимали все более ожесточенный характер. Стянув под Корсунь-Шевченковский крупные силы, германское командование пыталось непременно деблокировать котел и тем самым хотя бы в какой-то мере спасти свой подмоченный на Волге политический и военный престиж. "Можете положиться на меня, как на каменную стену, — самоуверенно заявлял Гитлер в радиограмме, направленной командующему окруженными войсками генералу Штеммерману. — Вы будете освобождены из котла. А пока держитесь".

Как только штаб генерала Штеммермана отклонил ультиматум советского командования, почти одновременно три немецкие танковые дивизии, сосредоточенные на узком участке фронта, нанесли массированный таранный удар из района Буки, Ризино в общем направлении на Шубины Ставы, Шендеровка. Это наступление извне было согласовано со встречными атаками вражеских частей, находившихся в котле. Окруженные гитлеровцы с отчаянием обреченных бросались на позиции 27-й армии генерала С. Г. Трофименко, уплотнившей внутренний фронт окружения.

Еще более напряженный характер приняли бои на внешнем

обводе, где бешеные атаки фашистов отбивали части 6-й танковой армии генерала А. Г. Кравченко. Ей вовремя пришла подмога. Когда создалась особенно трудная обстановка и превосходящим силам противника удалось немного вклиниться в наши боевые порядки, Ставка Верховного Главнокомандования разрешила ввести в сражение находившуюся в резерве 2-ю танковую армию (командующий генерал-лейтенант танковых войск С. И. Богданов, член Военного совета генерал-майор танковых войск П. М. Латышев). Совершив в течение суток 120-километровый марш, соединения армии выдвинулись из района Липовца на опасный участок. Некоторые части с ходу вступили в бой с врагом.

Фланговый удар соединений 2-й танковой армии по прорвавшейся группировке охладил пыл гитлеровцев. Более того, в районе Ботылевка, Виноград наши войска дополнительно создали малый котел, окружив и почти полностью уничтожив 16-ю немецкую танковую дивизию. Фашистские войска были повсеместно остановлены и на ряде участков отброшены в исходное положение.

Решив ближе познакомиться с руководством армии, переданной фронту из резерва Ставки, я прибыл на наблюдательный пункт генерала С. И. Богданова. Командарма я не застал, но зато повстречал генерала П. М. Латышева. Он был моим хорошим товарищем и однокашником по Военно-политической академии имени В. И. Ленина, которую мы окончили в 1934 году. С тех пор я не видел Латышева, и теперь, конечно, встреча была сердечной.

Мне довелось видеть Петра Матвеевича в сложной боевой обстановке, и я убедился, что в лице генерала Латышева армия имеет опытного политработника, храброго воина, стойкого коммуниста и искусного воспитателя солдат и офицеров.

О командарме С. И. Богданове П. М. Латышев отозвался так:

— Семен Ильич — выходец из семьи рабочего-путиловца. В Красной Армии он со дня ее основания. Участник трех войн. В любой обстановке действует смело и решительно, умеет дерзко и стремительно наступать и стойко защищать свои рубежи.

На участок, обороняемый 2-й и 6-й танковыми армиями, гитлеровцы наступали крупными силами. В районе Ризино, как отмечала разведка, сосредоточивались все новые и новые фашистские танковые части. Ослепленный яростью противник шел напролом. Гитлеровское командование решило не только деблокировать свою окруженную группировку, но и одновременно взять в танковые клещи наши части в районе Лысянки. Кроме главного удара, наносившегося из района Ризино

на Лысянку, гитлеровцы рвались к этому населенному пункту и в полосе соседа, наступая из района Ерков.

11 и 12 февраля 1944 года бои достигли наибольшего накала. Из района Ризино, Черемисское, Тарасовка 160 танков противника с мотопехотой возобновили наступление в общем направлении на Лысянку и ценой больших потерь вклинились в нашу оборону. Навстречу им рвались окруженные немецкие части. Расстояние между ними сократилось до 10–12 километров. Чувствовалось, что противник выдыхается, что он понес огромнейшие потери.

В целях срыва вражеского замысла командующий войсками 1-го Украинского фронта принял ряд мер. В оперативном отношении он временно подчинил командующему 27-й армией генералу С. Г. Трофименко войска 6-й танковой армии. В районе Лысянка, Дашуковка, Чесноковка сосредоточивались части 2-й танковой армии. На рубеже Хижинцы, Джуренцы развертывалась 202-я стрелковая дивизия. Туда же перебрасывалась одна полностью укомплектованная бригада из 1-й танковой армии генерала М. Е. Катукова. Словом, делалось все возможное, чтобы остановленный враг и в дальнейшем не смог продвинуться. Боевая сила, помноженная на мужество и стойкость наших воинов, перечеркнула авантюристические планы гитлеровцев.

Наши войска преодолели кризисное состояние и выдержали натиск врага, В полосе 1-го Украинского фронта обескровленный враг был остановлен. По всему было видно, что окончательная ликвидация окруженной группировки является делом нескольких дней.

Неожиданно для нас в адрес командующего 1-м Украинским фронтом поступила директива Ставки Верховного Главнокомандования № 220022 от 12 февраля 1944 года. В ней говорилось: "1. Возложить руководство всеми войсками, действующими против корсуньской группировки противника, на командующего 2-м Украинским фронтом с задачей в кратчайший срок уничтожить корсуньскую группировку немцев.

В соответствии с этим 27-ю армию в составе 180, 337, 202-й стрелковых дивизий, 54-го, 159-го укрепленных районов и всех имеющихся частей усиления передать с 24 часов 12.2.44 г. в оперативное подчинение командующего 2-м Украинским фронтом".

В директиве указывалось, что снабжение взятой у нас 27-й армии оставить за 1-м Украинским фронтом; командующему 2-м Украинским фронтом связь со штабом 27-й армии до установления прямой связи иметь через штаб 1-го Украинского фронта.

Откровенно говоря, мы были тогда в недоумении. Лишь много лет спустя Маршал Советского Союза Г. К. Жуков в своих воспоминаниях несколько приоткрыл завесу и в какой-то мере разъяснил суть этой истории. Маршал Жуков, координировавший действия 1-го и 2-го Украинских фронтов, так, например, рассказывает о проходившем 12 февраля 1944 года разговоре по ВЧ с И. В. Сталиным: "Верховный сказал:

Мне сейчас доложили, что у Ватутина ночью прорвался противник из района Шендеровки в Хилки и Новую Буду. Вы знаете об этом?

— Нет, не знаю.

— Проверьте и доложите.

Я тут же позвонил Н. Ф. Ватутину и выяснил: противник действительно пытался, пользуясь пургой, вырваться из окружения и уже успел продвинуться километра на два-три, занял Хилки, но был остановлен.

Переговорив с Н. Ф. Ватутиным о принятии дополнительных мер, я позвонил Верховному и доложил ему то, что мне было известно из сообщения Н. Ф. Ватутина.

И. В. Сталин сказал:

— Конев предлагает передать ему руководство войсками по ликвидации корсунь-шевченковской группы противника, а руководство войсками на внешнем фронте сосредоточить в руках Ватутина.

— Окончательное уничтожение группы противника, находящейся в котле, ответил я, — дело трех-четырех дней. Передача управления войсками 27-й армии 1-го Украинского фронта может затянуть ход операции.

— Пусть Ватутин лично займется операцией 13-й и 60-й армий в районе Ровно — Луцк — Дубно, а вы возьмите на себя ответственность не допустить прорыва ударной группы противника на внешнем фронте района Лысянки. Все…

Н. Ф. Ватутин был очень впечатлительный человек. Получив директиву, он тотчас же позвонил мне и, полагая, что я был инициатором этого перемещения, с обидой сказал:

— Товарищ маршал, кому-кому, а вам-то известно, что я, не смыкая глаз несколько суток подряд, напрягал все силы для осуществления Корсунь-Шевченковской операции. Почему же сейчас меня отстраняют и не дают довести эту операцию до конца? Я тоже патриот войск своего фронта и хочу, чтобы столица нашей Родины Москва отсалютовала бойцам 1-го Украинского фронта.

— Николай Федорович, это приказ Верховного, а мы с вами солдаты, давайте безоговорочно выполнять приказ.

Н. Ф. Ватутин ответил:

— Слушаю, приказ будет выполнен"{25}.

В завершающие дни операции войска нашего левого крыла продолжали вести невероятно трудную борьбу на внешнем обводе, сдерживая бешеный натиск танковых дивизий врага.

Формально отключенные от боевых действий по ликвидации окруженной группировки противника, войска 1-го Украинского фронта продолжали активно вести бои. К этому порой вынуждала и сложившаяся обстановка. В ночь на 17 февраля, когда вовсю разгулялась вьюга, гитлеровцы предприняли последнюю отчаянную попытку вырваться из котла. Большими пехотными колоннами они повели атаки на позиции 27-й армии, подчиненной теперь 2-му Украинскому фронту. На участке Хилки, Комаровка ряд подразделений, а также отдельных групп противника к 9 часам утра прорвались в рощу севернее Почапинцев. Но здесь их перехватили войска 1-го Украинского фронта, довершая уничтожение и пленение врага.

18 февраля 1944 года столица нашей Родины Москва салютовала доблестным войскам 2-го Украинского фронта двадцатью артиллерийскими залпами из двухсот двадцати четырех орудий. О Л-м Украинском фронте в приказе Верховного Главнокомандующего не было сказано ничего.

Выслушав приказ по радио, мы — командующий и члены Военного совета фронта — огорчились. Нам тогда казалось, что кто-то не совсем объективно доложил Верховному Главнокомандующему о вкладе войск нашего фронта в данную операцию. Немного успокоившись, Н. Ф. Ватутин сказал:

— Главное — разбить врага, а историки потом разберутся во всем.

Начиная с 26 января и по 19 февраля 1944 года войска 1-го Украинского фронта принимали самое непосредственное участие в окружении, разгроме и уничтожении корсунь-шевченковской группировки противника. Наши войска решали эту задачу сообща, во взаимодействии со 2-м Украинским фронтом. Не умаляя заслуг и ратных дел соседа, штаб 1-го Украинского фронта подготовил в Ставку подробный отчет о боевой деятельности наших войск в Корсунь-Шевченковской операции.

20 февраля 1944 года командующий фронтом направил в Ставку следующее донесение: "Москва, Тов. Иванову{26}.

Докладываю:

1. В период 1-19 февраля войска 6 и 2 ТА и 104 ск 40 А в результате ожесточенных боев разбили ударную танковую группировку противника, наступающую в северо-восточном направлении на Шубины Ставы, Шендеровка, и отбили все атаки окруженной его группировки в юго-западном направлении, не допустив, таким образом, соединения этих двух групп противника.

2. За этот период войсками 6, 2 и 27 А (до перехода ее в подчинение 2-му Украинскому фронту) противнику нанесены тяжелые потери в технике и живой силе, уничтожено:

танков и самоходных орудий 521 минометов более 250 пулеметов 250 винтовок и автоматов до 2500 автомашин до 1700 самолетов 320

На поле боя осталось до 30 тысяч солдат и офицеров. В овраге 1,5 км севернее Петровка найден труп командующего 11 ак генерала артиллерии Вильгельма Штеммермана.

Захвачено 3200 пленных и трофеи:

танков и самоходных орудий 60 орудий разного калибра 70 бронетранспортеров 40 минометов 156 пулеметов 241 повозок с грузами 560 складов 9"{27}

Таковы исторические факты. По поводу того, что 1-й Украинский фронт не был упомянут в приказе Верховного Главнокомандующего, представитель Ставки Маршал Советского Союза Г. К. Жуков, хорошо знакомый с обстоятельствами дела, впоследствии прямо и откровенно признал:

"Я думаю, что это была ошибка Ставки.

Как известно, успех окружения и уничтожения вражеской группировки зависит от действий как внутреннего, так и внешнего фронта. Оба фронта, возглавляемые Н. Ф. Ватутиным и И. С. Коневым, сражались превосходно"{28}.

Этим авторитетным высказыванием маршал Г. К. Жуков

восстановил историческую справедливость и воздал должное войскам 1-го Украинского фронта, принимавшим участие в уничтожении окруженной группировки противника.

Ликвидация Корсунь-Шевченковского выступа коренным образом изменила обстановку на стыке 1-го и 2-го Украинских фронтов, создав благоприятные условия для последующих наступательных операций в целях полного освобождения всей Советской Украины.

Почти одновременно с Корсунь-Шевченковской операцией началась и Ровно-Луцкая, отличавшаяся известным своеобразием. Командующий войсками 1-го Украинского фронта генерал армии Н. Ф. Ватутин и штаб довольно искусно и оригинально разработали маневр подвижных войск, завершавшийся глубоким охватом ровенской группировки противника. Как предусматривал план операции, 1-й и 6-й гвардейские кавалерийские корпуса, выйдя на вражеские тылы, должны были внезапно повернуть на юго-запад и, не форсируя вскрывшихся из-за оттепели рек, двигаться по-над Горынью и Стырью. Маневр кавалерийских соединений сочетался с фронтальным ударом войск 13-й и 60-й армий.

Изучая противника, анализируя разведывательные данные, Военный совет довольно точно определил наиболее слабое место в его обороне. Это был лесисто-болотистый участок западнее Сарны, где гитлеровцы не имели сплошных рубежей. Планируя наступление на этом участке, командующий и штаб фронта учитывали, что противник не сможет подкрепить свою ровенскую группировку резервами, так как значительные силы его скованы под Корсунь-Шевченковским.

Цель Ровно-Луцкой операции заключалась в том, чтобы, освободив районы Луцка и Ровно, занять выгодное охватывающее положение для последующего удара во фланг немецкой группе армий «Юг», а также сковать неприятеля и не допустить переброски фашистских войск из района Ровно, Шепетовка в район Корсунь-Шевченковского.

Ровно-Луцкая операция, пожалуй, более чем другая, характерна дружными действиями регулярных войск и партизан. Военный совет фронта поставил через Украинский штаб партизанского движения конкретные боевые задачи каждому соединению и отряду, действовавшему на Волыни и Ровенщине. А их было более тридцати, в том числе и крупные соединения В. А. Бегмы, М. И. Наумова, Д. Н. Медведева, А. Ф. Федорова, И. Ф. Федорова и других прославленных командиров.

Партизаны с боем заняли районный центр Рафаловка, Колки, город Острог, разгромили несколько гарнизонов противника.

Дерзкими диверсионными действиями они навели панику среди гитлеровцев в Ровно и парализовали их важнейшие коммуникации.

Ровно-Луцкая операция началась 27 января 1944 года, на два дня позднее Корсунь-Шевченковской, Уже в первый день наступления войска 13-й армии под командованием генерала Н. П. Пухова и 60-й армии генерала И. Д. Черняховского преодолели оборону противника на реке Горынь и продвинулись на 5-12 километров, а передовые части 1-го и 6-го гвардейских кавалерийских корпусов достигли реки Стырь.

Перед вводом 1-го гвардейского кавкорпуса в сражение я связался с командиром этого соединения генералом В. К. Барановым и пожелал конникам боевых успехов.

— Вам повезло, Виктор Кириллович, — заметил я, — родные места будете освобождать, а дома, говорят, и стены помогают.

В сентябре 1939 года, когда земли Западной Украины воссоединялись с Советской Родиной, кавкорпус участвовал в освободительном походе Красной Армии. Затем его части продолжительное время квартировали в Ровно, Жолкеве и во Львове. И вот теперь гвардейцы-кавалеристы шли по тем самым лесам и болотам, где генерал В. К. Баранов и другие командиры в предвоенные годы проводили тактические учения и совершали марши, готовясь к боевым испытаниям.

Путь оказался неимоверно тяжелым. Кавалеристы шли по непролазной грязи, топким болотам. Транспорт с боеприпасами и грузами отставал, и гвардейцы подчас двигались в пешем строю, по пояс в ледяной воде, неся на себе пулеметы, минометы и боеприпасы.

По приказанию командующего войсками фронта летчики оказали помощь кавалеристам, действовавшим в тылу врага, перебросив им по воздуху боеприпасы и продовольствие. Вовремя получив поддержку, кавалеристы, вышедшие на оперативный простор, разгромили пехотный полк СС «Львов», боевую группу СС полковника Брюссинга и другие части врага.

Генерал армии Н. Ф. Ватутин, руководивший боями под Корсунь-Шевченковским, поддерживал постоянную связь по прямому проводу и радио с генералами Н. П. Пуховым и И. Д. Черняховским, активно влияя на ход операции, в разработку которой он вложил много труда. На правом крыле фронта. У нас действовала довольно мощная группировка. 13-я и 60-я армии имели в своем составе 19 стрелковых и 6 кавалерийских дивизий, 2 танковых корпуса. Главный удар наносила 13-я армия. Военный совет и политотдел этого объединения многое сделали для того, чтобы политически и морально подготовить бойцов и командиров

к тяжелым схваткам с сильным и коварным врагом.

В дни подготовки к операции войска учились боевым действиям в лесисто-болотистой местности, отрабатывали приемы форсирования водных преград с ходу. Ведь войскам армии предстояло в сложных условиях распутицы и половодья переправиться через реки Горынь, Иква, Стырь и другие.

Политотдел 13-й армии выпустил листовки: "Преодолевайте водные преграды, как мужественные воины офицеров Казаряна и Гудзя", "Бейте врага так, как уничтожают его гвардейцы Кузнецова и Чиркова".

Начальник политотдела полковник Н. Ф. Воронов докладывал, что перед началом операции Герои Советского Союза, кавалеры ордена Славы и другие бывалые воины передавали свой богатый опыт молодым солдатам. А им было о чем рассказать. Ведь 13-я армия одной из первых преодолела Днепр и Десну.

Дом Красной Армии организовал передвижные художественные выставки. На фотографиях, схемах и картах были отображены операции по освобождению Чернигова, Овруча, Новоград-Волынского, форсированию крупных водных преград.

Перед политорганами 13-й и 60-й армий стояли еще и особые задачи. Военный совет 1-го Украинского фронта располагал точными сведениями о том, что в зоне Полесья замечена концентрация украинских националистических банд, в том числе и петлюровского охвостья, находившихся на услужении у гитлеровцев. Требовались постоянная бдительность и высокая боевая готовность. Важно было до конца разоблачить демагогические измышления националистов, разъяснить воинам, особенно призывникам из освобожденных районов Украины, политическую сущность террористически-диверсионной шайки пособников фашистов, черное предательство и продажность этого антисоветского сброда.

Вместе с разбитыми гитлеровцами бандиты бродили, словно затравленные волки, по лесам, укрываясь от людей в чащобах, ярах и схоронах. Подло, из-за угла стреляли они в наших солдат и офицеров, предавали огню мирные села, грабили и терроризировали местное население, разбрасывали листовки, наполненные ядовитой клеветой на Советскую власть и Красную Армию.

По ночам над лесами летали фашистские «юнкерсы» и не раз на парашютах сбрасывали разбойным шайкам оружие, боеприпасы, офицеров-инструкторов и разведчиков. Наша служба радиоперехвата неоднократно засекала оживленный радиообмен между гитлеровским командованием и главарями украинских

националистов. Как-то в феврале 1944 года радисты перехватили сигнал.

— Внимание! — передавали фашисты бандеровцам. — Следите, выпускаем четырех «кошек».

Речь шла о засылке в наш тыл вражеских разведчиков. Изловив пресловутых «кошек», наши воины разгромили и националистическую банду.

Советскому командованию были известны данные о контактах черной своры предателей с гестаповцами. Эти подлые иуды обязались передавать немцам сообщения военного характера, вредить в нашем тылу, организовывать всяческий саботаж.

Обращение Президиума Верховного Совета и СНК УССР, опубликованное в феврале 1944 года, разоблачало предательство украинско-немецких националистов и их вожаков, открывало глаза тем, кто случайно попал в банды, был вовлечен туда обманным путем или же насильственно мобилизован. Тем лицам, которые честно и решительно порвут всякие связи с ними, правительство Советской Украины гарантировало полное прощение.

Этот важный документ мы напечатали во фронтовой газете на украинском языке "За честь Батьківщини", издали отдельной листовкой и распространили ее по городам, селам и лесам прифронтовой полосы. Обращение правительства Советской Украины вызвало разброд в рядах украинско-немецких националистов.

Войска 1-го Украинского фронта, ведя ожесточенную борьбу с гитлеровцами, одновременно громили и националистическое охвостье.

Развивая наступление в труднейших погодных условиях, продвигаясь по лесисто-болотистой местности, части 1-го гвардейского кавалерийского корпуса в ночь на 2 февраля 1944 года с ходу ворвались в Луцк и к утру решительной атакой овладели городом.

В начале февраля упорная борьба разгорелась и за Ровно. 6-й гвардейский кавалерийский корпус генерала С. В. Соколова, овладев Клеванью, нанес затем ударь одновременно в трех направлениях — на Ровно, Дубно и Здолбунов. Над противником нависла угроза окружения. 2 февраля стрелковые части 13-й армии во взаимодействии с кавалеристами освободили крупный областной центр Украины — Ровно. По приказу Гитлера под суд был отдан немецкий комендант этого города. Однако он сумел свалить вину на других, и к смертной казни приговорили одного из свидетелей на суде — командира немецкой дивизии,

действовавшей под Ровно. Но потом и его решили помиловать, ибо главным «виновником» сокрушительного поражения гитлеровцев являлась наша славная и победоносная Красная Армия.

Войска правого крыла 1-го Украинского фронта разгромили ровенскую группировку врага. И хотя эта операция по своим масштабам не считалась крупной, она являлась прелюдией к будущему большому наступлению наших войск. А вот древнюю крепость Дубно с ходу взять не удалось. Бои разгорелись и под Шепетовкой. Войска 60-й армии генерала И. Д. Черняховского, освободившие Славуту и другие населенные пункты, после перегруппировки и дополнительной подготовки овладели Шепетовкой лишь 11 февраля….

В результате Ровно-Луцкой операции наши войска преодолели труднопроходимый район Полесья и вышли на выгодные рубежи, еще более нависая над северным флангом группы немецко-фашистских армий «Юг».

Прочно удерживая стратегическую инициативу в своих руках, советское командование не прекращало наступательных действий. Доблестные войска все более наращивали удары по врагу, уничтожая его живую силу и технику, решительно изгоняя немецко-фашистских захватчиков с оккупированной ими территории.

…Строптивый февраль, пошумев метелями, внезапно, за какие-нибудь сутки, растопил снега, расквасил дороги. Сырой, пронизывающий ветер свистел в ветвях оголенных деревьев, гудел в проводах. Наша машина с надрывным стоном карабкалась на осклизлые пригорки, перемешивала колесами топкую грязь в низинах и, выбравшись наконец на большак, бойко запрыгала по булыжной мостовой.

Генерал Н. Ф. Ватутин и я возвращались из района боев в штаб фронта. Различив в синих сумерках плотную коренастую фигуру командующего, часовой встрепенулся, взял автомат "на караул". Николай Федоровичу усилием открыл набухшую дверь хаты и сказал мне:

— Заходи, Константин Васильевич, посидим… Снимая бекешу, он добавил:

— Надо прикинуть, что дальше будем делать. Заглянуть вперед…

Время уже перевалило за полночь, а я, забыв про сон и усталость, продолжал слушать рассказ командующего о рождавшемся оперативном замысле. Николай Федорович говорил, что выход войск 13-й и 60-й армий на рубеж Луцк, Млинов, Изяслав открывает большие перспективы. Я глядел то на

карту, то на вдохновенное лицо Ватутина, обычно сдержанного в своих чувствах, и мысленно представлял себе советские войска, приближающиеся к Государственной границе СССР.

Н. Ф. Ватутин всегда работал с подъемом и творческим напряжением. Это был необыкновенный трудолюбец. Даже когда все дела, казалось, уже переделаны, все донесения и сводки прочитаны, все приказы и распоряжения подписаны, все люди, пришедшие на прием, выслушаны, — он и тогда находил себе дело.

А вот для досуга выкроить время не мог. Этого мало отдыхавшего человека я как-то затащил на концерт Украинского ансамбля песни и пляски, прошедшего с нашим фронтом большой боевой путь.

Девушки, одетые в яркие, красочные национальные костюмы, весело, задорно запели украинскую народную песню "Ой ходила дивчина бережком". И в такт песне, легко и плавно, словно не касаясь земли, танцевала артистка Вишневая, которую на фронте любовно называли Вишенкой.

На смену украинской песне пришла русская. Тихо и грустно наигрывал баянист. Негромко слышались голоса:

В чистом поле, поле под ракитой,
Где клубится в заревах туман,
Там лежит, эх, там лежит убитый,
Там схоронен красный партизан.

Песня произвела на Николая Федоровича большое впечатление. Концертом командующий остался доволен. Он похвалил артистов. А когда выходили из сельского клуба, неожиданно сказал:

— Зайдем ко мне, Константин Васильевич. Одна заманчивая мысль не дает покоя…

Я догадывался, что речь пойдет о предстоящей наступательной операции на проскуровско-черновицком направлении, которая готовилась в соответствии с директивой Ставки от 18 февраля 1944 года.

Обладая широким оперативно-стратегическим кругозором, Николай Федорович Ватутин никогда не пренебрегал опытом и знаниями других. С планами и замыслами он непременно знакомил всех членов Военного совета, просил обдумать проект и высказать свою точку зрения. Мы, члены Военного совета и другие работники фронта, часто собирались в кабинете командующего и по-товарищески, вполне откровенно беседовали о ходе боевых действий и новых планах. Временами горячо спорили. В деловых, принципиальных спорах проверялась и оттачивалась мысль, рождалась истина, вырабатывалось

правильное решение.

А когда решение обретало форму директивы или приказа, командующий войсками фронта становился тверд и непреклонен. Всю энергию и волю, все свои усилия он направлял на то, чтобы вырвать у врага победу.

Вместе с тем Н. Ф. Ватутин был простым и душевным человеком. Никогда не выпячивал себя, не любил, как он говорил, яканья, не бахвалился своими ратными делами.

Оперативные замыслы генерала Н. Ф. Ватутина, как и любого советского военачальника, разрабатывались на основе марксистско-ленинской теории о войне и армии. При этом учитывались, разумеется, специфика и особенности операции. Несмотря на трудности фронтовой жизни и огромную занятость, Николай Федорович неоднократно обращался к трудам Маркса, Энгельса, Ленина, а также к произведениям видных советских военных теоретиков. Как-то зашел я к нему поздно вечером. Ватутин сидел за рабочим столом и держал в руках уже знакомый мне томик сочинений М. В. Фрунзе.

— Сколько бы я ни читал эту книгу, — сказал Николай Федорович, — всякий раз нахожу в ней все новые и новые полезные советы. Фрунзе глубоко мыслил и неустанно заботился о том, чтобы крепла Красная Армия, чтобы во главе наших войск стояли люди умные, образованные, хорошо знающие военное дело. Вот послушай, что Михаил Васильевич рекомендовал нашим академикам, нашим командирам, — продолжал Н. Ф. Ватутин. — "Только тот из вас, кто будет чувствовать постоянное недовольство самим собой, недовольство и неполноту своего научного багажа, вынесенного из стен академии, кто будет стремиться к расширению своего кругозора, к пополнению своего теоретического и практического багажа, только тот не только не отстанет в войне, но будет идти впереди и, быть может, поведет за собой десятки и сотни других людей"{29}.

Переложив страничку тонкой бумажкой, Николай Федорович откинулся на спинку стула и задумчиво произнес:

— Метко сказано. Это надо постоянно напоминать нашим командирам. Тогда и зазнайства будет меньше. А то иной выиграет бой, операцию и уже чванится, нос задирает и думает, что достиг вершин военного искусства. — Ватутин встал, прошелся по хате, потом продолжал: — Скажи мне, Константин Васильевич, откуда у некоторых офицеров берется проклятое зазнайство? Убежден, что оно исходит от себялюбия и недостатка культуры. Зазнайство штука опасная. Вспомни, к примеру, печальную историю с Житомиром. Почему мы в ноябре отдали его врагу? Потому что зазнались, самоуспокоились.

Разговор затянулся за полночь. Николай Федорович перебирал в памяти прошлое, много говорил о том, какие нам нужны знания, чтобы умело бить врага, что нынешняя война, даже отдельный бой и операция требуют новаторского подхода, широкого применения не только личного опыта, но и опыта всей армии.

Потом Ватутин спохватился и продолжал:

— Да, чуть не забыл зачитать тебе еще одно очень интересное суждение Фрунзе, имеющее отношение ко всем командным кадрам, а к политработникам особенно. Послушай: "Сохранит ли в будущем политическая работа в армии то место, которое она имела в минувшей гражданской войне?

Я отвечаю категорически: несомненно да.

…Политработа целиком сохранит свое место и значение. Она по-прежнему будет являться новым, добавочным родом оружия, страшным для всякого из наших врагов"{30}.

Высказывание М. В. Фрунзе о роли политработы в армии я хорошо знал. Но мне вдвойне было приятно, что на этих словах акцентировал свое внимание и командующий войсками фронта, высоко ценивший политработу. Генерал армии Н. Ф. Ватутин всегда учитывал замечательные морально-боевые качества советского воина. Он знал, что когда волей к победе проникнуты все, от генералов до рядовых, то никакие преграды не сдержат неукротимого порыва наших войск.

Затем был продолжен разговор о подготовке Проскуровско-Черновицкой операции.

Николай Федорович рассказал мне о своих предварительных разработках, подготовленных в результате многодневных размышлений. Замысел операции 1-го Украинского фронта заключался в том, чтобы мощными ударами на ряде направлений раздробить вражескую оборону на части, затем порознь уничтожать противостоявшего нам противника.

Главный удар с фронта Торговица, Шепетовка, Любар в общем направлении на Тернополь, Чертков должен был наноситься силами трех общевойсковых армий (13, 60, 1-й гвардейской) и двух танковых (3-й гвардейской и 4-й). Обеспечение ударной группировки слева возлагалось на 18-ю и 38-ю армии.

В набросках нового плана операции была ярко выражена идея удара по крупной группировке неприятельских войск.

Спустя некоторое время мы обсудили план предстоящей операции на Военном совете фронта. Ставка утвердила наш план. В соответствии с этим мы сосредоточили все внимание на том, чтобы быстро и скрытно осуществить перегруппировку частей и

соединений, всесторонне подготовить весеннее наступление.

29 февраля 1944 года мы с Николаем Федоровичем Ватутиным поехали в штаб 13-й армии, находившийся в Ровно. Командующий войсками фронта решил ознакомить руководящий состав армии с планом предстоящей операции, уточнить задачу армии и проверить готовность войск к наступлению.

На совещании присутствовали командующий 13-й армией генерал-лейтенант Н. П. Пухов, член Военного совета генерал-майор М. А. Козлов, начальник политотдела армии полковник Н. Ф. Воронов, начальник штаба генерал-лейтенант Г. К. Маландин, командир 25-го танкового корпуса генерал-майор танковых войск Ф. Г. Аникушкин, командир 1-го гвардейского кавалерийского корпуса генерал-майор В. К. Баранов, командир 6-го гвардейского кавалерийского корпуса генерал С. В. Соколов и другие командиры.

В своем выступлении перед руководящим составом армии Н. Ф. Ватутин подчеркнул, что мартовская наступательная операция преследует цель разгромить группировку гитлеровцев в районе Кременец, Староконстантинов, Тернополь и овладеть рубежом Киселин, Горохов, Радехов, Красное, Золочев, Тернополь, Проскуров, Хмельник. В дальнейшем войска фронта наступают в общем направлении на Чертков с целью отрезать южной группе войск противника пути отхода на запад в полосе севернее реки Днестр. Главный удар планировалось нанести с фронта Торговица, Шепетовка, Любар силами 13, 60, 1-й гвардейской армий и 3-й гвардейской и 4-й танковых армий.

Генерал Н. Ф. Ватутин дал указание командарму Н. П. Пухову атаковать Дубно не с фронта, а с северо-запада и юго-востока. Он подчеркнул, что не стоит идти на противника в лоб, надо обходить его опорные пункты, используя слабые места в обороне.

Командующий фронтом напомнил, что кроме танкового корпуса 13-й армии приданы два кавалерийских. При этом он заметил, что в лесной местности коннице легче маневрировать, нежели танкам.

Н. Ф. Ватутин особое внимание уделил вопросам взаимодействия, связи и управления войсками. Он лично проверил, как в 13-й армии налажено взаимодействие между наземными войсками и авиацией, между пехотой, артиллерией и танками.

— Вашей армии надлежит не только нанести удар в направлении на Броды, сказал в заключение генерал Н Ф. Ватутин, — но и надежно прикрыть фланг фронта, обеспечить справа нашу главную ударную группировку.

Из Ровно мы уезжали, находясь под впечатлением встречи с

командованием 13-й армии. Н. Ф. Ватутин отметил, что Пухов — мыслящий, опытный военачальник. Боевую закалку получил в первую мировую войну и в годы гражданской войны, а в мирное время занимался и работал в военно-учебных заведениях Красной Армии.

Генерал Н. П. Пухов хорошо знал свою армию и бессменно командовал ею с января 1942 года. Во главе штаба армии стоял образованный и талантливый генерал Г. К. Маландин, имевший опыт работы в Генеральном штабе. Ветераном 13-й армии по праву считался и член Военного совета генерал М. А. Козлов, опытный кадровый политработник. В 1941 году он некоторое время занимал пост начальника политуправления вновь образованного Центрального фронта, затем был назначен членом Военного совета 13-й армии и всю войну находился на этой ответственной должности. Руководящий состав армии трудился слаженно, сплоченно, добиваясь общего успеха.

Коротая время в разговорах, мы ехали по Ровенскому шоссе в Славуту, в штаб 60-й армии. Заметив проселочную дорогу, Н. Ф. Ватутин сказал:

— А зачем нам, собственно, делать крюк по шоссе? Этот проселок тоже ведет в Славуту. Здесь всего каких-нибудь двадцать пять километров. Черняховский, наверное, заждался нас. Давайте не будем делать объезд через Новоград-Волынский.

Мы свернули. Дорога петляла по лощинам и буеракам, мимо маленьких рощиц. Проехали одно село, другое. Нигде ни души, словно все вымерло. И вдруг послышалась стрельба. Машина с охраной, въехавшая было на окраину села Милятин, быстро дала задний ход. Порученец командующего полковник Н. И. Семиков взволнованно выкрикнул:

— Там бандеровская засада! Бандиты обстреляли машину и теперь наступают на нас.

— Все к бою! — выйдя из машины, скомандовал Ватутин и первым лег в солдатскую цепь.

Из-за строений показались бандиты, рассыпавшиеся по заснеженному полю. Их было немало, а наша охрана состояла лишь из десяти автоматчиков.

Обстрел все более усиливался. Факелом вспыхнул легковой автомобиль командующего, подожженный зажигательными пулями. Затем запылала и другая машина.

Бандеровцы приближались. Наши автоматчики, занявшие позицию в глубоком придорожном кювете, открыли огонь. Заговорил и пулемет. Длинной очередью ударил по врагу находившийся возле нас рядовой Михаил Хабибулин. Организованный отпор охладил пыл бандитов. Они залегли и в

атаку поднимались уже менее уверенно.

Я посоветовал Николаю Федоровичу взять портфель с оперативными документами и под прикрытием огня автоматчиков выйти из боя. Он наотрез отказался, заявив, что командующему не к лицу оставлять бойцов на произвол судьбы, а портфель приказал вынести офицеру штаба, дав ему в сопровождение одного автоматчика. Когда офицер замялся в нерешительности, генерал Ватутин настойчиво повторил:

— Выполняйте приказ!

Офицер и автоматчик, скрытно пробираясь по кювету, двинулись к лесочку.

Положение усложнялось. На фоне закатного неба было отчетливо видно, как перебежками подбираются бандиты, намереваясь охватить нас с двух сторон.

Бой продолжался. Во время перестрелки генерал армии Н. Ф. Ватутин был тяжело ранен. Мы бросились к командующему и положили его в уцелевший газик. Под обстрелом врага открытая машина проехала немного и остановилась. Видимо, был поврежден мотор. Тогда мы понесли Николая Федоровича на руках, спеша доставить его в укрытие. А охрана продолжала вести бой.

Навстречу нам показались сани с парой лошадей. Мы остановили возницу и положили в сани командующего. Перевязав наскоро его кровоточащую рану, тронулись в путь по направлению к Ровенскому шоссе. Притомившиеся кони едва тащились по проселочной дороге, подбрасывая сани на бесчисленных ухабах. Николай Федорович, крепившийся до последней возможности, морщился от сильной боли. Пола его простреленной бекеши намокла от крови. Генерал слабел, у него появился болезненный озноб.

Наконец мы выбрались на Ровенское шоссе. В одной из хат, прилепившихся возле дороги, нашли военного врача. Он оказал Николаю Федоровичу первую помощь. Затем снова двинулись в путь и вскоре встретили машины с пехотой, высланные нам на выручку командующим 13-й армией. О чрезвычайном происшествии ему, оказывается, доложил офицер штаба, вынесший портфель с документами. Колонну замыкала санитарная машина. На ней Николай Федорович был доставлен в Ровно, где ему тотчас сделали операцию.

Обо всем случившемся я немедленно доложил по ВЧ Верховному Главнокомандующему. Сталин с укоризной сказал:

— В вашем распоряжении имеется такая огромная масса войск, а вы беспечно разъезжаете по фронту, не взяв даже надежной охраны. Так не годится!

Вслед за устным докладом по ВЧ я направил Верховному Главнокомандующему из штаба 13-й армии следующее письменное донесение: "Товарищу Сталину.

Докладываю о происшествии с генералом армии тов. Ватутиным.

29.2.44 года, возвращаясь из штаба 13-й армии вместе с тов. Ватутиным в составе четырех машин и с личной охраной в количестве 10 человек, в 18.50 при въезде на северную окраину д. Милятин, что 18 км южнее Гоща, подверглись нападению бандитов численностью 300–350 человек.

При перестрелке тов. Ватутин был ранен.

Все меры по вывозу раненого тов. Ватутина из района нападения приняты.

Характер ранения: сквозное пулевое правого бедра с переломом кости.

По предварительному заключению хирурга 13-й армии, ранение относится к категории тяжелых, требует лечения минимум два месяца.

К оказанию мед. помощи привлечены все лучшие силы. На 3.00 1.3.44 года состояние здоровья тов. Ватутина удовлетворительное.

Находится в 506-м армейском госпитале в г. Ровно. Врачи настаивают в течение суток не трогать, а 2.3.44 года обязательно эвакуировать самолетом «дуглас» в Москву.

Член Военного совета 1-го Укр. фронта генерал-майор Крайнюков

Нр. 1568. 1.3.44 года. 7.00"{31}.

Утром врачи разрешили мне накоротке навестить раненого командующего. Услышав шаги, Николай Федорович открыл глаза, спросил:

— Все целы? Как документы?

Я поспешил успокоить его. Портфель с документами сохранен. В лапы к бандитам никто не попал.

— Что ж, охрана сделала все, что могла, — прерывисто дыша, произнес генерал. — Все держались мужественно и достойно. Скажите бойцам, что командующий благодарит их. Прошу отличившихся представить к награде.

Генерала армии Н. Ф. Ватутина эвакуировали в Киев, ибо город Ровно в те дни часто подвергался налетам вражеской авиации. Для лечения Николая Федоровича были направлены из Москвы опытнейшие специалисты.

Вспоминается последняя беседа с Н. Ф. Ватутиным в санитарном поезде, направлявшемся в Киев. Николай Федорович встретил меня обрадованно и спросил:

— Ну, как думаешь, Константин Васильевич, разрешат мне после лечения вернуться на фронт? — И, не дожидаясь ответа, уверенно заявил: — Разрешат! Недельки три поскучаю на госпитальной койке — и снова на фронт поеду. На костылях, а доберусь. И снова за работу, чтобы своими глазами увидеть нашу великую победу.

Вскоре мы полу шли приказ Ставки Верховного Главнокомандования, датированный 9 марта 1944 года. В нем говорилось: "При всех выездах командующих фронтами и армиями, лиц высшего командного состава, а также при перевозке важных оперативных документов выделять для сопровождения надежную личную охрану".

В Военный совет и штаб фронта из столицы Советской Украины приходили утешительные вести. Мы ежедневно получали по телеграфу бюллетени о состоянии здоровья товарища Николаева (так кодировалась фамилия Н. Ф. Ватутина).

Генерал начал было поправляться. Как сообщали нам, он интересовался обстановкой на фронте и искренне радовался боевым успехам. Перешедшие в наступление войска 1-го Украинского фронта осуществляли план операции, разработанный Н. Ф. Ватутиным и штабом.

Спустя немногим более месяца после ранения Николая Федоровича в бюллетене о состоянии здоровья, подписан ном видными медиками товарищами Шамовым, Вовси, Гуревичем, Ищенко и Василенко, появились тревожные нотки. Несмотря на энергичное лечение, направленное на борьбу с инфекцией, состояние больного оставалось тяжелым. В Киев был срочно командирован главный хирург Красной Армии академик Н. Н. Бурденко.

Военный совет получил сообщение, что Н. Ф. Ватутину сделали операцию была произведена высокая ампутация бедра. А в ночь на 15 апреля 1944 года командующий войсками 1-го Украинского фронта скончался. Было ему тогда сорок два года.

"В лице тов. Ватутина государство потеряло одного из талантливейших молодых полководцев, выдвинувшихся в ходе Отечественной войны", — говорилось в сообщении ЦК ВКП(б), Совнаркома СССР и Наркомата обороны СССР.

Военный совет поручил мне возглавить делегацию от бойцов и офицеров 1-го Украинского фронта. Возложив венок, мы в течение двух дней несли почетный караул у гроба генерала армии Н. Ф. Ватутина, установленного в Киевском Дворце пионеров. Нескончаемым потоком с утра до вечера шли трудящиеся столицы Украины, отдавая последний долг выдающемуся военачальнику, самоотверженно сражавшемуся за

родную советскую землю, за освобождение Киева и других городов и сел республики.

Тяжко было смотреть на убитую горем боевую подругу генерала Татьяну Романовну и осиротевших детей, на престарелую мать полководца Веру Ефимовну Ватутину. Какую же огромную душевную силу надобно иметь, чтобы перенести столько неизбывного горя и душевных мук!

Вера Ефимовна Ватутина, эта скромная и трудолюбивая женщина земли русской, в феврале 1944 года получила известие о том, что от тяжелых боевых ран скончался ее сын красноармеец Афанасий Ватутин. Через месяц новая скорбная весть: погиб ее младший сын Федор. А в апреле она, выплакавшая глаза по двум сыновьям, пришла к гробу третьего сына, являвшегося гордостью семьи и всей страны, генерала армии Николая Ватутина. И все они, братья-патриоты, полководец и солдаты, пали в жарком бою, на переднем крае борьбы за честь и свободу Отчизны.

17 апреля столица Советской Украины провожала в последний путь генерала армии Н. Ф. Ватутина. На траурном митинге, который открыл З. Т. Сердюк, с речами выступили представитель Ставки Верховного Главнокомандования генерал-полковник Ф. И. Голиков, академик Н. Н. Гришко, поэт Микола Бажан, председатель Киевского областного Совета депутатов трудящихся С. И. Олейник. От имени воинов 1-го Украинского фронта мне довелось выступить перед свежей могилой друга, товарища, сказать о том, что наши войска будут беспощадно, до полной победы громить немецко-фашистских захватчиков.

Когда войска склонили боевые знамена перед гробом выдающегося военачальника, радио донесло до украинской столицы раскаты прощального траурного салюта Москвы, отдавшей от имени Родины последнюю воинскую почесть полководцу, коммунисту, герою.

В канун 20-летия великой Победы советского народа над фашистской Германией Президиум Верховного Совета СССР присвоил посмертно звание Героя Советского Союза генералу армии Н. Ф. Ватутину.

Ныне в Киеве над привольным Днепром возвышается памятник генералу Ватутину. Скульптор Вучетич изобразил фигуру полководца, одетого в походную шинель. Отсюда, с днепровской кручи, хорошо видны пути-дороги, по которым талантливый военачальник вел советские войска в победное наступление.

И снова вперед

1 марта 1944 года в командование войсками 1-го Украинского фронта вступил Маршал Советского Союза Г. К.

Жуков. Георгий Константинович прошел все ступени воинской службы — от солдата до высших командных постов — и пользовался большим авторитетом в армии. В годы Великой Отечественной войны, являясь заместителем Верховного Главнокомандующего и представителем Ставки, он побывал на многих фронтах, оказывая содействие в разработке и успешном проведении крупных наступательных операций. Часто Г. К. Жуков приезжал и на 1-й Украинский фронт. Он хорошо знал наши командные кадры, был прекрасно осведомлен о боевых делах и возможностях войск, поэтому сразу же включился в руководство войсками 1-го Украинского фронта, ни на день не откладывая начало крупной и важной наступательной операции.

В сложной боевой обстановке Г. К. Жуков подчас бывал крут в обращении с подчиненными и проявлял излишнюю резкость. По этому поводу он как-то сказал:

— Не скрою, дипломатничать не очень умею. Порой действительно говорю довольно резко, но зато откровенно. Когда речь идет о судьбах тысяч людей и успехе сражения, не всегда бывает возможность и время для выбора деликатных выражений, и подчас приходится говорить нелицеприятные слова…

Но не это характеризовало Георгия Константиновича как военачальника. Мы знали, что маршалу присущи сильная воля и упорство, энергия и решительность, большая военная эрудиция и творческий подход к решению оперативных и стратегических задач. Он являлся одним из инициаторов осуществления ряда крупных операций, в том числе и тех, которые успешно провели Украинские фронты в 1944 году в условиях весенней распутицы. Противник никак не предполагал, что наши войска рискнут наступать в такой необычайно трудной обстановке. Это позволило советскому командованию достичь внезапности, принесшей известный успех.

Еще в бытность Н. Ф. Ватутина командующим Маршал Советского Союза Г. К. Жуков ознакомил Военный совет 1-го Украинского фронта с указаниями Ставки и новыми задачами, поставленными перед войсками. Теперь Военный совет все свои усилия сосредоточил на подготовке операции. Несмотря на многочисленные трудности, вызванные весенней распутицей, крупная перегруппировка была закончена к 4 марта 1944 года. Предметом особой заботы Военного совета явилась деятельность войсковых тылов, призванных даже в условиях распутицы, по непролазной грязи обеспечить войска боеприпасами, горючим и продовольствием.

План операции, разработанный Н. Ф. Ватутиным и штабом, Г. К. Жуков оставил в основном без изменений. Коррективы были

внесены лишь в отношении 13-й армии, которой была поставлена ограниченная задача — жесткой обороной прочно удерживать рубеж Рожище, Дубно.

Перед фронтом на участке от Луцка до Ильинцев оборонялись 4-я танковая армия генерала Рауса и 1-я танковая армия генерала Хубе. По данным нашей разведки, вражеская группировка насчитывала 35 дивизий, в том числе 10 танковых.

Перед началом операции изменился и состав войск фронта. По решению Ставки Верховного Главнокомандования 40-я и 27-я армии, 2-я и 6-я танковые армии, составлявшие левое крыло фронта, и занимаемая ими территория были переданы 2-му Украинскому фронту. Таким образом, в состав нашего фронта в марте входили 13, 60, 18, 38 и 1-я гвардейская армии, 3-я гвардейская и 4-я танковые армии, а также до середины марта находившаяся в резерве Ставки 1-я танковая армия. Авиационное обеспечение наступления осуществляла 2-я воздушная армия.

К мартовской операции в войсках фронта насчитывалось 181 603 члена и кандидата в члены партии и 144 951 комсомолец. Это была внушительная сила, способная горячим словом и личным примером увлечь за собой воинов на успешное выполнение боевых задач. Правда, нам не удалось еще повсеместно создать полнокровные партийные и комсомольские организации. Отчасти это объяснялось тем, что войска фронта продолжительное время вели боевые действия, оперативная пауза выдалась слишком короткой, и мы не во всех частях и соединениях смогли восполнить потери.

В танковых и артиллерийских войсках партийная и комсомольская прослойка была выше, чем в стрелковых. Среди командиров экипажей и механиков-водителей танков она достигала 80 процентов. Политорганы стремились добиться такого положения, чтобы в экипаже каждого танка и самоходно-артиллерийской установки, а по возможности и в стрелковом отделении, орудийном расчете и взводе были коммунисты и комсомольцы.

Вся партийно-политическая работа проводилась вокруг основного призыва Центрального Комитета партии: "Вперед — за полное очищение от врага советской земли!"

4 марта 1944 года войска правого крыла фронта перешли в наступление в общем направлении на Проскуров. После мощной артиллерийской подготовки действовавшие на направлении главного удара части 1-й гвардейской армии генерала А. А. Гречко и 60-й армии генерала И. Д. Черняховского на рубеже Шумское, Любар прорвали сильную оборону противника и, как говорится, распахнули ворота для наших танкистов. В первый же

день операции в сражение были введены 3-я гвардейская танковая армия генерал-полковника П. С. Рыбалко и 4-я танковая армия генерал-лейтенанта танковых войск В. М. Баданова.

За два дня наступательных боев наши войска разбили 8 пехотных и 4 танковые дивизии противника и освободили свыше 500 населенных пунктов, в том числе город и железнодорожную станцию Изяслав, город Острополь и другие.

9 марта Москва салютовала войскам фронта, овладевшим городом Староконстантинов — важным опорным пунктом обороны гитлеровцев на проскуровском направлении. Он был освобожден от фашистских оккупантов в результате умелого обходного маневра подвижных войск, сочетаемого с фронтальной атакой. В боях за этот город отличились войска 1-й гвдрдейской и 3-й гвардейской танковой армий.

В тот же день войска 60-й армии очистили от противника часть Тернополя. Таким образом, ударная группировка 1-го Украинского фронта вышла на линию Тернополь, Проскуров, перерезав в районе Волочиска важную железнодорожную магистраль Львов — Одесса.

Следом пришли в движение и войска, расположенные на левом крыле фронта. 5 марта начала наступать 18-я армия, а 11 марта — 38-я. Несколько позднее к активным боевым действиям приступила и 13-я армия, находившаяся на самом правом фланге фронта.

Проскурово-Черновицкая операция была, пожалуй, одой из труднейших и протекала в условиях невероятной весенней распутицы. Почти все дороги оказались труднопроходимыми, непролазная грязь затрудняла маневр войск и особенно снабжение частей боеприпасами и горючим.

Известно, что боеспособность и моральный дух воинов нельзя рассматривать изолированно, в отрыве от материальных условий. Если войска хорошо обучены, вооружены и оснащены, не испытывают перебоев в продовольствии, горючем и боеприпасах, они сражаются с еще большей отвагой, уверенно и стойко держатся в любой обстановке. Когда же боеприпасы на исходе и нет надежды их быстро пополнить, а враг тем временем усиливает натиск, это может отрицательно сказаться на боеспособности подразделений, стойкости и упорстве воинов.

Учитывая это обстоятельство, Военный совет 1-го Украинского фронта потребовал, чтобы военные советы армий, командиры и политорганы взяли под особый контроль деятельность тыловых частей, учреждений и служб. Это сыграло положительную роль. Бойцы, командиры и специалисты тыловых подразделений, баз, складов, учреждений и служб на всех этапах

операции работали с большим напряжением, настойчивостью и самоотверженностью.

Предметом особой заботы стали фронтовые дороги. В ходе мартовской операции нам пришлось мобилизовать местное население для их обслуживания и восстановления разрушенных мостов, для доставки войскам военных грузов.

Но административная сторона дела не являлась главной. Военный совет предложил политорганам провести среди местного населения разъяснительную работу. Политработники, коммунисты, комсомольцы и агитаторы выступали перед трудящимися с докладами и политинформациями. Там, где была возможность, организовывались митинги. Люди с большой охотой оказывали помощь родной Красной Армии.

Тысячи крестьян по непролазной грязи на лошадях и волах доставляли военные грузы. Порой люди брали на плечи патронные ящики и снаряды и несли их на передовые позиции. Из местного населения создавались вспомогательные команды, которые обслуживали труднопроходимые участки, прокладывали гати, проталкивали застрявший транспорт.

Во время мартовской операции 1944 года, как и на всем протяжении Отечественной войны, военным советам приходилось не только привлекать местное население для помощи фронту, но и пользоваться другими особыми правами и полномочиями, которые предоставило им Советское правительство,

Считаю уместным напомнить, что в первый же день нападения фашистской Германии на нашу Родину, 22 июня 1941 года, Президиум Верховного Совета СССР издал указ "О военном положении". Этим правительственным актом все функции органов государственной власти в области обороны, обеспечения общественного порядка и государственной безопасности на территории, объявленной на военном положении, возлагались на военные советы фронтов, армий, округов, а там, где нет военных советов, — на высшее командование войсковых соединений, расположенных в данной местности. Военным советам предоставлялось право:

— в соответствии с действующими законами и постановлениями правительства привлекать граждан к трудовой повинности для выполнения оборонных работ, охраны путей сообщения, сооружений, средств связи, электростанций, электросетей и других важнейших объектов, для участия в борьбе с пожарами, эпидемиями и стихийными бедствиями;

— устанавливать военно-квартирную обязанность для расквартирования воинских частей и учреждений;

— производить изъятие транспортных средств и

необходимого для нужд обороны имущества как у государственных, общественных и кооперативных предприятий и организаций, так и у отдельных граждан.

Военные советы имели право воспрещать выезд и въезд в местности, объявленные на военном положении, а также выселять в административном порядке лиц, пребывание которых в этой местности признается нежелательным. Они обладали полномочиями издавать постановления, обязательные для всего населения, проживающего в местности, объявленной на военном положении, отдавать распоряжения местным органам власти, государственным и общественным учреждениям и организациям, которым надлежало оказывать военному командованию полное содействие в использовании местных сил и средств для нужд обороны страны.

Военные советы фронта и армий плодотворно взаимодействовали с местными партийными и советскими органами. Всякое мероприятие, будь то призыв в армию советских граждан установленных возрастов, мобилизация трудящихся на восстановление мостов, шоссейных и железных дорог, на строительство аэродромов и создание оборонительных рубежей, всегда согласовывалось с местными партийными и советскими органами.

Я упомянул лишь о незначительной части прав и полномочий, которыми партия и правительство наделили военные советы уже в первый день Отечественной войны. В дальнейшем эти полномочия все более расширялись. Так, например, 18 августа 1941 года Президиум Верховного Совета СССР специальным указом разрешил военным советам от его имени вручать награжденным военнослужащим ордена и медали. Прошло еще два месяца, и 22 октября 1941 года военные советы фронтов и флотов получили право от имени Президиума Верховного Совета СССР награждать отличившихся героев. Эта работа занимала очень видное место. Нам предоставилась возможность быстро и оперативно отмечать правительственными наградами подвиги и боевые заслуги фронтовиков и вручать ордена и медали непосредственно в частях. Такая мера еще выше подняла политическое и воспитательное значение орденов и медалей и способствовала умножению числа героев.

На военные советы возлагались и другие функции, как, например, снятие судимости с тех военнослужащих, которые мужеством и подвигами искупили в боях свою прежнюю вину. Причем снятие судимости проходило не формально, а с объявлением такого решения личному составу и преследовало воспитательные цели.

Военный совет нес ответственность перед ЦК ВКП(б) и Советским правительством за все стороны жизни и боевой деятельности войск.

Во время мартовской операции 1944 года наш руководящий орган работал с большим напряжением, ибо трудностей и неожиданностей встречалось немало.

Почувствовав угрозу окружения противостоявшей нам группировки в районах Проскурова, Винницы и Каменец-Подольского, немецко-фашистское командование сосредоточило против нас девять танковых и шесть пехотных дивизий. Начиная с 7 марта на участке Проскуров, Тернополь развернулись многодневные напряженнейшие бои с крупными танковыми силами врага, предпринявшими сильный контрудар.

Записи в журнале боевых действий войск 1-го Украинского фронта, которые мне при подготовке книги довелось еще раз просматривать, помогли восстановить в памяти события тех трудных дней. Так, например, 13 марта части 1-й гвардейской армии на рубеже Аркадиевцы, Шпиченцы, Давыдковцы были контратакованы 200 немецкими танками и пехотой. В районе Проскурова передовые отряды 3-й гвардейской танковой армии подверглись контратакам 100 танков, сопровождавших пехотные части противника. 16 марта враг с новым ожесточением контратаковал наступавшие войска фронта в районе Дубно, Кременец, Тернополь, Винница, Жмеринка, Проскуров. 18 марта особенно напряженные бои развернулись западнее Проскурова, где войска 3-й гвардейской танковой армии отражали натиск превосходящих сил неприятеля.

Не менее тяжело было и нашей 4-й танковой армии, прорвавшейся во вражеский тыл. Положение осложнялось тем, что танкисты испытывали серьезные затруднения в дизельном топливе и отчасти боеприпасах. Колесный транспорт, и особенно цистерны с горючим, порой отставал от боевых частей, застревал в грязи. Приходилось даже на танках перевозить по бездорожью бочки с дизельным топливом, а также перебрасывать грузы с помощью транспортной авиации.

Немецко-фашистское командование предпринимало все усилия к тому, чтобы остановить наступление войск 1-го Украинского фронта. Из показаний пленных и по трофейным документам нам стало известно, что 8 марта 1944 года Гитлер издал приказ, в котором определил систему крепостей и опорных пунктов, потребовав от своих войск удержания их до конца, до последнего солдата даже в случае окружения и осады. В полосе наступления нашего фронта противник наметил такие, например, крепости, как Винница, Жмеринка, Проскуров, Тернополь,

Черновицы, и другие. В приказе говорилось, что за оборону этих городов коменданты отвечают головой. Вот почему противник так упорно и ожесточенно оказывал нам сопротивление.

Советские войска дрались героически. Бои изобиловали многочисленными примерами отваги, находчивости и стойкости воинов. Вспоминаются несколько таких эпизодов. Когда превосходящим силам врага удалось прорваться к штабу 63-й гвардейской Челябинской танковой бригады, все офицеры и солдаты, в том числе писаря, телефонисты и повара, взялись за оружие и вступили в бой с врагом.

Командир танковой бригады полковник М. Г. Фомичев приказал командиру роты М. Г. Акиншину спасти боевой стяг бригады. На больших скоростях танки помчались к центру села, где размещался штаб. В телескопический прибор офицер увидел, что по улице со знаменем бежит комсомолец гвардии старшина Александр Соколов; наперерез ему из-за угла бросились гитлеровцы, намереваясь захватить гвардейца с боевым стягом. Не медля ни секунды, офицер Акиншин направил танк в группу фашистов. Рассеяв врага, советские воины перенесли на броню танка тяжело раненного старшину Соколова, крепко сжимавшего гвардейское Знамя.

В те трудные мартовские дни мне рассказали о мужестве молодого коммуниста Александра Шурова, тоже спасшего Знамя части; Его славный подвиг воспел на страницах фронтовой газеты поэт Андрей Малышко.

— Тебе доверена честь и святыня полка, — напутствовал парторг сержанта Шурова, которому было приказано вынести из окружения полковое Знамя. — Пуще жизни береги боевой стяг.

Взвод автоматчиков, выделенный для сопровождения и защиты боевого стяга, огнем и гранатами пробил Александру Шурову путь через вражеское кольцо. За спасение Знамени воина-коммуниста наградили орденом Славы III степени. Были отмечены правительственными наградами и его товарищи.

Отражая в районе Тернополь, Проскуров контрудары танковых дивизий врага, войска 1-го Украинского фронта на ряде участков продолжали наступление. 17 марта 13-я армия овладела важным опорным пунктом обороны противника городом Дубно, через два дня освободила Кременец, а 20 марта вышла в район города Броды.

Активные наступательные действия продолжали и войска левого крыла фронта. 38-я армия 18 марта овладела Жмеринкой, а 20-го — Винницей.

К тому времени Ставка усилила наш фронт 1-й танковой армией (командующий генерал-полковник танковых войск М. Е.

Катуков, член Военного совета генерал-майор танковых войск Н. К. Попель). Теперь фронт имел три танковые армии. Такую мощную ударную броневую силу фронт получал впервые, и его войска могли решать крупные оперативные задачи.

В разгар наступательной операции в 4-й танковой армии произошла смена руководства. Командармом был назначен вместо генерал-лейтенанта В. М. Баданова генерал-лейтенант Д. Д. Лелюшенко. Новый командующий имел большой боевой опыт. Еще юношей Дмитрий Лелюшенко добровольно вступил в Первую Конную армию и сражался на фронтах гражданской войны. В годы мирного строительства Советских Вооруженных Сил Дмитрий Данилович сменил коня на танк. В 1939–1940 годах в боях на Карельском перешейке командир танковой бригады Д. Д. Лелюшенко проявил личную отвагу, воинское мастерство и был удостоен звания Героя Советского Союза. Потом он командовал 1-й Московской мотострелковой дивизией, а Великую Отечественную войну встретил на посту командира мехкорпуса. Генерал Лелюшенко командовал 5-й армией, прикрывавшей подступы к столице на Можайском шоссе, руководил боем на знаменитом Бородинском поле и был ранен. Досрочно выйдя из госпиталя, Дмитрий Данилович принял командование 30-й армией, освободившей Клин и другие районы Подмосковья. В битве на Волге он командовал 1-й гвардейской, а затем 3-й гвардейской армией. В марте 1944 года генерал Лелюшенко прибыл к нам.

Членом Военного совета 4-й танковой армии являлся генерал-майор танковых войск Василий Георгиевич Гуляев. В годы Отечественной войны он последовательно прошел многие ступени политической работы: был комиссаром танковой бригады, дивизии, корпуса и наконец членом Военного совета армии. Танкисты уважали и любили этого высокообразованного политработника. Он был инициативен, энергичен и обладал значительным опытом работы в танковых войсках, хорошо знал боевые дела армии.

Опыт Великой Отечественной войны выработал и упрочил важнейший принцип: по-настоящему руководить политической работой в боевой обстановке можно лишь тогда, когда сам видишь и ощущаешь бой. Нельзя судить об обстановке, сложившейся на том или ином участке фронта, только по донесениям.

Чего греха таить, встречались отдельные политработники, которые во время боя не могли правильно определить своего места. Одни из них постоянно находились на командном пункте, другие со своим аппаратом располагались в тылу, во втором

эшелоне, в относительно спокойной обстановке, подменяя бумагами живое творческое дело. Но то были единичные случаи.

Сама фронтовая обстановка настоятельно диктовала необходимость стать как можно ближе к войскам, чтобы лучше видеть и оценивать происходящее, своевременно влиять на ход и исход боевых действий.

В связи с этим вспоминается случай, происшедший в начале войны. 2-й кавкорпус, где я был комиссаром, в июле 1941 года вел тяжелый бой на Днестре. Используя численное превосходство, немецко-фашистские войска стремились прижать нас к реке и опрокинуть. Именно в этот напряженный момент связной доложил, что представитель политотдела 9-й армии вызывает меня к себе на противоположный берег с докладом. В той сложной обстановке я, как комиссар корпуса, не мог покинуть сражающиеся части и на виду у всех уйти с поля боя. Я категорически отказался сделать это и затем объяснил представителю политотдела армии свой взгляд на подобные вызовы.

Такие случаи объяснялись прежде всего отсутствием боевого опыта. В ходе войны мы по крупицам накапливали его, перестраивая формы и методы руководства применительно к фронтовой обстановке.

Однако и в мартовской операции 1944 года не обошлось без недостатков. Во время наступления некоторые политорганы из-за сильной распутицы начали отставать от своих частей. Задерживались выпуск и доставка дивизионных газет, а солдатская почта и центральные газеты приходили с опозданием. Кое-где несвоевременно выдавались партийные и комсомольские документы.

С таким положением мириться было нельзя. Военный совет и политуправление решительно потребовали, чтобы политорганы больше работали в войсках, правильнее распределяли свои силы и всегда знали, что делается в подразделениях первого эшелона, в чем они нуждаются.

Мы предупредили соответствующих товарищей, что в дальнейшем никакие ссылки на распутицу и другие объективные трудности приниматься во внимание не будут, что походные типографии должны перемещаться вовремя, чтобы войска бесперебойно получали не только боеприпасы и продовольствие, но и газеты, письма и оперативную информацию о боевых успехах.

Весеннее наступление Красной Армии, развернувшееся от Луцка до низовьев Днепра, отличалось необычайно крупным размахом. 4 марта 1944 года 1-му Украинскому фронту выпала

честь сделать наступательный почин. Затем пришли в движение 2-й и 3-й Украинские фронты. В те дни в Москве чуть ли не каждодневно гремели победные салюты. Воинам не терпелось узнать о последних событиях на фронте и успехах соседей, об освобожденных городах и селах (тем более что у нас было много украинцев именно из тех районов и областей, за которые велись бои). Вот почему мы всегда советовали политорганам широко использовать сообщения Совинформбюро в агитационно-массовой работе. Это, как мы убедились, давало положительные результаты: сводки Советского информбюро содержали богатейший материал для политической агитации, помогали командирам и политработникам мобилизовать солдат, сержантов и офицеров на выполнение новых боевых задач.

11 марта Ставка Верховного Главнокомандования уточнила, что войскам 1-го Украинского фронта предстоит продолжать решительное наступление, окружить и разгромить 1-ю немецкую танковую армию и выйти на государственную границу с Чехословакией и Румынией.

Все средства политической агитации и пропаганды преследовали одну цель — довести до сознания каждого воина эту главную задачу, воодушевить войска на решающие бои.

После незначительной паузы с утра 21 марта войска фронта вновь перешли в наступление. 1-я гвардейская и 60-я армии взломали вражескую оборону на фронте до 100 километров, и в прорыв немедленно двинулись 1-я и 4-я танковые армии.

Военный совет фронта возлагал большие надежды на 1-ю танковую армию генерала М. Е. Катукова как наиболее полнокровную и укомплектованную, снова вернувшуюся к нам из резерва Ставки Верховного Главнокомандования. В прорыв ранее других устремилась 1-я гвардейская танковая бригада полковника В. М. Горелова.

Путь танкистам преграждали десятки рек и речушек, налившихся полой водой, и каждая из них могла стать серьезной преградой для войск. Вот почему передовым отрядам ставилась задача захватывать мосты и переправы, обеспечивая беспрепятственное наступление наших частей.

21 и 22 марта особенно успешно продвигались войска 1-й танковой армии. В связи с этим Военный совет фронта направил следующую телеграмму: "Командарму 1-й танковой Катукову.

1. Армия действует хорошо. Продолжайте быстро выполнять поставленную армии задачу. К исходу 23.3.44 обязательно выходите в район Езжаны, Борщов, Скала. Не позднее 23.3 выйти на Днестр, с ходу форсировать реку в районах Устечко, Городница, Залещики, Пелипче.

2. 27-ю мотострелковую бригаду из района Гримайлова можете снять и направить ее по своему усмотрению.

3. Об отданных распоряжениях донести.

Жуков, Крайнюков, Боголюбов"{32}.

Стремительное продвижение к Днестру, выход к этой реке и форсирование ее имели важное стратегическое значение. Во-первых, противник, прижатый к Карпатам, лишался путей отхода. Во-вторых, немецко-фашистская группировка, действовавшая на Украине, изолировалась от тех сил, которые находились севернее Полесья. Вот почему командующий войсками фронта настойчиво требовал от всех командармов, командиров корпусов, дивизий и бригад выполнения этой боевой задачи.

Когда батальон гвардии капитана В. А. Бочковского из 1-й гвардейской танковой бригады достиг Чорткова и прорвался к реке Серет, воины-гвардейцы увидели мост, перегороженный пылающей бензоцистерной. Механик-водитель Волков, рискуя жизнью, ударом ганка опрокинул ее в реку. Затем отважный экипаж затушил загоревшийся настил моста. Переправа была спасена. Танкисты устремились вперед.

Отличился и другой батальон 1-й гвардейской танковой бригады. Его возглавлял гвардии майор Гавришко. Осуществляя параллельное преследование отступающего врага, танкисты обогнали колонну немецкой мотопехоты и, захватив переправу, отрезали путь противнику.

Массовый героизм проявили танкисты и при форсировании Днестра. Здесь особенно отличились 20-я гвардейская механизированная бригада гвардии полковника А. Х. Бабаджаняна и 64-я гвардейская танковая бригада, которую возглавил Герой Советского Союза подполковник И. Н. Бойко.

Танкисты прорвались к реке, шумно несшей ледяное крошево. Мосты по всей округе оказались взорванными. Но разведчики точно установили, что в районе Устечко уровень воды на Днестре ниже, чем в других местах. Было решено переправить танки по дну реки. Экипажи законопатили щели боевых машин, обильно промазали их солидолом, обозначили поплавками маршрут брода.

Первым вызвался переправиться на западный берег гвардии лейтенант П. Ф. Никитин. Его танк размеренно двигался по бурлящей реке, погружаясь порой по самую кромку верхнего люка. Подполковник Бойко с волнением следил за продвижением головной машины. Но вот тридцатьчетверка, разбрызгивая воду, вырвалась на противоположный берег. Следом успешно переправились второй, третий танки…

Форсировав реку там, где враг не ждал, 64-я гвардейская

танковая бригада двинулась на Черновицы (ныне Черновцы). Противник не предполагал, что наши гвардейцы так глубоко проникли в его тыл.

25 марта, используя плохую погоду, разведывательное подразделение гвардии лейтенанта П. Ф. Никитина скрытно подошло к пригороду Черновиц станции Моша, расположенной на северном берегу Прута. Здесь разгружалось несколько эшелонов с техникой, боеприпасами и горючим. Огнем в упор гвардейцы расстреляли изрядное количество сгруженных с платформ фашистских танков. В этот же день начались уличные бои за город Черновицы.

Вечером 25 марта столица нашей Родины Москва салютовала войскам 1-го Украинского фронта, штурмом овладевшим городом Проскуров — крупным железнодорожным узлом и сильным опорным пунктом обороны гитлеровцев. В сражении за Проскуров (ныне Хмельницкий) особенно отличились войска 1-й гвардейской армии генерал-полковника А. А. Гречко и 3-й гвардейской танковой армии генерал-полковника П. С. Рыбалко.

А тем временем продолжались напряженные бои за Черновицы. Противник предпринимал яростные контратаки, намереваясь отбросить смельчаков, захвативших мост через Прут, вернуть в свои руки станцию Моша.

Форсировав реку, войска 1-й танковой армии совершили обходный маневр. И тогда, бросая убитых и раненых, фашисты начали поспешно отходить. 29 марта Черновицы были освобождены частями 11-го гвардейского танкового корпуса генерала А. Л. Гетмана и 24-й стрелковой дивизии. Но еще 25 марта первым ворвался в этот город офицер Павел Никитин, впоследствии павший смертью героя. Его танк как боевая реликвия установлен в Черновицах.

На сутки раньше подразделения 1-й гвардейской танковой бригады В. М. Горелова овладели городом Коломыя.

На втором этапе Проскурово-Черновицкой операции глубокий маневр совершили и бригады 4-й танковой армии. После серьезных потерь, понесенных в начале марта, в армии был некомплект в танках. Но, несмотря на это, 6-й мехкорпус под командованием генерал-лейтенанта А. И. Акимова стремительно прорвался в Каменец-Подольский, захватил противника врасплох и навел панику в его тылу.

В районе Каменец-Подольского войска 4-й танковой армии разгромили штаб 16-й танковой дивизии врага, уничтожив при этом до 2 полков пехоты и захватив около 2 тысяч пленных, а также 4 тысячи автомашин, 250 мотоциклов, 50 орудий и 10 складов.

На другой день после взятия Каменец-Подольского я прибыл в штаб генерала Д. Д. Лелюшенко. Командарм сообщил, что части армии ведут тяжелые бои в районе Каменец-Подольский, Дунаевцы, что на подмогу прибыл 30-й стрелковый корпус, но в ослабленном составе (отстала артиллерия) и что противник все время контратакует танками и самоходными орудиями.

Положение, как я убедился, было действительно не из легких. Крупные силы 1-й немецкой танковой армии, оказавшиеся в оперативном окружении, неистово рвались на запад. Танкисты Лелюшенко и приданный им 30-й стрелковый корпус без артиллерии с огромным трудом сдерживали натиск врага. Наши воины проявляли стойкость и героизм, обеспечивая внутренний фронт окружения.

Как же угодила в котел 1-я танковая армия генерала Хубе? Это не было случайностью, а заранее планировалось Ставкой и фронтом. Удар наших подвижных войск рассек 1-ю и 4-ю немецкие танковые армии. Выход соединений Катукова к Днестру, освобождение Каменец-Подольского танкистами Лелюшенко, успешное наступление частей 1-й гвардейской, 60-й, 38-й армий и других войск фронта создали серьезную угрозу для врага. В результате армия Хубе в составе трех танковых, одного армейского корпусов и одной корпусной группы к концу марта оказалась в оперативном окружении в районе Оринин, севернее Каменец-Подольского, Борщов, Скала.

В течение десяти дней шли упорные бои по ликвидации этой окруженной группировки. Войска 1-й гвардейской армии, 18-й и 38-й армий, 1-й и 4-й танковых армий, преодолевая огромные трудности и сильное сопротивление врага, стремились сжать кольцо окружения и не дать гитлеровцам возможности вырваться из котла.

Следует заметить, что в оценке сложившейся обстановки был некоторый просчет. Предполагалось, что фашистские войска будут отходить на юг, но уже 1 апреля командующему фронтом и штабу стало ясно, что немцы пытаются выйти из окружения не на юг, а на запад. К тому же окружение противника на внешнем и особенно на внутреннем фронте не было плотным. Все это позволяло неприятелю находить слабые места в наших боевых порядках и, массированно применяя танки, предпринимать попытки прорыва в направлении Борщов, Бучач. Ценой больших потерь гитлеровцам удалось несколько продвинуться, и они продолжали наращивать свои усилия в направлении Бучача.

Объективно оценивая боевые действия наших войск по ликвидации окруженной крупной группировки врага, следует признать, что руководство фронта несколько преувеличивало

наши возможности и недооценивало силы противника. Чего греха таить, порой и желаемое выдавалось за действительность. Маршал Жуков уверовал в то, что ликвидация окруженного противника дело решенное, и слишком оптимистично смотрел на обстановку, сложившуюся в районе Скала. Приведу боевое распоряжение от 1 апреля 1944 года: "Командармам 1-й гв., 18, 38 и 4-й танковой.

Ликвидация окруженной группировки противника в районе Скала близится к концу.

Приказываю:

1. 2.4.44 г. всем армиям концентрическим ударом, на основе ранее полученных приказов, добить противника в районе Скала.

2. Организовать заблаговременно учет и прием пленных. Особенно важно быстро учесть (пофамильно) и донести в штаб фронта о всех офицерах противника. Для этой цели командировать в дивизии (бригады) специальных офицеров с соответствующими полномочиями.

Жуков, Боголюбов"{33}.

Однако 1-я немецкая танковая армия с тяжелыми боями и большими потерями продолжала рваться из неплотного кольца на запад. Одновременно противник, устремившийся на выручку окруженным войскам, усилил натиск извне. 10 апреля особенно ожесточенные бои разгорелись в районе Бучача. Неприятель нанес удар с запада силами 10-й танковой дивизии и танковой дивизии СС «Хоенштауфен», а также 100-й легкопехотной и 361-й пехотной дивизий. Наш 18-й стрелковый корпус был оттеснен на северо-восток и на юг от Бучача. В результате во второй половине дня 10 апреля наступавшая с запада группировка противника соединилась с частями 1-й немецкой танковой армии.

Маршал Советского Союза Г. К. Жуков в своих воспоминаниях писал: "…Анализируя всю эту операцию, считаю, что 1-ю танковую армию (речь идет об армии генерала Катукова. — К. К.) следовало бы повернуть из района Черткова — Толстое на восток для удара по окруженной группировке. Но мы имели тогда основательные данные, полученные из различных источников, о решении окруженного противника прорываться на юг через Днестр в районе Залещика. Такое решение казалось вполне возможным и логичным.

В таком случае противник, переправившись через Днестр, мог занять южный берег реки и организовать там оборону. Этому способствовало то обстоятельство, что правофланговая 40-я армия 2-го Украинского фронта 30 марта все еще не подошла к Хотину.

Мы считали, что в этих условиях необходимо было охватить

противника 1-й танковой армией глубже, перебросив ее главные силы через Днестр, и захватить район Залещик — Черновицы — Коломыя. Но когда командованию группы армий «Юг» стало известно о перехвате советскими войсками южных путей отхода, оно приказало окруженным войскам пробиваться не на юг, а на запад через Бучач и Подгайцы"{34}.

Несмотря на некоторые промахи, войска 1-го Украинского фронта нанесли противнику сильное поражение.

За 10 дней немецко-фашистская группировка потеряла до 60–70 процентов техники и половину личного состава. Наши войска захватили 7483 автомашины, 187 танков и самоходных орудий и 61 самолет.

Выйдя в предгорья Карпат, соединения 1-го Украинского фронта рассекли немецко-фашистскую армию на две части и достигли большого стратегического успеха. И далеко не случайно Гитлер, взбешенный военными неудачами, сместил с поста командующего группой армий «Юг» генерал-фельдмаршала Манштейна. Наше весеннее наступление увенчалось не только победой советского оружия, но и блестящей победой советской стратегии, советской военной мысли, основанной на ленинской "науке побеждать".

Начиная с 9 марта наши войска вели напряженные бои с окруженной в Тернополе 12-тысячной группировкой врага. Гитлеровцы упорно сопротивлялись, хотя ничто уже не могло их спасти.

Еще на первом этапе операции передовые подразделения 4-го гвардейского Кантемировского танкового корпуса (командир генерал П. П. Полубояров, начальник политотдела полковник В. В. Жебраков), действовавшего в составе 60-й армии, искусным маневром захлестнули вокруг засевшего в Тернополе немецкого гарнизона стальную петлю. Танковая рота гвардии лейтенанта Бориса Кошечкина, находившаяся в разведке, первой достигла шоссе Збараж — Тернополь и атаковала вражескую колонну. Танкисты Б. К. Кошечкина уничтожили 50 автомашин, 2 бронетранспортера с прицепленными орудиями и много солдат противника. В огневом поединке гвардейцы подбили 6 фашистских танков и 1 сожгли.

Когда стемнело, командир роты поставил танки в укрытие, а сам, переодевшись в штатский костюм, пробрался к Тернополю и разведал подступы к городу. Отыскав слабо защищенное место в обороне противника, коммунист Б. К. Кошечкин возглавил ночную атаку танков и одним из первых ворвался в город.

Доложив мне о ходе боев, об отважных и самоотверженных солдатах и офицерах, член Военного совета 60-й армии генерал-

майор В. М. Оленин сказал:

— Сегодня мы направляем Военному совету фронта документы об отличившихся в Тернополе бойцах и командирах, достойных присвоения звания Героя Советского Союза. Просим безотлагательно рассмотреть эти документы и препроводить их в Президиум Верховного Совета СССР.

Василий Максимович раскрыл папку, взял первый наградной лист, еще раз внимательно прочитал его, затем тихо произнес:

— Танцоров Григорий Васильевич, гвардии младший лейтенант, командир батареи СУ-восемьдесят пять. Боевой товарищ Кошечкина. О его подвиге знает вся армия.

И генерал В. М. Оленин передал мне наградной лист. В нем рассказывалось о том, как офицер Танцоров с группой танков и самоходно-артиллерийских установок ворвался на станцию Збараж и огнем с ходу разбил паровоз неприятельского бронепоезда и бронеплощадку, уничтожил два бронетранспортера. Захватив склад с горючим, Григорий Танцоров обеспечил многие танковые подразделения дизельным топливом, что позволило еще успешнее действовать в тылу врага.

Младший лейтенант Танцоров ночью пробился на южную окраину Тернополя. Его самоходная установка была атакована тремя немецкими танками Т-4. Маневрируя между каменными строениями, офицер подбил все три вражеские машины. Но противник подбрасывал новые подкрепления, стремясь во что бы то ни стало уничтожить прорвавшихся в город гвардейцев. Отрезанный от товарищей, бесстрашный командир батареи самоотверженно сражался с превосходящими силами врага. "Во время неравного боя экипажа Танцорова с танками противника, — говорилось в наградном листе, — появились немецкие бронетранспортеры. Слева выдвинулась батарея 75-мм ПТО. Тов. Танцоров быстро развернул самоходное орудие и разбил две немецкие пушки. Но в это же время вражеский снаряд поджег его машину. Отважный командир был ранен, но решил лучше умереть, чем отступить, и скомандовал механику: "Вперед!" Горящая машина рванулась на врага, давя и уничтожая вражеские пушки, транспортеры и гитлеровских пехотинцев, пока не перестало биться сердце командира".

Уличные бои в Тернополе шли продолжительное время. Здесь чуть ли не каждое здание было дотом. Гитлеровцы продолбили в каменных стенах узкие бойницы, через которые вели огонь снайперы и фаустпатронщи-ки, а в проемах стен стояли замаскированные орудия. Многие здания соединялись между собой ходами сообщения.

Специфика уличного боя внесла коррективы и в организацию партийно-политической работы. Например, начальник политотдела 60-й армии генерал-майор К. П. Исаев рекомендовал политорганам назначать парторгов в штурмовые группы и во взводы.

Во время небольшого боевого затишья Военный совет и политотдел армии провели совещание с начальниками политотделов соединений, участвовавших в сражении за Тернополь. Полковники А. Е. Светлов, К. М. Московский, Н. И. Охапкин, А. К. Иванников кратко доложили о политической работе в условиях уличных боев. Обращалось внимание на пропаганду приемов и способов борьбы в городе, где каждый дом был превращен противником в крепость. Военный совет и политотдел армии предложили политорганам соединений широко использовать и распространить в войсках опыт борьбы с врагом в Сталинграде. Штаб армии совместно с политотделом выпустили листовки-памятки: "Как вести бой в городе", "Стрелковое отделение в уличном бою", "Действие штурмовой группы", "Артиллерия в уличном бою" и другие.

Об особенностях городского боя писали фронтовая, армейская и дивизионные газеты, рассказывали агитаторы и непосредственно сами участники штурма Тернополя.

Политическое управление фронта подготовило листовку на немецком языке, адресованную окруженному в Тернополе вражескому гарнизону. Она напоминала противнику о печальной судьбе, постигшей и боле крупные группировки немцев под Сталинградом и Корсунь-Шевченковским, разоблачала человеконенавистнические замыслы гитлеровского командования, преднамеренно обрекшего свои войска на явную и бессмысленную гибель.

Упорство окруженных объяснялось прежде всего тем, что извне начались атаки крупных сил фашистов, пытавшихся деблокировать тернопольский котел. 14 марта 1944 года германское командование бросило против наших войск танковую дивизию СС "Адольф Гитлер", 7-ю танковую и 359-ю пехотную дивизии. Превосходящим силам врага удалось несколько потеснить подразделения, сдерживавшие их натиск.

16 и 17 марта противник возобновил наступательные

действия. Однако 15-й стрелковый корпус генерала И. И. Людникова, поддержанный частями 4-го гвардейского танкового корпуса, отразил все атаки гитлеровцев и нанес им большой урон.

Утром 25 марта танки и пехота противника из района Озерная снова пытались прорвать кольцо окружения. И наконец, 11 апреля пехотная дивизия врага, поддержанная 100–120 танками, нанесла еще один контрудар. Понеся значительные потери, противник вынужден был откатиться на прежние рубежи.

Провалилась и затея гитлеровцев со снабжением осажденного гарнизона по воздуху. Войска 60-й армии заняли последний вражеский аэродром. Наши истребители сбивали транспортные самолеты противника на дальних подступах к Тернополю. Парашюты с грузами, предназначенными для окруженных, часто падали в расположение наших войск.

Я был свидетелем мощных и точных штурмовых ударов нашей авиации по неприятельским укреплениям. Это работали летчики генерала Н. П. Каманина, одного из первых в стране Героев Советского Союза.

В грозный для Отечества час Николай Петрович Каманин отправился на фронт с сыном Аркадием, прозванным Орленком. В 14 лет Каманин-младший самостоятельно поднялся в воздух на самолете По-2. Несколько позднее Аркадия Каманина включили в боевой расчет. На 1-м Украинском фронте юноша водил связной самолет, доставляя боевые и разведывательные донесения, и не раз был крещен огнем. У героя-отца мужал и сын-герой. Это ли не преемственность поколений, воспитанных в нашу славную эпоху!

В составе соединения отважно сражался и отличился в мартовской операции коммунист Георгий Тимофеевич Береговой, ныне дважды Герой Советского Союза, генерал-лейтенант авиации, летчик-космонавт СССР.

Наше командование приняло решение окончательно покончить с окруженным в Тернополе гарнизоном гитлеровцев. Утром 12 апреля на вражеские опорные пункты обрушился шквал снарядов, мин и бомб. Потом на решительный штурм двинулись стрелковые и танковые подразделения.

Мне особенно запомнился такой эпизод. В одном из соединений поближе к переднему краю выдвинулся военный оркестр и укрылся за толстой каменной стеной городского здания. Перед сигналом атаки оркестр заиграл Государственный гимн Советского Союза. Вдохновляющая музыка, переплетаясь с артиллерийской канонадой, поднимала боевой дух войск. Порыв воинов был неукротим. Легко раненные, поравнявшись с оркестром, возвращались в строй и отказывались идти в медсанбат.

Это еще раз свидетельствует о том, что мы обладаем неиссякаемым арсеналом средств политического и воинского воспитания. Надо было только умело и. творчески применять их, изыскивать новые пути к солдатскому сердцу.

В ходе упорных и продолжительных уличных боев войска 60-й армии разгромили окруженный гарнизон врага и 14 апреля 1944 года полностью овладели областным центром Украины — Тернополем.

В боях за город отличились части 15-го стрелкового корпуса генерал-лейтенанта И. И. Людникова. В его составе сражались 302-я стрелковая дивизия под командованием полковника Н. П. Кучеренко, 336-я стрелковая дивизия полковника М. А. Игначева, 99-я стрелковая дивизия, возглавляемая генерал-майором А. А. Сараевым, а также часть сил 322-й стрелковой дивизии полковника П. Н. Лащенко. Активно участвовали в окружении и уничтожении тернопольского гарнизона противника 4-й гвардейский танковый корпус под командованием генерал-лейтенанта танковых войск П. П. Полубоярова и приданные артиллерийские части. Сильные удары по окруженному врагу и прорывавшимся извне гитлеровским войскам наносили 5-й штурмовой авиационный корпус генерал-майора Н. П. Каманина, 5-й истребительный авиационный корпус генерал-майора Д. П. Галунова и другие части.

При ликвидации тернопольской окруженной группировки наши войска уничтожили свыше 10 тысяч фашистских солдат и офицеров, взяли большое число пленных и трофеи.

Тридцать лет спустя мне снова довелось побывать на местах минувших сражений. Я помнил Тернополь сильно разрушенным. Окруженные нашими войсками гитлеровцы превратили город в развалины. Но Тернополь за короткий срок поднялся из руин. Он стал краше и величественнее, чем был раньше.

Трудящиеся города и области свято чтут героическое прошлое, с уважением относятся к историческим памятникам и боевым реликвиям, к ветеранам боев.

На 30-летие освобождения Тернополя были приглашены многие заслуженные воины. Среди них я повстречал прославленного танкиста-кантемировца Героя Советского Союза Бориса Кузьмича Кошечкина, бывшего командира 1128-го Тернопольского стрелкового полка Георгия Васильевича Корнеева и других ветеранов, которыми гордится наша славная Родина. На Тернопольщине они стали почитаемыми людьми.

Выход на государственную границу

Нанеся противнику поражение в предгорьях Карпат, войска 1-го Украинского фронта в начале апреля 1944 года вышли на

государственную границу с Чехословакией и Румынией. Преследуя отходящего врага, наши соединения овладели городом Серет и заняли свыше 30 других населенных пунктов на территории Румынии. Ширина полосы освобожденной границы достигала 200 километров.

В этих боях вновь отличилась 1-я танковая армия генерала М. Е. Катукова. В числе первых вестников победы был экипаж младшего лейтенанта В. Шкиля из 64-й гвардейской танковой бригады. Чтобы подтвердить этот факт, Василий Шкиль доставил на своей машине в штаб обветшалый от времени полосатый пограничный столб.

Командир бригады гвардии подполковник И. Н. Бойко похвалил отважный экипаж за стремительный прорыв к государственной границе, а затем крепко отчитал Василия Шкиля и приказал немедленно вернуть пограничный столб обратно:

— И чтобы стоял он, ни на вершок не отклоняясь от прежнего места!

В ознаменование одержанной победы наиболее отличившиеся соединения и части были удостоены наименования Прикарпатских, благодарности Верховного Главнокомандующего и награждены орденами.

Столица нашей Родины Москва салютовала войскам 2-го и 1-го Украинских фронтов двадцатью четырьмя артиллерийскими залпами из трехсот двадцати четырех орудий. Это был салют первой категории, которым отмечались наиболее выдающиеся события.

В адрес Военного совета нашего фронта, армий и соединений поступила масса поздравительных телеграмм и писем. Вот одно из них. "Дорогие бойцы, сержанты, офицеры и генералы 1-го Украинского фронта! — писали рабочие и работницы московского ордена Ленина завода «Динамо» имени С. М. Кирова. Приветствуем вас с новой победой — выходом на Государственную границу СССР. Приветствуем и поздравляем вас, освободителей советской земли. В эти дни хочется быть как можно ближе к вам, наши боевые братья…"

Такие письма, свидетельствующие о нерушимом единстве народа и армии, часто печатались во фронтовой, армейских и дивизионных газетах и представляли благодатный материал для наших агитаторов.

Выход 2-го, а затем 1-го Украинских фронтов на государственную границу вызвал радость у наших друзей и тревогу в стане врага. Отбросив в сторону дипломатические условности, Гитлер приказал марионеточному правителю Хорти выдвинуть в предгорья Карпат венгерскую армию и прикрыть

брешь в немецко-фашистской обороне. Не доверяя своему союзнику, Гитлер ввел в Венгрию германские дивизии и фактически оккупировал страну.

Мы знали, что солдаты 1-й венгерской армии, появившейся перед фронтом нашей 18-й армии, проявляют недовольство оккупацией своей страны и что их боеспособность падает. В данном случае сама обстановка способствовала успеху нашей политической пропаганды среди венгерских войск.

В 18-й армии мне довелось вместе с членом Военного совета армии С. Е. Колониным и начальником политотдела Л. И. Брежневым принять участие в обсуждении этого вопроса. Помню, Л. И. Брежнев сделал краткое сообщение о политико-моральном состоянии венгерской армии и привел ряд показаний солдат, добровольно перешедших к нам. В этих показаниях отмечалось, что в венгерской армии усилились антифашистские настроения, резко снизилась дисциплина и что на сторону советских войск желает перейти немало венгров. Однако они колеблются, опасаются русских комиссаров, боятся ЧК и Сибири. Короче говоря, нацистская ложь, как ни примитивна она была, все же отравляла сознание многих венгерских солдат.

Военный совет и политотдел 18-й армии заметно усилили пропаганду среди венгерских войск, добиваясь еще большей ее действенности.

В политуправлении фронта и политотделах армий внимательно рассматривалось, обсуждалось и утверждалось содержание каждой листовки или радиопередачи, предназначенной для солдат противника. Конечно, наивно было полагать, что какая-то удачная листовка или радиопередача на войска противника произведет переворот во взглядах воюющих против нас солдат. И все же наша пропаганда среди неприятельских войск постепенно делала свое дело. Стремительное продвижение Красной Армии и одержанные ею на всех фронтах крупные победы, о которых мы оперативно оповещали солдат противника, все более убеждали венгерских рабочих и крестьян, одетых в военную форму, в неизбежности поражения гитлеровцев и их союзников. Активная идеологическая борьба с противником способствовала и его военному разгрому, а каждая ратная победа советских войск делала более эффективной и нашу пропаганду во вражеском стане.

Выпуская значительное количество листовок на венгерском языке, политическое управление фронта и политотдел 18-й армии разъясняли, что хортистская клика, поставившая страну на грань национальной катастрофы, пресмыкается перед гитлеровцами, оккупировавшими Венгрию, и бросает своих соотечественников в

объятия смерти. В листовках говорилось и о том, что в боях против войск нашего фронта под Воронежем по вине немецко-фашистского командования уже погибла одна венгерская армия и что под Карпатами такая же участь может постичь и другую. Обращаясь к совести и разуму каждого честного венгра, горячо любящего свое отечество, советское командование предлагало единственно верный выход из создавшегося положения, а именно — сдачу в плен, добровольный переход на сторону Красной Армии.

Прошло некоторое время. Военный совет и политотдел 18-й армии сообщили нам новые факты о действенности работы по разложению войск противника. С помощью авиации и других средств в венгерских дивизиях были распространены тысячи наших листовок; для разъяснительной работы среди венгерских солдат были переброшены через линию фронта антифашистски настроенные военнопленные. За короткое время более двухсот венгров добровольно перешло на сторону советских войск.

В политической пропаганде среди войск противника использовались также материалы антифашистской газеты венгерских военнопленных в СССР "Слово правды". Призывы переходить на сторону Красной Армии группами и в одиночку не оставались безответными. В марте, апреле и мае 1944 года усилилась сдача венгров в плен.

Вот один характерный случай, рассказанный перешедшими на участке 18-й армии венгерскими солдатами: "Мы получили приказ атаковать советские позиции. На высоте, позади нас, расположились эсэсовцы. Русские вели огонь из всех видов оружия. Атака захлебнулась, и мы залегли. Гитлеровцы, занимавшие высоту, тотчас же начали нас обстреливать. Таким образом, мы очутились между двух огней. Короткими перебежками солдаты достигли противотанкового рва и укрылись в нем, ожидая первой же возможности, чтобы перейти на сторону русских. Мы послали восемь человек без оружия для переговоров. Вскоре наши парламентеры вернулись в сопровождении советского офицера. Мы сдали ему оружие и мелкими группами перешли в расположение русских".

Венгры рассказывали, что профашистские генералы угрожали солдатам всевозможными карами, вплоть до расстрела членов их семей, за переход к русским. Наша же агитация и пропаганда усиливала процесс распада венгерской армии. На советскую сторону перешло немало солдат и офицеров из 27-й венгерской пехотной дивизии.

Это не означало, однако, что 1-я венгерская армия стала небоеспособной. Венгерские части, подпираемые отборными

эсэсовскими дивизиями гитлеровского вермахта и специальными отрядами жандармов, продолжали вести против нас боевые действия. Но их стойкость и упорство резко снижались. Теперь у венгров было все меньше и меньше желания сражаться и умирать за Гитлера, поработившего их страну.

Немецко-фашистские войска, цепляясь за каждый рубеж, оказывали ожесточенное сопротивление. В полосе нашего наступления разведка зафиксировала появление новых танковых и пехотных дивизий врага. Более того, противнику удалось частично восстановить и пополнить крепко потрепанные нашими войсками соединения и части. К середине апреля сопротивление гитлеровцев значительно возросло. Войска нашего фронта, продвинувшиеся по весеннему бездорожью далеко вперед, после сорокадневного наступления нуждались в передышке. Тем более что тылы наши были растянуты и отстали от передовых частей, которые испытывали трудности в боепитании, горючем и многом другом.

Учитывая эти обстоятельства, Ставка Верховного Главнокомандования 17 апреля 1944 года дала 1-му Украинскому фронту директиву о переходе к обороне. Ставка подкрепила нас и своими резервами. Еще в начале апреля в распоряжение фронта была передана 3-я гвардейская армия (командующий генерал-полковник В. Н. Гордов, член Военного совета генерал-майор И. С. Колесниченко, начальник штаба генерал-майор К. Г. Ребриков, начальник политотдела генерал-майор Г. А. Бойко).

Прибывшие части, предназначенные для будущих наступательных операций, сосредоточивались в районе Луцка.

С 17 апреля по приказу Ставки центр и правое крыло фронта перешли к жесткой обороне. На участке 1-й гвардейской, 13-й и 60-й армий установилось относительное затишье. На левом же крыле фронта бои не затихали. На Станиславском направлении 38, 18, 1-я танковая армии до конца апреля отбивали атаки превосходящих сил врага. В результате напряженных боев противнику, наносившему удар в юго-восточном направлении, удалось потеснить войска левого крыла фронта на 30–40 километров. Затем наши войска остановили врага и стали закрепляться на занятых рубежах, проходивших на некоторых участках вдоль Государственной границы Советского Союза.

Родина воздала должное массовому подвигу воинов 1-й гвардейской, 13, 60, 38, 18-й общевойсковых, 1, 4 и 3-й гвардейской танковых, 2-й воздушной армий и других соединений. 1-я танковая армия была преобразована в гвардейскую. Второй Золотой Звезды Героя Отчизна удостоила гвардии подполковника И. Н. Бойко, отличившегося в

Черновицком рейде. Героями Советского Союза стали гвардии генерал-майор танковых войск И. Ф. Дремов, гвардии полковники В. М. Горелов и А. Х. Бабаджанян, гвардии красноармеец Николай Пигорев, повторивший подвиг Александра Матросова, гвардии младший лейтенант Василий Шкиль и многие другие отважные воины. Десятки тысяч командиров, политработников, солдат, сержантов, офицеров были награждены орденами и медалями.

В один из апрельских солнечных дней мы с генералом С. С. Шатиловым выехали в 60-ю армию. Узнав, где разместился командарм И. Д. Черняховский, мы направились к нему. Еще в сенях услышали его голос. Разговаривая с кем-то по телефону и терпеливо объясняя, как бы он поступил на месте собеседника, Иван Данилович объявил:

— А вообще-то, меня уже нет. Отбываю, брат. Да, отбываю.

Увидев нас, Черняховский вышел из-за стола и, улыбаясь, отрапортовал:

— Товарищ член Военного совета! Генерал Черняховский командование армией сдал. Отбываю в распоряжение Ставки.

Мы знали, что Государственный Комитет Обороны назначил И. Д. Черняховского командующим одного из ведущих фронтов, и искренне радовались выдвижению молодого и одаренного военачальника.

— Как настроение? — поздоровавшись, поинтересовался я.

— Объехал войска, попрощался со многими командирами и солдатами, с боевыми соратниками, и как-то грустно стало на душе, — признался Иван Данилович. — Впрочем, когда сын уезжает из родного дома, он тоже всегда немного грустит, а 1-й Украинский, бывший Воронежский, фронт и 60-я армия были для меня домом родным…

Черняховский прошелся по комнате, затем неожиданно сказал:

— Волнуюсь немного, должность очень высокая. Сумею ли оправдать доверие партии? Мне ведь еще и сорока нет.

Точности ради следует заметить, что генералу И. Д. Черняховскому тогда не исполнилось и 38 лет. Мне довелось встречаться с ним в различной обстановке, и после каждой встречи все более возрастало уважение к этому военачальнику крупного масштаба. Он был человеком высокообразованным, обладал большой военной культурой и незаурядными способностями. Иван Данилович мыслил широко, действовал зачастую новаторски и вместе с тем расчетливо, осмотрительно и тщательно готовил каждую операцию. На новом высоком посту командующего 3-м Белорусским фронтом еще ярче раскрылся его полководческий талант.

Вместе со всем народом мы глубоко переживали, получив впоследствии печальную весть о том, что И. Д. Черняховский смертельно ранен.

Командующим 60-й армией был назначен генерал-полковник П. А. Курочкин. Я хорошо знал его еще в предвоенные годы. Да и на 1-м Украинском фронте нам довелось работать вместе, когда Павел Алексеевич некоторое время выполнял обязанности заместителя командующего войсками 1-го Украинского фронта.

Руководя боевыми действиями войск, Военный совет фронта уделял много внимания и таким вопросам, как мобилизация в освобожденных районах призывников, привлечение местного населения на оборонные работы, отселение жителей из опасной зоны боевых действий. Все это осуществлялось в тесном контакте с местными партийными и советскими органами, которые делали все для того, чтобы войска фронта еще успешнее громили ненавистного врага.

Самую тесную и постоянную связь с Военным советом и политуправлением фронта поддерживали секретари обкомов КП (б) Украины: Черновицкого — Иван Степанович Зеленюк, Ровенского — Василий Андреевич Бегма, Житомирского Моисей Семенович Спивак, Тернъпольского — Иван Данилович Компанеец. Хорошие контакты были у нас и с председателями облисполкомов: Черновицкого Алексеем Леонтьевичем Комковым, Ровенского — Павлом Игнатьевичем Васильковским, Житомирского — Николаем Михайловичем Рожанчуком, Тернопольского — Яковом Федоровичем Артюшенко.

В свою очередь и Военный совет оказывал всемерную поддержку местным органам власти в восстановлении тыла и преодолении последствий фашистской оккупации. Так, например, 27 апреля 1944 года Военный совет 1-го Украинского фронта принял решение об оказании помощи колхозам и совхозам УССР в проведении весеннего сева. Командирам всех степеней и политорганам вменялось в обязанность более внимательно относиться к колхозам и совхозам, а в западных областях — и к индивидуальным крестьянским хозяйствам. Категорически запрещались самовольное изъятие в колхозах, МТС и совхозах посевного материала, тракторов, племенного и рабочего скота, а также временная мобилизация тракторов, лошадей, волов, принадлежавших колхозам и совхозам.

То же постановление обязывало военные советы армий, командиров войсковых соединений, начальников тыловых частей и учреждений не в ущерб боевым делам выделять для проведения посевной кампании бывших агрономов и специалистов МТС, трактористов, ремонтников, шоферов, плотников. Предлагалось

выделять также тракторы, автомашины и лошадей.

Хлеб был крайне необходим стране и армии для достижения победы. Вот почему Военный совет считал быстрое и качественное проведение сева важнейшей партийной и государственной задачей.

В прифронтовой полосе воинские патрули (конные и моторизованные) охраняли работавших на полях крестьян от бандитских налетов. В полевых авторемонтных мастерских было отремонтировано большое количество тракторов, грузовиков, различных сельскохозяйственных машин. Для оказания технической помощи на колхозные поля выезжали наши ремонтные летучки и специальные бригады. Там, где позволяла обстановка, воины, особенно из резервных частей и подразделений, вспахали и засеяли десятки тысяч гектаров земли.

В Ровенской, Тернопольской, Винницкой, Житомирской, Каменец-Подольской, Станиславской, Черновицкой и других освобожденных войсками фронта областях и районах политработники проводили митинги и собрания трудящихся, на которых рассказывали о славных победах Красной Армии и героическом труде рабочего класса и колхозного крестьянства. Митинги созывались и перед выходом на полевые работы. Во время посевной кампании в прифронтовых сельских районах массово-политической работой занималось около 3500 наших агитаторов. Они прочитали населению несколько тысяч лекций, докладов, еще больше провели бесед и политинформаций. Одновременно в селах и на полевых станах с концертами выступали участники художественной самодеятельности.

При проведении весеннего сева воины в первую очередь помогали семьям фронтовиков и погибших от рук врагов советских активистов, а в западных областях УССР и бедным, безлошадным крестьянским хозяйствам, бывшим батракам. Там, где была крайняя необходимость, плотники ремонтировали жилища и даже строили новые дома взамен сожженных гитлеровцами.

Активное участие воинов в посевной кампании упрочивало тыл, крепило единство Красной Армии и народа.

Войска 1-го Украинского фронта прочно закреплялись на завоеванных рубежах. Дни были насыщены ратным трудом. Солдаты рыли траншеи полного профиля и ходы сообщения, оборудовали и маскировали командные и наблюдательные пункты, строили добротные блиндажи, устанавливали инженерные заграждения.

Немецко-фашистские войска, потерпевшие сокрушительное

поражение в Проскурово-Черновицкой операции, в основном вели себя пассивно. Постепенно затихали вражеские атаки и на Станиславском направлении. Затем установилось относительное затишье.

В канун первомайского праздника Военный совет, штаб и управление фронта передислоцировались из Славуты за реку Збруч — в село Токи, Тернопольской области. А во второй половине мая к нам прибыл новый командующий — Маршал Советского Союза И. С. Конев.

С Иваном Степановичем раньше мне встречаться не приходилось, но я многое слышал о нем от его сослуживцев. В начале Отечественной войны он командовал армией, потом Западным и Калининским фронтами, а затем Степным, переименованным во 2-й Украинский.

И. С. Конев оказался несколько старше Н. Ф. Ватутина. Этому высокому, хорошо сложенному и подтянутому военачальнику в то время исполнилось сорок семь лет. У него было открытое русское лицо, дышавшее спокойствием, и лишь резкие волевые складки у рта да властные нотки в голосе свидетельствовали о твердом характере, умении повелевать.

Мы знали, что И. С. Конев, известный военачальник, доказал свое умение решать большие оперативные задачи. Все члены Военного совета с удовлетворением встретили назначение Маршала Советского Союза И. С. Конева командующим войсками 1-го Украинского фронта.

Первая беседа с новым командующим была продолжительной. Я ознакомил Ивана Степановича с положением дел на 1-м Украинском фронте, охарактеризовал наши руководящие кадры. Между нами завязался разговор о большой и разносторонней деятельности Военного совета, его наметках и планах. В частности, я сообщил И. С. Коневу, что еще до его прибытия мы решили в ближайшее время обсудить вопрос о материальном обеспечении войск фронта.

— Одобряю, — отозвался маршал. — Это, несомненно, поможет улучшить работу тыловых органов, позволит и мне быстрее войти в курс всех ваших дел. А вообще-то я намереваюсь денька три-четыре побыть в штабе, поближе познакомлюсь с работниками управления фронта, потом поеду в войска, погляжу, что там делается. Ведь донесения и сводки полного представления о делах никогда не дадут.

Вскинув на меня живые, с хитринкой глаза, он отрывисто спросил:

— Может, вместе поедем? Вы же здесь старожил.

— Хорошо.

Во время беседы я старался возможно больше узнать о Коневе, распознать его характер. Говорили мы о многом и, разумеется, главным образом о войне, о будущих планах и задачах войск 1-го Украинского фронта.

Как мы и условились, на очередном заседании Военного совета был заслушан доклад генерал-лейтенанта Н. Т. Кальченко о материально-техническом обеспечении войск нашего фронта. Никифор Тимофеевич со знанием дела называл цифры имевшихся в войсках сутодач, запасов зерна и помола, рассказывал, как части снабжаются мясом и крупой, как налажены стирка белья, ремонт обуви и обмундирования, каково положение с горючим и боеприпасами.

Новый командующий слушал докладчика внимательно, не перебивал, а некоторые цифры брал на заметку. Объявив перерыв, Иван Степанович подошел ко мне и, улыбнувшись, сказал:

— А докладчик-то мужик хваткий. Чувствуется, что член Военного совета по тылу дело свое знает и хозяйственную сметку имеет. Он мифической манны с неба не ждет, а вместе с аппаратом тыла фронта стремится лучше использовать внутренние ресурсы.

Маршал молча походил по избе, затем продолжил разговор:

— А вот некоторые хозяйственники привыкли все необходимое получать только из Центра. Но это не всегда возможно. Теперь работник тыла Красной Армии обязан сам заготовить зерно, организовать помол, выпечку хлеба и обеспечить доставку воинам горячей пищи в любых боевых условиях. Во фронтовой обстановке солдату и баня нужна, и чистое белье, добротное обмундирование.

И. С. Конев выразил удовлетворение тем, что начальником тыла фронта только что был назначен генерал-лейтенант Николай Петрович Анисимов, по праву считавшийся деятельным и энергичным организатором и одним из опытных работников тыла Красной Армии. В дни легендарной битвы на Волге Николай Петрович возглавлял тыловые органы Сталинградского фронта и в труднейших условиях ожесточенных боев и ограниченных паромных переправ через великую русскую реку обеспечивал войска всем необходимым для обороны города и победного наступления.

Генерал Анисимов и аппарат тыла фронта вложили немало труда в обеспечение боевых успехов наших войск. Обладая хорошей военной подготовкой, оперативным кругозором и зная в основном замыслы фронтовых операций, Николай Петрович умел смотреть вперед и с учетом возможных сложных военных ситуаций планировать снабжение войск и деятельность тыловых

органов. Военному совету он всегда докладывал четко, кратко и ясно, имея убедительные цифровые данные и выкладки, детально продуманные предложения и рекомендации.

Н. П. Анисимов знал положение дел в каждой армии, душой болел, когда замечал в работе тыловых органов недостатки и промахи. Как-то во время наступательной операции пришел он ко мне и доложил, что в 263-й стрелковой дивизии случилось ЧП. Нерадивые хозяйственники этого соединения, оправдываясь трудностями наступательного боя, в течение двух суток не доставляли солдатам горячую пищу.

Разумеется, генерал Н. П. Анисимов навел порядок и наладил бесперебойное снабжение горячей пищей воинов 263-й стрелковой дивизии и других соединений. Однако Военный совет фронта не ограничился этими мерами и строго наказал лиц, виновных в плохой организации питания солдат. Кроме того, мы еще раз обратили внимание командиров и политорганов на необходимость более внимательно относиться к вопросам красноармейского быта, предложили фронтовой печати шире освещать проблемы материально-бытового обслуживания частей и подразделений, неустанно пропагандировать основные положения постановления ГКО и приказа Наркома обороны от 31 мая 1943 года, получившего в войсках большую известность и действенность. В своем приказе И. В. Сталин резко критиковал нерадивых «мудрецов», которые, формально руководствуясь таблицей замен, без всякой необходимости полностью заменяли мясо яичным порошком и допускали другие факты плохой организации питания бойцов и халатного отношения к сохранению и расходованию продовольствия.

Народный комиссар обороны подчеркивал: "Наши командиры, по-видимому, забыли лучшие традиции русской армии, когда такие крупнейшие полководцы, как Суворов и Кутузов, у которых учились полководцы всей Европы и должны учиться командиры Красной Армии, сами проявляли отеческую заботу о быте и питании солдат и строго того же требовали от своих подчиненных…"

На первом заседании Военного совета под председательством И. С. Конева мы приняли развернутое решение, направленное на дальнейшее улучшение материального обеспечения войск и красноармейского быта.

Вскоре мы с маршалом Коневым направились в войска. В течение двух недель с перерывами объехали все армии, побывали и в некоторых отдельных корпусах. Надо заметить, что к тому времени в состав фронта входило шесть общевойсковых армий, три танковые и одна воздушная.

Следовательно, Военный совет фронта осуществлял руководство десятью армиями и их военными советами. А это являлось нелегкой задачей. Главным в руководстве было личное общение. Оно позволяло наиболее правильно оценить деятельность армий, выяснить их нужды и потребности, боевые и оперативные возможности.

Наша взаимосвязь была прочной и непрерывной, а обмен информацией постоянный. Во фронте рассматривались и утверждались планы работы военных советов и политотделов армий, выдвигались новые задачи, периодически проверялось выполнение планов.

Во время относительного затишья командующие и члены военных советов армий приглашались на заседания Военного совета фронта, проводились совещания руководящих командных и политических кадров, на которых обсуждались важнейшие вопросы боевой деятельности войск, подготовки и проведения фронтовых наступательных операций, а также политические мероприятия, связанные с выполнением освободительной миссии Красной Армии и пребыванием наших войск за рубежом.

Мы никогда не отвлекали руководящий состав армий от боевых дел и не вызывали к себе в напряженный момент операции. Если требовалось решать неотложные вопросы, касающиеся боевой деятельности армии, члены Военного совета фронта сами выезжали на места, оперативно принимая меры, способствующие успешному выполнению боевых задач командования.

В дни подготовки к Львовско-Сандомирской операции Военный совет фронта непосредственно на месте заслушал доклады командармов А. А. Гречко, В. Н. Гордова, Н. П. Пухова, Е. П. Журавлева, К. С. Москаленко, П. А. Курочкина, М. Е. Катукова, П. С. Рыбалко, Д. Д. Лелюшенко и С. А. Красовского. Они доложили о состоянии вверенных им войск, о том, как укомплектовываются соединения личным составом и техникой, как накапливаются боеприпасы и горючее.

В то время Военный совет 1-го Украинского фронта обсуждал многие вопросы боевой деятельности войск. Я назову лишь некоторые из них: "Материально-техническое обеспечение операции", "О ходе ремонта танков, орудий, автомашин и другой боевой техники и вводе их в строй", "Об отселении граждан из зоны боевых действий", "О заготовке топлива для железных дорог в границах фронта" и другие.

Были приняты решения и по таким, например, вопросам, как "Быт бойца и офицера на переднем крае", "Об оказании первой помощи, выносе раненых с поля боя и вводе их в строй", "О

санитарной обработке обмундирования, банях и смене белья", "О своевременной доставке газет и писем воинам".

Мы постоянно рассматривали планы работы военных советов армий. Деятельность Военного совета носила разносторонний характер, и ее ни в коей мере нельзя оценивать по количеству протокольно зафиксированных заседаний и записанных на бумаге решений. Заседания очень часто не протоколировались и проходили накоротке, особенно в напряженные моменты операции. Работа шла непрерывно, каждодневно.

Военный совет под председательством командующего войсками фронта Маршала Советского Союза И. С. Конева работал дружно, активно, сплоченно. За время войны я не помню каких-то разноречий, несогласованности или трений в работе членов военных советов фронта и армий. Это отнюдь не означает, что в ходе обсуждения тех или иных вопросов не было доказательных споров, жарких деловых обсуждений, помогавших выработать и принять верное решение по тем или другим вопросам боевой деятельности войск. Нас, членов Военного совета, объединяли великие идеи нашей партии, величественные задачи, а цель была одна — разгромить врага, внести свой вклад в дело победы над фашизмом.

Автору этих строк приходилось работать со многими видными военачальниками, разными по характеру людьми. И с каждым из них, как правило, налаживался хороший рабочий контакт, основанный на открытой, честной и принципиальной фронтовой дружбе, войсковом товариществе. Члены Военного совета считали первейшей обязанностью всемерно укреплять единоначалие как важнейший ленинский принцип строительства Вооруженных Сил СССР.

Мы постоянно руководствовались постановлениями и указаниями ЦК ВКП(б) и ГКО, определяющими права и обязанности военных советов, мудрыми заветами великого Ленина."…Как коллегиальность необходима для обсуждения основных вопросов, — указывал Владимир Ильич, — так необходима и единоличная ответственность и единоличное распорядительство, чтобы не было волокиты, чтобы нельзя было уклоняться от ответственности"{35}.

Командующий, как председатель Военного совета, объединял деятельность всех членов этого руководящего органа. Каждый из нас имел определенный участок работы, четко регламентированные обязанности, т. е. коллегиальность, как учил В. И. Ленин, сопровождалась "самым точным установлением личной ответственности каждого лица за точно определенное дело"{36}.

Все важные вопросы мы обсуждали сообща, а затем каждый член Военного совета выполнял то, что ему персонально предписывалось в совместно принятом решении, и то, что он обязан был сделать по долгу службы, по характеру своей работы. За все это он единолично нес ответственность перед Военным советом.

Военный совет фронта состоял из пяти человек, а председателем его с 20 мая 1944 года являлся вступивший в командование войсками 1-го Украинского фронта Маршал Советского Союза И. С. Конев. Два члена Военного совета были освобожденными. Автор этих строк, как первый член Военного совета, занимался оперативными вопросами и вместе с командующим подписывал все необходимые оперативные документы, приказы и донесения в Ставку Верховного Главнокомандования. Первому члену Военного совета вменялось в обязанность осуществлять непосредственное руководство политическим управлением фронта.

Другой член Военного совета фронта — генерал-лейтенант Н. Т. Кальченко курировал службу тыла. Он осуществлял руководство и контроль за обеспечением соединений и объединений боеприпасами, горючим, продовольствием, обмундированием, организацией медицинского обслуживания, фронтовых баз снабжения и использованием местных ресурсов, восстановлением железных и шоссейных дорог и многими, многими другими делами. Это, разумеется, не означало, что данными вопросами занимался только один член Военного совета. Материально-техническое обеспечение войск постоянно держали в поле своего зрения командующий войсками и Военный совет в целом, ибо от этого во многом зависел успех операций, разгром врага.

В ходе Великой Отечественной войны возрастали масштабы наступательных операций советских войск, увеличивались и материальные потребности фронта. Война поставила перед работниками тыла много сложных задач. Героические труженики страны усиливали помощь фронту, во все больших размерах возрастал и поток поступаемых в войска материальных средств. Органы тыла фронта работали с исключительным напряжением.

Много разных забот ложилось на плечи члена Военного совета фронта по тылу генерал-лейтенанта Н. Т. Кальченко, который совместно с начальником тыла фронта генерал-лейтенантом Н. П. Анисимовым, фронтовыми, армейскими службами тыла решал сложные задачи, обеспечивая боевую деятельность войск.

В связи с этим мне хочется отметить и плодотворную работу

членов военных советов армий по тылу, входивших в состав нашего фронта, генерал-майоров А. Г. Лопатенко, С.М.Новикова, Ф. И. Олейника, В. И. Родионова, полковников М. В. Шевякова, Н. Г. Чернышева и других.

Членами Военного совета фронта являлись также начальник штаба фронта генерал армии В. Д. Соколовский и командующий артиллерией фронта генерал С. С. Варенцов. Главным образом они занимались выполнением своих основных и весьма ответственных должностных обязанностей.

Попутно замечу, что командующие артиллерией были введены в состав военных советов приказом Народного комиссара обороны от 10 февраля 1944 года. Предельно ясно излагая необходимость этого, приказ гласил: "В целях улучшения руководства артиллерией, повышения ответственности военных советов и командующих артиллерией фронтов (армий) ввести в состав военных советов фронтов, армий, округов командующих артиллерией".

В общевойсковых армиях тоже имелось пять членов Военного совета с теми же задачами и функциями, что и во фронте, а в танковых — четыре (там не было освобожденного члена Военного совета по тылу).

Практика убедительно подтвердила, что такой количественный состав давал возможность военным советам охватывать своим руководством важнейшие вопросы фронтовой жизни, боевой деятельности войск. Они стали гибкими, мобильными, оперативными.

Борьба за повышение воинского мастерства солдат, сержантов, офицеров и генералов всегда была в центре внимания военных советов фронта и армий, командиров и политорганов. Проходили сборы командного и политического состава, обобщался опыт боев, анализировались итоги мартовской и других операций, проводились штабные учения и тактические занятия взводов, рот, батальонов, а также боевые стрельбы по трофейным танкам, дзотам и другим целям.

Центральный Комитет партии настойчиво требовал изучать опыт войны, постоянно совершенствовать военные знания бойцов, командиров политработников, повышать их выучку и умение вести боевые действия в любых условиях, особенно в наступательном бою.

Верховный Главнокомандующий в своем приказе от 23 февраля 1944 года так изложил это важнейшее требование партии: "Необходимо, чтобы боевой опыт и достижения передовых частей и соединений Красной Армии стали достоянием всех войск, чтобы вся Красная Армия, все ее бойцы и

офицеры научились бить врага по всем правилам современной военной науки".

Центральный Комитет призывал воинов Красной Армии постоянно повышать свое мастерство. Выполняя указания партии, войска фронта неутомимо учились ратному делу, используя каждую крупицу боевого опыта.

В период временного затишья войска занимались напряженной боевой учебой. Вспоминается наше посещение 3-й гвардейской армии. Командующего этой армией генерал-полковника В. Н. Гордова и члена Военного совета генерал-майора И. С. Колесниченко мы встретили среди бойцов, изготовившихся к атаке.

За леском слышались раскаты орудийных выстрелов, и над головами солдат с шипением и свистом летели снаряды. Они разрывались в нескольких сотнях метров, вздымая комья земли…

В знойном небе замысловатую траекторию прочертила красная ракета. Пехотинцы дружно выскочили из траншеи и широким шагом двинулись по полю, потом перешли на бег. Прокатилось громкое «ура».

Но это был не настоящий бой, а тактическое учение с боевой стрельбой, проводимое в одном из штурмовых батальонов 3-й гвардейской армии. Маршал Советского Союза И. С. Конев, наблюдавший за действиями подразделения, заметил некоторые недостатки и приказал повторить атаку.

— Надо научить бойцов следовать за огнем своей артиллерии, — сказал он генерал-полковнику В. Н. Гордову. — Пусть солдаты как можно плотнее прижимаются к разрывам снарядов и мин. Тогда они с меньшими потерями прорвут оборону врага.

Маршал присутствовал и при «обкатке» танками молодых бойцов, укрытых в траншеях. Мы наблюдали, как солдат-новичок настороженно следил за танком, медленно и неотвратимо надвигавшимся на него. Глухо подрагивала земля, осыпаясь на дно траншеи. Чувствовалось, еще мгновение — и не выдержат нервы необстрелянного бойца.

— А ты не бойся! — крикнул бывалый воин, подбежавший к нему по ходу сообщения. — Держись уверенно, действуй, как я…

И ветеран первым бросил учебную гранату под гусеницы танка. Молодой солдат последовал его примеру. И вот уже стальные гусеницы подминают насыпной бруствер, танк всей громадой грузно накрывает траншею и засевших в ней бойцов. Когда боевая машина перевалила через траншею и, фыркнув сизым дымком, пошла дальше, осыпанный землей молодой солдат решительно вскочил и бросил вслед танку еще одну

гранату-болванку.

— Видали? — засмеялся маршал, кивнув в сторону солдата-новичка. Смелый воин будет!

— Добре, сынку, добре! — хитровато прищурившись, проговорил бывалый солдат. — А теперь, молодец, не мешкай и берись за автомат. В бою за вражескими танками, как правило, идет пехота, которую надо отсекать.

Нам пришлись по душе слова ветерана, поддержавшего боевой дух необстрелянного товарища.

— Вот она, политработа в действии, органически связанная с боевой подготовкой войск, — заметил член Военного совета генерал И. С. Колесниченко.

И действительно, боевая учеба, пронизанная политическим и воинским воспитанием, развивает у солдат смекалку, закаляет волю. При подобной «обкатке» танками молодые воины на практике убеждались, что от стальных гусениц грозных машин надежно спасают глубокие щели, траншеи, окопы и ходы сообщения, что, находясь в глубокой траншее, они могут успешно поразить вражеские танки гранатами, огнем из противотанковых ружей, а также другими средствами. Получив закалку на учебных полях, молодые воины, как правило, проявляли больше стойкости и уверенности, когда в настоящем бою встречались с немецкими «тиграми».

Обучая пополнение в ближнем тылу, командиры постепенно приобщали молодых, необстрелянных воинов к реальному бою. Они посылали новичков в траншеи переднего края, чтобы те услышали свист пуль, близкие разрывы мин и снарядов. Причем делалось все разумно. В отделении, взводе, роте новички распределялись вперемежку с бывалыми воинами, прошедшими суровую школу войны. Это позволяло быстрее формировать у пополнения боевые качества, морально и психологически готовить их к суровому испытанию в бою.

В дни подготовки к предстоящей операции войска учились взламывать оборону противника, с ходу форсировать реки, взаимодействовать в наступлении, добиваясь слаженности, сколоченности отделений, расчетов, экипажей и подразделений.

В 3-й гвардейской, 13, 60 и 38-й армиях было выделено 32 штурмовых батальона, которым надлежало в начале операции дерзко атаковать врага и обеспечить успех в полосе предполагаемого прорыва обороны противника. Эти ударные подразделения были предметом особой заботы командиров и политорганов. Для штурмовых батальонов подбирались опытные, волевые командиры и политработники, отважные и бывалые воины. В подразделениях, призванных сыграть важную роль при

прорыве вражеской обороны, мы усилили партийно-комсомольскую прослойку. Штурмовые батальоны насчитывали по 25–30 и более коммунистов, по 60–70 комсомольцев. Это, несомненно, упрочило партийное влияние на личный состав, повысило боеспособность подразделений.

Борьба за совершенствование воинского мастерства являлась важнейшим содержанием политической работы. Политуправление решало эту большую задачу в тесной связи со штабом фронта, с командующими родами войск, аппаратом тыла. Постоянная связь и взаимная информация о положении дел в войсках давали возможность политуправлению фронта более предметно строить свою деятельность, более квалифицированно вести военную пропаганду, занимавшую видное место в работе политорганов. Такую важную партийную задачу политорганы могли успешно выполнять только при активной помощи командиров и штабов.

Личное общение начальника политуправления генерала С. С. Шатилова с руководством фронта давало ему возможность постоянно быть в курсе всех важнейших боевых дел, работать с перспективой, в прочной связи с жизнью и задачами войск.

Контакты и взаимодействие политуправления со штабом фронта еще более улучшились, когда на должность начальника штаба и члена Военного совета фронта прибыл генерал армии В. Д. Соколовский, энергично включившийся в подготовку Львовско-Сандомирской операции. С его приходом штаб стал работать более слаженно и организованно. Весьма эрудированный в военном деле, спокойный и уравновешенный, он не терпел суетливости, дерганья, нервозности, воспитывал у подчиненных деловитость, аккуратность и четкость в работе. Члены Военного совета, командующие родами войск, командармы, начальники штабов армий с глубоким уважением относились к Василию Даниловичу и, без преувеличения можно сказать, многому научились у него. Они учились прежде всего постигать все то новое, что рождала война и боевой опыт, глубоко разбираться в сложнейших вопросах военного искусства.

У генерала армии В. Д. Соколовского, занимавшего руководящие посты в Вооруженных Силах, не было и тени кичливости и зазнайства. Его простота в обращении с подчиненными, спокойствие подкупали. Василий Данилович не раз выступал на фронтовых совещаниях членов военных советов и начальников политорганов, ясно и четко разъясняя боевые задачи и специфику предстоящей операции, глубоко анализируя оперативную обстановку, реально оценивая противника и наши возможности. Это помогало политуправлению фронта и

политотделам армий более предметно планировать партийно-политическую работу, квалифицированно решать вопросы военной пропаганды и действенно влиять на боевую деятельность войск.

Мы знали, что 1-му Украинскому фронту противостоит мощная группировка противника, костяк которой составляли танковые и моторизованные дивизии. Это выдвигало на первый план вопросы борьбы с танками врага. Путь наступающим советским войскам преграждали многочисленные реки, в том числе одна из крупнейших в Европе — Висла. Значит, все части и соединения должны быть нацелены на успешное преодоление водных преград с ходу и захват плацдармов. На этих двух стержневых вопросах была сосредоточена вся наша военная пропаганда.

Листовки и памятки, выпущенные политуправлением фронта, политотделами армий, корпусов, дивизий, содержали концентрированный опыт войны. Они учили солдат, как уничтожать танки противника артиллерией, гранатами, противотанковыми ружьями, как форсировать реки и как пехоте надлежит наступать вслед за огнем артиллерии, взаимодействовать с танками, авиацией, вести бой в траншеях, в лесу, населенном пункте и т. д. Почти каждый солдат и сержант имел такие листовки и памятки и воевал так, как учили командиры, как просто и доходчиво было сказано в памятках.

Применялись и другие формы пропаганды передового опыта. В частности, у нас проходили встречи воинов различных родов и видов войск, слеты Героев Советского Союза и кавалеров ордена Славы, сборы разведчиков, истребителей танков, снайперов. Знаменитый снайпер Максим Брыксин, о ратном мастерстве которого я много слышал еще в начале войны на Южном фронте, побывал во многих соединениях 18-й армии и личным показом на переднем крае и в ближнем тылу обучал молодых огневиков секретам снайперского искусства, тактическим приемам и способам маскировки. Его примеру последовали Василий Курка, Василий Богатырев и другие мастера огня, уничтожившие десятки и сотни гитлеровцев.

С пополнением не раз беседовали кавалеры ордена Славы Александр Виноградов, Леонид Леганев и Федор Юрченко, отважный пулеметчик и парторг эскадрона Шакир Джигангараев, мастер артиллерийского огня Иван Прач.

Герои Советского Союза В. Пермяков и З. Асфандьяров, наводчики орудий П. Карташев, И. Лихошерстов передавали опыт борьбы с немецкими танками. Молодые, необстрелянные солдаты с большим вниманием прислушивались к советам бывалых

воинов.

В соединениях и штабах кипела напряженная подготовка к наступлению. Усилилось наблюдение за противником, в широких масштабах велось ночное подслушивание. Войска на различных участках осуществляли разведку боем, а поисковые группы охотились за «языками».

Но, к сожалению, захваченные нами «языки» и данные, добытые разведкой боем, иногда доставались тяжело. Это объяснялось отчасти тем, что противник создал мощную, глубоко эшелонированную оборону, прикрытую хорошо организованной системой огня. Подступы к переднему краю простреливались всеми видами оружия. Разведчикам, пытавшимся проникнуть в стан врага, приходилось преодолевать минные поля, многочисленные проволочные заграждения.

Там, где умело, тщательно организовывали разведывательную работу, где имелись опытные, ловкие и тренированные бойцы, результаты разведки, разумеется, были успешнее, а потери в личном составе значительно меньше. Вот почему Военный совет фронта обсудил вопрос об улучшении разведывательного дела.

В решении мы отметили необходимость укрепления разведывательных подразделений опытными, волевыми и храбрыми офицерами, рекомендовали смелее выдвигать на командную работу бывалых разведчиков из числа сержантов. Военный совет подчеркнул, что главным звеном в постановке войсковой разведки является воинское и политическое воспитание бойцов и командиров. Мы предусмотрели необходимые меры по улучшению партийной работы в разведывательных подразделениях.

Спустя некоторое время начальник политуправления фронта генерал-лейтенант С. С. Шатилов проверил, как выполняется решение Военного совета. Он доложил, что в разведывательных подразделениях созданы полнокровные партийные и комсомольские организации, что в каждой из них насчитывается примерно до 12 коммунистов и 30–35 комсомольцев. Это значительно укрепило спецподразделения.

Политработники готовятся к наступлению.

В то время как полки и дивизии пополнялись людьми и оснащались боевой техникой, политорганы укрепляли партийные ряды, заботясь о том, чтобы войска первой линии, и прежде всего ударные группировки фронта, имели полнокровные парторганизации. От этого во многом зависели высокая боеспособность и стойкость частей, успешное выполнение ими боевых заданий командования.

Несмотря на заметные потери в предыдущих операциях, число коммунистов возрастало. За первые шесть месяцев 1944 года на 1-м Украинском фронте в партию вступили почти 90 тысяч воинов. К 1 июля 1944 года мы имели 16 156 первичных и ротных партийных организаций и 16 775 комсомольских организаций. Всего в наших войсках в то время насчитывалось 218 тысяч коммунистов и 150 тысяч членов ВЛКСМ. Эта огромная армия идейно убежденных людей цементировала ряды воинов, вела их за собой, воодушевляла героическим примером и пламенным словом.

Во главе партийных и комсомольских организаций стояли, как известно, парторги и комсорги рот, батарей, эскадронов, эскадрилий, батальонов и дивизионов, а также равных им подразделений. Каждый из них имел двух заместителей.

Парторгами были весьма авторитетные коммунисты, обладавшие железной волей, стойкостью и отвагой. В бою они находились на самых трудных участках, первыми поднимались в атаку на врага. Естественно, что они нередко выходили из строя. Особенно большое обновление низового партийного руководства произошло в мартовской наступательной операции, проходившей в невероятно трудных условиях. В результате половина наших парторгов имела очень небольшой стаж руководящей работы.

Молодые партийные вожаки нуждались в серьезной помощи, практическом инструктаже, деловых советах. Политорганы учили их в самых различных условиях. В период затишья проходили семинары, сборы, а в боевой обстановке практиковался личный инструктаж. Политработники советовали парторгам, как воспитывать молодых коммунистов, особенно кандидатов в члены партии, как организовывать и проводить партийные собрания.

По-деловому обсуждая насущные вопросы, коммунисты говорили обычно кратко. Порой собрание прерывалось, и его участники уходили в боевые порядки, чтобы отбить атаку врага. Решения, как правило, были предельно лаконичными, ясными и понятными для каждого. Мне запомнился один такой документ: "Собрание постановляет: 1. Коммунистам в бою стоять насмерть. С оборонительных позиций никому не отходить. 2. Приказ командира выполнить до конца, выполнить любой ценой. 3. Если легко ранен, оставаться в строю. 4. После боя парторгу сделать информацию о том, как коммунисты выполнили данное постановление".

Опорой командиров и политорганов являлись агитаторы. В войсках фронта их число (в зависимости от количества армий) порой достигало 50 тысяч. Так, например, в 60-й армии перед началом Львовско-Сандомирской наступательной операции было

5266 агитаторов, в том числе 2732 коммуниста, 1375 комсомольцев и 1159 беспартийных воинов.

Политорганы учили агитаторов работать в сложных условиях войны, вооружали идеями, фактами, материалами, учили искусству агитации, ставили перед ними конкретные задачи.

А задачи у нас были большие и многогранные. Военный совет фронта рассмотрел также план партийно-политической работы, охватывавший все этапы наступления. Докладывал начальник политуправления генерал-лейтенант С. С. Шатилов.

В плане были изложены мероприятия по пропаганде и агитации, намечалась конкретная организаторская работа по укреплению партийных и комсомольских организаций, пополнению рядов ВКП(б) и ВЛКСМ, определялось содержание военных газет, листовок для наших войск и войск противника. Планировалось примерное распределение сил политуправления фронта и его резерва, указывалось, каким армиям, исходя из их боевых задач, уделить больше внимания.

Политуправление располагало опытными кадрами политработников. Это был боевой сплоченный коллектив, пользовавшийся авторитетом среди командиров и политорганов фронта. Возглавлял его генерал С. С. Шатилов энергичный, инициативный и опытный человек. Его заместителем являлся генерал-майор П. А. Усов, пришедший на эту должность из 38-й армии.

Оргинструкторским отделом политуправления фронта руководил полковник В. И. Суриков, отделом агитации и пропаганды — полковник А. А. Пирогов. Партийную комиссию возглавлял полковник И. И. Новиков, отдел по работе среди войск противника — подполковник Л. А. Дубровицкий, отдел кадров — полковник Г. Н. Любимов.

В штатах политуправления фронта имелась инспекторская группа, состоявшая из пяти человек. В нее входили полковник Г. М. Савенок, подполковники П. К. Козак, П. В. Тарасов, А. И. Капралов, Б. В. Ивахник.

Военный совет высоко ценил деятельность политуправления и всегда опирался на него. Забота о политическом и воинском воспитании солдатских масс и сплочении их вокруг ВКП(б), о создании полнокровных партийных и комсомольских организаций, повышении уровня и действенности партийно-политической работы всегда стояла у нас на первом плане.

Политработа, оказывавшая огромное воздействие на исход боев и сражений, по праву считается тем особым видом оружия нашей партии, которое неизмеримо умножает боевую мощь армии. Направляя политорганы, оказывая им повседневную

помощь, Военный совет на своих заседаниях и в рабочем порядке решал назревшие вопросы партийно-политической работы. Так, например, летом 1944 года Военный совет фронта обсудил и принял решения: "О воспитательной работе с пополнением из освобожденных западных областей Украины", "О пропаганде героизма во фронтовой и армейской печати", "О политической работе в бою" и многие другие.

Осуществляя руководство политуправлением фронта, Военный совет не опекал его по мелочам, а занимался важнейшими проблемами партийно-политической работы в войсках. Мы периодически обсуждали и утверждали планы партийно-политического обеспечения оборонительных и наступательных операций, а затем анализировали результаты этой работы и принимали все меры к тому, чтобы ее уровень неуклонно повышался. Начальник политуправления, как правило, присутствовал на заседаниях Военного совета и был всегда в курсе дела, зная цели и задачи операции, ее особенности и специфику. Это позволяло лучше планировать партийно-политическую работу, добиваться ее целеустремленности, непрерывности и действенности.

Во время оперативной паузы, предшествовавшей новому большому наступлению, политорганы обобщали опыт минувших боев и разнообразными средствами и формами политработы оказывали командирам помощь в создании крепкой обороны.

Совещания, на которых подводились итоги мартовской операции, проходили в дивизиях, армиях и во фронте. Эти разборы были хорошей школой изучения деятельности политработников в различных условиях боевой обстановки. Здесь обсуждались такие вопросы, как планирование партийно-политической работы, организация информации в ходе операции и боя, пропаганда героизма и боевого опыта, и другие. Анализировались действенность газет и листовок, адресованных своим войскам и войскам противника, работа среди молодого пополнения, вопросы проведения партийных и комсомольских собраний перед боем и после него, приема в ряды партии и комсомола. Словом, все звенья партийно-политического аппарата постигали сложное искусство политработы в любой обстановке, учились вести широкую пропаганду великих идей ленинской партии, конкретных задач, поставленных ЦК ВКП(б), Государственным Комитетом Обороны, Ставкой Верховного Главнокомандования и Главным политическим управлением Красной Армии.

Памятуя важнейшее указание партии о том, что "нельзя победить врага, не научившись ненавидеть его всеми силами

души", политуправление фронта с одобрения Военного совета решило в канун наступательной операции во всех частях провести митинги. Готовились они тщательно. Агитаторы зачитывали документы о преступлениях гитлеровцев, опубликованные в печати, и акты о зверствах оккупантов, составленные местными властями, представителями общественности и воинских частей. Во всех подразделениях были опрошены солдаты, сержанты и офицеры и учтены все факты известных им преступлений, совершенных нацистскими палачами, записаны родственники и односельчане воинов, убитые или замученные фашистами.

Так, например, в 722-м стрелковом полку был предъявлен грозный счет врагу. Политаппарат части оформил этот документ в виде плаката с текстом: "Мы мстим гитлеровцам:

за 775 убитых ими наших родственников,

за 909 наших родных, угнанных на каторгу в Германию,

за 478 сожженных домов и 303 разрушенных хозяйства".

Такого рода счета мести велись повсюду. Некоторые из них публиковались в газетах, листовках, объявлялись на митингах, о них сообщалось в докладах, политинформациях и беседах.

В июне 1944 года в войсках фронта прошло 1570 митингов, на которых выступило 7520 бойцов, командиров и политработников, а также советских граждан, бежавших из фашистских концлагерей, и местных жителей, освобожденных нашими войсками.

Митинг в 1-м батальоне 1077-го стрелкового полка открылся кратким выступлением заместителя командира по политической части старшего лейтенанта Бобкова. Затем слово попросил красноармеец Душевский, призванный в армию из района, недавно освобожденного от оккупации.

— Мне всего двадцать два года, а я уже поседел, — горестно произнес боец. — Вот до чего довели меня гитлеровцы — изверги рода человеческого. Мой хороший товарищ, в прошлом учитель, пытался бежать из фашистской неволи, но был пойман и затравлен собаками. Чтобы устрашить нас, узников, эсэсовцы заставили учителя бегать вокруг лагеря, а злобные овчарки яростно рвали его. Я буду беспощадно мстить палачам за их чудовищные преступления.

Гневом и негодованием, жгучей ненавистью к врагу были пронизаны и речи других ораторов. На митинге выступило девять бойцов, сержантов и офицеров. В заключение поднялся командир батальона капитан Моженко. Окинув взглядом суровые лица солдат, офицер сказал:

— Мне часто говорят: почему ты, комбат, все время рвешься вперед, лезешь в самое пекло? У меня, товарищи, особый счет к

фашистам. Эсэсовцы и полицаи, ворвавшись в мой родной дом, учинили обыск. Взбешенный неудачей, эсэсовский главарь выхватил из колыбели моего двухмесячного сына и с размаху ударил об стену головой… Я ненавижу детоубийц и буду уничтожать фашистскую погань при всякой возможности! К этому призываю и всех вас.

Личный состав батальона почтил вставанием память советских людей, павших от рук нацистов.

— Скорее бы в наступление! Мы отомстим врагу! — в один голос заявляли воины.

И так было повсеместно. Начальник политотдела 3-й гвардейской армии генерал-майор Г. А. Бойко докладывал, что в 236-м стрелковом полку заместитель командира по политчасти майор Суховей собрал митинг на лесной поляне, где гитлеровские убийцы расстреливали ни в чем не повинных советских людей, а подчас зарывали их в землю живыми.

Первым выступил командир минометного взвода старшина Прядко.

— Вот здесь, на глухой лесной поляне, — дрогнувшим голосом произнес он, — погибли от рук гитлеровских убийц шестнадцать тысяч советских людей, среди них — моя жена, мои дети. Фашистские изверги не пощадили и моего восьмидесятилетнего отца. Его повесили за то, что он вступился за мою младшую сестру, на которую напал злодей-насильник.

Слушая рассказ старшины о жуткой трагедии, воины гневно сжимали оружие, готовые в любую минуту ринуться на врага и покарать преступников, мучителей женщин, детей и стариков. Смахнув набежавшую слезу, Прядко воскликнул:

— Перед братской могилой замученных людей клянусь беспощадно мстить человеконенавистникам. Смерть презренным гитлеровским палачам и убийцам! В бой на врага, в победный бой!

Митинги оказали сильное политическое воздействие на воинов, вызвав новую волну жгучей ненависти к фашистским извергам и стремление как можно скорее ринуться в наступление.

Летом 1944 года войска фронта вели боевые действия как раз в тех местах, где некогда русская армия осуществила знаменитый Брусиловский прорыв. В политической работе учитывалось и это обстоятельство. Воспитывая воинов в духе уважения к героическому прошлому нашей Родины, мы отметили годовщину Брусиловского прорыва. Большое впечатление на бойцов произвели беседы ветеранов — участников первой мировой войны.

— Эти места хорошо знакомы мне, — рассказывал

однополчанам старый солдат Фома Шершун. — Здесь в шестнадцатом году я воевал. Наш 187-й Аварский полк шел в атаку под барабаны и полковую музыку. Когда мы добрались до окопов и ударили в штыки, враг не выдержал и отступил. В тех боях я заслужил Георгиевский крест. Теперь война намного труднее, но мы стали несравнимо сильнее, крепче духом. Знаем, за что воюем, знаем, что защищаем власть народную, дело Октября.

Командиры и политорганы стремились привести в действие все виды идеологического оружия, чтобы еще выше поднять боевую силу войск, подготовить их к предстоящим испытаниям.

Военный совет и политическое управление фронта провели перед началом наступательной операции совещание писателей, работавших в красноармейских газетах. Открылось оно докладом Героя Советского Союза Сергея Борзенко на тему "Советская литература в дни Отечественной войны". С речью о земле, которую мы освобождали, о Советской Украине выступил писатель Любомир Дмитерко. О боевой работе украинских литераторов говорил поэт Андрей Малышко.

Писатели справедливо подчеркивали, что в годы боевых испытаний газета стала передним краем советской литературы и работа в ней является важной и почетной. Николай Грибачев, заканчивая свое страстное выступление, прочел отрывок из написанной им на фронте, поэмы «Россия». Выступления литераторов были проникнуты кровной заботой о том, чтобы их слово обрело могучую атакующую силу и вело солдат в бой.

Почти одновременно проходило совещание военкоров и читателей национальных изданий фронтовой газеты "За честь Родины". Здесь выступили начальник отдела агитации и пропаганды политуправления полковник А. А. Пирогов и майор С. И. Дедов, занимавшийся вопросами печати.

С военкорами и читателями обстоятельно беседовал Борис Горбатов. Мы всегда высоко ценили его страстную, боевую публицистику, особенно его "Письма к товарищу". Писатель-"правдист" умел вторгаться в армейскую жизнь и поднимать важные вопросы.

Большое внимание уделялось индивидуальной работе с воинами. Командиры и политработники особенно пристально изучали молодых солдат, призванных из освобожденных районов, интересовались их запросами и настроениями, помогали лучше понять глубокий смысл происходящих событий, важнейших решений партии и правительства.

В те дни в войсках усилился интерес и к международным проблемам. Отчасти это объяснялось тем, что англоамериканские

армии наконец-то открыли второй фронт в Европе.

Но реакция советских солдат на это событие была довольно прохладная.

— Поздно, очень поздно расшевелились союзники, — говорили они. — К шапочному разбору заявились в Европу.

Теперь, много лет спустя, фальсификаторы истории безуспешно пытаются преуменьшить роль и значение Советского Союза в разгроме немецко-фашистской Германии.

Но ведь всему миру известно, что хребет гитлеровской военной машине перебила Красная Армия и что лучшие дивизии вермахта были перемолоты на советско-германском фронте.

К началу открытия второго фронта в Европе немецко-фашистское командование держало на Западе 58 слабо укомплектованных и оснащенных дивизий. Группа армий «Б» под командованием фельдмаршала Роммеля, на участке которой высадились англо-американские войска, обороняла Северную Францию, Голландию и Бельгию. Она насчитывала 38 дивизий, в том числе 3 танковые. А против 1-го Украинского фронта летом 1944 года гитлеровское руководство сосредоточило 40 дивизий, из них 5 танковых и одну моторизованную, а также 2 пехотные бригады. Видно, только наш фронт был для врага страшнее, чем все объединенные англо-американские армии.

Мы, признаться, надеялись, что второй фронт прикует к себе определенное количество дивизий противника. Но тщетны были ожидания. Правда, после поражения в Белоруссии немецко-фашистское командование перебросило из западных областей Украины несколько дивизий на прорывные участки, но ни одна из них не была отправлена на Запад, где высадились союзнические войска.

К началу нашего наступления группа неприятельских армий "Северная Украина" состояла из 34 пехотных,5 танковых и 1 моторизованной дивизий, 2 пехотных бригад, насчитывавших с учетом тылов 900 тысяч человек, 900 танков и штурмовых орудий, 6300 орудий и минометов и 700 самолетов 4-го воздушного флота.

В Ставке

В первых числах июня 1944 года Ставка дала указание командованию фронта разработать план наступательной операции на львовском направлении. Маршал Советского Союза И. С. Конев и недавно назначенный на должность начальника штаба генерал армии В. Д. Соколовский вместе с узким кругом штабных генералов и офицеров, а также начальниками родов войск всецело отдались этой большой и напряженной работе. Они с особой тщательностью изучали данные о противнике, его силах

и средствах, всесторонне оценивали наши боевые возможности, материально-техническую базу, планировали направления основных ударов и использование танковых армий в наступательной операции, занимались вопросами организации артподготовки и авиационной поддержки, определяли темпы наступления наших войск на различных этапах операции, изучали и другие вопросы.

И. С. Конев и В. Д. Соколовский, Военный совет фронта в целом продумали не один вариант плана предстоящего наступления, советовались с командующим артиллерией 1-го Украинского фронта генералом С. С. Баренцевым, начальником инженерных войск генерал-лейтенантом инженерных войск И. П. Галицким, командующим бронетанковыми и механизированными войсками генерал-полковником танковых войск Н. А. Новиковым, начальником тыла фронта генерал-лейтенантом Н. П. Анисимовым. Не раз они беседовали и с командармами. Командармы в свою очередь детально рассматривали задачи корпусов, дивизий, полков по подготовке к предстоящей операции.

Мне, как члену Военного совета, курирующему оперативные вопросы, пожалуй, больше, чем кому бы то ни было, приходилось вникать в работу штаба фронта. В один из визитов к генералу армии В. Д. Соколовскому я спросил Василия Даниловича:

— Как сегодня работает главный мозг фронта?

— Нормально, в боевом ритме, — со вздохом ответил начальник штаба. Дел более чем достаточно, а времени не хватает. — Затем он продолжал: Сейчас ломаем голову над вопросами: откуда, из какого района лучше всего нанести по врагу одновременные удары, где лучше всего взломать неприятельскую оборону и где сомкнуть наши танковые клещи, чтобы окружить бродскую группировку? Заманчивых мест много. Выбор большой. Линия фронта протянулась на четыреста сорок километров. Намеченные варианты надо обсудить, тщательно взвесить все «за» и «против» и найти наиболее правильное решение.

Генерал армии В. Д. Соколовский напомнил, что Ставка, предложившая нам разработать план очередной операции, не сказала еще своего решающего слова и предоставила в этом деле командующему и штабу фронта полную инициативу.

Содержание разрабатываемого плана, как всегда, сохранялось в глубокой тайне. Когда должно начаться ожидаемое наступление, какими силами и резервами располагает фронт, где будут сосредоточены наши ударные группировки и на какие операционные направления они нацелены, — об этом знали лишь

Военный совет и строго ограниченный круг должностных лиц. Однако все понимали, конечно, что фронт долго стоять на месте не будет, и настойчиво, изо дня в день, готовились к большим сражениям.

Главные цели и задачи операции были положены и в основу плана партийно-политической работы. Этот документ тоже составлялся в одном экземпляре и доводился до политотделов армий постепенно, поэтапно.

Вскоре кропотливая работа над планом операции была завершена. После обсуждения на Военном совете мы представили его в Ставку. В двадцатых числах июня Верховный Главнокомандующий И. В. Сталин вызвал в Москву Маршала Советского Союза И. С. Конева. Одновременно и мне приказали прибыть в Ставку.

В самолете мы вели речь о главной цели нашего визита в Ставку — плане наступательной операции. Еще и еще раз обменивались мнениями, волновались, ободряли друг друга. Но вот воздушный корабль опустился на аэродром, находившийся в центральной части столицы, возле станции метро «Аэропорт». Наготове стояли автомашины. Все оперативные документы были переправлены в Генштаб.

Во второй половине дня 23 июня мы пошли в Кремль. Нас проводили в кабинет И. В. Сталина. Верховный Главнокомандующий подошел к нам, поздоровался и пригласил занять места за столом. Собрались члены Политбюро ЦК ВКП(б) и Государственного Комитета Обороны, представители Ставки и Генштаба. И. В. Сталин предлагает Маршалу Советского Союза И. С. Коневу кратко, в пределах 15–20 минут, изложить идею плана. И. С. Конев объясняет замысел операции, показывает на карте, как наши войска двумя мощными ударами на львовском и рава-русском направлениях должны расчленить группу армий "Северная Украина", окружить и уничтожить противника в районе Броды.

— А почему два удара? — раскуривая трубку, спросил Сталин. — Может быть, нанести один, но мощный, сокрушительный?!

И. С. Конев убедительно и основательно доказывал, что конкретная обстановка настоятельно требует нанесения именно двух ударов. Он отметил, что один удар, пусть даже очень мощный, будет выталкивать противника, а не уничтожать его. В этом случае у немецко-фашистского командования окажется больше возможностей для маневра резервами и парирования наших усилий.

— Прошу вас, товарищ Сталин, — заявил Конев, — взять за

основу оперативный план фронта и утвердить его. Фронт — крупное войсковое объединение, и мы в силах самостоятельно решать большие задачи.

Мне казалось, что Сталин вот-вот возразит Коневу, пожурит его за напористость и поступит по-своему. Однако нет! И. В. Сталин по-прежнему размеренно ходил по кабинету, о чем-то раздумывая. Без тени раздражения он внимательно слушал доводы Конева, продолжавшего убеждать, что два концентрических удара сулят нам больше оперативных выгод, нежели один. Потом вдруг Сталин остановился возле Ивана Степановича, пытливо посмотрел на него и с характерным акцентом бросил:

— Вы очень упрямы! — После некоторой паузы, пряча усмешку в усы, добавил: — Что ж, может быть, это и неплохо. Когда человек так решительно отстаивает свое мнение, значит, он убежден в своей правоте. — Верховный Главнокомандующий снова немного помолчал, затем сказал:

— Хорошо! Сегодня, видимо, ничего не решим, отложим на завтра и поручим Генштабу еще раз уточнить план и подготовить его на утверждение.

В связи с этим хочется сказать следующее. Некоторые товарищи высказывали мнение, что Сталин якобы проявлял несговорчивость и не прислушивался к предложениям командующих и военных советов, не терпел возражений. За годы войны мне пришлось трижды быть на приеме у И. В. Сталина, принимать участие в обсуждении различных вопросов боевой деятельности войск. Из этих немногих, но хорошо запомнившихся встреч в моей памяти отложилось другое — Сталин внимательно и порой чрезвычайно терпеливо выслушивал мнения военачальников.

На следующий день при окончательном уточнении плана Ставка и Генштаб обратили внимание Военного совета фронта на то, что запланированный для пехоты темп наступления (30–35 километров в сутки) чрезмерно завышен и нереален, что ей следует поставить более посильные задачи. Позднее, когда подводились итоги Львовско-Сандомирской операции, мы убедились, что Ставка и Генштаб были правы. Так, например, темп продвижения войск 3-й гвардейской и 60-й армий составлял 10 километров в сутки, 38-й армии — 8, и лишь 13-я армия продвигалась по 18 километров в сутки. Таким образом, следует признать, что командующий фронтом, штаб и Военный совет проявили излишний оптимизм, планируя для пехоты столь высокий темп наступления.

Ставка усилила 1-й Украинский фронт 5-й гвардейской

армией в составе девяти дивизий, а также четырьмя авиационными корпусами.

Утвердив план операции с сохранением двух ударов, Верховный Главнокомандующий пожелал 1-му Украинскому фронту ратных успехов, новых побед.

— Имейте в виду, товарищ Конев, — заметил И. В. Сталин, — операция должна пройти безупречно и принести желаемый результат. Нам нужен успех в этом районе, непременно нужен. — Сталин посмотрел на часы и неожиданно спросил: — А вы когда-нибудь наблюдали победный салют?

— Еще не приходилось, товарищ Сталин, — признались мы с Коневым.

— Что ж, дело поправимое, — улыбнулся Верховный Главнокомандующий. Как раз через десять минут начнется салют. Я вас приглашаю.

И Сталин повел нас во двор Кремля. Когда мы вышли на окаймленную деревьями площадь, вся округа огласилась грохотом орудийного салюта, а закатное небо расчертили вспышки разноцветных ракет. Это было поистине впечатляющее зрелище, особенно для тех, кто видел салют впервые. Я посмотрел на Сталина. Он был, как мне показалось, в приподнятом настроении.

— Это, товарищи, не просто иллюминация, — заметил он, — а воздание почестей массовому героизму воинов, отличившихся в боях. Москва от имени Родины славит и благодарит войска за ратные подвиги, за одержанную победу. О большом смысле и значении этой меры надо постоянно напоминать воинам.

Мы доложили Верховному Главнокомандующему, что фронтовики воспринимают каждый салют Москвы как большое и радостное событие, как своеобразный праздник в их боевой жизни. Они почитают за большую честь, когда родная дивизия, корпус, армия и фронт упомянуты в приказе, объявляемом по всей стране. Солдаты, сержанты, офицеры и генералы испытывают законное чувство военной гордости и благодарности за то, что партия и народ достойно отмечают их ратные подвиги. Это поднимает моральный дух войск, воодушевляет на подвиги.

Затем И. В. Сталин попрощался с нами, и мы поспешили в Генштаб, чтобы согласовать некоторые вопросы, связанные с предстоящей наступательной операцией.

Накануне отъезда из Москвы меня принял секретарь Центрального Комитета партии, начальник Главного политического управления Красной Армии генерал-полковник А. С. Щербаков. Раньше мне с ним неоднократно приходилось беседовать по ВЧ, а лично встретиться довелось лишь в кабинете

И. В. Сталина, когда обсуждался план Львовской операции.

Приглашая меня на беседу, Александр Сергеевич заранее предложил подготовить информацию о том, как Военный совет и политорганы фронта готовятся к новым боям и как мы намерены подкрепить партийно-политической работой план наступления.

— Это нам очень важно знать, — заметил Александр Сергеевич. — Ведь даже самый блестящий оперативный замысел не принесет желаемого успеха, если войска не воодушевлены и не мобилизованы на достижение победы.

Генерал-полковник А. С. Щербаков принял меня радушно, и беседа наша продолжалась примерно час-полтора. В те дни в газетах было опубликовано сообщение Совинформбюро "Три года Отечественной войны Советского Союза". Главное политуправление обязывало политорганы довести содержание этого важного документа до каждого бойца, разъяснить воинам итоги трехлетней героической борьбы с фашистскими захватчиками, показать, какой большой и тернистый путь прошли народ и армия.

— За три военных года командные и политические кадры, все наши воины закалились, обрели громадный боевой опыт, а Красная Армия одержала немало выдающихся побед, — подчеркнул А. С. Щербаков. — Но вместе с ростом боевого мастерства и морального духа воинов у некоторой части офицеров появились зазнайство и беспечность. Это чрезвычайно опасно и может привести в конечном счете к серьезным промахам. Возьмите, к примеру, ваш горький опыт с Житомиром. Дело, конечно, прошлое, но напомнить об этом не мешает. В ноябре сорок третьего года вы сдали Житомир не потому, что не было сил и средств, а из-за беспечности. Так и запомните!

А. С. Щербаков поинтересовался тем, как в войсках фронта выполняется директива Главного политического управления о воспитательной работе среди призывников из западных областей Украины. Я доложил, что наши командиры и политработники, партийные и комсомольские организации правильно поняли свои задачи и этой категории военнослужащих уделяют первостепенное внимание. Некоторые наши дивизии, понесшие потери в предыдущих операциях, пополнились призывниками из освобожденных областей УССР.

Западные области Украины, как известно, лишь в сентябре 1939 года были воссоединены с Советской страной и буквально через полтора года оккупированы немецко-фашистскими войсками. Это наложило свой отпечаток и на людей. Почти 40 процентов призывников из западных областей Украины были неграмотными или малограмотными. Большинство из них в

армии не служили и военного дела не изучали. Они мало знали об Отечественной войне, о героической борьбе Красной Армии с фашистскими захватчиками, о трудовых подвигах народов многонационального Советского Союза.

Наша политико-воспитательная работа преследовала цель помочь этим людям полностью освободиться от последствий фашистской и буржуазно-националистической пропаганды и по-настоящему подготовиться к выполнению воинского долга. С этой целью мы увеличили тираж фронтовой газеты на украинском языке "За честь Батьківщини", усилили пропаганду боевых традиций. Каждый призывник получал текст присяги, листовки о законах советской гвардии. Агитаторы рассказывали новичкам о боевом пути частей и соединений, об успехах на фронтах Отечественной войны. Особый упор мы делали на индивидуальную работу. Бывалые солдаты, ветераны боев брали под свое влияние молодых воинов. И это давало положительные результаты.

Затем я доложил товарищу Щербакову о мерах, принятых Военным советом фронта по повышению бдительности и боевой готовности войск, а также о политической работе среди местного населения прифронтовой полосы.

В ходе беседы у нас зашел разговор о стиле работы членов Военного совета и их месте во фронтовом организме.

— Считаю необходимым пожурить вас, — неожиданно сказал Александр Сергеевич и, сняв очки, принялся протирать стекла. — До меня дошли сведения, что вы в районе Житомира ходили со стрелковым батальоном в атаку. Вы не знаете своего места как член Военного совета фронта. Так не годится.

— Александр Сергеевич! Вы получили не совсем точные сведения, — ответил я. — До участия в атаке дело не доходило, а в боевых порядках частей нам полезно бывать. Это помогает еще лучше изучить фронтовую жизнь, более правильно руководить политработой в раз личной боевой обстановке.

Александр Сергеевич с этим, разумеется, согласился, но все же порекомендовал не забывать функций члена Военного совета фронта.

Во время беседы А. С. Щербаков высказал мысль о том, что мы иногда строим политработу без учета новых явлений, новых обстоятельств, новых требований, продиктованных войной. Взять, например, такое качество, как советский героизм, принявший поистине массовый характер. Боец нашего времени стал более умным, смышленым, сноровистым. К отваге прибавилось возросшее воинское мастерство, нравственное богатство. Гвардия стала символом героизма, ратного умения не отдельных храбрых

одиночек, а спаянных полков, дивизий, корпусов и армий.

— Сколько у вас во фронте гвардейских дивизий? — спросил А. С. Щербаков.

Я ответил, что около 50 процентов. В предстоящей наступательной операция будут участвовать пять гвардейских армий.

— Вот видите, — сказал Александр Сергеевич, — пятьдесят процентов дивизий стали гвардейскими. Это ли не качественное изменение войск фронта!

Я сообщил Александру Сергеевичу, что введение гвардии вызвало к жизни много новых замечательных явлений, способствующих воспитанию высоких боевых и моральных качеств воинов. Взять хотя бы гвардейские традиции, нерушимые законы — гвардия в обороне стоит неколебимо, а в наступлении не знает преград.

Как раз перед нашей поездкой в Москву некоторым частям и соединениям 1-го Украинского фронта вручались гвардейские Знамена. Торжественно проходила эта церемония в 7-м гвардейском танковом корпусе 3-й гвардейской танковой армии. В гости к воинам прибыла делегация трудящихся из освобожденных танкистами районов Житомирской области. На средства житомирцев была построена колонна боевых машин. Вручение экипажам новых танков, приобретенных на народные рубли, вылилось в патриотическую демонстрацию нерушимого единства армии и народа.

Необычайно волнующим был и момент вручения гвардейского Знамени. Я много раз присутствовал на таких торжественных церемониях, и всегда воинский ритуал трогал меня до глубины души. Принимая гвардейские Знамена, командиры танковых бригад Д. А. Драгунский, З. К. Слюсаренко и командир мотострелковой бригады А. А. Головачев перед строем целовали боевые стяги с изображением великого Ленина. Воины, опустившись на правое колено, взволнованно произносили слова гвардейской клятвы: "Мы, гвардии рядовые, сержанты и офицеры, в дыму и пламени грядущих решающих сражений с честью пронесем свой боевой стяг по полям битв до полного уничтожения фашистского зверя в его берлоге. Мы с чувством законной гордости будем множить и совершенствовать гвардейские боевые традиции".

Речь зашла о командных кадрах. Я доложил товарищу Щербакову, что командир-единоначальник, являющийся организатором и руководителем боя, обязан быть и политическим воспитателем подчиненных. Его твердость, мужество, организаторские способности, знание военного искусства оказывают решающее влияние на исход схватки с врагом. Личный

пример командира, его ободряющее слово, своевременная помощь огнем, маневром, короткая боевая информация о достигнутых успехах благотворно влияют на укрепление морального духа войск, их уверенности в победе. Именно такими качествами обладают наши офицеры.

— Это хорошо, — одобрил начальник Главного политуправления. — А как вы воспитываете у воинов героизм? Как пропагандируете опыт самоотверженных бойцов, как поощряете их?

Александр Сергеевич заметил, что ему известны факты, когда некоторые красноармейцы, прошедшие сквозь огонь сражений и получившие ранения, не отмечены наградами.

— Проверьте, нет ли и на вашем фронте подобных случаев, порекомендовал он мне. — Нельзя допускать неуважения к солдату-герою.

Генерал-полковник А. С. Щербаков поинтересовался и тем, как наши политработники изучают военное дело, насколько они знакомы с боевой техникой и оружием. На войне все надобно знать — и тактику, и оперативное искусство, и боевую технику. Тогда и политработа приобретет более конкретный и действенный характер.

Я доложил, что политработники всех родов войск, как правило, хорошо знают свою боевую специальность, оружие и технику. Большинство из них владеет вождением танка, самолета, умеет руководить огнем артиллерии, а в критические минуты боя политработники не раз заменяли выбывших из строя командиров.

В конце беседы Александр Сергеевич спросил меня, намерен ли Военный совет 1-го Украинского фронта перед началом операции издать обращение к войскам. Я ответил утвердительно. У нас стало правилом, непреложным, законом каждую операцию начинать с боевого напутствия войскам.

Генерал-полковник А. С. Щербаков положительно отозвался о мероприятиях, которые мы провели и которые намерены осуществить в канун наступления. Я пригласил Александра Сергеевича приехать к нам, навестить войска. Он устало улыбнулся и с искренним сожалением сказал, что многочисленные дела в Центральном Комитете партии вряд ли позволят ему побывать у нас в ближайшее время.

— Впрочем, если удастся, непременно побываю у вас, — сказал Александр Сергеевич и, прощаясь, добавил: — А вы тоже не забывайте, своевременно информируйте обо всем важном, почаще звоните. Желаю Первому Украинскому успеха в предстоящей операции, новых славных побед в боях с врагом.

Весьма полезная и вместе с тем непринужденная беседа с

Александром Сергеевичем Щербаковым оставила неизгладимое впечатление об этом замечательном деятеле нашей партии.

Мы постоянно ощущали руководство Главного политического управления Красной Армии. Помимо личных встреч и бесед с секретарем ЦК ВКП(б), начальником Главного политического управления Красной Армии генерал-полковником А. С. Щербаковым мне и начальнику политуправления фронта генералу С. С. Шатилову приходилось довольно часто разговаривать с ним по ВЧ. Александр Сергеевич сам неоднократно звонил нам, ставил в известность о решениях ЦК партии, давал указания, советы и рекомендации, интересовался положением дел в войсках. По его заданию в действующей армии постоянно бывали руководящие работники Главного политического управления. В частности, на 1-й Украинский фронт дважды приезжал заместитель начальника ГлавПУРа генерал И. В. Шикин.

Главное политическое управление Советской Армии, работающее на правах отдела ЦК партии, представляет собой орган, с помощью которого партия осуществляла и осуществляет ныне свое влияние на войска, руководит партийно-политической работой, мобилизуя коммунистов, комсомольцев и всех воинов на выполнение боевых задач.

Броды, Львов, Перемышль

Утвердив представленный Военным советом оперативный план, Ставка Верховного Главнокомандования 24 июня 1944 года дала директиву 1-му Украинскому фронту, в которой предписывалось нанести два удара: один — из района юго-западнее Луцка на Рава-Русскую, другой — из района Тернополя на Львов. Войскам ставилась задача разгромить рава-русскую и львовскую группировки противника и овладеть рубежом Хрубешув, Томашув, Яворов, Галич. Глубина операции намечалась 100–130 километров.

Сразу же началась перегруппировка сил. С 25 июня и примерно по 7 июля значительная часть войск скрытно совершала трудные и длительные переходы в новые районы дислокации.

Немецко-фашистское командование заметно усилило разведывательную деятельность. Гитлеровцы, видимо, ожидали удара на львовском направлении и держали против нас очень крупные силы. Открытие второго фронта в Западной Европе не убавило количества противостоявших нам дивизий противника.

Стали поступать добрые вести от соседей справа. Все три Белорусских и 1-й Прибалтийский фронты развернули грандиозное наступление. Это радовало сердца солдат. Про наш же участок фронта Совинформбюро лаконично сообщало: "без

перемен", "без существенных изменений".

А между тем в войсках изменения происходили. И притом весьма существенные. К началу наступления 1-й Украинский фронт имел 1 200 тысяч бойцов и офицеров (с учетом тылов), 13 900 орудий и минометов, около 2200 танков и самоходно-артиллерийских установок.

2-я воздушная армия, усиленная Ставкой чуть ли не вдвое, насчитывала более 3 тысяч самолетов. Пожалуй, в истории Отечественной войны впервые одному фронту была поставлена самостоятельная стратегическая задача по разгрому такой мощной и многочисленной группы немецких армий, как "Северная Украина".

Даже при наличии хорошо слаженного штаба, возглавляемого знатоком своего дела генералом армии В. Д. Соколовским, командующему фронтом Маршалу Советского Союза И. С. Коневу приходилось прилагать много усилий, энергии и труда, чтобы осуществлять непрерывное управление миллионной массой войск. На всем протяжении операции командующий получал поддержку и деловую помощь со стороны Военного совета, который не подменял штаб и не дублировал его работу, а последовательно и настойчиво решал возложенные на него военные, политические и административные задачи.

Задолго до начала операции Военный совет принял меры по активизации деятельности партизан на западе Украины. Мы постоянно поддерживали тесную связь с Украинским штабом партизанского движения, возглавлявшимся Т. А. Строкачем, содействовали оснащению и вооружению партизанских соединений. Летом 1944 года народные мстители оказали существенную помощь войскам фронта, разгромив несколько вражеских гарнизонов и парализовав на некоторое время железнодорожные участки Львов — Варшава, Рава-Русская — Ярослав.

Но, повторяю, основным в деятельности Военного совета было руководство войсками, претворение в жизнь указаний ЦК ВКП(б), ГКО, Ставки Верховного Главнокомандования и утвержденного ею плана наступательной операции.

Нас настораживала возросшая активность немецкой разведки. Чувствовалось, что противник всячески пытается раскрыть наш замысел, районы сосредоточения ударных группировок и направление главных ударов. Наши воины и местные жители обнаружили и задержали десятка два парашютистов, сброшенных врагом в прифронтовой полосе с разведывательными заданиями. Да и бандеровцы и другие националисты усиленно занимались шпионажем, помогая гестаповцам. Вот почему вопросы

бдительности при приближении начала операции приобрели особую остроту.

Командиры и политорганы принимали все меры к тому, чтобы военная тайна была сохранена, ибо это являлось одним из главнейших условий успеха наступления. Планом оперативной маскировки, который разработал штаб фронта под руководством генерала В. Д. Соколовского, предусматривались меры дезинформации противника с помощью радио, а также переброска по железным дорогам эшелонов с макетами танков, орудий и автомобилей. На левом крыле фронта, в частности в районе Коломыя, Черновицы, имитировалось сосредоточение мощной танковой группировки и пехоты. Кроме макетов здесь были и реальные подразделения, массированно применялись дымовые завесы и т. д.

В этом же районе была развернута сеть ложных аэродромов с макетами самолетов и аэродромной техники. С воздуха она прикрывалась дежурными звеньями истребителей, которые не раз вступали в бой с вражеской авиацией. Словом, делалось все для того, чтобы привлечь внимание противника к нашему левому крылу. И надо сказать, это в какой-то мере удалось. Так, например, в июне и первой половине июля фашистская авиация 87 процентов налетов совершала на ложные аэродромы и лишь 13 процентов на действовавшие.

Для еще большей дезориентации противника в войсках левого крыла была выделена группа находчивых и смекалистых офицеров из числа политработников и разведчиков, которые довольно умело распространяли среди местных жителей ложные слухи о предстоящем наступлении на пассивных участках фронта. В ряде населенных пунктов побывали «квартирьеры», распределившие дома для штабов и частей и объявившие о скором прибытии сюда танкистов и артиллеристов. Бандеровская агентура, видимо, не замедлила передать гитлеровцам эти сведения.

Начальник штаба фронта В. Д. Соколовский многое сделал для того, чтобы успешно реализовать план оперативной маскировки, и придавал ему важное значение. Он просил помочь в этом и политическими средствами. Как-то мы с генералом С. С. Шатиловым зашли к Василию Даниловичу. Он сказал:

— Говорят, что обмануть противника, ввести его в заблуждение — уже часть победы. Опыт войн подтверждает, что это именно так. Важно, чтобы враг не мог узнать и понять наших истинных намерений. А для этого нужны не только макеты танков, ложные огневые позиции и аэродромы, но и утроенная бдительность людей, строгое хранение военной тайны. Уметь

молчать должен не только тот, кто знает план, но и каждый солдат.

И Василий Данилович подробно начал излагать эту проблему, подкрепляя свои доводы фактами из истории войн и изречениями многих прославленных полководцев. А военную историю он, надо заметить, знал превосходно и был интересным собеседником.

— Как вы сами понимаете, — обратился начальник штаба фронта к С. С. Шатилову, — одна из важных задач политработы в данный момент состоит в том, чтобы научить людей молчать и строго хранить военную тайну, не быть беспечными.

Военный совет обязал политуправление улучшить воспитание воинов в духе строгого хранения военной тайны. Мы потребовали запретить публикование во фронтовой печати статей и заметок, в какой-либо степени освещающих вопросы непосредственной подготовки к наступлению.

Наши войска настороженно следили за противником. Членов Военного совета и командиров волновал один вопрос: не обманет ли нас противник, не попытается ли он в последний момент отвести свои части в глубь обороны, на вторую полосу? Если мы не заметим этого, то сосредоточенные 250–260 орудий на каждый километр прорыва изроют снарядами пустое место, и тогда мы, пожалуй, не сумеем прорвать вражескую оборону.

Опасения оказались не напрасными. В ночь на 13 июля командующий 13-й армией генерал Н. П. Пухов сообщил по ВЧ, что захваченный «язык» дал показания о возможном отходе немецко-фашистских войск за реку Западный Буг. В ту же ночь разведка боем подтвердила, что и на участке 3-й гвардейской армии гитлеровцы, прикрываясь заслонами, начали отходить на вторую оборонительную полосу.

Командующий войсками фронта приказал 3-й гвардейской и 13-й армиям немедленно перейти в наступление.

— Такой случай упускать нельзя, — говорил Маршал Советского Союза И. С. Конев по ВЧ генералам Н. П. Пухову и В. Н. Гордову. — Нужно на плечах отступающего врага ворваться в укрепления его второй оборонительной полосы.

На рассвете я выехал в войска ударной группировки, действовавшей на рава-русском направлении. Наше правое крыло пришло в движение.

Противнику обмануть нас не удалось. Когда под покровом ночи немецкие войска начали преднамеренный отход, передовые батальоны 3-й гвардейской и 13-й армий, не теряя времени, без артиллерийской подготовки устремились за противником, сбивая его заслоны.

Момент как будто не был упущен, но смять отходившие гитлеровские войска и на их плечах ворваться во вторую полосу обороны нам не удалось. Перед атакой второй оборонительной полосы пришлось провести артиллерийскую подготовку. Положение, однако, усложнилось. Поняв, что скрытный отход не удастся, фашистское командование предпринимало лихорадочные меры, стремясь сдержать продвижение наших частей. Появились две резервные танковые дивизии противника. Напряжение боев возросло. Командующие 3-й гвардейской и 13-й армиями ввели в сражение вторые эшелоны стрелковых корпусов. Эта мера дала положительные результаты. Несмотря на яростное противодействие гитлеровцев, наши наступающие полки прорвали тактическую оборону врага, и войска правого крыла фронта продвинулись на глубину 15–30 километров.

На КП 13-й армии я встретился с генералом М. А. Козловым, который доложил о первых боевых успехах, тепло отозвался об инициативе, находчивости, решительности и отваге воинов. Марка Александровича Козлова я знал хорошо, 13-я армия, где М. А. Козлов являлся членом Военного совета, в составе 1-го Украинского фронта прошла большой и славный путь от Днепра до Эльбы. Марк Александрович горячо любил свою родную армию, был ее ветераном, гордился тем, что она выстояла в жесточайшей борьбе на главном направлении северного фаса Курской дуги и одной из первых форсировала Днепр.

Военный совет и политуправление фронта высоко ценили боевую деятельность опытного политработника генерала М. А. Козлова. В одной из аттестаций так было написано о нем: "Грамотный, подготовленный пропагандист и агитатор. Знает военное дело, умеет политически обеспечивать операцию, бой. Стойкий и смелый политработник".

Вместе с Марком Александровичем Козловым мне довелось вступить в город Горохов, освобожденный 3-й гвардейской армией и частью сил 13-й армии. Взору предстали горящие дома с развороченными стенами. Вначале было тяжелое чувство: город казался мертвым. Но вот из развалин и подвалов начали выбираться жители. Они рассказали, что эсэсовцы провели поголовную эвакуацию населения. Дома тех, кто не хотел покидать родные места, фашисты взрывали, поджигали. Палачи бесчинствовали, истребляли мирных людей. Слушая торопливые рассказы плачущих женщин, советские воины гневно заявляли:

— Мы догоним эшелоны, в которых гитлеровцы увозят советских людей. Мы заставим эсэсовских бандитов кровью расплатиться за все их преступления.

Войска были накалены святой ненавистью к врагу.

Вспоминается небольшой эпизод. Побывав в частях, освободивших Горохов, генерал Козлов и я вышли на западную окраину города и, немного уставшие, присели у дороги на обочине, возле огневой позиции батареи. Вдруг слышим команду:

— По двуногим зверям-захватчикам, душителям народа — три снаряда, беглый огонь!..

Расчеты у орудий повторяли это дружно, сильно и с какой-то неистовой злостью. Я подошел к офицеру-артиллеристу и с одобрением заметил:

— Хорошо командуете! Толково, с политическим смыслом.

— Когда я увидел разрушенный фашистами город, — пояснил офицер, — в моем сердце закипела ненависть к врагу, и я как-то невольно добавил к артиллерийской команде не предусмотренные уставом слова. Так даже яростнее работается у орудий, да и снаряды вроде точнее летят.

Во время продвижения войск политическая работа не прекращалась ни на минуту. Очень много интересных ее форм рождалось в боях. Об этом, в частности, свидетельствует дневник агитатора полка капитана П. Рожко, с которым мне довелось познакомиться. Вот несколько его записей, относящихся к началу Львовско-Сандомирской операции. "14 июля.

Объявлен приказ о наступлении. Я и группа автоматчиков взяли полковые знамена (их у нас три — одно с орденом Красного Знамени, второе — от ЦИК СССР, а третье — от ЦИК Узбекской ССР), развернули их и пошли по траншеям. Бойцы и офицеры группами по 8-10 человек собирались у знамен. Проводились короткие призывные беседы, провозглашались лозунги. По сигналу осененные знаменем воины двинулись в атаку.

15 июля.

Часть вышла на новый рубеж. Идут бои за первые населенные пункты. Агитаторы подразделений пишут листовки-молнии о товарищах, отличившихся в деле, и передают их по цепи. Агитаторы тт. Скурский, Стад ник и Довгань не только показывают личный пример в бою, но и используют любую возможность, чтобы побеседовать с однополчанами, воодушевить их, провести короткую политинформацию. Они помогают командирам своевременно оформлять материал для представления отличившихся к награждению".

Начальник политотдела 3-й гвардейской армии генерал-майор Г. А. Бойко ознакомил меня с первыми политдонесениями, поступившими из частей и соединений. В одном из этих документов рассказывалось, что в 270-м стрелковом полку командир расчета ПТР комсомолец Евгений Долгов, подавший

перед боем заявление о приеме в партию, смело и решительно действовал в наступлении. Получив ранение в правую руку, он не покинул поля боя, хотя ему дважды предлагали идти в медсанбат.

— Я вступил в ряды партии, — заявил Евгений Долгов, — и свою принадлежность к ней готов доказать делами — буду сражаться с врагом до последней возможности. Я еще могу стрелять левой рукой и готов разить фашистов, пока хватит сил.

В том же полку сержант Дмитрий Полугодин заявил агитатору старшему лейтенанту Усманову:

— Вы на собрании говорили обо мне, что я самый храбрый боец в роте. Возможно, что я такой похвалы пока не заслужил, но думаю, что заслужу. Я хочу идти в бой коммунистом и никогда не опорочу этого высокого звания.

Когда в ходе наступления роту остановил сильный огонь вражеского дзота, сержант Дмитрий Полугодин ползком приблизился к нему и забросал амбразуру гранатами. Фашистский пулемет смолк, и бойцы снова поднялись в атаку. Но сержант Полугодин погиб, ценою своей жизни проложив дорогу к победе.

В дни пребывания в 3-й гвардейской армии я ознакомился с положением дел в партийной организации саперной роты 106-й стрелковой дивизии. Когда парторг старшина В. А. Руденко принял партийную организацию, в ней насчитывалось пять коммунистов и три кандидата в члены ВКП(б). В ходе летнего наступления парторганизация, несмотря на напряженность боев, стала полнокровной — выросла до 22 коммунистов.

Перед началом атаки член партии Бывшовер под огнем противника быстро проделал в минном поле проход, дал возможность пехоте успешно продвинуться вперед и захватить вражескую траншею. Мужественно действовали в бою парторг Руденко, коммунисты Карташев, Челкин и другие.

Во время небольшой передышки в саперной роте накоротке прошло партийное собрание. Командир подразделения сделал доклад о личном примере коммунистов в бою. Воздав должное героям наступления, докладчик и выступавшие в прениях критиковали нерадивых. Так, например, член ВКП(б) Горбунов подверг резкой критике поведение коммуниста Сафонова, который небрежно отнесся к выполнению служебных обязанностей. При обезвреживании немецкой мины Сафонов по своей халатности и недисциплинированности получил легкое ранение. А мог поплатиться и жизнью. Этот факт послужил поводом для разговора о дисциплине и личной ответственности каждого коммуниста за общий успех.

Меня заинтересовала дальнейшая деятельность этой

парторганизации. Я попросил начальника политотдела 106-й стрелковой дивизии снова побывать там. Он сообщил следующее. В саперной роте каждый член и кандидат в члены ВКП(б) показывал пример отваги, дисциплинированности и трудолюбия. Все коммунисты подразделения отмечены правительственными наградами. Под воздействием партийной критики исправился и Сафонов. Впоследствии он хорошо и дисциплинированно выполнял все служебные обязанности и партийные поручения. За мужество, проявленное в боях, и самоотверженное выполнение заданий командования Сафонов в числе других коммунистов был награжден орденом. Авторитет партийной организации, ставшей подлинной опорой командира, еще более возрос, повысилось и ее политическое влияние на солдатские массы.

Таких полнокровных и жизнедеятельных ротных и батальонных партийных организаций на 1-м Украинском фронте были тысячи. Собрания, являвшиеся школой воспитания, проводились регулярно. Порой коммунисты собирались накоротке, в перерывах между боями, а то и ночью, когда затихала перестрелка. Во время Львовско-Сандомирской операции в 3-й гвардейской армии на партийных собраниях обсуждались, например, такие вопросы: "Итоги боя и задачи коммунистов", "Об усилении агитационной работы в наступлении", "О росте партийных рядов", "Пропаганда героизма и боевого опыта", "Выпуск боевых листков и молний "Передай по цепи", "О выполнении коммунистами партийных поручений в бою" и другие.

Всюду на повестке дня стоял главный вопрос: об авангардной роли коммуниста в боевой обстановке. В ряде подразделений на партийных собраниях шел серьезный разговор о том, что некоторые солдаты пренебрегают самоокапыванием и маскировкой, что ведет к излишним потерям. Известно, храбрость в бою является важнейшим, но не единственным показателем передовой роли члена и кандидата в члены ВКП(б), а также комсомольца. Они призваны помогать командиру в поддержании дисциплины и порядка, показывать пример во всем, в том числе в самоокапывании и маскировке, закреплении завоеванных позиций, выполнении боевых заданий с наименьшими потерями.

Любая операция, любой бой, будь то наступательный или оборонительный, это ответственный экзамен как для командиров, так и для политработников. В труднейших условиях наступления партийно-политическая работа не ослабевала. А между тем известно, что при маневренных боях с преследованием, обходами и охватами, движением по тылам врага обстановка быстро менялась. Порой войска, преследовавшие гитлеровцев,

встречались с контратакующими резервами противника и вынуждены были временно переходить к обороне, чтобы потом вновь наносить стремительные удары.

В зависимости от сложившейся обстановки строилась и политическая работа. Армейские коммунисты, обогащенные фронтовым опытом, умели быстро реагировать на всякие перемены и в решающие моменты боя словом и личным примером воодушевляли солдат.

В ходе операции наступающий 705-й стрелковый полк 121-й стрелковой дивизии был контратакован крупными силами врага. Отразив натиск, наши воины по приказу командира быстро окопались, закрепляясь на занятом рубеже. Но по всему было видно, что противник готовит новую и довольно сильную контратаку, так как опять накапливалась немецкая пехота и подтягивались вражеские танки.

Агитатор взвода младший сержант Н. Шишкин немедленно довел до всех солдат боевой приказ командира: "Приготовиться к отражению контратаки противника!" Затем он подполз к молодому солдату Корнейчуку и спросил его:

— В первом бою трудно пришлось?

— Да, нелегко, — признался тот.

— А ведь будет еще труднее, когда на нас снова двинется враг, — сказал Шишкин и подбодрил новичка: — Ты, однако, не робей. Мы успели хорошо окопаться, расставили огневые средства, в том числе и противотанковые. Враг не застанет нас врасплох. И как бы трудно нам ни пришлось, надо держаться стойко. Как двадцать восемь героев-панфиловцев. Они совершили подвиг в начале войны, в сорок первом году, а сейчас сорок четвертый! Теперь у нас и оружие лучше, и опыта больше, и моральный дух еще крепче.

Коммунист-агитатор переполз от бойца к бойцу, укрепляя в каждом из них уверенность в победе, вдохновляя на подвиги. А когда враг перешел в контратаку, младший сержант Шишкин меткими очередями косил гитлеровцев, подбадривая молодых солдат:

— Вот так надо разговаривать с фашистами! Держись уверенно, сражайся стойко, и враг не пройдет!

Личная стойкость и воодушевляющее слово коммуниста-агитатора помогли молодому солдату Корнейчуку и его товарищам с честью выдержать боевое испытание и отразить натиск врага.

В бою широкое хождение имели листовки "Передай по цепи". Они писались под огнем противника, рассказывали о самом важном, самом главном, прославляя героев, помогая командиру

доводить боевую задачу до каждого солдата. Вот одна из листовок, передававшихся в дни боев на львовском направлении по солдатской цепи: "Равнение на тех, кто идет в атаку первым!

Увлекая за собой бойцов, лейтенант Мильзихов первым ворвался в расположение противника и в рукопашном бою истребил девять гитлеровцев, а троих взял в плен.

Героически сражался рядовой Бабун. Он получил пять ранений, но не покинул строя.

Сегодня командование наградило орденом Отечественной войны II степени рядового Чечко, отличившегося при прорыве обороны врага и во всех последующих боях.

Слава героям, равнение на них!"

Наряду с листовками-молниями, боевыми листками и многотиражными солдатскими газетами политорганы издавали плакаты-листовки, посвященные лучшим людям соединения, армии, а также почтовые открытки с портретами героев, кратким описанием их подвигов, стихами.

Политработа в боевой обстановке принимала самые разнообразные формы. Многое зависело от инициативы, творчества, находчивости командиров, политработников и коммунистов, умевших воодушевить, увлечь за собой и поднять на борьбу с ненавистным врагом солдатскую массу.

В дни июльского наступления 1944 года крупные силы гитлеровцев контратаковали одну из наших частей. Когда натиск противника был особенно силен и создалась тревожная обстановка, заместитель командира артполка по политической части майор Марченко взял Знамя и, сопровождаемый автоматчиками, пошел по огневым позициям. Гордо развевался боевой стяг, ярко горели вышитые золотым шелком слова: "За нашу Советскую Родину!" Солдаты, сержанты и офицеры встретили появление Знамени громовым «ура» и дружно ударили по врагу, защитив важный рубеж.

Гвардейские Знамена с портретом В. И. Ленина провожали на боевое задание экипажи самолетов. Они осеняли пехотинцев, идущих в бой, и танкистов, устремившихся в прорыв. Командиры и политработники, а также фронтовая печать учили солдат почитать Знамя как святыню и защищать его в бою.

Командующие фронтами, командармы, члены военных советов фронтов и армий, вручавшие от имени Президиума Верховного Совета СССР частям и соединениям боевые Знамена, внушали командирам, политработникам и всем воинам, чтобы в войсках неукоснительно соблюдалось Положение о Знамени, а защита и охрана боевых стягов были надежными.

Если наступление на рава-русском направлении началось

более или менее успешно и войска 3-й гвардейской и 13-й армий продвигались вперед, то на главном (львовском) направлении нашей ударной группировке не удалось быстро прорвать глубоко эшелонированную и сильно развитую оборону врага. Пленные сообщали, что Гитлер издал приказ, адресованный группе армий "Северная Украина", в котором требовал удержания позиций до последнего солдата.

Положение все более усложнялось. Немецко-фашистское командование ввело в бой не только тактические, но и оперативные резервы. 15 июля из района южнее Золочева противник нанес сильный контрудар и потеснил части 38-й армии.

Вернувшись из 3-й гвардейской и 13-й армий на командный пункт фронта, я застал маршала Конева чрезвычайно озабоченным. Его тревожило положение дел в 38-й армии. Он несколько раз вызывал к аппарату ВЧ генерала К. С. Москаленко, уточняя последние данные, давал советы. Наконец Иван Степанович сказал:

— Поедем, Константин Васильевич, к генералу Москаленко и посмотрим, как воюет его армия. Если мы не двинем вперед 60-ю и особенно 38-ю армии, то операция может захлебнуться. Создался кризисный момент в полосе прорыва. Ты был на правом фланге фронта и своими глазами видел, что дела там идут вполне удовлетворительно, а на львовском направлении все еще нет желаемого успеха.

Сев в машину, маршал коротко бросил водителю:

— Гони!

К высотке, на которой разместился наблюдательный пункт генерала К. С. Москаленко, Иван Степанович Конев пошел быстрым шагом. Так же стремительно вошел он и в блиндаж. Те, кто находился там, поспешили удалиться. Остались лишь командарм и член Военного совета. Они и доложили обстановку.

Немецко-фашистское командование на участке 38-й армии нанесло контрудар, сосредоточив мощную группировку танков и введя в сражение оперативные резервы. Соотношение сил, разумеется, изменилось не в пользу 38-й армии. Именно в этом была одна из основных причин медленного продвижения войск армии вперед.

И. С. Конев, беспокоившийся за судьбу Львовской операции, совместно с руководством 38-й армии проанализировал сложившуюся обстановку. Затем командующий фронтом прошел на наблюдательный пункт и, прильнув к стереотрубе, осмотрел поле боя. Тем временем подошли командующий 4-й танковой армией генерал Д. Д. Лелюшенко и член Военного совета армии

генерал В. Г. Гуляев. Поздоровавшись с ними, маршал напомнил генералу К. С. Москаленко, что командарм Лелюшенко со своей армадой ждет, когда пехота пробьет для танкистов брешь. Преждевременно вводить в сражение танковую армию тоже нельзя.

Маршал Советского Союза И. С. Конев тут же принял ряд срочных мер, усилив 38-ю армию своим резервом. Затем он приказал командующему 1-й гвардейской армией генерал-полковнику А. А. Гречко скрытно выдвинуть к участку прорыва стрелковый и танковый корпуса и из-за левого фланга 38-й армии нанести удар в направлении Красное, Бережаны с задачей разбить противника и, свертывая его оборону перед фронтом армии, прикрыть левый фланг войск 38-й армии. 2-й воздушной армии генерала С. А. Красовского было приказано массированными ударами бомбардировочной и штурмовой авиации разгромить танковую группировку немецко-фашистских войск.

Ударная группа 1-й гвардейской армии, предназначенная ранее для наступления в юго-западном направлении и для захвата плацдармов на Днестре, находилась примерно в 40 километрах от участка прорыва 38-й армии. В этих трудных условиях командарм и штаб, Военный совет и политотдел армии сумели в невероятно сжатый срок перенацелить войска и образцово выполнить поставленную перед ними задачу. Ночью войска 1-й гвардейской армии скрытно для противника совершили стремительный марш-бросок и к рассвету 16 июля заняли исходное положение. Удар из района Осташевца на Бережаны ошеломил противника своей внезапностью. Немецко-фашистское командование вынуждено было в спешном порядке оттянуть значительные силы своей танковой группировки на данное направление, что облегчило положение войск 38-й армии.

На вражескую группировку обрушилась и наша авиация. Командующий 2-й воздушной армией генерал С. А. Красовский получил указание привлечь для массированного удара не только дивизии, действовавшие на львовском направлении, но и все соединения, составлявшие резерв командующего фронтом, и даже часть авиационных сил северной группы.

На другой день наша авиация начала боевую работу. Это было впечатляющее зрелище. Бомбардировочные полки шли, казалось, нескончаемым потоком. В воздухе пронеслись три пятерки пикировщиков.

— Полбинцы идут! — объявил кто-то из присутствовавших на КП.

Нам стало известно, что во главе 2-го гвардейского бомбардировочного авиационного корпуса ведущим первой

пятерки шел сам генерал-майор авиации И. С. Полбин, прославленный командир, известный точностью бомбовых ударов с пикирования, высоким летным мастерством и бесстрашием. Узнав, что Полбин все время летает ведущим, маршал Конев заметил, что, может быть, ему, комкору Полбину, и не следует всегда возглавлять группы бомбардировщиков. Позднее мне довелось беседовать с генерал-майором авиации Иваном Семеновичем Полбиным на эту тему. В какой-то мере подобные предупреждения сдерживали его.

А летал генерал Полбин отменно, пикируя на цели со снайперской точностью. Так было и на этот раз. У населенного пункта Тустогловы, где наша разведка зафиксировала большое скопление фашистских танков, ведущий группы самолетов генерал И. С. Полбин первым нанес по врагу уничтожающий удар с пикирования. Вслед за командиром поочередно устремлялись на объект и вставшие в круг остальные экипажи. И вот в стремительном круговороте замелькала знаменитая "вертушка Полбина". Пикировщики заходили на цель с разных направлений, сбивая с толку вражеских зенитчиков, сводя на нет эффективность их огня.

Вслед за асами-пикировщиками к объекту подошли остальные экипажи бомбардировочного корпуса. В массированном ударе по танковой группировке врага участвовали и части 1-го гвардейского штурмового авиакорпуса (командир генерал-лейтенант авиации В. Г. Рязанов), 8-го штурмового авиакорпуса (командир генерал-майор авиации В. В. Нанейшвили), 10-й гвардейской штурмовой авиадивизии (командир полковник А. Н. Витрук). Несколько позднее на скопление гитлеровцев обрушились перенацеленные с рава-русского направления самолеты 5-го штурмового авиационного корпуса (командир генерал-майор авиации Н. П. Каманин).

Только за один день наша авиация, бомбившая и штурмовавшая немецкую танковую группировку, совершила 3288 самолето-вылетов. Причем плотность бомбового удара на квадратный километр площади составила более 100 тонн.

Гитлеровцы понесли большие потери. Один пленный офицер так, например, сообщал о судьбе 1-й немецкой танковой дивизии: "После второго массированного удара бомбардировщиков танковая дивизия потеряла 75 процентов техники. До 60 танков сгорело в лесу, не сделав ни одного выстрела с момента прибытия на фронт".

Такая же судьба постигла и резервную танковую колонну в районе Золочева. В своих воспоминаниях бывший гитлеровский генерал Ф. Меллентин писал: "На марше 8-я танковая дивизия,

двигавшаяся длинными колоннами, была атакована русской авиацией и понесла огромные потери. Много танков и грузовиков сгорело; все надежды на контратаку рухнули"{37}.

Мощная авиационная поддержка заметно подняла моральный дух воинов 38-й и 60-й армий. Отразив контрудар танковой группировки гитлеровцев, наши войска продолжали наступление на львовском направлении. В результате напряженных боев на участке 60-й армии обозначился первый успех. 15-й стрелковый корпус генерал-майора П. В. Тертышного, поддержанный 69-й механизированной и 56-й танковой бригадами 3-й гвардейской танковой армии, а также артиллерией и авиацией, прорвал вторую полосу обороны противника.

Помню, как все мы искренне обрадовались, получив донесение от командующего 60-й армией генерал-полковника П. А. Курочкина о том, что в районе Колтова во вражеской обороне пробита небольшая брешь. Вопрос стоял так: дожидаться, пока стрелковые части расширят прорыв, или же немедленно вводить по узкому колтовскому коридору 3-ю гвардейскую танковую армию? Существовавшие в то время рекомендации, подкрепленные прежним боевым опытом, подчеркивали, что танковые армии целесообразно вводить в прорыв лишь тогда, когда брешь достигает хотя бы 10–12 километров по фронту. Ширина же колтовского коридора не превышала 4–6 километров. Как же быть?

Обсуждая создавшееся положение с начальником штаба генералом армии В. Д. Соколовским и начальником оперативного управления генерал-майором В. И. Костылевым, Маршал Советского Союза И. С. Конев решительно заявил:

— Мы не можем терять времени на расширение прорыва. Победу приносит смелый и глубокий маневр, а не топтание на месте и прогрызание вражеской обороны. Промедление пагубно для нас. Немецко-фашистское командование быстро подтянет резервы и постарается наглухо закрыть пробитую нами небольшую брешь.

Командующий войсками фронта проявил разумную смелость и пошел на риск, приказав генералу П. С. Рыбалко немедленно ввести в прорыв 3-ю гвардейскую танковую армию.

По единственной размытой ливнем дороге сплошной колонной ринулась танковая армада. Коридор в районе Колтова противник не только простреливал, но и непрерывно контратаковал. Сосредоточив южнее Колтова крупные силы, он пытался отрезать войска 3-й гвардейской танковой и 60-й армий, кишкой втянувшиеся в узенький коридор. Порой складывалась тревожная обстановка. 6-му гвардейскому танковому корпусу,

например, пришлось задержаться, отражая фланговые контратаки гитлеровцев. Но это вызвало резкое возражение со стороны И. С. Конева. Командующий войсками фронта приказал генералу П. С. Рыбалко решительно продвигаться вперед и, не заботясь о флангах, быстрее выходить на оперативный простор. Да это и понятно. Ведь замедление темпов нашего наступления играло лишь на руку врагу.

— О флангах я сам позабочусь, — сказал И. С. Конев генералу П. С. Рыбалко. — Отрезать вас противнику не удастся. Меры примем.

Для обеспечения флангов вводимых в прорыв танков маршал И. С. Конев перебросил некоторые части 60-й и 1-й гвардейской армий и арткорпуса РГК. В самом узком месте коридора, у деревни Нуще, разместился с оперативной группой и двумя рациями командир 1-го гвардейского штурмового авиационного корпуса генерал В. Г. Рязанов.

Он лично руководил штурмовыми ударами по вражеским огневым точкам и контратакующим группам гитлеровцев. Летчики-гвардейцы помогли танкистам преодолеть узкое дефиле и выйти на простор.

Вслед за 3-й гвардейской танковой армией генерала П. С. Рыбалко вошла в прорыв и 4-я танковая армия генерала Д. Д. Лелюшенко, которая должна была охватить группировку противника, контратаковавшую 38-ю армию, и таким образом помочь войскам генерала К. С. Москаленко.

И. С. Конев предупредил командарма Д. Д. Лелюшенко:

— Во фронтальные бои не ввязывайтесь, обходите Львов с юга и отрезайте противнику все пути отхода на юго-запад и запад.

А тем временем 3-я гвардейская танковая армия генерала П. С. Рыбалко, вырвавшаяся на оперативный простор, успешно развивала наступление.

15 июля 1944 года начальник разведотдела фронта генерал-майор И. Т. Ленчик доложил, что нашими войсками захвачен приказ Гитлера солдатам группы армий "Северная Украина". Привожу выдержки из него: "Противник в настоящее время готов к наступлению. В связи с этим и на вашем участке следует ожидать тяжелых боевых действий.

Дивизия, которая в случае прорыва русских не предпринимает немедленных контратак с целью ликвидации бреши и удержания своих позиций до последнего солдата, подвергает тягчайшей опасности многие другие части, как это имело место в артиллерийской группе «Митте»…

Цель большевистского врага, — говорилось в приказе Гитлера, заключается в том, чтобы всю Европу, а прежде всего

Германию, подчинить своей власти. Что это означает, знаете вы сами. Вся Германия смотрит на вас в эти трудные дни и недели. Если вы исполните свой долг, большевистское наступление будет сломлено и потоплено в крови. Поэтому от каждого офицера и солдата я ожидаю таких подвигов, чтобы в сводке верховного командования я мог сообщить родине: "Фронт "Северной Украины" стоит непоколебимо, как скала!"{38}

Но напрасны были заклинания фюрера. Фронт группы армий "Северная Украина" шатался и рушился под мощными ударами советских войск.

18 июля 1944 года части 3-й гвардейской танковой армии достигли района Деревлян. С ними соединились войска 13-й армии и конно-механизированной группы генерала В. К. Баранова, замкнув кольцо окружения. Так, под Бродами угодила в котел крупная группировка врага, насчитывавшая восемь дивизий.

Военный совет немедленно передал во все армии фронта сообщение: "В районе Броды противник окружен. Задача — быстрее ликвидировать окруженную группировку. Сообщите об этом войскам".

Весть о крупной победе, подхваченная командирами и политорганами, фронтовой, армейской и дивизионной печатью, всеми нашими агитаторами, еще выше подняла боевой дух войск.

Бои по уничтожению окруженного противника имеют свою специфику, свою особенность. Обстановка обычно требует ликвидации котла в максимально короткие сроки. Вот почему боевые действия войск носят быстрый, решительный характер, с наиболее полным использованием всей мощи оружия и техники, преследуя цель как можно скорее расчленить противника и бить его затем по частям. Враг же стремится прорвать кольцо окружения изнутри и обычно действует с отчаянием обреченного, не считаясь с жертвами. По боевому опыту мы знали, что ожесточенные атаки противник организует и против войск внешнего фронта окружения, намереваясь деблокировать свои части. Все это требовало особой мобилизации советских войск, максимальной бдительности воинов.

Начальник политуправления фронта генерал С. С. Шатилов, начальники политотделов 60-й и 13-й армий генерал К. П. Исаев и полковник Н. Ф. Воронов срочно направили группу политработников в войска, ведущие бои с окруженными гитлеровцами. Эта группа оказала большую помощь в усилении политической работы среди воинов указанных соединений.

Гитлеровцы предпринимали отчаянные попытки вырваться из окружения. Но командиры всех степеней, от взводного до

командующего фронтом, принимали меры к тому, чтобы противник не ускользнул из кольца. Наши войска, участвовавшие в ликвидации окруженной группировки, были усилены 4-м гвардейским и 31-м танковыми корпусами. Массированно применялась авиация 2-й воздушной армии, наносившая с 18 по 20 июля мощные удары по котлу. За это время было совершено около 4500 самолето-вылетов.

Командующий и Военный совет принимали одновременно энергичные меры к тому, чтобы наступление на львовском и других направлениях продолжалось с неослабевающей силой. В частности, маршал очень торопил генерала В. К. Баранова и требовал, чтобы конно-механизированная группа не задерживалась возле бродского котла, а продолжала развивать наступление.

— Чтобы не дать противнику вырваться из кольца, — говорил Конев, достаточно и кавдивизии Мансурова, а генерал Баранов держит на этом участке весь корпус, всю конно-механизированную группу, лишая ее маневра. Тем более сюда уже подходят стрелковые и артиллерийские части, усиливая внутренний и внешний обводы котла.

К исходу 19 июля 1944 года во что бы то ни стало требовалось овладеть Жолкевом и без промедления двигаться на польский город Ярослав, перерезая в ходе стремительного наступления коммуникации врага, громя его тылы и штабы. Но конники и танкисты генерала В. К. Баранова только к 20 июля подошли к Жолкеву и ввязались во фронтальные бои за город.

— Константин Васильевич, очень советую поехать в конно-механизированную группу, — сказал мне Конев. — Ты же старый кавалерист, да к тому же вместе с Барановым и другими командирами раньше воевал. Разберись на месте, воздействуй на соратников, объясни им, что они сбились с темпа, а противнику только того и надо. — И. С. Конев еще раз посмотрел на карту и подчеркнул:

— Нам маневр нужен, дерзкий и стремительный маневр, а не топтание на месте.

Я охотно согласился с его предложением и направился к конникам. Вначале попал в 25-й танковый корпус, которым командовал генерал-майор танковых войск Ф. Г. Аникушкин. Его части противник контратаковал крупными силами, пытаясь пробить кольцо бродского окружения. Гитлеровские автоматчики не раз просачивались даже к командному пункту генерала Аникушкина.

В этой трудной обстановке комкор проявил мужество и спокойствие, со знанием дела руководил боем. Начальник

политотдела корпуса П. М. Елисеев личным примером воодушевлял танкистов, поддерживая в них стойкость и уверенность в победе над врагом.

Некоторое время спустя разыскал я и генерала В. К. Баранова. Вместе с ним на КП находился начальник политотдела 1-го гвардейского кавалерийского корпуса гвардии полковник Ю. Д. Милославский.

Ознакомившись на месте с положением дел и видя, как захлебываются наши атаки, я изложил требования Военного совета о том, чтобы подвижная группа использовала силу маневра, не ввязывалась в затяжные фронтальные бои за город и другие населенные пункты, обходила опорные узлы и очаги сопротивления и пробивалась вперед, и только вперед.

— Совсем не обязательно выходить на дороги, на шоссейные магистрали, за которые крепко держится враг, — сказал я. — Двигайте кавалерийские подразделения через леса, по бездорожью. Тем более местность вам хорошо знакома, в довоенные годы здесь учения не раз проводили. Нужны нарастающий темп, быстрота, дерзкий и внезапный маневр. Пусть враг трепещет и в панике кричит: "Красные казаки в тылу!"

Особый разговор был у меня с начальником политотдела Ю. Д. Милославским. Речь шла о том, чтобы политработники помогли командирам создать перелом в боевых действиях и успешно выполнить приказ. Моральный дух войск на войне не всегда одинаков. В трудные моменты у отдельных воинов бывают и колебания, некоторая неустойчивость, особенно у молодых, необстрелянных. Политработники должны помочь таким бойцам преодолеть колебания, ободрить их, вселить веру в свои силы. Здесь большое поле деятельности для коммунистов и комсомольцев, для бывалых солдат и сержантов, взводных агитаторов.

Бой изобилует всякого рода трудностями и неожиданностями. Смены форм боя внезапны, их не всегда можно предугадать. Противник то обороняется, опоясавшись множеством траншей, то бросается в яростные контратаки. Так было и под Жолкевом, где конники встретились со свежими неприятельскими частями, выдвинутыми из резерва, которые пытались извне деблокировать окруженную бродскую группировку.

Но, несмотря на трудности и бешеное сопротивление врага, его разгром был неотвратим. Положение противника еще более ухудшилось 18 июля, когда на соседнем (люблинском) направлении перешла в наступление мощная ударная группировка 1-го Белорусского фронта. Однако об этом, как я

убедился, знали далеко не все. А ведь когда солдату хорошо известны боевые успехи части и соединения, успехи соседей и крупные победы, одержанные на фронтах Отечественной войны, когда он знает свои боевые задачи и хорошо понимает свой маневр, тогда и воюет лучше. Об этом я тоже напомнил гвардии полковнику Ю. Д. Милославскому.

Гвардейцам-кавалеристам генерала В. К. Баранова предстояло совершить рейд по тылам врага, вести маневренные бои с открытыми флангами, отличающиеся необычайной динамикой, быстрой сменой обстановки, внезапностью. Все это требовало предельного напряжения физических и моральных сил. И надо заметить, что командиры и политработники в кратчайший срок сумели вдохнуть бодрость в уставших конников и танкистов, на всем протяжении наступательных боев поддерживали в войсках победный дух.

Конно-механизированная группа генерала В. К. Баранова успешно выполнила боевую задачу и стремительно продвинулась за реку Сан. Маршал Конев, высказывавший немало резких суждений о ее действиях, теперь с большим одобрением отзывался о конниках.

А уничтожение бродской группировки врага шло своим чередом. Мощные удары артиллерии, авиации, танков и пехоты по гитлеровцам подкреплялись и нашим пропагандистским воздействием. В ночь на 19 июля авиация генерала С. А. Красовского сбросила в районе бродского котла около 100 тысяч листовок на немецком языке, подготовленных политуправлением и одобренных Военным советом фронта. "Солдаты и офицеры 13-го армейского корпуса! — говорилось в листовке. — Вы полностью окружены войсками Красной Армии. Прорваться вам не удастся. Со всех сторон вас ждут наготове советские войска с танками и могучей русской артиллерией. А сколько в небе русских самолетов, вы и сами видите. Все пути отступления для вас отрезаны. Гитлер вам помочь не может так кате ему нечем уже помогать. Вы предоставлены сами себе. Решайте немедленно, пока не поздно. Сдавайтесь в плен! Этим вы сохраните свою жизнь".

Почти одновременно была сброшена вторая листовка с выразительным заголовком: "Вы в котле!" Она начиналась с обращения к немецким солдатам: "Посмотрите на карту! Со всех сторон вас окружают плотным кольцом войска Красной Армии. Вырваться вам не удастся. Окружившие вас войска намного превосходят численностью и техникой. Они будут бить вас до полного уничтожения. В аналогичном положении в Белоруссии оказалась и 4-я немецкая армия. 160 тысяч солдат и офицеров, 20

генералов во главе с командующим армией генерал-лейтенантом Мюллером приняли советский ультиматум и капитулировали. Единственный выход для вас — это плен.

Не медлите! Каждый день бессмысленного и бесполезного сопротивления приближает вас к неминуемой смерти".

Как потом заявляли сдавшиеся в плен немцы, эта листовка со схемой и пропуском оказала некоторое воздействие на окруженных солдат. Офицер из 454-й охранной дивизии, добровольно сдавшийся в плен вместе с 57 подчиненными, показал: "Я читал листовки "Вы в котле!" и "Никакое чудо вас не спасет". В нашем батальоне побывали и два человека, которые несколько часов находились в советском плену, а затем были отпущены для переговоров с нами. Это тоже подействовало. Поразмыслив, я послал к русским человека с белым флагом, и мы сложили оружие". "Листовки портят настроение, оказывают на солдат расслабляющее действие, — признался старший ефрейтор из 669-го пехотного полка 371-й немецкой пехотной дивизии. — Из-за них начинаешь колебаться".

Только за первые 18 дней Львовской операции политуправление фронта издало 64 листовки общим тиражом 4325 тысяч экземпляров. Кроме того, 131 листовку большими тиражами издали политотделы армий.

Характер листовок был разнообразен. Помимо тех, что адресовались окруженным частям, выпускались листовки, информировавшие войска противника о положении на фронтах и победах Красной Армии. Листовка "Одна неделя" сообщала немецким солдатам правду о крупнейшем наступлении Белорусских фронтов, разгромивших группу немецких армий «Центр». Оперативно издавались и небольшие по размеру листовки, посвященные взятию Красной Армией крупных городов и важных опорных пунктов обороны противника. В листовке "Гродно взято!" подчеркивалось, что нарастающее советское наступление неизбежно приведет к полному крушению немецкой обороны на Украине. Далее утверждалось: "Так было под Киевом и Житомиром, под Тернополем и Проскуровом, под Черкассами и Уманью. Так было под Минском и Ковелем, под Вильно и Гродно! Так будет и в Галиции!"

В 1944 году, вошедшем в историю Отечественной войны как год решающих побед Красной Армии, количество листовок, выпускаемых для войск противника, непрерывно возрастало. Так, например, на 1-м Украинском фронте только в феврале было издано 8 546 тысяч экземпляров листовок, в марте их тираж возрос до 11 908 тысяч, в июле он равнялся 12 150 тысячам, а в августе достиг 12 200 тысяч экземпляров. Заметно улучшились их

содержание и действенность.

Листовки обычно дополнялись наглядной агитацией. Так, перед окруженными в районе Броды немцами выставлялись плакаты "Призрак Сталинграда", "За кого?","Подумай о жизни" и другие.

Пропагандой среди немецких войск занимались и антифашисты из национального комитета "Свободная Германия". Его уполномоченный написал несколько личных писем командирам тех дивизий, которые были окружены западнее Броды. Авиация сбросила эти письма с вымпелами черно-красного цвета — эмблемой национального комитета "Свободная Германия". Текст писем передавался и по радио.

Четыре дня наши войска вели ожесточенные бои по разгрому немецких дивизий. По указанию командующего войсками фронта Маршала Советского Союза И. С. Конева 2-я воздушная армия 20 и 21 июля совершила около 2500 боевых вылетов, нанося сосредоточенные удары по врагу в районе Белого Камня. Здесь действовали части 2-го гвардейского и 4-го бомбардировочных корпусов, 1-го гвардейского и 5-го штурмовых авиационных корпусов.

Мощными ударами бродская группировка противника была рассечена на части и планомерно уничтожалась. 22 июля, после еще одной решительной, но неудачной попытки вырваться из окружения, началась массовая сдача гитлеровцев в плен.

Когда были суммированы донесения и составлена сводка захваченных советскими войсками трофеев и понесенных противником потерь, некоторые внушительные цифры и факты на первых порах вызывали сомнение. Военный совет решил еще раз уточнить данные, прежде чем доложить их в Ставку. Об этом напомнил мне по ВЧ начальник Главного политического управления Красной Армии генерал-полковник А. С. Щербаков:

— Информация должна точно отображать боевые дела фронта, политическую обстановку, настроение армии и населения. Не следует преувеличивать наши победы, они и так колоссальны и величественны. Прошу лично уточнить количество взятых в районе Броды пленных немецких солдат и офицеров, а также потери противника на этом участке фронта.

Я тотчас выехал в Броды. При осмотре района недавних боев еще раз воочию убедился, что немецко-фашистские войска действительно понесли крупные потери. В некоторых местах прямо-таки невозможно было проехать на машине и приходилось пешком пробираться по огромному кладбищу разбитой и обгоревшей неприятельской техники. Советские артиллеристы и летчики, пехотинцы и танкисты крепко поработали, наголову

разгромив окруженные фашистские дивизии. В плену оказалось 17 тысяч немецких солдат и офицеров, в том числе командир 13-го армейского корпуса генерал Гауффе, командиры дивизий генералы Линденман и Недтвиг, а также их штабы. Взяты трофеи. Захвачено 3850 автомашин, 719 орудий, десятки танков. В ходе боев наши войска уничтожили свыше 30 тысяч вражеских солдат и офицеров.

После восьми дней операции явственно обозначился перелом в нашу пользу. На самом трудном и решающем, львовском направлении значительно продвинулись вперед 60-я и 38-я армии. На рава-русском направлении мы имели еще больший успех. Три танковые армии и две конно-механизированные группы, введенные в прорыв, рассекли немецко-фашистские войска на части. Боевые действия отличались не только большим размахом, но и широким применением самых различных форм оперативного маневра, полководческим искусством военачальников.

Когда 1-я гвардейская танковая армия вошла в прорыв на успешно действовавшем правом крыле фронта, маршал И. С. Конев круто повернул ее на юго-запад, приказав генерал-полковнику М. К. Катукову стремительно продвигаться к реке Сан, с ходу форсировать ее и преградить отступавшему противнику путь к Перемышлю и Ярославу. Примерно в том же направлении действовала и конно-механизированная группа генерала В. К. Баранова.

Другая же конно-механизированная группа, командиром которой был генерал С. В. Соколов, а начальником политотдела полковник Ф. С. Плантов, получила задачу из района южнее Сокаля нанести фланговый удар на Фрамполь, способствуя продвижению правофланговой 3-й гвардейской армии генерала В. Н. Гордова. Дерзкие и внезапные глубокие маневры наших подвижных войск ошеломили гитлеровцев, дезорганизовали их тылы.

В этих боях отличилась 1-я гвардейская танковая армия, особенно входившая в нее 1-я бригада. В соединении, богатом славными традициями, было немало героических воинов. Гвардии старший лейтенант Михаил Демчук, заменив выбывшего из строя командира роты, повел подразделение в стремительное наступление. Успешно форсировав реку Западный Буг, танкисты этого подразделения быстро вышли к реке Сан и прикрыли переправу наших автоматчиков. Л од обстрелом врага экипажи преодолели реку и продолжали наступление в возрастающем темпе. Перерезав вражеские коммуникации, подразделение Демчука вынудило противника поспешно оставить крупный

населенный пункт и беспорядочно отступить. Гвардейская танковая рота, действовавшая в авангарде, первой ворвалась и в Баранув.

Наступательный порыв воинов был неукротим. В момент атаки вражеским снарядом заклинило башню тридцатьчетверки. Но гвардейский экипаж не вышел из боя. Несмотря на повреждение танка, механик-водитель 1-й гвардейской танковой бригады гвардии старшина Капитон Рожин повел машину на врага, давя пехоту и орудийные расчеты гусеницами.

А вот далеко не полный перечень ратных дел ветерана 1-й гвардейской танковой бригады Алексея Духова.

14 июля 1944 года этот командир роты метким выстрелом уничтожил вражескую самоходку и на максимальной скорости ворвался в оборону противника. 15 июля он лично сжег «тигр» и два «фердинанда». 16 июля рота гвардии старшего лейтенанта Духова захватила несколько населенных пунктов и перерезала важную коммуникацию врага. Отбивая сильные контратаки гитлеровцев, офицер Духов сжег два «тигра». 18 июля его подразделение, совершившее обходный маневр, внезапной атакой ликвидировало сильный опорный пункт врага и открыло наступающим войскам путь к Западному Бугу.

Успехи войск фронта были внушительными, хотя обстановка складывалась не всегда так, как хотелось бы. Попытки 3-й гвардейской и 4-й танковых армий ударом с востока овладеть Львовом с ходу успеха не имели. Это объяснялось тем, что противник успел сосредоточить здесь значительные силы, превратив город и прилегавшие к нему селения в сильный опорный пункт.

Командующий войсками фронта принял решение направить 3-ю гвардейскую танковую армию в обход Львова с северо-запада. Генерал П. С. Рыбалко и его штаб в трудных условиях быстро перегруппировали войска. С наступлением темноты 22 июля танковая армия двинулась в указанный район. Выйдя 24 июля к Яворову, она развернула стремительное наступление по двум расходящимся направлениям — на Львов и Перемышль.

Некоторые военные историки упрекали генерала П. С. Рыбалко в том, что он, дескать, погнался за двумя зайцами и распылил силы. Но, видимо, это не совсем так. Несомненно, что необычный маневр спутал противнику карты, внес во вражеский стан растерянность и способствовал оперативному успеху фронта.

Инициативно и находчиво действовал и член Военного совета 3-й гвардейской танковой армии генерал С. И. Мельников. Руководя политической работой, он вместе с тем неутомимо заботился о материальном обеспечении войск.

Экипажи Рыбалко, развивавшие наступление по тылам врага, испытывали острую нужду в горючем. Командарм уже собирался обратиться к руководству фронта с просьбой усилить снабжение танкистов по воздуху. Но неожиданно появилась колонна грузовых машин, доставившая войскам все необходимое. Павел Семенович Рыбалко глазам своим не поверил, когда из кабины головного грузовика неторопливо вышел член Военного совета генерал С. И. Мельников.

— Откуда ты, Семен Иванович, взялся со своей колонной? — удивился Рыбалко. — Не чудо ли это?

— Чудес, как известно, не бывает, — усмехнулся Мельников, — а вот маневр тыловыми средствами действительно предприняли.

Убедившись, что по колтовскому коридору, забитому танками двух армий, невозможно доставить горючее и боеприпасы, генерал С. И. Мельников, как он потом мне рассказал, повел транспортные машины по колонным путям другой ударной группировки. Вслед за конниками генерала Баранова Семен Иванович с транспортной колонной пробился в район Яворова и соединился со своими гвардейцами-танкистами. Кроме грузов он сдал по назначению группу пленных гитлеровцев, взятых по пути следования после непродолжительной, но жаркой перестрелки.

Во время наступления начальник политуправления фронта генерал С. С. Шатилов неоднократно докладывал Военному совету о партийно-политической работе в войсках на различных этапах операции. Суммируя политдонесения из армий, отмечал, что в войсках фронта почти нет случаев танкобоязни. Это сообщение было отрадным и знаменательным. Оно свидетельствовало о том, что массовый героизм наших воинов имел не только идейную и моральную, но и прочную материальную основу. Советский народ, руководимый Коммунистической партией, обеспечивал родную армию могучим и грозным оружием победы. Теперь уже танки врага перестали быть грозой для нашего солдата, как, скажем, в начале войны, когда мы еще не имели достаточного боевого опыта и ощущали нехватку некоторых видов вооружения и противотанковых средств. Советский воин знал, что в борьбе с немецкими танками его поддерживает масса артиллерии, авиации, танков, самоходных установок и другой боевой техники.

Во время наступления на львовском направлении наши воины успешно отражали контрудары и контратаки вражеских танков. Так, например, подразделениям 287-й стрелковой дивизии пришлось сражаться против численно превосходящих

сил 17-й немецкой танковой дивизии. В ходе этих боев воины 287-й дивизии подбили и уничтожили 32 танка и самоходные установки, а 3 фашистские машины захватили в исправном состоянии.

Начальник политуправления сообщил Военному совету и о том, что донесения армий свидетельствуют о массовых случаях отказа легкораненых покинуть строй, свое подразделение, поле боя. Сделав перевязку, они продолжают сражаться с противником и совершают новые подвиги.

За десять дней Львовской операции в войсках фронта осталось в строю около 2500 легко раненных воинов. Кто участвовал непосредственно в бою, знает, какое сильное воздействие оказывало на психику и моральный дух молодого воина то, что рядом с ним продолжал сражаться солдат, офицер, только что перевязавший свою рану.

В ходе первых дней боев за Львов партийные организации фронта приняли в ряды ВКП(б) около 1600 человек, хотя заявлений было подано более 6 тысяч. Военный совет обратил внимание политуправления на ненормальное положение с оформлением партийных дел. Слов нет, в период наступления трудно выбрать время для заседания партийного бюро и рассмотреть все заявления. Но трехлетний опыт Отечественной войны убеждал нас в том, что политорганы, партийные комиссии соединений и партийные организации могут и должны более быстро и оперативно оформлять прием в ряды ВКП(б). Ведь лучшие люди армии, герои боев решили связать свою жизнь и судьбу с Коммунистической партией. Случалось и так, что некоторые из них отдавали за Родину жизнь, не успев получить партийного документа. Но каждый, написавший перед атакой проникновенные слова "хочу идти в бой коммунистом", в душе считал себя таковым и сражался как коммунист.

Вспоминается случай, рассказанный мне начальником оргинструкторского отдела политического управления фронта полковником И. В. Суриковым. В напряженных многодневных боях одна из стрелковых рот, образцово выполнив трудное боевое задание, понесла значительные потери. Когда в подразделение пришли представители политотдела дивизии и спросили, есть ли в роте парторг, последовал ответ:

— Пал в бою.

— А кто его заместители?

— Тоже погибли.

— Кто же остался за парторга?

И тогда после некоторой паузы подошел к представителю политотдела боец с перевязанной рукой:

— Я остался за парторга и за его заместителей. Из коммунистов в роте никого нет. Кто ранен, а кто убит. Остался я один, хотя и числюсь пока беспартийным. Но перед началом наступления я подал заявление в партийную организацию и просил считать меня коммунистом.

Бои за Львов вступали в решающую стадию. С востока к городу вплотную подошли 60-я и 38-я армии. 22 июля на южную окраину города ворвался передовой отряд 4-й танковой армии генерала Д. Д. Лелюшенко. Завязались тяжелые уличные бои. Гитлеровцам временно удалось отрезать прорвавшихся танкистов. Создалась сложная обстановка.

Под Львовом я встретил члена Военного совета 4-й танковой армии генерала В. Г. Гуляева. Этот веселый и подвижный человек на сей раз был сумрачен. На традиционный вопрос "как дела?" он уклончиво ответил:

— И хорошо, и плохо.

— Что-то, дорогой Василий Георгиевич, ты стал изъясняться половинчатыми формулировками, — удивился я. — Это на тебя никак не похоже.

— Хорошо, что продвинулись вперед, и притом основательно продвинулись, — пояснил Гуляев. — Наши бригады прорвались к стенам Львова, и появилась заманчивая перспектива двинуть танки на город. Так мы и поступили. Однако быстро задачу решить не удалось, с ходу городом овладеть не смогли. А танкам в уличных боях драться очень тяжело, им нужен оперативный простор. У нас заметно увеличились потери в технике…

— А зачем вы сами себя оперативного простора лишили? — спросил я. — В приказе командующего фронтом весьма определенно указывалось: "Обходить город южнее, танкам в уличные бои не ввязываться".

— А мы все-таки ввязались. И выйти из уличных боев оказалось не так-то просто…

Вместе с тем решительность и героизм воинов 10-го гвардейского Уральского добровольческого танкового корпуса, возглавляемого генералом Е. Е. Беловым, сыграли немаловажную роль в освобождении Львова. Уральцы из 4-й танковой армии, первыми пробившиеся в город, сорвали злодейские планы гитлеровцев и помогли спасти древний Львов от разрушения.

Однако исход боев за этот важный политический и экономический центр Советской Украины во многом определялся глубокими обходными маневрами наших подвижных войск, прорвавшихся за реки Сан и Западный Буг. Маневры танковых армий и конно-механизированных групп были рассчитаны на то, чтобы внезапными сокрушительными ударами на всю

оперативную глубину раскромсать оборону гитлеровцев и разгромить вражеские резервы еще на подходе, не дав им организоваться и привести в боевой порядок свои ряды.

Помню, как мы волновались, узнав, что некоторые бригады 3-й гвардейской танковой армии уперлись в обширное торфяное болото и, сбившись с заданного темпа, завязали затяжные бои. Командующий войсками фронта принимал все меры, чтобы как можно быстрее сдвинуть танкистов с невыгодной местности и пустить их в обход. Он вручил начальнику штаба 3-й гвардейской танковой армии генерал-майору танковых войск Д. Д. Бахметьеву пакет с новыми боевыми распоряжениями, адресованными командарму П. С. Рыбалко. Но самолет с генералом Бахметьевым совершил в пути вынужденную посадку, и передача пакета задержалась. Тогда были приняты другие срочные меры, и положение быстро выправилось. 3-я гвардейская танковая армия, набирая темпы, двинулась в новом направлении, громя и сокрушая врага.

Танковая армия генерала Д. Д. Лелюшенко своими главными силами обходила Львов с юга, а части ее 10-го танкового корпуса вели уличные бои внутри города. Тем временем 3-я гвардейская танковая армия генерала П. С. Рыбалко, обошедшая город с северо-запада, создала для противника своего рода "оперативное удушье". Для гитлеровского гарнизона во Львове создалось тяжелое положение.

В дни нашего наступления в войсках все большее распространение получал обычай при овладении населенными пунктами и важными высотами водружать красные флаги. Это не только утверждало и закрепляло нашу победу, но и воодушевляло воинов. Как бы ни были утомлены солдаты, но, когда их взору представал полыхающий на ветру багряный стяг, у них будто сил прибавлялось, и они с еще большим порывом устремлялись на врага.

"Золочев наш! Над ним реет Красное знамя. Вперед, на Львов!" призывала фронтовая газета.

Одному из лучших экипажей 63-й гвардейской танковой Челябинской бригады, которым командовал гвардии лейтенант А. В. Додонов, была поставлена задача пробиться к львовской ратуше и поднять над ней красный флаг. Автоматчики, ворвавшиеся в город на броне танков, с боем брали каждый квартал и дом. На подступах к ратуше гвардейцы залегли, остановленные сильным огнем врага. А медлить нельзя. Надо быстрее уничтожить опасный очаг сопротивления и захватить центр города. И тогда из машины выпрыгнул радист гвардии старшина А. П. Марченко. В руках у него полыхал красный флаг.

— За мной, вперед! — крикнул танкист и устремился к ратуше.

Личный пример комсомольца воодушевил автоматчиков. Теперь и ружейно-пулеметный огонь не мог их сдержать. Солдаты поднялись в атаку, решительным броском достигли ратуши. Огнем и гранатами советские воины расчищали себе путь вперед, уничтожая гитлеровцев, оборонявших ратушу. Гвардии старшина Александр Марченко, хорошо знавший Львов и это старинное здание, взобрался по крутой лестнице на высокую башню и водрузил победный стяг, который был виден во многих районах города.

В бою знаменосец был смертельно ранен и скончался на руках товарищей. А его родной экипаж продолжал сражаться с противником.

Выдающийся подвиг совершил и близкий друг Александра Марченко механик-водитель танка «Гвардия» Федор Сурков. В прошлом испытатель тракторов в Челябинске, большой знаток техники коммунист Сурков добровольцем отправился на фронт. О подвиге гвардейца мне рассказывали танкисты. Позднее об этой волнующей истории я узнал из наградного листа, поступившего в Военный совет фронта. Вот что там написано о героизме Федора Суркова: "На рассвете 21 июля 1944 года, ворвавшись первым на одну из окраин города Львова, товарищ Сурков был отрезан от наших частей. Смело повел он танк вперед, раздавив пушку и группу гитлеровских солдат. Трое суток вел бой Сурков на улицах Львова, уничтожив 6 орудий противника и склад с боеприпасами. Танк «Гвардия» был подбит «пантерой», при этом погиб командир танка лейтенант А. В. Додонов. Товарищ Сурков в горящей машине продолжал уничтожать пехоту… Танк взорвался. Сурков в тяжелом состоянии, обгорелый, был выброшен на землю, подобран местными жителями, передан нашим разведчикам и доставлен в госпиталь".

Врачам удалось спасти жизнь Федора Павловича Суркова. Ему присвоено звание Героя Советского Союза.

В послевоенные годы мне не раз приходилось бывать во Львове, встречаться со многими ветеранами, в том числе и с Ф. П. Сурковым, поселившимся в этом древнем украинском городе, который освобождал. Львовяне с любовью и уважением относятся к прославленному танкисту.

Золотой Звездой Героя отмечен и подвиг командира мотострелкового батальона Ахмадулы Ишмухаметова, проявившего отвагу в уличном бою за Львов. Действуя в составе 10-го гвардейского Уральского добровольческого танкового корпуса (командир корпуса генерал Е. Е. Белов), подразделение

майора Ишмухаметова ворвалось на южную окраину города. Три дня продолжались бои за каждый дом, каждую улицу. Советские воины дрались героически. Ишмухаметов был ранен в голову, но не покинул строя. За три дня батальон уничтожил 900 вражеских солдат и офицеров, подбил 8 танков, 7 орудий, 12 пулеметов и освободил около 5 тысяч пленных.

Львов, областной город Украины, большой железнодорожный пункт вражеской обороны, был освобожден частями 1-го Украинского фронта 27 июля 1944 года. В боях за город отличились войска 4-й танковой армии, 3-й гвардейской танковой армии, 60, 38 и 2-й воздушной армий.

Вместе с частями, освободившими Львов, прибыл в город и первый секретарь Львовского обкома партии И. С. Грушецкий. Он сразу же занялся налаживанием нормальной жизни в городе.

Я хорошо знал Ивана Самойловича Грушецкого по совместной работе в Военном совете 40-й армии. Перед Отечественной войной он был секретарем Черновицкого обкома партии. Иван Самойлович часто рассказывал мне об этом периоде жизни, с душевной теплотой и любовью вспоминая о славных тружениках Буковины, своеобразных обычаях и замечательной красоте края. Буковина, как известно, лишь в 1940 году стала советской. Под руководством партийной организации области люди строили новую жизнь. Но и года не прошло, как грянула война, в Буковину вторглись немецко-фашистские орды.

По заданию ЦК КП(б)У Иван Самойлович принимал участие в формировании партизанских отрядов и партийного подполья, затем занимался демонтажем предприятий Киева и эвакуацией их в глубь страны. 16 сентября 1941 года И. С. Грушецкий был назначен членом Военного совета 40-й армии. Он быстро вошел в боевую обстановку и настойчиво познавал военное дело.

Вспоминается январь 1943 года. 40-я армия готовилась к наступательной операции со сторожевского плацдарма на Дону, что южнее Воронежа. Иван Самойлович, часто бывая в войсках, вникал во все детали подготовки к наступлению. Однажды, вернувшись из частей, он поделился со мной своими думами и наблюдениями.

— При мне выдавали бойцам ручные гранаты, — рассказывал он. — Бывалые фронтовики рады тому, что запаслись "карманной артиллерией", а некоторые молодые солдаты боятся гранату в руки взять, опасаясь, что она сразу же взорвется. Эта боязнь происходит от неумения. Оказывается, молодежь не знает толком, как с гранатами обращаться. Решил вмешаться в это дело и организовал практические занятия. Бывалые солдаты показали, как граната ставится на предохранитель и на боевой взвод, как

применяется она в ближнем бою.

В январе 1943 года на Верхнем Дону развернулось наступление советских войск, завершившееся сокрушительным разгромом крупной фашистской группировки, Развивая успех, соединения 40-й армии с боями продвигались к Белгороду.

Как это иногда бывает, в наиболее ответственный момент операции нарушилась связь штаба армии с передовыми частями. А тут, как на грех, разыгралась непогода, неистовый буран засыпал снегами все дороги — ни пройти, ни проехать. Генерал К. С. Москаленко, находившийся на КП 40-й армии, нервничал, томимый неизвестностью. Он решил послать на самолете По-2 офицера связи с пакетом. Но член Военного совета И. С. Грушецкий заявил, что полетит сам и лично передаст войскам распоряжение командарма, выяснит обстановку и уточнит, как идут бои за Белгород.

Мы пробовали отговорить Ивана Самойловича от рискованного полета, но безуспешно. Быстро собравшись и получив от командующего и Военного совета последние рекомендации, И. С. Грушецкий улетел. В тот день мы изрядно поволновались за него, И вот, когда начало темнеть, донесся рокот одиночного самолета. Затем из низко нависших снежных туч вынырнул По-2. С трудом отыскав возле селения пятачок, летчик искусно совершил посадку неподалеку от штаба армии. А через четверть часа Иван Самойлович оживленно рассказывал нам о своем необычном полете, о том, как пилот кружил над боевыми порядками, разыскивая наши войска, и совершил посадку вблизи передовой. И. С. Грушецкий проинформировал Военный. совет о ходе наступления и о том, что наши передовые отряды ворвались на окраину Белгорода и завязали бой.

Вскоре Иван Самойлович получил назначение членом Военного совета Степного округа, преобразованного затем во фронт.

Летом 1944 года генерал И. С. Грушецкий по решению Государственного Комитета Обороны и ЦК ВКП(б) сдал дела на 2-м Украинском фронте и вернулся на партийную работу в республике.

Как секретарь Львовского обкома КП(б)У Иван Самойлович Грушецкий прибыл на наш КП и настойчиво просил Военный совет быстрее «прикомандировать» его к танковой части, нацеленной непосредственно на Львов. Просьба была удовлетворена, и секретарь обкома И. С. Грушецкий вместе с передовой бригадой 4-й танковой армии прибыл в древний украинский город.

И. С. Грушецкий в середине шестидесятых годов писал мне:

"Гитлеровцы намеревались полностью разрушить Львов, этот старинный, богатый архитектурными памятниками украинский город. Готовясь к отступлению, они заложили под общественные здания и предприятия до 50 тысяч мин, фугасов и других взрывных приспособлений.

Танкисты, изгнав вражеский гарнизон, заняли круговую оборону и не пустили в город отступающих немцев, теснимых с юга соединениями Лелюшенко и с северо-запада — танковой армией Рыбалко. Таким образом, герои-танкисты спасли город от разрушения, а население от уничтожения.

Большую помощь нам в те дни оказало местное население, подпольная партизанская группа, отряд имени Ивана Франко.

Горожане с восторгом встретили своих освободителей. Горячая поддержка населения чувствовалась повсюду и во всем".

День 27 июля 1944 года был, пожалуй, одним из самых «урожайных» на победные салюты. Небо столицы нашей Родины не переставало играть зарницами. В 21 час Москва салютовала войскам 1-го Украинского фронта, освободившим Станислав — крупный железнодорожный узел и важный опорный пункт обороны противника в предгорьях Карпат, В приказе Верховного Главнокомандующего особо были отмечены войска 1-й гвардейской армии (командующий генерал-полковник А. А. Гречко, член Военного совета генерал-майор И. В. Васильев). В тот же вечер были даны победные салюты и в честь других фронтов, освободивших Белосток, Даугавпилс, Шяуляй. Всего, с учетом львовского, было пять салютов Москвы,

В ходе победоносного наступления Советские Вооруженные Силы восстановили Государственную границу СССР на значительном участке и протянули руку братской помощи польскому народу.

27 июля мог прогреметь и еще один победный салют. В тот знаменательный день в основном уже был освобожден город-крепость Перемышль. Еще четыре дня назад 44-я гвардейская танковая бригада под командованием гвардии полковника И. И. Гусаковского в числе первых форсировала реку Сан и, сломив ожесточенное сопротивление гитлеровцев, вошла в северную часть Перемышля. Тем временем на юго-восточной окраине города завязали бои подразделения 53-й гвардейской танковой бригады гвардии полковника В. С. Архипова и другие части. Их успеху способствовали просочившиеся в Перемышль вместе с партизанскими разведчиками наши автоматчики.

Одним из первых ворвался на железнодорожную станцию экипаж гвардии лейтенанта В. И. Новикова. Вступив в неравный поединок с бронепоездом противника, отважные гвардейцы

заставили замолчать орудийные расчеты врага. Стальная громадина начала пятиться и поспешно отступать. Но саперы, пробравшиеся в тыл врага, успели взорвать железнодорожное полотно. Путь бронепоезду был отрезан.

Храбро штурмовали город-крепость мотострелки, танкисты и артиллеристы. В результате напряженных уличных боев войска 1-й и 3-й гвардейских танковых армий к исходу 27 июля овладели Перемышлем. На другой день боевому успеху советских воинов салютовала Москва.

28 июля соединения 1-го Украинского фронта освободили польский город Ярослав. Здесь, как и в боях за Перемышль, отличились войска 1-й гвардейской танковой армии генерала М. Е. Катукова.

В районе Ярослава одним из первых к реке Сан вышел и затем форсировал ее помощник начальника штаба по разведке 69-го гвардейского танкового полка гвардии старший лейтенант Андроник Манукян. Возглавляемые им разведчики уничтожили 4 фашистских танка, 2 бронетранспортера и до 80 гитлеровцев.

Бои за Ярослав протекали напряженно. Когда вражеский снаряд поджег советский танк, механик-водитель гвардии старшина Иван Кравченко из 1-й гвардейской танковой бригады на горящей машине продолжал атаку и, смяв пушку врага, открыл путь товарищам.

Противник, подтянув резервы, пытался контратакой выбить наши части. Некоторые подразделения временно попали в окружение. В критическую минуту боя заместитель командира батальона 20-й гвардейской мехбригады офицер Иван Лапенков возглавил атаку, личным примером увлекая бойцов. Вражеское кольцо было разорвано. В бою Лапенков уничтожил до двух десятков фашистов.

Напряженные бои разгорелись и на левом крыле фронта. Войска 1-й гвардейской и 18-й армий, наступавшие в направлении на Дрогобыч, встретили упорное сопротивление гитлеровцев, яростно оборонявших столь необходимый им нефтеносный район.

Уже на первом этапе Львовско-Сандомирской операции, имевшей большое военно-политическое значение, вся Советская Украина, за исключением Закарпатья, была полностью очищена от гитлеровских захватчиков. Выполняя интернациональный долг, Красная Армия приступила к освобождению юго-восточных областей Польши. Войска фронта нанесли сокрушительное поражение группе армий "Северная Украина". По нашим подсчетам, противник потерял убитыми и ранеными около 130 тысяч солдат и офицеров, а также 1500 орудий и минометов,

около 500 танков. Войска фронта взяли в плен около 30 тысяч неприятельских солдат и офицеров.

18-я армия, например, только с 23 по 31 июля пленила 9600 солдат и офицеров противника.

Еще перед началом нашего наступления всеми видами разведки было установлено, что перед фронтом 18-й армии находятся соединения 1-й венгерской армии в составе шести дивизий и двух горнострелковых бригад. Показания пленных солдат и офицеров свидетельствовали о невысоком моральном состоянии этих войск. Многие венгры не хотели воевать за чуждые им интересы.

Учитывая сложившуюся обстановку, Военный совет и политотдел 18-й армии усилили работу по разложению венгерских войск. Только в июле 1944 года политотдел армии распространил более 30 наименований листовок общим тиражом свыше 1 500 тысяч экземпляров. В том же месяце политработники провели около 900 передач на войска противника с помощью окопных и громкоговорящих установок. На переднем крае выставлялись и плакаты, призывавшие венгров не гибнуть ради Гитлера и думать о спасении своей родины.

При политотделе 18-й армии работала школа венгерских военнопленных. Занятия проводились по специальной программе. Слушателям читались лекции и доклады на темы: "Союз с гитлеровской Германией ведет Венгрию к катастрофе", "Красная Армия не угрожает независимости Венгрии", "Германия уже проиграла войну" и т. д.

Как только начались наступательные бои, выпускников школы забросили в расположение противника. Многие из них благополучно вернулись обратно и привели с собой несколько групп венгерских солдат, решивших по их примеру добровольно сдаться в плен.

Член Военного совета 18-й армии генерал-майор С. Е. Колонии и начальник политотдела армии полковник Л. И. Брежнев сообщили Военному совету и политуправлению фронта, что в конце июля число военнопленных венгров начало заметно возрастать, в ряде случаев в плен добровольно сдавались большие группы венгров. 28 июля остатки 4, 5, 10 и 11-го полков общей численностью 1500 солдат при отходе из района Яблонки на запад были перехвачены нашими передовыми подразделениями. Советский офицер, знавший венгерский язык, обратился к ним с призывом: "Мадьяры, кончайте воевать, сдавайтесь в плен!" И все венгерские солдаты без сопротивления сложили оружие.

Днем раньше командир минометного расчета, заменивший сбежавшего взводного, приказал солдатам привязать к винтовкам

белые платки. Под его командой взвод в полном составе добровольно и организованно перешел на советскую сторону. Одновременно сдался и венгерский рабочий батальон. Немало имелось и других фактов, свидетельствовавших о действенности нашей пропаганды среди войск противника, о распаде фашистского блока и подспудных политических процессах, подтачивавших войска сателлитов гитлеровской Германии.

Пополнив свои ряды 50 тысячами солдат, главным образом призывниками из освобожденных западных областей Украины, прошедшими боевую подготовку в запасных частях, войска фронта вступили во второй этап Львовско-Сандомирской операции.

Часть третья. Выполняя интернациональный долг

На земле польской

Когда исход боев за Львов был предрешен, из Ставки позвонил генерал А. И. Антонов и сообщил, что Верховный Главнокомандующий утвердил представленный Военным советом 1-го Украинского фронта план дальнейшего хода операции. Затем мы получили директиву Ставки от 27 июля 1944 года, в которой говорилось следующее: "1. Силами 13-й армии Пухова и 1-й гвардейской танковой армии Катукова не позже 1–2 августа форсировать реку Висла и захватить плацдарм на западном берегу на участке Сандомир, устье реки Вислока. Захваченный плацдарм использовать для удара на север с целью помочь 3-й гвардейской армии Гордова форсировать Вислу и выйти на ее западный берег.

2. Центром фронта к тому же времени выйти на реку Вислока и овладеть Санок, Дрогобыч, Долина.

3. Силами 1-й гвардейской и 18-й армий захватить и прочно удерживать перевалы через Карпатский хребет на направлении Гуменне, Ужгород, Мукачево с целью последующего выхода в Венгерскую долину.

В дальнейшем войска фронта должны наступать в общем направлении на Ченстохов и Краков".

На другой же день, без какой-либо ощутимой паузы, начался второй этап операции.

Маршал Советского Союза И. С. Конев, исходя из поставленных задач, решил основные усилия войск сосредоточить на сандомирском направлении, с ходу форсировать Вислу и захватить плацдармы на западном ее берегу. На это направление нацеливались войска 3-й гвардейской и 13-й армий, 1-й гвардейской танковой армии. Сюда же перебрасывались из районов Львова и Перемышля части 3-й гвардейской танковой армии. Форсирование Вислы планировалось осуществить на широком фронте от Зембожина до устья реки Вислока. С целью успешного преодоления крупной водной преграды танковые армии усиливались понтонно-мостовыми бригадами.

Таким образом, основные усилия войск 1-го Украинского фронта были направлены на завершение разгрома группы немецких армий "Северная Украина", уничтожение оперативных и стратегических резервов и овладение плацдармами на западном

берегу Вислы. Для участия в наступлении на сандомирском направлении были привлечены три общевойсковые (в том числе резервная), две танковые армии, основные силы авиации и артиллерии.

Политорганы, военные газеты, листовки и устная пропаганда несли в войска важнейший призыв партии, четко и ясно выражавший цели нашей освободительной миссии: "Воины Красной Армии! Великая освободительная миссия выпала на вашу долю. Будьте же достойными этой миссии, несите освобождение народам Польши и других стран Европы, стонущим под игом фашистской тирании!"

Уже на первом этапе наступательной операции наши войска в полосе правого крыла и центра фронта полностью восстановили Государственную границу СССР и вступили на польскую землю, неся избавление братскому народу. Теперь мы все внимание сосредоточили на пропаганде призывов и исторических указаний партии о великой освободительной миссии Красной Армии.

Командиры и политработники, пропагандисты и агитаторы разъясняли воинам, что надо быстро и решительно преодолеть с ходу одну из крупнейших рек — Вислу, захватить значительный плацдарм, чтобы затем продолжать наступательные действия. Только в таком случае мы сможем успешно выполнить историческую задачу по освобождению братской Польши от фашистского ига. Призыв Военного совета, обращенный к войскам фронта, — "Вперед, на Вислу!" отвечал цели операции и вместе с тем выражал основную суть призывов ЦК партии. Мы стремились учесть уроки и недостатки битвы за Днепр и принимали меры к тому, чтобы на Висле войска проявили организованность и умение, в широких масштабах применяли переправочную технику. Еще до подхода к Висле командующий создал оперативную группу по руководству переправами. Ее возглавил начальник инженерных войск фронта генерал-лейтенант И. П. Галицкий. Задача состояла в том, чтобы вместе с передовыми отрядами перебросить через многоводную реку танки и артиллерию, которые обеспечили бы надежное закрепление захваченных плацдармов.

Военный совет рекомендовал политуправлению и всем политорганам, а также фронтовой печати широко информировать войска о наших успехах, популяризировать имена тех, кто первым форсирует Вислу и захватит плацдарм на западном берегу. Добрые вести о победных делах фронта или успешном продвижении соседей, о захваченных пленных и трофеях, об освобожденных населенных пунктах вызывали у воинов прилив гордости, стремление равняться на героев, добиваться новых

боевых успехов.

Пожалуй, ничто так не подымает моральный дух воинов, как сообщение о нашей победе. В моей памяти сохранился эпизод, связанный с освобождением 29 ноября 1941 года Ростова-на-Дону. В ознаменование одержанной победы Верховный Главнокомандующий издал приказ, адресованный командующему Юго-Западным направлением Маршалу Советского Союза С. К. Тимошенко и командующему Южным фронтом генерал-полковнику Я. Т. Черевиченко. "Поздравляю вас с победой над врагом и освобождением Ростова от немецко-фашистских захватчиков, — гласил приказ. — Приветствую доблестные войска 9-й и 56-й армий во главе с генералами Харитоновым и Ремезовым, водрузивших над Ростовом наше славное советское Знамя. Сталин".

Это был, пожалуй, один из самых первых поздравительных приказов. Он был зачитан войскам и еще больше укрепил их моральный дух. Политотдел 9-й армии, возглавляемый полковым комиссаром Б. С. Мельниковым, издал листовку "Хваленому Клейсту сломали хребет".

Сколько было ликования! И не только на Южном фронте. Радостная весть о крупной победе наших войск под Ростовом-на-Дону облетела всю страну и обрадовала всех воинов Красной Армии, сражавшихся с фашистами. Военные советы и политорганы Западного, Калининского, Юго-Западного и других фронтов тоже выпустили листовки, посвященные славной победе на юге и освобождению нашими войсками Ростова-на-Дону. В одной из них, изданной политотделом 31-й армии Калининского фронта, говорилось: "…Поклянемся же, товарищи бойцы, командиры и политработники, отстоять Москву и похоронить на подступах к столице фашистские дивизии. Крепче удар, сильнее натиск на врага, и он побежит от Москвы так же, как он бежит от Ростова. Пусть героические успехи защитников Ростова вдохновят вас на священное сражение за Москву, за Родину!"{39}

Наступательная операция развивалась стремительно. Особенно быстро продвигалась к берегам Вислы 13-я армия генерала Н. П. Пухова. Смело и решительно наступали подразделения 6-й гвардейской стрелковой дивизии и другие соединения. Под вечер 29 июля в районе Баранува вышла к реке 350-я стрелковая дивизия (командир генерал-майор Г. И. Вехин, начальник политотдела подполковник В. П. Якушкин). Осуществляя параллельное преследование противника и обгоняя отступавшие вражеские колонны, 1178-й стрелковый полк этой дивизии, возглавляемый подполковником Ф. А. Барбасовым, первым вырвался к Висле. Увидев у паромной переправы

скопление гитлеровцев, капитан А. И. Якушев быстро развернул свой батальон и внезапно атаковал врага. Действия его подразделения поддержали полковая артиллерия и истребители танков. В стане врага поднялась паника. Советские воины захватили исправный паром, собрали на берегу лодки и приступили к переправе. В 18 часов 30 минут передовой десант двинулся в первый рейс.

Ведя борьбу за увеличение захваченного плацдарма, части 350-й дивизии уже 30 июля расширили его до 12 километров по фронту и 8 километров в глубину.

Командир 1178-го стрелкового полка подполковник Ф. А. Барбасов, командир стрелкового батальона того же полка капитан А. И. Якушев, сержанты Б. И. Быков, С. Д. Хоменко, В. Н. Шпагин, младший сержант Р. И. Ястребцов, рядовой И. Е. Бурлак и еще десять воинов 350-й стрелковой дивизии первыми форсировали Вислу и захватили плацдарм в районе Баранува.

Все они были удостоены звания Героя Советского Союза. Одновременно Вислу форсировали части 1-й гвардейской танковой армии. Первыми ступили на западный берег Вислы автоматчики мотострелкового батальона гвардии капитана Константина Усанова. Их поддерживала 44-я гвардейская танковая бригада гвардии полковника И. И. Гусаковского. На этом участке и было решено всемерно развивать успех. Сюда быстро выдвигались понтонные парки и другая инженерная техника. В районе Баранува начала действовать фронтовая переправа.

Контратаками частей 213-й охранной, 88-й и 72-й пехотных дивизий противник стремился ликвидировать захваченный в районе Баранува плацдарм, но успеха не имел: мужество советских гвардейцев было беспредельным. Особенно отличились гвардии старшина Александр Образцов и гвардии старший сержант Николай Голомзик. Защищая плацдарм, они получили ранения, но остались в строю.

Форсируя реку, наши войска широко применяли понтонные парки, переправочную технику, инженерные средства. Вместе с тем воины нередко использовали и подручные средства. Так, командир отделения разведчиков 20-й гвардейской мехбригады гвардии старший сержант Сергей Нестеров первым на самодельном плотике переправился через Вислу. Захватив плацдарм, он с горсткой храбрецов удерживал его до подхода главных сил. Автоматчик той же части гвардии рядовой Маннула Гизатулин ночью поплыл через реку на бревне. Все вокруг кипело от разрывов снарядов и бомб. Взрывной волной от авиабомбы солдата сбросило в воду. Добравшись до западного берега вплавь, гвардии рядовой Гизатулин в ночной темноте подполз к траншее

противника. Метнув гранату и стреляя из автомата, он создал панику и выбил врага из укрытия.

В районе Баранува начали переправу и части 3-й гвардейской танковой армии генерала П. С. Рыбалко. Передовой отряд, возглавляемый полковником И. И. Якубовским, одним из первых с ходу форсировал реки Сан и Висла.

Польское население радостно встретило Красную Армию и оказывало войскам всяческую помощь и содействие. Жители села Седлещаны и других населенных пунктов помогали советским воинам конопатить лодки, строить плоты. С риском для жизни они не раз сами переправляли бойцов на, западный берег реки. Таких примеров было много.

Оперативность проявили и понтонеры. К утру 1 августа в районе Баранува на фронтовой переправе действовало 24 парома большой грузоподъемности, что позволяло быстро перебрасывать через реку танки, артиллерию и другую боевую технику, наращивать на плацдарме наши силы, прочнее закрепляться на западном берегу Вислы.

Форсирование одной из крупнейших рек в Европе проходило на многих участках на широком фронте. Сколько мужества, самоотверженности и отваги проявили наши воины на Висле! Лодка, на которой переправлялся через реку старший сержант Тихон Литвиненко, была разбита разорвавшейся поблизости миной. Коммунист Тихон Литвиненко, не выпуская из рук автомата, вплавь добрался до западного берега и прикрыл огнем переправу других. На узенькой полоске земли он с несколькими бойцами в течение двух суток отбивал атаки противника. Железную стойкость при удержании этого небольшого плацдарма проявили артиллерист офицер Олег Гончаренко, отбивший пятнадцать атак противника, гвардии полковник Василий Иванович Баклаков, который, будучи тяжело ранен, продолжал командовать переправившимися через реку подразделениями, и многие другие.

Следует сказать, что наращивание наших сил на плацдармах за Вислой проходило значительно быстрее, чем на Днепре. Но и здесь на первых порах войска форсировали реку на паромах и десантных лодках, которые были менее уязвимы для артиллерийского огня и авиации противника, нежели мосты. Когда же плацдарм удалось немного расширить, а наши истребительные авиаполки перебазировались ближе к Висле и получили возможность надежнее прикрывать войска и переправы, строительство мостов развернулось полным ходом. Очень быстро инженерные подразделения навели понтонный мост в районе Баранува. Ударными темпами строился 60-тонный низководный

мост на свайных опорах в районе Седлещан. Сооружать его начали 31 июля и, несмотря на частые налеты вражеской авиации, закончили к 7 августа 1944 года, К концу сентября войска фронта располагали на Висле 18 мостами.

И все же трудностей встречалось немало. Наши войска более полумесяца вели тяжелые наступательные бои и понесли потери в технике и людях. Коммуникации растянулись, а восстановление железных дорог шло медленно, да и колея в Польше была более узкой, чем в Советском Союзе. Это усложнило работу транспорта. Войска испытывали недостаток в горючем и боеприпасах.

Имелись и другие недочеты. Передовые отряды 3-й гвардейской армии замешкались и упустили выгодный момент для форсирования реки с ходу, дав возможность отступавшему противнику организоваться и укрепиться на западном берегу Вислы. На некоторых переправах не хватало организованности, мало использовались дымовые завесы и прочие средства маскировки. Инженерные части 3-й гвардейской армии понесли ощутимый урон, потеряв четыре понтонных парка. Переправочной техники не хватало, поэтому и силы на плацдармах севернее и южнее Аннополя наращивались медленно. Этим воспользовался враг и ликвидировал один из плацдармов, отбросив за реку подразделения 76-го стрелкового корпуса.

Было ясно, что противник попытается сделать все возможное, чтобы удержать за собой вислинский водный рубеж. Это подтверждали и пленные. Захваченный нами инженер-капитан 717-го артдивизиона показал: "От Вислы все пути ведут к центрам Германии". Он сообщил, что идет интенсивная переброска немецких дивизий на этот важный рубеж.

В те дни мне пришлось допрашивать одного немецкого офицера, захваченного на участке 13-й армии. Он высказался еще более определенно.

— Ваш плацдарм за Вислой, — заявил пленный, — это револьвер со взведенным курком, направленный нам в висок. Плацдарм за Вислой смертелен для нас. Мы не хотим проиграть битву за Вислу. Германская армия предпримет все для того, чтобы сбросить русских за реку…

Когда войска 1-го Украинского фронта начали форсировать реку, Военный совет потребовал, чтобы командиры всех степеней еще ближе стали к войскам и при первой же возможности переносили свои командные пункты на западный берег Вислы.

Мужественные и энергичные командиры и политработники, как правило, верно определяли свое место в бою, находясь на плацдармах за Вислой, и наравне с солдатами делили военные тяготы. Командный состав умело использовал имевшиеся в его

распоряжении боевые средства и возможности для того, чтобы успешно выполнить поставленные задачи.

Нелегко было передовым отрядам, закрепившимся на простреливаемых врагом пятачках. Порой возникали и кризисные моменты. Но волевые командиры, умевшие сочетать боевую деятельность с политическим и воинским воспитанием, делали все возможное, чтобы укрепить моральную силу войск, выстоять в борьбе с превосходящим врагом, удержать и расширить плацдармы. Показателен в этом отношении приказ командира 479-го стрелкового полка подполковника П. К. Бабака. Объявив, что вместе с передовыми подразделениями, форсировавшими Вислу, он перенес на западный берег реки и свой КП, командир полка указал в приказе: "Враг прилагает все силы, чтобы выбить нас с захваченного плацдарма. Этому не бывать! Наши задачи:

1. Вести неустанное наблюдение за противником.
2. Всегда быть готовыми к отражению любых контратак.
3. Экономить боеприпасы, каждую пулю — фашисту в лоб.
4. Легко раненным оставаться в строю.
5. Офицерам, сержантам находиться в боевых порядках и обеспечить управление боем".

Этот приказ был зачитан во всех подразделениях части. Воины дрались героически и не только удержали, но и расширили плацдарм.

Вообще бои на западном берегу Вислы отличались большим ожесточением. Гитлеровцы норовили во что бы то ни стало сбросить наши передовые подразделения за реку. Плацдармы и районы переправ подвергались сильному артиллерийскому обстрелу и авиационному воздействию.

Маршал Советского Союза И. С. Конев передал в войска, что он переносит наблюдательный пункт фронта непосредственно в район боевых действий.

— Так сейчас нужно, — сказал мне маршал. — Это не показная храбрость, а необходимая целесообразность. Неудобно же командарму или командиру корпуса находиться позади командующего фронтом. Они сами продвинутся вперед и в свою очередь подтолкнут подчиненных.

Так и случилось. Наблюдательный пункт Конева, вынесенный ближе к войскам, вызвал своеобразную цепную реакцию, последовательно приблизив все НП к сражающимся на плацдармах войскам. Это значительно улучшило руководство боевыми действиями, положительно сказалось на стойкости воинов.

С передовыми частями двинулись за Вислу и представители политотделов армий. Начальник политуправления фронта

генерал С. С. Шатилов направил в войска, сражавшиеся на Висле, половину своего аппарата. Это свидетельствовало о том, что наши политорганы научились в ходе войны сосредоточивать силы и средства на решающих направлениях и в зависимости от задач и целей боя или операции, в зависимости от сложившейся обстановки целеустремленно организовывать свою деятельность.

Важным местом политработы стали районы переправ, где были созданы агитпункты и сосредоточены лучшие силы агитаторов. Перед форсированием реки солдатам раздавались листовки. "Сел в лодку, на паром — забудь про восточный берег, — гласила одна из листовок. — Пересек Вислу, зацепился за плацдарм сразу же всемерно расширяй его, а завоеванное защищай стойко, держись до последней возможности. Сражайся, как повелевает присяга, не щадя своей крови и самой жизни для достижения полной победы над врагом. Ни шагу назад!"

Среди разнообразных агитационных средств впечатляющее политическое воздействие на бойцов оказывали плакаты. В одном из них были такие призывные слова: "Разобьем немцев на Висле — последнем крупном водном рубеже, уничтожим фашистского зверя! На бой, советские герои, вперед, к победе!"

Львовско-Сандомирская операция имела и свои политические особенности. В июле 1944 года войска фронта перешагнули через Западный Буг и вступили на территорию Польши, протянув братскую руку помощи свободолюбивому народу, попавшему под иго гитлеровской оккупации. Красная Армия оказалась за рубежами родной земли, с честью и славой выполняя почетную освободительную миссию, высокий интернациональный долг.

Исключительно большой размах приняла пропаганда интернациональных задач Красной Армии, разъяснение великой освободительной миссии советского воина. В частях и подразделениях проводились беседы и доклады о Польше, о только что созданном Польском комитете национального освобождения, о состоянии экономики, и расстановке классовых сил в этой стране, о Войске Польском, сражавшемся совместно с Красной Армией против фашистских агрессоров.

Вступая в пределы Польши, мы, признаться, с некоторым волнением ожидали, как население соседней страны встретит Красную Армию. Много лет буржуазно-помещичья реакция, ослепленная антикоммунизмом и классовой ненавистью к Стране Советов, делала все для того, чтобы поссорить наши народы. Сколько лжи, клеветы и грязи вылила международная буржуазия и ее продажная печать на Советское государство, на наши социальные порядки, на Красную Армию. Теперь воинам-освободителям надлежало благородными делами, словом и

поведением опровергнуть беспардонную ложь реакционеров. Выполняя освободительную миссию, ведя ожесточенные бои с фашистами, каждый советский воин, находившийся на территории Польши, олицетворял страну социализма, проявляя братское отношение к полякам, закладывая основы дружбы наших народов.

Несмотря на фашистскую клевету и происки буржуазно-помещичьей реакции, польские трудящиеся радостно встречали советских солдат. Об этом свидетельствовали сообщения, поступавшие из армий и соединений фронта. В этом убеждались и мы сами. На всем пути следования наших войск воздвигались арки, украшенные флагами Советского Союза и Польши. Всюду встречались радостные лица мужчин, женщин, детей. Каждый стремился подойти ближе к советскому бойцу, обнять и поцеловать его. Местные жители угощали красноармейцев молоком, яблоками.

Помню, у въезда в одно село старик, возглавлявший местную делегацию, встретил нас церемонным поклоном. Все — и старые, и молодые — дружно прокричали:

— Нех жие Червона Армия!

— Нех жие жечь Посполита Польска! Восхищаясь могучими танками и тягачами с крупнокалиберными орудиями, один крестьянин сказал:

— Какая сила движется! — И, усмехнувшись, добавил: — А Геббельс лгал, что у русских не осталось ни танков, ни самолетов. Оказывается, оружия у вас более чем достаточно. Теперь мне понятно, почему гитлеровцы отступают.

— А еще какие небылицы Геббельс распространял? — поинтересовался я.

— Фашисты запугивали нас, что русские загонят всех поляков в Сибирь…

— И вы верили?

— Конечно нет. Но кое-кто с опаской ожидал прихода русских. Теперь убедились, что красных солдат бояться нечего, они наши друзья и братья.

В те дни была огромная нужда в печатных изданиях на польском языке. Стоило мне достать отпечатанные листовки на польском и русском языках, где излагалось содержание манифеста Польского комитета национального освобождения (ПКНО), как десятки рук потянулись к ним. Крестьянин, завладевший листовкой, стал вслух читать манифест. В нем говорилось: "Соотечественники!

Чтобы ускорить освобождение родной страны и удовлетворить исконную тягу польского крестьянина к земле,

Польский комитет национального освобождения немедленно приступит на освобожденной территории к осуществлению земельной реформы.

В этих целях будет создан земельный фонд в распоряжении управления сельского хозяйства и земельных реформ.

…Земли, объединяемые земельным фондом, за исключением предназначенных для создания образцовых хозяйств, будут распределены между крестьянами-бедняками, середняками, многосемейными, мелкими арендаторами и сельскохозяйственными рабочими…"

Каждое слово манифеста встречалось общим одобрением собравшихся людей. Потом они заговорили — торопливо, взволнованно, перебивая друг друга. Фашистских оккупантов прогнали. Помещики бежали. Манифест дает большие права трудовому народу, дает землю тем, кто ее обрабатывает. Наконец-то наступит новая жизнь!

И нам, воинам Страны Советов, отрадно было видеть, что на земле, освобожденной Красной Армией, начинаются важные социальные преобразования, осуществляются светлые мечты трудового народа. Но мы по собственному, выстраданному нами опыту знали, что крупные революционные преобразования легко не даются. Польская рабочая партия, возглавившая трудовой народ страны и все патриотические силы нации, с кипучей энергией приступила к восстановлению народного хозяйства. Надо было не только поднять из пепла разоренные фашистскими оккупантами фабрики и заводы, шахты и электростанции, не только возродить сельское хозяйство, но и победить капиталистов и помещиков, сокрушить сопротивление внутренней реакции, поддерживаемой международным империализмом.

В Жешувском воеводстве мне довелось присутствовать при торжественном акте, когда представитель ПКНО вручал безземельным крестьянам свидетельства на владение землей, национализированной у сиятельных графов, светлейших князей и бежавших с гитлеровцами помещиков. Это было волнующее событие. Трудящиеся как подлинные хозяева начинали осуществлять демократические преобразования.

В том же Жешувском воеводстве каменной глыбой возвышался над живописным местечком Ланцут старинный дворец, принадлежавший ранее династии Потоцких крупнейших магнатов и властителей Польши. Когда мы подъехали к замку, к нам подошел офицер А. П. Соин и доложил, что советские воины взяли под охрану и надежную защиту этот замок, чтобы затем передать его законному хозяину всех богатств — польскому народу и его демократическому правительству в лице Польского

комитета национального освобождения.

— Я уверен, что в древнем замке будет создан народный музей, предугадывая будущее, заявил старший лейтенант Соин.

Уже при нас появились первые экскурсанты. Это были вчерашние батраки, которых, бывало, и близко не подпускали к графским хоромам. Они осторожно и бесшумно ходили по замку, рассматривая редкостные картины в золоченых рамах, охотничьи трофеи графа, изделия местных умельцев, богатую утварь…

В первые дни обстановка в Польше оставалась сложной. Донесения, поступавшие от военных советов армий, от командиров, политорганов и комендатур, свидетельствовали о том, что так называемые "полномочные представители" польского эмигрантского правительства в Лондоне кое-где норовили самочинно захватить органы местного самоуправления, стремясь оттеснить подлинных представителей народной власти.

Имели место вылазки и провокации со стороны чуждых элементов. Буржуазно-помещичье реакционное отребье выступало со злобными нападками на Польский комитет национального освобождения, на изложенную в его Манифесте программу демократических преобразований, особенно его земельную реформу. В одной из клеветнических листовок враги новой жизни распространяли провокационные вымыслы о том, что ПКНО и большевики якобы намерены превратить Польшу в придаток Советского Союза, что все поляки будут сосланы за Урал, в Сибирь, а на польской земле поселятся якуты. Распространялись и другие небылицы, почерпнутые из арсенала геббельсовской пропаганды.

Военный совет фронта учитывал сложность обстановки и делал необходимые выводы. Мы довольно четко представляли себе, каково должно быть наше отношение к польскому народу, к различным социальным группам и на каких вопросах следует сосредоточить внимание командиров и политорганов. Этому во многом способствовало проведенное ЦК ВКП(б) в мае 1944 года совещание членов военных советов фронтов. Там наряду с другими, вопросами были обсуждены и наши задачи, связанные с освободительной миссией Красной Армии в Европе.

В директиве Главного политического управления Красной Армии от 19 июля 1944 года указывалось, что продвижение советских войск за рубежи нашего государства создало обстановку, требующую учитывать новые явления, освещать и изучать военно-политическое положение на территории, освобожденной Красной Армией. Главное политическое управление требовало перестроить содержание партийно-политической и всей воспитательной работы применительно к

новой обстановке.

Прошло несколько дней, и начальник ГлавПУРа генерал-полковник А. С. Щербаков по телефону потребовал доложить, каковы взаимоотношения советских войск и населения освобожденных районов братской Польши. Я коротко информировал его.

— Нельзя забывать, — сказал А. С. Щербаков, — что сейчас каждый воин за рубежом становится советским агитатором. Польские трудящиеся должны на деле почувствовать, что мы их друзья, братья.

В конце июля мне снова позвонили из Москвы и попросили не отходить от аппарата. Вскоре я услышал голос И. В. Сталина. Он сказал, что Государственный Комитет Обороны намерен обсудить вопросы, связанные с пребыванием Красной Армии за рубежом.

— Вы можете, товарищ Крайнюков, прибыть в Москву?

Я ответил, что могу.

— Вот и хорошо. Если позволит погода, то завтра же утром вылетайте. До свидания!

Просмотрев еще раз донесения военных советов армий и политорганов, изучив незначительные пока материалы о первых днях пребывания советских войск в Ярославе и других освобожденных населенных пунктах Польши, суммировав личные записи и наблюдения, я посоветовался с командующим фронтом И. С. Коневым, начальником штаба В. Д. Соколовским и начальником политуправления С. С. Шатиловым. Они многое мне подсказали.

В первый же день нашего прибытия в Москву в Государственном Комитете Обороны состоялось совещание.

Здесь я встретил членов военных советов фронтов генералов Л. З. Мехлиса и Н. Е. Субботина. Когда мы кратко доложили о первом опыте работы в новых условиях, И. В. Сталин предложил нам подготовить проект постановления ГКО о нормах поведения Красной Армии за рубежом, где каждый боец призван высоко держать честь воина Страны Советов и уважать суверенитет и национальное достоинство освобождаемых народов Юго-Восточной Европы.

Перед тем как приступить к работе, мы попросили Сталина дать указания о направленности документа и определить основные вопросы, которые следует включить в проект постановления.

— Вы только что прибыли из Польши, — сказал в ответ И. В. Сталин, — и лично ознакомились с обстановкой в освобожденных районах, сделали определенные выводы и обобщения. Для того

вы, члены военных советов фронтов, и приглашены в Москву, чтобы своими рекомендациями и предложениями помочь ЦК партии и ГКО.

Прошло несколько часов коллективной работы над составлением документа, и в назначенное время мы снова прибыли к И. В. Сталину. Не спеша прохаживаясь по кабинету, он начал с нами беседу о Польше, ее настоящем и будущем. Сталин отметил, что поляки, испытавшие в прошлом гнет самодержавной царской России, жестоко эксплуатировались не только местными помещиками и капиталистами, но и крупными буржуазными державами Запада. В руках империалистов Польша часто становилась камнем преткновения, очагом противоречий, конфликтов и военных столкновений. Сталин подчеркнул, что в эти исторические дни, когда Красная Армия освобождает польский народ от фашистского ига, закладываются основы братской, нерушимой дружбы советского народа с польским. Военные советы должны заботиться о том, чтобы эта дружба крепла, развивалась, утверждалась на века.

— Мы, большевики, — продолжал И. В. Сталин, — с первых дней Великой Отечественной войны заявили об исторической освободительной миссии Красной Армии. Теперь пришло время вызволить народы Европы из фашистской неволи. Наш интернациональный долг — содействовать польскому народу в возрождении сильной, независимой, демократической Польши.

Председатель ГКО заявил, что мы никакой администрации на территории Польши создавать не будем и своих порядков устанавливать тоже не станем. Нам не следует вмешиваться во внутренние дела освобождаемой страны. Это суверенное право самих поляков. Образован Польский комитет национального освобождения. Он и создаст свою администрацию. С ПКНО следует поддерживать тесную связь, никакой иной власти не признавать.

— Повторяю, никакой другой власти, кроме Польского комитета национального освобождения, не признавать!

И. В. Сталин предложил военным советам фронтов, войска которых вступили на польскую землю, издать "Обращении к польскому народу". Он рекомендовал разработать этот важный документ на основе заявления Советского правительства и постановления ГКО, изложив в обращении освободительные цели и задачи пребывания Красной Армии на территории Польши.

На этом совещание закончилось. Сталин подошел к нам, пожал каждому руку и пожелал новых успехов.

После совещания в Государственном Комитете Обороны Л. З. Мехлиса, Н. Е. Субботина и меня принял кандидат в члены

Политбюро ЦК ВКП(б), секретарь ЦК, начальник Главного политического управления Красной Армии А. С. Щербаков.

Перед отъездом из Москвы нас ознакомили с постановлением ГКО от 31 июля 1944 года. В этом документе подчеркивалось, что, как только какая-либо часть польской территории перестанет быть зоной непосредственных военных действий, Польский комитет национального освобождения полностью возьмет на себя руководство всеми делами гражданского управления. В постановлении содержались многие положения, высказанные Сталиным в беседе с нами.

Поездка в Москву и обмен опытом оказались плодотворными. Совещание в ЦК ВКП(б) и ГКО помогло членам военных советов фронтов, действовавших за пределами Родины, лучше уяснить линию Коммунистической партии и наши интернациональные задачи, сущность великой освободительной миссии советского народа и его Вооруженных Сил. О многом говорит и тот факт, что только за время подготовки и проведения Львовско-Сандомирской операции мне, члену Военного совета, довелось дважды бывать в ЦК ВКП(б) и ГКО и получать там важные указания.

Руководящую, организующую и направляющую роль Коммунистической партии мы ощущали постоянно.

По указанию ЦК ВКП(б) и Государственного Комитета Обороны Военный совет фронта принял обращение к польскому народу. В нем говорилось: "Красная Армия не ставит себе задачи присоединить к Советскому Союзу какую-либо часть польской земли или вводить в Польше свои советские порядки. Наступил исторический час, когда польский народ сам берет в свои руки решение своей судьбы. Создан Польский комитет национального освобождения — единственная правомочная власть на территории Польши, выражающая интересы польского народа. В этот час вы должны оказать всемерное содействие Красной Армии и тем самым ускорить разгром немецко-фашистских армий и установление нормальной жизни на свободной, независимой польской земле"{40}.

Этот важный политический документ, изданный нами на польском языке, был размножен огромным тиражом в виде листовок, которые расклеивались на видных местах во всех городах и населенных пунктах, разбрасывались в полосе действий войск фронта с агитмашин, а также зачитывались населению через громкоговорящие установки и передавались по радио. Листовки сбрасывались с самолетов и в еще не освобожденных районах Польши.

Центральный Комитет партии разрешил Военному совету и

политуправлению 1-го Украинского фронта издавать газету на польском языке "Нове жиче" ("Новая жизнь").

Она выходила 20-тысячным тиражом. На ее страницах широко пропагандировались цели и задачи Красной Армии на территории Польши, идеи дружбы советского и польского народов, другие важные проблемы. Словом, газета сыграла огромную роль и быстро завоевала популярность широких масс.

При политуправлении фронта и политотделах армий были созданы группы агитаторов, владеющих польским языком, которые занялись массово-политической работой в освобожденных районах Польши.

Военные советы фронта и армий и политорганы совместно с представителями ПКНО проводили в городах и крупных населенных пунктах массовые митинги, являвшиеся мощным средством укрепления дружбы советского и польского народов. Для местного населения была организована широкая демонстрация советских кинокартин. На площадях выступали военные духовые оркестры и коллективы солдатской самодеятельности. Особой популярностью пользовались наши ансамбли песни и пляски — два фронтовых и восемь армейских. Обладая высокой профессиональной подготовкой, они несли за рубежи нашей Родины советскую культуру.

В новых условиях еще более активизировалась политработа и в наших войсках. Перед началом второго этапа операции во всех частях прошли партийные и комсомольские собрания, на которых обсуждался вопрос о задачах коммунистов и комсомольцев в связи с вступлением Красной Армии на территорию Польши. Среди личного состава проводились беседы на темы: "Советско-польские отношения", "Современная Польша", "Высоко держать честь и достоинство советского воина за рубежом родной страны", "О моральном облике воина Красной Армии". В ряде частей зачитывалась знаменитая ленинская речь о "человеке с ружьем". Политработники напоминали солдатам, сержантам и офицерам исторический наказ В. И. Ленина воинам, идущим в бой: "Вам выпала великая честь с оружием в руках защищать святые идеи и… на деле осуществлять интернациональное братство народов"{41}.

Мне не раз доводилось быть свидетелем оживленных бесед советских воинов с жителями освобожденных польских городов и сел, и я убеждался, сколь высока политическая подготовка, идейная закалка советского солдата — представителя страны социализма.

7 августа 1944 года Военный совет обсудил первые итоги боевой и политической деятельности войск 1-го Украинского

фронта за рубежом. После краткого вступительного слова Маршала Советского Союза И. С. Конева я проинформировал собравшихся о совещании членов военных советов фронтов в Москве и, зачитав постановление ГКО о нормах поведения советских войск за границей, ознакомил с важнейшими требованиями партии и правительства.

О партийно-политической работе в новых условиях и расширяющихся связях с ПКНО и органами народной власти на местах говорили приглашенные на заседание члены военных советов армий: 5-й гвардейской — А. М. Кривулин, 13-й — М. А. Козлов, 3-й гвардейской танковой — С. И. Мельников и другие.

Член Военного совета 1-й гвардейской танковой армии Н. К. Попель поделился впечатлениями о восторженной встрече советских войск польским населением, которое оказывало помощь нашим частям в форсировании рек и строительстве переправ.

Во время напряженного боя за Ярослав гитлеровцам удалось потеснить ворвавшуюся на окраину города 20-ю гвардейскую мехбригаду. На улицах осталось несколько раненых бойцов. Поляки с риском для жизни подобрали и укрыли советских воинов, оказали им первую медицинскую помощь. Когда наши войска прочно овладели Ярославом, жители города передали спасенных бойцов в советский военный госпиталь.

С интересным сообщением о митингах в освобожденных городах и селениях Польши выступил член Военного совета 60-й армии В. М. Оленин. В Жешуве поляки, собравшиеся на общегородской митинг, засыпали живыми цветами трибуну, на которой находилось советское командование. Когда наш военный оркестр заиграл польский национальный гимн, запела вся площадь. У многих людей на глазах появились слезы. Пять лет польский национальный гимн находился под запретом.

А когда торжественно и величаво прозвучал Государственный гимн Советского Союза, отовсюду понеслись ликующие возгласы "Да здравствует наш великий друг и освободитель — Советский Союз!", "Слава Красной Армии!". На призыв всемерно помогать Красной Армии и крепить советско-польскую дружбу участники митинга единодушно ответили клятвой верности великой и нерушимой дружбе.

Активно помогали нам польские патриоты из Гвардии Людовой, вошедшей затем в Армию Людову. Они мужественно боролись с немецко-фашистскими оккупантами. Это были подлинно патриотические формирования, возглавляемые авангардом польского народа — партией рабочего класса.

В освобожденных нашими войсками районах Польши

трудящиеся энергично восстанавливали разрушенное гитлеровскими варварами народное хозяйство, получая большую, разностороннюю и бескорыстную помощь Советского государства и его победоносной армии-освободительницы.

Осуществляя Львовско-Сандомирскую операцию, Военный совет 1-го Украинского фронта одновременно уделял много внимания восстановлению железнодорожного транспорта Польши. Помню, как все мы были озабочены тем, что из-за отсутствия угля на железных дорогах Польши создалось угрожаемое положение. Военный совет фронта в своем постановлении предусмотрел экстренные меры, обеспечивающие бесперебойную работу транспорта. Пришлось организовывать в широком масштабе заготовку дров для нужд мелких предприятий и местного населения. По решению Военного совета в полосе фронта проводились большие работы по разминированию городов и сел, пахотных земель. Наши саперы-пиротехники обезвредили множество фугасов и мин замедленного действия, заложенных фашистами под железнодорожные станции и заводские корпуса, и спасли многие промышленные предприятия освобожденной страны.

В ходе Львовско-Сандомирской операции советские войска захватили эшелоны с награбленным гитлеровцами национальным достоянием Польши и оборудованием местных предприятий. По решению правительства СССР Военный совет фронта передал ценное имущество польскому народу.

Красная Армия спасла от нацистских извергов много исторических памятников Польши. Наши разведчики обозначали на картах не только расположение вражеских огневых точек, неприятельских штабов, наблюдательных пунктов, немецких батарей, складов боеприпасов и других военных объектов, подлежащих немедленному уничтожению. Они указывали на картах и подлежащие спасению объекты культуры: исторические памятники, музеи, картинные галереи, лицеи, гимназии, больницы, творения архитектуры и т. д. В отличие от буржуазных армий, ставящих перед собой лишь разрушительные задачи, созданная партией Ленина армия нового типа, беспощадно сокрушавшая своих врагов, вместе с тем проявляла величайший гуманизм, снискав себе славу армии-освободительницы, защитницы свободы, демократии, социального прогресса.

Советские воины держали за рубежом экзамен, представ перед благодарными народами Европы во всем нравственном величии и чистоте. Можно привести сотни фактов теплого, дружеского отношения наших воинов к населению Польши, а равно и польского населения к советским воинам. Приведу лишь

некоторые примеры.

При освобождении Дембицы рядовой Василий Колчинцев одним из первых пробился к центру населенного пункта. Взобравшись на крышу высокого здания, он водрузил алый стяг Страны Советов и польское красно-белое национальное знамя. Советский солдат, возвестивший жителям Дембицы об освобождении, стал уважаемым человеком.

Благородство души и высокие моральные качества проявил автоматчик Просаленко. Когда он ворвался в польское село, там еще бесчинствовали эсэсовцы, поджигая перед отступлением дома и убивая мирных жителей. Просаленко издали увидел, что один из гитлеровцев вскинул автомат и прицелился в молодую польку, метавшуюся перед горящим домом с криками: "Стасик, мой Стасик!" Советский солдат опередил фашиста и скосил бандита меткой очередью. Жизнь женщины была спасена. Но полька продолжала рваться к горящему дому, крича: "Там Стасик!" Ни минуты не медля, рядовой Просаленко бросился в огонь. Пробираясь сквозь дым и пламя, боец добрался до кроватки, где задыхался в дыму малютка.

Завернув его в одеяло, солдат выскочил на улицу. Ребенок был спасен. Мать целовала опаленные руки советского автоматчика и со слезами радости и благодарности говорила: "Ты, русский, чудесный человек! Я никогда не забуду тебя".

Победа Советского союза над фашизмом не только принесла Польше свободу. Она создала для рабочего класса, для всего трудового народа историческую возможность завоевания власти и отпадения Польши от империалистической системы.

Нынешняя народная Польша простирается от Буга до Одера и Нейсе, ее окружают границы дружбы и мира. Ее народная власть, все государства участники Варшавского Договора во главе с Советским Союзом бдительно стоят на страже завоеваний социализма.

Но тогдашняя Польша, освобожденная советскими войсками от гитлеровской оккупации, была совсем иной. Под руководством партии рабочего класса ее трудящиеся только что начинали социалистические преобразования, сбрасывая оковы капиталистического и помещичьего угнетения.

За рубежами нашей Родины советские воины столкнулись с буржуазной действительностью, полной контрастов и противоречий. Наши командиры и политорганы еще более усилили пропагандистскую работу.

В 13-й армии я как-то разговорился с агитаторами стрелкового полка. Они заявили, что за рубежом еще более обострились воспоминания фронтовиков о родном крае, отчем

доме. Воины заявляли, что хотят видеть на страницах военных газет фотографии Красной площади, Мавзолея В. И. Ленина, древнего Кремля, памятных мест Москвы, Ленинграда, Киева и других городов нашей необъятной Отчизны, хотели бы полюбоваться и живописными пейзажами родимой земли.

Редакция фронтовой газеты "За честь Родины" постаралась выполнить это пожелание, усилив пропаганду достижений страны, трудового героизма народа. На страницах газеты изо дня в день публиковались материалы "На земле, которую ты освободил", "По родной стране", "Цифры и факты", "Памятники русской славы", "На родине наших воинов", "Тыл кует победу".

Патриотическая переписка бойцов с трудящимися нашей страны всегда занимала важное место в политработе, а в дни пребывания Красной Армии за рубежом она приобрела еще больший размах и служила важнейшим источником моральной поддержки воинов. Доставка газет и писем с Родины приравнивалась к доставке боеприпасов и пищи.

Тысячи писем получали от своих земляков воины 10-го гвардейского танкового Уральского добровольческого корпуса, где все, начиная от могучей боевой машины и кончая пуговицей на комбинезоне и гимнастерке, было создано на средства патриотов Урала и Сибири. Земляки сообщали, что каждый боевой успех корпуса отмечается новыми трудовыми победами, увеличением выпуска вооружения, боевой техники и боеприпасов, что на уральских заводах развернулось соревнование за переходящее Красное знамя добровольческого танкового корпуса.

Восемь тысяч воинов — узбеков, казахов и татар, сражавшихся на 1-м Украинском фронте, подписали коллективные письма, адресованные трудящимся республик. Письмо наших бойцов-татар, в котором рассказывалось о славных делах Героев Советского Союза А. Х. Валиева, В. В. Альбеткова, Н. Х. Шарипова, А. Калиева, С. Х. Хасанова и других, было издано в Казани брошюрой, тираж которой превышал 15 тысяч экземпляров. После этого на наш фронт пошел нескончаемый поток патриотических писем из Татарии.

Воины 1-го Украинского фронта в своем письме сообщали прославленному акыну Джамбулу и трудящимся Казахстана о подвигах отважного танкиста Кубиса Джумабекова. "Дорогой Джамбул! — писал гвардейцы. — В почетном списке героев нашей гвардейской части одним из первых записано имя Вашего внука Кубиса Джумабекова. Получая партийный документ накануне жарких боев, Кубис дал слово, что будет сражаться с врагом, не жалея сил своих и жизни во имя победы. Свое слово Джумабеков выполнил с честью. Он подбил и уничтожил несколько

фашистских танков, от гусениц его машины полегли десятки гитлеровцев".

В батальон, которым командовал гвардии майор Тонконога, поступил танк, изготовленный на средства комсомольцев Казахстана. На его броне было имя героини казахского народа Маншук Маметовой. Эту боевую машину патриоты Казахстана вручили экипажу гвардии младшего лейтенанта Бегалы Асанова.

Примерно в то же время парторг подразделения старший сержант Алексей Куксов, агитатор старший сержант Христофор Бодольян и другие воины обратились в политорган с письмом. "Каждому бойцу и командиру особенно близки и дороги города, за которые они воевали, — писали воины. — Там могилы боевых товарищей. Нам дорог и тысячами воспоминаний близок каждый камень мостовой, каждый дом, каждая улица. Мы не задерживаемся долго в освобожденных городах. Еще в прошлом году прошла наша часть Сумы, когда над городом стоял дым пожарищ. Что сталось теперь с Сумами? Как идет там жизнь? Как восстанавливаются фабрики и заводы? Нам, всем нашим товарищам очень хотелось бы об этом узнать".

Командование и политотдел соединения учли эти пожелания и направили небольшую делегацию в Сумы и другие города, освобожденные соединением. Впечатлениями о поездке воины поделились с личным составом и написали об этом в газету.

Фронтовая и армейская печать публиковала на своих страницах письма-наказы воинам-украинцам от трудящихся УССР и воинам-белорусам от трудящихся БССР. С такими же патриотическими письмами, обсужденными в городах, селах, кишлаках и аулах, на предприятиях, в колхозах и совхозах и подписанными тысячами и десятками тысяч трудящихся, обращались к своим сынам-воинам народы Узбекистана, Казахстана, Татарии, Таджикистана, армянский, азербайджанский и другие народы великого и многонационального Советского Союза.

Широкий и массовый характер приняла переписка воинов фронта с трудящимися Москвы, Ленинграда, Горького, тружениками областей, городов и районов Российской Федерации. Эти письма помогали еще более крепить единство народа и армии, поднимали моральный дух воинов.

Весточка из дому от родных всегда была желанной и приносила солдату радость. Вместе с тем она содержала и благодатный материал для агитаторов. Красноармеец Оралов получил как-то письмо от жены со Смоленщины. Вначале он, как водится, читал и перечитывал его, вздыхая и размышляя над каждой строкой. Потом решил поделиться новостями с

товарищами по взводу. Жена писала о том, что в родном селе урожай уже убран и колхозницы занялись пахотой, готовятся к севу озимых. "Все колхозные бабы в поле, — писала жена красноармейца Оралова. — Мужиков у нас почти нет. Разве что пяток на село наберется, да и те старики. Все воюют на фронтах. Лошадей у нас тоже нет, а про трактора и говорить не приходится. Наш колхоз фашисты вконец разорили, разграбили. Теперь впрягаем корову в плуг и сами впрягаемся. Вот так и работаем. Нелегко, конечно, но знаем, что это дело временное. Когда вы, фронтовики, наголову разобьете врага и начнется мирная жизнь, мы все наладим и все наживем. А трудности военного времени нас не пугают. Хлебушек вырастим, обеспечим им детишек наших, государство и вас, фронтовиков".

— Да, много несчастий принесли народу фашистские оккупанты, — произнес кто-то из бойцов. — Все колхозы разорили и разграбили. Ни тракторов, ни лошадей не оставили…

— Эх, бабы многострадальные, — сказал другой. — Хлебнули они горюшка! Я бы им, героическим женщинам, памятник поставил. А второй — рабочим нашим, что делают снаряды, пушки, минометы…

Когда в районе плацдарма бои немного утихли, несколько отличившихся летчиков фронта во главе с гвардии полковником А. И. Покрышкиным получили приглашение прибыть в Москву и встретиться с трудящимися столицы.

Прославленного летчика-истребителя полковника А. И. Покрышкина командование представило к награждению третьей медалью "Золотая Звезда". С 22 июня 1941 года по 20 декабря 1943 года он совершил 550 боевых вылетов, провел 137 воздушных боев и сбил 50 вражеских самолетов. Пока наградной лист рассматривался, Александр Покрышкин уничтожил еще 9 фашистских самолетов.

Под стать Покрышкину и его боевые соратники. Григорий Речкалов сбил над Вислой 57-й самолет врага. Летчик Александр Клубов имел на боевом счету 39 уничтоженных фашистских самолетов, Андрей Труд — 24, Аркадий Федоров — 22. В гвардейском соединении зародилась и умножилась боевая слава героев-братьев Глинка, сыновей криворожского шахтера.

Н. М. Шверник в Кремле торжественно вручил Александру Покрышкину третью медаль "Золотая Звезда", Григорию Речкалову — вторую и Андрею Труд — первую медаль "Золотая Звезда" Героя Советского Союза и орден Ленина. Отважные летчики побывали в гостях у москвичей, а затем отправились в свои родные места. Покрышкин — в Новосибирск, Речкалов — на Урал.

Трудящиеся Новосибирска собрали несколько миллионов рублей и приобрели новые скоростные самолеты-истребители для гвардейского авиасоединения, которым командовал их знатный земляк гвардии полковник А. И. Покрышкин,

Вернувшись во 2-ю воздушную армию, летчики рассказали фронтовикам о героическом тыле страны, о встречах с авиаконструктором С. А. Лавочкиным и рабочими оборонных заводов, с теми, кто в лютые холода и бураны монтировал и вводил в строй промышленные предприятия, эвакуированные на Урал и в Сибирь, кто самоотверженным трудом ковал победу.

Политорганы, партийные и комсомольские организации применяли самые разнообразные формы и методы патриотического воспитания воинов. Так, в газете 60-й армии "Армейская правда" было опубликовано открытое письмо, адресованное сержанту Я. Т. Костину, вся семья которого мужественно сражалась с врагом. "Дорогой Яков Терентьевич! — говорилось в этом взволнованном и сердечном письме. — С первого дня войны вы встали на защиту Родины. Вы вырастили отважных и честных детей. История вашей семьи — это история России.

Ваша старшая дочь Нина Яковлевна была студенткой, перед ней открывалась большая и радостная жизнь. Фашисты напали на нашу страну, и Нина пошла защищать Родину. Она погибла у стен Ленинграда. Дочь сибиряка, она отдала свою жизнь за прекрасный город — колыбель Октябрьской революции. И когда страна радовалась освобождению Ленинграда от блокады, вы знали, что есть в этой победе и кровь Костиных, кровь Нины.

Ваш сын Борис Яковлевич погиб на Волге. Кто не знает, что там был поворотный пункт войны…

Воюют ваши сыновья Иван и Николай, воюет ваша дочь Валя. Она пошла добровольно на фронт. Ваша супруга Ольга Ивановна, узнав о смерти дочери и сына, не пала духом. Она сказала: "Пусть знает фашист, что есть еще воины в нашей семье", И Ольга Ивановна пошла работать в военную мастерскую, не покладая рук помогает фронту.

Нет, Костины не посрамят Родины! Вы, Яков Терентьевич, воюете уже четвертый год, все испытали: и отступление и победы. Защищали сердце России, а теперь освобождаете Польшу".

Солдатам, сержантам и офицерам фронта была известна и артиллерийская династия Бабиных. Глава семьи Степан Ефимович Бабин партизанил в гражданскую войну, а затем прошел большой боевой путь в знаменитом полку червонного казачества. Он и в Отечественную войну в первые же дни встал в боевой строй. И притом не один, а вместе со старшим сыном

Иваном. Воевали они храбро, стояли плечом к плечу. Даже и ранены были вместе, одной миной. Медали "За отвагу" им вручили одновременно. Сын получил медаль № 988461, а отец — № 988462.

Но после госпиталя комиссия признала Степана Ефимовича Бабина непригодным к строевой службе. Однако ветеран двух войн не смирился с врачебным заключением. Он добился своего и вернулся в родную часть. Приехав домой на несколько дней в отпуск по ранению, он взял с собой на фронт и младшего сына Владимира. Так они и воевали на польской земле: старший сын Иван — наводчик, младший Владимир — замковый, Степан Ефимович Бабин заряжающий, а вместе они составляли боевой расчет орудия.

И таких патриотических династий было немало. Всей семьей воевали Каманины, беззаветно сражались с врагом летчики братья Глинка, танкисты Бойко и Орловы, пехотинцы Гурные.

Воспитание любви к социалистическому Отечеству, к родной Коммунистической партии мы по праву считали главной идеологической задачей. Патриотизм советского воина органически сочетался с пролетарским интернационализмом, с глубоким чувством уважения и братской дружбы к польскому народу и другим народам Европы, которым нес избавление от фашизма наш солдат-освободитель,

Сандомирский плацдарм

Бои на Висле приняли особенно ожесточенный характер. Сосредоточив в районе Мелец, Тарнобжег несколько пехотных и танковых дивизий, немецко-фашистское командование 1 августа 1944 года предприняло контрудар вдоль восточного берега, намереваясь захватить наши переправы и отрезать сосредоточенные на плацдарме советские войска.

Были и моменты критические. Гитлеровцам удалось захватить несколько населенных пунктов и к вечеру 2 августа 1944 года почти вплотную подойти к фронтовой баранувской переправе. Положение осложнялось тем, что все наши боевые части действовали на западном берегу реки, а на восточном оставались главным образом тыловые подразделения.

Начальник инженерных войск фронта генерал И. П. Галицкий поднял по тревоге понтонные и инженерные части и организовал оборону переправ. Их боевые действия надежно прикрыла огнем 1-я гвардейская артиллерийская дивизия РГК гвардии полковника В. Б. Хусида, расположенная в пяти километрах восточнее Баранува. Это оказалось как нельзя кстати, так как саперы были вооружены автоматами и небольшим количеством ручных пулеметов.

3 августа из района Мелец около двух пехотных дивизий врага, поддержанных ста танками, вновь ринулись к баранувской переправе. Встреченный массированным артиллерийским огнем, неприятель понес большие потери, но продолжал усиленно рваться к реке, стремясь во что бы то ни стало ликвидировать нашу главную переправу.

К вечеру гитлеровцам удалось приблизиться к дамбе. Понтонеры и воины других специальных частей самоотверженно сражались с пехотой и танками врага. Но под покровом ночной темноты фашистским автоматчикам, поддержанным танками, удалось прорваться в тыл понтонно-мостовому батальону, которым командовал подполковник И. Ф. Чабунин. Получив ранение, командир батальона продолжал руководить боем. Когда подошло подкрепление, понтонеры решительной контратакой отбросили противника.

Генерал И. П. Галицкий доложил Военному совету о тревожном положении в районе баранувской переправы, и командующий фронтом приказал двинуть на помощь 33-й стрелковый корпус 5-й гвардейской армии и некоторые части 3-й гвардейской танковой армии. Наши войска отбросили врага за реку Вислока и овладели населенным пунктом Мелец. Положение на этом участке было восстановлено.

Однако немецко-фашистское командование не отказалось от намерения ликвидировать наш плацдарм за Вислой. Довольно мощная группировка гитлеровцев, сосредоточившаяся севернее и западнее Сандомира, нанесла сильный контрудар.

Фашистская авиация неистовствовала, подвергая бомбовым ударам наши позиции и места переправ. На одном из участков плацдарма за Вислой гитлеровцам удалось немного потеснить измотанные многодневными боями и поредевшие части 13-й армии.

Узнав об этом, И. С. Конев резко упрекнул генерала Н. П. Пухова.

Конев мог под горячую руку прочитать суровую нотацию, но в то же время умел ценить людей. Вспылив, он быстро отходил, успокаивался.

— Крепко вы обидели Пухова, — сказал я потом Коневу.

— Армия — не институт благородных девиц, — насупился Иван Степанович. Я не намерен рассыпаться в любезностях, когда ставится под удар судьба плацдарма.

Конев в возбуждении прошелся по комнате и продолжал:

— Нам никак нельзя ослаблять своей воли, своих усилий. Враг без боя не сдастся. Надо вырывать у него победу, понимаешь, вырывать! А это достигается умением и

настойчивостью командиров, стойкостью и решительностью воинов.

— У генерала Пухова умение есть, а воли тоже достаточно, — заметил я. Только она не показная, а внутренне осознанная, выстраданная на войне, закаленная в боях. Тем и ценнее она.

Иван Степанович усмехнулся и махнул рукой:

— Ну, пошел философствовать — "внутренне осознанная"…

— Кстати, — продолжал я, — под Курском, в районе Понырей, главный удар танковых полчищ врага приняла 13-я армия под командованием генерала Пухова. Выстояла и не дрогнула! Она же одной из первых форсировала Днепр. О Висле и говорить не буду…

Маршал Конев и без меня прекрасно знал, что на нашем фронте одной из первых форсировала Вислу армия Пухова. Командарм и Военный совет сделали все возможное для удержания захваченного плацдарма. И. С. Конев по достоинству оценил это. Впоследствии он дал генералу Н. П. Пухову следующую характеристику: "Пухов проявил себя в боях грамотным, энергичным, смелым и решительным генералом… Войска 13-й армии отличаются стойкостью и умелой организацией боя". Это была объективная и очень точная характеристика одного из замечательных военачальников времен Великой Отечественной войны.

Когда на Висле создалась кризисная обстановка, командующий фронтом И. С. Конев ввел в сражение находившуюся в резерве 5-ю гвардейскую армию генерал-лейтенанта А. С. Жадова. 4 августа ее войска решительно атаковали мелецкую группировку противника, обезопасив наши тылы и переправы. Разгромив гитлеровцев на восточном берегу реки, гвардейская армия быстро и организованно перешла на западный берег, своевременно оказав помощь сражавшимся на плацдарме войскам. Сосредоточение за Вислой 32, 33 и 34-го гвардейских корпусов армии Жадова, состоявших из девяти полнокровных дивизий, парализовало наступательные действия гитлеровцев и позволило не только удержать важнейший плацдарм, но и значительно расширить его.

Вспоминаю, как Конев оберегал резерв. В ходе наступления на Львов не раз создавались трудные положения и находилось немало советчиков, которые уговаривали маршала ввести в бой 5-ю гвардейскую армию. Признаюсь, и мне не раз казалось, что это пора сделать. Однажды я заметил ему, что генерал Жадов настойчиво рвется в бой.

— Пусть не горячится, — ответил маршал. — Настанет время, и он получит боевой приказ. Испытаний хватит и на его долю.

Командующий фронтом не раз говорил, что надобно на время забыть о существовании 5-й гвардейской армии, которая крепко пригодится на заключительном этапе операции. Так оно и произошло. Объективно оценивая обстановку того периода, приходишь к выводу, что если бы 5-ю гвардейскую армию ввели в сражение на первом этапе операции, еще до подхода к Висле, то поредевшим и уставшим войскам было бы очень трудно расширить и удержать плацдарм при нараставших контрударах противника.

11 августа на долю защитников сандомирского плацдарма выпали, пожалуй, самые серьезные испытания. В этот день четыре танковые, одна моторизованная и несколько пехотных дивизий врага нанесли западнее и севернее Стопницы сильнейший контрудар, поддержанный массированными налетами авиации. Гитлеровцы стремились во что бы то ни стало разорвать нашу оборону, опрокинуть советские войска в реку и ликвидировать плацдарм.

Однако немецко-фашистскому командованию не удалось застать наши войска врасплох, ибо о намерениях противника мы узнали из показаний пленных. Танковая лавина врага натолкнулась на мощную артиллерийскую группировку, сосредоточенную в полосе ожидаемого контрудара. Свою роль сыграл и подвижной противотанковый резерв.

Храбро сражались с превосходящими силами противника войска 5-й гвардейской армии. Политотдел, возглавляемый гвардии генерал-майором Ф. А. Катковым, многое сделал для пропаганды героизма и распространения опыта истребителей танков, морально подготовив войска к активной борьбе с «тиграми», к боям на западном берегу Вислы. Снова вступил в действие боевой лозунг: "Стойко защищай плацдарм! Ни шагу назад!" В траншеях агитаторы передавали по солдатской цепи рукописные листовки с пламенным призывом: "Стоять насмерть!"

На плацдарме мне показывали плакат, выпущенный политотделом 13-й гвардейской стрелковой дивизии. Он был посвящен героям первых боев на Висле и завершался стихотворной строфой:

Как Днепр и Буг,
Как Днестр и Волгу,
Так Вислы не видать врагу!

Эти слова звучали как нерушимая клятва гвардейцев.

Я не буду перечислять все формы и методы политического воздействия на массы. За годы войны наши командиры и политработники научились мастерски владеть идейным оружием, повышающим боевую силу войск.

Своеобразная идеологическая подготовка к битве за Вислу проводилась и в гитлеровском вермахте. Германское министерство пропаганды, возглавлявшееся Геббельсом, выпускало много газет, журналов, книг и плакатов, широко использовало кино, радио и другие средства психологической обработки немецкого народа и армии.

Офицеры по национал-социалистскому воспитанию разглагольствовали о немецкой расе господ, которой якобы угрожает "нашествие азиатов", а также о "коварных планах Кремля" и "русских варварах", замысливших стереть с лица земли арийскую расу. Гитлеровские генералы и офицеры изо всех сил стремились подбодрить солдат, поднять падающий моральный дух армии. С этой целью они всячески расхваливали самолеты-снаряды Фау, новые типы немецких танков и другую боевую технику, усиленно муссировали слухи о том, что в германском рейхе куется невиданное по своей разрушительной силе оружие, которое сокрушит русские армии, повергнет весь мир.

В населенных пунктах Польши, освобожденных советскими войсками, мы видели немало расклеенных по стенам домов плакатов. "Немецкий солдат! взывали они. — Закрой сердце Германии своим сердцем". Наши разведчики ознакомили Военный совет с содержанием обращения командующего группой немецких армий "Северная Украина" генерал-полковника Гарпе. Адресуясь к немецким солдатам, оборонявшимся на Висле, нацистский генерал напыщенно восклицал: "Наш лозунг: "Стой! Здесь сражается группа армий "Северная Украина".

Но громкие и пышные слова, которыми жонглировали гитлеровцы, не могли спасти их от поражения.

Весь август прошел в ожесточенных боях. Противник усиливал свою группировку все новыми и новыми соединениями. На плацдарме наращивало силы и наше командование.

11 августа 1944 года, когда противник предпринял контрудар, командующий войсками фронта Маршал Советского Союза И. С. Конев решил подкрепить нашу группировку на плацдарме 4-й танковой армией. Обстановка вынудила взять у 38-й и 60-й армий несколько артиллерийских и минометных частей и тоже перебросить их на плацдарм. Решено было создать мощный и неодолимый артиллерийский заслон, способный наглухо закрыть путь танковым дивизиям врага.

Переправы работали с предельной нагрузкой. На фронтовой переправе в районе Баранува политуправление фронта развернуло агитпункт. Остальные переправы обслуживались агитпунктами политотделов армий.

Войскам, направлявшимся на плацдармы, раздавались

листовки о героях, текст военной присяги и памятки. Работники агитпунктов снабжали воинов газетами, проводили с ними беседы, знакомили со сводками Совинформбюро, принятыми по радио. На подступах к баранувской фронтовой переправе стоял привлекавший всеобщее внимание огромный щит с картой, на которой была нанесена обстановка на сандомирском участке фронта. На правой стороне щита было написано: "Что вчера произошло на плацдарме". Короткая сводка гласила: "Вчера наши войска отбили семь контратак противника. Враг подтягивает резервы и пытается сбросить нас в реку. Но тому не бывать! Спешите переправиться через Вислу, наращивайте удары по врагу, стойко удерживайте плацдарм!"

Поставив перед собой цель ликвидировать плацдарм, немецко-фашистское командование в районе Вислы впервые применило новейшие для того времени тяжелые танки T-VIБ, так называемые "королевские тигры". Они имели более мощную броню, чем их предшественники. Если на тяжелых немецких танках типа «тигр» лобовая броня башни была толщиной 100 мм, то на "королевском тигре" она достигала уже 190 мм. Но борта башни и корпуса оставались такими же, как у обычного «тигра», и равнялись 80 мм. Словом, борта были наиболее уязвимыми. «Пантера» весила 44,8 тонны, «тигр» — 54 тонны, а "королевский тигр" — 68 тонн. На новом тяжелом танке был установлен двигатель в 600 лошадиных сил. Его экипаж состоял из 5 человек. На "королевском тигре" имелись 88-мм пушка с боекомплектом в 72 снаряда и 2 пулемета.

Сведения о появлении на нашем участке сверхтяжелых немецких танков очень насторожили всех нас. Из опыта войны мы знали, что появление на поле боя нового оружия, неизвестной доселе боевой техники в какой-то мере действует на психику и моральный дух войск, вызывает у солдат нервозность, а у отдельных воинов даже чувство страха.

Командиры и политработники много сделали для того, чтобы ликвидировать «тигробоязнь», укрепить веру в мощь нашего оружия, научить воинов способам борьбы с "королевскими тиграми". Гвардии полковник И. И. Якубовский — в то время заместитель командира 6-го гвардейского танкового корпуса предупредил своих танкистов, что им придется встретиться с "королевскими тиграми". После обмена мнениями танкисты пришли к единодушному заключению: борта нового тяжелого немецкого танка, несомненно, менее защищены броней, чем лобовая часть. Стало быть, надо вести огонь из засад и укрытий, делающих наш танк или орудие неуязвимыми для врага. А стрелять, конечно, следует в борта или корму "королевского

тигра".

Предположение о том, что фашистское командование постарается применить свою новинку как можно эффективнее, чтобы оказать психическое воздействие на наши войска, вскоре полностью подтвердилось. 11 августа северо-западнее Стопницы противник предпринял, как я уже отмечал, сильнейший контрудар. Фашистская авиация засыпала наши боевые порядки бомбами.

В этот момент гитлеровцы бросили в бой "королевские тигры", полагая, что они прорвут советскую оборону и проложат немецкой пехоте путь к Висле, способствуя ликвидации плацдарма.

Но враг просчитался. Внезапного удара у него не получилось. Наша разведка установила, что на окраине населенного пункта Оглендув сосредоточено большое количество немецких танков, в том числе и новых, сверхтяжелых. Командир 53-й гвардейской танковой бригады гвардии полковник В. С. Архипов привел подразделения в боевую готовность. Экипажу гвардии младшего лейтенанта Александра Оськина было приказано под покровом темноты встать в засаду на танкоопасном направлении. Чтобы гитлеровцы не обнаружили советский танк по гулу двигателей и лязгу гусениц, артиллеристы открыли орудийный огонь, заглушив рокот машины.

Скрытно выдвинувшись на подступы к Оглендуву, гвардейцы укрыли танк снопами, искусно замаскировали его под копну. Рядом расположились автоматчики из танкового десанта.

Так было во всех частях. На танкоопасных направлениях стояли в засадах боевые машины, орудия. Саперы произвели дополнительное минирование местности. Войска приготовились дать отпор врагу.

Ночь прошла в ожидании. Но вот небо стало светлеть, послышался нарастающий гул неприятельских танков. Гвардейский экипаж Оськина изготовился к бою. Однако в рассветном молочном тумане, окутавшем все поле, ничего не было видно. Лишь огненные трассы пулеметных очередей, которыми ощетинилась танковая колонна, выдавали противника.

Александр Оськин впоследствии рассказывал о подробностях боя. Сквозь завесу тумана вскоре стали просматриваться неясные очертания стальных громадин. Гитлеровские танки двинулись по бугру, обходя овраг и подставляя под удар свои борта.

Все явственнее выделялся головной "королевский тигр". Земля сотрясалась под его тяжестью. До вражеского танка оставалось триста метров, двести, сто пятьдесят…

— Огонь! — скомандовал гвардии младший лейтенант

Оськин.

Первый же снаряд угодил точно в борт танка. Советские танкисты для верности послали еще три снаряда, и "королевский тигр" запылал.

С фашистских танков, двигавшихся колонной по дороге, посыпались десантники. Укрытые в засаде автоматчики из мотострелкового подразделения защитили тридцатьчетверку, встретив солдат противника уничтожающим огнем.

А дуэль экипажа Оськина с "королевскими тиграми" продолжалась. Когда головной танк противника вспыхнул, следовавшая за ним машина угрожающе развернула башню в сторону советской тридцатьчетверки. Как потом выяснилось, гитлеровцы даже дослали снаряд в ствол, но выстрелить так и не успели. Слаженно работавший гвардейский экипаж Оськина на какое-то мгновение упредил противника и первым же снарядом пробил борт второго "королевского тигра". Такая же участь постигла и третий тяжелый танк врага.

Увидев, как поспешно пятятся, удирают уцелевшие "королевские тигры", Оськин взглянул на часы и поразился: всего несколько минут длился поединок. Миф о неуязвимости "королевских тигров" был развенчан.

Президиум Верховного Совета СССР присвоил младшему лейтенанту А. Оськину звание Героя Советского Союза. Правительственными наградами были отмечены и другие члены гвардейского экипажа.

Появление "королевских тигров" носило, скорее всего разведывательный характер. Позднее гитлеровцы провели интенсивную артиллерийскую и авиационную подготовку и на различных участках плацдарма нанесли мощный контрудар, массированно применив танки. И хотя натиск врага был невероятно силен, наши войска отстояли рубежи.

Буквально через несколько дней после первого боя с "королевскими тиграми" Военный совет 1-го Украинского фронта обсудил вопрос о способах борьбы с этими тяжелыми танками и разослал в войска необходимые рекомендации.

Практика показала, что даже наиболее прочная лобовая броня "королевского тигра" не выдерживала ударов подкалиберных и кумулятивных снарядов тяжелых советских танков ИС и самоходок СУ-100. Экипажам средних танков Т-34 и других машин, а также расчетам артиллерийских орудий рекомендовалось чаще практиковать засады, подпускать "королевские тигры" на ближние дистанции и открывать по ним огонь с 300–400 метров, стреляя в борта, корму и ходовую часть. Эти и другие наиболее уязвимые места танка T-VIБ поражались

даже снарядами 57- и 76-мм пушек. Лобовая же броня "королевских тигров" была доступна лишь снарядам 122- и 152-мм орудий. Поэтому танковым ротам, укомплектованным тридцатьчетверками, а также стрелковым подразделениям было решено придавать 122- и 152-мм орудия. Широко применялось и минирование танкоопасных направлений и участков. По сосредоточениям танков врага советская авиация наносила бомбовые и штурмовые удары и причиняла противнику ощутимый урон.

На сандомирском плацдарме гитлеровцы несли большие потери. Только с 11 по 15 августа советские войска уничтожили здесь 214 фашистских танков. Нам удалось захватить и несколько исправных танков Т-У1Б. Один "королевский тигр" впоследствии экспонировался на выставке трофейного оружия в Москве в Центральном парке культуры и отдыха имени Горького.

В войсках фронта было организовано несколько учебных центров, где имелись подбитые или захваченные "королевские тигры" и другие трофейные машины. Герои Советского Союза Г. Черный, К. Джамангараев, Г. Варава и С. Беликов, бывалые воины М. Бабаджанов и В. Лехницкий объясняли молодым бойцам, как бороться с танками врага. Проводились и показные боевые стрельбы по "королевским тиграм".

Словом, новая боевая техника, на которую так рассчитывало немецкое командование, не оказала психического воздействия на советских воинов и не вызвала паники в наших рядах. Гитлеровцы снова, в который уже раз, жестоко просчитались.

В то время как наша главная ударная группировка вела бои на сандомирском плацдарме, войска левого крыла фронта, вышедшие в предгорья Карпат, продолжали борьбу за овладение дрогобычским нефтеносным районом. Таким образом, боевые действия войск фронта имели два самостоятельных, удаленных друг от друга операционных направления.

Создавшаяся обстановка необычайно усложнила управление войсками. Учитывая это и другие обстоятельства, Ставка Верховного Главнокомандования 30 июля 1944 года образовала новый, 4-й Украинский фронт под командованием генерала армии И. Е. Петрова. В состав этого фронта вошли войска нашего левого крыла: 1-я гвардейская и 18-я армии, а также 8-я воздушная армия из резерва Ставки.

Я побывал в уходивших от нас войсках, попрощался с боевыми товарищами, повидался с командующим 18-й армией генерал-лейтенантом Е. П. Журавлевым, членом Военного совета генерал-майором С. Е. Колониным и начальником политотдела полковником Л. И. Брежневым.

Затем направился в 1-ю гвардейскую армию. В беседе с командармом генерал-полковником А. А. Гречко, членом Военного совета генерал-майором И. В. Васильевым и начальником политотдела полковником В. Г. Сорокиным я поделился впечатлениями о поездке в столицу, беседах в ГКО и сообщил о последних указаниях Центрального Комитета партии и Главного политического управления Красной Армии в связи с выходом войск за пределы нашей Родины.

Не думал я тогда, что вижу Ивана Васильевича Васильева в последний раз, что через несколько дней мы получим известие о его героической гибели. Участник гражданской войны, член партии с 1920 года, И. В. Васильев вступил в битву с немецко-фашистскими захватчиками в самом начале Отечественной войны. В дни боев на Волге он был начальником политотдела 62-й армии. Иван Васильевич неутомимо занимался организаторской и партийно-политической работой в солдатских массах, укрепляя моральный дух и стойкость защитников города-героя. Его хорошо знали в войсках и 1-й гвардейской армии, любили и уважали за общительный, уравновешенный и твердый характер и, конечно, за мужество.

Иван Васильевич Васильев погиб 11 августа 1944 года и похоронен с почестями в Дрогобыче. Ему, как видному политработнику, чья жизнь была подвигом, посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Членом Военного совета 1-й гвардейской армии был назначен генерал-майор К. П. Исаев, являвшийся ранее начальником политотдела 60-й армии.

На сандомирском, главном для нас операционном направлении наши войска вели тяжелые бои с противником, наносившим контрудары. 17 августа части прославленной 13-й гвардейской стрелковой дивизии, возглавляемой генерал-майором Г. В. Баклановым, ставшим вскоре командиром 34-го гвардейского стрелкового корпуса, стойко встретили атаки ста немецких танков и крупных сил пехоты. Усиливался натиск врага и на других участках обороны, занимаемой 5-й гвардейской армией генерала А. С. Жадова. Гвардейскую пехоту подкрепили своей мощью переправившиеся через Вислу части 4-й танковой армии генерала Д. Д. Лелюшенко. Храбро сражались с превосходящими силами противника войска 3-й гвардейской и 13-й армий, 1-й. и 3-й гвардейских танковых армий.

После многочисленных ожесточенных боев танковая группировка врага, потерявшая много людей и боевой техники, прекратила атаки. И тогда, не дав противнику опомниться, перешли в наступление советские войска.

Первыми ворвались в Сандомир стрелковые батальоны офицеров И. Г. Черткова и А. Г. Богазова. Завязались ожесточенные уличные бои. В районе этого важного опорного пункта обороны врага на левом берегу Вислы были окружены части четырех гитлеровских дивизий 42-го армейского корпуса.

18 августа войска 1-го Украинского фронта штурмом овладели Сандомиром. В освобожденном древнем польском городе мы увидели следы чудовищных злодеяний, совершенных немецко-фашистскими оккупантами, замыслившими истребить польскую нацию.

Бургомистр Сандомира сообщил нам:

— Гитлеровцы часто учиняли в городе кровавые расправы. Однажды днем около магистрата они собрали группу людей, поставили их на колени и расстреляли. Трупы расстрелянных долго лежали на центральной площади.

В одном только этом городе фашисты истребили 3 тысячи польских граждан. При отступлении они подожгли костел святого Якова, основанный еще в 1241 году. Жители и красноармейцы спасли этот драгоценный исторический памятник архитектуры.

При овладении городом Сандомир отличилась 350-я стрелковая дивизия (командир генерал-майор Г. И. Вехин, начальник политотдела гвардии подполковник В. П. Якушкин). Это было то самое соединение, которое первым форсировало Вислу. Командиру 1180-го стрелкового полка этой дивизии подполковнику Василию Федоровичу Скопенко, удостоенному высокого звания Героя Советского Союза, трудящиеся Сандомира (по-польски Сандомеж) вручили приветственный адрес. "Вы спасли наш город, спасли наши жизни, — говорилось в письме. — Мы всегда будем благодарны вам за это".

Василий Федорович Скопенко, ставший вскоре после этого события полковником, погиб смертью храбрых, освобождая польскую землю от немецко-фашистских захватчиков.

Есть трогательный документ, датированный 2 февраля 1945 года. Он гласит: "Городской народный совет, собравшись сегодня на заседание, склоняет голову перед памятью Героя Советского Союза Василия Федоровича Скопенко, освободителя города Сандомежа от немецкой неволи, и, желая выразить ему свою сердечную благодарность и уважение к его памяти, единогласно постановляет:

нынешнюю улицу Опатовскую города Сандомежа назвать улицей полковника Скопенко; похоронить прах полковника Скопенко в городе Сандомеже; установить на его могиле памятник".

Как сына родного, оплакивали поляки и погибшего в районе села Руда командира 23-го артполка капитана Никонова. Он был погребен в центре Лежайска.

Во время похорон собралось много местных жителей. Стихийно возник митинг. Первым слово попросил поляк, бывший артиллерист польской армии. В своем выступлении он заявил:

— Наш дорогой Никонов, капитан освободительной Красной Армии, погиб в борьбе с немецкими оккупантами за освобождение Польши. Я прошу советское командование взять меня в вашу часть, чтобы я мог отомстить фашистам за смерть советского офицера.

Поляки украсили могилу Никонова цветами и дали клятву

вечно чтить память погибшего героя.

После войны мне пришлось возглавить поезд дружбы участников боев за освобождение Польши. И мы снова убедились, с какой теплотой относится польское население к памяти наших погибших воинов.

В одном из населенных пунктов нас сердечно встретили все местные жители. Затем школьники повели нас на кладбище, где похоронены советские воины. Ко мне подошла девочка и, старательно подбирая слова, тихо сказала на русском языке:

— Это могила, за которой я ухаживаю. Советский герой спас наше село, отдал жизнь за нашу свободу…

Но вернемся к боевым событиям августа 1944 года. Напряжение боев в районе Сандомира не уменьшалось. Вместе с другими соединениями 5-й гвардейской армии на плацдарме стойко и отважно сражались части 15-й гвардейской стрелковой дивизии (командир гвардии генерал-майор П. М. Чирков, начальник политотдела подполковник Д. Г. Муратов). В один из августовских дней 60 вражеских танков, сопровождаемых пехотой и поддерживаемых артиллерией и авиацией, обрушились на наш гвардейский полк. Воины не дрогнули и выстояли. Гитлеровцы, понесшие потери в живой силе и технике, откатились на исходные позиции.

— Молодцы мои однополчане! — не без гордости сказал И. С. Конев, прочитав оперативное донесение. — По-нашенски, по-боевому гвардейцы готовятся отметить юбилей соединения.

Иван Степанович намеревался навестить 15-ю гвардейскую стрелковую дивизию, но экстренные дела, связанные с подготовкой операции в Карпатах, не позволили ему побывать у сослуживцев. А слова привета, которые он написал гвардейцам, были пронизаны душевной теплотой и сердечностью. "Дивизия прошла героический боевой путь и покрыла себя неувядаемой славой в боях с врагами нашего Отечества, — говорилось в поздравительной телеграмме командующего войсками 1-го Украинского фронта Маршала Советского Союза И. С. Конева. Ваша дивизия сформировалась из 50-го Краснознаменного имени Ворошилова стрелкового полка. Кадры дивизии в двух войнах — с финнами и немецкими захватчиками — показали стойкость и мужество, умение и выучку, что обеспечило боевые успехи дивизии.

Лично я, бывший командир 50-го Краснознаменного имени Ворошилова стрелкового полка, горжусь вашими успехами и подвигами, шлю искренний привет своим сослуживцам и ветеранам дивизии.

Убежден, что в боях за окончательный разгром немецко-

фашистской армии гвардейцы покажут новые образцы воинской доблести, умения и прославят себя новыми боевыми делами.

Слава воинам трижды орденоносной дивизии!

Ваш Конев".

Это соединение было хорошо знакомо и мне. Когда зашла речь о нем, невольно вспомнилась тревожная осень 1941 года и подернутая инеем донецкая степь. 136-я стрелковая дивизия (тогда она так именовалась) после форсированного марша поспешно заняла позиции в районе Дьяково, чтобы прикрыть подступы к Ростову-на-Дону и преградить путь танковой армии генерала фон Клейста.

С наблюдательного пункта командира дивизии отчетливо было видно, как немецкие танки устремились на позиции 733-го стрелкового полка. От прямых попаданий снарядов нашей артиллерии несколько вражеских машин загорелось. Но противник усиливал натиск. Фашистские танки ворвались на рубеж, обороняемый советскими воинами. Казалось, что полк не выдержит и оставит позиции. Я заметил, как подполковник Е. И. Василенко, командовавший в то время дивизией, тревожно переглянулся с комиссаром соединения И. Ф. Абаулиным.

Полковой комиссар Абаулин двинулся к выходу, доложив мне, что направляется в боевые порядки, ибо обстановка требует быть там.

— Правильно, — одобрил я. — Пошли вместе.

Где скорым шагом, а где и перебежками мы пробрались к оборонительному рубежу, на котором сосредоточивался переброшенный из резерва отряд истребителей танков. Противник предпринял атаку.

Наша артиллерия усилила огонь. Строй атакующих нарушился. Но несколько вражеских танков все же прорвались сквозь зону обстрела и приблизились к первой траншее. И тут в танки полетели связки гранат и бутылки с горючей смесью. Почти одновременно вспыхнули четыре неприятельские машины. В течение короткого времени враг потерял двадцать танков и отступил.

Бессмертный подвиг в бою под Дьяково совершил младший политрук Хусен Андрухаев. Окруженный озверевшими эсэсовцами дивизии «Викинг», он отстреливался до тех пор, пока не кончились боеприпасы. Но вот у советского воина не осталось ни одного патрона. Гитлеровцы с криками "Рус, сдавайся!" ринулись к нему, намереваясь захватить раненого политрука в плен. Но напрасно враги торжествовали. Грозен и страшен был в своем гневе советский воин, схвативший в руки гранаты. Коммунист Андрухаев предпочел смерть плену. Он подорвал себя и

окруживших его эсэсовцев. Младшему политруку Хусену Бережевичу Андрухаеву посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

И вот три года спустя после того памятного боя под Дьяково я вновь встретился с воинами 15-й гвардейской стрелковой дивизии и убедился, что здесь свято чтут память героев и традиции хранить умеют. В соединении была учреждена снайперская винтовка имени Героя Советского Союза Х. Андрухаева. Приняв почетное оружие как боевую эстафету, гвардии старшина Николай Ильин уничтожил 494 фашиста и подготовил целое подразделение снайперов, наводивших ужас на врага.

Не так давно в новом здании Центрального музея Вооруженных Сил СССР я увидел посеченную осколками знаменитую винтовку № КЕ-1729. На потемневшем ее прикладе тускло поблескивала металлическая пластинка с выгравированной надписью: "Имени Героев Советского Союза Х. Андрухаева и Н. Ильина". Так воин, принявший оружие героя, сам стал героем.

В 15-й гвардейской стрелковой дивизии была и гаубица № 8437, носившая имя Героя Советского Союза Михаила Хвастанцева. Этот отважный артиллерист вступил в единоборство с двадцатью фашистскими танками и погиб, защищая родной Сталинград. От берегов Волги до Вислы прошло с боями прославленное орудие. Расчет гаубицы, носящей имя героя, проявил на плацдарме железную стойкость, отражая контратаки врага.

Когда прославленная дивизия прибыла на сандомирский плацдарм, в ее рядах осталось не так уж много ветеранов. Но о боях под Дьяково и Сталинградом, о первых героях соединения знали все молодые солдаты. Знали и подражали им.

Львовско-Сандомирская операция, продолжавшаяся полтора месяца, отличалась исключительным напряжением боев, большим размахом, искусным маневром подвижных соединений и значительными результатами. Войска фронта нанесли сокрушительное поражение группе армий "Северная Украина".

Подводя итоги многодневных боев, Военный совет 1-го Украинского фронта 23 августа 1944 года направил донесение Верховному Главнокомандующему. Мы доложили, что противник за период 5-22 августа, создав группировку на западном берегу Вислы в составе 6 танковых дивизий, 1 мотодивизии и 7 пехотных дивизий, нанес 4 серьезных контрудара по нашим войскам, ставя себе задачей, как установлено пленными и захваченными документами, разбить и отбросить наши войска на восточный

берег реки.

Наши войска отбили все атаки. Враг понес большие потери в живой силе и технике: убито — 40 тысяч человек, подбито танков — около 300. Наша разведка установила, что противник будет продолжать контратаки.

Дальнейшие события подтвердили предположение фронтовой разведки. Гитлеровцы многократно пытались потеснить советские войска и на различных участках предпринимали довольно сильные контратаки. Впрочем, они носили местный характер, ибо обескровленный противник на большее не был способен,

23 августа 60-я армия во взаимодействии с частями 5-й гвардейской армии штурмом овладела городом Дембица — крупным центром авиационной промышленности и важным узлом коммуникаций на краковском направлении.

Салют Москвы в честь освободителей Дембицы как бы подводил итоговую черту наступательной операции. Наши войска, продвинувшиеся на львовско-сандомирском направлении до 350 километров, нуждались в отдыхе. Требовалось принять пополнение, доукомплектовать части боевой техникой, подтянуть резервы и тылы, привести в порядок войсковое хозяйство.

В ходе Львовско-Сандомирской операции войска фронта завершили освобождение западных районов Украины, за исключением Закарпатья, восстановили Государственную границу СССР на широком фронте и приступили к изгнанию фашистских оккупантов из юго-восточных областей братской Польши.

Мы нанесли противнику огромнейшие потери. Из 56 противостоявших нам немецких дивизий 8 были уничтожены полностью, а 32 потеряли 50 и более процентов личного состава.

Отчизна высоко оценила массовый героизм воинов 1-го Украинского фронта. 353 части и соединения были награждены орденами, а 246 получили почетные наименования Львовских, Станиславских, Владимир-Волынских, Рава-Русских, Дрогобычских, Сандомирских, Вислинских. Более 123 тысяч солдат, сержантов, офицеров и генералов фронта были отмечены орденами и медалями, а 160 человек удостоены звания Героя Советского Союза. В их числе — полковники А. А. Головачев, Д. А. Драгунский, З. К. Слюсаренко, капитан А. И. Якушев, старший сержант С. П. Горбунов, младший сержант А. М. Чупин и другие. Полковники В. С. Архипов и И. И. Якубовский были удостоены второй медали "Золотая Звезда", а храбрейший и искуснейший сокол нашей страны полковник А. И. Покрышкин третьей медали "Золотая Звезда".

Битва на Висле завершилась захватом сандомирского плацдарма, который в ходе ожесточеннейших боев был расширен

до 120 километров по фронту, 50 километров в глубину и приобрел оперативное значение. Он сыграл затем огромную роль, когда фронт участвовал в проведении крупнейшей Висло-Одерской наступательной операции.

На помощь восставшей Словакии

Из-за Карпатских гор к нам проникали вести о том, что в Словакии усиливается антифашистская борьба трудящихся масс, руководимых находившейся в подполье Коммунистической партией Чехословакии, что в стране назревает революционный взрыв.

В конце августа 1944 года события в Словакии развивались с неимоверной быстротой. Напуганный размахом партизанского движения, марионеточный президент Тисо запросил у Гитлера помощи. 29 августа в Словакию вступили немецко-фашистские войска, начав открытую оккупацию страны. По призыву Коммунистической партии словацкие партизаны, поддержанные советскими партизанскими соединениями, и вооруженные отряды рабочих поднялись на борьбу за свободу и независимость страны.

Из района восстания в штаб 1-го Украинского фронта прибыл партизанский командир Ягупов и подробно информировал Военный совет о положении дел в Словакии.

Кажется, в тот же вечер 29 августа фронтовые радисты поймали первое сообщение повстанческой радиостанции о том, что вооруженное восстание в Словакии разрастается и приняло общенародный характер. Сообщалось о боях в Банска-Бистрице, о первых успехах, первых победах.

С тех пор наши радисты постоянно дежурили на этой волне, записывая все сообщения, В одной из передач говорилось, что Словацкий национальный совет взял в свои руки законодательную и исполнительную власть. С городом Банска-Бистрица, ставшим политическим центром восстания, была установлена постоянная связь.

Рано утром 31 августа меня разбудил дежурный офицер штаба фронта и доложил, что на один из наших аэродромов совершили посадку три самолета с офицерами словацкой армии и в ближайшее время ожидается прибытие еще нескольких экипажей. Командующий распорядился доставить в штаб фронта перелетевших на нашу сторону старших офицеров.

Вечером в кабинет Маршала Советского Союза И. С. Конева вошел словацкий полковник Тальский, заместитель командира Восточно-словацкого корпуса. Он сообщил, что офицеры и солдаты 1-й и 2-й словацких дивизий, недовольные гитлеровской оккупацией страны, готовы выступить против немецко-фашистских войск. Эти соединения могут поддержать боевые

действия Красной Армии ударом по врагу с тыла, чтобы затем соединиться с советскими войсками.

И. С. Конев заявил от имени Военного совета, что наши войска полны решимости оказать братскую помощь восставшему народу Словакии. Мы с одобрением отнеслись к патриотическим намерениям словацких военнослужащих, пожелавших встать на сторону народа, порвать с предательской кликой Тисо и внести свой вклад в благородное дело борьбы с фашистскими оккупантами.

После консультации с Москвой переговоры приняли более конкретный характер. Был намечен предварительный план. Предполагалось, что 1-я и 2-я пехотные дивизии Восточнословацкого корпуса, расположенные вдоль границы, захватят перевалы через Карпатский хребет и помогут советским войскам выйти на оперативный простор.

Мы, разумеется, не довольствовались сведениями, полученными от офицеров словацкой буржуазной армии и перепроверяли их. Информация поступала к нам из разных источников. В район восстания был командирован представитель Штаба партизанского движения при 1-м Украинском фронте В. Н. Кокин, который подробно и объективно сообщал нам о событиях в Словакии.

Военный совет и политуправление фронта непрерывно докладывали ЦК ВКП(б), Ставке Верховного Главнокомандования и начальнику Главного политического управления Красной Армии А. С. Щербакову о положении дел в повстанческом районе Средней Словакии.

В наших политдонесениях говорилось, что вместе с повстанцами действуют советские и смешанные словацко-советские партизанские соединения и отряды, что в повстанческом движении участвуют не только наши боевые группы, инструкторы, подрывники и другие специалисты, переброшенные воздушным путем, но и многие военнопленные, бежавшие из фашистских концлагерей, что симпатии населения повстанческого района Словакии к Советскому Союзу огромны.

Мы сообщали ЦК ВКП(б) и Главному политическому управлению Красной Армии о движущих силах восстания, об организаторской деятельности Коммунистической партии Чехословакии. Выдающуюся роль в подготовке, проведении и непосредственном руководстве Словацким национальным восстанием сыграли Г. Гусак, К. Шмидке, Я. Шверма, Л. Новомеский и другие героические сыны партии и народа.

В своей книге "Свидетельство о Словацком национальном восстании" Генеральный секретарь ЦК КПЧ, Президент ЧССР

Густав Гусак вспоминает: "…Когда восстание началось, советская помощь была оказана немедленно, и она являлась единственным и решающим фактором того, что в течение двух месяцев выдерживалась открытая вооруженная борьба против нацистских дивизий. Нужно высоко оценить советскую помощь оружием, переправлявшимся по воздуху. Первая крупная партия оружия была доставлена на аэродром Три Дуба в ночь с 4 на 5 сентября — главным образом противотанковые ружья и боеприпасы, которые немедленно были отправлены на фронт, прежде всего в район Врутека. Эти воздушные поставки продолжались, если позволяла погода, почти каждую ночь.

С первых сентябрьских дней советское командование приступило к подготовке самого важного средства помощи Словацкому национальному восстанию — к удару на Карпаты…"{42}

Докладывая Ставке Верховного Главнокомандования о перелете на нашу сторону группы словацких самолетов, Военный совет изложил и свои соображения о проведении наступательной операции.

"Наш фронт, — доносил Военный совет И. В. Сталину, — в районе Кросно находится от словацкой границы на Удалении 30–40 км. Для соединения со словацкими частями и партизанским движением Словакии, если будет Ваше решение, целесообразно было бы провести совместную операцию левым флангом 1-го Украинского фронта и правым флангом 4-го Украинского фронта для выхода на словацкую территорию в район Стропков, Медзилабарце.

Для операции 1-й Украинский фронт может привлечь четыре стрелковые дивизии 38-й армии и 1-й гвардейский кавалерийский корпус. Направление удара — Кросно, Дукля, Тылява. На это же направление желательно привлечь 1-й чехословацкий корпус. Операцию можно начать через 7 дней. Прошу Ваших указаний по этому вопросу".

Ставка Верховного Главнокомандования своей директивой от 2 сентября 1944 года обязала 1-й Украинский фронт начать подготовку к наступлению, чтобы оказать помощь словацким патриотам. Воины горели желанием быстрее вступить в бой и вызволить братьев словаков из фашистской неволи.

Войска фронта, прошедшие тысячи километров по степям и равнинам, не имели опыта ведения боевых действий в горах. А этот вид боя, как известно, изобилует многими особенностями. Резко пересеченная местность усложняла применение танков, ограничивала маневр войск. Неустойчивая погода и низкая облачность, довольно часто окутывавшая высоты, затрудняли

действия авиации. Даже стрельба из минометов в горах требовала особого навыка, ибо прозрачность воздуха скрадывала расстояние. А вождение автомашин по крутым спускам и подъемам, форсирование горных рек и ручьев, бурлящих в глубоких ущельях, — да разве перечислить все трудности и особенности боевых действий в условиях горного театра войны!

Перед командирами и политорганами соединений, сосредоточенных в предгорьях Карпат, встала задача быстрее перестроить свою боевую деятельность, научить солдат, сержантов и офицеров воевать в горах, ознакомить войска с основными принципами горной тактики, когда обход и охват являются главным видом маневра, а роль мелких подразделений необычайно возрастает.

Военный совет и политическое управление фронта обратились к войскам нашего левого крыла с призывом: "Вперед, на помощь братьям словакам!"

Развернув деятельную подготовку к наступательной операции, Военный совет и политотдел 38-й армии обязали командиров и политорганы разъяснить всем воинам, что Чехословакия является нашей союзницей, дружественной страной, что чехи и словаки, подпавшие под иго фашизма, ждут советских воинов как освободителей и наше отношение к ним должно быть самым теплым, дружественным. Политработники проинформировали личный состав о том, что вместе с советскими войсками в Карпатах будет наступать 1-й чехословацкий армейский корпус под командованием генерала Л. Свободы, который примет активное участие в освобождении своей страны.

За день до начала Карпатско-Дуклинской наступательной операции, подготовленной в чрезвычайно сжатые сроки, из района восстания поступили тревожные сообщения о натиске эсэсовских дивизий, о зверствах и терроре гитлеровцев в Словакии, об измене некоторых высших словацких офицеров, заверявших, что они выступят против гитлеровцев и помогут своему народу и Красной Армии. В последний момент часть офицеров словацкой буржуазной армии заколебалась, а некоторые опять переметнулись на сторону фашистской марионетки Тисо.

Положение усложняли интриги эмигрантского буржуазного правительства в Лондоне и его эмиссаров, которые всячески норовили изолировать словацкую армию от народа, от партизанского движения. Дело кончилось тем, что гитлеровцы ко 2 сентября разоружили 1-ю и 2-ю дивизии Восточнословацкого корпуса. А ведь именно эти дивизии, как предполагалось, должны были помочь советским войскам преодолеть Карпаты. Теперь же

все перевалы и горные дороги оседлали гитлеровские части. Такова была обстановка.

В труднейших условиях, встречая сильное противодействие врага, войска левого крыла 1-го Украинского фронта и правого крыла 4-го Украинского фронта (1-я гвардейская армия генерал-полковника А. А. Гречко) 8 сентября начали наступательную операцию в Карпатах. На нашем участке из района Кросно наступала 38-я армия под командованием генерал-полковника К. С. Москаленко (член Военного совета генерал-майор А. А. Епишев, начальник штаба генерал-майор В. Ф. Воробьев). Она усиливалась 1-м гвардейским кавалерийским и 25-м танковым корпусами. В составе этой армии действовал и 1-й чехословацкий армейский корпус.

Наши войска прорвали вражеские укрепления в первый же день, но наступление развивалось медленно. Немецко-фашистское командование подбрасывало к месту прорыва новые соединения. Частям 38-й армии противостояло семь вражеских дивизий, из них две танковые.

Бои в Карпатах шли за каждую высоту. Штурмовые группы обходили опорные пункты, стремясь проникнуть в самое сердце вражеской обороны.

Советским воинам помогали местные жители. Искусный охотник-следопыт Андрей Бобак скрытыми горными тропами провел в тыл врага батальон, которым командовал майор Федорченко.

На привале в минуту затишья Андрей Бобак по просьбе политработника поделился опытом, рассказал бойцам, как в горной местности отыскать путь, найти не обозначенную на карте тропу.

Вызвавшись быть проводником у наших разведчиков, Андрей Бобак заметил возле ручья свежие следы,

— Стоп, — сказал он. — Здесь были фашисты.

Следы вели в двух направлениях: на высотку, где располагался неприятельский секрет, и к населенному пункту, где находился штаб. Внезапное нападение советских воинов обеспечило боевой успех.

Наши части смело предпринимали обходные маневры, уничтожая очаги сопротивления. Солдатам порой приходилось быть скалолазами. Вооружившись самодельными альпенштоками, канатами и веревками, они взбирались на горные кручи, на вьюках и вручную доставляли на новые позиции оружие и боеприпасы. Положение осложнили дожди, испортившие и без того малочисленные и плохие дороги. И все же бои в Карпатах не утихали ни днем, ни ночью.

Выполняя интернациональный долг и спеша спасти восставших братьев словаков, советские воины неутомимо и настойчиво пробивались к перевалам, штурмуя скалистые горы и долговременные укрепления гитлеровцев.

В результате наступления нам удалось пробить двухкилометровую брешь в обороне противника.

И. С. Конев не замедлил бросить в прорыв 1-й гвардейский кавалерийский корпус, которым командовал гвардии генерал-лейтенант В. К. Баранов. Сбивая заслоны врага и ломая его яростное сопротивление, кавалеристы темной ночью устремились в пробитую брешь и к утру 13 сентября по горно-лесистой местности продвинулись на 18–20 километров, вступив на территорию Словакии.

Однако наступление кавалерийского корпуса не принесло желаемого перелома. Немецко-фашистским войскам удалось перекрыть брешь в своей обороне и отрезать прорвавшихся к ним в тыл конников. Пришлось с помощью авиации снабжать их продовольствием, фуражом и боеприпасами.

Начальник разведотдела штаба фронта генерал-майор Ленчик докладывал о противостоявшей нам в районе Карпат армейской группе «Хейнрици» и появлении перед 38-й армией новых немецких танковых дивизий. Это, разумеется, обеспокоило нас, но вместе с тем мы понимали, что концентрация противника здесь заметно облегчает участь повстанцев. Ведь некоторые фашистские части были переброшены к Дукле из глубинных районов Словакии. Я не говорю уже о том, что на нашем участке гитлеровцы несли огромные, невосполнимые потери в живой силе и технике.

Военный совет фронта активно оказывал помощь словацкому народу, восставшему против фашистских оккупантов. Так, например, в сентябре 1944 года советское командование перебросило в район восстания сформированные на территории СССР 2-ю чехословацкую воздушно-десантную бригаду, 1-й чехословацкий авиаполк, а также советских офицеров-инструкторов и партизанских командиров.

Военный совет 1-го Украинского фронта поддерживал связь с Главным штабом партизанского движения Словакии и оказывал ему посильную помощь. Только с 5 по 18 сентября наши летчики доставили словацким повстанцам на аэродром Три Дуба 1,5 миллиона патронов, 580 автоматов, 250 ручных и 74 станковых пулемета, а также противотанковые ружья и противотанковые пушки.

Экипажи транспортных самолетов 2-й воздушной армии работали с предельной нагрузкой, но не могли обеспечить

повстанцев всем необходимым. Мы вынуждены были обратиться в Москву за помощью. Телеграмма, отправленная в Ставку 17 сентября, гласила: "Для доставки боеприпасов, вооружения, авиационного бензина и бомб чехословацкому авиаполку, бригаде и повстанческой армии в Средней Словакии необходимо ежедневно 60–80 транспортных самолетов. Конев, Крайнюков, Соколовский".

Ставка выделила некоторое число транспортных самолетов, и "воздушный мост", проложенный в повстанческий район, сыграл весьма положительную роль.

После семидневных боев И. С. Конев, находившийся на наблюдательном пункте 38-й армии, проанализировал создавшееся положение и пришел к выводу, что фронтальные атаки вдоль шоссе Кросно — Дукля успеха не принесут, так как противник подтянул резервные соединения, а наше временное превосходство в силах и средствах уже утрачено. Он приказал генералу К. С. Москаленко перенести главные усилия с правого фланга армии на левый и передал из своего резерва в его распоряжение 4-й гвардейский Кантемировский танковый корпус генерала П. П. Полубоярова.

15 сентября на левом фланге 38-й армии возобновились наступательные действия. Но и атаки кантемировцев желаемого результата не принесли. Тогда был введен в сражение 31-й танковый корпус, возглавляемый генералом В. Е. Григорьевым.

Мощный массированный удар двух советских танковых корпусов в районе Сенявы принес успех. Взаимодействуя с пехотинцами, артиллеристами и авиацией, наши танкисты прорвались по узкому горному проходу в глубь вражеской обороны и заставили противника отойти с рубежа Дукля, Рыманув.

В наступательных боях отличился экипаж самоходной артиллерийской установки, возглавляемой коммунистом Цимакуридзе. Когда началась Отечественная война, отец пяти детей Еремия Цимакуридзе добровольно пошел на фронт. В тяжелом бою под Керчью он был ранен, под Сталинградом — вторично. Воин-коммунист не покинул боевого строя. Он учился, овладевал самоходной артиллерией. Фросируя Сан, Еремия Цимакуридзе поджег первую фашистскую «пантеру». В дни боев в Восточных Бескидах кандидатами в члены партии были приняты его соратники — Федор Сухоруков и Борис Кузнецов. Экипаж, ставший коммунистическим, уничтожил еще семь немецких танков.

При штурме Гировой горы, являвшейся важным опорным пунктом гитлеровцев на подступах к Дуклинскому перевалу,

наступательный порыв и отвагу проявили воины 1-го чехословацкого армейского корпуса. Вместе с советскими братьями чехословацкие воины решительно ломали яростное сопротивление врага. Они с боем брали буквально каждый метр земли, неуклонно приближаясь к перевалу.

В ходе тяжелых боев, продолжавшихся с 15 по 24 сентября, наши войска соединились с находившимся в тылу врага 1-м гвардейским кавалерийским корпусом и продвинулись еще на два десятка километров вперед, подойдя вплотную к Главному Карпатскому хребту.

Командование 38-й армии энергично и неутомимо готовило войска к решающему штурму Дуклинского перевала, сосредоточивало части, подтягивало войсковые тылы, растянувшиеся по раскисшим из-за осенних дождей горным дорогам.

В те дни мы с начальником политуправления фронта генерал-лейтенантом С. С. Шатиловым побывали в частях 1-го чехословацкого корпуса, не раз встречались и беседовали с генералом Людвиком Свободой и руководящими работниками отдела просвещения (во многом равнозначного нашему политотделу). Встретились мы и со многими солдатами, унтер-офицерами и офицерами корпуса. Все они горели желанием ринуться в бой с ненавистным врагом, быстрее прийти на родную землю.

— Вот и к родному дому подошли, — не скрывая радостного волнения, сказал генерал Свобода. — Еще в далеком Бузулуке, где в сорок втором году формировался наш первый батальон, мы мечтали об этом дне. И вот она, отчая земля, совсем рядом и ждет нас, сыновей своих.

Запел зуммер полевого телефона. Генерал взял трубку и нахмурился. Командир одной из бригад сообщал, что гитлеровцы предприняли контратаку. Подразделение отразило врага, удержало рубеж, но понесло потери. Выбыло из строя около 10 процентов личного состава.

Приказав своему резерву атаковать гитлеровцев, Людвик Свобода положил трубку и сумрачно проговорил:

— Да, некоторые не дошли до родины. В нескольких шагах от чехословацкой границы погибли…

Потом мы поехали по подразделениям. В частях корпуса офицеры зачитывали обращение генерала Свободы. "Не забывайте никогда, кто нам помог, чтобы мы могли стоять с оружием в руках здесь, на пороге своей родины, — говорилось в обращении, — чтобы уже завтра начать ее освобождение от ненавистных поработителей… Это великий Советский Союз, это

славная Красная Армия… Мы являемся поэтому должниками благородного союзника. Верность за верность! Мы вместе переживаем трудности и горе, мы вместе в бою, мы будем навсегда вместе в вечной дружбе и союзе. Это обеспечит нашей родине постоянную безопасность, свободную и счастливую жизнь".

На митинге в одном из чехословацких батальонов, который находился в резерве, довелось выступить и мне. Даже и переводчика не потребовалось. Братья по оружию хорошо понимают друг друга.

— Да, мы вечные друзья, и у нас единая цель, — сказал я. — Мы совместно разгромим гитлеровцев, которые пытались потопить в крови славянские и другие народы, поставить их на колени и сделать рабами. Тот народ, который борется за свободу, никогда не будет побежден. Победа близка, перед вами родная чехословацкая земля. Она еще стонет под пятою фашизма и призывает к освобождению. Завтра мы вместе пойдем в бой. Советские воины будут самоотверженно драться за освобождение Чехословакии и сокрушат фашизм.

Беседуя с чехословацкими воинами, мы повсюду слышали настоятельные просьбы предоставить им честь пойти в бой и первыми вступить на территорию своей страны.

В ночь на 5 октября 1-й чехословацкий армейский корпус занял позиции перед Дуклинским перевалом. Наше командование обеспечило ему мощную артиллерийскую и авиационную поддержку. Чехословацкой пехотной бригаде, штурмовавшей важную высоту, были приданы советский минометный полк, два стрелковых батальона, батарея 76-мм пушек и другие подразделения.

Войска 38-й армии вместе с боевыми друзьями — чехословацкими воинами начали штурм Дуклинского перевала. Еще не рассеялся утренний туман, как грохот многих сотен артиллерийских орудий и минометов возвестил о начале решающего наступления.

С передового наблюдательного пункта были видны позиции немецко-фашистских войск, покрытые дымками разрывов снарядов и мин. Но вот огонь перенесен в глубину вражеской обороны, и долго в горах не умолкало эхо от прокатившегося русского «ура». В атаку поднялась пехота.

Воины 70-й гвардейской стрелковой дивизии, которой командовал генерал-майор И. А. Гусев, и 1-го чехословацкого корпуса под командованием генерала Л. Свободы утром 6 октября овладели Дуклинским перевалом и вступили на территорию Чехословакии.

Гитлеровцы, выбитые с Главного Карпатского хребта, начали отступать, преследуемые нашими войсками. Сбылась заветная мечта чехословацких воинов-патриотов. Они вступили в пределы отечества. Это было трогательное зрелище. Поднявшись на высоту и перешагнув за полосатые столбы, обозначавшие границу, командир корпуса генерал Людвик Свобода и сопровождавшие его офицеры, словно сговорившись, опустились на колени и поцеловали родную землю, по которой так долго тосковали. Здесь, на Главном Карпатском хребте, под самыми облаками советские и чехословацкие воины обнимали друг друга, закрепляя на века нерушимое братство народов.

Я видел, как на пограничном столбе устанавливался чехословацкий герб, сорванный фашистскими оккупантами. На полотнище было написано по-русски и по-чешски: "Чехословакия приветствует и благодарит своих освободителей. Да здравствует вечная дружба народов СССР и Чехословакии!" За этим полотнищем виднелось другое, на нем была надпись на словацком языке: "Красной Армии-освободительнице — наздар!" На границе у дороги, по которой двигались войска, были вывешены Государственные флаги СССР и Чехословакии.

Население горных словацких деревушек восторженно встречало советских воинов. Начальник политотдела 38-й армии генерал-майор Д. И. Ортенберг рассказал мне такой эпизод. В одном из пограничных сел в Карпатах он зашел в хату старика Гулика. Со слезами радости на глазах Гулик с женой, его дочь и зять благодарили Красную Армию за освобождение. А когда узнали, что перед ними находится советский генерал и дружески беседует с селянами и что его можно называть товарищем, словаки были растроганы и потрясены. Старый Гулик несколько раз с удивлением повторил:

— Товарищ генерал, товарищ генерал… Как же это так? Генерал и вместе с тем товарищ!.. Красная Армия — необыкновенная армия.

Во многих освобожденных населенных пунктах стихийно возникали митинги. Здесь, на Дукле, родился лозунг чехословацких патриотов "С Советским Союзом на вечные времена!".

6 октября 1944 года генерал Людвик Свобода писал командующему войсками 1-го Украинского фронта Маршалу Советского Союза И. С. Коневу: "В исторический момент перехода границы Чехословацкой республики примите, господин маршал, пламенный боевой привет всех офицеров, унтер-офицеров и солдат 1-го ЧАК в СССР.

Мы счастливы, что вместе с войсками 1-го Украинского

фронта под Вашим командованием мы первыми из состава чехословацкой заграничной армии вступили на родную землю.

Мы вступили на родину плечо к плечу со славными воинами Красной Армии, которых наши народы встретили как освободителей от ненавистного фашистского ига…

Чехословацкий народ вечно будет чтить память тех, кто отдал свою жизнь за его свободу, за счастье его сынов"{43}.

Военный совет фронта так же тепло поздравил личный состав 1-го чехословацкого армейского корпуса со вступлением в пределы родины и пожелал боевых успехов в окончательном разгроме немецко-фашистских захватчиков и изгнании их с территории Чехословакии.

Овладев Дуклинским перевалом, 38-я армия и 1-й чехословацкий армейский корпус продолжали наступление. На оперативной карте штаба фронта отмечалось продвижение не только наших войск, но и словацких повстанцев, контролировавших значительную территорию. Нас радовали сообщения о боевой активности партизан, наносивших врагу огромный урон. Партизанские соединения и отряды, возглавляемые коммунистами, множили свои ряды за счет местных рабочих и деревенской бедноты, пополнялись опытными советскими партизанами, переброшенными по воздуху, а также советскими гражданами, бежавшими из фашистских концлагерей.

В политдонесении от 22 октября 1944 года, подписанном заместителем начальника политуправления 1-го Украинского фронта генерал-майором П. А. Усовым, мы сообщали Главному политическому управлению, что за время боев с фашистскими оккупантами повстанческая словацкая армия значительно окрепла в организационном отношении, улучшилось руководство ее частями. Политическое настроение подавляющего большинства повстанцев и партизан хорошее, боевой дух высокий. Солдаты и офицеры ненавидят фашистов и горят желанием очистить свою страну от оккупантов с помощью Красной Армии, которую они ждут с нетерпением. Подобные настроения характерны и для местных жителей, проживающих на территории, занятой повстанцами и партизанами. Прежде всего бросается в глаза горячая и неподдельная любовь словацкого населения к Красной Армии и братскому русскому народу. Оно восхищается Красной Армией, ее победами и благодарит за помощь в организации чехословацкого корпуса в СССР. Однако у повстанцев обнаружился ряд слабых сторон. Многие солдаты и офицеры не имеют боевого опыта, наблюдается недостаточная стойкость отдельных подразделений. Среди офицерского состава имеются… лица, которые… считают прочную оборону ненужной, дескать,

выручат характер горной местности, храбрость солдат{44}.

Следует заметить, что большой размах и ярко выраженный политический характер Словацкого национального восстания напугал не только Гитлера и его националистических лакеев, но и эмигрантское буржуазное правительство в Лондоне, выражавшее интересы имущих классов.

Нас, например, удивляла и возмущала инертность, непоследовательность и нерешительность буржуазных военных специалистов. Они норовили придерживаться выработанной Западом тактики "винтовки, приставленной к ноге". Словацкие воинские части, во главе которых остались в большинстве своем реакционно настроенные офицеры, проявляли пассивность. Этим не замедлили воспользоваться гитлеровцы.

Перегруппировав и подтянув войска, фашисты во второй половине октября обрушились на повстанческий район.

В тот трудный час главную тяжесть борьбы с гитлеровцами приняли на себя партизанские отряды. Руководимый Коммунистической партией, народ Чехословакии не склонил головы перед поработителями. В тяжелой боевой обстановке Главный штаб партизанского движения осуществил реорганизацию соединений и отрядов и их планомерный отход в горы. Генерал-майор А. Н. Асмолов рассказывал мне о мужественном борце за народное дело Яне Шверме. Видный деятель Коммунистической партии товарищ Шверма, будучи больным, возглавил организованный отход партизан в горы. Ему предлагали эвакуироваться на самолете, но партийный руководитель наотрез отказался покинуть партизан. 10 ноября в неистовую метель при переходе через Хабенецкий перевал Ян Шверма скончался. Он стал национальным героем страны, символом мужества и стойкости.

После Карпатско-Дуклинской операции эмигрантское правительство Бенеша предприняло попытку ликвидировать чехословацкие части в СССР. Руководству фронта стало известно довольно странное предложение министра обороны буржуазного правительства Ингра, переданное через главу чехословацкой военной миссии в СССР генерала Пика. Предлагалось распустить танковые, артиллерийские и авиационные части 1-го чехословацкого армейского корпуса, превратив его в пехотную бригаду. Мотивировалось это тем, что танковая бригада и другие специальные части понесли в горах потери в технике, что пополнить их трудно и т. п. Но мы в этом предложении видели стремление ликвидировать вооруженные силы чехословацкого народа. Нам и раньше было известно, что реакционеры из Лондона мешали организации в 1942 году первого

чехословацкого батальона, противились назначению Люд вика Свободы, отказывались присваивать офицерские звания закаленным в боях коммунистам, которые приобрели военный опыт еще в интернациональных бригадах в Испании, а затем на территории нашей страны сражались с немецко-фашистскими захватчиками. Буржуазные военспецы требовали поставить чехословацкие части "вне политики", даже объявили запрет антифашистской агитации.

Обсуждая на Военном совете фронта вопрос о чехословацком корпусе, мы верили, что у этого соединения большие перспективы и хорошая база роста. Ведь корпус достиг родной земли, и люди труда добровольно вступают в него, в том числе партизаны, участники Словацкого национального восстания. Свертывать это соединение, когда впереди решающие бои за освобождение Чехословакии, было никак нельзя.

Заручившись согласием Ставки Верховного Главнокомандования, Военный совет фронта пополнил чехословацкую танковую бригаду новыми боевыми машинами, усилил части артиллерией и другой техникой, восстановил боевую мощь корпуса.

Вскоре 1-й чехословацкий армейский корпус был передан в состав 4-го Украинского фронта и принял участие в боях за полное освобождение своей страны.

Так вопреки происками эмигрантского буржуазного правительства Бенеша чехословацкий корпус был не только сохранен, но и послужил базой для развертывания национальных вооруженных сил. 6 октября 1944 года стало Днем чехословацкой Народной армии.

В послевоенное время мне неоднократно приходилось бывать в братской Чехословакии. Большое впечатление произвела поездка на празднование 20-й годовщины Словацкого народного восстания. В состав советской военной делегации входили маршал авиации С. А. Красовский, генерал А. Н. Асмолов и другие активные участники боевых событий. Мы летели в Прагу на воздушном лайнере, пилотируемом прославленным асом нашего фронта дважды Героем Советского Союза Дмитрием Глинкой. В Банска-Бистрице, празднично украшенной красными знаменами и трехцветными национальными флагами, нас встретили с сердечным радушием. Побывали мы на знаменитом аэродроме Три Дуба, на местах легендарных сражений, посидели у традиционного партизанского костра дружбы.

По приглашению министерства обороны ЧССР я находился в Чехословакии в феврале 1968 года, в дни празднования 50-летия Советских Вооруженных Сил, выступал перед чехословацкими

воинами и трудящимися ЧССР с докладами о полувековом героическом пути Советской Армии и Военно-Морского Флота, о нерушимой дружбе братских армий и народов, зародившейся в годы нашей общей борьбы против фашизма.

Неизгладимое впечатление на меня произвела поездка в Чехословакию в майские дни 1975 года, когда наша страна и все прогрессивное человечество праздновали 30-летие Победы советского народа и его Вооруженных Сил над кровавым фашизмом. Одновременно отмечалось 30-летие освобождения Праги от ненавистных гитлеровских захватчиков.

Сердечной и задушевной была встреча нашей военной делегации с генералом Людвиком Свободой. Вспомнили мы Киевское сражение, бои под Соколове, Белой Церковью и в Карпатах. Высоко оценивая годы совместной борьбы, годы суровых ратных испытаний и славных побед, дважды Герой Чехословацкой социалистической республики и Герой Советского Союза генерал Людвик Свобода писал: "Я убедился в великой мудрости и огромной созидательной силе партии Ленина. Они проявлялись повсюду, где надо было поднимать, организовывать, сплачивать людей, мобилизовать все силы для борьбы с врагом. Коммунисты были примером во всем, на самых трудных участках они всегда были впереди.

На каждом шагу мы ощущали вдохновляющее воздействие братской помощи, интернационалистской убежденности советских людей. Народ-герой ничего не жалел, когда речь шла о содействии нам в то тяжелое для чехов и словаков время.

Помню, как в предгорьях Карпат два советских офицера спасли мне жизнь. Вблизи от нас разорвалось несколько вражеских мин. Один из офицеров мгновенно прижал меня к земле, другой тут же прикрыл своим телом. Никогда не забуду слова одного из них — капитана-артиллериста: "Нас могут убить, вас не смеют…"

Путь, пройденный вместе от Бузулука до Праги, оставил глубокий след в моем сердце. Чехословацко-советская дружба вошла в мою плоть и кровь"{45}.

Приближался сорок пятый…

На лысом бугорке, обдуваемом студеными ветрами, одиноко возвышался дорожный столб. Ярко раскрашенные фанерные стрелы указывали: "К Висле", "До переправы — 0,5 км, до Берлина — 695 км".

По крутому спуску наша машина скатилась к реке, дробно простучала по бревенчатому мосту. Висла почти вся покрылась льдом и снегом, лишь кое-где темнели полыньи. Стояла безмятежная тишина.

А совсем недавно воды Вислы кипели от частых разрывов бомб и снарядов. С неистовым воем к переправам рвались фашистские пикировщики, а над польскими фольварками в бешеном круговороте яростных поединков сновали десятки наших и вражеских самолетов.

Тяжелые бои шли в воздухе и на заречной земле, именуемой сандомирским плацдармом. Напряжение борьбы постепенно ослабевало, пока не установилось относительное затишье.

Один из видных военных историков как-то задал В. Д. Соколовскому и автору этих строк вопрос:

— Когда на Первом Украинском фронте началась подготовка к Висло-Одерской наступательной операции?

И мы, не сговариваясь, вполне убежденно и обоснованно ответили ему, что подготовка фактически началась 29 августа 1944 года, когда полностью завершилась Львовско-Сандомирская операция и войска фронта по приказу Ставки на всей полосе перешли к жесткой обороне.

Василий Данилович не преминул заметить, что Ставка очень точно определила, когда нам выгоднее всего завершить операцию. К тому времени состояние двух противостоящих группировок было таково, что и мы наступать не могли, и противник, основательно потрепанный нашими войсками, уже не представлял серьезной угрозы, в сложившейся ситуации самым разумным было перейти от наступления к обороне, чтобы прочно закрепиться на достигнутых рубежах и начать подготовку к новой операции.

— Правильно выбрать такой момент, — заключил генерал армии В. Д. Соколовский, — дело не простое и относится к области военного искусства, в развитии которого мы немало преуспели.

Война — это не только жаркие бои, но и повседневный, напряженный ратный труд. Используя каждый час наступившего затишья, воины старательно готовили оборонительные позиции, чтобы они стали неприступными для врага. За короткое время было отрыто 1500 километров траншей полного профиля и ходов сообщения, передний край прикрыт минными полями и различными инженерными заграждениями. Войска фронта создали многополосную оборону на глубину 30–40 километров, надежно оградив плацдарм и переправы через Вислу.

Инженерные работы, которыми занимались все наши воины, были рассчитаны не столько на оборону, сколько на будущее наступление. Сандомирский плацдарм мы подготовили для сосредоточения здесь ударной группировки. Например, каждый артдивизион оборудовал основные и запасные огневые позиции с

таким расчетом, чтобы в нужный момент на них могли разместиться артполк или даже артбригада. Все делалось продуманно, строго по плану.

Помню доклад Военному совету начальника инженерных войск фронта генерала И. П. Галицкого. В нем говорилось не только о создании оборонительных рубежей, но и о подготовке лесных массивов для размещения как имеющихся в наличии частей, так и ожидаемых резервов Ставки. Саперы заблаговременно расчистили просеки, сделав их пригодными для проезда автотранспорта, разбили леса на кварталы-квадраты и просеки-улицы, дав им условные наименования. Прибывающие к нам соединения и части имели карту лесов и точно знали квадрат, где им надлежало разместиться. На плацдарме они находили не только образцы блиндажей, наблюдательных и командных пунктов, но и шахтные колодцы с водой, бани и другие сооружения, необходимые для войск. Наши инженерные части установили 240 километров придорожных вертикальных масок, изготовили большое количество маскгазонов, осуществили и другие мероприятия по маскировке оборонительных рубежей, а также мест расположения личного состава и боевой техники.

Наши пехотинцы, артиллеристы, связисты и воины других родов войск соорудили по типовым образцам Ю тысяч землянок, 11 тысяч артиллерийских и минометных позиций, 1160 командных и наблюдательных пунктов, всевозможные укрытия для личного состава и боевой техники. Одновременно создавались магистральные ходы сообщения глубиной до 2 метров и шириной поверху 2,5 метра, что позволяло воинам быстро и скрытно выдвигаться на передний край.

Войска, преднамеренно перешедшие к обороне, жили мыслью о новом наступлении. Их неустанно готовили к этому командиры и политработники. Когда мы прибыли в одну из частей 4-й танковой армии, нас окружили воины. Посыпались вопросы:

— Скоро ли наступление?

— Будет ли Первый Украинский брать Берлин?

Я порекомендовал солдатам настойчивее учиться, старательнее готовиться к победным боям, чтобы сокрушить врага на Висле, дойти затем до его жизненно важных центров и разгромить фашистское логово.

Однажды порученец майор В. А. Иванов пришел из штаба взволнованный и положил на мой стол ворох новых карт.

— Посмотрите, товарищ генерал, что прислали! — радостно воскликнул он, поспешно развертывая новые, хрустящие листы. — Вы видите, что на них написано: «Краков», «Бреслау»… И берлинский лист выдали!

Что ж, в конце 1944 года появилась насущная потребность и в этих листах.

Маршал Советского Союза И. С. Конев, начальник штаба фронта генерал армии В. Д. Соколовский, начальник оперативного управления генерал-майор В. И. Костылев, Военный совет уже давно занимались первоначальными наметками и прикидками, вынашивая замысел зимнего наступления войск 1-го Украинского фронта.

Ставка Верховного Главнокомандования и Генеральный штаб в творческом содружестве с руководством 1-го Белорусского, 1-го Украинского и других фронтов разрабатывали план новой крупной операции, вошедшей в историю Великой Отечественной войны под названием Висло-Одерской.

Подготовка к наступлению шла по всем правилам. Оперативная пауза продолжалась примерно четыре месяца. В условиях войны такая возможность представляется крайне редко, и мы стремились как можно лучше использовать драгоценное время для обучения воинов и сколачивания подразделений.

Занимались все войска, в том числе части первого эшелона, а также штабы соединений и политорганы. Это была настоящая академия, давшая немало знаний и навыков солдатам и сержантам, командирам и политработникам.

Командующий войсками фронта Маршал Советского Союза И. С. Конев в приказе поставил следующие задачи: "1. Продолжать боевое сколачивание подразделений и частей:

а) к 20. 11. 44 г. во всех дивизиях закончить подготовку к наступательному бою батальона, полка со средствами усиления;

б) продолжать выучку отдельного бойца и сколачивание в наступательном бою отделения, взвода, роты;

в) тактическую подготовку рот, батальонов заканчивать учением с боевой стрельбой;

г) особое внимание уделить отработке вопросов взаимодействия с танками, артиллерией, минометами, авиацией, а также с соседями;

д) провести не менее одного учения в ночных условиях.

2. В тактической подготовке добиться высокой подвижности, маневренности войск. Необходимо выработать умение атаковать с ходу, вести бой в лесу, при полном взаимодействии пехоты с артиллерией, танками и авиацией в осенне-зимних условиях.

Тактическим учениям должны предшествовать тактико-строевые занятия, на которых особо тщательно отработать взаимодействие огня и движения боевого порядка, сквозные атаки на всю глубину батальонного узла обороны противника и провести показные учения"{46}.

Приказ обязывал части второго эшелона заниматься боевой и политической подготовкой 8-10 часов в сутки, а подразделения первого эшелона — 4–6 часов. Войска, несущие боевую службу на переднем крае, периодически подменялись и выводились в тыл для проведения учений.

Командующий и Военный совет фронта уделяли особое внимание штурмовым батальонам, которые должны были первыми прорывать сильно укрепленную оборону врага на сандомирском плацдарме. Во главе этих подразделений стояли смелые, опытные, авторитетные и волевые командиры. В воспитании личного состава им помогали проверенные в боях и хорошо подготовленные политработники.

С командным составом штурмовых батальонов штаб фронта провел показное тактическое учение на тему:

"Действия штурмовой группы при прорыве позиционной обороны противника". Саперы воспроизвели примерную копию сильно укрепленного опорного пункта врага, оборудовали дзоты, траншеи, ходы сообщения, установили трофейные мины, различные инженерные заграждения. Систему огня обороняющихся также построили по немецкому образцу.

Показное учение, проходившее в обстановке, приближенной к боевой, принесло немалую пользу командному составу штурмовых батальонов и рот.

В ноябре и декабре 1944 года Военный совет фронта, руководящие работники штаба проверяли готовность соединений и объединений. Вместе с Маршалом Советского Союза И. С. Коневым мы побывали на учениях с боевой стрельбой в 4-й танковой армии, которой командовал генерал-полковник Д. Д. Лелюшенко.

— Посмотрите, какой великолепный «зоопарк» организовал на полигоне Дмитрий Данилович! — шутливо сказал командующий бронетанковыми и механизированными войсками фронта генерал Н. А. Новиков. — Здесь и «пантеры», и «тигры», и даже "королевские тигры". Такое разнообразие вряд ли где встретишь.

И в самом деле, на полигоне в качестве мишеней были расставлены различные трофейные танки и самоходки, по которым вели огонь наши воины.

Танкисты, мотострелки и артиллеристы наступали слаженно, взаимодействовали четко, успешно решали тактические и огневые задачи, метко поражая цели с ходу и с коротких остановок.

Когда смолкли выстрелы, к трофейным танкам, выставленным в качестве мишеней, поспешили многие участники

учений.

Вместе с членом Военного совета армии генерал-майором танковых войск В. Г. Гуляевым и начальником поарма полковником Н. Г. Кладовым мы подошли к группе воинов, стоявших возле подбитого «тигра». Бывалый танкист, показав молодым воинам на многочисленные пробоины в броне вражеской машины, с гордостью сказал:

— Как видите, наши герои бьют «тигры» в хвост и в гриву. Но бороться с немецкими танками надо умеючи. У «тигра» лобовая броня имеет толщину сто миллиметров, поэтому лезть на рожон не стоит, а лучше всего занять выгодную позицию и бить по бортам, корме и ходовой части вражеской машины. Результат получается отличный!

Ветеран, рассказывавший молодым воинам о вражеской технике и способах борьбы с нею, предложил воинам перейти к следующему «экспонату» — немецкому сверхтяжелому танку T-VIБ, так называемому "королевскому тигру". Показав палкой на пробоину в башне вражеской машины, танкист весело сообщил:

— У "королевского тигра" лоб чуть ли не вдвое толще, чем у обыкновенного, но и он не устоял перед нашим снарядом…

В то время мы располагали тяжелыми танками ИС, имевшими 122-мм пушку, и самоходками ИСУ, вооруженными 152-мм орудиями. Снаряды этого калибра пробивали любую броню.

Слушая беседу ветерана с молодыми воинами, мы с удовлетворением отметили, что учеба и воспитательная работа с людьми проводятся конкретно и целеустремленно. В подразделениях, участвовавших в тактических учениях, можно было увидеть не только памятки, выпущенные штабом и политотделом армии, но и боевые листки, а также листовки-молнии, которые передавались из экипажа в экипаж. Словом, использовались самые разнообразные формы и методы, побуждающие фронтовиков учиться военному делу настоящим образом, как требовал того великий Ленин.

Коммунистическая партия проявляла постоянную заботу об укреплении Советских Вооруженных Сил, о повышении боевой выучки и политической сознательности защитников нашей Родины. В канун 27-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции Центральный Комитет обратился к войскам с призывом: "Воины Красной Армии! Неустанно совершенствуйте свое боевое мастерство, полностью используйте нашу прекрасную боевую технику, бейте вражеские войска до полного их разгрома!"{47}.

Пропагандируя вдохновенные Призывы ЦК партии, наша печать распространяла передовой опыт, помогая молодым

солдатам овладевать ратным мастерством, готовиться к суровым испытаниям. Герой Советского Союза гвардии старшина Андрей Мелконян, отважно сражавшийся в Сталинграде, на огненной Курской дуге, Днепре, Днестре и Висле, выступил на страницах фронтовой газеты "За честь Родины" с серией статей об инженерной разведке местности, о том, как нужно обезвреживать вражеские фугасы, снабженные различными коварными «сюрпризами». Он справедливо отмечал особо важную роль саперов, прокладывающих путь стрелковым и танковым подразделениям.

По почину коммуниста Героя Советского Союза Михаила Сохина на страницах фронтовой газеты развернулась перекличка снайперов. Мастера огня хорошо помогали командирам в подготовке метких стрелков. Много ценных советов дал молодым воинам опытный механик-водитель гвардии старшина И. Кылымник — один из зачинателей движения по сбережению техники и продлению межремонтных сроков эксплуатации танков и самоходно-артиллерийских установок.

Командные кадры и работники штабов творчески осмысливали итоги недавно закончившейся Львовско-Сандомирской операции, тщательно анализировали боевые действия войск по окружению и ликвидации бродской группировки противника, форсированию Вислы, захвату и удержанию плацдарма, организации взаимодействия на различных этапах наступления.

Ставка Верховного Главнокомандования в директиве от 30 ноября 1944 года отмечала, что, несмотря на крупные победы, одержанные Красной Армией, в войсках допускались отдельные просчеты, особенно в организации взаимодействия авиации с танками. В частности, имели место несогласованность во времени при нанесении ударов по противнику, запоздалые вылеты по вызову, не всегда надежное прикрытие наземных войск.

Выполняя директиву Ставки, мы провели командно-штабное учение с руководящим составом фронта. Несомненную пользу принесло совещание членов военных советов и начальников политотделов армий.

Выступавшие далеко не случайно сосредоточили свое внимание на подвижных войсках и авиации. В предстоящей операции основную роль в развитии наступления должны были, как и раньше, сыграть введенные в прорыв танковые и механизированные соединения. Им надлежало овладеть важными районами и рубежами, захватить переправы через реки и узловые железнодорожные станции, чтобы нарушить коммуникации противника.

Кто мог оказать наиболее эффективную поддержку подвижным войскам в оперативной глубине? Главным образом авиация. Она способна непрерывно поддерживать наших танкистов, надежно прикрывать их с воздуха, подавлять неприятельские очаги сопротивления на земле.

Речь шла о том, чтобы, умело используя различные меры партполитработы, подкрепить усилия командования по улучшению взаимодействия как между однородными подразделениями, так и между различными родами войск, помочь им в укреплении дисциплины и организованности. Подчеркивалось, что вся деятельность политработников, партийных и комсомольских организаций должна тесно увязываться с боевой подготовкой, активно влиять на совершенствование тактики и оперативного искусства.

В дни подготовки к новой наступательной операции во 2-й воздушной армии было проведено крупное летно-тактическое учение. Тема: "Действия авиации при прорыве сильно развитой и укрепленной обороны противника". Руководил им генерал С. А. Красовский.

На наблюдательном пункте, откуда хорошо просматривался изрезанный траншеями и окопами район обороны «противника», находились командующий войсками фронта Маршал Советского Союза И. С. Конев, начальник штаба генерал армии В. Д. Соколовский, члены Военного совета, командармы.

Первыми в небе появились истребители соединений, которыми командовали генералы А. В. У тин и М. Г. Мачин. Очистив воздушное пространство от патрулей «противника», они точными атаками уничтожили зенитные батареи и другие важные цели.

Затем показались бомбардировщики. Группы вел генерал И. С. Полбин. Он первым спикировал на батарею «противника» и по-снайперски точно положил бомбу в цель. Встав в круг, экипажи поочередно атаковали объект. Мы увидели в действии известную полбинскую «вертушку». Каждая бомба сбрасывалась прицельно.

Метко поражали выставленные на полигоне мишени штурмовики генерала В. Г. Рязанова. Эффективно атаковали наземные цели полковник А. И. Покрышкин и другие летчики-истребители. Яркими факелами вспыхнули бочки со смолой, ящики с трофейными снарядами и взрывчаткой.

Особенно внушительным был массированный удар, Наша авиация обрушила на участок предполагаемого прорыва множество фугасных бомб и реактивных снарядов.

Глядя на обвалившиеся и полузасыпанные траншеи, разрушенные дзоты и блиндажи, на груды металлолома, в

который превратились трофейные танки, орудия и минометы, на объятые огнем и окутанные дымом позиции противника, Маршал Советского Союза И. С. Конев с удовлетворением сказал:

— Такой удар способен потрясти любую оборону врага… — Иван Степанович помолчал, посмотрел на плывущие в небе облака и со вздохом добавил: — А вот строптивая матушка-зима может преподнести нам сюрприз и испортить погоду, сделать ее нелетной. Это обстоятельство тоже надо учитывать при планировании операции.

На разборе летно-тактических учений командующий войсками фронта И. С. Конев оценил массированный удар нашей авиации как наиболее эффективный способ взламывания обороны противника. Маршал с похвалой отозвался о действиях групп пикировщиков. Он сказал, что именно так надо уничтожать опорные пункты в глубине вражеской обороны и резервы, выдвигаемые противником для контратаки. Командующий приказал отработать плановые таблицы взаимодействия и выделить офицеров наведения, которые должны быть направлены в танковые и механизированные корпуса.

В описываемое мной время советская авиация уже господствовала в небе. 2-я воздушная армия, входившая в состав нашего фронта, имела перед Висло-Одерской операцией 2588 самолетов. Для того чтобы лучше показать значимость этой цифры, напомню, что фронты, участвовавшие в контрнаступлении под Москвой, располагали лишь 760 самолетами, а Военно-Воздушные Силы всей действующей армии в конце 1941 года насчитывали 2495 боевых машин. Это убедительно говорило о том, как далеко шагнула в своем развитии отечественная авиация, как много сделали для завоевания победы талантливые конструкторы, самолето — и моторостроители, героические труженики советского тыла, обеспечивавшие Вооруженные Силы авиационной техникой и боеприпасами.

В канун 1945 года внимание Военного совета 1-го Украинского фронта было приковано к войскам, прибывавшим к нам из резерва Ставки. 30 октября 1944 года нам передали 52-ю армию, которой командовал генерал-полковник Константин Аполлонович Коротеев. Членом Военного совета здесь был генерал-майор А. Ф. Бобров, а начальником штаба — генерал-майор А. Н. Коломинов. Вместо убывшего полковника П. В. Банника в должность начальника политотдела армии 15 декабря 1944 года вступил полковник П. Н. Михайлов. Я хорошо знал его. В начале тридцатых годов мы с Панкратием Никитичем Михайловым учились вместе в Ленинграде на сухопутном факультете Военно-политической академии, которую в 1938 году

перевели в Москву.

После совместной учебы мы много лет не виделись с Михайловым, встретившись, долго говорили об однокурсниках, преподавателях и начальниках. Вспомнили, как волновались когда-то перед экзаменами.

— Но самый трудный экзамен мне придется держать здесь, на фронте, признался Панкратий Никитич.

Этот инициативный, упорный в работе человек, основательно изучивший военное дело, с честью выдержал боевой экзамен, хорошо проявил себя на ответственном посту начальника политотдела объединения.

В декабре 1944 года в состав фронта вошла 59-я армия. Но с ее командующим генерал-лейтенантом И. Т. Коровниковым м е довелось встретиться несколько раньше, в ноябре, когда он с группой офицеров управления прибыл к нам для ознакомления с обстановкой в новом районе дислокации.

Познакомив меня с командармом, маршал заметил, что боевую закалку Иван Терентьевич получил на посту военного комиссара. Мы с И. Т. Коровниковым оказались одногодками и земляками. Иван Терентьевич родился и вырос на Волге. Как и я, он добровольно вступил в Красную Армию в грозном 1919 году и тоже вначале был политбойцом. В тридцатых годах, когда И. С. Конев командовал особым корпусом в Монголии, И. Т. Коровников являлся комиссаром соединения. Окончив перед войной командный факультет Академии моторизации и механизации, он стал заместителем командира 2-й танковой дивизии, находившейся в Прибалтике. В июльские дни 1941 года Иван Терентьевич возглавил 1-й механизированный корпус, затем армейскую группу войск, а в начале 1942 года принял командование 59-й армией.

Членом Военного совета этой армии был генерал-майор П. С. Лебедев. Как и командарм, он в предвоенные годы выполнял интернациональный долг за рубежами нашей Родины. Будучи комиссаром 36-й мотострелковой дивизии, участвовал в боях на Халхин-Голе, был награжден двумя орденами Красного Знамени Монгольской Народной Республики.

С первых дней Великой Отечественной войны П. С. Лебедев находился в действующей армии. 26 июня 1941 года северо-восточнее Шяуляя он лично повел подразделение в контратаку и получил ранение. Оказавшись в тылу противника, политработник П. С. Лебедев собрал из солдат разных частей боевую группу и пробился к своим.

Рассказывая о ратном пути 59-й армии, член Военного совета генерал П. С. Лебедев вспоминал о боях на Волховском и

Ленинградском фронтах, об освобождении древнего Новгорода и участии в морском десанте по захвату ряда островов в Выборгском заливе. После выхода Финляндии из войны войска армии охраняли здесь границу нашей Родины.

— Такой мирной тишины, какая установилась на советско-финляндской границе, на плацдарме за Вислой не будет, — предупредил я Лебедева. — Скоро в самое пекло пойдем — штурмовать фашистское логово. Надо готовить войска к напряженным боям и длительному наступлению с высоким темпом.

Примерно за неделю до упомянутой беседы из Москвы вернулся командующий войсками 1-го Украинского фронта Маршал Советского Союза И. С. Конев. По его веселому и приподнятому настроению нетрудно было догадаться, что поездка прошла успешно и он привез хорошие новости.

Конев проинформировал Военный совет о том, как Верховный Главнокомандующий рассматривал представленный руководством 1-го Украинского фронта план предстоящего наступления. Нас обрадовало, что его оперативная часть была целиком одобрена.

Вспоминаю, как поправила нас Ставка при подготовке Киевской наступательной операции, как придирчиво Сталин разбирал план Львовско-Сандомирской операции. И если теперь наши предложения не вызвали со стороны Верховного Главнокомандования и Генерального штаба никаких возражений, это, несомненно, говорило о возросшем мастерстве военных кадров.

План Висло-Одерской наступательной операции явился итогом коллективного творчества Ставки, Генштаба, командующих, штабов и военных советов 1-го Белорусского, 1-го Украинского и других фронтов. Мы с воодушевлением встретили сообщение Ивана Степановича о том, что предстоящая операция явится важнейшей составной частью кампании 1945 года, В ходе ее Советские Вооруженные Силы должны были окончательно разгромить гитлеровскую Германию и сокрушить фашизм. Не вдаваясь в детали замысла завершающей кампании, И. С. Конев сказал, что Ставка признала центральный участок советско-германского театра военных действий главным и что войска 1-го Украинского и 1-го Белорусского фронтов нацелены как раз на берлинское стратегическое направление.

Разрабатывая наступательную операцию, Военный совет исходил из указаний Коммунистической партии, изложенных в приказе Верховного Главнокомандующего № 70 от 1 мая 1944 года и в последующих документах. Поставив перед Красной

Армией историческую задачу очистить от фашистских захватчиков всю нашу землю и восстановить Государственные границы Советского Союза по всей линии от Черного моря до Баренцева, Верховный Главнокомандующий подчеркнул, что только этим задачи не могут ограничиваться. "Чтобы избавить нашу страну и союзные с нами страны от опасности порабощения, — говорилось в приказе № 70 от 1 мая 1944 года, — нужно преследовать раненого немецкого зверя по пятам и добить его в его собственной берлоге. Преследуя же врага, мы должны вызволить из немецкой неволи наших братьев поляков, чехословаков и другие союзные с нами народы Западной Европы, находящиеся под пятой гитлеровской Германии{48}.

В ходе январского наступления 1945 года войскам 1-го Украинского фронта вместе с нашими соседями предстояло завершить освобождение польского народа от фашистских оккупантов, выполнить благородный интернациональный долг, великую освободительную миссию.

При разработке операции командующий, Военный совет и штаб учитывали политические, военные и экономические факторы. Так, например, на пути наступления 1-го Украинского фронта находился обширный Силезский промышленный район со множеством шахт и рудников, заводов, фабрик и электростанций. Мы прекрасно отдавали себе отчет в том, как важно избежать крупных разрушений и по возможности сберечь промышленные объекты. На это обратил внимание Военного совета фронта и Верховный Главнокомандующий.

Если взглянуть на карту Силезии, то можно увидеть очень густую сеть городов и заводских поселков, примыкающих один к другому. Гитлеровцы создали мощные опорные пункты, приспособив к обороне каменные здания, фабричные корпуса, шахтные сооружения, подземные постройки. Естественно, мы не могли ввязываться здесь в затяжные бои, нести неоправданные потери в людях и технике, снижать темпы нашего продвижения вперед.

Вот почему решено было наступать не с фронта, а в обход Силезии, охватывая ее с северо-востока, севера и юга, делая все возможное для того, чтобы сохранить братскому польскому народу важный индустриальный район.

На всем протяжении Великой Отечественной войны Коммунистическая партия активно влияла на боевую деятельность командиров и штабов, на их оперативные решения. Центральный Комитет ленинской партии, осуществлявший высшее политическое и стратегическое руководство боевыми действиями Советской Армии и Флота, решал все магистральные

вопросы ведения войны, вооружения, снабжения, распределения и расстановки сил, выработки оперативно-стратегических планов. И это приносило успех и победу. Висло-Одерская операция — убедительное тому подтверждение.

Развернув всестороннюю подготовку к наступлению, Военный совет фронта заслушал в декабре 1944 года доклад начальника тыла генерала Н. П. Анисимова о том, как накапливаются боеприпасы и материальные средства, необходимые для успешного осуществления операции. Николай Петрович доложил, что в Москву посланы дополнительные заявки. Утвержденный Ставкой план операции внес коррективы и в материально-техническое обеспечение. Наступление войск 1-го Украинского фронта в составе десяти армий требовало большого количества вооружения, боеприпасов, горюче-смазочных материалов.

К нам ежедневно прибывало в среднем около 500 вагонов — с различными грузами. Наибольшей интенсивности перевозки достигли в декабре 1944 года. Всего за время подготовки операции в адрес фронта поступило 64 525 вагонов. Они разгружались на восточном берегу Вислы, так как из-за близости противника железнодорожный мост в районе Сандомира построить не удалось. Все грузы доставлялись на плацдарм автомобильным и гужевым транспортом и размещались преимущественно в подземных складах.

Охарактеризовав работу органов тыла и артснабжения как необычайно трудоемкую, генерал Н. П. Анисимов доложил Военному совету, что для 1-го Украинского фронта, насчитывавшего более миллиона солдат, сержантов и офицеров, заготовлено 20 сутодач крупы, 21,8 — хлебопродуктов, 28,8 — жиров, 35,5 — сахара, а также мясо, овощи и многое другое.

Перечень предметов, которыми снабжались войска, был необычайно разнообразен. И далеко не все доставлялось централизованно. Инициативные и находчивые хозяйственники часто использовали местные ресурсы, организуя производство обмундирования, снаряжения, а также различных «мелочей» на местных предприятиях Украины и в ряде случаев в братской Польше. Это сокращало централизованные поставки, высвобождая транспорт непосредственно для боевого обеспечения.

Начальник тыла кратко проинформировал о том, как подготовились к наступлению медики, развернувшие на плацдарме сеть подземных госпиталей первой линии и медсанбатов. Итоги 1944 года свидетельствовали, что наши медработники, возглавляемые начальником военно-санитарного управления фронта генералом Н. П. Устиновым, вернули в строй две трети раненых.

Слушая доклад о материально-техническом обеспечении операции, член Военного совета генерал Н. Т. Кальченко сказал Анисимову:

— Покажи, Николай Петрович, свою знаменитую карту, на которой графически обозначено, как размещены органы тыла.

Когда была развернута упомянутая карта, мы наглядно убедились, что добрая половина накопленных запасов снарядов и мин, горючего и продовольствия уже сосредоточена на плацдарме.

Кто-то из генералов, приглашенных на заседание, высказал предложение, что не стоит рисковать тылами и по-прежнему надо эшелонировать их в глубину.

Маршал Советского Союза И. С. Конев резонно заметил, что приближение тыловых учреждений к переднему краю в данный момент вполне оправданно, продиктовано благоприятной боевой обстановкой.

— Это признак веры в силу и мощь фронта, который не только не отдаст противнику ни одного вершка плацдарма, но и на многие сотни километров продвинется вперед, — заключил Иван Степанович.

К началу Висло-Одерской операции войска имели 4 боекомплекта снарядов и мин, 5 заправок автобензина, 9-10 заправок авиационного бензина и большое количество дизельного топлива. Это было поистине море горючего. Ведь к началу наступления в войсках фронта насчитывалось 3244 танка и самоходных орудия, 2588 самолетов и огромное количество автомашин. Нетрудно представить, сколько потребовалось нам снарядов и мин, если мы имели более 17 тысяч орудий и минометов, а также другое вооружение. Это была огромная боевая сила.

Наше боевое оружие

План операции играет, как известно, важную роль в деятельности войск, поскольку определяет наиболее целесообразные способы боя и формы маневра, а также силы и средства, необходимые для разгрома противника. Велико значение и материально-технического обеспечения вооруженной борьбы. Но решающей силой на войне являются люди, воины армии и флота.

Партия не раз напоминала, что даже очень талантливое оперативное решение само по себе врага не сокрушит. Необходима огромная и всеобъемлющая организаторская и идеологическая деятельность командиров и политорганов, партийных и комсомольских организаций, направленная на мобилизацию войск, на подъем у бойцов и командиров наступательного порыва. "Во всякой войне, указывал В. И. Ленин, — победа в конечном счете обусловливается состоянием духа тех масс, которые на поле брани проливают свою кровь.

Убеждение в справедливости войны, сознание необходимости пожертвовать своею жизнью для блага своих братьев поднимает дух солдат и заставляет их переносить неслыханные тяжести"{49}.

В Призывах Центрального Комитета ВКП(б) к 27-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, встреченных всеми советскими людьми с огромным воодушевлением, была изложена развернутая программа всенародной борьбы за нашу окончательную победу. "Да Здравствует доблестная Красная Армия, громящая гитлеровских захватчиков на территории Германии! — гласил боевой призыв ЦК ВКП(б). — Воины великой советской державы! Вперед, на запад! Добьем фашистского зверя в его берлоге!"

Великая Отечественная война вступила в завершающую, но очень трудную фазу. Чем ближе фронт подходил к жизненно важным центрам Германии, тем более упорным было сопротивление врага. Центральный Комитет партии предупреждал, что впереди встретится еще много трудностей, а враг перед своей окончательной гибелью будет огрызаться еще яростнее. Поэтому необходимы высокая бдительность, предельное напряжение всех наших сил, готовность довершить дело разгрома немецко-фашистских захватчиков.

Мудрая ленинская партия, как всегда, ясно и четко поставила перед трудящимися и советскими воинами конкретную задачу: добить фашистского зверя в его берлоге, водрузить над Берлином Знамя Победы. Октябрьские Призывы ЦК ВКП(б) были положены в основу всей партийно-политической работы в войсках и способствовали успешной подготовке личного состава к Висло-Одерской наступательной операции.

Политорганы укрепляли партийные и комсомольские организации подразделений, старались расставить партийные силы так, чтобы коммунисты были на всех ответственных участках, чтобы они цементировали армейские ряды, словом и личным примером увлекали воинов на героические подвиги.

Видный партийный и военный деятель, один из первых начальников Политического управления РККА, С. И. Гусев, на основе обобщенного опыта гражданской войны делал такой, например, вывод: "…Если в части было меньше 6 процентов коммунистов (примерно), то часть оказывалась совершенно небоеспособной. В пределах между 6 и 12 процентами она оказывалась более или менее боеспособной, но не вполне устойчивой, и только тогда, когда процент превышал 12, мы видели, что части становятся вполне боеспособными и устойчивыми{50}.

Конечно, политическая сознательность воина — гражданина страны победившего социализма была более высокой, чем в годы становления Советской власти. Тем более внушительными являются результаты роста партийных рядов. Если в годы гражданской войны на каждую сотню бойцов приходилось 5 коммунистов, то к концу Великой Отечественной войны на 100 солдат мы имели 25 коммунистов и 20 комсомольцев. Я не говорю уже о тех солдатах, сержантах и офицерах, которые формально не состояли в рядах ВКП(б), но всей душой поддерживали политику ленинской партии, с оружием в руках отстаивали ее и справедливо именовались беспартийными большевиками. В этом была наша сила.

По состоянию на 1 января 1945 года в войсках 1-го Украинского фронта имелось 252 529 членов и кандидатов в члены партии и 185 669 членов ВЛКСМ{51}. Следовательно, перед началом Висло-Одерской наступательной операции в составе войск фронта находилось 438 198 коммунистов и комсомольцев. Примерно каждый второй воин являлся коммунистом или комсомольцем. Это были самые лучшие, надежнейшие и стойкие фронтовики.

В разгар подготовки Висло-Одерской операции на новую ответственную должность был переведен от нас генерал-лейтенант Сергей Савельевич Шатилов, бессменно работавший на посту начальника политуправления чуть ли не с первых дней основания Воронежского фронта, преобразованного затем в 1-й Украинский. Время было горячее, войска напряженно готовились к новым наступательным боям, и мы с нетерпением ждали приезда преемника Сергея Савельевича. Помню, в конце октября 1944 года мне позвонил начальник ГлавПУРа А. С. Щербаков и сообщил, что принято решение назначить на должность начальника политуправления 1-го Украинского фронта генерал-майора Филиппа Васильевича Яшечкина. Александр Сергеевич охарактеризовал его как хорошего организатора, энергичного и инициативного руководителя, имеющего опыт партийно-политической работы в боевой обстановке. Генерал Ф. В. Яшечкин продолжительное время работал в аппарате ЦК ВКП(б), был членом Военного совета ряда армий, а в последние месяцы являлся членом Военного совета 3-го Прибалтийского фронта.

Я сказал, что рекомендация ЦК партии и Главного политического управления является авторитетной, заверил А. С. Щербакова, что Военный совет фронта окажет нужную помощь новому начальнику политуправления и поможет быстрее войти в курс дела.

— Иного ответа не ждал, — заключил Александр

Сергеевич. — Желаю успеха. Чаще меня беспокойте и информируйте обо всем важном. До свидания!

20 октября 1944 года, когда штаб и Военный совет 1-го Украинского фронта находились в польском населенном пункте Демба, к нам прибыл генерал-майор Ф. В. Яшечкин. Он был подтянут, аккуратен, общителен.

— Очень рад, что мне доверен ответственный пост, да еще на таком крупном фронте, как Первый Украинский, нацеленный на Германию, — сказал в беседе со мной генерал Ф. В. Яшечкин. — Приложу все силы, чтобы оправдать доверие Центрального Комитета.

Я выразил удовлетворение тем, что у Филиппа Васильевича боевой настрой и горячее желание энергично взяться за работу, внести свой вклад в подготовку к наступлению. Но для этого, сказал я, важно понять цели и задачи операции, ее особенности.

Беседу с новым начальником политуправления генералом Ф. В. Яшечкиным Военный совет фронта решил использовать одновременно и для оперативного ориентирования руководящих политических кадров. Мы пригласили заместителей начальника политуправления генерал-майора П. А. Усова и полковника А. А. Пирогова, начальника организационно-инструкторского отдела полковника В. И. Сурикова, начальника отдела по работе среди войск и населения противника подполковника Л. А. Дубровицкого и других политработников.

Не раскрывая главных «секретов» оперативного плана, поскольку для этого еще не настало время, я обратил внимание политработников на существенные особенности предстоящей операции, которые требовалось учесть при планировании и организации партийно-политической работы.

Даже при беглом взгляде на карту можно было определить, что путь советским войскам, сосредоточенным на сандомирском плацдарме, преграждает множество рек. Наиболее значительными из них были Нида, Пилица, Варта, Одер, а затем Бобер, Нейсе, Шпрее и другие. Имелись также малые речушки с топким дном и безымянные ручьи, которые в условиях оттепели и распутицы могли стать серьезным препятствием для танков, артиллерии, автотранспорта.

Таким образом, форсирование рек с ходу приобретало исключительно важное значение. От этого во многом зависели темпы наступления и успех всей операции.

Беседу у карты продолжил начальник оперативного управления штаба фронта генерал В. И. Костылев, ознакомивший политработников с обстановкой на нашем участке фронта. Он сообщил, что всеми видами разведки установлено наличие семи

оборонительных полос, созданных противником в междуречье Висла — Одер и опирающихся на водные преграды.

Затем начальник инженерных войск фронта генерал И. П. Галицкий дал характеристику наиболее крупных рек, которые придется преодолевать нашим войскам, отметил их своеобразие, предупредил о трудностях, которые могут возникнуть при форсировании водных преград. В частности, он напомнил, что зима 1944/45 г. выдалась относительно теплой — в южных районах Польши и Германии реки не всюду покрылись льдом, а там, где он образовался, гитлеровцы взорвали его. Противник подготовил к уничтожению мосты, плотины, шлюзы, переправочные средства.

В этих условиях успех наступления во многом зависел от умения войск с ходу форсировать реки в любой сложной обстановке, в том числе и на подручных средствах, хотя у нас переправочной техники было достаточно.

Наши политорганы, образно говоря, военизировались, они научились быстро и со знанием дела реагировать на любые внезапности и перемены в обстановке, по-военному зрело предвидеть развитие событий, определять главное и успешно выполнять сложнейшие боевые задачи.

Политическая работа многогранна, и оперативных пауз она не знает, потому что влияние партии на войска не может прерываться ни на минуту. Это дело необычайно сложное, требующее, инициативы, творческого горения. Мы учили кадры искусству воспитания людей.

В декабре 1944 года мне довелось побывать на семинаре агитаторов и выступать перед многочисленной аудиторией. Собравшиеся с огромным вниманием прослушали лекции о Владимире Ильиче Ленине, руководящей роли Коммунистической партии в Великой Отечественной войне, о героическом тыле страны. Политработники изучали богатейший опыт пропагандистской и агитационной деятельности М. И. Калинина, С. М. Кирова, А. А. Жданова.

Начальник политуправления фронта генерал Ф. В. Яшечкин, хорошо, квалифицированно руководивший семинаром, привел в своем докладе замечательное высказывание видного революционера-ленинца, активного участника Октябрьской революции и гражданской войны Н. И. Подвойского: "Кроме обычного оружия мы в революционной войне располагаем еще самым чудесным, самым мощным оружием. Его огромная поражающая сила еще не понята миром. Это оружие — революционное слово, наша коммунистическая пропаганда и агитация. Это оружие не знает расстояния"{52}.

Да, революционное слово ленинской партии являлось могучим оружием, умножающим мощь наших войск, повышающим их отвагу и стойкость в бою. Оно приносило нам победы и устрашало врагов.

Мы учили политработников, агитаторов умению доступно и в то же время ярко и образно доносить до солдатских масс идеи партии. На семинаре говорили о том, что слово, которое не тревожит душу воина-фронтовика, равнозначно пуле, полетевшей "за молоком", и снаряду, не попавшему в цель. Такая агитация не действенна. Очень было важно, чтобы партийное слово находило живой отклик в сердцах людей, чтобы мощный заряд боевого духа ускорял достижение победы.

Хорошо запомнилось выступление на семинаре начальника отдела агитации и пропаганды политуправления фронта полковника А. А. Пирогова. Он интересно и, я бы сказал, мудро говорил с агитаторами о том, как найти ключ к сердцу солдата, расположить к себе слушателей, побеседовать с ними по душам. Александр Александрович рекомендовал сочетать массовые мероприятия с индивидуальными, отдавая предпочтение последним.

Что сказать воинам перед началом атаки, в ходе боя и что после боя? Этот вопрос всегда возникал перед командирами, политработниками, коммунистами, агитаторами. Рецептов на все случаи не бывает. Но полковник А. А. Пирогов привел один частный пример из практики ротного агитатора сержанта С. Г. Григорьева. После жаркого боя, доходившего до рукопашных схваток, наше подразделение выбило гитлеровцев из траншеи и закрепилось в ней. На какое-то мгновение установилась тишина. Обычно солдаты оживленно и порой возбужденно вспоминают пережитое. А тут — тишина, вызванная очень трудным боем, ранением нескольких солдат. Как-то надо было вывести людей из оцепенения, подбодрить их. И агитатор тихо, будто для самого себя, запел: "Соловьи, соловьи, не тревожьте солдат…" Ему подтянул один, потом другой. У бойцов постепенно посветлели лица, люди оживились. По кругу пошел кисет, солдаты закурили, вспомнили раненных в бою. Молодой боец со вздохом произнес, что он едва не погиб. Фашистский верзила уже вскинул на него автомат и готовился дать очередь, да спасибо сержанту Григорьеву, сумевшему упредить и скосить гитлеровца.

— Значит, счастливый ты, долго жить будешь, — отозвался кто-то из товарищей.

Но агитатор С. Григорьев сказал молодому солдату, что нужно надеяться не столько на счастье, сколько на самого себя, на свое воинское умение, в бою быть бдительным и не плошать.

Если бы солдат бросил за излом траншеи гранату или же прочесал ход сообщения автоматной очередью, фашист не напал бы на него. Сержант Григорьев порекомендовал воинам прикрывать друг друга огнем, поддерживать и выручать товарищей в бою. Новички внимательно слушали сержанта-агитатора, который не только дал практические советы, но и наглядно показал, как следует автоматчику вести бой в траншее. Непринужденная беседа продолжалась и во время ужина, когда старшина обеспечил доставку горячей пищи бойцам.

Сержант Григорьев принадлежал к самой массовой категории взводных агитаторов, которые всегда находились вместе с солдатами в блиндажах, траншеях, на огневых позициях, на поле боя и наравне с ними делили все тяготы фронтовой жизни, хорошо знали мысли и думы воинов, их нужды и запросы, ежедневно, ежечасно участвовали в той незримой и не всегда фиксируемой политработе, которая давала благотворные результаты.

Агитаторы помогали молодым солдатам быстрее включиться в напряженный ритм армейской жизни. Среди призывников из западных областей Украины, долго живших под пятой фашистской оккупации, встречались малограмотные и даже неграмотные. Некоторых из них приходилось учить читать и писать, а главное, хорошо понимать, что такое Советская власть, что она дает трудовому народу, какие права и обязанности у воина-гражданина.

Разные категории военнослужащих требовали к себе определенного подхода. Командиры, штабы и политорганы постоянно занимались обучением и воспитанием офицерских кадров как решающего звена в подготовке войск. По рекомендации начальника Главного политического управления РККА А. С. Щербакова мы обсудили этот важный вопрос на Военном совете.

Открывая заседание, Маршал Советского Союза И. С. Конев спросил:

— Какими же качествами должны обладать наши командиры, которые вскоре поведут в наступление сотни и тысячи бойцов? — И тут же убежденно ответил: Советские офицеры призваны олицетворять в себе лучшие нравственные качества народа, быть патриотами и интернационалистами, обладать высокой идейной закалкой и партийной принципиальностью, кристальной честностью, твердой волей и хладнокровием, умением быстро и объективно оценивать обстановку, разгадывать замыслы и намерения противника, со всей ответственностью принимать правильные решения, непреклонно претворять их в жизнь.

Иван Степанович напомнил, что еще в давние времена великий русский полководец А. В. Суворов говорил, что война — самый строгий учитель и она ставит хорошие оценки только усердным и умелым офицерам. Эти слова актуально звучали и в годы Великой Отечественной войны. Боевая практика не раз подтверждала, что, чем выше военная культура командира, тем искуснее он руководит боем, добиваясь победы с наименьшими потерями.

Партия и правительство высоко подняли роль и авторитет советского офицера, наделив его большими правами командира-единоначальника. Но с него много и спрашивается. Он обязан не только умело управлять боевыми действиями подразделения или части, но и быть хорошим организатором партийно-политической работы, опираться во всей своей многогранной деятельности на партийную организацию, находить верные пути к солдатским сердцам.

Решая большую и важную задачу воспитания воспитателей, мы главное внимание уделяли младшим офицерам. Многие из них пришли на фронт, окончив училище по ускоренной программе, имея от роду не более двадцати лет. Немало встречалось и таких, которые недавно были рядовыми и сержантами. Как те, так и другие испытывали недостаток в знаниях, нуждались в советах и постоянной помощи старших. Вот почему во время оперативной паузы мы сразу же занялись всесторонним обучением и воспитанием командных кадров.

Находясь за рубежами Советской Отчизны, наши воины с возросшей активностью переписывались с трудящимися городов и сел, освобожденных войсками фронта, с партийными, советскими и общественными организациями областей и районов, где формировались части и соединения. Коллективное чтение писем стало одной из действенных форм патриотического воспитания солдат, сержантов и офицеров.

Постоянную и прочную связь с трудящимися родного Урала поддерживал личный состав 10-го гвардейского Уральского добровольческого танкового корпуса, где начальником политотдела был полковник И. Ф. Захарченко.

Примечательна история формирования этого соединения. 2 февраля 1943 года, когда победно завершилась великая Сталинградская битва, бюро Свердловского, Пермского и Челябинского обкомов ВКП(б) обратились от имени трудящихся в Центральный Комитет Коммунистической партии и Государственный Комитет Обороны с ходатайством разрешить сформировать Уральский добровольческий танковый корпус. Партийные организации обязались направить туда лучших людей

Урала, прежде всего коммунистов и комсомольцев.

ЦК ВКП(б) и ГКО одобрили эту патриотическую инициативу. Трудящиеся Урала за короткий срок собрали более 70 миллионов рублей и на собственные сбережения, своими рабочими руками изготовили сверх плана боевые танки, пушки, минометы и пулеметы, а также обмундирование и снаряжение. Сто тысяч добровольцев изъявили желание отправиться на фронт. "Провожая и благословляя вас на битву с лютым врагом нашей Советской Родины, — писали трудящиеся Урала воинам, отъезжающим в действующую армию, — хотим напутствовать вас своим наказом. Примите его как боевое Знамя. И с честью пронесите сквозь огонь суровых битв… На переднем крае, в дыму сражений чувствуйте рядом с собой весь Урал — огромный военный арсенал Родины, кузницу грозного оружия"{53}.

На сандомирский плацдарм с далекого индустриального Урала поступали тысячи писем и десятки вагонов с подарками. Отчитываясь перед земляками в выполнении их наказа, гвардейцы сообщали о ратных победах танкистов-добровольцев. Экипаж Героя Советского Союза гвардии лейтенанта Г. С. Чесака вступил в неравный поединок с девятью прорвавшимися «тиграми». Защищая командный пункт части, где хранилось боевое Знамя, воины проявили железную стойкость и отвагу. Три «тигра» они уничтожили, а остальных заставили отступить.

Вскоре фашисты снова попытались прорваться через наши боевые порядки. Гвардии лейтенант Г. С. Чесак и его подчиненные вступили в бой с превосходящими силами противника. Они уничтожили около десяти бронетранспортеров и несколько автомашин с автоматчиками.

Отважно дрались с врагом и другие воины. В письме коллективу Челябинского тракторного завода командир подразделения сообщал, что бывший слесарь, а затем механик-водитель Ф. А. Иващенко дерзко прорвался на огневые позиции гитлеровцев, опрокинул и раздавил несколько вражеских пушек, уничтожил более двух десятков гитлеровцев. Храбрый танкист награжден орденом Красного Знамени.

Письмо землякам командир закончил словами: "Вы дали нам наказ изгнать из пределов Отчизны немецко-фашистских захватчиков. Мы этот наказ выполнили! Верховный Главнокомандующий приказал добить фашистского зверя в его собственной берлоге. Мы выполним боевой приказ! Уральские танки и гвардейцы-уральцы будут среди тех, кто завершит дело окончательного разгрома фашистского зверя и водрузит Знамя Победы над Берлином!"

Командир танкового подразделения в письме землякам-

уральцам очень точно выразил мысли и чувства, которыми жили воины-фронтовики.

В дни боев на Висле политорганы вели активную политическую работу не только в наших войсках, но и среди населения освобожденных районов Польши. В 1944–1945 годах классовый состав этой страны был неоднороден. Кроме рабочих и крестьян там существовали капиталисты и помещики, реакционно настроенные чиновники, а также мелкая буржуазия. Довольно сильное влияние среди местного населения имела католическая церковь.

Профессиональные лжецы из фашистского ведомства Геббельса, шептуны и провокаторы из буржуазно-помещичьего отребья, служители Ватикана и антисоветские писаки Запада — все они злобно клеветали на Советский Союз и его доблестную Красную Армию, на коммунизм.

Однако потуги реакционеров оказались напрасными. Трудящиеся Польши, вынесшие в годы фашистской оккупации множество тяжких испытаний, встретили Красную Армию восторженно, с чувством искренней признательности за освобождение от гитлеровской тирании. Так крепла дружба двух народов-побратимов. Это явилось результатом правильного осуществления нашими войсками политики Коммунистической партии и Советского правительства, высокой идейной зрелости, дисциплинированности и организованности наших воинов, достойно выполнявших великую освободительную миссию, благородный интернациональный долг.

За рубежами родной страны нам первое время работать было нелегко. Войска 1-го Украинского фронта вступили в пределы Польши в июле 1944 года, с ходу форсировав Западный Буг. Органы народной власти на местах находились тогда еще в стадии формирования, и мы испытывали немалые затруднения. По воле трудящихся масс 21 июля 1944 года был создан Польский комитет национального освобождения (ПКНО).

Польская реакция встретила в штыки провозглашенные Манифестом ПКНО демократические свободы и социальные преобразования. Классовая борьба между помещичье-буржуазной реакцией и демократическими силами приобрела особую остроту. Показала свое истинное лицо и так называемая Армия Крайова (АК), представлявшая собой вооруженный оплот эксплуататорских классов, международной и внутренней реакции.

Когда ПКНО приступил к проведению аграрной реформы, национализации банков и заводов, сразу же участились террористические акты аковцев, предательски стрелявших из-за

угла в представителей подлинно народной власти, членов Польской рабочей партии, а в ряде случаев и в советских воинов. Реакция шла на самые подлые провокации, пытаясь восстановить в Польше обанкротившийся буржуазно-помещичий эксплуататорский строй.

В этих условиях мы не могли оставаться сторонними наблюдателями и всецело поддерживали единственно правомочную, подлинно народную, демократическую власть — Польский комитет национального освобождения и его представителей на местах. Военные советы фронта и армий неуклонно руководствовались директивой Государственного Комитета Обороны СССР, предлагавшей советским войскам, освобождавшим Польшу, "установить дружественные отношения с органами власти, которые будут созданы на освобожденной территории ПКНО".

По решению ГКО в зоне боевых действий и в прифронтовом тылу создавались советские военные комендатуры. В конце 1944 года на освобожденной нашими войсками польской территории в полосе 1-го Украинского фронта их насчитывалось 225{54}. Они учреждались для обслуживания войск Красной Армии и для связи с местными органами власти ПКНО, а также для поддержания установленного порядка и борьбы с фашистской агентурой, оставленной гитлеровцами.

Советские военные комендатуры призваны были оказывать братскую помощь польскому народу и вместе с местными органами власти ПКНО участвовать в мероприятиях по возрождению народного хозяйства, восстановлению разрушенных гитлеровцами мостов, железных и шоссейных дорог. Они занимались и массово-политической работой среди местного населения. При каждой комендатуре существовал своеобразный агитпункт. На видных местах расклеивались плакаты с Манифестом ПКНО, заявлением Правительства СССР об отношении Советского Союза к Польше, Обращением Военного совета фронта к польскому народу. На специальных витринах постоянно обновлялись очередные номера издаваемой политуправлением фронта газеты на польском языке "Нове жиче", которую население читало с огромным интересом.

Трудящиеся Польши горячо и единодушно одобряли деятельность ПКНО и Польской рабочей партии (ППР), энергично и настойчиво осуществлявших земельную реформу и другие социальные преобразования. Они с негодованием отвергли наглые притязания империалистов и их прихвостней, не прекращавших своих подлых интриг. В конце декабря 1944 года общепольский крестьянский съезд освобожденных районов

страны единодушно заклеймил лондонскую эмигрантскую клику как предательскую и решительно высказался за преобразование ПКНО во Временное правительство Польши. С такими же требованиями выступили профсоюзы и другие общественные организации страны. Многолюдные митинги в поддержку этого предложения проходили в Сандомире, Жешуве, Лукове, Венгруве и других городах{55}.

Выражая волю миллионов трудящихся, Крайова Рада Народова 31 декабря 1944 года преобразовала ПКНО во Временное правительство Польской республики. Об этом выдающемся событии в жизни братской страны, которую мы освобождали, политорганы широко оповестили войска фронта, использовав различные формы агитации и пропаганды.

Пожалуй, не было ни одного польского города и села в полосе боевых действий наших войск, где бы мы не проводили политической работы с местным населением. Этим благородным делом занимались и объединения, прибывшие из резерва Ставки. Так, например, член Военного совета 59-й армии генерал П. С. Лебедев в канун 1945 года докладывал, что их политработники проводят с местными жителями беседы о целях и задачах Красной Армии-освободительницы, о советско-польских отношениях, о подвигах воинов страны социализма и героическом труде рабочего класса и колхозного крестьянства.

В городах и селах выступали красноармейские ансамбли песни и пляски, через радиовещательные установки передавались мелодии граммофонных записей, распространялись плакаты и листовки на польском языке. Большой интерес у поляков вызвали советские кинофильмы.

Занимаясь массово-политической работой на освобожденной территории Польши, мы готовились к пропагандистской деятельности среди мирного населения Германии. При этом учитывали, что вести ее будет намного труднее.

Изучение захваченных нашими войсками писем из Германии давало некоторое представление о настроениях немцев, об атмосфере во вражеском тылу. Наиболее убедительные и впечатляющие факты, примеры и высказывания использовались нами в пропаганде для войск противника.

Борьба с фашизмом шла не только на полях сражений, но и на незримом идеологическом фронте. В третьем рейхе, как мы знаем, существовало специальное министерство пропаганды, обер-шефом которого был небезызвестный Геббельс, а в вермахте постоянно действовал широко разветвленный нацистско-пропагандистский институт, занимавшийся идеологическим оболваниванием солдат, насаждавший в армии разнузданный

шовинизм и антикоммунизм.

Офицеры по так называемому национал-социалистскому воспитанию убеждали своих вояк в том, что русские непременно перессорятся и передерутся с англоамериканскими союзниками, что исход войны может решить новое секретное оружие, которое якобы скоро поступит в немецкие армии.

Нам стало известно, что в октябре 1944 года в Германии начал создаваться фольксштурм и развернулась тотальная мобилизация. На основании правительственного указа в ополчение призывались немцы старших возрастов, до 60 лет включительно. Под ружье ставили и «добровольцев» из «гитлерюгенда», которым едва исполнилось 16 лет. Фашисты учредили женский вспомогательный корпус. За счет подобных крайних мер гитлеровское командование стремилось восполнить огромнейшие потери в своих вооруженных силах.

По мере приближения советских войск к границам Германии нацистская пропаганда, понаторевшая в идеологических ухищрениях и демагогии, усиленно внушала своим воякам и мирному населению страны вздорную мысль о том, что Красная Армия якобы намерена истребить всех немцев.

Наши политорганы в листовках на немецком языке, в радиопередачах на войска противника и с помощью других средств разоблачали ложь и клевету гитлеровцев, напоминая солдатам вермахта о приближающемся неизбежном поражении фашистской Германии и призывая их к массовой сдаче в плен.

В связи с переносом боевых действий за рубеж нашей Родины масштабы пропаганды на войска противника и массово-политической работы среди населения освобожденных стран значительно возросли. Об этом обстоятельно говорил с руководящими политработниками прибывший в конце 1944 года на 1-й Украинский фронт заместитель начальника ГлавПУРа генерал-лейтенант И. В. Шикин. Это был испытанный в боях политработник, в прошлом комиссар ледовой Дороги жизни, по которой в осажденный Ленинград доставлялись боеприпасы, продовольствие, горючее, медикаменты. С 1942 года и до конца войны генерал И. В. Шикин находился на посту заместителя начальника Главного политического управления Красной Армии.

Побывав на сандомирском плацдарме и ознакомившись с практикой партийно-политической работы в частях и соединениях, генерал И. В. Шикин особенно подробно интересовался постановкой нашей пропаганды среди войск противника.

Мы вместе с ним присутствовали на допросе пленного офицера, только что захваченного в результате ночной разведки

боем. Немец откровенно сказал, что в Германии все держится на страхе. Люди на фронте и в тылу боятся гестапо, которое после покушения на Гитлера 20 июля 1944 года получило необычайно широкие полномочия и еще более распоясалось, хватая людей по малейшему подозрению, даже за шапочное знакомство с участниками антигитлеровского путча.

Пленный офицер заявил:

— В результате крупных поражений Германии авторитет фюрера и всей нацистской верхушки сильно поколеблен, но у немцев нет иного выхода, как отчаянно драться, ибо все мы испытываем панический страх перед вторжением русских в Германию.

В беседе с руководящими политработниками фронта генерал И. В. Шикин привел высказывание пленного офицера и подчеркнул, что задача нашей пропаганды — впечатляюще показать возрастающую мощь Советских Вооруженных Сил и неизбежность краха гитлеровского режима, убедительно агитируя за выход немцев из войны путем сдачи в плен и в конечном счете — капитуляции. Вместе с тем следует неутомимо разъяснять мирному населению Германии, что не надо бояться советского "человека с ружьем", о котором с такой душевной теплотой говорил В. И. Ленин.

Мы никогда не ставили знак равенства между гитлеровскими военными преступниками и немецким народом, ибо гитлеры приходят и уходят, а немецкий народ остается. Красная Армия как армия нового типа с первых дней своего основания воспитывалась в духе интернационализма и уважения к пролетариям всего мира, к трудящимся других стран. И немецкий народ не являлся исключением.

В связи с тем что войска фронта готовились в скором времени вступить в пределы Германии, Главное политическое управление Красной Армии обязало политорганы довести этот важный тезис до сознания каждого воина. Командиры и политорганы, партийные организации, выполняя указания ЦК ВКП(б) и ГлавПУРа, делали все необходимое для того, чтобы каждый солдат, сержант и офицер глубоко осознал величие исторической освободительной миссии, высоко держал честь и достоинство воина-интернационалиста, справедливо и гуманно относился к мирным жителям страны. Спасая цивилизацию Европы от фашистских погромщиков, мы несли освобождение от нацистского рабства и самому немецкому народу. Это отнюдь не означало, что политработники предали забвению воспитание войск в духе ненависти к гитлеровским захватчикам, принесшим советским людям и другим народам неисчислимые страдания.

Взятая нами на вооружение ненависть к врагу прошла, я бы сказал, несколько этапов. Вспоминаются первые дни Великой Отечественной войны. Части 2-го кавалерийского корпуса, где я был комиссаром, под Балтой нанесли внезапный контрудар по прорвавшимся гитлеровцам и разгромили штаб 198-й немецкой пехотной дивизии, захватив много пленных вражеских солдат и офицеров.

Помню, в штабную палатку, разбитую в небольшом лесочке, привели злобно нахмуренного вражеского офицера.

Пока мы с переводчиком и начальником разведки корпуса изучали документы пленного, возле фашиста весело толпились наши бойцы.

Советские воины знали Германию Карла Маркса, Карла Либкнехта и Розы Люксембург, Клары Цеткин и Эрнста Тельмана, революционных моряков и портовиков Гамбурга, пролетариев красного Веддинга, рабочих Рура, славящегося революционными традициями. Они знали Германию, давшую человечеству И. Гете, Ф. Шиллера, Г. Гейне, Р. Вагнера и других выдающихся писателей, композиторов, ученых.

Но они мало знали о той Германии, в которой господствовала фашистская диктатура. Гитлер, Геббельс и им подобные пропагандировали антикоммунизм и антисоветизм, человеконенавистническую расовую теорию о превосходстве германской расы, призванной якобы владеть всем миром. В предвоенное время, видимо, маловато было антифашистской литературы и фильмов, антигитлеровская пропаганда порой не носила наступательного характера. Может быть, потому наши бойцы с некоторым добродушием и благожелательностью относились к первым пленным. Кто-то по наивной простоте протянул немецкому офицеру папиросу:

— Закуривай, камрад!

— Не горюй, геноссе, у нас в плену хорошо!

— Какой же он нам товарищ! — с укоризной сказал я бойцам. — К кому вы в друзья напрашиваетесь! Это же фашист! Факт подтвержден документами. Такие, как он, привели к власти Гитлера, сжигали на кострах книги и убивали коммунистов, превратили Германию в гигантский концлагерь.

Солдаты, разумеется, поняли, что за птица попалась нам, и уже не проявляли такого доброжелательного отношения к фашистскому офицеру. Они быстро разошлись, оставив пленного на попечение часового.

Буквально с первых дней Великой Отечественной войны Коммунистическая партия призывала армию и народ отрешиться от благодушия и беспечности, перестроиться на военный лад.

Сама фронтовая действительность способствовала воспитанию у бойцов жгучей ненависти к врагу. Войскам фронта приходилось наступать по местам, превращенным гитлеровцами в зону "выжженной земли", видеть пепелища, руины и рвы, наполненные трупами убитых и замученных женщин, стариков и детей, а также лагеря смерти, крематории и душегубки. Среди наших солдат, сержантов и офицеров имелось немало людей, родные которых были либо убиты, либо угнаны в Германию.

В этих условиях наиболее действенными формами воспитания ненависти к врагу являлись митинги, после которых бойцы открывали личные счета мести оккупантам. На сандомирском плацдарме заместитель командира батальона по политчасти гвардии старший лейтенант Бажин опросил каждого солдата и сержанта: "За что ты мстишь гитлеровцам?" Ефрейтор М. Попов ответил, что он готов сполна отплатить врагу за убитого фашистами отца, за бесчисленные муки, причиненные гитлеровцами нашему народу. Рядовой М. Архипов заявил, что он мстит фашистам за раны братьев и пролитую в боях кровь, рядовой М. Лысейчук — за разоренное ненавистными оккупантами хозяйство, рядовой М. Яковлев — за убитых эсэсовскими карателями мать и братьев, рядовой М. Томашук — за брата, угнанного на германскую каторгу, и за сожженный гитлеровцами отчий дом.

Замполит заполнил в общей тетради десятки страниц и зачитал эти суровые строки воинам перед началом наступления. Получилось так, что каждый солдат, сержант и офицер батальона был вправе предъявить свой особый счет врагу. Но и общий счет к гитлеровцам у нас был огромный. Незадолго до начала Висло-Одерской наступательной операции газеты опубликовали сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии о злодеяниях гитлеровцев на территории Львовской области, освобожденной войсками фронта. Политуправление решило довести этот документ до всего личного состава. Зачитывали его и в батальоне, где заместителем командира по политчасти был офицер Бажин. Это произвело огромное впечатление на воинов. Бойцы гневно сжимали оружие, узнав, что в Яновском лагере фашисты расстреляли более 200 тысяч мирных советских граждан. При отступлении гитлеровцы тысячами сжигали трупы замученных ими жертв, из человеческого пепла только в одном этом лагере фашисты высеяли на специальных решетках 110 килограммов золота, выплавленного из коронок зубов и колец загубленных ими людей.

Услышал эту трагическую историю старший сержант Василий Козлов и спросил заместителя командира:

— Как отомстить за невинные жертвы? Может, и нам, когда вступим в Германию, следует все сжигать на своем пути?

Замполит твердо и убежденно возразил:

— Нет, подражать фашистам мы не будем. Советский солдат — самый справедливый воин на земле. Надо мстить в бою, уничтожать гитлеровскую разбойничью армию. Но мы не воюем с мирным населением, не обижаем немецких женщин и детей. Мы спасаем настоящее и будущее человечества, в том числе и немецкого народа, и нам ни к чему все жечь и крушить.

Заместитель командира батальона по политической части доходчиво и убедительно изложил смысл указаний ЦК ВКП(б) на этот счет. Военный совет и политуправление фронта потребовали, чтобы все командиры и политработники, партийные и комсомольские организации помогли солдатским массам еще лучше уяснить линию Коммунистической партии, сущность интернационального долга Советской Армии, которая освобождала народы Европы, в том числе и немецкий, от кровавой фашистской тирании.

Мы делали особый упор на эту сторону воспитательной работы в предвидении того, что в ходе предстоящей операции нашим войскам надлежало вступить в пределы Германии. Каждый солдат должен был знать, как вести себя в этой стране и как относиться к мирному населению, сохраняя достоинство советского воина-интернационалиста.

Огромную роль в пропаганде этих важнейших требований партии сыграли наши первичные, ротные и равные им партийные организации. Первыми помощниками и опорой командиров рот, не имевших тогда замполитов, являлись парторги. Они, как правило, были в подразделениях самыми подготовленными, храбрыми и авторитетными членами нашей славной ленинской партии.

Одним из многих таких учителей и воспитателей воинов являлся парторг роты И. Фомин. Он — фронтовик бывалый, в Великой Отечественной войне участвовал с лета 1941 года. "В боях под Старой Руссой я получил свою первую и потому особенно дорогую для меня награду — медаль "За отвагу", — писал Фомин о своем жизненном пути. — Вторую награду получил как участник героической обороны Сталинграда.

Воевал и на Курской дуге. Здесь я был дважды ранен и награжден в третий раз.

В боях под Кировоградом получил четвертую награду и еще одно ранение. В наступательных боях на Висле, где мы захватили довольно крупный плацдарм, получил пятую награду — орден Славы III степени.

Так я выполняю военную присягу, данную Родине, высокий долг коммуниста.

За годы войны накопился у меня значительный опыт. Я передаю его молодым воинам, часто беседую с солдатами, рассказываю им о прошлых боях. Мои воспитанники — старший сержант Очеретин и младший сержант Оленин — получили правительственные награды за храбрость, мужество и воинское умение.

Мы готовимся к новым боям. И я уверен, что наше подразделение оправдает доверие народа в последнем своем решительном наступлении на фашистское логово и покроет себя новой боевой славой"{56}.

Парторг Фомин всегда находился вместе с солдатами роты, делил с ними трудности и невзгоды фронтовой жизни. Каждый день у него был до предела насыщен боевыми делами, партийной работой. Он проводил в роте политинформации, инструктировал агитаторов, давал поручения коммунистам, привлекал к активному участию в воспитательной работе комсомольцев и боевой актив. В результате в каждом отделении ощущалось благотворное партийное влияние.

Таких замечательных вожаков солдатских масс, как парторг роты Фомин, в наших войсках имелось немало. В стрелковой дивизии, например, насчитывалось 103 ротные, батарейные и равные им партийные организации, а также 16 партийных организаций батальонов и дивизионов, 4 полковых партбюро. Следовательно, в стрелковой дивизии было 123 парторга, имевших по два заместителя, то есть 369 партийных руководителей. Примерно столько же насчитывалось комсомольских организаций и вожаков молодежи. Таким образом, в каждой стрелковой дивизии мы имели почти 740 парторгов, комсоргов и их заместителей, а если взять общевойсковую армию, в которую часто входило 9-10 стрелковых дивизий, то там было 6660–7029 парторгов, комсоргов и их заместителей. Это внушительная сила!

В дни подготовки Висло-Одерской наступательной операции с партийно-комсомольским активом проводились семинары, совещания по обмену опытом, консультации и практические инструктивные занятия. Это позволило хорошо подготовить кадры партийных и комсомольских организаторов частей и подразделений. Даже когда некоторые из них выбывали из строя, партийная и комсомольская жизнь в подразделениях не затихала, поскольку руководство организациями брали в свои руки хорошо подготовленные заместители.

Но как бы ни был опытен парторг, он не в состоянии все

сделать сам. Сила и боеспособность парторганизации заключается в том, что каждый коммунист — самоотверженный боец, который берет на себя наиболее трудные боевые задачи, умеет личным мужеством и пламенным словом вдохновить и сплотить воинов, повести их на подвиг.

К началу 1945 года в стрелковых полках насчитывалось в среднем по 50(5-600 членов и кандидатов в члены ВКП(б). Партийная прослойка в дивизиях равнялась 20–25 процентам.

В дни подготовки операции мы с членом Военного совета 13-й армии генерал-майором М. А. Козловым побывали в некоторых частях, расположенных на сандомирском плацдарме, поприсутствовали на семинаре парторгов стрелковых рот и равных им подразделений.

Марк Александрович Козлов, бывший до войны начальником Горьковского военно-политического училища, не только великолепно знал практику партийно-политической работы, но и обладал определенным педагогическим талантом. Говорил он живо, образно, умел заинтересовать и увлечь слушателей.

Перед началом операции генерал М. А. Козлов выступил на совещании парторгов стрелковых рот, которым предстояло быть, что называется, на острие атак. Суть его выступления состояла в следующем. В бою коммунисты идут всегда впереди, а первыми среди них призваны быть парторги. Они должны показать всем воинам образцы отваги, хладнокровия и ратного мастерства.

Марк Александрович напомнил, что на войне ответственность коммуниста за успех общего дела намного выше, чем в мирное время. Он не имеет права проявлять малодушие даже в самой сложной обстановке. У него нет никаких привилегий, кроме одной — быть первым в бою, если потребуется, первым отдать жизнь за Родину. У парторга, у коммуниста слово никогда не должно расходиться с делом. Грош цена тому агитатору, который, призывая к стойкости, сам проявляет робость и нерешительность. Веское слово должно подкрепляться героическими делами.

Генерал напомнил собравшимся и о том, насколько важна в их работе постоянная живая связь с солдатскими массами. К парторгу всецело относятся ленинские слова о необходимости быть в гуще жизни, "знать ее вдоль и поперек, уметь безошибочно определить по любому вопросу, в любой момент настроения массы, ее действительные потребности, стремления, мысли… уметь завоевать себе безграничное доверие массы…"{57}. Только тогда парторг будет хорошо знать настроение солдат, влиять на них и создавать боевой подъем в подразделении.

Опытный политработник привел такой пример. В момент артиллерийской подготовки, перед началом атаки, некоторые

необстрелянные солдаты невольно задумались о приближающейся опасности, о возможности смерти. Зная, как удручающе действуют подобные мысли на новичков, как пагубно сказываются они на их поведении в бою, парторг роты подошел к стоявшим в траншее молодым воинам и сказал:

— Что, хлопцы, зажурились? Советую перед боем закурить, а кто табачком не балуется, пусть соседский дымок понюхает. В бою-то некогда будет курить цигарки. Там надо фашистов бить. И мы непременно разобьем их! Слышите, как грохочет наша артиллерия? Это она нам путь к победе расчищает.

Такой, казалось бы, незначительный разговор создал перелом в настроении молодых солдат, ободрил их, помог лучше встретить боевые испытания. Приведенный пример говорит о том, что надо всегда считаться с обстановкой и применительно к ней проводить беседы с воинами.

— На вас, партийных вожаков, — сказал в заключение генерал М. А. Козлов, — все беспартийные воины должны смотреть как на пример для подражания, прислушиваться к каждому вашему слову, идти за вами в огонь и в воду.

В своих донесениях политорганы довольно точно указывали, сколько коммунистов в войсках, сколько среди них агитаторов, какое количество лекций прочитано, сколько распространено листовок и памяток.

Но никакая статистика не в состоянии была со всей полнотой отразить ту, на первый взгляд, незримую, но всегда ощутимую деятельность партийных организаций, сотен тысяч армейских коммунистов, повседневно, ежедневно, ежечасно влиявших на солдатские массы.

Во время активных боевых действий центр тяжести партийно-политической работы перемещался в роты первой линии, на передний край, в траншеи и окопы. Коммунисты являли собой образец верности идеалам ленинской партии, несгибаемой воли и героизма.

Именно потому все наши политорганы, от Главного политического управления Красной Армии до политотделов соединений и отдельных частей, сосредоточивали главное внимание на руководстве первичными партийными организациями.

Когда обстановка изменилась…

Было за полночь, когда настойчиво зазвонил телефон.

— Степин слушает, — взяв трубку, назвал свой фронтовой псевдоним Иван Степанович Конев и широким, энергичным взмахом руки показал членам Военного совета, чтобы они задержались в кабинете.

— Как готовимся к переселению? — переспросил командующий войсками фронта и с подчеркнутой бодростью ответил: — Нормально! Переселение начнем в срок.

Понять смысл этой фразы непосвященному было трудно. Речь шла о наступлении войск 1-го Украинского фронта, намеченном на 20 января 1945 года. Когда Конев разговаривал по ВЧ с Москвой, в кабинете командующего находились генерал армии В. Д. Соколовский, генералы Н. Т. Кальченко, Ф. В. Яшечкин, Н. А. Новиков и я. Командующий и Военный совет уже закончили уточнение некоторых вопросов, связанных с подготовкой Висло-Одерской операции, и мы собирались расходиться.

Все шло своим чередом, и ничто, казалось, не могло нарушить размеренного и четкого ритма подготовки операции. Впрочем, фронтовая действительность нередко чревата неожиданностями.

Так случилось и в этот раз.

Внимательно наблюдая за Иваном Степановичем, я заметил, что хорошее настроение мгновенно покинуло его и он недовольно нахмурился.

— Сложную задачку вы нам задали, очень сложную, — озабоченно произнес И. С. Конев и после небольшой паузы уже твердо сказал: — Приказ Верховного будет выполнен. Переселение начнем в установленный вами срок.

— Да, дела, — положив трубку, задумчиво протянул командующий, потирая ладонью бритую голову. Он встал, достал папиросу и закурил, что делал не часто. Затем, опершись руками о стол, командующий взглянул на лежавшую перед ним карту и стал излагать нам суть только что состоявшейся беседы.

Оказывается, звонил Коневу по поручению Верховного Главнокомандующего генерал армии А. И. Антонов, исполнявший обязанности начальника Генштаба. Он сообщил, что Ставка изменила сроки нашего наступления. Войска 1-го Украинского фронта должны были начать Висло-Одерскую операцию не 20, а 12 января 1945 года.

— Союзники в Арденнах попали в беду, надо выручать их, — пояснил Иван Степанович.

— Конечно, мы честно выполним союзнические обязательства, — заметил сидевший рядом со мной член Военного совета Н. Т. Кальченко. — Жаль, однако, что англоамериканские войска не спешили прийти нам на помощь и не открыли второй фронт, когда фашистские танки рвались к Москве, когда женщины и дети блокадного Ленинграда гибли от голода и холода, когда советский солдат на берегу Волги стоял насмерть, защищая Сталинград…

Мы тогда очень мало знали об истинном положении на Западном фронте. Но даже скупые газетные сообщения свидетельствовали о том, что наступление вермахта в Арденнах застало американцев врасплох и гитлеровцы продолжают развивать успех.

В ночь на 1 января 1945 года противник нанес на Западе еще один сильный удар, развернув наступление на ряде участков фронта между Саарбрюкеном и Карлсруэ. Положение англо-американских войск стало еще более тяжелым.

Английский премьер У. Черчилль, как известно, умолял И. В. Сталина побыстрее начать наступление советских войск. В послании от 6 января 1945 года Черчилль писал: "На Западе идут очень тяжелые бои, и в любое время от Верховного Командования могут потребоваться большие решения… Генералу Эйзенхауэру очень желательно и необходимо знать в общих чертах, что Вы предполагаете делать, так как это, конечно, отразится на всех его и наших важнейших решениях… Я буду благодарен, если Вы сможете сообщить мне, можем ли мы рассчитывать на крупное русское наступление на фронте Вислы или где-нибудь в другом месте в течение января и в любые другие моменты, о которых Вы, возможно, пожелаете упомянуть"{58}.

Буквально на другой день, 7 января 1945 года, И. В. Сталин сообщил премьер-министру Великобритании: "…Учитывая положение наших союзников на западном фронте, Ставка Верховного Главнокомандования решила усиленным темпом закончить подготовку и, не считаясь с погодой, открыть широкие наступательные действия против немцев по всему центральному фронту не позже второй половины января"{59}.

Сталин, как известно, на ветер слов не бросал, ревностно оберегая авторитет Советского государства. Он поставил перед нами даже более сжатые сроки, чем те, которые были указаны в письме премьер-министру Великобритании.

Определив новую дату начала наступления, Ставка учитывала, что мы заблаговременно усилены крупными резервами и что на направлении главного удара уже сосредоточены основные силы фронта. В соответствии с замыслом и планом операции, на участке предполагаемого прорыва на сандомирском плацдарме были созданы высокие плотности пехоты, танков и артиллерии, что обеспечивало значительное превосходство над противником.

К началу Висло-Одерской операции 1-й Украинский фронт располагал необходимым запасом материальных средств, хотя не все запланированные перевозки были осуществлены. Боеприпасы шли на плацдарм непрерывным потоком. Необходимое для

артиллерийской подготовки количество снарядов выкладывалось непосредственно у орудий.

Во всех звеньях нашего огромного войскового хозяйства шла большая подготовительная работа. Напряжение нарастало.

Если мне память не изменяет, распоряжение Ставки Верховного Главнокомандования о переносе сроков наступления мы получили в ночь на 9 января 1945 года. До начала операции оставалось трое суток. Надобно было завершить переброску на плацдарм некоторых частей и подразделений и сделать все необходимое для боевого и материально-технического обеспечения операции. Военный совет фронта обязал командиров, штабы и политорганы, всех воинов строго хранить тайну, неукоснительно выполнять требования оперативной маскировки. От внезапности удара во многом зависел успех наступления.

Переброска войск и грузов на сандомирский плацдарм производилась только ночью. В дополнение к 18 свайным мостам, наведенным через Вислу еще в августе 1944 года, к началу 1945 года закончилось строительство двух крупных высоководных мостов большой грузоподъемности.

Осуществлялись и дезинформационные мероприятия. За несколько дней до нового, 1945 года 4-й гвардейский танковый Кантемировский корпус, который около двух месяцев находился в резерве под Жешувом, выступил походной колонной в направлении южного участка 60-й армии. Передвижение 242 боевых машин в район Ропчице, Оцека, Дембица было замечено разведывательными самолетами противника. Еще раньше в этих населенных пунктах побывали саперы, чтобы подготовить мосты для пропуска танков, а также регулировщики, расставившие указатели маршрутов и таблички с наименованиями различных «хозяйств». В селах суетились квартирьеры, распределявшие дома для командиров, штабов и служб.

Гвардейцы-кантемировцы, однако, недолго находились в указанном им районе. В одну из ночей, во время сильного снегопада, они тихо покинули его и двинулись к своему настоящему месту сосредоточения. Укрылись танкисты в лесу юго-западнее Баранува.

А в районе Ропчице, Оцека, Дембица вместо убывших боевых машин были расставлены макеты. Через несколько дней здесь объявился еще один «корпус» из макетов. Потом прибыли новые «части». Словом, имитировалось сосредоточение танковой армии. К 9 января 1945 года, когда Москва уточнила нам сроки наступления, на левом фланге фронта было установлено 400 танков, 500 автомашин и 1 тысяча артиллерийских орудий, изготовленных из фанеры и дерева{60}.

Макеты танков и автомашин перемещались с помощью тросов, звукоустановки имитировали гул моторов и лязг гусениц. Здесь действовали и реальные подразделения, предпринимавшие ложные атаки, активный радиообмен. Кочующие батареи вели беспокоящий огонь.

По рекомендации Военного совета были осуществлены и меры политической дезинформации. В канун Нового года на левом крыле фронта резко усилилась наша пропаганда среди немецких войск. Широкий размах приняли передачи на противника с помощью мощных радиовещательных установок, распространялись листовки, адресованные конкретным немецким частям и соединениям, противостоявшим нам.

Конечно, мы прекрасно понимали, что, имея выгодный плацдарм, размеры которого позволяют разместить крупную ударную группировку, трудно убедить противника, что мы собираемся наступать в другом месте. Внимание фашистского командования, несомненно, было приковано к сандомирскому плацдарму, который пленный фашистский офицер образно назвал пистолетом, приставленным к виску нацистской Германии.

И все же комплекс мер по оперативной маскировке заставил противника поверить, что в районах Мелец, Радомысль, Бельки и Ропчице, Оцека, Дембица сосредоточилась наша танковая армия, что здесь готовится удар.

Начальник разведывательного отдела фронта генерал-майор И. Т. Ленчик докладывал Военному совету, что вражеская разведывательная авиация продолжает проявлять повышенный интерес к районам ложного сосредоточения наших танков, а немецкая дальнобойная артиллерия периодически совершает огневые налеты по скоплению макетов. Разведчики установили, что 10 января гитлеровцы выдвинули из Тарнува к линии фронта прибывший с запада 344-й немецкий артиллерийский полк, а из Кракова к Тарнуву движется резервное танковое соединение противника.

И хотя нам в какой-то мере удалось ввести гитлеровцев в заблуждение, командующий фронтом и командармы, военные советы фронта и армий, наши командиры и политорганы отчетливо представляли себе, что бои на Висле будут жестокими, что для прорыва многополосной обороны врага на сандомирском плацдарме потребуется сокрушительная огневая мощь нашей артиллерии.

Исполнявший обязанности командующего артиллерией фронта генерал Н. Н. Семенов и его подчиненные умно, творчески подошли к разработке плана артиллерийского наступления. Наши командиры стремились как можно

эффективнее использовать могучую силу "бога войны", чтобы огневой удар пришелся точно по противнику, а не по пустому месту и помог нашей пехоте успешнее и с малыми потерями взломать вражескую оборону.

Гитлеровцы на протяжении четырех месяцев создавали сильно развитую систему укрепленных опорных пунктов и узлов сопротивления. Они привлекли к строительству оборонительных рубежей и укрепленных районов не только свои инженерные войска, но и местное население, а также людей, насильственно угнанных из различных стран Европы. Стремясь основательно укрепить подступы к жизненно важным центрам Германии, гитлеровцы создали в междуречье Висла Одер ряд оборонительных полос. Наиболее мощной была главная из них, которая опоясывала сандомирский плацдарм и простиралась на глубину 8-10 километров.

Во время продолжительной оперативной паузы разведывательные органы 1-го Украинского фронта неутомимо добывали, многократно обновляли и обрабатывали сведения о противнике. На различных участках фронта войска занимались ночными поисками, брали пленных. Летчики и штурманы 2-й воздушной армии в большом масштабе осуществили аэрофотосъемку вражеской обороны.

Командиры и штабы средствами оптической, звуковой, фотографической и топографической разведки стремились полнее вскрыть огневую систему врага. Ценные материалы о вражеских батареях давала артиллерийско-инструментальная разведка (АИР).

В результате были взяты на учет и нанесены на карты многие артиллерийские и минометные батареи, доты, дзоты, пулеметные гнезда, траншеи, командные и наблюдательные пункты, минные поля и инженерные заграждения противника. Командиры всех степеней располагали довольно подробными данными о противостоявшей нам немецко-фашистской группировке, наличии у нас тактических и оперативных резервов. Это позволило более продуманно и детально разработать план артиллерийского наступления. Одновременно и авиаторы спланировали массированный удар главных сил 2-й воздушной армии на участке прорыва. В поддержке с воздуха наземные войска, несомненно, нуждались. Но действия авиации во многом зависели от погоды, которая зимой была особенно неустойчивой. Да и прогнозы на январь 1945 года были неутешительными. Поэтому нашей артиллерии пришлось взять на себя главную роль при подавлении обороны противника.

Маршал Советского Союза И. С. Конев с пристрастием и, я бы

сказал, с любовью относился к артиллеристам. Впрочем, он сам начинал военную службу в этом роде войск и в далекие времена первой мировой войны был унтер-офицером 2-го отдельного артдивизиона. Иван Степанович высоко ценил мастерство пушкарей, требовал широко распространять опыт лучших наводчиков и командиров орудий, искусных командиров огневых взводов, батарей и дивизионов.

Помню, как после рекогносцировки на сандомирском плацдарме командующий фронтом беседовал с артиллерийскими разведчиками, расспрашивал их о результатах наблюдения на предполагаемом участке прорыва. Артразведчики ответили на все вопросы, интересовавшие Ивана Степановича, охарактеризовали огневую систему противника. Попутно он заметил, что гитлеровцы широко применяют кочующие орудия и батареи, создают ложные огневые позиции, искусно маскируют укрепления и боевую технику, применяя различные хитрости и уловки.

— Противник сильный, опытный и коварный, — сказал И. С. Конев. — Но мы тоже не лыком шиты. Многолетняя война многому нас научила.

И командующий повел рассказ об огромной ответственности артиллерийских разведчиков за успех нашего наступления. Каждая незамеченная, невыявленная, а стало быть, и неуничтоженная огневая точка, каждое неподавленное вражеское орудие — это лишние человеческие жертвы, потери боевой техники и, как следствие, срыв нашей атаки. И. С. Конев указал командирам и политработникам на необходимость неустанно повышать квалификацию артиллерийских разведчиков, воспитывать и укреплять у них чувство высокой ответственности за порученное дело, за общий боевой успех.

Иван Степанович предупредил, что противник не сидит пассивно, а совершенствует свою оборону, меняет огневые позиции батарей и дивизионов. Вот почему накануне наступления требовалось с особой скрупулезностью доразведать вражескую огневую систему, чтобы никакие неожиданности и «сюрпризы» не застали нас врасплох и колоссальное количество боеприпасов, запланированное для артподготовки, было использовано с максимальной эффективностью.

Увеличившийся к 1945 году рост тяжелой артиллерии, а также намного возросшие ее дальнобойность и скорострельность давали нам возможность поражать цели, расположенные на удалении 18–20 километров. Это позволяло в ходе артподготовки не только подавить огневые точки противника, расположенные в тактической глубине его обороны, но и нанести ощутимые потери его оперативным резервам. План артиллерийского наступления

обсуждался на заседании Военного совета. В нем нашли отражение и эти важные боевые задачи. Помню, когда начальник штаба артиллерии фронта полковник Я. Скробов развернул перед нами оперативную карту, я обратил внимание на очертания сандомирского плацдарма. Он напоминал лук со стрелой, готовой поразить врага. На участке прорыва мы сумели сосредоточить по 250 орудий на каждый километр. Такая огневая плотность была довольно внушительной.

На заседании Военного совета присутствовали командиры арткорпусов прорыва генералы П. М. Корольков и Л. И. Кожухов, командиры артдивизий генералы С. С. Волкенштейн, Д. И. Краснокутский, В. И. Кофанов и другие. При обсуждении плана они внесли немало ценных предложений по организации артиллерийского наступления.

Несомненную пользу принесло и совещание начальников политорганов артиллерийских соединений. В нем участвовали полковники М. Н. Балюк, И. Е. Евдокимов, И. К. Короткий, С. И. Белобородое, Д. П. Засыпкин и другие.

Командующий и члены Военного совета фронта хорошо понимали, что немецко-фашистское командование будет любой ценой удерживать вислинский рубеж как наиболее важный и мощный. Обороняя подступы к Берлину, гитлеровские генералы могли пойти на любые жертвы. Они, как потом выявилось из показаний пленных, решили потопить в крови наступление советских войск, сражаться до последнего солдата.

Газета «Правда» справедливо предупреждала, что враг мечется, "борется из последних сил, бешенство одурманивает его, а бешеная собака опасна и при издыхании своем". Вот почему командиры и политорганы воспитывали воинов в духе высокой бдительности, дисциплинированности и организованности, решительно пресекали любые проявления благодушия и беспечности.

Ожидаемое наступление должно было круто изменить весь уклад воинов. Наши солдаты, сержанты и офицеры в течение четырех месяцев находились в обороне, жили в теплых, хорошо оборудованных землянках, в обстановке относительного затишья. Теперь предстояло по первому сигналу дружно подняться в атаку и ринуться навстречу смертоносному огню. В любую минуту они могли вступить в рукопашный бой с фашистами.

В 5-й гвардейской армии, где начальником политотдела был генерал-майор Ф. А. Катков, мне довелось наблюдать, как умело командиры и политработники применяют различные формы обучения и воспитания, как настойчиво готовят они молодое пополнение к первым ратным испытаниям. Они показали

новобранцам боевую технику, которой предстояло работать на пехоту, провели их по огневым позициям противотанковой артиллерии, познакомили с легендарными «катюшами».

Бойцы видели замаскированные хвойными ветвями танки непосредственной поддержки пехоты и самоходно-артиллерийские установки.

Наконец молодые солдаты пришли на позиции, где стояли покрытые маскировочными сетями дальнобойные орудия большой и особой мощности 1-й гвардейской артдивизий РГК генерала В. Б. Хусида. Послышались восхищенные возгласы на русском и украинском языках:

— Вот это царь-пушка!

— Добра гармата!

— Вот бы из такого орудия по фашистскому логову ударить!

Командир заверил, что, когда придет срок, расчеты откроют огонь по фашистскому логову, что пехота может положиться на боевых друзей-артиллеристов.

Завязался непринужденный разговор. В ход пошли кисеты с табаком и махоркой. Кто-то принес из землянки трофейный аккордеон, и один из молодых бойцов задорно запел солдатские частушки:

Наведем мы на Берлин
Нашу дальнобойную,
Ну-ка, Гитлер, сукин сын,
Пой заупокойную!
Как на нашу гаубицу
Фрицы шибко жалуются:
"Хоть в какой залезешь дот,
Все равно насквозь пробьет".

— Это точно! — добродушно усмехнувшись, подтвердил рослый наводчик, похлопав по стволу 203-мм орудия.

На нем были нарисованы пятиконечные звездочки, обозначавшие количество крупных вражеских целей, уничтоженных расчетом. Разговор возобновился. Бывалые артиллеристы доходчиво объясняли молодым пехотинцам, какая могучая сила будет их поддерживать, сокрушая вражеские укрепления, прокладывая огнем дорогу стрелковым подразделениям.

Встречи воинов различных родов оружия проходили во многих частях и соединениях фронта. Они способствовали укреплению боевого содружества, помогали добиваться четкого взаимодействия между частями и подразделениями различных родов войск.

Перед началом Висло-Одерской операции летчики

обратились через фронтовую газету к пехотинцам, танкистам и воинам других боевых специальностей с пожеланиями и дельными советами, как лучше наладить взаимодействие с ними и лучше использовать их удары с воздуха. Высказали они и ряд справедливых претензий, поскольку наземные войска не всегда четко давали целеуказания, а порой плохо обозначали даже свои боевые порядки. Особенно важно это было при ведении боев в глубине обороны противника, когда они носят стремительный и маневренный характер. "Советские пехотинцы и танкисты, вошедшие в прорыв, — напоминал летчик-штурмовик майор А. Компанеец, — обязаны обозначить себя с фронта и флангов полотнищами и ракетами. Это позволит нам быстро ориентироваться в обстановке, определить, где свои, а где противник, и с ходу атаковать цель. Ведь не секрет, что нам приходится иной раз делать холостые заходы, чтобы рассмотреть, чьи же танки идут по земле, чтобы не нанести по ошибке удар по своим. Порой случается и так, что ракетами сигнализируют не на переднем крае, а из штаба полка, расположенного в глубине на 2–3 километра. Так можно оказать и себе и нам медвежью услугу. Когда мы уверены в правильном обозначении наших боевых порядков, в начертании переднего края, то можем штурмовать самую первую цепочку вражеских солдат, отдельный фашистский танк и самоходное орудие"{61}.

Об этом же писал и Герой Советского Союза И. Антипин. Он привел довольно характерный случай. Однажды летчики получили задание проштурмовать село, превращенное противником в сильный опорный пункт. Выйдя к объекту, наши штурмовики увидели, что по указанному населенному пункту на запад движутся какие-то танки и ведут огонь. Летчики почувствовали, что обстановка изменилась и в населенный пункт, вероятно, ворвались наши танки. Наземные войска никакого сигнала по радио не передавали, не обозначили себя ни полотнищами, ни ракетами. С риском для жизни экипажи «ильюшиных» вынуждены были совершить несколько заходов на бреющем полете, пока не убедились, что это краснозвездные советские тридцатьчетверки. А ведь авиаторы могли нанести по ним штурмовой удар.

Скорость у самолетов большая, и над объектами они проходят мгновенно. Важно, чтобы целеуказания с земли были предельно краткими и четкими. Летчику И. Антипину пришлось однажды слышать, как по радио кто-то уныло тянул:

— Та-а-нки! Нас готовятся атаковать танки! Во-он выходят из леска к высоте. Они стреляют по нам. Во-он выходят из леска и стреляют…

Лучше было бы кратко передать: "Впереди, за высотой, немецкие танки. Бей!"

Летчики справедливо отмечали, что при организации взаимодействия все большее значение приобретает радиосвязь. Если же нет условий указать цель по радио, ее можно обозначить шрапнелью с цветным дымом, ракетой. В боях, отличавшихся динамичностью, маневренностью, большими темпами продвижения и быстрой сменой обстановки, было довольно сложно наладить четкое и непрерывное взаимодействие наземных войск и авиации. Но опыт Великой Отечественной войны убедительно показал, что это вполне осуществимо на всех этапах наступления.

Итак, вместо 20-го мы начинали операцию 12 января 1945 года. Вместе с командующим фронтом я заблаговременно выехал на наблюдательный пункт, расположенный в районе участка прорыва, где сосредоточились передовые батальоны нашей главной ударной группировки.

Ночь выдалась на редкость темной. Рваные облака, низко плывшие над землей, сгустились, обильно повалили крупные снежные хлопья. Видимость была настолько плохой, что водитель с трудом различал дорогу.

— При таком ненастье на авиацию надеяться не приходится, — недовольно проговорил И. С. Конев, — да и артиллеристам трудно вести наблюдение и управлять огнем.

В 5 часов утра 12 января 1945 года, когда было еще совсем темно, наша артиллерия произвела короткий, но мощный огневой налет по вражеским позициям. После него передовые батальоны перешли в наступление.

И хотя это была всего лишь короткая увертюра к гигантскому сражению, какой-то немецкий офицер открытым текстом завопил по радио: "Не могу удержаться под мощным артиллерийским огнем и напором русской атакующей пехоты! Жду указаний и подкреплений!"

Когда начальник оперативного управления фронта генерал В. И. Костылев зачитал перехваченную радиограмму, мы от души посмеялись, а Иван Степанович сказал:

— Хотелось бы услышать, как заверещит этот тип во время настоящей артподготовки.

Атаку наших передовых батальонов немецко-фашистское командование приняло за общее наступление и ввело в действие все основные средства. Ударные подразделения, захватив повсеместно первую, а на ряде участков и вторую траншеи, встретили сильное огневое сопротивление врага и остановились, залегли, стали закрепляться.

В годы Великой Отечественной войны мне довелось участвовать во многих операциях, и ни одно наступление не было похоже на какое-либо другое. Артподготовки, например, отличались и по времени, и по методу наращивания удара. Практиковались ложные переносы огня и многое другое. Из опыта минувших операций мы брали все лучшее и всегда старались избегать шаблона. Артиллерийская подготовка планировалась продуманно, изобретательно. Что же касается ее проведения в Висло-Одерской операции, то началась она весьма своеобразно. Это окончательно запутало гитлеровцев.

У противника создалось впечатление, что наша атака захлебнулась. Гитлеровцы считали артподготовку уже пройденным этапом. Но они просчитались. Главный огневой удар мы запланировали на 10 часов утра.

В подразделениях, начавших активные боевые действия еще затемно, многие командиры и их заместители по политчасти предварительно обошли траншеи, напутствуя воинов перед броском в атаку.

В частях вторых эшелонов обстановка благоприятствовала проведению митингов. Они проходили преимущественно когда уже рассвело, а кое-где и во время артподготовки. На одном из таких митингов, вылившихся в демонстрацию мощного патриотического подъема воинов, мне довелось присутствовать. Краткий газетный отчет о нем помог воскресить в памяти это давнее событие.

После того как к строю воинов вынесли развернутое боевое Знамя, командир части огласил обращение Военного совета к войскам фронта. В этом документе вдохновенно говорилось о военно-политических целях операции, великой освободительной миссии Красной Армии, важнейшем требовании Коммунистической партии и Советского правительства — добить фашистского зверя в его берлоге!

Речи были предельно краткими и содержательными. Солдаты от души говорили о том, что чувствуют и переживают, выражали общие думы и стремления.

Показав на развернутый боевой стяг, бронебойщик И. Бондаренко взволнованно произнес:

— Перед гвардейским Знаменем с изображением великого Ленина, перед командиром и боевыми товарищами торжественно клянусь: в бою не дрогну, присягу выполню до конца! Там, где буду защищать боевой рубеж, фашистским танкам не пройти, а когда поднимусь в атаку — врагу не устоять!

Горячо и проникновенно говорил красноармеец М. Джиган, закончивший свою речь словами написанной им "Песни русской

полонянки":

Братики-соколики,
Где вы, краснозвездные?
Вы, наверно, слышите
Наши зовы слезные!..

И в ответ раздались взволнованные возгласы: "Слышим!" Так воины заявили о своей непреклонной решимости разгромить врага и спасти советских людей, томившихся в фашистском рабстве.

Слушая выступления фронтовиков, прошедших с боями тысячи километров, я с восхищением думал о том, как возмужали солдаты за время воины, как возросла их идейность и поднялась политическая активность. Вдохновенное слово, подобно искре, воспламеняло в них наступательный порыв.

Когда окончился митинг, я вместе с порученцем майором В. А. Ивановым поспешил на командно-наблюдательный пункт, чтобы поспеть к началу атаки.

— На сабантуй не опоздаем, — заверил нас водитель И. В. Гойчик.

И он сдержал свое слово. Мы даже раньше предполагаемого срока прибыли в фольварк, где обосновался И. С. Конев. На НП царила приподнятая обстановка, которая обычно предшествует началу наступательной операции. Генералы то и дело поглядывали на часы, ожидая той самой минуты, когда загрохочет артиллерия.

Я тоже испытывал известное волнение. Хотя и не сомневался в нашем успехе.

Как медленно движутся стрелки… Вот прошла еще секунда, другая, третья — и напряженную тишину разорвал мощный артиллерийский залп. От грохота многочисленных орудий и минометов, расположенных вблизи НП, пол под ногами ходил ходуном. Над фольварком со свистом и ревом проносились тысячи снарядов, гигантскими молниями сверкали легендарные «катюши».

Вдали, где угадывались вражеские позиции, вздыбилась земля, вырастали все новые и новые кроваво-темные столбы, а затем медленно, словно нехотя, оседали, клубясь бурым дымом…

Я вышел из фольварка и направился к высотке, где находился выносной наблюдательный пункт. Через окуляры стереотрубы можно было различить перепаханные снарядами вражеские позиции, полузасыпанные траншеи противника.

Прошел час, а артиллерия все грохотала. Быстро умолкли вражеские орудия, подавленные огнем наших батарей. Приближалось время атаки. И. С. Конев поднялся на наблюдательную вышку, прикрытую мелколесьем.

Сто десять минут, без малого два часа, артиллерийский молот колотил по позициям противника, разрушая его укрепления, уничтожая живую силу и технику. И вот настал момент, когда огневой вал начал медленно перемещаться в глубину вражеской обороны. Одновременно вся ломаная линия переднего края засверкала вспышками сигнальных ракет.

Ровно в 11 часов 50 минут 12 января 1945 года войска ударной группировки фронта перешли в наступление. В полосе прорыва 5-й гвардейской армии мне довелось быть свидетелем дружной, хорошо организованной атаки. Через проходы в заграждениях, которые еще ночью проделали саперы, пошли танки непосредственной поддержки пехоты. Прикрываясь броней, вперед устремились автоматчики. В боевых порядках стрелковых подразделений передвигались и орудия сопровождения, готовые прямой наводкой поразить уцелевшие огневые точки противника. Насыщенность пехоты артиллерией была очень высокой. Каждому стрелковому батальону для непосредственного сопровождения придавались две, а то и три батареи.

Под прикрытием огневого вала атакующая пехота уверенно продвигалась вперед. Наши войска довольно быстро прорвали первую, а затем и вторую вражескую позицию.

Вскоре появились пленные. На допросе унтер-офицер 68-й немецкой пехотной дивизии показал: "Сегодня утром мы проснулись от грома русской артиллерии. Это был настоящий ад! Таких ударов мы еще не испытывали. Не успел смолкнуть артогонь, как туча советской пехоты и танков двинулась на наши позиции. Мы понесли огромные потери". "Артогнем русских наши позиции были перепаханы, а дзоты разбиты и смешаны с землей, — сказал военнопленный 304-й немецкой пехотной дивизии. — В 8-й роте оказались уничтоженными все пулеметы и минометы. Она отошла с позиций фактически без оружия. Находившаяся в резерве 6-я рота никакой контратаки произвести не смогла, так как после артподготовки русских все было

дезорганизовано, связь порвана и каждый думал лишь о себе"{62}.

В глубине вражеской обороны наступающие встретили сопротивление гитлеровцев, носившее вначале разрозненный характер. Затем немецко-фашистское командование ввело в бой резервы. Огонь стал организованным, участились контратаки противника.

В этой сложной обстановке коммунисты, как всегда, были впереди. В одном из стрелковых соединений, где мне довелось быть перед началом операции, находились представители политуправления фронта. Один из политработников доложил мне, что в стрелковом батальоне старшего лейтенанта Юдина первыми поднялись в атаку коммунисты Кравцов и Сыров. Выполняя партийное поручение, они воодушевляли воинов призывами и личным примером.

В критическую минуту боя, когда ожившие пулеметные точки врага прижали к земле атакующих советских воинов, член партии Кравцов крикнул находившемуся вблизи комсомольцу рядовому Байчуку:

— Беру левофланговый дзот на себя, а справа, возле одинокой сосны, твоя пулеметная точка. Приготовь пару гранат — и действуй!

И коммунист Кравцов быстро, сноровисто пополз по-пластунски к дзоту. Используя складки местности, он сумел вплотную подобраться к опасной огневой точке и уничтожить ее.

Следуя примеру Кравцова, комсомолец Байчук также забросал гранатами пулемет противника. Это позволило нашим пехотинцам снова подняться в атаку.

Мужество и дерзость при прорыве неприятельской обороны проявили коммунисты Перов, Дидиргалеев и Велкания. Выполняя партийное поручение, они выпускали листовки-молнии "Передай по цепи", проводили накоротке беседы с новичками о самоокапывании и маскировке, показывая при этом, как надо закрепляться на отвоеванном рубеже. Бывалые воины-коммунисты постоянно держали в поле зрения молодых, необстрелянных солдат, помогали им, подбадривали их, увлекая на ратные подвиги.

Действовавший на направлении главного удара стрелковый батальон отлично выполнил поставленную боевую задачу. В достижении этого успеха немалая заслуга коммунистов и всей партийной организации подразделения, возглавляемой старшиной Хромовым.

В течение трех часов наступательных действий войска фронта прорвали оборону гитлеровцев на глубину 6–8 километров. К

сожалению, третью позицию преодолеть с ходу не удалось. Чтобы окончательно сломить сопротивление немецко-фашистских войск и выдержать запланированный темп наступления, командующий фронтом решил ввести в бой танковые армии и отдельные танковые корпуса. Он сделал это в тот момент, когда командиры стрелковых полков задействовали свои вторые эшелоны. Совместное наращивание удара принесло успех. Главная полоса обороны противника была прорвана, и танковая лавина вырвалась на оперативный простор.

Гитлеровцы пытались остановить продвижение советских войск сильными контратаками из районов Стопницы, Хмельника, Буско-Здруя. Но наши танкисты старались не ввязываться в затяжные бои и обходить опорные пункты противника. Они были уверены, что оставшиеся очаги сопротивления ликвидирует следовавшая за ними пехота. 3-я гвардейская и 4-я танковые армии настойчиво продвигались вперед.

13 января 1945 года Москва салютовала войскам нашего фронта, успешно начавшим наступление с сандомирского плацдарма, двадцатью артиллерийскими залпами из двухсот двадцати четырех орудий. В приказе Верховного Главнокомандующего по этому поводу говорилось: "Войска 1-го Украинского фронта, перейдя в наступление 12 января из района западнее Сандомира, несмотря на плохие условия погоды, исключающие боевую поддержку авиации, прорвали сильно укрепленную оборону противника на фронте протяжением 40 километров. Решающее значение в прорыве обороны противника имело мощное и хорошо организованное артиллерийское наступление"{63}.

В приказе отмечались войска 5-й гвардейской армии, которой командовал генерал-полковник А. С. Жадов, 13-й армии генерал-полковника Н. П. Пухова и 52-й армии генерал-полковника К. А. Коротеева. В большом списке отличившихся стояли фамилии генерал-лейтенантов артиллерии Н. Н. Семенова, П. М. Королькова и Л. И. Кожухова, генерал-майоров артиллерии Г. В. Полуэктова, В. Б. Хусида, В. И. Кофанова и многих других.

Сердца воинов радует каждая весть о победе Советской Армии. Но еще большее воодушевление она вызывает, когда одержана именно тем фронтом, на котором сражается тот или иной солдат, сержант, офицер. Вот почему командиры и политработники поспешили записать передававшийся по радио текст приказа Верховного Главнокомандующего об успехах наших войск. Не дожидаясь поступления к нам центральных газет, мы размножили этот документ и разослали его по частям и соединениям. Важно было как можно скорее оповестить воинов об

успешном начале операции.

Там, где позволяла обстановка, политработники организовали коллективное слушание по радио приказа Верховного Главнокомандующего. О салюте Родины в честь войск 1-го Украинского фронта, прорвавших оборону гитлеровцев западнее Сандомира, агитаторы сообщили в подразделения по телефону, выпустили листовки-молнии. Позднее грамоты с благодарностью Верховного Главнокомандующего вручили всем воинам отличившихся частей и соединений. Это стало одной из форм поощрения фронтовиков, воспитания у них чувства военной гордости, любви к своей части, верности героическим традициям.

Начавшееся 12 января 1945 года наступление войск 1-го Украинского фронта развивалось успешно и даже лучше, чем предполагалось. 14 января двинулся вперед и наш сосед справа — 1-й Белорусский фронт. Он нанес удары с магнушевского и пулавского плацдармов в общем направлении на Познань. Оборона гитлеровцев на Висле затрещала по всем швам. А в результате глубоких прорывов подвижных войск она в конце концов рухнула.

3-я гвардейская армия генерала В. Н. Гордова, наносившая удар в направлении на Шидловец, впоследствии южнее этого населенного пункта соединилась с левым крылом 1-го Белорусского фронта.

Боясь окружения в районе островецкого выступа, гитлеровцы поспешно отступали на Кельце. Сюда же немецко-фашистское командование выдвигало и оперативные резервы. В результате здесь создавалась крупная группировка вражеских войск. Она состояла из 16-й и 17-й танковых, 20-й моторизованной, а также, правда сильно потрепанных, 168-й и 291-й пехотных дивизий. К Кельце откатывались из островецкого выступа 72-я и 342-я немецкие пехотные дивизии и другие части 42-го армейского корпуса. Стягивая сюда войска, немецко-фашистское командование намеревалось нанести затем контрудар, чтобы приостановить наше продвижение на запад.

Но советские войска упредили врага, спутали все его планы. Буквально на второй день операции, 13 января 1945 года, наши передовые отряды прорвались в район Кельце. В ожесточенных боях за овладение этим крупным административно-хозяйственным центром Польши и важным узлом коммуникаций большую роль сыграл обходный маневр 4-й танковой армии, охватившей город с юго-запада.

Немецко-фашистское командование попыталось локализовать наступательные действия войск фронта и поспешно предприняло контрудар. Наши передовые отряды, форсировавшие реку Чарна

Нида, оказались на какое-то время отрезанными от главных сил 4-й танковой армии. Противник предполагал, что подобная угроза остановит продвижение советских войск. Но в данной обстановке решающее влияние на исход боевых действий оказало моральное превосходство советских воинов. Гитлеровцам не удалось оказать на них психического воздействия. Командиры и политработники отрезанных неприятелем подразделений укрепляли у личного состава уверенность в победе не только призывами. Они правдиво и доходчиво объясняли сложившуюся обстановку, помогали солдатам понять существо маневра и нашу общую задачу. Танкисты и мотострелки хорошо уяснили, что от главных сил они отрезаны лишь на короткое время, что дни и часы фашистской группировки под Кельце сочтены. Противник оказался в положении незадачливого охотника, который громогласно похвастался: "Медведя поймал!" Когда же охотника попросили показать пойманного зверя, он ответил: "Да не идет он". "Тогда хоть сам иди!" предложили ему. И в ответ услышали: "Да не пускает!"

Нечто подобное приключилось и с гитлеровцами под Кельце.

Советские военачальники, предугадав хитроумный замысел врага, пресекли его в зародыше. Группировка немецко-фашистских войск, пытавшаяся отрезать наши части, сама оказалась в стальном кольце.

Главные силы 4-й танковой армии генерала Д. Д. Лелюшенко, подкрепленные стрелковыми соединениями, решительно атаковали окруженного противника. В ожесточенном танковом сражении участвовало с обеих сторон несколько сот боевых машин. Беспощадно уничтожали гитлеровцев артиллеристы и летчики.

Наши войска быстро ликвидировали окруженную вражескую группировку. В лесу возле польского селения Янув все было вздыблено и переворочено, на дорогах валялись многочисленные груды железного лома.

В числе других соединений здесь была полностью разгромлена 17-я танковая дивизия врага. Попавшие к нам в плен офицеры штаба показали, что незадолго до нашего наступления это соединение значительно пополнилось свежими силами и насчитывало 9500 человек личного состава, 180 танков и бронетранспортеров. Дивизия находилась в резерве и должна была составлять костяк группировки, предназначенной для контрудара. Но остановить наступление советских войск фашистам так и не удалось. Их 17-я танковая вместе с другими частями угодила в котел и буквально за несколько часов была разгромлена.

Полученные сообщения политуправление фронта немедленно использовало для пропаганды на войска противника. Была издана листовка под выразительным заголовком: "Так погибают немецкие дивизии".

Войска 1-го Украинского фронта, развивая стремительное наступление, 15 января 1945 года полностью освободили крупный административно-хозяйственный центр Польши — город Кельце. Остатки разгромленной здесь группировки поспешно откатывались к Пиотркуву (Петрокову). Под натиском соседнего, 1-го Белорусского фронта сюда отходили и вражеские части, потрепанные под Радомом. В районе этого важного узла коммуникаций и опорного пункта обороны противника сосредоточились 97-я пехотная дивизия врага, дивизия «Бранденбург», а также охранный полк «Остланд».

Требовалось сорвать попытку гитлеровцев закрепиться здесь и привести в порядок потрепанные части. Эту задачу наши войска успешно выполнили.

В боях за Пиотркув особенно отличилась 52-я гвардейская танковая бригада подполковника Л. И. Куриста из 3-й гвардейской танковой армии. Под покровом темноты она совершила тридцатипятикилометровый рейд по тылам врага и, обходя части охранения противника, скрытно приблизилась к городу. На броне машин в качестве проводников находились польские патриоты, хорошо знавшие местность и расположение минных полей.

В результате внезапной дерзкой ночной атаки гвардейцы-танкисты ворвались в Пиотркув и, подняв панику в стане врага, завязали уличные бои с многочисленным вражеским гарнизоном. Они удерживали важные объекты до подхода наших главных сил. Ночным боем руководил и лично участвовал в нем заместитель командира 6-го гвардейского танкового корпуса гвардии полковник И. И. Якубовский, ставший потом Маршалом Советского Союза.

В районе Пиотркува решительно и умело действовал также 6-й гвардейский механизированный корпус полковника В. Ф. Орлова. Особенно он отличился при окружении и разгроме келецкой группировки гитлеровцев.

Коммунист Василий Федорович Орлов вступил в командование корпусом перед началом Висло-Одерской операции. Примечательна родословная этого молодого талантливого офицера, выдвинутого в боях на высокий командный пост. Он сын ветерана трех войн Федора Михайловича Орлова — старого большевика, героя боев за власть Советов, являвшегося в 1920 году заместителем М. В. Фрунзе. В суровом

1941 году, когда столице нашей Родины Москве угрожали фашистские полчища, Ф. М. Орлов вступил в ряды народного ополчения, хотя по возрасту и состоянию здоровья был снят с воинского учета. По примеру отца все сыновья, в том числе и Василий, ушли на фронт. Направилась в действующую армию и дочь Орловых — Мария, которая перед Великой Отечественной войной закончила Военно-воздушную инженерную академию имени Н. Е. Жуковского. Она сражалась в прославленном авиационном полку Героя Советского Союза Марины Расковой.

В 6-м гвардейском механизированном корпусе, которым командовал В. Ф. Орлов, находился знаменитый танк «Мать-Родина», приобретенный его матерью Марией Иосифовной Орловой. По возрасту и из-за двух ранений, полученных на фронтах гражданской войны, Мария Иосифовна уже не могла непосредственно участвовать в боях. Но она послала на фронт всех своих детей и на сбережения семьи приобрела боевой танк.

Когда я узнал историю этой патриотической династии, сердце наполнилось гордостью за наш народ, за героических советских людей, взращенных Коммунистической партией.

А сколько героев сражалось в 3-й гвардейской танковой армии генерала П. С. Рыбалко! Взять, к примеру, командира танкового батальона Семена Васильевича Хохрякова. Скромный и скупой на слова, серьезный и вдумчивый офицер, он оставил о себе самое хорошее впечатление. Коммунист С. В. Хохряков родился в 1915 году в селе Коелга, Еткульского района, Челябинской области. В танковые войска Семен Васильевич пришел из кавалерии. Он участвовал в боях на реке Халхин-Гол и награжден монгольским орденом "Полярная звезда". Был ранен там и не раз мечен пулями в Великую Отечественную войну.

На 1-м Украинском фронте гвардии майор С. В. Хохряков особенно отличился в дни мартовской операции 1944 года, в боях за овладение городом Староконстантинов. Прорвавшись глубоко в тыл врага, его танковый батальон перерезал шоссе Проскуров — Волочиск. Гитлеровцы пытались возвратить утраченную коммуникацию и нанесли контрудар. Но комбат С. В. Хохряков и его гвардейцы стойко удерживали важный рубеж. Даже когда Семен Васильевич был тяжело ранен, а его танк получил серьезное повреждение, он не покинул поля боя. Пока машина могла двигаться, комбат продолжал сражаться с врагом. Мужественному офицеру-коммунисту было присвоено звание Героя Советского Союза.

По выходе из госпиталя Семен Васильевич получил новое боевое задание. Когда наши передовые части вошли в прорыв, ему приказали вместе с мотострелковым батальоном Героя

Советского Союза гвардии капитана Н. И. Горюшкина скрытно выйти в район Ченстохова, захватить железнодорожный узел и перекресток шоссейных дорог и удерживать их до подхода наших главных сил.

Вырвавшись на оперативный простор, передовой отряд, возглавляемый гвардии майором С. В. Хохряковым, стремительно продвигался по тылам врага. Высланная вперед разведка сообщила, что на пути — глубокий противотанковый ров. Проходы через него подготовлены к взрыву, прикрыты артиллерией и охраняются постами.

Как в таком случае поступить? Атака вряд ли принесет желаемый успех. И вот вьюжной ночью к охраняемому проходу подъехал грузовик. Часовой помахал фонарем, приказывая шоферу остановиться. Из кузова выпрыгнули солдаты, закутанные в немецкие плащ-палатки. Размахивая закоченевшими на морозе руками, они спокойно подошли к часовому и бесшумно сняли его. Так же быстро были обезоружены и взяты в плен артиллеристы, дремавшие у орудия, и саперы-подрывники.

Путь стал свободен, и танки стремительно пошли на Ченстохов. Они атаковали город с такого направления, с которого гитлеровцы никак не ожидали удара.

Ворвавшись в Ченстохов, гвардейцы-танкисты захватили железнодорожный узел и оседлали важные коммуникации. Выяснив, что немецкий комендант сбежал, а к городу подходят два неприятельских эшелона, гвардии майор С. В. Хохряков приказал начальнику станции принять их.

— А как с ними поступить, сами знаем, — твердо добавил Семен Васильевич.

Эшелоны с гитлеровцами и вражеской боевой техникой подверглись внезапному обстрелу и были разгромлены. Гвардейцы уничтожили 1200 фашистских солдат и офицеров, восемь «тигров» и «пантер», 26 полевых пушек и много другого вооружения. Они захватили большие трофеи. Родина по. достоинству оценила находчивость и отвагу Героев Советского Союза Семена Васильевича Хохрякова и Николая Ивановича Горюшкина. Они были удостоены второй медали "Золотая Звезда". Высокими правительственными наградами были отмечены и другие участники дерзкого рейда по тылам врага. Передовой отряд, возглавляемый гвардии майором С. В. Хохряковым, образцово выполнил задание командования. Захватив железнодорожный узел Ченстохов, он удерживал его до подхода наших главных сил. 17 января 1945 года войска 5-й гвардейской, 52-й и 3-й гвардейской танковой армий с ходу форсировали реку Варта и стремительным ударом полностью

овладели городом Ченстохов.

В те дни крупный успех обозначился и на краковском направлении. Успешно продвигалась 59-я армия генерала И. Т. Коровникова, начавшая боевые действия 14 января 1945 года с рубежа реки Нида. Ей переподчинили 4-й гвардейский танковый корпус генерала П. П. Полубоярова и 17-ю артиллерийскую дивизию генерала С. С. Волкенштейка.

Удары по врагу нарастали. 18 января 1945 года командующий фронтом ввел в сражение 21-ю армию генерал-полковника Д. Н. Гусева. Наступление развивалось в высоком темпе. Так, например, 16 января наши подвижные войска прошла с боями 30–70 километров, 17 января — до 55 километров, 18 января до 45, а 19 января — от 45 до 70 километров. Директива Ставки обязывала 1-й Украинский фронт на десятый-одиннадцатый день операции овладеть рубежом Пётркув (Петроков), Ченстохов, Ме-хув и двигаться на Бреслау (ныне Вроцлав). Но Ченстохов был освобожден на шестой день операции, а Пётркув — на седьмой. Поставленная Верховным Главнокомандованием задача была выполнена досрочно. За неделю наступления войска фронта продвинулись на запад на 150 километров и продолжали громить врага.

Военный совет и политуправление фронта, обязали политотделы армий повысить оперативность в проведении военных и политических информации. Мы потребовали ежедневно оповещать войска и учреждения тыла, медсанбаты и госпитали о боевых успехах частей и соединений, особенно на вроцлавском и краковском направлениях, непременно указывать, каких рубежей они достигли.

В те дни повышенный интерес у воинов вызывал такой вопрос: сколько километров осталось до Берлина? В 77-м отдельном штурмовом инженерно-саперном батальоне содержательную беседу по этому вопросу провел молодой коммунист Герой Советского Союза Дмитрий Тихонович Степанов. Он с самого начала войны сражался против немецко-фашистских захватчиков. В районе переправы, которую обслуживали саперы, Д. Т. Степанов собрал группу молодых солдат. На карте он графически изобразил путь, пройденный саперным подразделением Героя Советского Союза капитана И. Е. Качалко от Волги до Вислы и Варты. Вместе с молодыми солдатами Д. Т. Степанов измерил все боевые маршруты, сложил и вычислил их длину с учетом масштаба. Получилась впечатляющая цифра: более 2 тысяч километров! Потом прикинули расстояние от Ченстохова до германской столицы. Войскам оставалось пройти примерно 535 километров.

Ветеран боев Дмитрий Тихонович Степанов предупредил молодых саперов, что путь к победе нелегок. Каждый километр придется преодолевать с тяжелыми боями, форсировать реки Одер, Бобер, Нейсе и другие водные преграды.

— А больше всего, — сказал в заключение Герой Советского Союза Д. Т. Степанов, — хочется одними из первых форсировать реку Шпрее, на берегах которой стоит Берлин!

В боевой обстановке использовались самые разнообразные формы воспитания солдат, сержантов и офицеров. За годы войны командиры и политорганы научились четко и продуманно планировать свою работу, правильно распределять партийные силы, сосредоточивая их на решающих участках, и разумно использовать резерв политработников.

Как, например, политическое управление 1-го Украинского фронта строило свою работу в Висло-Одерской операции? Перед ее началом и при прорыве обороны противника основное внимание уделялось частям и соединениям первого эшелона, прежде всего штурмовым батальонам, а также артиллерии, которая считалась ударной огневой силой.

На боевом опыте мы не раз убеждались, что прорыв обороны противника дело необычайно трудное, ответственное и во многом решающее судьбу всей операции. Гитлеровцы, утратив стратегическую инициативу, делали ставку на создание непреодолимой, глубоко эшелонированной обороны, стремясь во что бы то ни стало локализовать наше наступление, придать боевым действиям затяжной характер и загнать войну, как выражались фашистские генералы, в позиционный тупик.

Но врагу этого не удалось добиться. Наши военачальники, вооруженные передовой советской наукой и обогащенные боевым опытом, искусно и творчески организовывали прорыв сильно укрепленной обороны противника, мастерски используя прежде всего возросшую огневую мощь артиллерии.

Когда же неприятельская оборона была прорвана, политорганы перенесли свои главные усилия на обеспечение быстрого ввода в прорыв подвижных частей и соединений. Во всех передовых отрядах находились представители политотделов армий и дивизий, лучшие агитаторы и организаторы. Они призывали воинов усилить темпы наступления, смелее и решительнее вторгаться в глубину вражеской обороны, захватывать мосты и переправы.

Действуя в передовом отряде 61-й гвардейской танковой бригады, батальон капитана В. Г. Скринько скрытно обошел все боевые посты противника и прорвался к мосту через реку Варта. Уничтожив команду, охранявшую переправу, коммунист капитан

В. Г. Скринько и его подчиненные предотвратили подготовленный гитлеровцами взрыв переправы. Это позволило нашим танкистам, не задерживаясь на водном рубеже, продолжать движение на запад.

Но захваты переправ не всегда удавались. В полосе наступления 14-й гвардейской танковой бригады противник разрушил все мосты. Однако это не остановило советских воинов. Парторг роты У. Г. Дзюбенко, еще несколько коммунистов и комсомольцев, не раздумывая ни минуты, бросились в реку и, раздвигая руками плывущие льдины, начали разведывать брод. Вскоре по маршруту, обозначенному вешками, через водную преграду двинулись танки.

Эти примеры убедительно говорят о том, насколько важны при форсировании рек инициатива, решительность, стойкость воинов. Вот почему в состав передовых отрядов и первых десантов включались наиболее опытные и волевые командиры, закаленные солдаты, преимущественно коммунисты и члены ВЛКСМ.

Вперед устремились все войска. Их надежно прикрывала с воздуха авиация. Буквально на другой день после освобождения Енджеюва части 1-го гвардейского штурмового авиакорпуса, которым командовал генерал В. Г. Рязанов, приземлились на расположенных поблизости аэродромах и приступили к боевой работе. Это позволило еще более увеличить радиус действия штурмовиков и непрерывно поддерживать части 3-й гвардейской танковой армии, совершавшие глубокий рейд по тылам врага.

Работа командиров и штабов по налаживанию четкого взаимодействия летчиков и танкистов подкреплялась политическими средствами. Начальник политотдела 3-й гвардейской танковой армии генерал А. Д. Капник на всем протяжении операции поддерживал деловые контакты с начальниками политорганов авиасоединений.

Военный совет фронта потребовал, чтобы командиры всех степеней, штабы и политорганы приблизили руководство к войскам и на всех этапах операции обеспечивали непрерывность управления. Маршал Советского Союза И. С. Конев при первой же возможности быстро выдвигал свой наблюдательный пункт вперед. Так, например, 18 января 1945 года Военный совет и штаб фронта передислоцировались из Сихув-Дужи в Скронюв, что в четырех километрах юго-западнее Енджеюва, а 23 января мы переместились в населенный пункт Лишки Гурка.

Поскольку операция развивалась успешно, Ставка Верховного Главнокомандования, оценив наши возможности, 17 января 1945 года приказала 1-му Украинскому фронту продолжать наступление главными силами на Бреслау (Вроцлав) и не позднее

30 января выйти на Одер. Левому крылу фронта ставилась задача 20–22 января освободить Краков. Эти сложные боевые задачи были выполнены досрочно.

Активные боевые действия вели все Белорусские фронты. Вслед за нами возобновил наступление наш сосед слева — 4-й Украинский фронт, освобождавший районы Южной Польши и Чехословакии.

К 18 января 1945 года основные силы противостоявшей нам 4-й немецкой танковой армии были разгромлены. Вместе с 4-м Украинским фронтом наши войска нанесли серьезные поражения и 17-й армии противника. "Русское наступление развивалось с невиданной силой и стремительностью, — писал впоследствии немецкий генерал Ф. Меллентин. — Было ясно, что их Верховное Главнокомандование полностью овладело техникой организации наступления огромных механизированных армий. Невозможно описать всего, что произошло между Вислой и Одером в первые месяцы 1945 года. Европа не знала ничего подобного со времени гибели Римской империи"{64}.

На краковском направлении

В ходе январского наступления 1945 года войска 1-го Украинского, 1-го Белорусского и других фронтов выполняли задачу огромного политического и стратегического значения. Они завершали полное освобождение всех польских земель, громя и уничтожая в междуречье Висла — Одер крупную группировку гитлеровцев.

Надо заметить, что к западу от Вислы находилось три четверти всей территории Польши, в том числе такие города, как Варшава, Краков, Катовице, Кельце, и другие административные, промышленно-хозяйственные и культурные центры. На этих землях проживало около 15 миллионов поляков, томившихся под гнетом фашистской оккупации, они с нетерпением ждали прихода Красной Армии-освободительницы.

Войска 1-го Украинского фронта успешно продвигались на двух операционных направлениях — на бреславльском и краковском. Перешедший в наступление на три дня позднее нас 4-й Украинский фронт нанес сильный удар по флангу 17-й немецкой армии. 3-я гвардейская танковая армия, глубоко прорвавшаяся во вражеский тыл, также угрожающе нависла над краковской группировкой гитлеровцев. Это позволило левому крылу наших войск ускорить продвижение к древней столице Польши. 59-я и 60-я армии преследовали противника днем и ночью, не давая ему возможности оторваться и закрепиться на заранее подготовленном рубеже. Они стремились как можно быстрее выйти к Кракову и спасти древний польский город от

разрушения.

Неоценимую помощь наступающим войскам оказала важная информация, собранная нашими разведорганами, работавшими инициативно и с перспективой. Задолго до начала Висло-Одерской операции в район Кракова забрасывались разведывательные группы, которые нередко действовали в тесном контакте с польскими партизанами и подпольщиками.

Одна такая группа, возглавляемая Е. С. Березняком, была выброшена на парашютах в ночь на 19 августа 1944 года в районе Беляны, в двух километрах севернее шоссе Краков — Катовице. В необычайно сложных условиях разведчики добывали очень ценные сведения о немецком гарнизоне Кракова, дислокации штабов, узлов связи, аэродромов и складов, а также об оборонительных сооружениях противника по реке Висла и в окрестностях города.

Многие, наверное, помнят многосерийный художественный телефильм "Майор Вихрь", поставленный по сценарию писателя Юлиана Семенова. Главный герой фильма майор Вихрь, так же как и Е. С. Березняк, после десантирования был схвачен гестаповцами, выдержал страшные испытания, но не выдал врагу товарищей и выстоял до конца. Совершив дерзкий побег из-под стражи и преодолев множество трудностей, он приступил к выполнению задания командования. В этом произведении впечатляюще показана героическая работа радистки Оли Комар — Елизаветы Яковлевны Вологодской и других членов группы. Прототипами героев художественного телефильма стали и польские патриоты-антифашисты Владислав Бохонек, Михал Врубль, супруги Зайонц, Юзеф Прысак и Станислав Очкось, помогавшие нашим десантникам и награжденные впоследствии орденами Союза ССР. Различными видами разведки было установлено, что гитлеровцы создали вокруг Кракова внешний оборонительный обвод, расположенный в радиусе 5–8 километров, и внутренний, примыкавший непосредственно к окраинам города. Фашисты приспособили к обороне все старинные здания прочной кирпичной кладки, крепостные стены древней столицы Польши, забаррикадировали многие улицы, построили дзоты, отрыли траншеи и окопы, в широком масштабе осуществили минирование, подготовив к взрыву и уничтожению все мосты через Вислу, важные объекты и даже выдающиеся творения зодчества. Город и его окрестности оказались буквально начиненными всевозможными смертоносными «сюрпризами».

Немецко-фашистское командование предполагало прочно опереться на краковский крепостной район, прикрывая подступы к Домбровскому угольному бассейну. Нам стало известно, что

высокопоставленный нацистский чин назвал этот старинный польский город надежным замком на стальных воротах индустриальной Силезии.

— Что ж, — сказал Конев, прочитав разведдонесение о хвастливых высказываниях фашистского генерала, — и для краковского замка у нас найдется ключик. Стремительное наступление и ошеломляющий противника маневр — вот что может спасти древнюю столицу Польши от разрушения.

Командующий фронтом выехал на краковское направление и лично координировал боевые действия 59-й армии, обходившей город с северо-запада, и 60-й армии, наносившей удар с востока. 4-й гвардейский танковый Кантемировский корпус под командованием генерала П. П. Полубоярова с рубежа Шренявы двинулся в обход Кракова с запада. Его глубокий маневр должен был вынудить противника поспешно оставить город.

115-й стрелковый корпус, которым командовал генерал-майор С. Б. Козачек, во взаимодействии с танкистами-кантемировцами совершил стремительный бросок из района Мехува к северной части Кракова, с ходу преодолев внешний оборонительный обвод врага.

Тем временем к южной части города с тяжелыми боями продвигался 28-й стрелковый корпус генерал-майора М. И. Озимина. Я знал этого мужественного и опытного военачальника по многим прошлым боям. Он великолепно действовал, например, во Львовско-Сандомирской операции. Возглавляемое им соединение стремительно наступало и прочно закреплялось на завоеванных рубежах. Иногда части корпуса отражали по 10–15 вражеских контратак в течение суток, но не отходили ни на шаг, продолжая упорно пробиваться на запад, удерживая в своих руках боевую инициативу.

Так произошло и под Краковом, где фашисты предприняли более 15 контратак, намереваясь отбросить наши войска и восстановить утраченные позиции. Ломая ожесточенное сопротивление гитлеровцев, советские воины решительно продвигались к этому крупному промышленному и культурному центру союзной нам Польши. Только части стрелкового корпуса, которым командовал генерал М. И. Озимин, уничтожили здесь до 5 тысяч гитлеровцев. Около 1500 вражеских солдат и офицеров было взято в плен.

Представляя командира 28-го стрелкового корпуса генерал-майора Михаила Ивановича Озимина к званию Героя Советского Союза, командующий 60-й армией генерал П. А. Курочкин и член Военного совета армии генерал В. М. Оленин писали: "Находясь непосредственно в боевых порядках частей, генерал Озимин в

трудные минуты боя лично воодушевлял офицеров и бойцов на разгром противника, чего он и добился.

Его присутствие в частях и личное мужество в трудные минуты боя умножало силу ударов по войскам противника"{65}.

Краков, так же как и Варшава, стоял на Висле, и нашим воинам пришлось снова форсировать реку в сложных условиях городского боя. На рассвете 19 января 1945 года части 245-й стрелковой дивизии генерал-майора В. А. Родионова из 59-й армии преодолели Вислу в районе Кракова. В числе первых переправился через реку заместитель командира штурмового батальона по политической части гвардии майор В. С. Пелипенко. Где по льду, а где и вброд в ледяной воде политработник Владимир Спиридонович Пелипенко шел первым, увлекая за собой воинов. В критическую минуту боя, когда в рядах наступающих произошла заминка, гвардии майор с возгласом "За Родину, вперед!" снова оказался на самом опасном участке, воодушевляя подчиненных, прокладывая путь гранатами и огнем автомата. Гитлеровцы были выбиты из прибрежной траншеи и бежали. Захватив небольшой плацдарм, группа воинов, возглавляемая В. С. Пелипенко, прикрыла переправу других подразделений.

Пехота и танки противника предприняли несколько контратак, стремясь во что бы то ни стало сбросить в Вислу наших храбрецов и ликвидировать плацдарм. Но воины батальона стояли насмерть. А затем пришла подмога. Политработник со своими бойцами принял участие в штурме южной окраины Кракова. Гвардии майору Владимиру Спиридоновичу Пелипенко было присвоено звание Героя Советского Союза.

Мне вдвойне отрадно было узнать об этом: мужественный политработник в конце 1941 и в начале 1942 годов воевал в составе 9-й армии, где я тогда был членом Военного совета, он сражался на Северском Донце, в районе Богородичного, и прошел суровую школу трудного периода войны.

Как и большинство наших политработников, Владимир Спиридонович хорошо знал военное дело, мастерски владел всем штатным оружием стрелкового батальона и умел не хуже саперов-пиротехников обезвреживать вражеские мины и фугасы. Это умение пригодилось ему в боях за освобождение Кракова, где гитлеровцы в широких масштабах минировали местность.

Когда человек знает военное дело и вооружение своей части, понимает тактические приемы борьбы с врагом, он квалифицированно и добротно организует политработу в любых условиях, в том числе непосредственно в бою. Это подтвердил своими боевыми действиями заместитель командира батальона

по политчасти гвардии майор В. С. Пелипенко.

Член Военного совета 59-й армии генерал П. С. Лебедев докладывал нам о массовом героизме воинов армии, проявленном в боях за Краков, о бессмертном подвиге кандидата в члены партии младшего лейтенанта Алексея Николаевича Юрьева. Когда наступление нашего подразделения было остановлено сильным пулеметным огнем, а обстановка не терпела промедления, младший лейтенант А. Н. Юрьев взял противотанковые гранаты и быстро пополз к вражескому дзоту.

Небольшая группа гитлеровцев пыталась преградить ему путь. Автоматным огнем Юрьев уничтожил шесть фашистов. Несмотря на ранение, полученное в перестрелке, он пополз дальше и метнул в амбразуру противотанковую гранату. Вражеский пулемет смолк, и наши бойцы поднялись в атаку. Но вот снова ожила неприятельская пулеметная точка, и младший лейтенант, спасая товарищей, опять бросился на врага с гранатой…

После боя его нашли на амбразуре дзота. Ценой своей жизни Алексей Юрьев, подобно Александру Матросову, проложил подразделению путь к победе. Ему посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Об этом подвиге политотдел армии оперативно издал листовку, которая была зачитана в подразделениях.

Немецко-фашистское командование все еще надеялось удержать Краков. Большую нервозность в стане врага вызвал обходный маневр 4-го гвардейского танкового корпуса. Смело и решительно действовали подразделения 13-й гвардейской танковой бригады, которой командовал гвардии подполковник С. К. Куркоткин (впоследствии Маршал Советского Союза, заместитель Министра обороны и начальник Тыла Вооруженных Сил СССР). Внезапно ворвавшись на аэродром, танкисты захватили 14 исправных немецких самолетов и другие богатые трофеи. Дерзко и решительно действовала западнее Кракова танковая рота старшего лейтенанта И. П. Петрова, разгромившая на путях немецкий воинский эшелон.

19 января 1945 года войска 1-го Украинского фронта в результате умелого обходного маневра, как это отмечалось в приказе Верховного Главнокомандующего, овладели Краковом — мощным узлом обороны противника на подступах к Домбровскому угольному бассейну.

Мужество и ратное мастерство советских воинов позволило спасти такие выдающиеся архитектурные памятники, как Вавельский замок, университет, основанный в 1364 году, Мариацкий костел и кафедральный собор, где находились

гробницы Тадеуша Костюшко, Адама Мицкевича и других славных сынов польского народа.

Перед наступлением на Краков мы, признаться, сильно опасались, что в боях за этот древний город гитлеровцы окажут ожесточенное сопротивление. Нам было известно, что оборонительные работы здесь велись в самых широких масштабах и неприятельский гарнизон основательно готовился к уличным боям в условиях длительной осады.

Но немецко-фашистское командование, видимо, учло, что на краковском направлении наступает довольно сильная наша группировка, способная раздавить любое сопротивление врага. Определенную роль сыграл и крупный успех советских войск на бреславльском направлении. Они стремительно приближались к Одеру, нацеленные на жизненно важные центры Германии, в том числе на Берлин.

При сложившейся обстановке, когда германский фронт на Висле фактически рухнул, гитлеровцам ничего не оставалось, как покинуть древнюю столицу Польши. Глубокий обходный маневр наших танковых соединений в свою очередь тоже вынуждал противника к поспешному отходу на запад. В итоге нам удалось избежать затяжных уличных боев и предотвратить разрушение города.

19 января 1945 года стало днем важных побед 1-го Украинского фронта. Части 59-й и 60-й армий и 4-го гвардейского танкового корпуса не только освободили Краков, но и наголову разгромили оборонявшуюся здесь крупную вражескую группировку, состоявшую из 344, 359, 601 и 78-й пехотных дивизий. В тот день наши стрелковые соединения продвинулись на 20–35, а танковые — на 45–70 километров, очистили от гитлеровских захватчиков свыше 700 польских населенных пунктов и захватили большое количество пленных.

К вечеру 19 января 1945 года войска 5-й гвардейской и 52-й общевойсковых армий во взаимодействии с 3-й гвардейской танковой пересекли старую польско-германскую границу. Я связался по ВЧ с членами военных советов армий, вступивших в Силезию, генералами А. М. Кривулиным, А. Ф. Бобровым и С. И. Мельниковым и порекомендовал им выехать в первые же занятые советскими войсками немецкие населенные пункты, чтобы дать подробную объективную информацию. Одновременно и сам решил побывать там.

В ночь на 20 января 1945 года Военный совет фронта доложил в Ставку об этих знаменательных событиях. По нашему указанию глубокой ночью был выпущен экстренный номер фронтовой газеты "За честь Родины". Шапка на первой ее полосе

гласила: "Войска 1-го Украинского фронта вторглись в Силезию и освободили древний польский город Краков! Добьем фашистского зверя в его собственной берлоге и водрузим над Берлином Знамя Победы!" В номере публиковались приказы Верховного Главнокомандующего войскам 1-го Украинского фронта, освободившим Краков, и войскам 4-го Украинского, 1, 2 и 3-го Белорусских фронтов. Газета поместила и оперативную информацию о вступлении наших войск в Силезию.

Начальник штаба фронта генерал армии В. Д. Соколовский, несмотря на глубокую ночь и огромную занятость, оказал политуправлению помощь в доставке экстренного выпуска на места. В частности, он выделил несколько самолетов По-2. Первыми газету получили армии, заслужившие благодарность Верховного Главнокомандующего.

На другой день после освобождения Кракова на главной площади города собрался многотысячный митинг. Люди до глубины души были тронуты, когда наш оркестр исполнил польский национальный гимн.

Фашисты попирали национальное достоинство польского народа, давшего миру Коперника, Мицкевича, Шопена, уничтожали исторические памятники, истребляли людей в душегубках Освенцима, Майданека и других лагерей смерти.

Трудящиеся с благодарностью говорили о Красной Армии, принесшей свет, свободу, избавление от нацистского рабства, и выражали горячее стремление всемерно помогать Советским Вооруженным Силам и Войску Польскому в полном разгроме фашистских оккупантов.

Жители Кракова восторженно встретили выступление на митинге члена Военного совета 59-й армии генерал-майора П. С. Лебедева и заместителя начальника политуправления фронта генерал-майора П. А. Усова.

Говоря о том, что в революционной борьбе закладывались прочные основы братства и классовой солидарности русского и польского пролетариата, генерал-майор П. А. Усов заявил:

— Мы никогда не забудем героев лодзинской стачки и баррикадных боев, отважных героев гражданской войны и бойцов интернациональных бригад, сражавшихся в республиканской Испании против фашизма, всегда будем помнить братьев по оружию из Войска Польского. В революционных битвах и в совместной борьбе против империализма и фашизма спаяна дружба двух народов.

Выступавшие проникновенно говорили о выдающейся роли великого Ленина в укреплении интернационального братства народов. Владимир Ильич, как известно, продолжительное время

находился в Кракове, Поронине и других населенных пунктах Польши, занимаясь титанической революционной деятельностью.

Массовые митинги проходили во всех освобожденных нами городах. Когда на улицах Кельце затихла перестрелка и немецко-фашистские оккупанты были изгнаны из этого крупного административно-хозяйственного центра, агитбригада политуправления фронта развернула массовую работу среди местного населения. Через мощную громкоговорящую установку зачитывались документы о советско-польских отношениях, передавались сводки Сов-информбюро. Населению было роздано несколько тысяч листовок и брошюр на польском языке.

В содружестве с нашими политработниками здесь работала и бригада польского министерства информации, располагавшая агитмашиной и кинопередвижкой.

17 января 1945 года в Кельце состоялся большой митинг. Представитель политуправления фронта майор И. Новичев говорил о целях и задачах Красной Армии, освобождавшей Польшу, об интернациональном долге советских воинов. Затем выступил представитель Временного правительства Польской республики. Жители города Кельце, горячо и взволнованно благодарившие Красную Армию за избавление от фашистского рабства, приняли приветственное письмо воинам 1-го Украинского фронта{66}.

Подлинными носителями советской социалистической культуры являлись красноармейские ансамбли песни и пляски. Большое число концертов для трудящихся Польши дал наш фронтовой ансамбль, возглавляемый художественным руководителем Г. Н. Добродеевым. В этом творческом коллективе хормейстерами и дирижерами были Д. В. Данилевич и С. П. Резников, а руководителем оркестра — В. Лисица.

Фронтовой ансамбль располагал талантливыми солистами Д. Стадником, В. Кириаковым, М. Халиным, К. Парийским, С. Каминским. Хор исполнял русские, украинские и польские песни. Среди современных советских песен особой популярностью у слушателей пользовалась "Священная война", написанная композитором А. Александровым на стихи Вас. Лебедева-Кумача. Она воспринималась как своего рода гимн Великой Отечественной войны.

Огромный восторг у местного населения вызывала танцевальная группа фронтового ансамбля. Да это и понятно. Ведь язык танца доступен каждому и не требует перевода. Своим исполнительским мастерством выделялись солисты балета И. Ревельс, Т. Грузинова, В. Локтев, Г. Даштанян, А. Славина, Д. Калинкина, М. Печенюк, Г. Мамонько, Г. Ноженко, К. Соболева и

многие другие.

В широком масштабе осуществлялось кинообслуживание польского населения. Перед концертами ансамблей и киносеансами с короткими, но содержательными информациями выступали пропагандисты, в том числе члены военных советов, начальники политотделов армий и другие руководящие политработники фронта. Они говорили о политике Коммунистической партии Советского Союза и крепнущей боевой дружбе между нашими народами, между Красной Армией и Войском Польским. Значительное место занимала информация о положении на фронте.

Мне пришлась по душе яркая, самобытная деятельность талантливого политработника генерал-майора Ивана Максимовича Гришаева. Помнится, вечером 25 января 1945 года я прибыл в 60-ю армию. Она находилась на левом крыле фронта и продвигалась вдоль Вислы, охватывая с юга Силезский промышленный район.

В политотделе царило большое оживление. Работники поарма во главе с генералом И. М. Гришаевым слушали передаваемый по радио приказ Верховного Главнокомандующего. В том приказе отмечались войска 59-й и 60-й армий, занявшие с боями город Хшанув, и 21-й армии, овладевшие городом Глейвиц (Гливице).

Иван Максимович сказал подчиненным, что о салюте Москвы надо не только оповестить части армии, но и сообщить нашим друзьям-полякам. Мы вместе прошли в здание местной гимназии, где армейский ансамбль песни и пляски давал концерт для местного населения. В стремительной солдатской пляске, сопровождаемой молодецким посвистом, кружились артисты ансамбля. Но вот к рампе сцены быстро вышел генерал И. М. Гришаев и призывно поднял руку внимание!

Мгновенно оборвался стремительный танец, выжидательно притих зал. После небольшой паузы Иван Максимович объявил:

— Рад сообщить вам, дорогие друзья, хорошую новость. Только что столица Советского государства — Москва торжественно салютовала доблестным войскам Первого Украинского фронта, овладевшим двадцать четвертого января тысяча девятьсот сорок пятого года крупным центром Домбровского угольного бассейна Хшанувом и крупным центром Силезского промышленного района городом Глейвиц (Гливице).

Зал взорвался аплодисментами. На сцену высыпали все артисты ансамбля и тоже зааплодировали победе советского оружия.

Иван Максимович снова поднял руку, пытаясь продолжить

речь, да так и не смог дождаться наступления полной тишины. Пересиливая шум аплодисментов, он громко выкрикнул:

— Наступление, товарищи, продолжается! И овация вспыхнула с новой силой. Ликование польских друзей понять было не трудно. С Глейвицем (ныне Гливице) у поляков были связаны тяжелые воспоминания о начале второй мировой войны. Именно в Глейвице подручные Гейдриха и Канариса учинили чудовищную провокацию, инсценировав нападение переодетых в польскую военную форму немецких уголовников на германскую радиостанцию. Гитлер поспешил использовать это как повод для развязывания войны. Буквально через несколько часов после провокационного инцидента в Глейвице, на рассвете 1 сентября 1939 года, фашистские орды вероломно вторглись в пределы Польши. Так началась вторая мировая война. Гитлеровцы оккупировали Польшу, затем Данию, Норвегию, Бельгию и Голландию, в короткий срок разгромили Францию. Фашистская чума заполонила почти всю Европу, проникла даже в песчаные пустыни Африки, угрожая и другим континентам земного шара.

Но подлые замыслы нацистских претендентов на мировое господство с позором провалились. Боевые действия придвинулись к тем рубежам, откуда началась вторая мировая война, откуда хлынули фашистские орды.

Генерал-майор И. М. Гришаев напомнил польским друзьям, что это произошло потому, что великий Советский Союз не только выстоял в тяжелом и кровопролитном единоборстве с сильным и злобным врагом, но и одолел его, изгнал из пределов СССР, сломил хребет фашистскому чудовищу. Теперь на своих победных знаменах он несет свободу и счастье народам Европы.

Яркая, эмоциональная речь начальника политотдела произвела на всех сильное впечатление и была выслушана с неослабным вниманием.

Генерал-майор И. М. Гришаев умел внести живинку в любое дело и поистине творчески, самозабвенно и с любовью занимался политработой. Иван Максимович отличался большой эрудицией, ярко, сжато и четко излагал свои мысли. Он великолепно проявил себя как в устной, так и в печатной пропаганде. Среди политработников фронта мало кто мог сравниться с ним в умении написать вдохновенное, публицистически страстное обращение, отредактировать памятку солдату или листовку, адресованную войскам противника. Его донесения отличались глубиной содержания, точным и продуманным анализом фактов.

Я не раз ставил Ивана Максимовича в пример политработникам как талантливого пропагандиста и агитатора, человека творческого, обладающего удивительным чувством

нового. Мне очень жаль было расставаться с ним, когда после Висло-Одерской операции 60-я армия была передана в состав 4-го Украинского фронта.

Но в оставшиеся дни мы с генералом Гришаевым совершили весьма плодотворную поездку по войскам и освобожденным районам. Иван Максимович доложил, что направленная в Краков для работы среди местного населения бригада политотдела 60-й армии совместно с польскими товарищами отыскала и уточнила некоторые памятные ленинские места.

Подобными историческими поисками активно занимались и другие политорганы. В героической жизни и неутомимой творческой деятельности гения революции В. И. Ленина краковский и поронинский периоды занимали значительное место. 5 мая 1912 года, как известно, вышел первый номер основанной Владимиром Ильичем газеты «Правда». Чтобы быть поближе к России и непосредственно руководить партией и ее центральным печатным органом, в июне 1912 года В. И. Ленин вместе с Н. К. Крупской переехал из Парижа в Краков.

И сразу же Владимир Ильич разворачивает кипучую работу. Он почти ежедневно пишет в «Правду» статьи, дает указания редакции, неутомимо занимается идейным руководством газетой, а также ежемесячным большевистским журналом «Просвещение». В. И. Ленин опубликовал в этом журнале выдающиеся произведения: "Три источника и три составных части марксизма", "Критические заметки по национальному вопросу", "О праве наций на самоопределение", "О нарушении единства, прикрываемом криками о единстве" и ряд других.

Отсюда, из Кракова, Владимир Ильич руководил деятельностью думской фракции большевиков. За советами к Ильичу неоднократно приезжали большевистские депутаты.

На квартире В. И. Ленина проходили совещания и заседания Центрального Комитета партии, хранился архив Заграничного бюро ЦК, Кроме Кракова и Поронина Ильич жил также в деревушке Белый Дунаец, у подножия Татр, бывал в Закопане и его окрестностях.

Владимир Ильич очень интересовался деятельностью польских социал-демократов, революционной борьбой рабочего класса, бывал на митингах, выступал перед трудящимися Польши. В Кракове он сделал два доклада: "Революционное движение в России и социал-демократия" (апрель 1913 г.), "Российская социал-демократия и национальный вопрос"(март 1914 г.).

На Краковском совещании ЦК РСДРП, проходившем с 26 декабря 1912 по 1 января 1913 года, Владимир Ильич сделал два

доклада: "О революционном подъеме, стачках и задачах партии", "Об отношении к ликвидаторству и об единстве".

Осенью 1913 года состоялось знаменитое Поронинское совещание ЦК с партийными работниками. На нем В. И. Ленин выступил с отчетным докладом о работе Центрального Комитета, с большим докладом по национальному вопросу и с заключительной речью. Совещание проходило в обстановке строгой конспирации. Большинство его участников остановилось под видом туристов в пансионе гураля (горца-крестьянина) Гута Мостового, где ныне польские друзья создали Музей В. И. Ленина.

26 июля (8 августа) 1914 года В. И. Ленин, как известно, был арестован по ложному доносу и заключен в тюрьму в Новом Тарге. Ввиду явного отсутствия улик и под давлением польской и австрийской общественности военные власти вынуждены были освободить Владимира Ильича. Но весь его архив, его рукописи и книги бесследно исчезли в жандармерии.

В. И. Ленин очень огорчался этой потерей. В письме к Б. Д. Вигилеву, находившемуся в Варшаве, он сообщал: "Конечно, надежды раздобыть мои книги… не много.

Если можно все же сделать попытку узнать, то я просил бы навести справки. У меня осталась там одна рукопись (о германской сельскохозяйственной переписи 1907 года), которую бы я напечатал. Либо Uliza Lubomirskiego, 47 и 49 (я жил в обоих домах). На чердаке. Оставил, уезжая в августе 1914. Это в Кракове.

Либо в Поронине, в том доме, где я жил и где Вы, помнится, раз у меня были.

Вещи не важны, а книги и рукописи хотелось бы"{67}.

После кончины В. И. Ленина Центральный Комитет партии и Советское правительство предприняли новые меры по розыску драгоценного архива. В Польшу была послана специальная дипломатическая миссия во главе с Я. С. Ганецким, который в 1912–1914 годах проживал в Кракове и не раз бывал на квартире у Владимира Ильича. Кое-что было разыскано Ганецким, в том числе подлинные материалы Пражской партийной конференции 1912 года и написанные В. И. Лениным проекты резолюций. Но весь архив вызволить не удалось.

Корреспондент «Правды» по 1-му Украинскому фронту Я. Макаренко впоследствии писал о больших злоключениях ленинского архива: "…Выяснилось, что несколько книг с чердаков домов по улице Любомирского, на титульных листах которых имелись собственноручные пометки В. И. Ленина, попали в руки краковского букиниста Тафета. Но затем они исчезли. Две книги

из библиотеки Владимира Ильича нашел доктор Седлячек, работавший в свое время в военной комендатуре Кракова. Двенадцать ленинских книг случайно обнаружил осенью 1918 года у торговки яблоками известный писатель Адам Гжимала-Седлецкий. Он выменял их на оберточную бумагу, долго берег у себя, а в 1932 году передал в дар городской библиотеке в небольшом городке Быдгоще"{68}.

Инструктор политуправления 1-го Украинского фронта майор Щукин, действовавший по поручению Института Маркса — Энгельса — Ленина (ныне ИМЛ при ЦК КПСС), в 1945 году разыскал бывшего работника военной комендатуры Кракова. Доктор Седлячек, хранивший почти три десятилетия две книги с пометками В. И. Ленина, передал их Институту Маркса — Энгельса — Ленина. Ценную находку майор Щукин обнаружил и в Быдгоще. С помощью сотрудников городской библиотеки он нашел еще 12 ленинских книг. В марте 1945 года народный Совет города Быдгощ передал драгоценные книги Советскому правительству в знак благодарности за освобождение польского города от фашистских оккупантов.

В послевоенные годы розыск Краковско-Поронинского архива В. И. Ленина был поставлен на научную основу. ЦК Польской объединенной рабочей партии создал для этого специальную комиссию.

В результате напряженных и планомерных поисков удалось обнаружить в доме Чарторыйских, где сейчас находится Краковский национальный музей, часть укрытого там архива Центрального Комитета РСДРП, в том числе драгоценные ленинские документы. Найдены были и рукописи статей, написанных Владимиром Ильичем в 1912–1913 годах для газеты «Правда», но по ряду причин не опубликованных, а также его письма, записки и другие материалы. Ленинские документы были обнаружены и в других местах.

ЦК Польской объединенной рабочей партии передал Центральному Комитету КПСС 1070 документов, из них 290 ленинских. Находка Краковско-Поронинского архива является значительным событием в собирании драгоценного ленинского наследия. Поиски остальных документов продолжаются и поныне.

В ходе Висло-Одерской операции советские воины вступали в новые освобождаемые районы Польши с большой уверенностью в хорошем и доброжелательном отношении к Красной Армии со стороны местного населения. Полгода пребывания войск фронта на территории дружественной Польши не прошли бесследно и дали положительные результаты. Мы приобрели некоторый опыт массово-политической работы среди местного населения, а

симпатии польских трудящихся к советским воинам-освободителям еще более умножились. Упрочились наши связи с демократическими силами страны, возглавляемыми Польской рабочей партией, с воеводскими, городскими, уездными, волостными органами народной власти, которые были созданы на освобожденной территории ПКНО, преобразованным затем во Временное правительство Польской республики.

Наши связи укреплялись не только по государственной и партийной линиям, но и по военной. Улучшились контакты с партизанскими формированиями Армии Людо-вой, действовавшей под руководством ППР. Неоднократно в тактическом взаимодействии с частями 1-го Украинского фронта польские партизаны проявляли боевую активность в районах Кельце, Кракова, Островца, Сташува, Стопницы, а также в Сухедневских лесах. Постоянную связь с ними поддерживал Украинский штаб партизанского движения и его представители на нашем фронте.

Польские патриоты из Армии Людовой во взаимодействии с советскими партизанами наносили удары по коммуникациям и линиям связи противника, взрывали немецкие склады и арсеналы, громили местные гарнизоны гитлеровцев. На некоторых участках польские партизаны помогали нашим войскам при форсировании Вислы и других водных преград, передавали ценные разведывательные данные, оказывали боевую поддержку.

Весь трудовой народ Польши — рабочие промышленных предприятий и транспорта, крестьяне и батраки — радостно встречал приход Красной Армии, громившей фашистских палачей и оккупантов.

В городе Островец все население во главе с руководителями организации ППР вышло встречать советских воинов. На многих зданиях развевались советские и польские национальные флаги. Народ приветствовал воинов-освободителей возгласами: "Да здравствует Красная Армия!", "Да здравствует Советский Союз!", "Слава русскому воинству!", "Слава русскому народу!". Митинг вылился в яркую демонстрацию дружбы и братства двух народов{69}.

Трудящиеся Польши оказывали нашим войскам всевозможную помощь. Они ремонтировали мосты и дороги, предупреждали о минированных участках, стремились внести свой посильный вклад в победу.

В связи со стремительным продвижением наших танковых соединений на запад летчикам все труднее было оказывать авиационную поддержку со старых аэродромов. А новых

фактически не было. Гитлеровцы всюду взорвали взлетно-посадочные полосы, разрушили постройки. Распутица еще более усложнила положение. Жители города Лешно, собравшиеся на общегородской митинг, приняли решение помочь Красной Армии. На разрушенную фашистами авиационную базу прибыло 4 тысячи поляков с тысячью подвод. Работа закипела. За двое суток поляки помогли нам выложить из бревен и шлака хорошую взлетно-посадочную полосу, привести в порядок аэродром и подъездные пути к нему. Вскоре экипажи штурмового соединения начали боевую работу. Зимой 1945 года местное население прифронтовых районов Польши отработало на строительстве наших аэродромов около 100 тысяч человеко-дней.

Так граждане возрождающейся демократической Польши помогали Советской Армии-освободительнице громить фашистских оккупантов, так ковалась нерушимая дружба народов.

Если в июле 1944 года мы совершенно не имели никакого опыта политической работы среди польского населения и испытывали острую нехватку необходимых для этого кадров, то к январскому наступлению 1945 года политорганы накопили известный опыт и отчетливо представляли себе, что нужно делать в области идеологической и организационной.

При военных советах фронта и армий были созданы оперативные группы по работе среди местного населения. Они комплектовались из политически подготовленных офицеров, обладающих хорошими организаторскими способностями, высокой общеобразовательной культурой. Эти политработники, знающие польский язык, помогали на местах в организации митингов, выступали перед населением с лекциями и докладами, проводили коллективные и индивидуальные беседы.

Наше политическое влияние на местное население осуществлялось нередко задолго до вступления советских войск в город или село. Во время подготовки к Висло-Одерской операции и в ходе ее политуправление фронта издало и распространило среди населения освобожденных районов Польши свыше 750 тысяч листовок и плакатов на польском языке. Часть из них была разбросана в глубоком тылу гитлеровцев.

Во время январского наступления 1945 года я беседовал с жителями различных районов Польши и с радостью убеждался, что наши листовки на польском языке своевременно доходили до них. Поляки рассказывали, что они с риском для жизни передавали листовки из села в село, из хаты в хату, от человека к человеку. Слово немеркнущей правды проникало и на оккупированную фашистами польскую землю, разоблачая

клеветнические измышления гитлеровцев и аковцев.

Большим тиражом политуправление 1-го Украинского фронта распространило как в освобожденных нами районах, так и за линией фронта листовки с заявлением Народного Комиссариата иностранных дел СССР от 26 июля 1944 года об отношении Советского Союза к Польше, с Манифестом ПКНО и Декларацией Временного правительства Польской республики. Наши агитаторы рассказывали населению о том, как на освобожденной Красной Армией территории восстанавливаются разрушенные гитлеровцами заводы и электростанции, железные дороги и линии связи, как под руководством Польской рабочей партии возрождается народное хозяйство, осуществляются социальные преобразования.

Новым в деятельности военных советов за рубежом явилась помощь жителям, освобожденных районов в восстановлении экономической и культурной жизни. Только в течение нескольких месяцев, когда войска 1-го Украинского фронта стояли на Висле, наши инженерные части построили в освобожденных районах Польши 1234 моста длиной 22500 погонных метров. Мы отремонтировали 11 тысяч километров шоссейных и грунтовых дорог, провели большие восстановительные работы на железнодорожных путях{70}.

Военный совет 1-го Украинского фронта в первые же дни освобождения древней столицы Польши передал для населения Кракова 1604 тонны муки, 4 тысячи тонн зерна, 800 тонн сахара и много другого продовольствия{71}.

В ходе январского наступления 1945 года войска фронта освободили значительную часть исконно польских земель вдоль Одера (Одры). Эти пястовские земли были некогда отторгнуты тевтонскими завоевателями. Теперь Красная Армия помогла восстановить историческую справедливость. Коммунистическая партия и Советское правительство хотели видеть Польшу сильной и свободной, демократической и дружественной нам страной. Продвигаясь на запад, наши войска спасали от фашистской каторги десятки, сотни тысяч людей различных национальностей, освобождали из тюрем и гестаповских застенков множество узников, обреченных на смерть. Гитлеровские палачи покрыли Польшу густой сетью концентрационных лагерей. Одним из самых страшных среди них был Освенцим, прозванный "городом обреченных", "гигантским крематорием", "городом мертвецов".

27 января 1945 года части 100-й стрелковой дивизии, которой командовал генерал-майор Ф. М. Красавин, 322-й стрелковой дивизии, возглавляемой генерал-майором П. И. Зубовым, 187-й легкоартиллерийской бригады полковника Р. П.

Форбатока и другие части 60-й армии вступили с боями в район Освенцима. Вместе с начальником политотдела 60-й армии генерал-майором И. М. Гришаевым мы прибыли туда с первыми подразделениями. Над землей стелился черный дым и разъедал глаза. Все вокруг было усеяно пеплом. Гитлеровцы перед отступлением пытались уничтожить следы своих злодеяний. Поскольку лагерные крематории не успевали превращать в пепел умерщвленных узников, эсэсовцы облили штабеля человеческих тел бензином, обложили их дровами и подожгли.

На воротах, ведущих в основной лагерь Освенцима, или, как его называли фашисты, Аушвиц, красовалась издевательская надпись: "Арбайт мах фрай" (работа делает свободным). Но из Освенцима люди не выходили, их здесь убивали.

На пути наступления войск фронта мы видели много фашистских зверств, совершенных гитлеровцами на временно оккупированной ими территории. Мы помнили Бабий Яр в Киеве, доверху набитый трупами мирных советских людей, расстрелянных гитлеровцами, мы видели гросс-лазарет в С лаву те, в котором не лечили, а уничтожали, концлагеря во Львове, Раве-Русской и многих других населенных пунктах. Но все они, даже Майданек, не могли сравниться с Освенцимом. Здесь непрерывно дымили 16 крупных крематориев, превращая в пепел тысячи людей.

Советские воины, распахнувшие ворота концлагеря Освенцим (Аушвиц) и спасшие от смерти десятки тысяч узников, были потрясены злодейскими преступлениями фашистов и воочию увидели, какой поистине дьявольской работой занимались гитлеровцы. Чтобы оповестить мир о чудовищных злодеяниях преступной нацистской клики, мы предложили начальнику политуправления фронта генералу Ф. В. Яшечкину направить в Освенцим всех имеющихся у нас работников массовой информации: кинооператоров, фотокорреспондентов, представителей Совинформбюро, ТАСС, радио, корреспондентов центральных и фронтовых газет.

По указанию Военного совета 1-го Украинского фронта освобожденным узникам фашизма была оказана экстренная медицинская помощь, выделено продовольствие, организованы эвакуационные пункты.

В концлагере Освенцим советские воины увидели газовые камеры, в которых эсэсовцы за один «сеанс» умерщвляли 2500–3000 человек, затхлые бараки, в которых томились обреченные на смерть узники из всех стран Европы. Они увидели трупы замученных фашистами жертв, огромнейшие склады одежды, обуви, костяной муки и женских волос, скрупулезно собранных

палачами со своих жертв.

Сердца воинов клокотали яростным гневом, и солдатский митинг в Освенциме проходил чрезвычайно бурно. Ненависть к гитлеровским извергам достигла наивысшего накала, когда из бараков двинулись к нашей импровизированной трибуне похожие на скелеты узники в полосатых тюремных одеждах. Эти люди были настолько измождены и истощены, что с трудом передвигались, поддерживая один другого, а некоторые приближались ползком. Сквозь рыдания они взывали на разных языках:

— Отомстите за наши муки и за сотни тысяч умерщвленных людей. Покарайте фашистских убийц! Поднявшись на грузовую машину, я сказал воинам:

— Вы своими глазами видели страшные зверства фашистов. К этому трудно что-либо добавить. Смерть и мучения — вот что принес народам кровавый нацизм!

Я напомнил солдатам, что освенцимский концлагерь со всеми его душегубками есть порождение гитлеровского режима, практическое воплощение человеконенавистнической расовой теории фашизма. В больших и малых освенцимах Гитлер и его подручные замыслили истребить многие народы. Но Советская Армия спасла человечество от нацистских убийц.

Едва я закончил выступление, как на грузовик взобрался взволнованный и побледневший солдат и попросил разрешения сказать несколько слов.

— Нам не надо никаких пояснений, товарищ генерал, — заявил он. — Все ясно. Пусть гитлеровцы не ждут от нас пощады. Звери есть звери. Коричневых волков надо уничтожать!

И оратор добавил, что с сегодняшнего дня он решил пленных не брать. Послышались крики одобрения:

— Правильно! Никакой пощады врагу!

Мы с генералом И. М. Гришаевым озабоченно переглянулись. Чувствовалось, что ненависть к врагу не только достигла наивысшего накала, но и перехлестнула через край. В этих условиях требовалось весь накопившийся у воинов гнев направить по верному руслу.

Вот почему я вторично взял слово и сказал, что предыдущий оратор не прав, предложив пленных не брать. Наша месть не должна быть слепой и безрассудной. Нельзя всех немцев мерить на один аршин. Мы беспощадно уничтожаем тех, кто с оружием в руках яростно защищает гитлеровский кровавый режим. Но тех, кто прекращает борьбу, кто бросает оружие и сдается в плен, мы не уничтожаем и должны сохранить им жизнь. Советская Армия идет в бой со священным девизом "Смерть фашистским

захватчикам!" и сокрушает нацистский вермахт, громит эсэсовскую свору. Но мы гуманно относимся к гражданскому населению, избавляя немцев от гитлеровского кровавого режима.

В заключение я выразил уверенность, что дни "третьего рейха" сочтены и мы заставим главных военных преступников, всех комендантов и подкомендантов, всех кровавых палачей Освенцима, Майданека и других лагерей смерти держать ответ за совершенные ими злодеяния.

Хорошо понимая, что одним выступлением на митинге сразу всех не убедишь и перелома в настроении людей не достигнешь, я предложил генералу И. М. Гришаеву, а также всем другим руководителям политорганов продолжить разъяснительную работу в войсках, и прежде всего в частях, освобождавших район Освенцима.

В донесении, направленном Государственному Комитету Обороны, я писал: "Освобожден район концлагерей Освенцим. Ужасный лагерь смерти. Здесь фактически имеется пять лагерей. В четырех из них содержалось население из всех стран Европы, пятый лагерь был тюрьмой, куда заключались люди за всякие провинности перед фашистской администрацией.

Каждый лагерь представляет собой огромную площадь, обнесенную изгородью из нескольких рядов колючей проволоки. Поверху идут провода под током высокого напряжения. За этими изгородями бесчисленное количество деревянных бараков. Бесконечные толпы людей, освобожденных Красной Армией, идут из этого лагеря смерти. Среди них венгры, югославы, итальянцы, французы, чехи и словаки, греки, румыны, датчане, бельгийцы. Все они выглядят крайне измученными, седые старики и юноши, матери с грудными детьми и подростками, почти все полураздетые.

Очень много наших советских граждан, жителей Ленинградской, Калининской, Тульской, Московской областей, изо всех районов Советской Украины. Среди них немало искалеченных, сохранивших следы пыток, следы фашистских зверств. В Освенциме, по предварительным показаниям заключенных, замучены, сожжены и расстреляны сотни тысяч людей.

Прошу распоряжения о высылке представителей Государственной Чрезвычайной Комиссии по расследованию фашистских зверств"{72}.

Не дожидаясь прибытия из Москвы Государственной комиссии, предварительным расследованием немецко-фашистских злодеяний в концентрационном лагере Освенцим занялась комиссия политического управления 1-го Украинского

фронта. В нее мы включили и доверенного национального комитета "Свободная Германия".

Строительство концентрационного лагеря Освенцим, как гласил отчет комиссии политуправления 1-го Украинского фронта, началось еще летом 1940 года. После вероломного нападения фашистской Германии на Советский Союз лагерь стал расширяться. Первоначально гестаповцы планировали дополнительное строительство в районе с. Райско. Но комендант лагеря Освенцим заявил, что для его заключенных это место не подходит, так как земля пригодна для жизни и посевов. Он приказал строить второй лагерь на гнилом болоте в районе Бжезинки.

Территория концлагерей Освенцима все больше и больше расширялась. С начала 1942 года, после того как Освенцим посетил рейхсфюрер СС Гиммлер, развернулось ускоренное строительство больших крематориев. В 1943 году к новому лагерю в Бжезинке была протянута железнодорожная ветка, по которой сюда доставляли заключенных из разных стран Европы.

Члены комиссии показывали мне документальную запись врача Отто Волькена, который был заключен гестаповцами в мужской концлагерь Бжезинка и выполнял там обязанности писаря. Он тайно зарегистрировал некоторые данные.

Вот одна из таких записей, вошедшая в акт комиссии как документ обвинения: "21.10.43. Из Вестербурга (Голландия) прибыл очередной транспорт с заключенными. В лагерь отправлено 347 человек, в крематорий — 1041 человек.

21.10.43. Прибыл еще один транспорт. На этот раз из Рима. В лагерь 149 человек, в крематорий — 447.

28.10.43. Транспорт из Познани. В лагерь — 72, в крематорий — 212.

24.11.43. Транспорт из Риги. В лагерь — 120 человек, в крематорий 480.

28.11.43. Транспорт из Франции. В лагерь — 241, в крематорий — 720 человек.

4.3.44. Из Чехословакии доставлен транспорт с мужчинами, женщинами и детьми. Все 3752 человека отправлены в крематорий.

23.3.44. Доставлена очередная партия заключенных из Голландии. Все 184 человека отправлены в крематорий.

13.3.44. Прибыл транспорт из Афин. 320 человек направлены в лагерь, а 980 — в крематорий.

18.4.44. Из Люблина доставили 301 женщину. Все они ранее занимались сортировкой вещей и ценностей заключенных в Майданеке. Их всех отправили в крематорий"{73}.

Это лишь выборочные записи из далеко не полных регистрационных данных о поступлении в Освенцим заключенных. Станислав Хелькель и другие железнодорожные служащие станции Освенцим показали, что бывали дни, когда в лагерь из различных стран Европы поступало по 10–15, а то и 25 транспортов. Каждый железнодорожный эшелон состоял из 40 и более вагонов, средняя вместимость каждого вагона — 75–80 человек.

В декабре 1943 года из Баварии в Освенцим доставили 1200 истощенных людей, надорвавшихся на непосильных работах в каменоломнях возле Флостбурга. Когда транспорт прибыл в Освенцим, при проверке оказалось, что в живых осталось 948 человек, а остальные умерли в вагонах. После того как невольников строем погнали в лагерь, на месте разгрузки осталось 32 человека, которые не способны были самостоятельно передвигаться. Комендант лагеря Бжезинка Шварц приказал привести их "в чувство" и облить холодной водой, хотя на дворе стоял сильный мороз. К утру они почти все замерзли. Только пятеро еще дышали.

Как было установлено расследованием, большинство прибывавших заключенных сразу же подвергалось уничтожению. Но и те, кто оставался в лагере, тоже были обречены на смерть. Врачи-эсэсовцы в широком масштабе использовали заключенных для различных экспериментов, завершавшихся смертью пациентов. Это ведь здесь, в Освенциме, производил над заключенными бесчеловечные опыты врач-садист Менгеле, уничтоживший огромное количество невинных людей. Своим изуверством он стяжал позорнейшую известность во всем мире. Менгеле и другие лагерные врачи по два-три раза в месяц проводили в Освенциме так называемые селекции, обрекая на уничтожение всех подопытных людей. Врач-палач Менгеле, равно как и комендант освенцимского концлагеря Рудольф Гесс, повешенный по приговору польского народного суда, а также их подручные впервые были заклеймены как опасные военные преступники в документе предварительного расследования, проведенного комиссией политуправления 1-го Украинского фронта. В отчете комиссии, в частности, говорилось: "После нападения фашистской Германии на Советский Союз в лагерь стали поступать партии советских военнопленных. Режим для них был установлен еще более жестокий, чем для остальных заключенных. По заявлению Евгения Носаля, 20 сентября 1941 года в лагерь доставили первых сто русских военнопленных, в основном офицеров. После допроса их всех расстреляли во дворе блока № 11. Через три дня прибыло еще около трехсот пленных.

На следующий день все они были отправлены в «баню» и на «дезинфекцию». Больше их никто не видел. Вероятно, всех их отравили газами.

До 1 января 1942 года в лагерь поступило около 16 тысяч советских военнопленных. К началу 1942 года уцелело только 80-100 человек, которых направили в другой лагерь"{74}.

Так продолжалось из месяца в месяц, из года в год. По данным польской статистики, до начала второй мировой войны Освенцим насчитывал 12 тысяч мирных жителей. Гитлеровцы, оккупировавшие Польшу, превратили этот район в огромный комплекс лагерей смерти, где ежедневно убивали 10–12 тысяч человек, то есть каждые сутки погибали жители целого города, равного довоенному Освенциму. Всего же здесь уничтожено более 4 миллионов советских и польских узников, а также граждан Чехословакии, Югославии, Греции, Франции, Италии, Голландии, Венгрии, Румынии, Дании, Бельгии и других государств.

На кровавых преступлениях, творимых фашизмом, бешено наживались гитлеровская клика, руководство СС, монополисты нацистской Германии, и прежде всего концерны "ИГ Фарбениндустри", «Дегусса», их дочерние предприятия, обладавшие монополией на поставку эсэсовцам химической продукции и сильнодействующего газа "циклон Б", которым только в Освенциме было отравлено более миллиона человек.

Как установила комиссия политуправления фронта, начиная с 12 января 1945 года, когда развернулось наступление наших войск, эсэсовцы с лихорадочной поспешностью принялись заметать следы своих кровавых преступлений, частично разобрав и взорвав крематории в Бжезинке. 27 января 1945 года, когда наш передовой отряд вплотную подошел к Освенциму, фашисты взорвали железнодорожные мосты через Вислу и Соло, подожгли многие бараки и склады, вывели из строя водопровод и электростанцию.

Советские войска, спасшие узников от смерти, немедленно обеспечили их горячим питанием и медицинской помощью. Здесь развернулся инфекционный госпиталь № 2197, где начальником был майор медицинской службы И. Л. Вейтков. По состоянию на 30 января 1945 года, в Освенциме оставалось 3775 крайне истощенных людей, которые не могли самостоятельно передвигаться и нуждались в лечении, а также около 200 инфекционных больных.

Вместе с генералом И. М. Гришаевым мы провели совещание с медицинскими работниками, выяснив неотложные нужды госпиталя. Военные советы фронта и 60-й армии не жалели ничего для обеспечения бывших заключенных Освенцима всем

необходимым. Наши войска отвоевали измученным и искалеченным узникам свободу, теперь перед нами стояла не менее важная и благородная задача отвоевать им жизнь. Врачи из бывших заключенных горячо включились в работу, помогая медперсоналу армейского госпиталя восстановить силы и здоровье бывших узников Освенцима.

Когда мы с передовыми частями вступили в лагерь смерти, всюду виднелись следы поспешного бегства нацистских преступников. Под ногами хрустело битое стекло, валялись разбросанные бумаги, брошенные в панике всевозможные тюки, узлы, связки папок с различными документами.

Я приказал собрать разбросанные бумаги и документы, обследовать помещения и все обнаруженные архивы, все несгораемые шкафы и хранилища служебной документации взять под охрану. Некоторые товарищи с недоумением и даже обидой принялись за дело, полагая, что их заставили заниматься никчемной черновой работой. Они говорили:

— А кому нужен этот бумажный мусор? Что в нем проку? Зачем коллекционировать всякую мерзость?

— Затем, — ответил я, — чтобы всюду найти палачей Освенцима и покарать их, чтобы подобная мерзость никогда больше не появлялась на свет. Затем, чтобы страшную правду об Освенциме узнал весь мир, чтобы люди поняли, с каким чудовищем вступила в смертельную борьбу Красная Армия, сколько миллионов человеческих жизней она спасла и какие страны и народы избавила от истребления.

Мое приказание было выполнено. Я с удовлетворением узнал, что часть наиболее важных документов сразу же изъяли для ведения следствия оперативные работники органов государственной безопасности, представители «Смерша» 60-й армии.

Впоследствии в огромнейших архивных залежах были обнаружены документы большой обличительной силы, которые помогли Чрезвычайной Государственной Комиссии выявить виновников, ответственных за массовое зверское уничтожение миллионов советских людей, польских граждан и подданных других государств Европы. Многие материалы об Освенциме были переданы польским друзьям.

По решению сейма Польской Народной Республики территория бывшего лагеря смерти в Освенциме — Бжезинке сохранена в неприкосновенности как исторический мемориал, как памятник четырем миллионам узников, замученных и погибших от рук фашистских палачей.

За последние годы бывший лагерь смерти посетили многие

миллионы людей из различных стран мира. Необычайно сильное впечатление на всех производит документальный кинофильм "Хроника освобождения", снятый кинооператорами 1-го Украинского фронта Н. Быковым, К. Кутуг-заде, А. Павловым и А. Воронцовым.

Мужественно и творчески выполняя свои обязанности, они вступили в Освенцим вместе с первыми советскими воинами и документально запечатлели страшную правду о фашизме, его чудовищных зверствах.

Кинооператоры засняли еще горевшие штабеля человеческих трупов, груды костей и черепов, уцелевших узников, которые были похожи на призраков. На пленке мы видим склады, набитые детскими игрушками. Но самих детей уже нет. Они сожжены в крематориях, отравлены в газовых камерах. Операторы показали бараки, в которых томились узники, мрачные и жуткие карцеры и блиставшие чистотой кабинеты и лаборатории эсэсовских врачей, где занимались садистскими опытами и уничтожали людей. В Освенциме имелись средневековые кандалы и новейшие орудия пыток… Кадры фильма "Хроника освобождения" демонстрировались на Нюрнбергском процессе, явились неопровержимым и сильным обвинением против фашизма, уничтожившего миллионы невинных жертв.

Так воины Красной Армии несли свободу народам, спасая узников фашизма от гибели. И никаким буржуазным клеветникам и фальсификаторам истории не удастся опорочить нашего воина, который жизни не щадил ради освобождения народов Европы. Он снискал славу самого справедливого, бескорыстного и гуманного бойца, спасшего человечество от фашистских рабовладельцев, палачей и убийц.

Политорганы фронта многое сделали для того, чтобы стала широко известна трагическая правда о гигантском лагере смерти, чтобы об этом жестоком и кровавом уроке узнали грядущие поколения. Пусть все прогрессивные люди нашей планеты постоянно чувствуют личную ответственность за судьбу мира и безопасность народов, ведут активную борьбу за мир на земле, чтобы никогда не возродился фашизм и расизм в любых его формах и проявлениях.

Отрадно, что армейская и флотская молодежь, принявшая боевую эстафету от героев Великой Отечественной войны, помнит о суровых уроках истории и бдительно охраняет нашу свободу и мир, завоеванные такой огромной ценой.

В газете "Красная звезда" я как-то прочел небольшую заметку о том, что бывшая узница Освенцима, а после войны передовая доярка одного из колхозов на Орловщине Мария Ивановна

Брылева написала командиру советской воинской части, дислоцированной в Польше, письмо с просьбой предоставить ее сыну-солдату возможность посмотреть этот проклятый лагерь смерти. У Марии Ивановны сохранился на руке вытатуированный лагерный номер — 75574. "Попала я туда, — писала Брылева, — в феврале сорок третьего шестнадцатилетней девочкой и промучилась без малого два года. Там пришлось мне пережить многое, и самое страшное — ужас перед газовой камерой и крематорием.

Извините, что пишу, может, не очень складно и грамотно — война не позволила учиться. Это уже дети мои, а их у меня трое, получили образование сполна.

Еще хочется узнать, как служит мой сынок, добросовестно ли выполняет свои обязанности. Хочется, чтобы был не хуже тех славных ребят, которые освободили меня из фашистского плена…"{75}

Возможно, мы с Марией Ивановной и не встречались 27 января 1945 года, когда я приезжал в Освенцим вместе с генералом И. М. Гришаевым, но со многими узниками этого лагеря и теми славными героями из 60-й армии, которые освободили М. И. Брылеву и других узников фашизма, встречался. Я очень рад, что сын Марии Ивановны достойно выполнил патриотический долг и за годы службы в Вооруженных Силах стал примерным, дисциплинированным и прилежным солдатом, умелым военным водителем.

Меня до глубины души тронули бесхитростные, но прочувствованные всем сердцем строки рядового Владимира Брылева, написанные им матери по возвращении из Освенцима: "Побывал. Все увидел своими глазами. Я люблю тебя теперь еще больше. И ты будь спокойна: это не повторится, мама. Мы, солдаты, уж постараемся…"{76}

Часть четвертая. Вперед, на запад!

Бросок через Одер

Прервем на время повествование о событиях, происходивших на левом фланге фронта, где 21, 59 и 60-я армии завершали освобождение от противника южной части Верхней Силезии и Домбровского угольного бассейна. Вернёмся к боевым действиям нашей главной ударной группировки.

Как уже говорилось выше, 17 января 1945 года Ставка уточнила задачу фронту: главными силами продолжать наступление на Бреслау (Вроцлав) и не позднее 30 января выйти на Одер южнее Лешно. Буквально на другой день, а точнее, через несколько часов после получения директивы командующий фронтом дал армиям конкретные указания, как вести дальнейшие боевые действия. Естественно, и нам, политработникам, надо было самокритично оценить итоги первых дней наступления и внести коррективы в свои планы в соответствии с новыми задачами.

Нелегко было советским войскам форсировать реки Нида, Пилица и Варта. С немалыми трудностями некоторым соединениям пришлось преодолевать даже маленькие речушки Шренява и Пшемша. Но самые тяжелые испытания ожидали наших воинов на Одере. Даже зимой такую крупную реку форсировать очень трудно: лед в ее южном течении недостаточно надежен, к тому же противник мог в любой момент открыть шлюзы, взорвать плотины, чтобы резко повысить уровень воды на отдельных участках и тем самым усложнить переправу наших войск. Именно на Одере, по западному берегу которого тянулась цепь железобетонных дотов и различных инженерных оборонительных сооружений, гитлеровцы рассчитывали остановить и обескровить Красную Армию и преградить ей путь к Берлину. Немецко-фашистское командование понимало, что Одер является фактически последней крупной водной преградой на пути к столице Германии, и решило до последнего солдата оборонять этот рубеж.

Военный совет фронта призвал войска приумножить боевую славу героев Днепра, Днестра и Вислы, широко использовать их опыт и форсировать Одер с ходу, чтобы успешно завершить операцию. В частях и подразделениях вновь разъяснялась директива Ставки Верховного Главнокомандования от 9 сентября 1943 года. В этом важном документе указывалось, что за успешное форсирование крупных речных преград и закрепление

за собой плацдарма для дальнейшего развития наступления представлять командный состав и отличившихся воинов к высшим правительственным наградам, а за преодоление рек, равных Днепру по трудности форсирования, — к присвоению звания Героя Советского Союза.

Командирам всех степеней, штабам и политорганам ставилась задача продуманно и со всей ответственностью организовать форсирование реки на широком фронте, обеспечить передовые отряды и главные силы необходимыми инженерными и переправочными средствами, бесперебойно действующей связью, орудиями сопровождения, а также надежным авиационным прикрытием.

Переправе через Одер должны были предшествовать тщательная разведка и мероприятия по оперативной маскировке. Там, где это возможно, рекомендовалось перебрасывать стрелковые подразделения по льду, а где река вскрыта, использовать табельные переправочные средства. Но если того требовала обстановка, надлежало форсировать реку на местных рыбачьих лодках, самодельных плотах, сделанных из бревен, досок, бочек и других подручных материалов.

Вспоминаю, как деловито и конкретно, давая полезные технические и тактические рекомендации, говорил с воинами о преодолении водных преград заместитель командира 55-й гвардейской танковой бригады по политчасти гвардии подполковник А. П. Дмитриев. Он призвал танкистов и поддерживающих их мотострелков усилить темпы наступления и первыми ворваться на территорию Германии. Сообщив, что бригаде выпала ответственная роль действовать в качестве передового отряда. Александр Павлович сказал:

— Командующий требует: темпы, темпы и темпы! Важно ошеломить противника, не дать ему опомниться и, используя элемент внезапности, захватывать мосты и переправы. Это лучший способ форсирования водных преград.

Напомнив о личной ответственности коммунистов и комсомольцев за общий успех, заместитель командира бригады по политчасти порекомендовал танкистам тщательно проверить техническое состояние машин, чтобы избежать вынужденных остановок, поломок и аварий.

— Если в пути растеряем машины, а потом станем собирать их, предупредил Александр Павлович, — мы неизбежно завязнем во вражеской обороне, не выполним поставленной задачи и подведем всю армию.

Организаторская деятельность командира бригады Д. А. Драгунского, начальника штаба Г. А. Свербихина, заместителя

командира по технической части И. С. Лакунина, подкрепленная массовыми политическими мероприятиями, дала свои результаты. Экипажи 55-й гвардейской танковой бригады, как и многих других соединений, действовали дружно, слаженно, показав высокий наступательный порыв. Бригада успешно выполняла роль передового отряда.

Почему слово гвардии подполковника Дмитриева и других политработников было таким авторитетным? Да потому, что они сами храбро действовали в боях, их слова никогда не расходились с делами. Они презирали все опасности, готовы были не щадить жизни во имя победы, являлись достойными представителями партии на полях сражений.

Прорвавшись в глубокий тыл врага, подразделения 55-й гвардейской танковой бригады ненастной ночью, в снегопад стремительной атакой ошеломили гитлеровцев, перемахнули по мосту через Варту и на плечах удирающего противника без потерь преодолели сильно укрепленный оборонительный рубеж на бывшей польско-германской границе.

Гвардии подполковник Дмитриев, призывавший гвардейцев первыми ворваться в Германию, был и сам в Числе первых. Когда крупная колонна гитлеровцев устремилась к небольшому хутору возле города Велюня (там располагался штаб бригады), А. П. Дмитриев помог гвардии полковнику Д. А. Драгунскому немедленно организовать оборону. Огневой рубеж заняли не только разведчики, саперы, связисты, но и офицеры штаба, сам командир соединения и его заместитель по политчасти. Личным примером они воодушевляли гвардейцев. Потеряв более 300 человек убитыми, фашисты отступили, свыше 100 гитлеровцев было взято в плен.

Перед войной Александр Павлович Дмитриев прошел большую трудовую школу, получил хорошую политическую закалку. Родился он в 1910 году в городе Иваново, в семье рабочего. В юные годы встал к токарному станку. Когда ему исполнилось восемнадцать лет, вступил в ряды Коммунистической партии. Длительное время Александр Павлович находился на комсомольской, профсоюзной и партийной работе. С 1935 по 1940 год являлся секретарем Фоминского райкома партии Владимирской области. Затем его командировали на учебу в Высшую школу парторганизаторов при Центральном Комитете партии.

В начале Великой Отечественной войны А. П. Дмитриева назначили начальником политотдела танкового училища. С апреля 1942 года до конца войны он находился в действующей армии в качестве начальника политотдела танковой бригады —

заместителя командира по политчасти. В составе войск 1-го Украинского фронта Александр Павлович прошел боевой путь от Днепра до победных рубежей. За мужество и отвагу, проявленные в боях с немецко-фашистскими захватчиками, гвардии подполковнику А. П. Дмитриеву было присвоено звание Героя Советского Союза.

В послевоенные годы А. П. Дмитриев находился на руководящей партийно-политической работе в Вооруженных Силах, возглавлял ряд политорганов. Ему присвоили звание генерал-лейтенанта, он был назначен членом Военного совета, начальником политуправления Краснознаменного Северо-Кавказского военного округа. В мае 1969 года скоропостижно скончался. Александр Павлович был одним из тех политработников, которые знали пути к сердцам воинов, которых справедливо называли вожаками солдатских масс.

Такие политработники, как А. П. Дмитриев, как наши самоотверженные парторги и комсорги, на завершающем этапе Висло-Одерской операции сумели вместе с командирами вдохнуть в утомленных многодневными боями солдат бодрость и энергию, помогли им обрести второе дыхание, мобилизовали воинов на завершающий бросок через Одер.

Войска фронта шли в наступление под лозунгами: "Вперед, в Германию!", "Освободим наших братьев и сестер, угнанных фашистами в неволю!", "Водрузим Знамя Победы над Берлином!"

Каждый батальон и полк, каждая бригада и дивизия были полны решимости первыми пересечь старую польско-германскую границу, вступить в Силезию, а затем добраться и до вражеского логова, чтобы добить там фашистского зверя.

Но на прежней польско-германской границе гитлеровцы располагали мощным оборонительным рубежом. За рекой Варта имелись железобетонные доты, противотанковые рвы, минные поля и другие инженерные заграждения.

Начальник разведотдела фронта генерал И. Т. Ленчик и разведывательные органы армий докладывали Военному совету фронта о том, что на оборонительный рубеж, проходивший вдоль бывшей польско-германской границы, гитлеровцы перебрасывают запасные и полицейские полки, наспех сформированные отряды фольксштурма. Мы прекрасно понимали, что эти формирования представляют собой вспомогательную силу и что главной опорой немецко-фашистского командования являются отступающие от Вислы кадровые дивизии. Нам важно было разгромить эти соединения, не дать им возможности дойти до оборонительных рубежей, проходивших по старой польско-германской границе, и тем более закрепиться на них.

Некоторым передовым отрядам 3-й гвардейской танковой армии удалось это сделать. Уже 18 января 1945 года они достигли прежней польско-германской границы. На другой день туда дошли и общевойсковые соединения. В ходе двухдневных боев войска 5-й гвардейской армии генерала А. С. Жадова, 52-й армии генерала К. А. Коротеева и 3-й гвардейской танковой армии генерала П. С. Рыбалко овладели старыми пограничными укреплениями на фронте шириной 100 километров и продвинулись до 40 километров в глубь территории Силезии. Они заняли свыше 450 населенных пунктов, в том числе такие важные города, как Крейцбург (Ключборк), Ландсберг (Гожув), и другие.

Но сопротивление немецко-фашистских войск нарастало. Особенно сильное противодействие встретила 5-я гвардейская армия. Против нее гитлеровцы бросили свежие части и соединения, прибывшие с Запада. Прикрываясь танковыми заслонами и авиацией, они пытались на этом участке организованно отвести свои войска за Одер и жесткой обороной остановить наше наступление.

Командующий войсками фронта Маршал Советского Союза И. С. Конев и начальник штаба генерал армии В. Д. Соколовский были очень обеспокоены замедлившимся продвижением 5-й гвардейской армии. Оценив сложившуюся обстановку, они приняли смелое и оригинальное решение. 3-й гвардейской танковой армии генерала П. С. Рыбалко, достигшей района Намслау, было приказано круто развернуться на юг и двигаться вдоль восточного берега Одера на Оппельн (Ополе), нанося фланговый удар по силезской группировке противника.

Вырвавшиеся на оперативный простор танкисты Рыбалко успешно продвигались вперед в заданном направлении. В самый разгар наступления им было очень трудно совершить такой неожиданный маневр, требовавший сложного перестроения. Многие танкисты недоумевали: не ошибка ли это, не напутал ли кто при передаче приказа командующего фронтом? Политработники и партийный актив не только помогли командирам довести новую задачу до каждого экипажа, расчета, отделения, но и укрепили у людей веру в нерушимость приказа. И он был выполнен танкистами беспрекословно, точно и в срок.

Фланговый удар 3-й гвардейской танковой армии по силезской группировке противника в сочетании с фронтальными атаками 5-й гвардейской армии обеспечил разгром врага. Это ускорило выдвижение наших войск к Одеру и помешало немецко-фашистскому командованию организованно отвести свои потрепанные дивизии за реку.

В результате стремительного натиска танкистов и пехоты наши войска 24 января 1945 года овладели городом-крепостью Оппельн, который являлся также крупным узлом железных и шоссейных дорог, важным центром военной промышленности гитлеровцев.

Учитывая боевые возможности армии и высокий моральный дух ее воинов, командующий фронтом поставил 3-й гвардейской новую задачу — нанести удар из района Оппельна в направлении Глейвица (Гливице) и тем самым создать угрозу полного окружения силезской группировки противника. Так два первоначально различных и самостоятельных направления — краковско-катовицкое и бреславльское — слились воедино. Сложные маневры 3-й гвардейской танковой армии, позволившие создать реальную угрозу окружения, вынудили войска силезской группировки поспешно отходить на запад.

В то время как 3-я гвардейская танковая армия генерала П. С. Рыбалко осуществляла фланговый марш-маневр, 4-я танковая армия генерала Д. Д. Лелюшенко стремительно продвигалась к Одеру. Получив мощную и эффективную поддержку танкистов и воспользовавшись улучшением обстановки, 5-я гвардейская армия генерала А. С. Жадова также решительным броском выдвинулась к реке. К вечеру 22 января 1945 года на Одер вышли ее передовые отряды, а 23 февраля и главные силы армии.

В числе первых водную преграду преодолел передовой отряд 13-й гвардейской стрелковой дивизии гвардии полковника Г. Н. Комарова (начальник политотдела гвардии подполковник Г. А. Нестеров). Перед форсированием Одера и вступлением на территорию Германии в частях этого соединения состоялись митинги, партийные и комсомольские собрания. Гвардии майор П. Д. Мудряк рассказал молодежи своего полка, как в суровом 1942 году гвардейцы ночью под обстрелом врага переправились через Волгу в горевший Сталинград и с ходу вступили в бой, как сражались они на Мамаевом кургане, защищая город-герой, и поклялись пронести свои знамена от берегов Волги до столицы Германии.

Гвардии майор Мудряк был в той группе, которая в дни победного наступления под Сталинградом соединилась с войсками Донского фронта и вручила товарищам по оружию памятный вымпел. Имея за плечами опыт форсирования Днепра, Вислы и других крупных водных преград, командир-коммунист дал молодежи ряд практических советов.

Такие беседы наши командиры и политработники проводили во всех подразделениях. В ненастную январскую ночь, когда с неба сыпалась колкая снежная крупа и: свистел студеный ветер,

батальон гвардии капитана П. И. Казакова из 13-й гвардейской стрелковой дивизии форсировал Одер на плотах. Одним из первых переправился через реку заместитель командира батальона по политической части гвардии капитан П. Я. Федченко.

Под сильным обстрелом врага гвардейцы захватили плацдарм на западном берегу Одера. Контратаки гитлеровцев следовали одна за другой. Но воины стояли по-сталинградски, неколебимо. Замполит Федченко воодушевлял бойцов, напоминая им о присяге и воинском долге. Батальон выдержал жестокий натиск врага и, обеспечив переправу других подразделений, развернул бои по расширению плацдарма.

Войска форсировали Одер на стокилометровом участке. В ряде мест река оказалась скованной льдом. И хотя он был еще тонок и непрочен, многие смельчаки успешно переправлялись по нему. Делалось это не стихийно, не на авось, а продуманно и расчетливо.

Помню, на подступах к Одеру встретил командира 33-го гвардейского стрелкового корпуса генерал-лейтенанта Н. Ф. Лебеденко. Он доложил мне, как идет подготовка частей к форсированию реки. Как раз в тот момент мимо проходила группа бойцов во главе со старшиной, которые несли длинные доски.

— Это мы на лесопильном заводе раздобыли, — пояснил старшина. — Доски пригодятся при переправе. Когда стемнеет, мы проложим их по льду и поползем на западный берег. Даже оружие и боеприпасы переправим.

Я похвалил инициативного старшину за смекалку, а генералу Лебеденко и начальнику политотдела корпуса сказал, что и такими крупицами опыта не следует пренебрегать. Если понтонные парки к вечеру не подойдут, то придется начать переправу на подручных средствах.

Хотя переправочной техники мы имели достаточно, первые десанты и разведывательные подразделения действительно перебрались через Одер на подручных средствах, а где и по льду, устланному досками.

В числе первых форсировал реку мотострелковый батальон гвардии капитана Н. И. Горюшкина. Перед началом переправы здесь накоротке прошло партийное собрание. Узнав, что некоторые молодые солдаты опасаются передвигаться по неокрепшему льду, комбат предложил парторгам рот и всем коммунистам показать пример и лично повести за собой солдат.

На рассвете подразделение бесшумно спустилось к реке. Впереди шли партийные вожаки, за ними — остальные воины,

строго соблюдая дистанцию 10–15 метров.

Непрерывно освещая местность ракетами, гитлеровцы заметили наших смельчаков и открыли пулеметный огонь. Однако было уже поздно. Мотострелки ворвались на западный берег и, уничтожив гранатами и автоматными очередями опасные огневые точки, захватили небольшой плацдарм.

Противник подтянул подкрепление и предпринял несколько сильных контратак. Батальон, возглавляемый коммунистом Горюшкиным, стойко отразил натиск превосходящих сил врага и удержал плацдарм.

Бой за рекой вести было трудно. Наши первые десанты, захватывавшие прибрежные пятачки, сражались, как правило, с превосходящим по силе врагом. Даже когда на помощь им прибывали другие подразделения, напряжение боя не только не ослабевало, а зачастую даже возрастало. Крупная водная преграда затрудняла нам возможность маневра силами и средствами, тогда как враг, располагая разветвленной сетью дорог, быстро перебрасывал резервы на угрожаемые направления и непрерывно наносил контрудары.

Все это, разумеется, не явилось для нас неожиданностью. Готовясь к наступлению с форсированием водных преград, командиры напоминали воинам, что бой на плацдармах требует не кратковременного порыва, а длительной, напряженной борьбы с превосходящими силами врага. От стойкости, выдержки, выносливости и боевой активности передовых подразделений во многом зависит общий успех.

Перед Висло-Одерской операцией политорганы вместе со штабами выпускали листовки. В них содержались ценные советы: захватил плацдарм — жди контратак противника. Он непременно будет стремиться сбросить тебя в реку. Держи крепко отвоеванное, назад пути нет. Используй всякую возможность для расширения плацдарма. Впереди — победа!

В войсках фронта утвердился подсказанный боевым опытом порядок расстановки партийных сил. Если, к примеру, реку форсировала рота, то с нею, как правило, должен был следовать парторг батальона или заместитель комбата по политчасти. Если переправлялся батальон, в его рядах находился политработник полкового звена. Когда же на плацдарме ведут бой одна или две дивизии, то там кроме руководителей политотделов соединений полезно побывать члену Военного совета армии, начальнику поарма. Надо своими глазами увидеть, как сражаются войска и действуют переправы, лично проследить, хорошо ли организована партийно-политическая работа в бою, все ли части в достатке обеспечены боеприпасами и горячей пищей, регулярно ли

получают солдаты газеты, листовки, письма. Все это, как мы убедились, прямо или косвенно влияет на моральный дух, боевую стойкость и решимость воинов.

Войска фронта, прошедшие с непрерывными боями пятьсот и более километров, были сильно измотаны и утомлены. На плацдармах за Одером они встретились со свежими резервами противника. Его соединения, переброшенные в основном с Запада, даже ночью не прекращали контратак. Перед политработниками стояла задача вдохнуть в утомленных солдат бодрость и энергию, мобилизовать войска на победное завершение Висло-Одерской операции.

Любой бой требует полного напряжения физических и моральных сил. А борьба на плацдарме, где все простреливается вдоль и поперек, заставляет каждого до предела использовать свои возможности. Бои на Одере показали, что советский солдат во имя великой цели может сделать даже невозможное.

Орудийный расчет старшего сержанта Петра Колпакова неотступно сопровождал пехоту огнем и колесами. Он одним из первых форсировал Одер на самодельном плоту. Заняв выгодную позицию в районе высоты 147,5, артиллеристы во главе с коммунистом Колпаковым вступили в неравную борьбу за удержание плацдарма. Вначале их орудие было единственным за рекой. Фашистская мотопехота, поддерживаемая танками, яростно контратаковала горстку наших воинов, захвативших за рекой узкую полоску земли. Петру Колпакову и его подчиненным пришлось не только вести огонь по надвигавшимся на позиции бронированным машинам, но и уничтожать подползавших вражеских автоматчиков. Советские бойцы держали круговую оборону. Получив ранение, Колпаков не покинул плацдарма и в течение нескольких дней продолжал стойко сражаться. Его расчет уничтожил шесть вражеских танков, десятки солдат и офицеров противника. Коммунисту старшему сержанту Петру Васильевичу Колпакову было присвоено звание Героя Советского Союза. Правительственных наград удостоились все его подчиненные.

Пехотинцы не раз благодарили за боевую поддержку орудийный расчет А. М. Ярыша, минометчиков М. М. Красюкова, Г. П. Гребникова и других товарищей по оружию.

Инициативу и солдатскую сметку проявили саперы Н. Д. Кошт, С. Д. Топольник и С. И. Слепцов. Из досок, бочек и другого подручного материала они быстро соорудили надежные плоты, на которых перебросили через Одер столь необходимые на плацдарме противотанковые орудия и минометы.

В очень тяжелых условиях форсировал Одер 6-й гвардейский механизированный копус 4-й танковой армии. В районе Кёбен

(севернее Штейнау) первой к реке подошла 17-я гвардейская механизированная бригада, входившая в состав этого объединения. Командовал ею гвардии подполковник Л. Д. Чурилов. Не дожидаясь подхода понтонных парков, гвардейцы сразу же начали готовиться к переправе: мастерили плоты из бревен разобранных сараев, ремонтировали обнаруженные на реке лодки и дырявые паромы.

Командование располагало сведениями, что за Одером находится укрепрайон противника. Его железобетонные доты простреливают все подступы к западному берегу. Учитывая это, комбриг и его заместитель по политчасти сформировали из числа добровольцев, преимущественно коммунистов и комсомольцев, штурмовые группы.

В ночь на 24 января 1945 года, когда сильно вьюжило, а по реке с верховья плыли крупные льдины, гвардейцы спустили на воду первые плоты и лодки. Началось форсирование. Гитлеровцы заметили советских воинов и открыли огонь. Некоторые лодки получили пробоины, появились раненые.

Первой прорвалась сквозь завесу огня группа старшины Т. Д. Седенкова. Высадившись на западном берегу, смельчаки скрытно подобрались к железобетонному доту, изрыгавшему огонь, и дерзкой атакой с тыла захватили его. Вместе с командиром взвода старшиной Седенковым в штурме долговременного сооружения, имевшего четыре пушки и шесть пулеметов, участвовали гвардейцы Т. К. Кержнев, В. В. Вильский, Г. А. Слободенюк и Ф. П. Тюменцев. Всем им было присвоено звание Героя Советского Союза.

Как только смолк многоамбразурный дот-великан и обстрел заметно ослаб, переправа через Одер пошла интенсивнее. Успех комсомольцев-героев немедленно был развит и закреплен.

На помощь мотострелкам пришли артиллеристы. На маленький плацдарм, захваченный 17-й гвардейской мехбригадой, сразу же переправились артиллерийские разведчики во главе с капитаном В. С. Зикеевым. Когда гитлеровцы предприняли мощную контратаку, капитан Зикеев немедленно вызвал огонь батарей 504-го пушечного артполка, еще находившегося на восточном берегу, и четко корректировал стрельбу. Враг понес большие потери и откатился. Огневая поддержка пушкарей воодушевила защитников плацдарма.

Вскоре на западный берег Одера побатарейно переправился весь 504-й пушечный артполк, которым командовал подполковник Н. С. Шульженко. Переправилась и 22-я самоходно-артиллерийская бригада, а также некоторые танковые подразделения. Теперь уже никакая сила не могла столкнуть

наших воинов с плацдарма.

Форсирование Одера проходило значительно быстрее, организованнее, чем Днепра. И потерь мы имели здесь гораздо меньше. Всего около полутора лет отделяло нас от Днепровской эпопеи. А как далеко шагнула за это время наша армия в тактическом мастерстве, вооружении, техническом оснащении!

При переправе через Одер героически действовали инженерные войска фронта. Этому во многом способствовала партийно-политическая работа, проводимая среди саперов, понтонеров и других специалистов.

Один из передовых танковых отрядов сопровождало саперное отделение ефрейтора Т. Ахмедова. Достигнув Одера, саперы, несмотря на сильный огонь противника, сразу же приступили к оборудованию пристани для паромной переправы. Им частенько приходилось прерывать работу, чтобы отразить очередную контратаку гитлеровцев. Но и в таких невероятно трудных условиях они оборудовали пристань на два часа раньше срока. Кандидат в члены партии Ахмедов и его подчиненные в течение трех часов переправили на западный берег реки 35 танков.

Отважно действовал на Одере коммунист капитан И. П. Калганов, руководивший строительством шестидесятитонного моста. Он дважды нырял в студеную воду, спасая тонувших солдат. Когда ледоход усилился, угрожая снести строящийся мост, офицер с риском для жизни прыгал на беспорядочно громоздившиеся льдины и производил взрывные работы. За проявленную отвагу капитану Ивану Прокопьевичу Калганову присвоили звание Героя Советского Союза.

За 15 дней на Одере было построено 102 моста и 4 восстановлено. Кроме того, саперы оборудовали 17 ледовых переправ и 61 паромную{77}. Это явилось крупным вкладом в обеспечение победы наших войск.

За годы Великой Отечественной войны 1-й Украинский фронт перешагнул через множество рек. Опыт форсирования Днепра, а затем Вислы нам пригодился на Одере.

Военные советы фронта и армий держали строительство мостов под особым контролем. Они понимали, что от наличия переправ зависит успех не только Висло-Одерской наступательной операции, но и нашей дальнейшей боевой деятельности.

На каждой переправе были созданы агитпункты, обслуживаемые одним-двумя политработниками. Они проводили с бойцами короткие политинформации и беседы, знакомили воинов со сводками Советского информбюро, с обстановкой на плацдарме и на нашем фронте, снабжали проходившие войска

газетами, листовками, памятками.

Тыловые подразделения, в частности автомобилисты и дорожники, хорошо обеспечивали боевую деятельность наших войск. Помню, по пути к Одеру я встретил колонну автомашин, груженную снарядами различных калибров. На борту головной машины было написано: "Военный водитель! Помни, что от быстрой доставки боеприпасов войскам, сражающимся на плацдарме, зависит успех боя и наша полная победа над фашизмом!"

Велика роль политработника в бою, но центральной фигурой здесь всегда является командир. Вот что было сказано в наградном листе о комбате 959-го стрелкового полка 309-й стрелковой дивизии капитане Валентине Алексеевиче Беглове: "В ожесточенных боях за Днепр, в тяжелых и неравных боях на сандомирском плацдарме на Висле, когда на батальон Беглова противник бросал десятки танков, командир-коммунист не дрогнул и хладнокровно руководил подразделением.

Батальон В. А. Беглова первым прорвал оборону на Одере и первым ворвался в Лигниц, где в уличных боях комбат был дважды ранен.

Фашисты неоднократно окружали батальон Беглова превосходящими силами, бросали в атаки танки и самоходки, но, спаянные командирской волей и железным руководством, подразделения держались стойко, а вражеская техника горела на поле боя.

Отражая яростный натиск врага, капитан Беглов снова был ранен, но не ушел с поля боя. Он понимал, что его присутствие воодушевляет бойцов и офицеров. Находясь в ротах, он напоминал: "Будем драться до последней капли крови"{78}.

После боя раненого командира батальона навестил начальник политотдела 309-й стрелковой дивизии подполковник В. Г. Ткаченко. От имени командования он вынес благодарность коммунисту Беглову за ратный подвиг, назвав его героем.

— Я старался всего лишь выполнить свои командирские обязанности, скромно ответил раненый комбат, — а вот солдаты мои действительно герои. Да, собственно, людей слабых духом у нас нет. Все герои! Когда потребовалось удержать захваченный за Одером плацдарм, а затем освобожденный советскими войсками город Лигниц, наши солдаты, сержанты и офицеры сражались до последнего. В атаках они были стремительны, на маршах неутомимы, в обороне непоколебимы. Я горжусь такими отважными воинами!

Капитану Валентину Алексеевичу Беглову, уроженцу деревни Огаревские Выселки на Рязанщине, погибшему впоследствии при

штурме Бреслау (Вроцлав), Отчизна присвоила высокое звание Героя Советского Союза.

А сколько было у нас таких замечательных командиров, как Беглов, умных, мужественных, решительных и стойких, умеющих быстро оценить обстановку, разгадать замысел противника, выиграть бой, завоевать победу! Воины любили командиров, авторитет их был непререкаем. В свою очередь и командиры повседневно благотворно влияли на подчиненных, настойчиво обучая и воспитывая их.

…Важную роль сыграл плацдарм, захваченный частями 32-го гвардейского стрелкового корпуса, которым командовал прославленный ветеран многих войн генерал-лейтенант А. И. Родимцев. Еще в 1937 году Советское правительство отметило его высшей наградой Родины — Золотой Звездой Героя Советского Союза и орденом Ленина. В республиканской Испании Александр Ильич Родимцев был хорошо известен под псевдонимом Павлов-Павлито. Он отличился в боях под Мадридом, Гвадалахарой и Теруэлем. В Великую Отечественную войну Родимцев, будучи командиром воздушно-десантной бригады, активно участвовал в обороне Киева. Тревожной осенью 1942 года во главе 13-й гвардейской стрелковой дивизии под ураганным огнем врага ночью переправился через Волгу в Сталинград и лично руководил боем, очищая от противника прибрежные кварталы.

Александр Ильич имел за плечами опыт форсирования таких крупнейших водных преград, как Волга и Днепр, Днестр и Висла. Под его командованием части стрелкового корпуса ночью с ходу форсировали Одер на подручных средствах.

Представляя А. И. Родимцева вторично к званию Героя Советского Союза, командующий 5-й гвардейской армией генерал-полковник А. С. Жадов писал: "В ночь на 25. 1.45 г. благодаря мужеству, умелому руководству и личной храбрости А. И. Родимцева, находившегося в боевых порядках, на опасных и решающих участках, соединения вверенного ему корпуса успешно форсировали р. Одер в районе Линден и решительными действиями уничтожили противостоявшего противника.

Неоднократными контратаками и воздействием с воздуха противник стремился сбросить за р. Одер части корпуса, однако, благодаря искусному и твердому руководству, личной храбрости и мужеству тов. Родимцева, части стойко и упорно удерживали плацдарм и последовательно вели успешные бои по неуклонному и значительному расширению его"{79}.

К 25 января 1945 года войска фронта, выйдя к реке в полосе шириной примерно 200 километров, с ходу форсировали Одер в районе Штейнау, Бриг, Оппельн. Развернулись напряженные бои

по расширению захваченных плацдармов.

Если на днепровском рубеже в 1943 году переброска за реку войск, особенно танков и артиллерии, проходила медленно, бои принимали затяжной характер, то на Одере мы быстрее осваивали и расширяли плацдармы. На них размещались довольно крупные группировки, способные прочно закрепить успех передовых частей и затем продолжить наступление.

Однако враг не сдавался и лихорадочно цеплялся за одерский оборонительный рубеж. Опираясь на свои долговременные укрепления, гитлеровцы пытались любой ценой ликвидировать наши плацдармы. Немецко-фашистское командование спешно подбрасывало сюда подкрепления, вводило в бой резервные части, батальоны фольксштурма. Бои принимали все более ожесточенный характер.

Как и предупреждали нас разведывательные органы, 27 января 1945 года противник нанес с севера контрудар двумя моторизованными дивизиями и танковой дивизией СС "Герман Геринг". Ему удалось даже потеснить некоторые наши части. Чтобы помочь 3-й гвардейской армии, испытывавшей особенно сильный нажим противника, Маршал Советского Союза И. С. Конев приказал командующему 4-й танковой армией генералу Д. Д. Лелюшенко нанести удар вдоль обоих берегов Одера в северозападном направлении. Правда, окружить и уничтожить контратакующую группировку врага нам не удалось, но гитлеровцев мы довольно быстро привели в чувство. Контратаки постепенно затухали, и в начале февраля 1945 года противник повсеместно перешел к обороне.

В длительных и напряженных боях наши части тоже понесли немалые потери, в том числе среди коммунистов. Однако в ходе сражений нам в основном удавалось восстанавливать партийные организации. Потери восполнялись главным образом за счет отличившихся солдат, сержантов и офицеров.

Во время Висло-Одерской наступательной операции в 5-й гвардейской армии по состоянию на 1 февраля 1945 года из-за больших потерь распалось 30 ротных парторганизаций, из них 28 были восстановлены в ходе боя. К концу операции в 190 стрелковых ротах имелось 188 парторганизаций{80}. Это большое достижение, ибо ротные парторганизации сплачивали личный состав, обеспечивали успешное выполнение боевых приказов командира, занимались политическим воспитанием воинов, крепили боеспособность и боеготовность подразделений.

Приведенный факт свидетельствует о том, что многие политорганы обрели опыт, научились работать по-настоящему. Радовало, что приток лучших боевых сил в партию неуклонно

растет, что партийная сила у нас не иссякает. А она, эта партийная сила, является, как известно, основой высокой боеспособности войск, главным источником наших побед.

Между тем Висло-Одерская наступательная операция подходила к своему завершению. И хотя наши успехи были значительны, Бреслау и некоторые другие крупные населенные пункты нам с ходу взять не удалось. Для того чтобы читателю понятнее было, почему так получилось, я позволю привести документ, направленный нами первому заместителю начальника Генерального штаба генералу армии А. И. Антонову. В нем говорилось: "29. 1. 45 г. на аэродроме… (14 км зап. Штейнау) при попытке улететь в Германию нашими войсками был убит комендант крепости Бреслау. При нем оказались карты, схемы и чертежи укреплений по р. Одер, крепостей Глогау и Бреслау, а также оборонительных рубежей по польско-германской границе.

Установлено:

1 Немецкое командование к концу 1944 года форсировало строительство оборонительных рубежей по польско-германской границе, по р. Одер и особенно возводило укрепления крепостного типа Глогау, Бреслау и Оппельн.

2. По характеру сооружений наиболее серьезные укрепления идут по р. Одер и в районах Глогау, Бреслау и Оппельн.

Укрепления по польско-германской границе и на промежуточных рубежах до реки Одер состоят из укреплений полевого типа, совершенно законченных и оборудованных для борьбы против как танковых, так и остальных родов войск.

3. На рубеже по р. Одер, на участке от Глогау через Бреслау по Оппельн, по левому берегу реки построены долговременные огневые точки, находящиеся в огневой связи друг с другом.

На участках Глогау, Оппельн и особенно Бреслау линия долговременных укреплений по р. Одер переходит в систему крепостных укреплений в этих районах.

4. Из документов видно, что укрепления в Бреслау, Глогау действительно являются серьезными долговременными сооружениями.

В боях за Штейнау установлено, что противник, опираясь на развитую сеть долговременных сооружений, оказывал упорное сопротивление.

Только с применением артиллерии крупного калибра наши войска овладели указанным районом.

Все захваченные документы высланы Вам авиапочтой.

Конев, Крайнюков, Соколовский"{81}.

После месяца тяжелых и напряженных боев Военный совет 1-го Украинского фронта вынужден был докладывать Верховному

Главнокомандующему не только о крупных боевых успехах, но и о том, что фронт растянулся на 520 километров, что войска оторвались от баз снабжения на сотни километров, а восстановление железных дорог идет медленно. В результате подвоз всех видов боепитания был ограничен и войскам выдавалась так называемая голодная норма боеприпасов и горючего.

Войска фронта нанесли ощутимый урон противнику. Они уничтожили до 280 тысяч и взяли в плен 60 тысяч солдат и офицеров. За месяц наступления мы сожгли и подбили 1745 фашистских танков и самоходок, 585 бронетранспортеров, 3500 орудий разного калибра, 472 самолета, 20 тысяч автомашин. Одновременно захватили 430 исправных танков, 360 бронетранспортеров, 160 паровозов и 4400 вагонов и платформ, более 10 тысяч автомашин, много складов с военным имуществом{82}.

Но и сами понесли немалые потери в людях и в технике. Каждая стрелковая дивизия теперь в среднем насчитывала около 4600 человек. Военный совет фронта ходатайствовал перед Ставкой о присылке нам 100 тысяч солдат, сержантов и офицеров для пополнения войск, а также о поставке 1830 танков и САУ.

Противник, непрерывно получавший свежие резервы, усиливал сопротивление. Наступившая распутица стесняла маневр танковых войск, дожди и туманы осложняли действия авиации. Учитывая все это, командующий фронтом обратился в Ставку с просьбой разрешить главной группировке выйти на реку Нейсе, овладеть плацдармами на западном берегу и прочно закрепиться. Армии левого крыла должны были отбросить противника в Судетские горы. 6-й армии генерала В. А. Глуздовского ставилась задача овладеть Бреслау.

Хотя бои предстояли трудные, они все же носили ограниченный характер, позволяли нам доукомплектовать соединения, восстановить железные дороги и приблизить к войскам станции снабжения, создать необходимые запасы боеприпасов и горючего. Словом, предоставлялась возможность привести в порядок боевые части и тылы. Ставка утвердила наш план.

Небывалая по размаху Висло-Одерская наступательная операция справедливо считается классической. Войска 1-го Украинского фронта продвинулись на запад до 600 километров и совместно с 1-м Белорусским фронтом разгромили немецко-фашистскую группу армий «А».

Маршал Советского Союза И. С. Конев в своей книге "Сорок пятый" писал: "По нашим подсчетам, за двадцать три дня боевых

действий 1-й Украинский фронт нанес поражение двадцати одной пехотной, пяти танковым дивизиям, двадцати семи отдельным пехотным, девяти артиллерийским и минометным бригадам, не говоря уже об очень большом числе различных специальных подразделений и отдельных батальонов"{83}.

Выполняя историческую миссию и интернациональный долг, советские войска освободили от немецко-фашистских захватчиков союзную нам Польшу и часть Чехословакии. Они вступили на территорию Германии в полной готовности к новым наступательным операциям, к штурму фашистского логова.

На немецкой земле

19 января 1945 года войска ударной группировки фронта, прорвавшие в районе польско-германской границы сильно укрепленную оборону гитлеровцев, вступили с боями в пределы Германии. Помню, с каким радостным волнением докладывал мне об этом по ВЧ член Военного совета 52-й армии генерал А. Ф. Бобров. Он сообщил, что их войска ведут успешные бои в районе Мандорфа. Вскоре и начальник поарма генерал Ф. А. Катков проинформировал меня о вступлении 5-й гвардейской армии на территорию Германии.

Не дожидаясь подробных донесений с мест, я направился в части, находившиеся непосредственно на немецкой земле. Важно было составить личное представление о поведении наших войск в особых условиях.

Водитель И. В. Гойчик с каким-то особым удовольствием помчал нас по указанному маршруту. Когда порученец майор В. А. Иванов, сверявший карту с местностью, объявил, что за рекой начинается Германия, шофер окинул взглядом реденький лесок, разбросанные по холмам строения и, как мне показалось, разочарованно произнес:

— В общем-то ничего особенного: дома как дома, и лес такой же. Только, может быть, пожиже наших белорусских лесов.

Потом он пристально посмотрел в сторону пылавших за рекой казарменных корпусов и задумчиво, словно про себя, добавил:

— Горит Германия!..

По уцелевшему мосту мы проскочили через реку и вскоре въехали в небольшой немецкий городок, название которого, к сожалению, не запомнил. На фанерной табличке, приколоченной у входа в особняк, я прочел наспех сделанную надпись: "Советская военная комендатура". Но коменданта на месте не оказалось, мы встретились с ним около горевших казарм. Пожар серьезно мешал движению наших войск по дороге, требовалось как можно быстрее погасить его.

Усатый ездовой, глядя, как военный комендант с бойцами заливают водой пламя, недоуменно сказал:

— И зачем стараются… Фашисты разрушили Сталинград, превратили в развалины Воронеж, спалили не только мою хату и мою деревню — опустошили всю округу. А мы теперь тушим немецкие дома.

Он потряс увесистым кнутовищем и в сердцах произнес:

— Не одобряю я это дело!..

— Одобряешь ты или нет, — отозвался стоявший рядом с ним старшина, — а пожары тушить надо, восстанавливать порядок и налаживать жизнь непременно надо.

— Ты, старшина, вроде нашего замполита рассуждаешь, — продолжал пожилой ездовой. — Он говорил, что мы не имеем права обижать мирных немцев. А кто зверствовал на оккупированной территории, кто расстрелял мою жену, мою дочь, сжег мой дом? Сыновья здешних немцев, а может быть, и кое-кто из них.

И нервно подвигав желваками, он зло и решительно выкрикнул:

— Их всех надо в распыл пустить!..

— Нельзя всех немцев стричь под одну гребенку, — вмешался я в разговор. — Фашистские преступники обязательно понесут суровое наказание. Но при чем здесь мирные немцы?

— А их, товарищ генерал, не разберешь, кто мирный, а кто преступник, не сдавался солдат. — Вот, к примеру, какой-нибудь фриц строчит с чердака из автомата, и мы не сомневаемся, что это заклятый враг, подберешься к нему ближе, он в страхе сорвет повязку фольксштурмиста — и, пожалуйста, уже мирный немец. А сколько у этих «мирных» награбленного у нас добра!

— Откуда вам известно, что это наше добро? — поинтересовался я.

— Есть неопровержимые улики, — ответил солдат и предложил пойти в расположенный поблизости домик. — Вот полюбуйтесь, товарищ генерал! выкрикнул солдат и потряс стулом, на котором дырочками был выбит орнамент, окаймлявший большую пятиконечную звезду. — Сразу видно, что нашенский, советский стул. А почему он здесь оказался?

Дрожа всем телом, с поднятыми вверх руками, к нам приблизился сморщенный худощавый старик. Запинаясь, он подтвердил через переводчика, что это в самом деле "руссиш дер штуль". А у стены испуганно жалась седая женщина. Я поспешил успокоить их, сказал, что им ничто не угрожает.

Но усатый ездовой продолжал допытываться, откуда попал в немецкий дом советский стул и не сын ли старика привез его из

России.

— О, нет, — горестно вздохнул старик, в прошлом железнодорожный мастер. Он сообщил, что сын его убит под Курском. А стул он по дешевке купил на торгах. Из России на станцию прибыл эшелон с одеждой и мебелью, и местные власти устроили распродажу имущества.

— Вопрос ясен, — сказал я и спросил усача: — Каков ваш приговор, дорогой товарищ? Вы, кажется, предлагали всех немцев пустить в распыл?

— Виноват, товарищ генерал, — смущенно отозвался тот. — Немного погорячился. Разве я могу поднять руку на старика или малого ребенка? Никогда в жизни! Мы же советские солдаты!

Я с удовлетворением отметил, что солдат в конце концов начал правильно рассуждать. Значит, и поступать он будет справедливо. Этот пример еще раз убедительно подтвердил, сколь важна индивидуальная работа с каждым воином.

Вступление Красной Армии на территорию фашистской Германии выдвинуло перед Военным советом фронта, перед командирами всех степеней и политорганами новые, весьма сложные задачи. Требовалось внести значительные коррективы в организацию политработы как среди своих войск, так и среди войск противника, особенно среди немецкого населения.

Злобная нацистская пропаганда сделала свое дело. Мы видели намалеванный на стенах домов лозунг: "Победа или Сибирь". Геббельс в газете "Фелькишер беобахтер" истерично призывал бороться за фатерлянд и защитить "западную цивилизацию" от "большевистских варваров", противостоять "сибирским тундрам". Запугивая немецкий народ пресловутыми "ужасами большевизма", преступная гитлеровская клика не останавливалась и перед жесточайшими карательными мерами.

На первых порах мирное население Германии, отравленное ядом фашистской пропаганды, смертельно боялось Красной Армии. Помню, в Крейцбурге пожилой кроткий немец упорно допытывался через переводчика у меня, когда его сошлют в Сибирь и можно ли туда поехать с женой, не разлучат ли их навсегда. При первой встрече с нашими бойцами на лицах у многих немцев был написан ужас, ибо они ожидали нашей ответной мести за кровавые злодеяния, совершенные гитлеровцами на советской земле.

Военный совет 1-го Украинского фронта 22 января 1945 года докладывал в Ставку ВГК, что в Силезии под влиянием фашистской пропаганды, запугивающей немцев приходом Красной Армии, большинство населения бежит, оставляя в городах и населенных пунктах стариков и детей. Не успевшие

убежать прячутся в подвалах и в лесах. Из показаний местных жителей установлено, что имеется строжайший приказ немецко-фашистского командования об эвакуации населения с территории, расположенной восточнее Одера.

На пути движения советских войск нередко встречались фольксштурмовские части{84}. Например, в полосе наступления армии Жадова действовало два таких батальона: один из них был полностью разбит, другой (в количестве 300 человек) — взят в плен.

Военные советы фронта и армий, командиры и политорганы в соответствии с указанием ЦК ВКП(б) и Советского правительства разъясняли воинам, как должны вести себя войска на территории Германии и как следует относиться к немецкому населению. Особое внимание мы обратили на подвижные войска, на танковые армии и корпуса, которые в числе первых вступали в немецкие города и села и, как говорится, задавали тон всем остальным.

Члены военных советов танковых армий генералы С. И. Мельников, В. Г. Гуляев, начальники политотделов генерал А. Д. Капник и полковник Н. Т. Кладовой, весь политаппарат наших подвижных войск позаботились о том, чтобы каждый воин не только хорошо понимал политику Коммунистической партии и Советского правительства в отношении немецкого населения, но и являлся активным проводником этой политики, соблюдал требования коммунистической морали, был всегда справедливым и выдержанным.

Не скрою, добиться этого оказалось нелегко. Слишком свежи были воспоминания о зверствах фашистов, об огромных разрушениях, совершенных ими на нашей земле.

Мне довелось участвовать в совещании агитаторов 3-й гвардейской армии, проходившем незадолго до начала операции. После доклада начальника политотдела генерала Г. А. Бойко посыпались вопросы, в которых чувствовался большой накал ненависти наших воинов к немецко-фашистским захватчикам. Один говорил, что у него фашисты повесили отца, брата и сестру, что он не в силах миролюбиво смотреть на немцев и "гладить их по головке". Другой недоумевал по поводу нашего доброго отношения к военнопленным, которых мы хорошо кормили, в то время как фашисты морили советских людей голодом, всячески измывались над ними, расстреливали.

Мы снова и снова терпеливо разъясняли политику Коммунистической партии, отмечая, что призыв ЦК ВКП(б) "Смерть немецким оккупантам!" остается в силе и что нужно беспощадно уничтожать в боях бешено сопротивляющуюся гитлеровскую нечисть. Но к мирному населению нам надо

относиться по-мирному, не обижать его. Ведь советский солдат-освободитель несет избавление от кровавой гитлеровской тирании всем народам Европы, в том числе и немецкому.

В ходе наступления войска фронта вызволили из фашистской неволи десятки тысяч советских людей, а также поляков, чехов, словаков, югославов, французов, бельгийцев, голландцев и граждан других стран Европы.

На фронтовых дорогах происходило множество сердечных, волнующих встреч со вчерашними узниками. Подобные встречи с освобожденными из фашистской каторги советскими людьми были и у меня. Мария Рубан с Полтавщины рассказала, как она вместе с несколькими другими украинскими девчатами батрачила у немецкого кулака с утра до ночи, как жестоко избивали их за каждый незначительный проступок.

— Так в двадцать лет я стала старухой, — заключила свою печальную историю поседевшая Мария Рубан. И, улыбнувшись сквозь слезы, добавила: — Но все страшное позади. Спасибо, что спасли нас. Теперь начнется новая жизнь.

Горькие воспоминания подруги продолжила Люба Хайчук. Она рассказала, как работали невольницы на одном из подземных заводов, расположенном в оккупированной Франции. Чтобы сохранить в тайне это зловещее подземелье, эсэсовцы намеревались всех рабочих уничтожить, а само предприятие взорвать. Французские патриоты спасли советских девушек, и они с величайшими трудностями, преодолевая множество опасностей, пробирались на восток, навстречу наступавшей Советской Армии.

Затем своими тяжкими переживаниями поделилась Шура Абрамова. Ее на распределительном пункте в Бреслау купил за 10 марок здешний помещик. У него работало много таких невольниц. Однажды в конце напряженного трудового дня, когда девушки были очень утомлены, помещица закричала на украинку Любу Гулько: "Ну, русская свинья, пошевеливайся быстрее!" Девушка ответила, что заболела и не может работать. Хозяйка пожаловалась мужу, и тот до полусмерти избил больную Любу. Несколько дней она не могла подняться с нар.

— Вот вам и «мирные» немцы! — гневно воскликнул танкист, слушавший рассказы девушек, вызволенных из фашистской неволи.

— Но ведь девчата точно назвали своих мучителей, — заметил я. — Это помещики, кулаки, фабриканты, владельцы подземных арсеналов, то есть эксплуататоры и богатей, которых мы в своей стране прогнали еще в октябре 1917 года. Против них с оружием в руках мы боролись в гражданскую войну.

Мне пришлось напомнить собравшимся, что нынешняя война,

развязанная фашистами во имя интересов германских монополистов, есть острейшая вооруженная классовая борьба, что жестокий и коварный враг ставил своей целью уничтожить единственное на земном шаре Советское государство — родину Великой Октябрьской социалистической революции. Он стремился захватить наши богатства, превратить советских людей в рабов, надеть на них ярмо германского фашизма. Но победить великий народ, познавший счастье свободы, невозможно! Это подтвердили события Великой Отечественной войны и славные победы Красной Армии.

— А истоки всех зверств, о которых вы не раз слышали, — сказал в заключение я, — надо искать в извечном стремлении имущих классов к прибыли. — Здесь мне пришлось на память процитировать впечатляющие слова одного английского публициста, которые Карл Маркс привел в своем произведении «Капитал»: — "Обеспечьте 10 процентов, и капитал согласен на всякое применение, при 20 процентах он становится оживленным, при 50 процентах положительно готов сломать себе голову, при 100, процентах он попирает все человеческие законы, при 300 процентах нет такого преступления, на которое он не рискнул бы, хотя бы под страхом виселицы"{85}.

В погоне за сверхприбылями германские монополисты Крупп, Шахт, Тиссен и им подобные привели к власти оголтелую фашистскую клику Гитлера и пролили целые моря крови.

Так политическое воспитание войск помогало нам налаживать правильные взаимоотношения советских воинов с немецким населением. Это давало положительные результаты.

В печати иной раз встречаются утверждения о том, что поворот к правильным формам этих взаимоотношений произошел якобы после опубликованной 14 апреля 1945 года в газете «Правда» широко известной статьи "Тов. Эренбург упрощает".

Писатель Илья Эренбург, в свое время опубликовавший много ярких, документально обоснованных и правдивых материалов о кровавых преступлениях фашизма, помогал воспитывать советских людей, советских воинов в духе ненависти к врагу. Но когда наши войска вступили на территорию Германии, в некоторых его статьях проскальзывали ошибочные утверждения, неправильно ориентирующие советских воинов. Центральный Комитет партии немедленно исправил ошибку писателя. Ленинская «Правда» еще и еще раз предельно ясно, четко и обстоятельно разъяснила основы политики Советского Союза в отношении Германии и немецкого народа.

Слова "еще раз" я подчеркиваю особо, ибо партия с первых дней Великой Отечественной войны, начиная с выступления И. В.

Сталина по радио 3 июля 1941 года, вплоть до его речи 9 мая 1945 года неизменно указывала, что мы никогда не отождествляли население Германии с преступной фашистской кликой Гитлера.

В трудное для Родины время, когда фашистские орды стояли у стен Москвы, на историческом военном параде на Красной площади 7 ноября 1941 года с трибуны ленинского Мавзолея было сказано о великой освободительной миссии Красной Армии.

Основы дальновидной политики Коммунистической партии в отношении немецкого населения не поколебали никакие превратности войны. Даже в необычайно трудное для нашей Родины время, когда, воспользовавшись отсутствием второго фронта в Европе, гитлеровские полчища прорвались к берегам Волги и предгорьям Кавказа, партия с неколебимой уверенностью в победе нашего правого дела снова заявила: "У нас нет такой задачи, чтобы уничтожить Германию, ибо невозможно уничтожить Германию, как невозможно уничтожить Россию. Но уничтожить гитлеровское государство — можно и должно"{86}.

Выполняя великую освободительную миссию, Красная Армия сокрушила гитлеровское государство с его мощной военной машиной и многомиллионным вермахтом, с эсэсовскими и гестаповскими карательными службами, спасая от нацистской кровавой тирании народы Европы, в том числе и трудящихся Германии.

Перед тем как наши войска вступили на территорию Германии, Военный совет 1-го Украинского фронта вместе с политическим управлением провел совещание будущих военных комендантов и их заместителей по политчасти. Мы предупредили офицеров, назначенных в аппарат советской военной администрации в Германии, что им придется работать в необычайно трудных, особых условиях и осуществлять политику, которая не имеет исторических прообразов и преследует цели благородные, антифашистские, освободительные. Мы призваны были защищать интересы не только Советского государства, но и подавляющего большинства немецкого населения, и прежде всего рабочих и крестьян, сохранять верность пролетарскому интернационализму. Военный совет фронта потребовал, чтобы военные коменданты неукоснительно выполняли указания ЦК ВКП(б) и Советского правительства о гуманном отношении к мирному населению.

Советская военная администрация стремилась как можно быстрее обеспечить немецкое население продовольствием, дать в городах электрический свет, восстановить транспорт, открыть школы, больницы, наладить нормальную жизнь, И мирные немцы

довольно быстро поняли, что им нечего бояться советского "человека с ружьем" — воина-освободителя, защитника трудового народа.

Красная Армия вела справедливую, освободительную войну, и взяться за меч нас вынудил вероломно напавший злобный враг. В Германию мы пришли с благородной целью, чтобы спасти человечество от опасной коричневой чумы, наказать главных военных преступников, чьи руки обагрены кровью миллионов, призвать к ответу гитлеровских генерал-губернаторов, гауляйтеров, комендантов и подкомендантов, эсэсовских палачей и нацистских главарей. Мы пришли, чтобы искоренить фашизм и милитаризм и исключить возможность развязывания третьей мировой войны,

С первых дней вступления наших войск на территорию Германии Военный совет фронта заботился об антифашистских демократических преобразованиях, строительстве новой жизни и будущем немецкого народа. Но путь к этой новой жизни был нелегок. Он пролегал через несколько сложных этапов.

Работа началась с приказа-обращения командования 1-го Украинского фронта к населению Германии. Его текст после обсуждения на Военном совете мы направили Государственному Комитету Обороны и просили быстрее рассмотреть. Вот утвержденный текст этого документа: "Сим доводится до сведения приказ военного командования:

1. Все законы, приказы, распоряжения, изданные гитлеровскими центральными и местными органами власти, — отменить.

2. Всю исполнительскую власть сосредоточить в руках военного коменданта, назначенного командованием Красной Армии.

3. Нацистская партия и все другие нацистские организации… объявляются вне закона"{87}.

Приказ предлагал всем рабочим, служащим и руководителям предприятий оставаться на своих местах и продолжать работу. Разрешалась свободная торговля. В каждом городе создавались квартальные уполномоченные, а в населенных пунктах — уполномоченные сел, местечек.

Прошло немного времени, и в селах были назначены старосты, а в городах и населенных пунктах городского типа — бургомистры и советники при них, ведавшие промышленностью и ремеслами, торговлей и снабжением, коммунальными предприятиями, здравоохранением, просвещением, социальным обеспечением и т. д.

Так постепенно восстанавливались немецкие органы

самоуправления, которые впоследствии не назначались, а избирались. Сразу же активизировались антифашистские силы, стали проводиться демократические преобразования.

Но потребовалась огромная политико-массовая работа среди местного населения, прежде чем большинство немцев вышло из состояния оцепенения и глубокого шока, вызванного национальной катастрофой Германии, виновником которой всецело была преступная кровавая клика Гитлера.

Приказ номер один советского военного командования устанавливал строгую ответственность лиц, замеченных в грабеже имущества. Мы обязали военных комендантов, командиров всех степеней вести самую решительную борьбу с нарушителями общественного порядка и воинской дисциплины, со всякого рода бесчинствами и беззакониями, позорившими честь и достоинство Советской Армии.

Огромная разъяснительная работа среди советских войск и мирного населения Германии во многом способствовала закреплению победы над темными силами фашизма. В полосе боевых действий наших войск Военный совет и политуправление фронта, командиры и политорганы, советские военные комендатуры, а также выделенные нами офицеры и политработники вместе с переводчиками-антифашистами собирали в городах и селах немецкое население и разъясняли политику нашего правительства в отношении трудящихся Германии. Это помогло рассеять тревогу немцев и опровергнуть ложные измышления фашистской пропаганды.

Но отдельные группы активных нацистов продолжали вести борьбу. Как-то средь бела дня в прифронтовом немецком городке запылало несколько домов. Трех поджигателей, одетых в красноармейскую форму, удалось задержать. Один из них, пьяно пошатываясь, сообщил, что он сводит счеты с гитлеровцами, мстит за разрушения, которые они совершили на советской земле. Зато два его подручных упорно молчали и только после настойчивых требований на ломаном языке, мешая польские и немецкие слова, односложно отвечали на вопросы.

Оказалось, что они — переодетые эсэсовцы, а главарь их — хорошо обученный шпион. Кстати, вином от него и не пахло. Поджигатель притворялся пьяным. "С пьяного спросу меньше", — впоследствии пояснил он.

У задержанных нашли фотоаппарат. Проявленная пленка показала, что фашистские лазутчики не только поджигали дома, но и фотографировали пожарища, плачущих немецких женщин, готовили для геббельсовской клеветнической кухни фальшивки о так называемых зверствах большевиков.

Эта шпионско-диверсионная банда была оставлена на занятой нами территории с провокационной задачей — жечь дома, бесчинствовать под маской красноармейцев. С нацистскими бандитами мы поступали сурово, по законам военного времени.

В результате мощного наступления войск 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов была, наголову разбита группа немецко-фашистских армий «А». Вместо нее в конце января гитлеровцы сформировали группу армий «Висла», которую возглавил небезызвестный рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер.

Получив об этом сведения, Военный совет фронта предупредил командиров и штабы, политорганы, нашу комендантскую службу и все войска о возможности активизации шпионско-диверсионной, разведывательной и провокаторской деятельности гитлеровцев в полосе нашего фронта и потребовал максимально повысить бдительность. Предприняли действенные меры и органы «Смерша».

Действительность подтвердила наши опасения. Группа фашистских армий «Висла» терпела поражение за поражением. Чтобы как-то ослабить наши удары, на помощь незадачливому Гиммлеру, который славы Наполеона не снискал, пришла имперская служба безопасности, вобравшая в себя кадры абвера.

В районе боевых действий и в прифронтовом тылу органами «Смерша» с помощью наших бдительных воинов и антифашистски настроенных немцев удалось разоблачить немало нацистских головорезов, изменивших свою фамилию, а в ряде случаев даже и внешний облик. Они намеревались, используя подложные документы и хитроумно разработанные легенды, осесть в прифронтовом районе в качестве гиммлеровских резидентов.

Чтобы наглухо закрыть все лазейки, через которые мог проникнуть враг, Военный совет фронта обязал все наши комендатуры навести в городах и населенных пунктах строгий порядок, немедленно заняться тщательным поименным учетом населения и оформлением прописки каждого человека.

Мы постоянно направляли деятельность военных комендатур, контролировали их и оказывали необходимую помощь. Военные комендатуры принимали энергичные меры к быстрому восстановлению нормальной жизни на занятой нами территории. Они добивались скорейшего пуска предприятий, обслуживавших нужды населения.

Если же их владельцы бежали на запад, то назначались временные администрации фабрик или мастерских.

Военные коменданты с помощью местных активистов восстанавливали работу транспорта, связи, почты, телеграфа, рынков. Постепенно оживлялась торговля, развертывались

сельскохозяйственные работы на селе, возрождалась жизнь. Населению Германии разъясняли, что положение немецкого народа не безысходно, что Гитлер, нацистская партия и кровавый фашистский режим будут уничтожены, а народ германский будет жить, созидать, строить новую жизнь без помещиков и капиталистов.

Работой среди немецкого населения и среди войск противника в политуправлении фронта непосредственно занимался отдел, возглавляемый подполковником Л. А. Дубровицким, а в политотделах армий этой плодотворной деятельностью занимались товарищи Шишков, Мудриков, Чаплин, Каменир, Зайцев, Мильхикер, Круглянский, Кирилюк и их подчиненные. Для этой важной работы мы привлекли многих политработников, хорошо знавших немецкий язык, германских антифашистов из национального комитета "Свободная Германия", а также кадры, подготовленные во фронтовой антифашистской школе. Пропагандисты выступали перед населением с лекциями и докладами, проводили беседы, громкие читки газет и сводок Совинформбюро. Только в январе 1945 года политуправление фронта издало около семи миллионов листовок на немецком языке, распространив их среди войск противника и среди местного населения. В занятых нами городах и селах расклеивались на витринах и распространялись среди жителей приказы советского военного командования о правилах поведения в оккупированной зоне, листовки с высказываниями И. В. Сталина о будущем Германии и германского народа, а также различная антифашистская литература. Повсеместно демонстрировались советские кинофильмы.

Эта огромная по масштабам пропагандистская работа среди немецкого населения являлась важным участком идеологической борьбы с фашизмом и закрепляла победу, достигнутую силой советского оружия, помогала трудящимся Германии освободиться от нацистского дурмана, закладывала первые кирпичи в крепкий фундамент нынешней дружбы двух народов,

В годы ратных испытаний военные советы фронтов и армий представляли собой тот руководящий институт, с помощью которого Коммунистическая партия осуществляла свою политику в войсках.

Когда Красная Армия, выполняя освободительную миссию, вступила на территории дружественных нам Польши, Чехословакии, а затем в Германию, военные советы фронта и армий взяли на себя новые функции, продиктованные особыми условиями. Всесокрушающей мощью советского оружия уничтожалось нацистское государство; как карточный домик,

разваливался его местный аппарат. На занятой советскими войсками немецкой земле местной гражданской администрации вначале совсем не было. И военные советы в полосе армий и фронта осуществляли всю полноту власти. Они занимались административными делами, принимая неотложные меры по налаживанию нормальных условий жизни населения, поддерживали в прифронтовой полосе порядок и обеспечивали безопасность советских войск.

Нам, например, пришлось энергично бороться с реальной угрозой эпидемии, голода и прочего опасного наследия обанкротившейся клики Гитлера, которая ни в грош не ставила жизнь простых немцев.

Административная деятельность военных советов ни в коей мере не отодвигала на задний план политическую работу среди местного населения, ибо мы ставили задачей как можно быстрее поднять активность масс и восстановить немецкие демократические самоуправления.

Но часть немецкого народа, и притом значительная, все еще находилась в вермахте. Люди в солдатских шинелях, обманутые нацистской демагогией, продолжали сражаться против нас. На завершающем этапе Великой Отечественной войны, когда разгром фашистской Германии был неминуем, мы еще более усилили нашу пропаганду на войска противника, желая ускорить развязку и спасти тысячи жизней советских и немецких солдат.

Ряд листовок мы адресовали непосредственно силезским фольксштурмовцам, прямо и откровенно называя их последним пушечным мясом Гитлера. В обращениях говорилось, что нацисты в животном страхе перед неизбежной гибелью бросают в бой против победоносно наступающей Красной Армии шестидесятилетних пожилых мужчин и шестнадцатилетних юнцов, а также калек и больных. "Красная Армия не воюет против мирного населения, — говорилось в листовке, адресованной фольксштурмовцам. — И если вы покинете немедленно гитлеровскую армию, то сможете спокойно вернуться к своей работе. Но всякий, кто с оружием в руках станет препятствовать победоносному наступлению Красной Армии, будет беспощадно уничтожен.

Если хотите жить, если хотите сохранить от разрушения ваши города, деревни, родные места, то срывайте ваши повязки, бросайте оружие и идите домой! Дайте такой же совет всем немецким солдатам. Помните! Дальнейшее сопротивление Красной Армии означает для вас неминуемую смерть. В живых останется только тот, кто немедленно порвет с Гитлером, сложит оружие, уйдет домой или сдастся в плен".

На фольксштурмовцев, пожалуй, в большей мере, чем на кадровую армию, оказывали воздействие подобные листовки. Несмотря на дикие жестокости гитлеровского военного командования, гестаповцев и местных фашистских главарей, публично вешавших и расстреливавших лиц, уклонявшихся от воинской службы, дезертирство в армии и фольксштурме все более усиливалось. А мы ускоряли это разложение прежде всего мощными боевыми ударами, подкрепляя их пропагандой на войска противника. В 1945 году эта пропаганда вследствие наших успехов стала гораздо эффективнее.

По мере продвижения на запад советские войска взяли в плен большое количество немецких солдат и офицеров. Одновременно они освободили множество находившихся на фашистской каторге советских и иностранных граждан.

Перед военными советами фронта и армий встали дополнительные весьма нелегкие задачи. Требовалось организовать содержание большого количества военнопленных, прием освобождаемых из фашистского рабства советских и иностранных граждан, оказание им медицинской помощи и отправку на родину. Были учреждены уполномоченные Совета Народных Комиссаров СССР по делам репатриации. Постановлением Государственного Комитета Обороны от 4 ноября 1944 года их подчинили военным советам фронтов. Они непосредственно занимались выявлением, приемом, материальным и санитарным обеспечением репатриируемых, а также отправкой их на родину. У нас этот важный участок работы возглавлял генерал-майор С. М. Фомин.

С момента начала Висло-Одерской наступательной операции по состоянию на 31 января 1945 года войска 1-го Украинского фронта освободили 25 243 человека. Среди них были 1121 военнопленный союзных армий, в том числе 126 англичан, 646 французов, 154 югослава, 196 чехов, словаков и т. д. Советские войска освободили также 606 гражданских лиц союзных государств{88}.

Но подавляющее большинство репатриантов составляли советские граждане. Первые беседы с ними показали, что люди, оторванные в течение нескольких лет от родной земли, жаждут правдивого слова о Советской стране, о важнейших событиях и переменах, о славных победах Вооруженных Сил СССР. Многих репатриантов волновали вопросы трудоустройства, образования и дальнейшей их жизни,

По мере продвижения наших войск в глубь Германии число освобождаемых советских и иностранных граждан все более увеличивалось. Военный совет предложил политическому

управлению фронта и политотделам армий выделить из своего аппарата и резерва группу офицеров для проведения политработы непосредственно среди репатриантов.

Многие советские граждане, освобожденные войсками фронта из фашистской неволи, изъявляли горячее желание добровольно вступить в ряды Советской Армии и в завершающих сражениях отплатить ненавистным гитлеровцам за свои мучения, достойно выполнить патриотический долг перед социалистическим Отечеством.

На территории Германии мы встречали и славных борцов гвардии Тельмана, которые даже в самые мрачные времена разгула гитлеровского террора не сдавались и в подполье продолжали активно бороться с нацистами. Устанавливая контакты с антифашистами, политорганы и военные комендатуры привлекали их к разъяснительной работе среди немецкого населения и к участию в создании органов местной администрации.

Я мог бы привести несчетное число примеров и фактов, свидетельствовавших о том, что военные советы и политорганы фронта и армий сумели быстро перестроить содержание партийно-политической работы применительно к новой обстановке и к тем особым условиям, которые сложились после вступления наших войск на территорию Германии.

В далекие годы гражданской войны, напутствуя красные полки, направлявшиеся на Западный фронт, В. И. Ленин призывал красноармейцев: осуществляйте на деле интернациональное братство народов и за рубежом доказывайте всем своим поведением, "что вы — солдаты рабоче-крестьянской республики, что вы идете к ним не как угнетатели, а как освободители"{89}.

Коммунистическая партия, верная ленинским заветам, неутомимо воспитывала и воспитывает Советскую Армию в духе социалистического патриотизма и интернационализма, включающего в себя пролетарскую солидарность с рабочим классом, трудящимися всех стран.

Вступив на территорию Германии, советские воины великолепно выдержали очень трудный экзамен, показав политическую зрелость и житейскую мудрость, хладнокровие, выдержку и дисциплинированность, нравственную стойкость и высокое моральное благородство.

Военные советы фронта и армий, командиры всех степеней, политорганы, партийные и комсомольские организации объединенными усилиями поддерживали высокое политико-моральное состояние и боеготовность войск, железную дисциплину, организованность и порядок в подразделениях,

добиваясь правильного взаимоотношения воинов с местным населением, образцового выполнения боевых заданий командования и интернациональных освободительных задач.

Военные советы в содружестве с антифашистскими демократическими силами Германии решали все коренные вопросы по налаживанию на территории страны нормальной экономической, политической и культурной жизни, по ликвидации всех источников агрессии германского империализма.

Героический подвиг советского народа и его Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне, наши славные победы в ратных сражениях и в идеологической борьбе с темными силами фашизма по достоинству оценены рабочими, крестьянами и всеми трудящимися Германской Демократической Республики, всем прогрессивным человечеством.

Наступление продолжается

Висло-Одерская операция, осуществленная войсками 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов, завершилась сокрушительным разгромом крупной группировки немецко-фашистских войск, захватом на западном берегу Одера важных плацдармов и выходом советских войск на ближние подступы к Берлину. Нашему боевому успеху, несомненно, способствовало наступление левофлангового соседа — 4-го Украинского фронта в Карпатах, а также активные наступательные действия 2-го Белорусского фронта в Восточной Пруссии.

Гигантское наступление советских войск на широком фронте вызвало серьезную тревогу в рядах вермахта, опрокинуло все планы и расчеты немецко-фашистского командования. Бывший командующий 5-й немецкой танковой армией генерал Хассо фон Мантейфель, являвшийся одним из организаторов немецкого удара по англоамериканским войскам в Арденнах, в книге "Роковые решения" писал: "12–13 января русские предприняли свое большое наступление с баранувского плацдарма (т. е. с сандомирского, как мы его называли" — К. К.). Влияние его немедленно сказалось на Западном фронте. Мы уже давно с тревогой ожидали переброски своих войск на Восток, и теперь она производилась с предельной быстротой…

Стремительное продвижение Красной Армии свело на нет последствия передышки, достигнутой Арденнским наступлением, и сделало неизбежным быстрое окончание войны. Поэтому выигрыш времени на Западном фронте оказался обманчивым.

Провал наступления отразился на моральном состоянии, а следовательно, и на поведении как армии, так и гражданского населения"{90}.

Наши сокрушительные удары, глубокий прорыв советских войск и форсирование ими с ходу такой крупной водной преграды, как Одер, подорвали дух гитлеровских вояк и убедили многих немцев в том, что нацистская Германия проиграла войну.

Немецко-фашистское командование с лихорадочной поспешностью латало прорехи в своей обороне, искромсанной нашими мощными ударами. Мы пристально следили за тем, где находятся резервы противника, какие силы сосредоточивает он и что замышляет. Разведывательные данные, показания военнопленных, а также сведения, почерпнутые из других источников, свидетельствовали о том, что гитлеровцы подтягивают к одерскому водному рубежу свежие резервы, из остатков разгромленных дивизий комплектуют сводные боевые группы, спешно формируют новые отряды фольксштурма. Имелись данные о том, что с Западного фронта в полосу наших действий перебрасываются 21-я танковая и 18-я моторизованная дивизии противника, а также другие соединения,

— Немецкие солдаты очень боятся прихода русских в Германию, — показал военнопленный из 23-го запасного автобатальона. — Нацистская пропаганда кричит, что всех немцев, попавших в русский плен, расстреливают, а те, кто останутся в живых, будут гнить на каторге в Сибири и никогда не вернутся к своей семье.

О диких вымыслах, печатавшихся в фашистских газетах и распространяемых нацистскими пропагандистами, нам рассказывали тысячи пленных. Обер-фельдфебель из боевой группы «Закс» показал:

— Мы очутились между двух огней: и попадать в русский плен страшно, и не выполнять солдатский долг перед фатерляндом нельзя, иначе нас расстреляют свои.

О новых веяниях в нацистской пропаганде сообщил в своих показаниях военнопленный, бывший солдат 6-й пехотной дивизии:

— Сейчас везде и всюду идет трескотня о скором изменении положения и выигрыше войны Германией. Офицеры, радио, газеты изо дня в день твердят о том, что нужно биться до последнего солдата, любой ценой задержать продвижение русских, ибо скоро будет готово "новое оружие", сформированы новые армии и положение на фронтах изменится в пользу Германии. Начальство все чаще говорит о возможности заключения соглашения Германии с Англией и Америкой, что обеспечит победу над Красной Россией.

— Немецкий солдат борется, потому что у него нет другого выхода, пессимистически заявил военнопленный о настроениях

гитлеровских вояк{91}.

Так или иначе думали остальные солдаты — можно было лишь предполагать. А пока нам противостояла организованная, дисциплинированная, технически оснащенная боевая сила. С этим мы не могли не считаться. Крупнейшие боевые успехи Красной Армии не порождали в наших рядах самоуспокоенности. Военные советы, командиры и политорганы широко пропагандировали требование партии о том, что, чем ближе наша победа, тем выше должна быть бдительность, тем сильнее должны быть наши удары по врагу. Мы располагали данными, что немецко-фашистское командование намеревалось стабилизировать линию фронта по Одеру, Бои на плацдармах севернее и южнее Бреслау все более ожесточались. Но за судьбу плацдармов мы были относительно спокойны, потому что героическая стойкость советских воинов солидно и надежно подкреплялась материальной силой. На западном берегу Одера находились не только стрелковые подразделения, но и танковые, артиллерийские, инженерные. Действия наземных войск непрерывно и порой в сложных погодных условиях поддерживала наша авиация. Истребители постоянно несли боевое дежурство, прикрывая районы переправ, вступая в поединки с бомбардировщиками противника.

Прочно удерживая захваченные плацдармы и методически расширяя их, войска фронта готовились к новому наступлению. Скрытно, соблюдая требования оперативной маскировки, части и соединения по ночам совершали многокилометровые марши, направляясь к месту нового сосредоточения. Некоторые соединения 3-й гвардейской танковой армии, действовавшие в районе Рыбника, перебрасывались на правое крыло фронта. Им пришлось пройти за три ночи более трехсот километров.

Очередная операция готовилась в очень сжатые сроки. Важно было без особой оперативной паузы начать новое наступление, чтобы не дать гитлеровцам возможности оправиться от прежних ударов. К 6 февраля 1945 года за Одером, на плацдарме северо-западнее Бреслау, сосредоточились 3-я гвардейская, 13-я, 52-я и 6-я общевойсковые, 3-я гвардейская и 4-я танковые армии, 25-й танковый и 7-й гвардейский механизированный корпуса. Юго-восточнее Бреслау на плацдарме за Одером изготовились для наступления 5-я гвардейская и 21-я армии, 4-й гвардейский и 31-й танковые корпуса. На этих двух плацдармах сосредоточилась главная ударная группировка фронта, насчитывавшая шесть общевойсковых и две танковые армии, два отдельных танковых корпуса и другие соединения, в том числе артиллерийские дивизии прорыва. На левом фланге фронта продолжала вести

боевые действия сложившаяся ранее группировка в составе 59-й и 60-й общевойсковых армий и 1-го гвардейского кавалерийского корпуса.

Перед началом операции Военный совет фронта заслушал сообщения начальника тыла генерала Н. П. Анисимова, командующего бронетанковыми и механизированными войсками генерала Н. А. Новикова, исполнявшего обязанности командующего артиллерией фронта генерала Н. Н. Семенова, начальника инженерных войск генерала И. П. Галицкого, начальника политуправления генерала Ф. В. Яшечкина и начальника оперативного управления штаба фронта генерала В. И. Костылева о степени готовности войск к наступлению. Речь прежде всего шла о том, как преодолеть трудности со снабжением войск, вызванные большой растянутостью наших коммуникаций.

Было ясно, что наступление откладывать нельзя. Мы не можем позволить врагу укрепиться на одерском рубеже, оборудованном долговременными железобетонными сооружениями. Из-за ограниченного запаса снарядов и мин командующий фронтом решил сократить артиллерийскую подготовку до пятидесяти минут. Благодаря быстрому сосредоточению на плацдарме двух танковых армий нам удалось северо-западнее Бреслау обеспечить себе перевес в силах. Соотношение было таким: по танкам — 5,7:1, по артиллерии — 6,6:1, по пехоте — 2,3:1. Военный совет принял меры для ускоренного ввода в строй поврежденных в бою и неисправных танков, находившихся в текущем и среднем ремонте. А их насчитывалось более пятисот. Мы вынуждены были использовать транспортную авиацию для бесперебойного снабжения танковых соединений, когда они станут действовать в отрыве от общевойсковых армий.

Деятельность Военного совета фронта в период операции носила напряженный и оперативный характер и всецело была подчинена делу разгрома противника. Центральный Комитет партии, Советское правительство, Государственный Комитет Обороны и Ставка постоянно направляли нашу работу, контролировали и проверяли ее, давали своевременные советы и указания. Так было в течение всей войны и, в частности, на завершающем ее этапе, когда наши войска вели боевые действия за рубежами родной земли. Обстановка в Польше, Чехословакии и Германии отличалась многими особенностями. Центральный Комитет партии и ГКО своевременно предупреждали нас о них, мы получали на этот счет исчерпывающие разъяснения, научно обоснованные рекомендации.

В сложных вопросах политики и военного дела партия учила

нас на положительном опыте, предостерегала от возможных ошибок. Военные советы фронта и армий извлекли, например, полезный урок из директивных указаний Ставки по итогам Керченской операции. В документе говорилось: "Тт. Козлов и Мехлис считали, что главная их задача состояла в отдаче приказа и что изданием приказа заканчиваются их обязанности по руководству войсками. Они не поняли того, что издание приказа является только началом работы и что главная задача командования состоит в обеспечении выполнения приказа, в доведении приказа до войск, в организации помощи войскам по выполнению приказа командования… В критические дни операции командование Крымского фронта и т. Мехлис, вместо личного воздействия на ход операции, проводили время на многочасовых бесплодных заседаниях Военного совета…"{92}

Эти указания, относящиеся к маю 1942 года, мы хорошо помнили на протяжении всей войны и не занимались многочасовыми заседаниями, не отрывали в период боев руководящих работников вызовами во фронт, а сами шли в войска, оказывая на местах помощь в выполнении приказа, в достижении победы.

Если же мы и собирались время от времени, то непременно в конце дня или даже ночью. Накоротке, без длинных речей решали насущные вопросы боевой деятельности и материально-технического обеспечения войск, организации питания воинов и многое другое.

Готовя новое наступление, Военный совет фронта самокритично проанализировал боевой опыт Висло-Одерской операции. Мы особенно не восторгались победой, хотя она была внушительной, а старались сосредоточить внимание на том, как лучше организовать и осуществить очередной мощный удар по врагу. Так были настроены командармы, члены военных советов армий, все командиры и политорганы. Главное — как можно скорее добить гитлеровцев.

За годы войны мы многому научились, приобрели большой боевой опыт. Но, чего греха таить, ошибки случались порой и в 1945 году. Будучи на плацдарме южнее Бреслау, я остановился в одном из соединений 5-й гвардейской армии и решил навестить командира дивизии. Его я нашел в роскошном доме бежавшего фабриканта. Пол был устлан коврами, на стенах развешаны картины в золоченых рамах, а сам комдив сидел за столом с бронзовыми ножками, отделанным вычурными инкрустациями.

— Шикарно устроились, — усмехнулся я, оглядев зал. — А где штаб и политотдел?

— Они пока за рекой, а здесь мой наблюдательный пункт, —

ответил командир дивизии.

— Должно быть, отсюда хорошо просматриваются боевые порядки? — высказал я предположение и подошел к окну, но увидел лишь несколько обозных лошадей, бугор да дымок походной кухни.

— Это, извините, банкетный зал, а не наблюдательный пункт, — заметил я, показав на расставленные в буфете хрустальные фужеры.

Командир дивизии смутился и принялся заверять меня, что он великолепно знает обстановку и с помощью карты, на которую нанесены последние данные, ставит частям боевые задачи. Я согласился, что картой пренебрегать не следует, но, когда захвачен лишь незначительный заречный пятачок и ведутся позиционные боевые действия за малые и безымянные высотки, лощинки и бугорки, одной картой не отделаешься. В этом случае полезно иметь наблюдательный пункт на главном направлении, чтобы своими глазами видеть поле боя, лично влиять на ход и исход боевых действий по расширению плацдарма. В заключение я заметил, что командиру дивизии вовсе не обязательно все время сидеть, как кроту, в землянке или блиндаже. Когда позволяет обстановка, он может и в хорошем помещении отоспаться после бессонных боевых ночей. Но наблюдательный пункт всегда должен отвечать определенным требованиям и своему назначению.

Когда я рассказал И. С. Коневу об этом необычном и неудачном НП, он озабоченно заметил, что подобные факты, к сожалению, не единичны.

— Выбор НП — это своего рода искусство, — сказал Иван Степанович и, развивая эту мысль, добавил, что дело вовсе не в безрассудном выдвижении вперед, а в том, чтобы находиться ближе к войскам и постоянно влиять на ход боя. Правильный выбор НП во многом означает и правильный выбор места командира в бою. — Следовательно, — заключил Иван Степанович, — выбор НП относится не только к области военного искусства, он является и средством воспитательным, важной формой влияния командира на подчиненных в бою. Не так ли, Константин Васильевич?

— Да, конечно, — согласился я.

И. С. Конев требовал, чтобы командиры всех степеней и командующие армиями максимально приближались к войскам и руководили ими бесперебойно и разумно. Но, поскольку в этом деле обнаружились отдельные недостатки, Военный совет фронта 5 февраля 1945 года издал следующую директиву: "Установлено, что в ряде общевойсковых армий, в полках, дивизиях, корпусах

ослаблено личное руководство боем комполков, комдивов, комкоров.

Некоторые командиры полков, командиры дивизий руководят боем из подвалов и хат, не имея своего НП и не видя поля боя.

Такие начальники не понимают обстановки, живут вчерашним днем, представлением о противнике, когда его преследовали по всему фронту.

Сейчас обстановка изменилась. Противник усилил сопротивление по всему фронту, что требует четкой организации боя, четкого знания обстановки и твердого управления войсками, особенно артиллерией и танковыми частями.

Приказываю:

1. Установить порядок, что комполка, комдив, комкор в течение дня руководят боем с НП, откуда видят поле боя, свои войска и группировку противника.

На наблюдательном пункте командиру рядом с собой иметь, оперативную группу штаба, начальника артиллерии, начальника связи полка, дивизии, корпуса, разведчика, группу офицеров или сержантов в качестве делегатов, ординарцев и обязательно иметь прямую связь с НП подчиненных командиров.

Руководство наступательным боем из хат пресекать строгими мерами.

2. Командармам в наступательной операции, в обороне иметь свои НП на главном направлении армии.

На НП командарма иметь оперативную группу штаба армии, начальника связи, командующего артиллерией со своим оперативным штабом, поддерживающего авиационного командира со средствами управления, командующего БТ и МВ армии, инженера армии, группу офицеров связи. К исходу дня командарм возвращается в штаб, подводит итоги боя, дает приказы и распоряжения по организации боя на следующий день и докладывает план боя мне.

3. Такой порядок управления боем установить во всех частях и соединениях фронта.

4. О выполнении приказа донести.

Конев, Крайнюков, Соколовский"{93}.

Генерал Ф. В. Яшечкин доложил Военному совету, что недостатки, отмеченные в директиве, имеют место и среди политработников. Мне было известно, что некоторые начальники политорганов реже стали бывать в войсках, ведущих бой, а кое-кто начал проявлять повышенное внимание к тылам, даже когда это не диктовалось интересами боевого обеспечения. Таких руководителей мы, разумеется, крепко поправляли и требовали, чтобы политорганы основное внимание уделяли действующим

войскам, обеспечению разгрома противника.

Конечно, начальник политоргана должен интересоваться и работой тыла, материальным обеспечением войск, организацией питания воинов. С него и за это спрашивают, подчас очень строго. Но когда, к примеру, началось наступление и части прорывают оборону врага, когда войска форсируют реку и развертывают напряженные бои на плацдарме, политработники должны быть там, где возникают серьезные трудности, где решается судьба боя.

Именно так поступал начальник политотдела 21-й армии полковник А. А. Быстрое. В этом я убедился, когда войска вели тяжелые бои на Одере. Он сосредоточил основные силы своего аппарата на плацдарме и переправах, оперативно влиял на ход боевых действий политическими средствами и в решающий момент удачно использовал резерв политработников.

Я приехал в 21-ю армию в первых числах февраля 1945 года, когда ей вместе с приданным 31-м танковым корпусом была поставлена задача наступать в обход Брига и соединиться с 5-й гвардейской армией и 4-м гвардейским танковым корпусом. Окружение и уничтожение вражеского гарнизона в городе-крепости Бриг должно было предшествовать Нижне-Силезской наступательной операции войск 1-го Украинского фронта.

На НП командующего 21-й армией я прибыл как раз в тот момент, когда генерал-полковник Д. Н. Гусев спокойно, но требовательно говорил по телефону с командиром стрелковой дивизии:

— Почему вы топчетесь на месте? Чем вы это объясняете? У вас есть и танки, и артиллерия, и другая боевая техника. Какие у вас перспективы?

Судя по всему, комдив ответил командарму, что противник на его участке оказался очень сильным.

— А вы надеетесь, что он станет слабее? — продолжал Д. Н. Гусев. Завтра противник получит подкрепление и станет еще сильнее. При таких пассивных действиях мы никогда не прорвем оборону. Надо сконцентрировать ударный кулак, скрытно сманеврировать силами, хорошо организовать взаимодействие пехоты, танков, артиллерии.

Командарм спокойно и последовательно разобрал допущенные командиром дивизии промахи и недостатки в управлении боем.

— Почему вы дали противнику возможность вклиниться в ваши боевые порядки и почему контратака не увенчалась успехом? — спросил Д. Н. Гусев и тут же пояснил: — Да потому, что вы потеряли чувство времени, дали возможность противнику перехватить у вас боевую инициативу, ждали указаний от

комкора и командарма. Контратаку нужно быстро организовать. Она должна быть поддержана огнем артиллерии и даже танками, которые у вас есть. Когда все подготовлено, а боевые действия пехоты, танков и артиллерии согласованы по времени и месту, тогда и успеха непременно добьетесь, и потерь будет меньше. Недаром взаимодействие именуют матерью победы!

Я не буду пересказывать всего разговора, но он был предметным и поучительным для командира дивизии.

— Не подумайте, что, это плохой и беспомощный командир, — пояснил член Военного совета армии полковник Е. Е. Мальцев. — Просто комдив не все продумал, не проявил самостоятельности, командирской смелости, хотя лично отважен.

На войне такие командиры порой встречались. Они были безусловно преданными, лично храбрыми и умели до конца выполнять боевой приказ своего начальника. Но как только изменялась обстановка и требовалось сразу взять на себя ответственность, принять в сложившейся ситуации важное решение, такой командир начинал медлить и просить указаний свыше. Личного мужества в бою у него было более чем достаточно, а вот смелости для принятия ответственного решения явно не хватало. Однако подавляющее большинство наших командиров обладали творческой жилкой и несомненным талантом, инициативой, умели проанализировать сложившуюся боевую обстановку и самостоятельно принять ответственное и верное решение.

Эти вопросы всегда были важнейшими в работе с командными кадрами. В завязавшейся беседе генерал-полковник Д. Н. Гусев выразил сожаление, что встречаются иногда командиры, которые недостаток опыта и знаний восполняют грозными окриками: "Занять во что бы то ни стало высоту!", "Любой ценой овладеть населенным пунктом!" И никогда не посоветуют подчиненным, как лучше овладеть населенным пунктом, какую тактику применить в том или ином случае, как организовать взаимодействие в бою.

Дмитрий Николаевич вспомнил, что однажды он прибыл на НП стрелкового полка и услышал, как командир надорванным голосом кричал по телефону: "Мне не восточные скаты нужны, на которых вы пузо полируете, а вся высота. Даю полчаса сроку. Взять высоту любой ценой!"

И конечно, не взяли. Я, продолжал Гусев, поинтересовался, сколько времени они возились с высотой. Оказалось, целый день штурмовали — и безрезультатно. А ночью пробовали? Нет, не пробовали. Посоветовал попытать счастья в ночных условиях. Подготовили роту, имевшую опыт ночных боевых действий,

потренировали личный состав. В итоге рота без потерь, если не считать двух оставшихся в строю раненых, внезапной, дружной и слаженной атакой заняла важную высоту.

Этой маленькой победой полк потом гордился. О подвиге участников ночного штурма высоты, их воинской дерзости и ратном умении ходили легенды. Люди почувствовали в себе силу и уверенность, огромную тягу к боевой подготовке.

— Умение драться, — заключил Дмитрий Николаевич, — очень положительно влияет на моральный дух воинов, придает мужество и стойкость в бою.

Какие же факторы влияют на моральное состояние войск? Во-первых, справедливые цели войны и дело, за которое солдат сражается; во-вторых, обеспечены ли войска всем необходимым для ведения боя; в-третьих, умеет ли солдат воевать по-современному, овладел ли он оружием и техникой, всеми формами современного боя и т. д.

Это было в центре внимания командиров и политорганов. Они делали все зависящее от них, чтобы укрепить моральную стойкость воинов, чтобы их наступательный порыв все время нарастал.

Должен заметить, что наши командармы генералы В. Н. Гордов, В. А. Глуздовский, Д. Н. Гусев, А. С. Жадов, С. А. Красовский, К. А. Коротеев, П. А. Курочкин, Д. Д. Лелюшенко, А. А. Лучинский, П. С. Рыбалко по праву считались не только крупными военачальниками, признанными мастерами вождения войск, но и искусными учителями и воспитателями воинов. Они были хорошо эрудированы и в вопросах партийно-политической работы. Не только наши командармы, но и командиры всех степеней, вплоть до взводного, прекрасно понимали огромную значимость и решающую роль партийно-политической работы для достижения победы над врагом и по мере своих сил, опыта и умения активно участвовали в ней, тем самым повышая ее действенность.

Бои за город-крепость Бриг носили тактический, местный характер, хотя и потребовали целого комплекса мероприятий, в том числе и активизации пропаганды, нацеленной на осажденный гарнизон. Мы хорошо знали, что бои будут упорными. Разведотдел штаба 21-й армии изъял у одного из пленных солдат воззвание гитлеровского коменданта города Бриг. В нем, в частности, говорилось: "Мы окружены со всех сторон. Имеется лишь единственный путь: как честные и порядочные солдаты, мы должны драться до последнего патрона и удерживать Бриг. В противном случае у нас незавидная судьба — русские бестии нас или убьют, или отправят, как рабов, в Сибирь.

Подумайте о наших женах и детях.

Солдаты и фольксштурмовцы! Я знаю, что для нас есть лишь единственный путь — сражаться до последней капли крови. В самое ближайшее время к нам на помощь подойдут сильные немецкие части, которые нас освободят.

Я ожидаю от каждого солдата честного выполнения своего долга. Тот, кто струсит и покинет свое место, должен быть расстрелян своим командиром или товарищами.

Не слушайте тех, кто распространяет слухи и вводит вас в заблуждение.

Я прочно удерживаю Бриг. В крепости Бриг нет приказа на отход. Есть лишь приказ, который гласит: каждый удерживает позицию до последнего.

Комендант Брига полковник (подпись неразборчива)"{94}.

Во избежание напрасного кровопролития отделение поарма и старшие инструкторы подивов по работе среди войск противника провели с переднего края много передач с использованием громкоговорящих установок. В осажденный город непрерывно забрасывались листовки.

Артиллерийские и авиационные удары по Бригу были завершены ультиматумом советского командования. Все это в совокупности способствовало достижению победы. Окруженный нашими войсками гарнизон сложил оружие. В плен сдались 2117 немецких солдат, а с ними 25 офицеров. Потом сами пленные признавали, что выбрать мирный путь и сдаться в плен помогли наш мощный удар и листовки.

6 февраля 1945 года наши части овладели городом-крепостью Бриг, а 8 февраля утром после непродолжительной, но эффективной артиллерийской подготовки перешли в наступление советские войска, расположенные на плацдармах южнее и севернее Бреслау. Почти без паузы началась Нижне-Силезская наступательная операция, явившаяся как бы продолжением Висло-Одерской. Некоторые наши части не имели ни дня передышки как после длительных маршей, так и в ходе непрерывной борьбы с контратакующим врагом.

Затемно, в 6 часов утра, 8 февраля 1945 года войска 1-го Украинского фронта возобновили наступательные действия. Они велись с двух основных плацдармов на Одере. Вновь пришлось прорывать сильно укрепленную долговременную оборону гитлеровцев на западном берегу реки. Кроме воинского умения нужны были смелые и решительные действия. Как всегда, пример показывали коммунисты.

Начальник политотдела 6-й армии генерал-майор Х. С. Надоршин докладывал о подвиге 45-летнего парторга стрелковой

роты старшины Исмали Байрамова, прибывшего на 1-й Украинский фронт в качестве добровольца из колхоза имени Третьей пятилетки, Южно-Осетинского сельсовета Новоселицкого района Ставропольского края.

После того как советская артиллерия перенесла огонь в глубину, парторг роты Байрамов по сигналу командира первым поднялся в атаку. С возгласом "За нашу Советскую Родину!" он увлек за собой всех воинов подразделения.

На бегу стреляя по врагам из автомата и бросая в неприятельские окопы гранаты, старшина И. Х. Байрамов перепрыгнул через искромсанную нашими снарядами первую вражескую траншею, затем через вторую и, не задерживаясь, стал углубляться все дальше и дальше. Он прекрасно понимал, что уничтожение уцелевших гитлеровцев довершат другие подразделения.

— Не отставайте, — подбадривал Байрамов молодых солдат. — Бегом, ура!

Стрелковая рота, увлекаемая парторгом, в результате дерзкого броска первой вышла на огневые позиции вражеской батареи, перебила и рассеяла всю прислугу и захватила три исправных крупнокалиберных миномета.

В ходе дальнейшего наступления рота встретилась с контратакующей группой гитлеровцев. В рядах наступающих произошла короткая заминка. И снова парторг Исмали Байрамов поднял бойцов на врага.

— Нам ли бояться фашистов?! — крикнул он. — Пусть враги трепещут. Мы сами нагоним на них страх и ужас. За мной, ура!

И бойцы, воодушевленные парторгом, почувствовали себя увереннее. С дружным «ура» они решительно пошли на сближение с контратакующими гитлеровцами, готовые к рукопашной схватке с врагом. Фашисты не выдержали и повернули назад.

О дальнейшей судьбе парторга я узнал следующее. В одном из тяжелых боев Исмали Байрамов лично уничтожил вражеский пулемет, но был отрезан большой группой гитлеровцев и подорвал себя и окруживших его врагов противотанковой гранатой. Бойцы отомстили фашистам за смерть партийного вожака. Парторгу роты 243-го стрелкового Волжского полка 181-й стрелковой дивизии старшине Байрамову Исмали Халиловичу было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Героем фронта стал младший сержант Василий Федотович Яковец из 1194-го стрелкового полка 359-й стрелковой дивизии. Он отличился в Висло-Одерской операции и был награжден орденом Славы III степени. Воин-патриот заверил командование,

что на награду Родины ответит новыми боевыми делами.

8 февраля 1945 года, когда началась артиллерийская подготовка, младший сержант Яковец ползком по-пластунски добрался до боевого охранения противника и забросал его гранатами. Воспользовавшись возникшей паникой, он грозным окриком заставил уцелевших фашистов сложить оружие. В группе пленных, которых Яковец привел на КП, оказался офицер. Он сообщил о хитро замаскированных и скрытых огневых точках врага. До начала наступления наша артиллерия подавила их.

На второй день боев младший сержант Яковец ворвался со своим отделением в расположение противника и в ближнем бою автоматным огнем и гранатами уничтожил 38 гитлеровцев. 22 вражеских солдата наши бойцы взяли в плен.

Отличился В. Ф. Яковец и при форсировании реки. С группой смельчаков он скрытно переправился вброд на противоположный берег и внезапной атакой вызвал панику среди гитлеровцев. Это позволило подразделению быстро и без потерь форсировать водную преграду и ворваться в населенный пункт.

Героически и с полным напряжением сил сражался младший сержант Василий Федотович Яковец во время Нижне-Силезской операции. В боях он был ранен, но остался в строю. За мужество и мастерство его наградили орденом Славы II степени, а затем он был удостоен звания Героя Советского Союза.

Перед такими отважными и самоотверженными воинами, как парторг старшина И. Х. Байрамов и младший сержант В. Ф. Яковец, не могли устоять никакие укрепления врага.

В начале февраля 1945 года столица нашей Родины Москва чуть ли не каждый день салютовала в честь славных побед Красной Армии. Войска 1-го Украинского фронта, продолжая наступление, прорвали сильно укрепленную долговременную оборону противника юго-восточнее Бреслау (Вроцлав) и за три дня боев продвинулись вперед на 20 километров, расширив плацдарм до 80 километров по фронту. В ходе наступления наши войска овладели городами Олау, Бриг, Томаскирх, Гротткау, Левей и Шургаст.

А затем Отчизну порадовали войска, наступавшие северо-западнее Бреслау. За четыре дня боев они продвинулись вперед до 60 километров, расширили прорыв до 160 километров и овладели городами Лигниц, Штейнау, Люббен, Гайнау, Ноймаркт и Кант.

Буквально на другой день, 12 февраля 1945 года, Москва вновь салютовала войскам 1-го Украинского фронта, овладевшим городом Бунцлау — важным узлом коммуникаций и сильным опорным пунктом обороны противника на реке Бобер.

Развивая наступление, войска 4-й танковой армии генерала Д. Д. Лелюшенко с ходу форсировали реку Бобер. Захватив севернее Загана важную переправу, они главными силами вышли на реку Квейс.

Эти успехи нас радовали, но беспокоило вынужденное бездействие авиации. Сильные январские метели внезапно сменились февральской оттепелью. Все грунтовые аэродромы раскисли, и наши самолеты подняться с них не могли. А вражеская авиация, базировавшаяся на стационарных аэродромах, усилила свою активность, бомбила не только наши войска, но и переправы, мосты, дороги.

Командующий 2-й воздушной армией генерал С. А. Красовский, его заместитель по политчасти генерал С. Н. Ромазанов и начальник тыла генерал В. И. Рябцев доложили Военному совету фронта свои соображения о скоростном строительстве двух аэродромов с металлическими полосами, а также о подготовке взлетно-посадочных полос из шлака. Объем работ был велик. К тому же требовалось отремонтировать аэродромные строения, разрушенные отступающими гитлеровцами, поврежденные летные поля, самолетные стоянки, подъездные пути.

Инженерно-аэродромные батальоны 2-й воздушной армии не могли быстро справиться с работами такого большого масштаба. На широкую помощь местного населения тоже трудно было рассчитывать, поскольку гитлеровцы угоняли с собой почти всех трудоспособных. Где же найти выход?

Я предложил генералу Ромазанову связаться с генералом Фоминым, ведавшим вопросами репатриации, и привлечь к строительству аэродромов советских граждан, освобожденных нашими войсками из фашистской неволи. И они, надо отметить, оказали авиаторам очень большую помощь.

Вскоре С. А. Красовский пришел к командующему фронтом с новым предложением: использовать для базирования самолетов бетонную автостраду Берлин — Бреслау. Когда я вошел в кабинет Конева, командарм доказывал, что бетонная автострада — это почти готовые и дешевые аэродромы. Но Конев был иного мнения.

— Наш уважаемый Степан Акимович, — сказал Конев, — возымел желание парализовать важнейшую коммуникацию фронта и закрыть движение по автостраде.

Однако Красовский продолжал упорно отстаивать свое предложение и разъяснял, что намечено использовать лишь небольшие участки автострады. Причем в этих местах придется сделать съезды и объезды. Тогда движение по магистрали не

будет парализовано. Командующий и Военный совет фронта согласились с этим предложением.

Первым совершил посадку на автостраду командир 9-й гвардейской истребительной авиадивизии трижды Герой Советского Союза А. И. Покрышкин. Его примеру последовали подчиненные. На автостраду перебазировалась и 22-я гвардейская истребительная авиадивизия во главе с полковником Л. И. Гореглядом. В итоге принятых мер наша авиация смогла резко активизировать свои боевые действия.

Вместе с летчиками-однополчанами надежно прикрывал переправу через реку Бобер член партийного бюро 482-го истребительного авиаполка штурман эскадрильи П. А. Сомов. На подступах к реке звено истребителей, возглавляемое командиром полка майором Диденко, вступило в неравный бой с 16 «фокке-вульфами». Старший лейтенант Петр Сомов самоотверженно защищал и оберегал в бою командира полка. Он сбил фашистского «фоккера» как раз в тот критический момент, когда вражеский летчик ринулся в атаку на ведущего группы. Старший лейтенант П. А. Сомов, ставший надежным щитом командира, помог майору Диденко эффективно завершить атаки и сбить два неприятельских самолета. Рассеяв и частично истребив первую вражескую группу, четверка отважных затем вступила в поединок с 12 «фокке-вульфами» и также обратила их в бегство.

За время Висло-Одерской и Нижне-Силезской операций коммунист старший лейтенант Петр Арсентьевич Сомов совершил в сложных метеорологических условиях более 30 вылетов и сбил 10 фашистских стервятников. Всего на его боевом счету в начале 1945 года числилось 17 сбитых самолетов. Летчик-коммунист стал Героем Советского Союза.

Командующий 2-й воздушной армией генерал С. А. Красовский, его заместитель по политчасти генерал С Н. Ромазанов, начальник политотдела генерал А. И. Асауленко лично занимались пропагандой героических подвигов, знали каждого героя. Руководя боевыми действиями летчиков, командарм по радио оповещал авиаторов о совершенных подвигах, порой в ходе боя награждал отличившихся, призывая всех равняться на них.

В канун Нижне-Силезской наступательной операции политотдел 2-й воздушной армии выпустил листовку, посвященную славным делам Героя Советского Союза гвардии капитана Павла Артемьевича Плотникова. Он отлично летал как днем, так и ночью, в сложных метеорологических условиях. Коммунист Плотников был участником многих героических вылетов. При выполнении боевых заданий он сполна использовал

не только мощь бомбовых ударов, но и силу бортового оружия пикирующего бомбардировщика. Воспитанник прославленного аса генерала И. С. Полбина, гвардии капитан Плотников неоднократно летал с ним вместе на боевые задания. Однажды девятка наших пикировщиков разгромила скопление железнодорожных эшелонов с немецкими войсками и техникой. На обратном маршруте она встретилась с большой группой неприятельских самолетов Ю-87 и Ме-109 Экипажи Пе-2 впервые в истории авиации взяли на себя необычную роль истребителей. Дерзко атаковав численно превосходящего врага, они начали в упор расстреливать вражеские самолеты. Это ошеломило фашистов, и они стали беспорядочно бросать бомбы на свой же аэродром. Девятка пикировщиков Полбина сбила тогда семь самолетов противника. Коммунист Плотников лично уничтожил один «юнкере».

В разгар Нижне-Силезской наступательной операции 1-го Украинского фронта эскадрилья гвардии капитана Плотникова нанесла удар по Бреслау. Пикировщики совершили 8 заходов на цель и прямыми попаданиями уничтожили 13 автомашин, 20 зданий, превращенных в опорные пункты, и другие важные объекты. Коммунист Плотников взял на себя наиболее опасную задачу штурмовыми и бомбовыми ударами подавлял сильный огонь зенитной артиллерии противника, обеспечив тем самым успешные действия остальных экипажей.

Участвуя затем в массированном налете на аэродром противника, эскадрилья Плотникова в сложных метеорологических условиях и при сильном зенитном огне сумела точно выйти на цель. Прямыми попаданиями бомб она уничтожила 21 вражеский самолет и взорвала склад ГСМ.

Результаты всех бомбовых ударов гвардии капитана П. А. Плотникова были зафиксированы экипажем на фотопленку.

Отважный летчик совершил 305 боевых вылетов, произвел 168 метких бомбометаний с пикирования. Командование 2-й воздушной армии представило командира эскадрильи 81-го гвардейского бомбардировочного авиаполка гвардии капитана Плотникова Павла Артемьевича к высшей награде — он был вторично удостоен медали "Золотая Звезда" Героя Советского Союза.

Наградной лист, поступивший в Военный совет фронта, напомнил мне о героических событиях начального периода Великой Отечественной войны, когда Павел Плотников воевал на Южном фронте. Его часть входила тогда в состав ВВС 9-й армии, где я был членом Военного совета.

Осенью 1941 года, когда фашистская танковая армия

генерала Клейста рвалась к Ростову-на-Дону, экипажу Плотникова было поручено важное задание. Обнаружив колонну вражеских танков и автомашин, продвигавшихся на Мариуполь, советские авиаторы точными бомбовыми ударами уничтожили десять танков и восемь автомашин с пехотой.

В неравном, трудном поединке с истребителями противника наш бомбардировщик был сначала подбит, а затем подожжен. Но летчик-коммунист не покинул горящую машину и до последней возможности боролся за спасение боевой техники и экипажа. Резкими маневрами он сумел сбить пламя с горевшей консоли и уйти от преследования неприятеля. Дотянув на одном моторе до своего аэродрома, Плотников искусно посадил бомбардировщик на одно колесо. Машина и героический экипаж были спасены.

Много славных подвигов совершил коммунист Плотников. Он прошел с боями всю Великую Отечественную войну, сражался на Южном, Воронежском, Степном, 1-м и 2-м Украинских фронтах.

Жаркие бои шли и в воздухе, и на земле. Окружив крепость Глогау (Глогув), войска 3-й гвардейской армии генерала В. Н. Гордова, не задерживаясь, продолжали развивать наступление на запад.

Остро и порой драматично развивалась борьба в районе Бреслау. Немецко-фашистское командование усиливало и без того крупный гарнизон города-крепости, направляя туда маршевые батальоны, формируя боевые группы и отряды фольксштурма. На это направление были дополнительно переброшены две танковые и одна пехотная дивизии врага.

Войска 6-й армии генерала В. А. Глуздовского, наступавшие непосредственно на Бреслау, подвергались сильным вражеским контратакам. Командующий фронтом И. С. Конев вынужден был перебросить сюда значительную часть наших сил и средств с других участков. Не скрою, что отчасти помимо нашей воли центр борьбы переместился в район Бреслау.

Отразив контратаки, 5-я гвардейская и 6-я армии, усиленные танковыми и механизированными корпусами, возобновили наступление и после встречных ударов по врагу соединились западнее Бреслау. Несколько десятков тысяч солдат и офицеров противника оказались в кольце. Об этом важном событии Военный совет и политическое управление фронта немедленно оповестили все наши войска.

Большую известность в войсках фронта получил освобожденный нами небольшой город Бунцлау (Болеславец). Здесь многое напоминало о героических традициях нашего народа, немеркнущей ратной славе русского оружия. На площади Бунцлау и поныне возвышается чудом уцелевший во время войны

обелиск, у подножия которого стоят четыре стерегущих льва. На плите высечены слова: "До сих мест довел князь Кутузов-Смоленский победоносные российские войска, но здесь положила смерть предел славным дням его. Он спас Отечество свое, он открыл путь к избавлению народов. Да будет благословенна память героя".

Под командованием выдающегося полководца М. И. Кутузова русский народ и его воины разгромили в 1812 году полчища Наполеона. Вышвырнув остатки французской грабь-армии из пределов России, они неотступно гнали врага на запад. Во время длительного и трудного похода фельдмаршал простудился и тяжело заболел.

16(28) апреля 1813 года фельдмаршал Михаил Илларионович Кутузов 68 лет от роду скончался в Бунцлау. Тело его бальзамировали и отправили в Петербург, а на небольшом холме, возле той самой дороги, по которой шла русская армия, воздвигли памятник великому русскому полководцу.

И вот более 130 лет спустя по той же исторической дороге шли советские войска — наследники и продолжатели ратной славы своих предков. Они гнали и беспощадно громили новоявленных нацистских претендентов на мировое господство, освобождая народы Европы от фашистского рабства.

Вооруженные Силы СССР впитали в себя все лучшее, что есть в народе. На становление наших боевых традиций решающее влияние оказал революционный героизм рабочего класса и его авангарда — Коммунистической партии. Безмерно дорожа настоящим, мы воздаем должное ратным подвигам патриотов минувших поколений, высоко чтим наших мужественных предков — Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьму Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова.

Сила традиций огромна! Во время Великой Отечественной войны, как и в предвоенные годы, партия воспитывала у советских людей, у наших воинов благородное чувство животворного патриотизма, гордости за свою Родину, за свой народ, чувство уважения к легендарному прошлому родной страны.

Выполняя это важнейшее требование партии, Военный совет и политическое управление фронта приняли ряд мер по увековечению светлой памяти М. И. Кутузова. Приказ командующего фронтом от 7 марта 1945 года гласил: "Войсками фронта занят г. Бунцлау. До этого города великий русский полководец фельдмаршал Кутузов М. И. довел победоносные русские войска в Отечественную войну 1812–1813 гг.

28 апреля 1813 г. смерть оборвала победный путь Михаила

Илларионовича Кутузова в г. Бунцлау".

В ознаменование светлой памяти фельдмаршала Кутузова, выдающегося полководца земли русской, командующий фронтом Маршал Советского Союза И. С. Конев приказом по войскам обязал военного коменданта города Бунцлау (ныне Болеславца) учредить почетный караул у памятника фельдмаршалу М. И. Кутузову.

Всем войсковым частям фронта и отдельным военнослужащим при прохождении мимо памятника М. И. Кутузову надлежало отдавать воинские почести.

Военный совет фронта во главе с командующим И. С. Коневым посетил дом, где скончался великий русский полководец.

Одними из первых воздали воинские почести фельдмаршалу М. И. Кутузову командующий 3-й гвардейской танковой армией генерал П. С. Рыбалко, дважды Герой Советского Союза И. И. Якубовский, командиры бригад, участвовавших в освобождении Бунцлау, дважды Герои Советского Союза Д. А. Драгунский, З. К. Слюсаренко, В. С. Архипов, А. А. Головачев и многие другие.

Из 13-й армии в Бунцлау прибыла делегация в составе пятидесяти лучших воинов, героев боев во главе с начальником поарма генералом Н. Ф. Вороновым. Митинг завершился возложением венка к памятнику полководца и артиллерийским залпом дальнобойных орудий по врагу.

В доме, где скончался выдающийся военачальник земли российской, работники политуправления фронта оперативно развернули небольшую музейную экспозицию о полководческой деятельности М. И. Кутузова! В одной из комнат исторического здания были представлены фотографии, картины, документы и другие экспонаты, рассказывающие о том, как доблестная Красная Армия умножает героические традиции великого русского народа и громит гитлеровских захватчиков, спасая народы Европы от фашистского ига. Здесь имелись материалы о взятии нашими войсками Бунцлау и боях на реке Бобер, о подвиге наших воинов-разведчиков, спасших исторические памятники города от разрушения.

Впоследствии в музей был передан автомат Героя Советского Союза старшего сержанта Павла Зайцева. Освобождая польскую землю, отважный воин повторил легендарный подвиг Александра Матросова.

Здесь экспонировалась и фотография рядового Башкирцева, который в числе первых ворвался в Бунцлау (Болеславец) и возле обелиска М. И. Кутузова уничтожил более двадцати фашистов.

Дом-музей М. И. Кутузова, открытый сразу же после

освобождения нашими войсками Бунцлау, посещало много воинов. Только за время со 2 по 25 марта 1945 года там побывало более ста групп военнослужащих общей численностью около 10 500 солдат, сержантов, офицеров и генералов{95}. Мы просили Главное политическое управление узаконить существование в Бунцлау Дома-музея М. И. Кутузова на правах филиала Центрального музея Красной Армии, утвердить его штат и командировать нам для консультации двух научных работников.

Нас поддержали, оказали помощь. Дом-музей М. И. Кутузова пополнился новыми экспонатами. Воины с волнением читали приказ фельдмаршала М. И. Кутузова по войскам вверенной ему русской армии: "Заслужим благодарность иноземных народов и заставим Европу с удивлением воскликнуть: непобедимо воинство русское в боях и неподражаемо в великодушии и добродетелях мирных! Вот благородная цель, достойная воинов, будем же стремиться к ней, храбрые русские солдаты…"

Как злободневно и современно звучали эти слова в 1945 году, когда советские воины под руководством Коммунистической партии за рубежами нашей социалистической Родины с честью и славой выполняли свой интернациональный долг, громили фашистских тиранов и несли по Европе великое знамя свободы.

Вот первые записи в книге отзывов Дома-музея. "В 16 часов 20 минут 18 марта 1945 года, — писал гвардии полковник Пензин, — у памятника провели митинг по случаю награждения части орденом Кутузова. Бойцы отдали воинские почести полководцу".

Воины-комсомольцы 9-й гвардейской истребительной авиадивизии, посетившие музей, написали: "Образ великого полководца вдохновляет нас на еще большие подвиги".

Открытие в Бунцлау Дома-музея М. И. Кутузова способствовало развертыванию в войсках пропаганды героического прошлого нашей Родины, воспитанию воинов на боевых традициях Советских Вооруженных Сил. Нам, советским людям, очень хорошо известна сила традиций. Они не только история, не только священные реликвии прошлого, напоминающие воинам о чести и славе героического народа и патриотическом долге защитников Отчизны. Революционные, трудовые и боевые традиции Коммунистической партии, народов многонационального Советского Союза, Вооруженных Сил СССР, впитавшие в себя все передовое, прогрессивное из героического прошлого нашей Родины, являлись и ныне являются мощным средством формирования человека благородной и возвышенной коммунистической морали, советского патриота и интернационалиста.

Почти весь январь и февраль 1945 года войска 1-го Украинского фронта наступали в сложной, быстро меняющейся обстановке. Они с ходу форсировали реки, окружали и уничтожали большие и малые группировки противника, захватывали множество населенных пунктов. Блокировав крупные гарнизоны гитлеровцев в крепостях Бреслау (Вроцлав) и Глогау (Глогув), войска фронта к концу февраля прошли с боями до 500, а местами до 700 километров.

Боевые успехи свидетельствовали о зрелости командных и политических кадров, об их умении учитывать оперативную обстановку, тактически грамотно организовывать бой, продуманно строить партийно-политическую работу в войсках. Длительная война фундаментально обогатила кадры знаниями и опытом.

Перед началом Нижне-Силезской наступательной операции я побывал и в 52-й армии, входившей в состав ударной группировки фронта. В беседе с командармом и членами Военного совета выяснил вопросы, связанные с подготовкой к операции, а в заключение поинтересовался, как работает новый начальник политотдела полковник Панкрат Никитич Михайлов.

— Толковый политработник, хорошо нам помогает, — сказал командарм Константин Аполлонович Коротеев.

— Быстро вошел в коллектив, дело свое знает, — добавил член Военного совета Александр Федорович Бобров.

— Глубоко во все вникает, — сообщил начальник штаба армии Александр Николаевич Коломинов. — Заходит к нам для оперативного ориентирования, неплохо разбирается в военных вопросах.

Начальника поарма полковника П. Н. Михайлова я застал в его служебном кабинете склонившимся над картой. Дружески поздоровавшись с однокашником по Военно-политической академии, я шутливо спросил Панкрата Никитича:

— Над чем размышляешь, стратег?

— Изучаю междуречье Одер — Нейсе, где воевать будем, вношу последние коррективы в план партийно-политической работы. В прошлой операции мы основательно занимались форсированием рек, а теперь приходится больше внимания уделять уличным боям, блокированию и уничтожению дотов и другим особенностям новой наступательной операции. Прикидываю, как лучше распределить силы политработников.

Полковник П. Н. Михайлов пришел на 1-й Украинский фронт с небольшим боевым опытом. Мы с начальником политуправления фронта генералом Ф. В. Яшечкиным стремились помочь ему обрести уверенность в работе, умение

ориентироваться в сложной боевой обстановке.

За проявленную отвагу в Висло-Одерской операции, инициативную и плодотворную деятельность на посту начальника поарма Военный совет 52-й армии и начальник политуправления фронта представили полковника П. Н. Михайлова к ордену Красного Знамени.

Мы с Панкратом Никитичем допоздна говорили о политработе во фронтовой обстановке. Я расспрашивал Михайлова о его впечатлениях и наших общих недостатках, которые ему, как новому человеку, могли быстрее броситься в глаза.

Начальник поарма Михайлов сообщил, что свою деятельность он начал с решительной борьбы против текучки, захлестнувшей некоторые политорганы. Дело дошло до того, что в одном подиве вообще перестали составлять планы работы, мотивируя невозможностью предусмотреть все случаи жизни в условиях стремительного наступления и быстро меняющейся обстановки. Свое серьезное упущение работники политотдела дивизии возвели даже в некую доблесть, поскольку, дескать, добились "оперативного реагирования".

Полковник Михайлов доложил мне, как поарм спланировал партийно-политическую работу на период подготовки войск к прорыву вражеской обороны. Я убедился, что тщательно продуманный план представляет собой оперативный, конкретный и, я бы сказал, жизненно необходимый документ, правильно определяющий содержание и формы политработы в различных условиях боевой обстановки. Поарм, как обычно, составлял план работы на 15 дней, охватывая различные этапы операции.

Политорганы проявляли особую заботу о сохранении и организационном укреплении ротных партийных организаций — опоры командиров и политорганов, о восполнении во время наступательных боев кадров парторгов. В январе феврале 1945 года, когда непрерывно велись наступательные бои, на 1-м Украинском фронте имелось 19 186 парторгов первичных и ротных парторганизаций. Это были подлинные партийные вожаки.

Политотделы назначали на эти ответственные посты политически подготовленных коммунистов, обладающих большим мужеством, стойкостью и организаторскими качествами. Они не щадили себя в бою, и среди них, естественно, были немалые потери. Так, например, в 52-й армии за время январско-февральского наступления выбыло по четырем соединениям 115 парторгов рот. Политотдел направил из резерва на укрепление ротных и равных им парторганизаций более 100

коммунистов. В стрелковые роты первого эшелона переводились и коммунисты тыловых подразделений. Однако главным источником сохранения парторганизаций являлся рост рядов ВКП(б). Он свидетельствовал о Том, как сильна у наших воинов вера в Коммунистическую партию, в непобедимость знамени ленинской партии.

Бой — самый лучший способ проверки моральных и других качеств человека, его стойкости и преданности делу партии. Принимая на себя высокое звание коммуниста, воин-фронтовик тем самым добровольно изъявлял готовность выполнять самые трудные и самые опасные боевые задания, не щадить ни крови своей, ни жизни в борьбе за святое и правое дело партии и народа, за великие идеалы коммунизма.

Находясь в 52-й армии, я обстоятельно ознакомился с ростом партийных рядов. Начальник поарма полковник П. Н. Михайлов доложил, что за время январско-февральского наступления в партийных организациях 52-й армии принято кандидатами в члены ВКП(б) 1450 воинов л в члены партии — 1104 человека. Он отметил возросшую оперативность парторганизаций и парткомиссий в рассмотрении заявлений и выдаче партийных документов. Начальник политотдела армии сообщил, что заявления о приеме в партию, как правило, рассматриваются на собраниях коммунистов роты и равных ей подразделений. В боевой обстановке такие собрания проводились в перерывах между боями, ночью, на больших привалах во время марша. Впрочем, в этом я сам еще и еще раз убедился, когда побывал на плацдарме за Одером, где сосредоточивались войска 52-й армии. Вслед за колонной пехотинцев, совершавших марш, двигалось несколько конных повозок. На одной из них красовалась табличка с надписью: "Здесь заседает партбюро". Это, естественно, меня заинтересовало, и я подошел к повозке. Лошадь медленно двигалась к переправе, а на телеге, используя пред вставившуюся возможность, заседало партийное бюро. Солдат-фронтовик, решивший вступить кандидатом в члены ВКП(б), рассказывал о своем пока еще коротком, но ярком жизненном пути; один из членов бюро добросовестно записывал его слова в протокол. Потом задавали вопросы, высказывались, а в заключение парторг отметил, что кроме трех рекомендаций коммунистов имеются две боевые характеристики. Одна из них скреплена командирской подписью и печатью, а вторая хотя и без печати, но тоже убедительно характеризует человека, И парторг показал на белый марлевый бинт, видневшийся из-под шапки-ушанки солдата, на которой еще остались темные пятна крови.

— Солдат был ранен, но не покинул передовую, показал себя

стойким и храбрым бойцом. Он ратными делами доказал, что достоин стать большевиком.

В 52-й армии перед началом Нижне-Силезской наступательной операции вместе с десятками и сотнями других заслуженных фронтовиков кандидатом в члены ВКП(б) был принят наводчик противотанкового ружья Александр Васильевич Игнатьев. Он отважно и умело сражался с врагом еще во время боев на Висле и Одере.

На подступах к железнодорожному мосту, путь подразделению преградил губительный огонь дзота. Искусно применяясь к местности, под свинцовым ливнем рядовой А. В. Игнатьев выдвинулся вперед и, заняв выгодную позицию, меткими выстрелами из бронебойки уничтожил пулеметную точку противника.

Воспользовавшись тем, что неприятельский пулемет смолк, рядовой Александр Игнатьев первым вскочил и бросился к мосту. Вслед за ним поднялось все подразделение. Отважный солдат уничтожил пятерых фашистских саперов и спас железнодорожный мост от взрыва. Храброго бойца коммунисты подразделения единодушно приняли кандидатом в члены партии.

В беседе с политработниками Александр Игнатьев сказал:

— Еще тогда, когда я готовился вступать в ряды ВКП(б), парторг вовлек меня в партийную жизнь. Он разъяснял мне программные положения и главные задачи партии, обязанности и права члена ВКП(б), часто давал мне газеты и советовал, какие статьи прочитать самому, а какие — всем товарищам. Когда в часть прибыло пополнение, парторг поручил провести с новичками беседу на тему: "Смелого пуля боится, смелого штык не берет". Он рекомендовал почаще приводить примеры из жизни подразделения и собственного боевого опыта. Парторг не раз повторял: "Каждый коммунист должен научиться работать в массах и вести солдат за собой".

Рядового Александра Игнатьева принимали в ряды ВКП(б) на партийном собрании, проходившем на переднем крае перед началом наступления. Воин глубоко осознал и прочувствовал, что принадлежность к героической ленинской партии обязывает его быть воплощением отваги и стойкости, дисциплинированности, нравственной чистоты и самоотверженности.

Партийные собрания и поручения являлись действенным средством воспитания коммунистов. Поручения охватывали самые разнообразные стороны боевой и политической деятельности, менялись в зависимости от боевой обстановки. По заданию парторга коммунист Сысоев первым поднялся в атаку и с возгласом "За Родину!" увлек за собой все подразделение. Атака

была дружной, стремительной и завершилась успехом. Подразделение образцово выполнило боевую задачу.

Призывное слово коммунистов звучало особенно авторитетно потому, что оно подкреплялось делом, бесстрашием героических сынов партии, их личным примером. Кандидат в члены ВКП(б) Таничканов по заданию бюро провел с пополнением беседы: "Как бороться с вражескими танками", "Уязвимые места «тигра» и «пантеры». Во время наступления рота подверглась контратаке вражеских танков. Опытный и храбрый бронебойщик Таничканов подбил фашистский танк «пантера». Когда враг, понесший большие потери, отступил, кандидат в члены ВКП(б) Таничканов с разрешения командира прямо на поле боя показал солдатам на дымящемся вражеском танке его уязвимые места. Это была интересная, впечатляющая и очень результативная беседа молодого коммуниста.

Выполняя поручения бюро, коммунисты читали воинам газеты, проводили индивидуальные и коллективные беседы, выпускали боевые листки и листовки-молнии "Передай по цепи", доводили до сведения личного состава принятые по радио сводки Совинформбюро и приказы Верховного Главнокомандующего, рассказывали об успехах армии и фронта, соединения и части.

Активно участвуя в партийно-политической работе, молодые коммунисты росли и мужали идейно, приобретали уверенность и опыт, помогали командирам и политработникам воспитывать личный состав, обеспечивая успешное выполнение боевых задач. Именно они, коммунисты и комсомольцы, явились инициаторами освоения и применения трофейного оружия, особенно фаустпатронов. У советских войск, разумеется, имелось в достатке отечественной техники. Труженики героического тыла в возрастающих количествах ковали оружие победы. Но пренебрегать трофеями тоже не следовало, поскольку это еще более увеличивало ударную мощь наших частей и подразделений.

Особо следует сказать о фаустпатронах, которые гитлеровцы на завершающем этапе войны применяли в большом количестве. Ими вооружалась вся немецкая пехота, в том числе и отряды фольксштурма. Это было сильное и опасное противотанковое оружие. Начальники политотделов танковых армий генерал А. Д. Капник и полковник Н. Т. Кладовой докладывали, что части несут большие потери от фаустников. Такие же тревожные сигналы поступали от командиров и политорганов отдельных корпусов.

По поручению Военного совета командующий бронетанковыми и механизированными войсками фронта генерал Н. А. Новиков изучил на местах этот вопрос, обобщил предложения командиров боевых машин и членов экипажей. Было

рекомендовано широко применять экранировку танков и самоходно-артиллерийских установок. Фаустпатроны, пробивая навесные экраны из листового железа, встречали затем пустоту и, потеряв убойную силу, не наносили особого ущерба боевой машине. В большинстве они рикошетировали по броне. Одним из действенных средств борьбы с вражескими фаустниками являлось четкое и непрерывное взаимодействие пехотинцев с танкистами, товарищеская выручка в бою.

Фронтовая газета "За честь Родины" печатала статьи "Фаустпатроны и борьба с ними", "Как обезвреживать вражеских фаустников" и другие.

Военный совет фронта, поддержав инициативу коммунистов и комсомольцев, выдвинул лозунг: "Истребляйте гитлеровцев их же оружием!" Политуправление совместно со штабом выпустило листовку: "Применение фаустпатронов в бою". В другой листовке обобщался опыт использования трофейного оружия в роте лейтенанта Урядова.

Политотделы армий также выпускали и распространяли плакаты и листовки с фотографиями, рисунками и чертежами фаустпатрона, с описанием его устройства и боевого применения. В каждом подразделении были созданы группы воинов, которые эффективно использовали трофейное оружие в наступательных боях.

Во время Нижне-Силезской наступательной операции 1-го Украинского фронта наши политорганы широко пропагандировали два важных политических документа: приказ Верховного Главнокомандующего, посвященный 27-й годовщине Красной Армии, и материалы Крымской конференции трех держав.

В призывах Центрального Комитета Коммунистической партии к 27-й годовщине Красной Армии подводился итог боевым действиям Советских Вооруженных Сил, намечалась программа нашей дальнейшей борьбы за окончательную победу. Особенно сильное впечатление на воинов произвел призыв, адресованный непосредственно войскам фронта: "Слава советским воинам, сокрушившим немецкую оборону в Силезии и развивающим наступление за рекой Одер!"{96}. В приказе Верховного Главнокомандующего № 5 от 23 февраля 1945 года тоже отмечались боевые достижения войск 1-го Украинского фронта, которые продвинулись с сандомирского плацдарма в глубь Силезии на 480 километров. "Гитлеровцы кичились, — говорилось в праздничном приказе, — что более сотни лет ни одного неприятельского солдата не было в пределах Германии и что немецкая армия воевала и будет воевать только на чужих землях. Теперь этому немецкому бахвальству положен конец"{97}.

Партия предупреждала, что победа не придет сама, что она добывается в тяжелых боях и в упорном труде. Обреченный враг напрягает последние силы, отчаянно сопротивляется, чтобы избежать сурового возмездия. Он хватается и будет хвататься за самые крайние и подлые средства борьбы. Партия призывала помнить, что, чем ближе победа, тем выше должна быть наша бдительность, тем сильнее должны быть удары по врагу.

Эти важнейшие требования легли в основу партийно-политической работы в войсках. В печатной и устной пропаганде мы напоминали солдатам, сержантам и офицерам, что война вступила в свою заключительную фазу и для того, чтобы окончательно разгромить фашизм, потребуется наивысшее напряжение всех физических и моральных сил каждого воина, непреклонная готовность с честью и до конца выполнить освободительную миссию и избавить человечество от гитлеровской чумы.

На Крымской конференции трех великих держав за столом переговоров незримо присутствовал и советский солдат, который не только перешагнул через Вислу и Одер, но уже стремительно продвигался к Нейсе, к жизненно важным центрам Германии, и прежде всего к Берлину. Это значительно усилило позицию советской делегации в сложных переговорах с союзниками и нанесло сокрушительный удар подлым планам гитлеровцев, намеревавшихся сговориться с реакционными кругами западных держав о сепаратном мире.

Крупные боевые успехи войск 1-го Украинского и 1-го Белорусского фронтов, равно как и всей Красной Армии, в

освобождении польских земель, несомненно, помогли благоприятно решить очень сложный для того времени "польский вопрос". Премьер-министр Великобритании У. Черчилль и другие реакционеры Запада усиленно настаивали на том, чтобы правительство Польши было создано на базе эмигрантского лондонского «правительства». Но напрасно господа империалисты носились с господином Миколайчиком и другими обанкротившимися эмигрантами как с писаной торбой. В канун 1945 года на базе ПКНО было создано законное Временное правительство Польской республики, продолжавшее социальные преобразования и с кипучей энергией занимавшееся возрождением разрушенного оккупантами народного хозяйства. Внешняя политика подлинно народного правительства была основана на братском союзе с СССР. В стране предпринимались первые шаги по освоению западных земель, освобожденных во время нашего наступления от Вислы к Одеру и Нейсе. Таким образом, Красная Армия не только спасла польский народ от фашистской оккупации, но и перечеркнула подлые замыслы международного империализма, помешав экспорту контрреволюции и возврату довоенного реакционного режима.

Теперь хорошо известно, какую длительную и острую политическую борьбу пришлось выдержать руководителям Коммунистической партии и Советского государства, отстаивавшим существование новой, демократической, независимой и сильной Польши. Небезызвестный Уинстон Черчилль вынужден был на Крымской конференции подписать декларацию, в которой говорилось: "Мы вновь подтвердили наше общее желание видеть установленной сильную, свободную и демократическую Польшу… Новое положение создалось в Польше в результате полного освобождения ее Красной Армией…" И что он мог возразить против этого, когда боевые успехи Красной Армии были внушительными и неоспоримыми.

Отмечая выдающиеся заслуги советских войск в деле освобождения от немецко-фашистских захватчиков польских земель, президиум Крайовой Рады Народовой в феврале 1945 года наградил высшим орденом Польской республики Большим крестом Виртути Милитари первого класса со звездой командующих фронтами Маршалов Советского Союза Г. К. Жукова, И. С. Конева, К. К. Рокоссовского. В постановлении указывалось, что эти награды являются выражением благодарности польского народа своим освободителям.

Вскоре братская республика прислала нам боевое подкрепление. Весной 1945 года на 1-й Украинский фронт стягивались части и соединения только что сформированной 2-й

армии Войска Польского. В ее состав входили 5, 7, 9 и 10-я пехотные дивизии, а также приданный ей 1-й отдельный танковый корпус Войска Польского и другие армейские части.

В конце марта 1945 года, если мне память не изменяет, к нам прибыли высшие офицеры Войска Польского во главе с командующим 2-й армией генералом К. Сверчевским.

Представившись маршалу Коневу и получив от него конкретные распоряжения, генерал Кароль Сверчевский пришел ко мне. Я был обрадован встречей с давним товарищем по совместной армейской службе.

Повесив шинель и положив на тумбочку квадратную польскую конфедератку, Кароль Сверчевский вытер платком гладко выбритую голову, резко очерченный подбородок и вскинул на меня веселые голубые глаза.

— Давненько, брат, мы не встречались, — произнес генерал Сверчевский. За это время много воды утекло из твоей Волги и моей Вислы.

С Каролем Сверчевским мы вместе служили в 7-м кавалерийском полку 2-й кавдивизии еще в 1927 году. В то время я был секретарем полкового партийного бюро, а Кароль, окончивший Военную академию имени М. В. Фрунзе, прибыл к нам на должность начальника штаба.

К. Сверчевский родился в 1897 году в Варшаве. Рано начал трудовую жизнь, работал токарем. Во время первой мировой войны его вместе с семьей эвакуировали в Казань. Активный участник Великой Октябрьской социалистической революции, он сражался на фронтах гражданской войны в качестве командира батальона и полка. В 1921 году его назначают начальником Польской школы красных коммунаров. Потом — учеба в академии, служба в упомянутом мною 7-м кавполку и работа в штабе Белорусского военного округа. В начале тридцатых годов К. Сверчевский некоторое время работал в Генеральном штабе РККА.

В 1936–1937 годах, когда взоры всего прогрессивного человечества были прикованы к республиканской Испании, где трудящиеся многострадальной страны и пришедшие на помощь интернациональные бригады героически сражались против объединенных черных сил фашизма, гремело имя легендарного героя боев на Эбро генерала Вальтера. Позднее стало известно, что это был коммунист Кароль Сверчевский, командовавший бригадой, а затем дивизией.

Из Испании он вновь вернулся в Советский Союз, ибо в Польше находились у власти профашистские буржуазные правители, и дорога туда была ему закрыта. Сверчевский занимал

различные строевые должности в Красной Армии, командовал стрелковой дивизией, возглавлял Киевское пехотное училище, которое в начале Великой Отечественной войны было эвакуировано в Сибирь. В 1943 году Кароль Сверчевский вступил в Войско Польское, был заместителем командира 1-го армейского корпуса.

Выход наших войск на Вислу и освобождение братской страны создало условия для создания единого Войска Польского и слияния партизанских отрядов с регулярной армией. Кроме 1-й польской армии, действовавшей на люблинском направлении и принявшей участие в освобождении Варшавы, была затем сформирована 2-я польская армия, которую возглавил боевой генерал Сверчевский.

— Я счастливый человек, — сказал мне Кароль и задумчиво повторил: Очень счастливый человек! Сражаясь в Испании с полчищами Гитлера, Муссолини и Франко, мы были твердо уверены, что сокрушим фашизм. Но, когда это случится, никто не знал. И я даже не предполагал, что доживу до этого великого часа. Но, как видишь, дожил…

Генерал Сверчевский протянул руку к лежавшей на столе коробке «Казбека», закурил и поморщился:

— Слабенькие у тебя, Константин Васильевич, папиросы.

Окликнув сидевшего в соседней комнате порученца, Кароль Сверчевский сказал ему по-польски:

— Сынок, принеси из машины мой любимый табачок.

Я не без удивления посмотрел на «сынка», которому было за сорок, потом на генерала. Поймав мой недоуменный взгляд, Сверчевский пояснил:

— По привычке, по старой памяти зову его сынком. Он еще в Испании был у меня вестовым.

"Любимый табачок" оказался довольно вонючей смесью махорки-самосада с трубочным табаком. Сверчевский привычно и сноровисто свернул самокрутку и, закашлявшись от едкого дыма, с удовлетворением произнес:

— Хорошо продирает! После такой штуковины ночью сонливость исчезает и приобретается рабочее настроение. В боевой обстановке — незаменимое средство.

Мы вспомнили далекие времена нашей совместной службы, друзей-кавалеристов, Староконстантинов времен 1927 года, когда там стоял наш кавполк, и времен 1944 года, когда его освободили войска 1-го Украинского фронта. И все-таки о далеком прошлом говорили мало. Нас обоих, и тем более командарма Войска Польского, интересовал вопрос: как быстро и скрытно сосредоточить выгружавшиеся в районе Вислы польские части на

дрезденском направлении и подготовить их к завершающим наступательным боям? Генерал был буквально поглощен мыслями о том, как лучше выполнить приказ командующего 1-м Украинским фронтом, в оперативное подчинение которого поступала 2-я армия Войска Польского.

— Трудно утаить от противника появление польских частей. Армия — не иголка! — вздохнул Кароль Сверчевский и, показав на свои серебряные генеральские галуны, произнес: — Да и форма у нас приметная, броская. Пястовский орел на шапках-ушанках и конфедератки, наверное, за версту видны. Но вместе с тем это поднимает боевой дух Войска Польского и возвышает национальное достоинство поляков, которых так унижали гитлеровские оккупанты.

Как только зашла речь о гитлеровцах, Сверчевский-Вальтер встал и зашагал по комнате, нервно дергая плечом. Когда он был взволнован, давала себя знать полученная им в боях контузия. — Эти проклятые наци, холера им в бок, — гневно воскликнул генерал и крепко выругался, использовав возможности как польского, так и русского языка. — Мои сынки, польские жолнежи, люто ненавидят фашистских палачей и с нетерпением ждут того часа, когда можно будет расплатиться с нацистами за трагедию сентября тридцать девятого года, за руины Варшавы, за Майданек и Освенцим…

Командарм рассказал мне, как офицеры по политпросветработе готовили польских воинов к выступлению на фронт и к боевым испытаниям. Здесь стало традицией приводить к присяге на верность польской земле и польскому народу в годовщину битвы под Грюнвальдом, что символизировало многовековую дружбу и нерушимый боевой союз русского и польского народов.

Генерал рассказал мне, что перед отправкой на фронт он напомнил своим солдатам, что поляки будут сражаться плечом к плечу с легендарными героями Сталинградской и Курской битв, с героями Днепра и Вислы, что в едином строю с советскими братьями они победят смерть и фашизм на вечные времена!

У Кароля Сверчевского, проработавшего много лет на штабных должностях, бумага никогда не заслоняла человека. На первом плане у него всегда был воин. Я знал это по совместной работе в 7-м кавполку. Хорошая черта коммуниста-воспитателя, как я убедился, в нем еще более развилась. Волевого, решительного и требовательного командарма К. Сверчевского, обладавшего общительным характером, живым и острым умом, любили в Войске Польском и в Советской Армии. Польские жолнежи готовы были идти за своим командармом в огонь и в

воду!

После беседы с Каролем Сверчевским я порекомендовал начальнику политуправления фронта генералу Ф. В. Яшечкину усилить в наших войсках, и особенно в 5-й гвардейской и 52-й армиях, которые должны были соседствовать с вновь прибывшей братской армией, пропаганду боевой дружбы советских воинов с польскими жолнежами.

Политуправление 1-го Украинского фронта выделило для 2-й армии Войска Польского 5 тысяч экземпляров издававшейся нами газеты на польском языке "Нове жиче", послало туда листовку с Обращением Военного совета фронта к польскому населению и другие документы. Кроме того, мы напечатали большим тиражом листовку на польском языке с призывом ЦК ВКП(б) к 27-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции: "Привет польскому народу, борющемуся против немецко-фашистских захватчиков! Патриоты Польши!

Всеми силами помогайте нашим освободителям — Красной Армии и Войску Польскому быстрее разгромить ненавистных немецких оккупантов! Да здравствуют доблестные солдаты и офицеры Войска Польского!"

У нас, надо заметить, имелся многолетний опыт интернационального воспитания и боевого содружества с личным составом 1-го армейского чехословацкого корпуса Людвика Свободы, прошедшего вместе с войсками 1-го Украинского фронта большой боевой путь от Киева до Дуклы. Мы теперь в полной мере использовали этот драгоценный опыт.

В частях 2-й армии Войска Польского наши кинопередвижки демонстрировали фильмы "Битва за Россию", "Небо Москвы", "Ленин в 1918 году", «Зоя», «Радуга» и другие. Перед поляками выступал с товарищескими концертами фронтовой ансамбль песни и пляски.

Нижне-Силезская наступательная операция, продолжавшаяся с 8 по 24 февраля 1945 года, завершилась выходом войск фронта на реку Нейсе.

Несмотря на то что эта операция была непродолжительной, она решала большую политическую задачу освобождения западных земель братской Польской республики, чьи границы ныне навсегда определены по рекам Одра, Ныса-Лужицка и Балтике.

Наступление локализовало попытку немецко-фашистского командования нанести контрудар на стыке 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов. Наши войска вышли на уровень правофлангового соседа и заняли выгодное исходное положение для завершающего наступления на берлинском направлении.

О важном значении Нижне-Силезской операции свидетельствовал и тот факт, что Верховный Главнокомандующий И. В. Сталин неоднократно звонил И. С. Коневу и расспрашивал, как идут дела. Подобные переговоры проходили даже во время Крымской конференции, когда И. В. Сталин был необычайно занят государственными делами и решал очень важные дипломатические вопросы. Еще в ноябре 1944 года, когда только вчерне разрабатывался план наступления с сандомирского плацдарма, Верховный Главнокомандующий обращал внимание Военного совета фронта на Силезский промышленный район, подчеркивая взаимосвязь стратегии и экономики. Находясь на Крымской конференции, Сталин позвонил из Ялты И. С. Коневу и, выслушав его доклад об успешном развитии Нижне-Силезской операции, предостерег, что гитлеровцы собираются нанести нам сильный контрудар на юге, на ратиборском направлении.

— Немцы не примирились с потерей Силезии и могут ее у вас отобрать, сказал Сталин Коневу и поинтересовался, какие армии и под чьим командованием стоят на левом, фланге фронта.

По его предложению И. С. Конев, Военный совет и штаб начали подготовку и представили на утверждение Ставки план Верхне-Силезской наступательной операции, в ходе которой надлежало разгромить оппельнско-ратиборскую группировку гитлеровцев.

Опасения Верховного Главнокомандующего, располагавшего более полными разведывательными данными, не были лишены оснований. Мы зафиксировали, что противостоящая фронту группа армий «Центр» под командованием опытного, решительного и фанатичного генерал-фельдмаршала Шернера непрерывно пополняется новыми частями и соединениями. Особенно усиливалось оппельнское направление. К началу марта 1945 года группировка противника перед фронтом состояла из 23 пехотных дивизий, 8 танковых дивизий, 4 мотодивизий, 2 зенитных дивизий, 4 пехотных бригад и до 85 отдельных полков, батальонов и других подразделений.

Кроме того, непосредственно в резерве командования группы немецких армий «Центр» находилось 7 дивизий и примерно 60 маршевых батальонов.

Генеральный штаб и, естественно, нас сильно беспокоила 6-я танковая армия СС, которая после провала гитлеровского наступления в Арденнах спешно перебрасывалась с Запада на советско-германский фронт. Одно время мы были даже уверены, что гитлеровцы бросят эту танковую армию против нас и попытаются вернуть Силезию, а также прикрыть берлинское направление. Однако у немецко-фашистского командования

возникла острая и срочная необходимость деблокировать окруженную советскими войсками будапештскую группировку гитлеровцев, восстановить оборону по Дунаю, удержать в своей упряжке последнего сателлита — венгерских фашиствующих салашистов и контролировать нефтяные месторождения и нефтеочистительные заводы Венгрии. В результате 6-я немецкая танковая армия СС оказалась севернее озера Балатон, где участвовала в наступлении против войск 3-го Украинского фронта.

Но оппельнско-ратиборская группировка тоже была многочисленной, имела плотное оперативное построение и мощную оборону, простиравшуюся в глубину на 20–25 километров, сильно насыщенную минами, всевозможными инженерными заграждениями.

Нижне-Силезская операция, как отмечено в документах, завершилась 24 февраля 1945 года, но ожесточенные бои долго не затихали. Они шли на внешнем и внутреннем обводах вражеской группировки, окруженной в Бреслау, а также на других участках фронта. Войска 6-й армии генерала В. А. Глуздовского высвободились из района Лигница и всецело переключились на Бреслау, а их участок заняли соединения 52-й армии генерала К. А. Коротеева.

Противнику удалось нащупать, что части 52-й армии сильно растянулись. Гитлеровцы в районе Обер Лагенау нанесли контрудар, несколько потеснив подразделения 254-й стрелковой дивизии и некоторых других соединений. На помощь пехотинцам Коротеева пришли танкисты Рыбалко, и положение было быстро восстановлено. Но тяжелые бои на герлицком и лаубанском направлениях продолжались примерно до 10 марта 1945 года.

В этих труднейших условиях была осуществлена не менее сложная перегруппировка войск, и 15 марта 1945 года началась Верхне-Силезская операция, предполагавшая окружение и уничтожение немецко-фашистских войск, расположенных на оппельнском выступе.

Северная ударная группировка, состоявшая из 21-й армии генерала Д. Н. Гусева, части сил 5-й гвардейской армии генерала А. С. Жадова, 4-й танковой армии генерала Д. Д. Лелюшенко и 4-го гвардейского танкового Кантемировского корпуса генерала П. П. Полубоярова, начала наступление западнее Оппельна. Навстречу им двинулась Южная ударная группировка в составе 59-й армии генерала И. Т. Коровникова, 60-й армии генерала П. А. Курочкина, 7-го гвардейского механизированного и 31-го танкового корпусов, которыми соответственно командовали генералы И. П. Корчагин и Г. Г. Кузнецов.

В канун операции штаб фронта переместился из Прайхау в Штедтель, что в шести километрах восточнее Пархвица{98}. Командующий войсками фронта И. С. Конев выехал в Северную ударную группу, я — в Южную, а член Военного совета генерал Н. Т. Кальченко сосредоточил свое внимание на органах тыла, на боепитании и снабжении наших ударных группировок.

Прибыв в 59-ю армию, я перво-наперво спросил у командарма Ивана Терентьевича Коровникова:

— Ну как, хватит у вас силенок и пороху для прорыва вражеской обороны?

Вопрос был задан не случайно. В предыдущей, Нижне-Силезской операции наши левофланговые армии, в том числе и 59-я, не смогли прорвать вражескую оборону и успеха не добились. Но эти армии наносили лишь вспомогательный удар и превосходства в силах не имели, что в какой-то мере объясняло их прежнюю неудачу. Теперь же 59-я и 60-я армии составляли общевойсковую основу нашей Южной ударной группировки, и на них была возложена ответственная боевая задача. Но и противник в это время не дремал и еще более укрепил свою оборону.

Командующий 59-й армией генерал И. Т. Коровников, член Военного совета генерал П. С. Лебедев и начальник штаба армии генерал Н. П. Ковальчук заверили, что уроки прошлого учтены, на участке прорыва создано превосходство в пехоте, артиллерии и танках и что операция спланирована по всем законам военного искусства.

Начальник политотдела армии полковник А. Г. Королев вкратце доложил, как политорганы, партийные и комсомольские организации готовились к операции и занимались воспитанием у солдат, сержантов и офицеров высоких морально-боевых качеств — мужества и стойкости, дисциплинированности и бдительности, боевого наступательного духа, неиссякаемой ненависти к фашистским извергам и непреклонной воли к победе.

Я поинтересовался: что политотдел 59-й армии сделал в области пропаганды среди войск противника? Начальник поарма полковник А. Г. Королев показал мне выпущенные политотделом листовки на немецком языке: "Судьба всех сопротивляющихся", "Ваши контратаки напрасны", "К фольксштурмовцам" и другие. Среди войск противника в больших количествах распространялись листовки, напечатанные политическим управлением фронта: "Что происходит в Германии", "Фронтовые вести", "Немецкие генералы против Гитлера и Гиммлера", а также экстренно выпущенная листовка "Сталин, Черчилль и Рузвельт о Германии и немцах" и другие издания о Крымской конференции трех великих держав.

Листовки были рассчитаны не только на войска противника, но и на мирное немецкое население. С этой целью наша авиация разбрасывала листовки над территорией Германии вплоть до реки Эльба.

На завершающем этапе Великой Отечественной войны вооруженная и идеологическая борьба еще более обострилась. Мы не могли забывать о том, что пропагандистская машина фашистского рейха пущена на полный ход. Пленные показывали, что в зону боевых действий, в войска противостоявшей нам вражеской группировки приезжал шеф фашистской пропаганды колченогий Геббельс и на многолюдном сборище фашистских вояк истерично призывал всех немецких солдат, унтер-офицеров, офицеров и генералов, а также фольксштурмовцев и гражданских немцев взяться за оружие и остановить "большевистских варваров".

Весь офицерский корпус, не говоря уже о национал-социалистском пропагандистском институте в вермахте, изо дня в день занимался оболваниванием солдатской массы и запугивал их «зверствами» большевиков. Командующий немецкой группой армий «Центр» генерал-фельдмаршал Шернер в своем приказе писал: "Каждым немцем должна сегодня овладеть фанатическая ненависть к нашему противнику. Сознание того, что необходимо защитить наши семьи от большевиков, должно быть ясно каждому немцу и должно преодолеть всякую усталость и мягкость. В настоящий момент мы вспоминаем нашествие монголов, которые когда-то своей многочисленной конницей наводили страх и ужас на всех. Благодаря упорному сопротивлению и твердому руководству удалось тогда остановить эти орды, а потом их разбить. Сегодня точно так же удастся уничтожить большевистские танки"{99}.

Клеветническая кампания в вермахте по поводу мнимых зверств большевиков проводилась под девизом: "Каждый — 10". По этому поводу командующий корпусной группой «Силезия» генерал от кавалерии Кох-Эрпах писал: "Эти лозунги нужно популяризировать листовками, плакатами, надписями на домах, стенах, грузовиках. Каждый должен поклясться себе — не успокоиться, пока он не уничтожит десять русских… Кампания "Каждый — 10" должна постоянно поддерживать эти мысли. Передвижные радиостанции должны время от времени передавать информацию об этом через громкоговорители.

Смысл этой кампании должен заключаться не только в том, чтобы взволновать души солдат, сделать их тверже и фанатичнее, но и в том, чтобы возможно большее количество русских было бы уничтожено.

Каждый — 10!

Вот боевой клич корпусной группы. С ним мы выдержим все испытания"{100}.

В примечании к приказу было сказано: "Листовки, транспаранты и плакаты будут регулярно высылаться. Надписи на домах: "Каждый — 10" — наносить самостоятельно и постоянно освежать их".

При овладении городами мы, надо заметить, часто встречали подобные надписи на домах.

Я подробно привел два захваченных немецких документа для того, чтобы читатель лучше уяснил себе, что и в вермахте проводилась своеобразная «политработа», причем активная и непрерывная. С помощью лжи, клеветы, нацистской демагогии, искусной игры на национальных чувствах гитлеровцам даже в 1945 году удавалось взвинчивать боевой дух немецких солдат, подточенный многочисленными поражениями. Нацистская пропаганда трубила, что война не проиграна и, как только русские будут задержаны, вступит в действие "новое оружие", выдвинутся новые армии и положение на фронте изменится в пользу Германии.

Но фашист к тому времени стал уже не тот. Советские воины основательно сбили с него спесь. Нарастающие боевые успехи Красной Армии, проникновение советских войск в глубь Германии, подорвали дух немецких солдат. Однако концентрация новых частей и резервов противника на оппельнско-ратиборском направлении, крупное контрнаступление гитлеровцев в Венгрии под Балатоном и, наконец, отчаянные усилия фашистской пропаганды на какое-то время немного восстановили пошатнувшийся дух солдат противника.

С этим тоже надо было считаться. Я порекомендовал начальнику поарма А. Г. Королеву в пропаганде на войска противника разъяснять немцам, что разрекламированное ведомством Геббельса наступление гитлеровцев в районе озера Балатон с треском провалилось, противник потерял Померанию и большую часть Силезии. Советские войска стоят на подступах к Берлину. В этих условиях сопротивление гитлеровцев под Ратибором теряло всякий здравый смысл.

Вместе с тем напрашивалась необходимость дать мощную артиллерийскую и авиационную подготовку и потрясти до основания всю вражескую оборону. Гитлеровцев одними словами не убедишь. Они должны на своей шкуре почувствовать нашу боевую силу и военное превосходство, понять наконец, что сопротивление бесполезно.

Командующий 59-й армией генерал И. Т. Коровников, как и

его сосед командующий 60-й армией генерал П. А. Курочкин, провел артиллерийскую подготовку в запланированном объеме, что обеспечило успех атаки.

ˆНо, как мне потом стало известно, в 21-й армии, действовавшей в составе Северной ударной группировки, артиллерийскую подготовку провели в сокращенном варианте, поскольку намеревались сэкономить боеприпасы. Недооценка сил противника и мнимая экономия обошлись дорого. Наши войска с трудом продвинулись на восемь километров и начали вязнуть в сильно укрепленной и глубоко эшелонированной обороне врага. Особенно тяжело пришлось танкистам Лелюшенко. Пробиваясь на оперативный простор и ломая вражеские укрепления, они несли ощутимые потери. Впрочем, действовавшим в составе Южной ударной группировки 7-му гвардейскому механизированному корпусу генерала И. П. Корчагина и 31-му танковому корпусу генерала Г. Г. Кузнецова тоже было не легче.

Густая сеть населенных пунктов, прикрытая сильным огнем врага, и весенняя распутица затрудняли маневр подвижных соединений. Наступление ударных группировок развивалось с немалыми трудностями. Гитлеровцы вводили резервы, контратаковали большими силами, намереваясь ликвидировать прорыв, отбросить наши войска на исходные позиции.

Бешеное сопротивление фашистов объяснялось также и тем, что противник намеревался любой ценой отстоять промышленный район, именуемый вторым Руром. Вот что впоследствии писал о тех днях фашистский генерал К. Типпельскирх: "17-я армия вступила в ожесточенные бои за Верхнесилезский промышленный район. А в это время под землей еще продолжалась работа, и поезда с углем ежедневно отправлялись на запад. Армия лишь шаг за шагом сдавала последнюю действующую немецкую кузницу вооружения… С потерей Верхней Силезии у рейха также и в области вооружения была отнята последняя возможность продолжать борьбу в течение сколько-нибудь продолжительного времени"{101}.

Но как ни сопротивлялся враг, пытаясь во что бы то ни стало удержать в своих руках "кузницу вооружения", его старания оказались тщетными. С вводом в бой вторых эшелонов полков и дивизий еще более усилился наш натиск, и оборона гитлеровцев затрещала по всем швам.

18 марта 1945 года в районах Нойштадта и Зюльца соединились передовые отряды 10-го гвардейского Уральского добровольческого танкового корпуса и 7-го гвардейского механизированного корпуса. В тот же день под Нойштадтом встретились 59-я армия генерала И. Т. Коровникова и 21-я армия

генерала Д. Н. Гусева. В кольце окружения оказалась оппельнская группировка гитлеровцев в составе 168-й и 344-й пехотных дивизий, 20-й пехотной дивизии СС, части сил 18-й моторизованной дивизии СС и ряда отдельных полков и батальонов.

Наша ударная группировка развивала наступление на запад и оттесняла котел от основных сил группы армий «Центр», В приказе командующего фронтом отмечалось, что окруженный и деморализованный противник пытается прорваться в направлении Штейнау и уйти из котла отдельными группами, без техники. Приказ заканчивался словами: "Всем сержантам и офицерам дерзко и смело атаковать врага. Не опозорить войска 21-й армии, 4-й гвардейской танковой и не выпустить врага из окружения".

Мы по многолетнему опыту знали, что попавшие в котел гитлеровцы с отчаянной решимостью будут прорываться из окружения, что извне также постараются деблокировать котел. Так оно и случилось. Сильному контрудару подвергся 10-й гвардейский танковый корпус, а также другие части, находившиеся на внешнем обводе.

Наши войска проявляли массовый героизм и железную стойкость. Батарея, которой командовал коммунист старший лейтенант К. В. Оцимик из 541-го армейского истребительно-противотанкового артиллерийского Одерского полка, только 19 и 20 марта 1945 года отбила 6 контратак пехоты и танков противника, уничтожив 180 гитлеровцев. Пытаясь вырваться из окружения, фашисты с отчаянной решимостью, не считаясь с потерями, лезли напролом и, как говорят артиллеристы, хватались за стволы. Но даже и в такой обстановке личный состав батареи, возглавляемый коммунистом Константином Владимировичем Оцимиком, не дрогнул и продолжал в упор расстреливать противника. В критическую минуту боя тяжело раненный коммунист К. В. Оцимик вызвал артогонь на себя. Ворвавшиеся на огневую позицию гитлеровцы в ужасе дрогнули и побежали. Положение было восстановлено. Батарея отбила 7 вражеских контратак и уничтожила 120 солдат и офицеров противника.

За славные подвиги коммунисту старшему лейтенанту Константину Владимировичу Оцимику, сплотившему и воспитавшему батарею отважных, было присвоено звание Героя Советского Союза. Политотдел 21-й армии сообщил об этом на родину награжденного — в Бурят-Монгольскую АССР, в село Карабановку Заиграевского района Верхне-Таловского сельсовета.

Много замечательных подвигов совершили и наши соколы. Во

время Верхне-Силезской операции они нанесли несколько эффективных ударов по неприятельским авиабазам. Группа бомбардировщиков, возглавляемая кандидатом в члены партии гвардии старшим лейтенантом Петром Прокофьевичем Чернышом, при подходе к немецкому аэродрому Ламдорф была встречена 12 истребителями противника. Прорвавшись сквозь сильный заградительный огонь зенитной артиллерии, ведущий группы П. П. Черныш успешно отразил 4 атаки «мессеров», проштурмовал зенитную батарею и поразил бомбами 3 вражеских воздушных корабля. Всего же возглавляемая им группа уничтожила на аэродроме 19 немецких самолетов, взорвала склад с горючим и разрушила два служебных здания.

Командир звена 81-го гвардейского бомбардировочного авиационного Краковского полка гвардии старший лейтенант Петр Прокофьевич Черныш был известен как снайпер бомбовых ударов. Ему поручались наиболее ответственные задания. В один из мартовских дней он вылетел на "свободную охоту" и обнаружил крупный воинский эшелон. Атакованный двумя истребителями противника, гвардии старший лейтенант П. П. Черныш не ушел от цели и, отражая воздушного врага, принялся штурмовать железнодорожный состав, в результате чего неприятельский эшелон загорелся.

Истребителям противника удалось подбить наш Пе-2. Его правый мотор задымил, показались языки пламени. Дотянув до своей территории, гвардии старший лейтенант не покинул горящую машину, не выбросился с парашютом, а принял все меры к спасению дорогостоящей боевой техники. Он искусно посадил бомбардировщик на фюзеляж и тем самым спас жизнь экипажа и боевой самолет. Командир звена гвардии старший лейтенант П. П. Черныш совершил 172 боевых вылета, сбросил на головы гитлеровцев 157 тонн бомб, расстрелял 94 тысячи патронов и лично уничтожил 2 железнодорожных моста, 4 склада боеприпасов, 37 железнодорожных вагонов, 7 самолетов, 21 служебное здание, 16 огневых точек, много вражеских автомашин. Петру Прокофьевичу Чернышу было присвоено высокое звание Героя Советского Союза. Блистательный воздушный бой провел в небе Силезии командир 106-го гвардейского истребительного авиационного Вислинского полка Герой Советского Союза гвардии подполковник М. В. Кузнецов. Возглавляемые им 6 самолетов дерзко и внезапно атаковали 30 «фокке-вульфов». Силы были явно неравными. На каждого советского истребителя приходилось по пять воздушных пиратов Геринга. Но справедливо говорят: побеждать нужно не числом, а умением. Наши летчики-истребители действовали искусно,

изобретательно, слаженно, используя великолепные маневренные качества боевых машин. Товарищеская выручка и хорошее взаимодействие ведущих с ведомыми и всей группы принесли успех. Не потеряв ни одной машины, 6 наших летчиков победили 30 фашистских истребителей, сбив 7 «фоккеров», причем ведущий группы член ВКП(б) с 1932 года гвардии подполковник М. В. Кузнецов уничтожил 3 вражеских самолета.

К тому времени Герой Советского Союза Михаил Васильевич Кузнецов сбил 21 фашистский самолет лично и 6 в групповых боях. Он был награжден второй медалью "Золотая Звезда", 106-й гвардейский истребительный авиаполк, как и другие наши части и соединения, воевал, так сказать, с активным балансом. И в этом была огромная заслуга командира-коммуниста дважды Героя Советского Союза М. В. Кузнецова. Авиаполк сбил 290 самолетов противника и подбил 62. За это же время часть потеряла 45 машин и 20 летчиков. Таким образом, соотношение потерь в самолетах выражалось в цифрах 1:6,5. Эти данные объективно и беспристрастно свидетельствовали о полном превосходстве советских летчиков и нашей замечательной авиационной техники над ВВС фашистской Германии.

Массовый героизм и стойкость показывали не только отдельные подразделения и части, но в целом соединения и объединения. В ночь на 18 марта 1945 года в военные советы фронта и 4-й танковой армии поступила телеграмма Наркома обороны И. В. Сталина. В ней говорилось: "В боях за нашу Советскую Родину против немецких захватчиков 4-я танковая армия показала образцы мужества и стойкости, отваги и смелости, дисциплинированности и организованности.

За время боев на фронтах Отечественной войны с немецкими захватчиками 4-я танковая армия, своими сокрушительными ударами уничтожая живую силу и технику врага, нанесла большие потери фашистским войскам. За проявленную отвагу в боях за Отечество, стойкость, мужество, смелость, дисциплину, организованность и умелое выполнение боевых задач преобразовать 4-ю танковую армию в 4-ю гвардейскую танковую армию"{102}.

Радостная весть с воодушевлением была встречена танкистами, которые в те дни героически сражались с контратакующими соединениями гитлеровцев, в том числе с танковой дивизией СС "Герман Геринг". Военный совет 1-го Украинского фронта сердечно поздравил командарма Д. Д. Лелюшенко, члена Военного совета генерала В. Г. Гуляева и весь личный состав армии, выразил уверенность, что гвардейцы приумножат ратную славу новыми победами.

4-я гвардейская танковая армия прошла с войсками большой и нелегкий боевой путь. Мне памятны проведенные ею бои под Каменец-Подольским, Львовом и на Висле, в районе Кельце, на плацдармах Одера, на реках Бобер и Нейсе. Войска гвардейской танковой составляли передовую, ударную силу фронта и всюду показывали железную стойкость, организованность, отвагу, ратное умение, непреклонную решимость сокрушить врага.

Но радостная весть о преобразовании армии в гвардейскую уже не застала в живых нескольких замечательных танкистов. В первые дни Верхне-Силезской операции пал смертью храбрых командир 10-го гвардейского танкового корпуса полковник Нил Данилович Чупров. Смертельно ранило талантливого молодого командира 6-го гвардейского механизированного корпуса Героя Советского Союза Василия Федоровича Орлова. Выбыл из строя по ранению командир 17-й гвардейской мехбригады полковник Леонид Дмитриевич Чурилов.

Многих замечательных героев потеряли и другие наши армии. Помню, как глубоко были опечалены командарм П. С. Рыбалко и член Военного совета 3-й гвардейской танковой армии генерал С. И. Мельников геройской гибелью командира 23-й гвардейской мотострелковой бригады гвардии полковника А. А. Головачева.

— Не дошел до Берлина наш дорогой Александр Алексеевич, — печально докладывал мне Семен Иванович Мельников, — погиб в районе Лаубана. Отсюда до Берлина, как говорится, рукой подать. А как он мечтал побывать в Берлине!

О Головачеве танкисты и мотострелки слагали легенды. За отчаянную храбрость, удивительное хладнокровие и презрение к смерти, за лихо заломленную кубанку на голове фронтовые друзья прозвали его Чапаем, за суровую доброту, справедливость и отеческую заботу о подчиненных солдаты любовно именовали его батей. И вот нет теперь Чапая, нет дорогого нашего бати. Но что поделаешь — война…

У Героя Советского Союза гвардии полковника А. А. Головачева богатая биография. Он родился в 1909 году в семье старого большевика-подпольщика слесаря Алексея Петровича Головачева, ставшего после победы Великого Октября красным директором завода. В 1926 году Александр Головачев закончил ФЗУ и поступил на завод расточником. В 1931 году он с отличием завершил учебу в Военной школе имени ВЦИК, служил в Московской Пролетарской стрелковой дивизии и в других частях, участвовал в боях на Карельском перешейке зимой 1939/40 года.

Когда на Советскую Родину вероломно напали фашистские орды, обогащенный боевым опытом коммунист Александр

Алексеевич Головачев дрался с превосходящими силами гитлеровцев самоотверженно и стойко, проявив командирскую распорядительность, хладнокровие и несокрушимую волю. Он лично подбивал фашистские танки связками гранат, однажды в бою был проутюжен бронированными чудовищами врага, завален землей в окопе и спасен солдатами.

Окруженный и отрезанный от своих, Александр Головачев не прекратил борьбы, партизанил в Брянских лесах. После соединения отряда с советскими войсками стал командиром полка, а затем и бригады.

Герой Советского Союза А. А. Головачев был ветераном 3-й гвардейской танковой армии, гордостью 1-го Украинского фронта. В третью годовщину Великой Отечественной войны, когда корпусу вручали гвардейское Знамя, а 23-й гвардейской мотострелковой бригаде боевой орден, Александр Алексеевич Головачев писал родным: "…Я могу честно смотреть в глаза народу и сказать, что начал воевать в 6 часов утра 22 июня 1941 года. Я видел горечь первых поражений и теперь испытываю радость наших побед… Я не допустил ни одного бесчестного поступка на войне. Был всегда там, где жарко. Семь раз тяжело ранен, а ран на моем теле всего одиннадцать. Если у меня не будет рук — буду идти вперед и грызть врага зубами. Не будет ног — стану ползти и душить его. Не будет глаз — заставлю вести себя. Пока враг в России — с фронта не уйду…"

Коммунист гвардии полковник А. А. Головачев выполнил свою клятву. Он сражался с врагом до последнего вздоха, до последней капли крови. Александр Алексеевич Головачев стал дважды Героем Советского Союза. Его именем названа одна из улиц в столице нашей Родины городе-герое Москве,

В конце марта 1945 года мы потеряли и члена Военного совета 52-й армии генерал-майора Александра Федоровича Боброва. Погиб он не от пули, не от осколка вражеского снаряда. Не выдержало сердце огромного и непрерывного боевого напряжения. Александру Федоровичу приходилось дни и ночи напролет заниматься разнообразными и неотложными делами. Видный и талантливый политработник в прямом смысле слова скончался на боевом посту.

Совсем незадолго до своей кончины генерал А. Ф. Бобров с гордостью и радостью докладывал мне, что 52-я армия, преследуя отходившего противника, одной из первых вступила на территорию фашистской Германии.

— Сбылось то, о чем мечтали мы всю войну, — сказал Александр Федорович. — Теперь и до победы совсем недалеко…

Но до полной нашей победы ему, к сожалению, дожить не

удалось. Все мы, руководящие работники фронта, в том числе и командующий 52-й армией Ю. А. Коротеев, высоко ценили генерала А. Ф. Боброва, глубоко переживали горечь утраты. Мы потеряли в тяжелых и упорных боях 1945 года тысячи воинов.

Верхне-Силезская наступательная операция, протекавшая в трудных условиях, завершилась полным разгромом оппельнско-ратиборской группировки гитлеровцев. Противник потерял только убитыми около 30 тысяч солдат, унтер-офицеров и офицеров. 15 тысяч гитлеровцев наши войска взяли в плен, и преимущественно в оппельнском котле. Окруженная в районе Оппельна группировка гитлеровцев была разгромлена в рекордно короткий срок. 18 марта 1945 года войска 1-го Украинского фронта замкнули кольцо окружения, а 20 марта с этой крупной группировкой уже было покончено.

Наконец-то наступила долгожданная и желанная оперативная пауза.

Штурм городов-крепостей

Изгнав гитлеровцев из Верхней и Нижней Силезии, войска фронта вышли в полосе более чем 100 километров на реку Нейсе. Развернувшись по ней от устья до Пенциха, они закрепились на рубеже Штрелен, Ратибор, предгорья Судет. Но далеко в тылу фронта долго еще оставались окруженные советскими войсками многотысячные вражеские гарнизоны в городах-крепостях Бреслау (Вроцлав) и Глогау (Глогув).

Немецко-фашистское командование делало ставку на затяжку войны, пытаясь закулисными путями сговориться с реакционными кругами западных держав. Гитлеровцы предпринимали отчаянные попытки закрепиться на водных рубежах, любой ценой сдержать продвижение советских войск в глубь Германии и все чаще прибегали к жесткой обороне городов-крепостей. Впервые немцы вспомнили о древнем крепостном способе ведения боевых действий под Сталинградом. Нацистский генерал Курт Цейтцлер, являвшийся в то время начальником германского генштаба сухопутных войск, впоследствии писал: "В одном из первых приказов Гитлера, отданном вскоре после того, как сомкнулись русские клещи, говорилось: "Войска 6-й армии, окруженные в Сталинграде, впредь будут именоваться войсками крепости Сталинград".

Так одним росчерком пера район окружения превратился в крепость, по крайней мере, в воображении Гитлера"{103}.

Цейтцлер вспоминал, что фюрер был без ума от своего «изобретения», считая это одним из методов ведения психологической войны. По убеждению Гитлера, одно лишь слово «крепость» должно было повышать стойкость и упорство

немецкого солдата. Но фашистским демагогам никого не удалось ввести в заблуждение. Сталинградская битва, как известно, завершилась сокрушительным разгромом и пленением окруженной советскими войсками 330-тысячной немецко-фашистской группировки. Однако нацисты и впоследствии не отказались от авантюры с городами-крепостями. В начале 1944 года Гитлер специальным приказом определил систему крепостей и опорных пунктов, которые должны удерживаться до последнего. Психологическое воздействие подкреплялось излюбленным для нацистов методом запугивания и кровавого террора. За оборону таких городов командиры немецких частей и комендантты отвечали головой и в случае их сдачи подвергались суровой каре, вплоть до смертной казни.

Наступая на запад, войска 1-го Украинского фронта штурмом овладели городом-крепостью Тарнополь и Кременцом, считавшимся мощной естественной крепостью на хребте Кременецких гор. Древние крепостные сооружения были в Каменец-Подольском и в некоторых других городах. Войска фронта с боями овладели широко известной еще по первой мировой войне крепостью Перемышль, а в начале 1945 года — городом-крепостью Бриг и другими опорными пунктами.

Но Бреслау значительно превосходил взятые нами города-крепости как древними сооружениями и фортами, так и современной, глубоко эшелонированной обороной, созданной по последнему слову инженерного искусства. Командующий, Военный совет и штаб фронта заблаговременно были информированы о долговременных оборонительных сооружениях противника в Бреслау и Глогау. Мы об этом хорошо знали не только по показаниям пленных и аэрофотосъемкам, но и по немецким картам, чертежам и схемам, которые были найдены у коменданта Бреслау, убитого 29 января 1945 года при попытке удрать на самолете.

Город-крепость Бреслау являлся мощным узлом обороны противника на реке Одер. Он прикрывался железобетонными дотами и другими долговременными инженерными сооружениями. Особенно широко гитлеровцы использовали инженерные заграждения в конце 1944 и в начале 1945 года. К строительству внешнего и внутреннего оборонительных обводов Бреслау привлекались не только войсковые инженеры и саперные части, но и огромная масса гражданского немецкого населения, а также угнанные в фашистское рабство люди из многих стран Европы.

Когда в районе Бреслау наши войска окружили около 40 тысяч вражеских солдат и офицеров, они встретили на внешнем

обводе обороны ожесточенное сопротивление гитлеровцев. Окруженная нами группировка упорно защищала пригороды, аэродромы и ближайшие железнодорожные станции. Все населенные пункты, фольварки, заводы и отдельные здания были приспособлены к круговой обороне. Наличие развитой траншейной системы позволяло противнику свободно маневрировать живой силой и техникой, сосредоточивая огонь на угрожаемых направлениях.

На лесных дорогах часто встречались завалы, минные поля и различные заграждения. По удерживаемым противником участкам железных дорог курсировали бронепоезда. В наземную оборону была поставлена и зенитная артиллерия.

После того как Бреслау оказался в кольце советских войск, гитлеровцы попытались организовать "воздушный мост". По ночам тяжелые транспортные самолеты совершали посадки на городские аэродромы, доставляя боеприпасы и пополнение, увозя раненых и видных нацистских чиновников.

Чтобы лишить осажденный гарнизон воздушных путей снабжения, наши войска усилили атаки. Вскоре они заняли аэродром Нойкирх и несколько посадочных площадок. Но захватить аэродром Бреслау-Западный нам пока не удавалось.

Маршал Советского Союза И. С. Конев вызвал командующего 2-й воздушной армией генерала С. А. Красовского и сказал ему:

— Посмотрите, Степан Акимович, на план города. Вот здесь обозначен аэродром Бреслау-Западный. Он, как вам известно, и поныне действует. Ночью сюда садятся самолеты, доставляя окруженным боеприпасы и продовольствие. Надо лишить врага такой возможности. Днем вы хорошо блокируете крепость, а ночью перехваты пока хуже получаются. Словом, аэродром нужно парализовать. А как лучше решить эту задачу, не мне вам подсказывать.

Доложив, что приказ будет выполнен, генерал С. А. Красовский сказал, что авиаторы постараются парализовать вражеский аэродром не только бомбами, реактивными снарядами и искусными перехватами, но используют и военную хитрость.

Вскоре заместитель командующего воздушной армией по политической части генерал С. Н. Ромазанов, включившийся по моему совету в решение этой сложной задачи, доложил, что по соседству с аэродромом Бреслау-Западный развернулся наш ложный, представляющий точную копию немецкого. По вечерам вылетал советский воздушный разведчик и уточнял световые сигналы, установленные противником на Бреслау-Западном. Когда секрет был разгадан, на нашем ложном аэродроме стали зажигаться точно такие же сигнальные огни. И вскоре на нем

приземлились несколько неприятельских транспортных самолетов Ю-52 с оружием, боеприпасами и даже ценными документами. Все они были захвачены. Немало грузовых парашютов с имуществом, предназначенным для осажденного вражеского гарнизона, тоже опустились в расположении советских войск.

Из показаний военнопленных и документов, захваченных у коменданта Бреслау, стало известно, что на улицах этого большого старинного города, имевшего древние форты, гитлеровцы соорудили баррикады. Высота некоторых из них достигала пяти метров, ширина шести-семи. Почти все каменные здания, и прежде всего угловые, имевшие массивные стены, глубокие подвалы и всевозможные башенки, были превращены в опорные пункты. Противник приспособил к обороне парки и сады, огромное количество траншей и ходов сообщения. Опорные пункты объединялись в огневую систему.

Вполне понятно, что с ходу такую крепость не возьмешь. Нам была хорошо памятна директива Ставки Верховного Главнокомандования от 27 января 1944 года командованию Отдельной Приморской армии в связи с боевыми действиями под Керчью. "Бои в городе приводят к большим потерям в живой силе и затрудняют использование имеющихся в армии средств усиления — артиллерии, РС, танков, авиации… — говорилось в документе. — Эти преимущества армия теряет, ввязавшись в уличные бои в городе, где противник укрепился, где приходится вести затяжные наступательные бои за каждую улицу и за каждый дом и где нет условий для эффективного использования всех имеющихся средств подавления.

Такую тактику командования армии Ставка считает в корне неправильной, выгодной для противника и совершенно невыгодной для нас.

…Главные усилия армии должны быть направлены для действий против противника в открытом поле, где имеется полная возможность эффективно использовать все армейские средства усиления"{104}.

Военный совет 1-го Украинского фронта хорошо понимал, что немецко-фашистское командование, решившее защищать Бреслау и Глогау до последнего солдата и фольксштурмовца, ставило перед собой цель сковать городами-крепостями как можно больше наших дивизий, распылить наши силы, задержать продвижение советских войск к Берлину.

Поэтому в ходе Нижне-Силезской наступательной операции мы стремились не только и не столько окружить группировку немцев в районе Бреслау, сколько прорвать и сокрушить оборону

врага на одерском рубеже; далее — стремительным броском достичь реки Нейсе и выйти на южные подступы к Берлину. Эту большую и трудную задачу войска фронта выполнили успешно.

Но надо честно признаться, что неприятельские крепости сильно мешали нам, усложняя выполнение главной боевой задачи. Мы прекрасно знали намерения немецко-фашистского командования и не поддавались на его уловки, наращивали удары на главном операционном направлении. И все же 40-тысячной группировке противника в Бреслау отчасти удалось растянуть наш фронт и на некоторое время задержать продвижение 5-й гвардейской и 21-й армий. Я уже не говорю о 6-й армии генерала В. А. Глуздовского, которой пришлось непосредственно заниматься осадой и штурмом города-крепости Бреслау, вести там очень тяжелые уличные бой.

Штаб 6-й армии, возглавляемый генерал-майором Ф. Д. Кулешовым, разработал указания по ведению уличных боев. Документ был размножен типографским способом и разослан во все части. В нем отмечалось, что наступательный бой в крупном городе является одним из самых сложных и требует всесторонней подготовки, тщательной разведки. Он складывается из ряда отдельных атак, в ходе которых небольшие подразделения, штурмовые группы и отряды решают самостоятельные задачи, захватывая те или иные объекты.

В городском бою основной тактической единицей стал штурмовой отряд. Его состав: стрелковый батальон, две 152-мм самоходно-артиллерийские установки, или два танка ИС, или же два 203-мм орудия, одна батарея 76-мм орудий, группа разрушения в составе 14–16 саперов с 800–900 килограммами взрывчатки, группа поджога в составе 12–15 бойцов, вооруженных ранцевыми огнеметами, а также группа задымления — 3 человека с дымсредствами.

После того как у нас появилось много трофейного оружия, а воины наши научились успешно его применять, из состава батальона стала выделяться группа солдат и сержантов, вооруженных фаустпатронами. Разработанные штабом армии указания по ведению уличных боев в городе настоятельно рекомендовали использовать трофейные фаустпатроны при борьбе с бронеколпаками, дотами, дзотами и иными огневыми точками на близких дистанциях{105}.

Действия штурмового отряда (батальона) обеспечивали дивизионная артиллерия, огнеметы, подразделения разграждения и подрыва, а также метательные подразделения, выделяемые из состава инженерных частей.

Когда это диктовалось обстановкой, атаку штурмового отряда

поддерживали артиллерия большой мощности и гвардейские минометы. Словом, делалось все для того, чтобы эффективным огнем расчистить путь наступающей пехоте.

В состав штурмовой группы включались стрелковый взвод или рота, группа саперов-подрывников, орудия прямой наводки и станковые пулеметы, отделение противотанковых ружей или группа с фаустпатронами, группа поджога, вооруженная ранцевыми огнеметами (РОКС-3), а также химики со средствами задымления. По решению вышестоящего командира штурмовым группам придавались танки, самоходные орудия, а иногда, если представлялась возможность, артиллерия больших калибров{106}.

Особенности и своеобразие боя в большом городе влияли, да и не могли не влиять, на содержание и формы политработы. Это и понятно. Если тактические приемы и способы ведения боя становятся иными, меняется и содержание партийно-политической работы, а порой даже структура партийного аппарата в войсках. Не только в штурмовых отрядах, но и в каждой группе назначался парторг, имевший двух заместителей. Эта мера определялась не только задачей своевременной замены выбывших из строя. В разгар боя штурмовая группа иной раз была вынуждена разделяться на подгруппы и атаковать различные объекты. В этих случаях заместители становились парторгами подгрупп. В результате партийное влияние на воинов не ослабевало ни на минуту.

Подобная расстановка партийных сил была продиктована специфическими условиями городского боя, рождена опытом и творчеством армейских политработников.

Надо откровенно признать, что первые дни штурма Бреслау принесли нам несколько повышенный процент потерь и напомнили непреложную истину, что без знания особенностей городского боя, без непрерывной разведки и четкого взаимодействия успех невозможен.

Пришлось временно прекратить штурм Бреслау и перейти к осадным действиям. Военный совет рекомендовал командирам, штабам и политорганам использовать относительное затишье для обучения воинов тактике уличного боя, сколачивания штурмовых групп, совершенствования взаимодействия и всесторонней подготовки воинов к новому наступлению.

В свою очередь и политуправление фронта делало все для того, чтобы политотдел армии и весь партийно-политический аппарат перестроил свою деятельность с учетом особенностей и своеобразия уличных боев и усилил пропаганду тактических приемов вооруженной борьбы с фашистскими войсками,

осажденными в городе-крепости.

Мы с начальником политуправления фронта генералом Ф. В. Яшечкиным много раз бывали в 6-й армии, советовались с начальниками политотделов дивизий, действовавших в районе Бреслау, полковником Я. В. Поваровым, подполковниками М. И. Булычевым, А. М. Кузьминым, Н. В. Смирновым, В. Г. Ткаченко, М. Л. Терентьевым, А. И. Щетининым и другими, учились опыту у них, давали им советы и рекомендации. Это были весьма полезные беседы, в которых принимали участие командующий армией генерал В. А. Глуздовский, член Военного совета генерал В. Я. Клоков, начальник политотдела генерал Х. С. Надоршин, командующий артиллерией генерал В. Квашневский. Беседы не носили назидательного характера. Они преследовали цель отобрать все новое, накопленное при штурме Бреслау, и использовать его в дальнейшей боевой практике.

Хорошо помню наш разговор о применении артиллерии в городском бою. Я сообщил собравшимся, что Военный совет фронта справедливо упрекал артиллеристов за то, что они не научились использовать орудия большого калибра для стрельбы прямой наводкой.

Мое выступление горячо поддержал член Военного совета армии генерал В. Я. Клоков, поделившийся личными впечатлениями о боях на Карельском перешейке в 1939–1940 годах, где по ночам орудия крупного калибра выдвигались к железобетонным дотам. Когда занимался рассвет и цель можно было различить, расчеты били прямой наводкой, в упор, наверняка, разрушая железобетонные многоамбразурные доты.

— Так же дерзко, расчетливо и умело должны действовать наши артиллеристы в Бреслау, — заявил Василий Яковлевич. — На прямую наводку надо решительно выдвигать не только семидесятишестимиллиметровые орудия, но и артиллерию других калибров.

Член Военного совета 6-й армии генерал-майор авиации В. Я. Клоков напомнил собравшимся начподивам, что, если политработник не вникает в тактику, он не может быть настоящим организатором политработы на войне.

Бой в большом городе необычен и весьма сложен, требует особых тактических приемов. Командирам и политработникам, всем воинам надо хорошо знать, как лучше атаковать первый этаж, как действовать на втором этаже, на чердаке и т. д. При организации политработы это тоже необходимо было учитывать.

Василий Яковлевич Клоков обладал богатым боевым опытом, организаторскими способностями, хорошо знал военное дело и практику партийно-политической работы. В ряды

Коммунистической партии он вступил по ленинскому призыву в 1924 году, много лет служил в Советской Армии, мужественно и самоотверженно выполняя задания партии.

Генерал Клоков был храбр, спокоен и хладнокровен даже в напряженной боевой обстановке, он своим примером благотворно влиял на солдат, сержантов и офицеров. Его советы подчиненным, как правило, являлись плодом серьезных раздумий и многолетнего опыта. Василий Яковлевич неплохо разбирался и в оперативных вопросах, деятельно участвовал в руководстве войсками армии.

Бывалые воины, имевшие опыт боев в Сталинграде, Тернополе, Перемышле, Бриге и других городах, проводили беседы с молодыми солдатами, делились воспоминаниями, впечатлениями, давали полезные советы. В некоторых солдатских многотиражках печатались выдержки из статьи командующего 62-й армией генерала В. И. Чуйкова о боях в Сталинграде, написанной им в 1943 году. Прославленный герой битвы на Волге отмечал, что боевые действия защитников и освободителей Сталинграда учат: "…Врывайся в дом вдвоем — ты да граната; оба будьте одеты легко — ты без вещевого мешка, граната без рубашки; врывайся так: граната впереди, а ты за ней; проходи весь дом опять же с гранатой — граната впереди, а ты следом.

На этот опыт можно положиться вполне.

Тактика штурмовой группы основана на быстроте действий, натиске, широкой инициативе и дерзости каждого бойца. Гибкость в тактике необходима этим группам, потому что, ворвавшись в укрепленное здание, попав в лабиринт занятых противником комнат, они встречаются с массой неожиданностей. Здесь вступает в силу неумолимое правило: успевай поворачивайся! На каждом шагу бойца подстерегает опасность. Не беда — в каждый угол комнаты гранату, и вперед! Очередь из автомата по остаткам потолка; мало — гранату, и опять вперед! Другая комната — гранату! Поворот — еще гранату! Прочесывай автоматом. И не медли!

Уже внутри самого объекта противник может перейти в контратаку. Не бойся! Ты уже взял инициативу, она в твоих руках. Действуй злее гранатой, автоматом, ножом и лопатой. Бой внутри дома бешеный"{107}.

Василий Иванович эмоционально и образно описал полный неожиданностей бешеный бой в зданиях, где в каждой комнате и на каждой лестничной клетке, буквально на каждом шагу солдата подстерегают опасности; и атакующий боец должен прокладывать себе путь огнем и гранатой, ножом, штыком, лопатой. Но советские войска, штурмовавшие Бреслау, имели более

совершенную боевую технику, более мощное вооружение, чем защитники Сталинграда. Это внесло коррективы и в тактику городского боя.

Политорганы 6-й армии усилили пропаганду передового опыта, издавая массовыми тиражами листовки и памятки. Армейская газета "На разгром врага" (редактор И. Н. Волков) много писала о боевых действиях штурмовых групп и особенностях городского боя. На ее страницах оперативно и ярко рассказывали о боевых действиях в Бреслау и героях штурма города-крепости корреспонденты В. И. Малинин, И. И. Дебрин, И. Я. С липко и многие другие.

По инициативе начальника политотдела 309-й стрелковой дивизии подполковника В. Г. Ткаченко был выпущен "Бюллетень опыта уличных боев". Командир дивизии Герой Советского Союза Б. Д. Лев, работники штаба соединения, бывалые солдаты, сержанты и офицеры рассказывали в статьях об успешном наступлении 1-го батальона 957-го стрелкового полка, овладевшего 590-м кварталом в Бреслау, об искусном применении дымовой завесы подразделениями 953-го стрелкового полка и эффективной помощи саперов, взрывавших баррикады, об использовании ранцевых огнеметов, трофейных фаустпатронов и о боевых действиях мелких групп при штурме зданий.

В войсках 6-й армии организовывались встречи пехотинцев с артиллеристами, летчиками, танкистами, саперами. Проводились и другие мероприятия. Политорганы партийными средствами помогали командирам добиться слаженного взаимодействия различных родов войск.

Перед началом штурма Бреслау состоялось объединенное заседание партийных бюро 955-го стрелкового и 1906-го артиллерийского полков. На нем обсуждался вопрос о дальнейшем укреплении боевого содружества и улучшении взаимодействия между пехотинцами и артиллеристами на различных этапах боя. Принятое решение обязывало парторгов, а также всех коммунистов стрелковых подразделений разъяснить пехотинцам, что надо при любой возможности помогать артиллеристам быстро менять огневые позиции, надежно прикрывать их в бою, давать им точные целеуказания. В свою очередь и артиллеристам были высказаны ценные предложения, дельные пожелания пехотинцев. В итоге взаимодействие между подразделениями и воинами различных родов войск значительно улучшилось.

Вот из многоэтажного углового здания застрочил станковый пулемет противника и заставил нашу пехоту залечь. И враз

взлетела ракета, указав орудийному расчету опасную огневую точку. По команде сержанта Николая Болдырева артиллеристы выкатили орудие на прямую наводку, и после их третьего выстрела вражеский станковый пулемет умолк. Стрелки мгновенно поднялись в атаку, ворвались в подвал углового дома и захватили первый этаж. Начался штурм здания и всего квартала.

Вскоре наши воины опять вынуждены были остановиться. Дальнейшее продвижение штурмовой группы задерживала каменная баррикада, из-за которой гитлеровцы непрерывно вели огонь. И снова на помощь стрелкам пришел расчет коммуниста Болдырева. Меткими выстрелами он разворотил вражескую баррикаду. Наши автоматчики немедленно сделали очередной бросок вперед.

Но артиллеристам преодолеть это препятствие было сложнее, чем пехотинцам. Через проломы, проделанные в баррикаде снарядами, орудие не протащишь. Расчету помогли саперы, подложившие под баррикаду солидный запас взрывчатки. И орудие сопровождения опять двинулось вместе с пехотой.

Во дворе огромного здания стрелков встретил пулеметный огонь. Сержант Николай Болдырев, оценив обстановку, с помощью пехотинцев вкатил орудие в подъезд противоположного здания и прямой наводкой уничтожил огневую точку. Так, в тесном взаимодействии с пехотой, непрерывно сопровождая ее, и штурмовали артиллеристы вражеские укрепления Бреслау.

Образцово выполняла боевые задачи стрелковая рота лейтенанта Александра Ивановича Якимчука. В течение дня она овладела пятью кварталами города и истребила около двухсот гитлеровцев.

Особенно упорное сопротивление врага подразделение Якимчука встретило в 156-м квартале. Когда несмолкаемый огонь противника заставил наших воинов залечь, командир-коммунист с несколькими бойцами скрытно обошел дом и внезапно атаковал врага с тыла. Залегшие бойцы поднялись и без потерь ворвались в 156-й квартал, планомерно очищая строения от засевших там гитлеровцев.

Боевые действия шли с переменным успехом. В результате одной из контратак гитлеровцы отрезали лейтенанта Якимчука и горстку находившихся с ним храбрецов. Офицер-коммунист сам лег за пулемет и до последнего патрона отбивал контратаки противника. Он воодушевлял подчиненных словом и личным примером. Убедившись в невозможности отбить дом, захваченный русскими, разъяренные гитлеровцы подожгли его и окружили со всех сторон. А получив подкрепление, они снова

бросились на горящие развалины. В критическую минуту Александр Иванович Якимчук вызвал на себя огонь нашей артиллерии и не отступил ни на шаг. За этот подвиг ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

В боевых порядках штурмовых групп постоянно находился агитатор 243-го стрелкового Волжского полка 181-й стрелковой Сталинградской дивизии майор Я. И. Чапичев, умевший вносить в любое дело творческую живинку и дух партийности. Воины любили Якова Чапичева, зажигавшего сердца солдат яркими и страстными выступлениями, ждали каждой встречи с ним, с большим вниманием прислушивались к его словам.

Об этом умном, общительном и храбром агитаторе мне рассказывал начальник политотдела 6-й армии генерал Х. С. Надоршин. Много интересного поведал о Якове Чапичеве корреспондент газеты 1-го Украинского фронта "За честь Родины" С. М. Борзунов, позже посвятивший фронтовому другу теплые и проникновенные строки в своей книге "На линии огня" и радиопостановке "Недопетая песня".

В наградном листе, который мне довелось подписывать, протокольно сжато, но предельно ясно говорится о том, как агитатор стрелкового полка личным примером подкреплял партийное слово. Когда разгорелся тяжелый бой за железнодорожную станцию и превосходящие силы врага начали теснить наше подразделение, в первую линию боевых порядков выдвинулся политработник майор Чапичев. Его страстный призыв "Ни шагу назад! Обороняться стойко!" укрепил дух воинов. Подразделение остановилось и дружным огнем вынудило контратакующих гитлеровцев залечь. После этого Яков Чапичев с возгласом "За Родину, вперед!" первым поднялся в атаку и увлек за собой всех воинов роты.

Майор Чапичев был ранен, но не ушел с поля боя. При взятии Шмидельфельде он снова поднял солдат в атаку, получил еще одно ранение, но остался в строю и лично уничтожил до 30 гитлеровцев.

9 марта 1945 года разгорелся жаркий бой на подступах к одному из заводов Бреслау. Противник оборонялся в квартале, укрепленном, как крепость. Первая стрелковая рота, пытавшаяся ворваться в этот квартал и захватить большой дом, успеха не имела. Узнав, что неудача несколько обескуражила солдат, в боевые порядки роты пришел агитатор полка майор Чапичев. Он заявил воинам, что не только рота, а даже небольшая, но дерзкая штурмовая группа сможет овладеть зданием. Некоторые солдаты недоверчиво отнеслись к его словам. Тогда майор Чапичев решил делом доказать справедливость своих слов. Вместе с

сопровождавшим его разведчиком он стремительно бросился к дому и, забросав гранатами огневую точку, захватил угол здания.

Рота рванулась на помощь смельчакам. Начался гранатный бой в доме, в подвалах. Подразделение последовательно очищало квартал от гитлеровцев, настойчиво приближаясь к заводским корпусам.

При штурме вражеских укреплений в Бреслау агитатор полка майор Чапичев пал смертью храбрых. Ему было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Многие наши политработники, подобно Якову Чапичеву, в решающие минуты боя выдвигались вперед, вдохновенным словом и личной отвагой вели воинов на штурм вражеских укреплений. Ценным качеством, например, обладал коммунист младший сержант П. И. Гречишников. Политическую агитацию он умел увязывать с боевыми задачами и пропагандой ратного опыта. Действуя в Бреслау в составе штурмовой группы, младший сержант в помощью ранцевого огнемета (РОКС-3) уничтожил четыре вражеских дзота с расчетами, выкурил из трех подвалов фашистских фаустников, заставил замолчать несколько огневых точек в двух укрепленных домах. Успешно истребляли врага рядовой С. Д. Коваль и другие огнеметчики подразделения.

Инициативные и умелые действия кавалера орденов Красного Знамени и Красной Звезды коммуниста П. И. Гречишникова и его товарищей вызывали восхищение личного состава штурмовой группы. Вот почему слово агитатора-большевика было так авторитетно и действенно.

В Бреслау мне довелось побывать на огневых позициях дивизиона гаубиц большой мощности, которым командовал майор Л. И. Никифоров. Прибыл я туда как раз в тот момент, когда подразделение точным и сокрушительным ударом уничтожило опорный пункт обороны противника и пехота пошла вперед.

Руководивший стрельбой командир дивизиона передал с наблюдательного пункта по телефону благодарность артиллеристам за отлично выполненную огневую задачу. Он особо отметил командира орудия старшего сержанта В. Т. Филатова и наводчика кандидата в члены ВКП(б) В. Ф. Киселева, осуществивших пристрелку цели. Парторг батареи старший сержант Г. В. Шалаев немедленно оповестил личный состав подразделения об успешном выполнении огневой задачи и объявленной командиром благодарности.

По инициативе заместителя командира дивизиона по политической части капитана С. М. Трощина здесь ежедневно выпускался в нескольких экземплярах информационный

бюллетень, распространявшийся во всех батареях. В нем публиковались сводки Совинформбюро, сообщения о боях в Бреслау, успехах соединения, армии и фронта, рассказывалось о героях боев. В каждой батарее имелась карта-схема с нанесенной на ней обстановкой, регулярно проводились обзоры боевых событий, политические информации.

Я с удовлетворением убедился в том, что политработой здесь охвачены все звенья, а парторги рот, батарей и равных им подразделений на деле стали наставниками и воспитателями солдат.

Когда мы прибыли в 1248-й армейский артиллерийский Запорожский истребительно-противотанковый полк, то прежде всего увидели бравого старшего сержанта с забинтованной рукой на перевязи. Он о чем-то рассказывал окружавшим его солдатам. Подав команду «Смирно», старший сержант представился:

— Парторг батареи и командир расчета Зарин.

И тут же доложил, что объяснял артиллеристам устройство трофейного немецкого фаустпатрона.

Раненный в уличном бою за Бреслау, старший сержант Н. К. Зарин отказался идти в госпиталь. Оставшись в строю, он продолжал вести политическую работу, сплачивая батарею с помощью партийного актива. Парторг постоянно был вместе с артиллеристами, делил с ними все тяготы фронтовой жизни.

В то время, когда я находился в Бреслау, погода отличалась неустойчивостью. Неожиданно наступила оттепель, пошел дождь со снегом, а ночью опять ударил морозец. Мокрые солдатские шинели, бушлаты и маскхалаты заледенели, одежда шуршала и хрустела при каждом движении бойцов. Возникла даже опасность обморожения людей. Пришлось использовать все средства обогрева.

Кое-где в укрытиях и подвалах развели костры. Вместе с членом Военного совета 6-й армии генералом В. Я. Клоковым мы подошли к небольшой группе артиллеристов, сушивших у костра промокшее обмундирование. Некоторые из них протягивали к огню покрасневшие от холода руки и отдыхали, используя выдавшиеся свободные минуты. И снова среди них мы увидели знакомого нам старшего сержанта Н. К. Зарина, рассказывавшего артиллеристам разные истории. Временами вспыхивал смех, настроение у солдат было приподнятое. Что ж, поднять у людей дух бодрости — тоже своего рода политработа. Она помогала бойцам легче переносить суровые тяготы войны.

В армейской среде всегда пользовались популярностью баянисты, запевалы, рассказчики и просто веселые люди. Они и сами не унывали в трудные минуты, и товарищей поддерживали.

Политработники заботились о том, чтобы способности таких людей применялись с наибольшей пользой для общего дела.

На одной из улиц Бреслау сквозь автоматную трескотню и кваканье шестиствольных минометов мы услышали музыку и вскоре увидели стоявшую прямо на улице фисгармонию. Наши солдаты вынесли ее из обгоревшего здания. Рядом находился танк лейтенанта Б. И. Дегтярева. Экипаж ожидал получения боевой задачи.

Воспользовавшись наступившей паузой, башенный стрелок Б. В. Калякин сел за фисгармонию и под музыку стал тихонько напевать песню "Три танкиста":

И добили — песня в том порука
Всех врагов в атаке огневой
Три танкиста — три веселых друга
Экипаж машины боевой!

— Не совсем точная песня, — произнес механик-водитель А. И. Козейкин. В ней поется про трех танкистов, а в нашем экипаже четыре.

— Это дело поправимое, — весело отозвался Б. В. Калякин. Фисгармония — инструмент напевный, играет в замедленном ритме. Под эту мелодию можно любые слова подобрать…

Башенный стрелок Калякин снова нажал на клавиши и, покачивая педалями, шутливо пропел:

Четыре танкиста — четыре веселых друга
Экипаж машины боевой!

Но вот заговорила артиллерия. Огневой налет предшествовал наступлению нашего штурмового отряда. Получил боевую задачу и экипаж лейтенанта Дегтярева. Четыре танкиста, четыре веселых друга, быстро заняли свои места в танке и приготовились к атаке вражеских укреплений.

Воспитанию наступательного порыва, подъему боевого духа войск во многом способствовали обращения командиров частей и соединений к личному составу. Чаще всего они носили конкретный характер, посвящались выполнению отдельных оперативных или тактических задач. В одном из таких обращений командир полка писал: "Дорогой товарищ! Через 20 минут атака. От успеха сегодняшнего боя зависит быстрейшее окончание войны. Ты не только на штурм Бреслау идешь. Ты идешь в бой за Советскую Родину и освобождение народов Европы от фашизма. Помни о муках и горе народа, помни о погибших! Вперед!"{108}

Помогая командирам вооружать воинов передовым опытом, наращивая наступательный порыв войск, политорганы занимались также пропагандой среди солдат окруженных в Бреслау и Глогау вражеских гарнизонов и местного населения. В листовках на немецком языке мы сообщали, что войска Красной Армии находятся более чем в 250 километрах северо-западнее Бреслау и Глогау, что дни гитлеровского кровавого режима сочтены.

Работа по разложению войск противника проводилась не только средствами печатной пропаганды, но и с помощью радио, мощных громкоговорящих установок, рупоров и других технических средств. Использовались различные формы и методы пропаганды и контрпропаганды.

Фашистское командование было обеспокоено этим и жестоко карало немецких солдат, которые читали наши листовки. В одном из захваченных нами документов командирам гитлеровских частей и боевых групп предлагалось предупредить личный состав, что в войсках появляются "офицеры или солдаты в офицерской форме, которые находились в русском плену, были обработаны русскими, деморализованы и настроены враждебно по отношению к немцам. Эти солдаты ведут разлагающие разговоры и деморализуют личный состав. Необходимо таковых немедленно задерживать и передавать в распоряжение командиров"{109}.

Незримая гестаповская паутина опутывала все звенья армии, все институты государства. Принимались драконовские меры по укреплению нацистского духа, производились публичные казни. Как нам стало известно, гауляйтер Бреслау Ханке и гестапо с необычайной подозрительностью следили за каждым шагом командующего гарнизоном крепости генерала Никгофа и офицеров его штаба. В свою очередь генерал Никгоф с подручными настороженно следил за гауляйтером и другими нацистскими бонзами, готовый арестовать или же пулями изрешетить Ханке, если тот вздумает удрать на самолете из котла. Впрочем, в Берлине каждого из них ждала смертная казнь за побег из крепости Бреслау.

Военнопленный, обер-лейтенант полиции, показывал, что примерно такая же обстановка царила в окруженном советскими войсками Глогау. До всего личного состава был доведен приказ Гитлера о репрессиях по отношению к семьям перебежчиков и солдат, попавших в плен, не будучи ранеными.

Немецких военнослужащих и фольксштурмовцев, пытавшихся перейти к русским или же высказавших пораженческие мысли, привлекали к суду военного трибунала и беспощадно расстреливали. Сообщения об этом регулярно помещались в

"вестнике крепости Глогау", пронизанном антисоветской, антикоммунистической пропагандой{110}.

Еженедельно проводились собрания жителей города, на которых крайсляйтер Брюкнер, потрясая автоматом, истерически призывал население выйти из подвалов, укреплять оборону, браться за оружие и вместе с солдатами вермахта сражаться с большевиками.

Основу обороны Глогау составляли древняя крепость и господствующий над местностью замок. Так же как и в Бреслау, здесь каждый каменный дом, каждое производственное помещение были приспособлены к длительному сопротивлению. Подступы к неприятельским позициям прикрывало множество минных полей. Гарнизон крепости насчитывал 18 тысяч немецких солдат и офицеров.

В предвидении Берлинской операции командующий 1-м Украинским фронтом поставил перед командармами В. А. Глуздовским и В. Н. Гордовым задачу быстрее разделаться с крепостями и высвободить вверенные им армии для завершающих операций Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне.

3-я гвардейская армия (командующий генерал В. Н. Гордов, члены Военного совета генералы И. С. Колесниченко и А. Г. Лопатенко, начальник штаба генерал С. И. Любарский) успешно решила эту задачу. Неприятельская крепость была блокирована лишь частью сил. Основная масса войск находилась на рубеже реки Нейсе.

Учитывая это обстоятельство, командующий 3-й гвардейской армией и штаб скрытно перегруппировали имеющиеся в наличии войска, создав на направлении главного удара необходимый перевес в силах и средствах. Командующий фронтом подкрепил армию артиллерией большой мощности и авиацией.

В дни боев за Глогау не только бомбардировщики и штурмовики, но и наши истребители наносили удары с пикирования по точечным целям, беспощадно сокрушая крепостные сооружения и инженерные заграждения, подавляя огневые средства врага. 3-ю гвардейскую армию хорошо поддерживали 2-й гвардейский штурмовой авиакорпус генерал-майора авиации С. В. Слюсарева и 2-й истребительный авиакорпус генерал-майора авиации В. М. Забалуева. Успешно поражали точечные цели экипажи 322-й истребительной авиадивизии полковника А. Ф. Семенова, 6-й гвардейской штурмовой авиадивизии генерал-майора авиации А. Ф. Курочкина, 11-й гвардейской штурмовой авиадивизии гвардии полковника А. П. Осадчего, а также другие части.

Политотдел 3-й гвардейской армии, возглавляемый генералом Г. А. Бойко, и политорганы соединений за короткий срок укрепили партийные организации штурмовых батальонов и рот, подобрали и проинструктировали парторгов и комсоргов штурмовых групп.

Перед решительным наступлением в частях проходили митинги. У развернутого боевого Знамени воины давали клятву разгромить ненавистного врага и овладеть крепостью.

Используя мощную артиллерийскую и авиационную поддержку, на штурм Глогау двинулись части 21-го стрелкового корпуса генерал-майора А. А. Яманова. На главном направлении наступали 389-я стрелковая дивизия генерал-майора Л. А. Колобова и другие части.

К вечеру 1 апреля 1945 года войска 3-й гвардейской армии завершили ликвидацию окруженного гарнизона и овладели городом и крепостью Глогау. Войска взяли в плен более 8 тысяч немецких солдат и офицеров, захватили большое количество вооружения и другого военного имущества.

Итак, крепость была сокрушена. Но в более крупном городе — Бреслау, где гарнизон насчитывал около 40 тысяч солдат и офицеров, а укрепления были еще мощнее, ожесточенные бои продолжались. Там мы потеряли немало наших замечательных солдат, сержантов, офицеров и генералов. Еще в начале боев за город, 11 февраля 1945 года, погиб при бомбометании с пикирования ведущий группы генерал-майор авиации И. С. Полбин.

Это была тяжелая утрата. Летчики поклялись отомстить за любимого командира, беспощадно уничтожать фашистов. Героя Советского Союза генерала И. С. Полбина Родина посмертно наградила второй медалью "Золотая Звезда".

Бои за Бреслау приняли затяжной характер. В свое время войска фронта, возглавляемые Маршалом Советского Союза И. С. Коневым, участвовали в окружении десяти вражеских дивизий и одной бригады под Корсунь-Шевченковским. На ликвидацию этой крупной группировки ушло 20 дней. Тернопольский котел был разгромлен за 35 дней, бродскую группировку мы ликвидировали за 4 дня. Почему же наши войска, имевшие опыт борьбы с вражескими котлами и крепостями, так долго вели бои за Бреслау? Чтобы ответить на этот вопрос, следует вернуться к тем февральским дням 1945 года, когда завершилось окружение Бреслау,

У командующего фронтом И. С. Конева тогда возникло два варианта решения данной проблемы. Они обсуждались на Военном совете. Помню, Иван Степанович рассуждал так: если

навалиться всей мощью фронта на Бреслау, мы довольно быстро ликвидируем окруженную группировку врага, но тогда темп продвижения наших войск на запад замедлится, а следовательно, мы не решим главную задачу. Возможен и другой вариант. Для боевых действий в Бреслау оставить лишь 6-ю армию генерала В. А. Глуздовского, имеющую небольшую численность, но способную вести осаду. В сложившейся боевой обстановке нам больше выгод сулил второй вариант.

Вот почему командующий фронтом принял совершенно правильное решение: сосредоточить основные усилия на том, чтобы быстрее разгромить противника западнее Бреслау, выйти на реку Нейсе и как можно ближе придвинуться к Берлину. Это, как известно, нам вполне удалось.

Но в районе Бреслау, ввиду малочисленности наших войск, ликвидация окруженной группировки затянулась, а противник, увидев, что наши удары недостаточно сильны, продолжал упорно сопротивляться. Трудно было упрекать и командование 6-й армии.

Напрашивается другой вопрос: помогла ли гитлеровцам их авантюра с городами-крепостями, удалось ли немецко-фашистскому командованию с помощью 40-тысячного гарнизона Бреслау отвлечь наши крупные силы от Берлина и помешать нам выполнить другие важные оперативные задачи? Нет, ни в коей мере. Хотя определенные помехи и неудобства мы испытывали, они все-таки не имели решающего значения. Затяжные бои в Бреслау, которыми в [45в] основном занималась 6-я армия, не помешали войскам 1-го Украинского фронта осуществить Верхне-Силезскую наступательную операцию, окружить и быстро ликвидировать крупную группировку врага юго-западнее Оппельна, взять Штейнау, Ратибор и Рыбник, разгромить крепость Глогау с многотысячным гарнизоном и, наконец, создать внушительные ударные группировки для наступления на берлинском и дрезденском направлениях.

Осада Бреслау тоже не была пассивной. Артиллерия и авиация наносили удары по врагу. Непрерывно действовали и штурмовые группы. Такая активность достигалась за счет резервных штурмовых групп и вторых эшелонов. Это сильно изматывало и изнуряло противника, понижало его боеспособность.

Мне неоднократно довелось бывать в Бреслау, и я убедился, что воевавшие там командиры и политработники научились строить свою работу с учетом быстро изменяющейся обстановки. Перед тем как осадные действия должны были смениться решительным штурмом, политорганы оперативно провели

комплекс мероприятий, в том числе и митинги, давшие воинам хороший политический заряд.

Решительные наступательные действия наземных войск были подкреплены массированными ударами авиации. Желая избежать кровопролития, советское командование предъявило ультиматум. Мы предполагали, что гитлеровские генералы попытаются скрыть от солдатской массы документ, содержавший в своей основе гуманные предложения. Советское командование гарантировало жизнь и безопасность всем прекратившим сопротивление немецким солдатам, офицерам и генералам.

Как позднее мы узнали, генерал-фельдмаршал Шернер, возглавлявший группу немецко-фашистских армий «Центр», по радио категорически запретил командующему обороной Бреслау генералу Никгофу принимать ультиматум и вступать с нами в какие-либо переговоры.

Нацистский генерал-фельдмаршал Шернер, замысливший облегчить участь своей группировки, приказал гарнизону крепости Бреслау прорываться на юг, на соединение с его войсками. Он даже обещал нанести встречный удар силами 17-й немецкой армии. Гитлеровцы предприняли несколько разведывательных попыток, но безуспешно.

Верил ли Шернер в успех прорыва? На этот вопрос трудно ответить. Вначале 40-тысячный гарнизон Бреслау обрек на смерть Адольф Гитлер. Потом его мерзкое дело продолжил Шернер. И он предпочел бросить в мясорубку тысячи немецких солдат, лишь бы не допустить их сдачи в плен.

Политработники, занимавшиеся пропагандой на войска противника, через мощные громкоговорящие установки передавали содержание нашего ультиматума, мы также забрасывали в осажденный вражеский гарнизон листовки с официальными пропусками к нам. На завершающем этапе боев в Бреслау довольно активно действовали антифашистские группы национального комитета "Свободная Германия" и Союза немецких офицеров.

Теперь, когда бессмысленность сопротивления немцев в Бреслау стала еще очевиднее, когда мы смогли боевые действия 6-й армии подкрепить мощными ударами с воздуха, результативнее стала и наша пропаганда на войска противника. Вражеские солдаты начали группами сдаваться в плен.

Появление грозной армады советских самолетов над Бреслау привело в чувство многих окруженных фашистов. Комендант крепости генерал от инфантерии Никгоф обратился по радио к советскому командованию с просьбой прекратить огонь, обещая выслать парламентеров. Противнику сразу же был вручен наш

ультиматум. Но и после этого немецко-фашистское командование пыталось ловчить. Срок ультиматума истек, а ответа не поступало. Тогда наши войска снова начали штурм. В результате в 18 часов 45 минут 6 мая 1945 года, после 81 дня осады, над Бреслау появились белые флаги. Крепость капитулировала.

Войска 6-й армии под командованием генерала Глуздовского взяли в плен много немецких солдат и офицеров, оружия, боевой техники и разного имущества.

Командование 2-й польской армии во главе с генералом Каролем Сверчевским поздравило Военный совет 1-го Украинского фронта с завершением боев в Бреслау (Вроцлаве), выразив благодарность за интернациональную помощь польскому народу в освобождении древнего города от фашистского ига. Наши боевые друзья подчеркивали, что это и есть реальное воплощение заключенного 21 апреля 1945 года Договора о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве между СССР и Польшей.

Перед решающей операцией

В напряженных боях, не затухавших ни днем ни ночью, в тревожных волнениях и заботах незаметно пролетела последняя военная зима. Вступала в свои права победная весна 1945 года.

31 марта столица нашей Родины Москва салютовала войскам 1-го Украинского фронта, овладевшим городами Ратибор и Бискау — важными узлами дорог и мощными опорными пунктами обороны гитлеровцев. На этом Верхне-Силезская наступательная операция завершилась; на всем протяжении фронта, за исключением Бреслау, наступила оперативная пауза.

Именно в тот день, как я уже упоминал, Маршал Советского Союза Конев получил вызов в Москву. На 1 апреля 1945 года в Ставке Верховного Главнокомандования было назначено обсуждение плана Берлинской операции.

Иван Степанович еще до отъезда в Москву объяснял нам, членам Военного совета, что 1-му Белорусскому фронту в одиночку будет трудновато овладеть Берлином и не исключено, что возникнет необходимость нашему фронту наступать правым крылом на Берлин.

— Генералитет Германии состоит не сплошь из дураков, как иной раз изображают противника некоторые легкомысленные репортеры, — сердито проговорил Иван Степанович. — Немцы понимают, что Берлину угрожает прежде всего Первый Белорусский фронт, во главе которого поставлен маршал Жуков. Войска этого фронта, нацеленные непосредственно на столицу Германии и находящиеся от нее в шестидесяти — восьмидесяти километрах по прямой, несомненно, встретят самые мощные

укрепления и самое ожесточенное сопротивление. Первый Украинский фронт немцы тоже со счетов не сбрасывают и против нас держат крупные силы. Но может случиться так, что, находясь дальше от Берлина, чем Первый Белорусский, мы вместе с ним, а то и раньше ворвемся в германскую столицу. На войне подобные парадоксы случаются, и от этой возможности отказываться не следует.

Такую же мысль Конев, как он сам нам говорил потом, высказал и в Ставке. Он очень переживал, что в плане Берлинской операции Генштаб вначале отводил 1-му Украинскому фронту вспомогательную роль и разграничительной линией отсекал его от столицы Германии.

Я говорил Ивану Степановичу, что не стоит так болезненно воспринимать историю с разграничительной линией, хотя непосредственно участвовать в штурме Берлина заманчиво и почетно. Главное — разбить врага, одержать окончательную победу, а пожинать лавры, право слово, успеется. Тем более что победу добывает прежде всего наш главный и скромный герой — советский солдат.

— Я не о личной славе пекусь, а отстаиваю интересы всего фронта, ответил И. С. Конев.

После внимательного изучения плана операции мы в обеденный перерыв переключились на беседу о боевых действиях союзников, начавших быстрое продвижение в глубь Германии.

— Вы заметили, Константин Васильевич, как политика сильно влияет на стратегию фашистского генералитета? — обратился ко мне с вопросом Василий Данилович Соколовский. — Те самые немецкие дивизии, что громили англоамериканские войска в Арденнах, теперь почти без боев отдают железобетонные укрепления линии Зигфрида, считавшейся неприступной. Они позволяют англичанам и американцам беспрепятственно захватывать исправные мосты через Рейн и десятками тысяч сдаются в плен. Их поведение на Западном театре военных действий подозрительно напоминает негласную и скрытую капитуляцию перед нашими союзниками. Гитлеровцы затеяли какую-то подлую закулисную возню, виляя хвостом перед буржуазным Западом. В то же время они усиливают сопротивление на Востоке и свои острые клыки устремили на нас, не на жизнь, а на смерть борются с Советской Армией.

— Не является ли заявление Белого дома следствием подобных закулисных махинаций? — высказал предположение генерал Н. Т. Кальченко. Только что просмотрев свежие газеты, он зачитал нам сообщение корреспондента "Дейли мейл" из Нью-

Йорка. В нем говорилось, что президент США 27 марта 1945 года отдал распоряжение членам своего кабинета и всем дипломатическим представителям оставаться в Европе, на своих постах и быть готовыми к действиям в случае какого-либо чрезвычайного события или быстрого краха фашистской Германии.

Но мы прекрасно понимали, что крах гитлеровского режима сам по себе не наступит, что решающее слово здесь скажет Советская Армия, призванная добить фашистского зверя в его собственной берлоге. О закулисных переговорах гитлеровцев с англо-американскими кругами мы в то время, разумеется, не знали, могли лишь строить догадки на этот счет.

Как рассказывал потом вернувшийся из Москвы Конев, обсуждение в Ставке плана Берлинской операции по предложению Сталина началось с того, что начальник оперативного управления Генерального штаба генерал С. М. Штеменко зачитал документ о замысле англоамериканского командования захватить Берлин раньше Советской Армии. Основная группировка создавалась под командованием фельдмаршала Монтгомери, которая должна была по кратчайшему пути севернее Рура прорваться к Берлину.

Верховный Главнокомандующий располагал неопровержимыми данными о закулисных переговорах гитлеровских агентов с небезызвестным Алленом Даллесом и другими представителями англо-американских кругов по поводу сепаратного мира.

Именно 1 апреля 1945 года, когда в Кремле обсуждался план Берлинской операции, премьер Великобритании У. Черчилль, известный своими давними антикоммунистическими и антисоветскими настроениями, в послании президенту США писал: "Русские армии, несомненно, захватят всю Австрию и войдут в Вену. Если они захватят также Берлин, то не создастся ли у них слишком преувеличенное представление о том, будто они внесли подавляющий вклад в нашу общую победу… Поэтому я считаю, что с политической точки зрения нам следует продвигаться в Германии как можно дальше на восток и что в том случае, если Берлин окажется в пределах нашей досягаемости, мы, несомненно, должны его взять"{111}.

Конечно, об этом руководство фронта тогда не знало. Но Верховное Главнокомандование было хорошо осведомлено о намерениях и планах союзников по поводу Берлина. Не случайно Сталин спросил у Жукова и Конева:

— Так кто же будет брать Берлин, мы или союзники? Иван Степанович, как он рассказывал нам, ответил первым:

— Берлин брать будем мы и возьмем его раньше союзников.

Сталин с шутливым одобрением высказался о решимости и напористости И. С. Конева, о его большой уверенности в наших силах и возможностях, а затем серьезно и официально спросил, сумеет ли командующий 1-м Украинским фронтом Конев создать в кратчайший срок группировку для участия во взятии Берлина. Сталин хорошо помнил, что после завершения Верхне-Силезской операции главные силы нашего фронта находились на южном фланге и требовалось время для их перегруппировки. Он поинтересовался, сможем ли мы быстро осуществить переброску большой массы войск и создать на берлинском направлении ударную группировку.

Конев сжато доложил Ставке соображения Военного совета на этот счет, обосновал целесообразность участия 1-го Украинского фронта в наступлении непосредственно на юго-западную часть Берлина. Одновременно он сообщил, что штаб подготовил все расчеты, наметил маршруты, разработал график переброски войск.

Верховный Главнокомандующий дал понять, что он не намерен препятствовать боевой инициативе 1-го Украинского фронта. Но как быть с разграничительной линией, отсекавшей наш фронт от Берлина? И Сталин, немного подумав, как вспоминал Конев, взял в руки карандаш и внес графическую ясность. Впрочем, об этом расскажу чуть позднее.

Маршал Советского Союза И. С. Конев вернулся из Москвы в приподнятом, бодром настроении. Членам Военного совета он зачитал директиву Ставки Верховного Главнокомандования от 3 апреля 1945 года. 1-му Украинскому фронту было приказано: "1. Подготовить и провести наступательную операцию с целью разгромить группировку противника в районах Котбуса и южнее Берлина.

Не позднее 10–12 дня операции овладеть рубежом Беелитц, Виттенберг и далее по реке Эльба до Дрездена. В дальнейшем, после овладения Берлином, иметь в виду наступать на Лейпциг.

2. Главный удар силами пяти общевойсковых и двух танковых армий нанести из района Трибель в общем направлении на Шпремберг, Бельциг. На участок прорыва привлечь шесть артиллерийских дивизий прорыва, создав плотность не менее 250 стволов от 76 миллиметров и выше на один километр фронта прорыва.

3. Для обеспечения главной группировки фронта с юга силами 2-й армии Войска Польского и частью сил 52-й армии нанести вспомогательный удар из района Кольфурт в общем направлении Баутцен, Дрезден.

4. Танковые армии и общевойсковые армии второго эшелона ввести после прорыва обороны противника для развития успеха на направлении главного удара.

5. На левом крыле фронта перейти к жесткой обороне, обратив особое внимание на бреславльское направление.

6. Установить 15.1У.45 следующую разграничительную линию с Первым Белорусским фронтом: до Унруштадт — прежняя и далее — озеро Эннсдорфер-Зее, Гросс-Гастрозе, Люббен…

7. Начало операции — согласно полученным Вами лично указаниям".

Когда Иван Степанович зачитал документ, мы удивленно переглянулись. Нам непонятен был его оптимизм. Содержание директивы свидетельствовало о том, что войска 1-го Украинского фронта не будут участвовать в непосредственном взятии Берлина.

— Что, дорогие друзья-товарищи, приумолкли? — с шутливой бодростью воскликнул Иван Степанович. — Радоваться и гордиться надо, что нам тоже предоставлено почетное право штурмовать столицу фашистской Германии.

— В директиве об этом ничего не говорится, — заметил кто-то из нас.

— Вы, наверное, не очень внимательно изучили содержание документа, сказал Иван Степанович и снова неторопливо и отчетливо зачитал шестой пункт директивы Ставки, который завершался необычным для оперативных документов многоточием. Конев пояснил, как оно возникло и какое немаловажное значение имеет для нас. При рассмотрении плана Берлинской операции Верховный Главнокомандующий взял карандаш и сильно прочертил на карте линию до города Люббен, расположенного в 60–70 километрах к юго-востоку от столицы Германии. Здесь И. В. Сталин оборвал ее, а продолжение разгранлинии, предложенное Генштабом, решительно зачеркнул и заштриховал. Не отменяя фактически прежнего решения, Верховный вместе с тем открывал войскам 1-го Украинского фронта простор для маневра и проявления инициативы, предоставив нам возможность ворваться в Берлин с юга.

Уточнение, сделанное Верховным Главнокомандующим, нашло свое отражение и в директиве Военного совета 1-го Украинского фронта от 8 апреля 1945 года. В этом документе указывалось: "…иметь в виду частью сил правого крыла фронта содействовать войскам 1-го Белорусского фронта в овладении городом Берлин"{112}. Наша директива была утверждена Ставкой, назначившей наступление на 16 апреля 1945 года.

Для подготовки новой, необычайно ответственной операции времени оставалось очень мало — не более двух недель. Она,

кроме всего прочего, требовала неизмеримо больше материальных средств, чем прежние. По сравнению с Висло-Одерской и Львовско-Сандомирской операциями наши потребности в автобензине возросли на 30 процентов, а в дизельном топливе — на 27 процентов. Резко увеличилась заявка на боеприпасы, продовольствие, медикаменты.

Когда Маршал Советского Союза И. С. Конев вернулся из Москвы с директивой Ставки, Военный совет фронта заслушал доклад заместителя командующего по тылу генерала Н. П. Анисимова о материальном обеспечении войск. Нас интересовала и степень готовности к операции дорог, автомобильного и железнодорожного транспорта.

В конце марта и в начале апреля 1945 года интендантское управление фронта, возглавляемое генерал-майором Г. А. Лелюком, быстро организовало замену зимнего обмундирования на летнее, переобув и переодев более миллиона человек. Эта нелегкая задача была успешно решена при активном участии интендантов армий. Планом материально-технического обеспечения Берлинской операции предусматривалось максимальное приближение к войскам фронтовых и армейских тыловых учреждений, складов, баз и госпиталей. Если в начале Великой Отечественной войны, когда превосходящие силы врага рвались в глубь нашей страны, мы вынуждены были держать многие тыловые учреждения на значительном удалении от линии фронта, то теперь армейские полевые базы находились в 15–30 километрах, а первый эшелон госпиталей — в 10–15 километрах от переднего края. Это объяснялось не только мобильностью тыловых органов, но и общей благоприятной для нас обстановкой.

В предвидении Берлинской операции железнодорожные войска фронта, возглавляемые крупным специалистом и талантливым организатором генералом П. А. Кабановым, трудились поистине героически, стремясь ввести в строй сильно разрушенные гитлеровцами коммуникации. Но темпы восстановления железных дорог никак не поспевали за стремительными темпами зимнего наступления наших войск. Только в ходе Висло-Одерской операции фронт продвинулся в глубину до 500–600 километров, Нижне-Силезская наступательная операция еще более приблизила нас к Берлину. Заметным продвижением советских войск на запад была отмечена и Верхне-Силезская операция.

В результате станции снабжения оказались на значительном удалении от передовых частей, главная тяжесть военных перевозок легла на автомобильный транспорт. Ставка сразу же

усилила фронт авточастями. Это позволило скрытно и быстро перебросить на берлинское направление 30 дивизий и 2 отдельных полка, перевезти более 915 тысяч тонн различных грузов.

Чтобы читатель представил себе, как возрастал объем автомобильных перевозок, напомню, что в Киевской наступательной операции автотранспорт фронта смог перевезти 274 тысячи тонн различных грузов, в Висло-Одерской уже 827 тысяч тонн, а в Берлинской операции — до 915 тысяч тонн. Автомобильный транспорт, как наиболее маневренный, все более широко применялся для переброски войск и техники. Вот почему потребность фронта в автобензине в Берлинской операции (по сравнению с Висло-Одерской) увеличилась более чем на 27 процентов.

В дни подготовки к решающему наступлению на столицу фашистской Германии органам тыла требовалось выполнить огромный объем работ по обеспечению войск. Учитывая это, политуправление фронта в марте 1945 года провело совещание политработников тыловых учреждений. Был заслушан доклад начальника политотдела тыла 1-го Украинского фронта полковника А. А. Шлихтера. Затем выступили заместитель начальника санитарного управления по политчасти майор Гладышев, начальник политотдела 16-й автобригады майор Волченков, начальник политотдела 2-й фронтовой трофейной бригады майор Семушкин, начальники политотделов военно-автомобильных дорог тов. Шелудько, Пожарицкий, Юлдашбаев, Шестопалов и другие.

Участники совещания говорили о ратном и трудовом героизме водителей, ремонтников, медиков, о наших скромных труженицах, работавших в полевых хлебопекарнях, банно-прачечных отрядах, на складах и базах, в мастерских и столовых, в походных магазинах и подвижных ларьках.

Выступавшие обменялись опытом партийно-политической работы в тыловых учреждениях и частях, самокритично вскрывали недостатки, мешавшие бесперебойному материальному обеспечению войск, вносили конкретные деловые предложения.

Совещание сыграло важную роль, и партийно-политическая работа, несомненно, помогла органам тыла успешнее выполнить поставленные перед ними задачи. К началу Берлинской операции в войсках 1-го Украинского фронта были созданы необходимые материальные запасы. Мы имели, например, по 6,5 заправки авиационного бензина на каждый самолет. А в строю в то время находилось 1956 исправных и готовых к действию боевых машин.

Войска и тылы располагали 4,7 заправки автобензина на каждый автомобиль, имели по 5 заправок дизельного топлива. Были созданы запасы продовольствия и фуража в количестве 50 сутодач.

Только автотранспорт фронта подал в войска первой линии более полутора миллиардов снарядов и мин. В результате мы имели по 2,7 боекомплекта на каждое 122-мм орудие, по 1,85 боекомплекта на 76-100-мм орудия, по 2,95 боекомплекта на 152-203-мм орудия. Двумя боекомплектами располагал каждый минометный расчет{113}.

Так были обеспечены боеприпасами расчеты 13 570 орудий, реактивных установок и минометов от 82-мм калибра и выше.

В начале апреля 1945 года на вооружении войск 1-го Украинского фронта находилось также 1388 танков, 667 самоходно-артиллерийских установок и много другой боевой техники. Но главной нашей силой были, конечно, люди, в совершенстве овладевшие оружием. Вот почему командиры и политорганы, партийные и комсомольские организации так заботились о политическом и воинском воспитании солдат, сержантов и офицеров. Они сплачивали личный состав частей и соединений вокруг Коммунистической партии, мобилизовывали армейские массы на полный разгром фашизма.

Придавая решающее значение усилению партийного влияния в войсках, ЦК ВКП(б) за годы Великой Отечественной войны принял ряд принципиально важных постановлений, направленных на дальнейшее совершенствование организационной структуры партийно-политического аппарата, на коренное улучшение партийно-политической работы в войсках. Вспомним, что в самом начале войны органы политической пропаганды были преобразованы в политические управления и отделы, призванные осуществлять как политико-массовую, так и организационно-партийную работу. Это неизмеримо повысило авторитет и ответственность политорганов, расширило объем их деятельности в войсках. Исключительно важную роль сыграло и постановление ЦК ВКП(б) от 24 мая 1943 года "О реорганизации структуры партийных и комсомольских организаций в Красной Армии и усилении роли фронтовых, армейских и дивизионных газет". Были приняты и другие важные постановления.

Ленинская партия создала в Вооруженных Силах стройную систему политорганов — начиная от Главного политического управления РККА и кончая политотделами дивизий, бригад, отдельных частей и войсковых учреждений.

С 1942 года и до победного 1945 года Главным политическим

управлением РККА руководил видный деятель партии и государства кандидат в члены Политбюро ЦК партии, секретарь ЦК ВКП(б) А. С. Щербаков.

Мы всегда и во всем чувствовали его помощь и поддержку. Каждая беседа с Александром Сергеевичем давала новый заряд, способствовала повышению идейного уровня наших кадров.

Особенно много дельных советов мы получали от него, когда боевые действия велись за рубежами нашей Родины. Там мы встретились с новой и очень сложной обстановкой, в которой командиры, политработники да и все воины держали ответственный экзамен на политическую зрелость и правильное понимание интернациональных задач.

Начальник ГлавПУРа генерал-полковник А. С. Щербаков предлагал чаще звонить ему по телефону, информировать обо всех важных событиях, о боевой деятельности войск, о военно-политической обстановке в Польше, а затем в Чехословакии и Германии. Он и сам периодически звонил на фронт, оперативно знакомил нас с последними указаниями ЦК партии и Государственного Комитета Обороны. Но в подготовке к Берлинской операции Александр Сергеевич уже не смог принимать непосредственного участия: его хронический недуг сильно обострился.

Заместитель начальника ГлавПУРа И. В. Шикин, не раз бывавший в наших войсках, часто вел с нами переговоры по ВЧ и поддерживал контакты, присылал на 1-й Украинский фронт ответственных работников аппарата для оказания помощи на местах.

Директивы, приказы и другие документы Главного политического управления РККА, излагавшие важнейшие требования партии и правительства к Вооруженным Силам, давали возможность командирам, политорганам и партийным организациям сосредоточить внимание на главнейших вопросах политического обеспечения боевой деятельности, идейного воспитания воинов-патриотов и интернационалистов.

Благодаря широкой сети политорганов и партийных организаций, цементировавших боевые ряды армии и флота, Коммунистическая партия охватывала своим влиянием части и подразделения всех видов Вооруженных Сил и родов войск.

В дни напряженной подготовки к Берлинской операции Военный совет и политическое управление фронта провели большую работу по идейно-организационному укреплению партийных рядов. За короткий срок было восстановлено более тысячи ротных и равных им партийных организаций, подобраны и утверждены парторги и их заместители{114}. При политотделах

армий мы создали резерв парторгов рот.

В дни боевого затишья войска получали пополнение. Состав был необычайно пестрый. Это и восемнадцатилетние юноши, не нюхавшие пороху, и освобожденные из концлагерей военнопленные, и гражданские люди разных возрастов, вызволенные нашими войсками из фашистской каторги. К нам поступали призывники из Бессарабии, Литвы, западных областей Украины.

Индивидуальная и массовая воспитательная работа с пополнением приносила хорошие плоды. Начальник политуправления фронта генерал Ф. В. Яшечкин в донесении ГлавПУРу писал: "Политико-моральное состояние большинства воинов нового пополнения здоровое и боевое. Они искренне стремятся в бой, чтобы отомстить фашистам за все страдания, заслужить благодарность и награду Родины и вернуться домой с победой.

Боец нового пополнения Иванченко заявил: "Я находился за колючей проволокой, когда до нас донесся приближающийся гул советских орудий. Вы можете себе представить, что пережил я вместе со своими товарищами! Красная Армия несла нам свободу. Стремительно наступавшие советские войска сорвали преступные замыслы фашистов, намеревавшихся уничтожить всех заключенных. Благодаря Красной Армии я свободен и получил возможность с оружием в руках отомстить гитлеровцам сполна. Заверяю товарищей, что буду храбро сражаться с врагами нашей Родины".

В боях с немецко-фашистскими мерзавцами подавляющее большинство воинов нового пополнения ведет себя стойко, мужественно, отважно"{115}.

Во время оперативной паузы пополнение изучало военное дело, готовилось к ратным испытаниям. Когда солдат хорошо обучен, он более уверен в своих силах и возможностях, в своем оружии и поэтому стойко встречает любые контратаки противника, смело и уверенно вступает в борьбу с фашистскими танками. У грамотного в военном отношении солдата всегда все ладится и моральный настрой бывает крепче. Чем умнее, искуснее и сноровистее действуют воины, тем меньше несут потерь войска и больше одерживают побед. Вот почему обучение молодого пополнения ратному делу, боевая подготовка войск стали предметом особых забот командиров и поли-торганов. Каждому призывнику вручался текст военной присяги.

В дни подготовки к наступлению на Берлин конкретные и впечатляющие формы приняла пропаганда героизма. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 10 апреля 1945 года

большой группе воинов фронта, отличившихся в зимнем наступлении и при форсировании Одера, было присвоено звание Героя Советского Союза. В частях проходили встречи молодых солдат с ветеранами, отмеченными высшей наградой Родины, слеты мастеров боевых специальностей, чествование отличившихся воинов. На примере лучших командиры и политорганы стремились обучить передовому опыту всех воинов, воспитать тысячи новых героев.

Командование 6-й гвардейской дивизии (начальник политотдела подполковник Савинич) посылало на родину награжденных поздравительные письма, предварительно зачитывая их перед строем подразделений. Такое письмо, например, отправили матери сержанта Николая Андрюшок в село Песчаное Старобельского района Ворошиловградской области. Поздравив Лукерью Романовну с присвоением ее сыну высокого звания Героя Советского Союза, командование сердечно поблагодарило славную труженицу за воспитание храброго патриота, пожелало ей успехов в колхозном труде, доброго здоровья и многих лет жизни.

Чем же знаменит сын Лукерьи Романовны, за что удостоился он такой высокой чести? Во время зимнего наступления, когда наши подвижные войска прорвались глубоко в тыл врага, превосходящие силы гитлеровцев контратаковали подразделение, в котором нес службу Николай Андрюшок. Из зенитного орудия он вел огонь по фашистским танкам и заставил их повернуть назад. Но пехота противника лезла со всех сторон, намереваясь захватить нашу пушку и открыть дорогу своим танкам. Сержант Н. В. Андрюшок гранатами отбивался от гитлеровцев, просочившихся на огневую позицию, стрелял по ним из зенитного орудия. Проявив отвагу и презрение к смерти, комсомолец Николай Андрюшок не только отстоял свое орудие, но и надежно прикрыл всю зенитную батарею. Так он стал Героем Советского Союза.

Политорганы выпускали листовки и плакаты о передовых людях фронта, которых Отчизна отметила Золотыми Звездами. В 4-й гвардейской танковой армии оперативно напечатали листовку о подвигах коммуниста Героя Советского Союза капитана Ф. И. Дозорцева, вступившего в Великую Отечественную войну 22 июня 1941 года. В ней было написано: "Воины-гвардейцы с восхищением говорили о своем любимом командире: "После боев на Висле и Одере каждый из нас до глубины души был благодарен командиру батальона Герою Советского Союза Ф. И. Дозорцеву, который в дни подготовки к наступлению непрерывно учил и тренировал нас, показывал, как форсировать водные

преграды — и вброд, и вплавь, и на плотах, и на других подручных средствах. Наука пошла нам впрок, мы с ходу преодолевали любые водные рубежи".

При форсировании Одера гвардии капитан Федор Иванович Дозорцев проявил военную хитрость, организовав строительство ложной переправы. У реки тарахтели тягачи, кричали люди, звенели топоры, а тем временем на другом участке под покровом темноты переправлялись основные силы батальона. Поскольку лед был ненадежный, автоматчики набросали на него тонкие доски, жерди и ползком пробирались вперед.

Скрытно переправившись на противоположный берег, гвардейцы-мотострелки во главе с коммунистом капитаном Ф. И. Дозорцевым захватили плацдарм, прочно закрепились на нем и в течение нескольких суток отражали натиск превосходящих сил врага.

Листовка, выпущенная политотделом армии, заканчивалась словами: "Смелым и умелым реки не преграда. Гвардейцы Героя Советского Союза капитана Ф. И. Дозорцева идут вперед, продвигаясь к Берлину, приближая час желанной победы"{116}.

Подобные листовки издавались во всех армиях фронта. Печатались и фотоплакаты о героях зимнего наступления. С большим размахом и планомерно на протяжении всей войны, а в дни завершающих сражений особенно пропагандой героизма занимались фронтовая, армейские и дивизионные газеты, а также боевые листки. Публикуя фотографии, очерки и корреспонденции о лучших людях фронта, они настойчиво призывали: "Возьми себе за образец героя, следуй ему!" Номера многотиражных изданий, так же как и письма командования, посылались на родину отличившихся воинов, на предприятия, где они раньше работали, или в учебные заведения, где до войны учились. А иногда — невестам отважных фронтовиков. Это стало своеобразной формой поощрения героев. В ответ шли письма от тружеников тыла, которые также печатались на страницах красноармейских газет и способствовали патриотическому воспитанию воинов.

Постановление Центрального Комитета ВКП(б) от 24 мая 1943 года с новой силой напомнило политорганам непреложную истину: у ленинской партии нет более мощного, более действенного идейного оружия, чем большевистская печать. И это грозное оружие особого рода необходимо умело использовать в борьбе с фашизмом.

Газеты, как глашатаи великих идей партии, пламенные пропагандисты, агитаторы и организаторы масс, оперативно откликались на все важнейшие события, происходившие на фронте и в тылу. Они проникали всюду, где сражался солдат. В

минуты затишья, в перерывах между боями агитаторы с волнением читали воинам родную ленинскую «Правду» и другие газеты — центральные и армейские. Через печать Коммунистическая партия говорила с миллионами солдат, сержантов и офицеров, мобилизуя их на победоносную борьбу с гитлеровскими захватчиками, вдохновляя на героические подвиги. "Газета на войне теперь необходима, как автомат, как граната, — отмечал писатель П. Павленко, — она тот обязательный паек духовной пищи, тот неприкосновенный запас бодрости, без которого советский солдат не обходился в самые безрадостные часы тяжелых боевых испытаний"{117}.

На завершающем этапе Великой Отечественной войны, пожалуй, все центральные газеты имели своих представителей на 1-м Украинском фронте. Кроме упоминавшихся ранее Бориса Полевого и Сергея Борзенко в газете «Правда» постоянно освещали боевую деятельность наших войск, печатали интересные очерки и рассказы писатели Вадим Кожевников, Леонид Первомайский, Яков Макаренко, Михаил Брагин. В 1945 году от "Красной звезды" у нас работали подполковник И. Гаглов, майоры А. Мандругин и Ф. Бубеннов. От Вислы до победных рубежей прошел с нашими войсками фотокорреспондент "Фронтовой иллюстрации" майор А. Егоров. В "Комсомольской правде" много и плодотворно печатался Сергей Крушинский. Совинформбюро на нашем фронте было представлено майорами А. Навозовым и А. Шибановым, а ТАСС — корреспондентом А. Марковским и другими.

Штаб и политуправление фронта постоянно проводили для представителей печати своеобразные пресс-конференции, на которых корреспонденты получали оперативное ориентирование и последние данные о боевых действиях войск фронта, об отличившихся частях и соединениях, о взятых населенных пунктах, захваченных трофеях и показаниях военнопленных.

На этих пресс-конференциях неоднократно выступали начальник штаба генерал армии В. Д. Соколовский, члены Военного совета фронта, начальник политуправления генерал-майор Ф. В. Яшечкин, начальник оперативного управления генерал-майор В. И. Костылев, начальник разведотдела генерал-майор И. Т. Ленчик, а иногда и командующий войсками Маршал Советского Союза И. С. Конев.

Я, признаться, с уважением и искренней симпатией относился к военным корреспондентам, которые с кипучей энергией и творческим энтузиазмом самоотверженно выполняли на фронте свои нелегкие обязанности. Далеко не у всех из них имелся транспорт, и им часто приходилось, как говорится,

голосовать на перекрестках или ждать попутных машин возле регулировочных постов. Немало встречалось им и других трудностей.

Перед Берлинской операцией в войсках фронта был установлен жесткий лимит на автобензин, чтобы быстрее накопить необходимые запасы горючего. В связи с этим несколько представителей центральных газет пожаловались мне, что учреждения ГСМ, отказав в выдаче горючего, "посадили их на якорь". Пришлось для корреспондентов сделать некоторые исключения, поскольку центральные газеты ждали оперативных материалов о боевых действиях войск фронта.

Решив с представителями печати и радио деловые вопросы, мы разговорились потом о житье-бытье, о различных новостях. Кто-то вполголоса запел шуточную песню о веселом репортере, сложенную К. Симоновым и А. Сурковым во время их совместной поездки на фронт:

В блокноте есть три факта,
Что потрясут весь свет,
Но у «Бодо» контакта
Всю ночь с Москвою нет.

В песне далее рассказывалось о находчивости напористого корреспондента, добивавшегося установления связи со столицей и редакцией.

Но вышли без задержки
Наутро, как всегда,
"Известия", и «Правда», и "Красная звезда".

Оказалось, что песенка была спета не без умысла. Корреспонденты пожаловались, что телеграф иногда задерживает передачу их материалов. Но я вынужден был огорчить представителей прессы и предупредить, что дальше со связью станет еще сложнее. Телеграфная линия, обслуживающая штаб фронта, будет переключена на круглосуточную работу со Ставкой и Генштабом, с нашими армиями и соседями. Пришлось порекомендовать корреспондентам чаще пользоваться полевой почтой и транспортными самолетами, летающими в Москву. Однако в заключение я подбодрил своих собеседников, заверил их, что информация о штурме Берлина и взятии столицы Германии, а также другие срочные и важные материалы будут переданы в Москву по любым каналам вне всякой очереди.

Когда мы с генералом Ф. В. Яшечкиным предложили редактору фронтовой газеты "За честь Родины" полковнику С. И. Жукову командировать на берлинское направление наиболее опытных и смелых газетчиков, он в числе первых назвал майора С. М. Борзунова, отличившегося оперативностью и мужеством

сначала на Днепре, а затем на Висле и Одере.

Редактор направил в войска ударной группировки фронта бригады журналистов. Их возглавили подполковники В. М. Гунин, В. В. Ермилов, Ф. Н. Орешкин и майор А. П. Верхолетов. Боевые задания получили писатели Андрей Малышко, Любомир Дмитерко, Илья Френкель, Александр Шаров, Виктор Стариков, Петр Дорошко, Леонид Речмедин, корреспонденты Н. Наумов, В. Кудрявцев, В. Ходаков, М. Тихомиров, фоторепортеры О. Игнатович, В. Юдин, М. Мельник и другие.

Военные корреспонденты — это солдаты переднего края, сражавшиеся большевистским словом, пером, приравненным к штыку. Но если требовала обстановка, они брались и за автомат, вступая в бой с ненавистными захватчиками. Погиб в Бреслау от пули вражеского снайпера фотокорреспондент газеты "За честь Родины" Николай Ксенофонтов, снимавший героев во время уличного боя. Сотрудники той же газеты капитан И. Станевский и старший лейтенант Н. Скоробогатов, вылетевшие на самолете По-2 по оперативному заданию, были сбиты гитлеровцами. Погиб на боевом посту майор С. Вовк. На берлинском направлении получили осколочные ранения заместитель редактора фронтовой газеты по татарскому изданию майор Р. Ишмуратов и некоторые другие члены его бригады.

Перед началом Берлинской операции на 1-м Украинском фронте издавалось 75 дивизионных, 11 корпусных и 11 армейских газет. Ежедневно выходила на русском и украинском языках фронтовая газета "За честь Родины". А на узбекском, казахском и татарском она издавалась один раз в неделю.

На каждую роту, батарею и равное им подразделение ежедневно выделялось по 1–2 экземпляра центральных, 3–5 фронтовой, 5–6 армейских и 15–20 дивизионных газет. Эти цифры убедительно показывают, что удельный вес фронтовой печати был тогда значительным.

На завершающем этапе Великой Отечественной войны фронтовая печать сыграла огромную роль, помогая солдатам, сержантам и офицерам овладевать богатейшим ратным опытом, совершенными методами ведения боя. Тем самым газеты успешно решали важную задачу, поставленную Коммунистической партией перед войсками: неутомимо и непрерывно совершенствоваться в военном деле, чтобы бить врага наверняка.

Что же требовалось знать и уметь участникам Берлинской операции, так непохожей на предыдущие? На Висле, как известно, мы имели крупный сандомирский плацдарм, откуда началось большое январское наступление. На реке Одер мы располагали несколькими плацдармами, позволившими сосредоточить

ударные группировки и совершить новый бросок вперед. На Нейсе по ряду причин мы не имели ни одного плацдарма, тогда как противник в районе Мускау сохранил в своих руках плацдарм на восточном берегу и мог угрожать нашей группировке фланговым ударом.

Наступление на Берлин нам приходилось начинать с форсирования реки Нейсе при одновременном прорыве на западном ее берегу довольно мощной вражеской обороны. С подобным явлением, составляющим специфику операции, войска фронта столкнулись впервые. Эту важную особенность мы учли как при планировании прорыва, так и при подготовке войск.

На пути нашего наступления находились не только Нейсе, но и Шпрее, на которой стоял Берлин, а также Тельтов-канал, опоясывавший столицу Германии с юга. Вот почему форсирование водных преград с ходу стало главным в обучении воинов.

В 5-й гвардейской армии генерала А. С. Жадова, а также в других войсковых объединениях проводились батальонные учения, на которых отрабатывались вопросы взаимодействия различных родов войск. Воины штурмовых подразделений приобретали навыки форсирования реки с ходу при одновременном прорыве вражеской обороны. Инженерные части тренировались в спуске на воду десантных переправочных средств, в наведении штурмовых мостиков и оборудовании переправ.

К началу Берлинской операции войска 1-го Украинского фронта располагали внушительным понтонно-мостовым парком. Наступательные действия войск обеспечивали 16 инженерных бригад, а также большое количество мотоштурмовых, понтонно-мостовых и отдельных саперных батальонов.

Политуправление фронта провело совещание начальников политорганов инженерных войск. Его участникам мы рекомендовали донести до каждого сапера политический смысл той поистине исторической миссии, которая возложена на Красную Армию, в том числе и на инженерные войска. На реках Нейсе и Шпрее саперы будут не просто строить переправы, а возводить мосты победы. Это почетно и ответственно.

В совещании приняли участие начальники политотделов инженерных бригад подполковники П. К. Белоус, А. В. Бражников, А. Н. Васильев, В. С. Мартьянов, М. В. Никитин, В. Г. Румянцев, К. И. Парасюк, И. П. Соловьев, Г Д. Тетдоев, В. Ф. Ульянов, И. Я. Фоломеев, С. Ф. Шелест, майоры А. М. Бояркин, И. И. Попов и другие{118}.

Военный совет и политуправление фронта обязали политорганы инженерных войск сделать все для того, чтобы

переправы через Нейсе, Шпрее и другие водные преграды были наведены в максимально короткий срок, чтобы работники политотделов инженерных, понтонно-мостовых и мотоштурмовых бригад находились там, где будут трудиться воины, а их начальник — на наиболее важном объекте.

Мы держали в поле зрения все основные участки, на которых решался успех наступательной операции. Военный совет проверил, например, организацию артиллерийского огня в ряде соединений. Было установлено, что на передовых наблюдательных пунктах подчас находятся второстепенные люди, а лица, которым по долгу службы полагалось руководить огнем, пренебрегали этой якобы черновой работой. В результате в ряде частей артиллерийская стрельба велась недостаточно эффективно.

Не всегда наши истребительно-противотанковые бригады и полки располагались на танкоопасных направлениях и не использовали всю мощь своего огня. Мне довелось побывать в 11-й истребительно-противотанковой бригаде. Спрашиваю командира орудия:

— Сколько танков подбил расчет? Отвечает:

— Ни одного.

Обращаюсь к другому командиру расчета и слышу аналогичный ответ. В чем дело? Говорят, что вражеские танкисты их побаиваются и близко не подходят.

На совещании начальников политорганов артиллерийских соединений фронтового подчинения, созванном Военным советом, я предложил проанализировать на местах боевую деятельность истребителей танков и уточнить, сколько вражеской техники уничтожил каждый расчет, почему есть так называемые «бездействующие» артиллеристы. Не вмешиваясь в командирскую деятельность и не подменяя командиров-единоначальников, политорганы могли своими средствами поднять боевую активность коммунистов и комсомольцев, вооружить артиллеристов передовым опытом, всесторонне подготовить их к наступательным боям.

На совещании присутствовало 32 политработника. Прения прошли весьма активно. Критика расшевелила людей, и они откровенно говорили о своих недостатках, о том, как лучше организовать политическое обеспечение на различных этапах операции. Содержательными были выступления начальника политотдела 10-го артиллерийского корпуса прорыва полковника М. Н. Балюка, начальников политотделов 3-й артдивизии полковника И. Е. Евдокимова, 4-й артдивизии подполковника И. К. Короткого, 3-й гвардейской минометной дивизии полковника

С. И. Белобородова, 37-й зенитной дивизии полковника Д. П. Засыпкина и других{119}.

Должен оговориться, что мы никогда не злоупотребляли совещаниями, во время напряженных боев не отрывали командиров и начальников политорганов от выполнения их должностных обязанностей, только в крайних случаях вызывали руководящие кадры на Военный совет, в штаб или политуправление фронта. Но оперативная пауза позволила нам с пользой для общего дела провести совещания с представителями различных боевых специальностей, от которых во многом зависело обеспечение успеха наступления.

Перед Берлинской операцией мы пополнили и укрепили многочисленную армию агитаторов с тем расчетом, чтобы они были в каждом взводе и отделении, в каждом экипаже. Так, например, в 62-й гвардейской танковой бригаде 4-й гвардейской танковой армии имелось 65 агитаторов, в том числе 40 коммунистов, 24 комсомольца и один беспартийный. В 127-м танковом полку из 35 агитаторов 15 человек являлись коммунистами и кандидатами в члены партии, 18 — комсомольцами, а два — беспартийными{120}. Это были заслуженные фронтовики, политически грамотные, дисциплинированные и авторитетные солдаты, сержанты и офицеры. Такой же сильной партийно-комсомольской прослойкой среди агитаторов располагали и другие части 10-го гвардейского добровольческого танкового Уральского корпуса. Агитационная работа здесь всегда находилась на должной высоте.

На одном из семинаров агитаторов, состоявшемся в этом соединении, был изучен опыт гвардии старшего сержанта Локтионова. Беседы этого коммуниста как с членами своего экипажа, так и с другими воинами подразделения носили конкретный характер, отличались убедительностью, а значит, и действенностью.

На подступах к реке Нейсе, где в марте 1945 года наши гвардейцы подверглись сильным контратакам немецких преимущественно тяжелых танков, сложилась напряженная обстановка. У некоторых молодых танкистов появилось мнение, что нашему среднему танку Т-34 не справиться с вражескими «тиграми» и «пантерами». Коммунист агитатор Локтионов провел с воинами несколько индивидуальных и коллективных бесед и сумел укрепить у них веру в мощь нашей боевой техники. Он убежденно доказывал, что советская тридцатьчетверка, вооруженная превосходной 85-мм пушкой, способна поражать любые бронированные машины врага, в том числе «тигры», «пантеры» и даже сверхтяжелые "королевские тигры". Воин-

гвардеец указывал на уязвимые места вражеских танков, делился боевым опытом.

Свои слова агитатор Локтионов подтверждал героическими делами. Во время очередного наступления танк, где он был заряжающим, первым ворвался на окраину города и проложил путь мотострелкам. Когда в бою ранило командира, старший сержант Локтионов немедленно возглавил экипаж. Метким огнем он уничтожил более 30 гитлеровцев.

На выручку вражеской пехоте двинулась тяжелая «пантера». Но старший сержант Локтионов сумел упредить ее выстрелом и первым же снарядом поджечь. Так агитатор Локтионов доказал справедливость своих слов, силу и мощь отечественной боевой техники. Наша агитация тем и сильна, что она всегда подкрепляется убедительными фактами.

В агитационной работе мы широко использовали патриотическую переписку с тружениками тыла. Сердечное приветствие прислали воинам-освободителям трудящиеся Львовской области. "Логово фашистского зверя окружено со всех сторон, и Красная Армия бьет гитлеровцев на подступах к Берлину, — писал от имени львовян первый секретарь обкома КП(б)У И. С. Грушецкий. — До полной победы осталось немного. Но мы знаем, что этот небольшой участок пути наиболее трудный"{121}.

Пожелав воинам героической Красной Армии скорой победы над фашизмом, товарищ И. С. Грушецкий сообщил, что рабочие, инженеры и техники области восстановили и пустили на полную мощность 157 разрушенных гитлеровцами предприятий, что львовские железнодорожники завоевали переходящее Красное знамя Государственного Комитета Обороны, а труженики полей дали фронту и городам страны немало хлеба, мяса и сырья… В письме говорилось также о том, что трудящиеся области собрали 12 миллионов рублей на строительство танковой колонны "Радянська Львівщина" и эскадрильи самолетов. Приобретенные на народные рубли боевые машины делегация области вручила на фронтовом аэродроме подразделению капитана Н. Голдобина.

В составе войск 1-го Украинского фронта немало воинов сражались с врагом на танках и самолетах, приобретенных на личные сбережения. Из таких экипажей была, например, сформирована танковая рота Героя Советского Союза А. Зинина.

На нашем фронте воевал и танковый экипаж из военных моряков, приехавших под Берлин с берегов Тихого океана. Когда воины-патриоты обратились к Верховному Главнокомандующему с просьбой разрешить им построить на сбереженные средства танк и на нем отправиться в действующую армию, И. В. Сталин

ответил телеграммой следующего содержания: "Примите мой боевой привет и благодарность Красной Армии, товарищи Андреев, Михайлов, Неверович, Варенников, за вашу заботу о бронетанковых силах Красной Армии.

Ваше желание будет исполнено".

Моряки-дальневосточники были списаны на берег и поехали учиться. Овладев танковыми специальностями, они на собственной боевой машине «Тихоокеанец» прибыли на 1-й Украинский фронт и приняли участие в завершающих сражениях Великой Отечественной войны.

В 1945 году, когда стремительно наступали Украинские, Белорусские и Прибалтийские фронты, когда буквально каждый день был отмечен победами советского оружия, командиры и политработники считали одной из важнейших задач решительную борьбу с беспечностью и самоуспокоенностью. Как ни велики наши успехи, напоминал Центральный Комитет партии, мы по-прежнему должны трезво оценивать силы врага и быть бдительными.

Военному совету фронта стало известно; что по указанию Гитлера разработан детальный план обороны Берлина и утверждена специальная инструкция. Командующий оборонительным районом имперской столицы призывал германские войска "вести борьбу на земле, в воздухе и под землей с фанатизмом, с применением всех средств введения противника в заблуждение, с военной хитростью, коварством, с использованием заранее подготовленных, а также всевозможных подручных средств… Каждый утраченный дом или каждый утраченный опорный пункт должен быть немедленно возвращен контратакой. При этом следует засылать в тыл противника с использованием подземных ходов штурмовые группы, которые должны внезапно нападать на него с тыла и уничтожать его. Однако предпосылкой для успешной обороны Берлина является удержание во что бы то ни стало каждого квартала, каждого дома, этажа, каждой изгороди, каждой воронки от снаряда!"{122}

Фашистские главари бросили на пополнение берлинской группировки все резервы, запасные полки и личный состав военно-учебных заведений, поставив под ружье членов нацистской партии и организации «гитлерюгенд», всех старых и малых.

За несколько дней до начала наступления советских войск на Берлин Гитлер обратился к солдатам Восточного фронта со специальным приказом, чтобы как-то подбодрить их. Он хвастливо утверждал, что потери германского вермахта якобы восполнены бесчисленными новыми соединениями и что

большевики истекут кровью перед столицей германской империи. "Следите прежде всего за теми немногими предателями — офицерами и солдатами, которые для сохранения своей мелкой жизни будут бороться против нас на службе русских, быть может, даже в немецкой форме, — истерически заклинал их фюрер. — Если вам отдает приказ об отступлении тот, кого вы хорошо не знаете, то вы его должны немедленно арестовать, а в случае необходимости — и убить на месте, невзирая на его звание.

Если в грядущие дни и недели каждый солдат на Восточном фронте выполнит свой долг, то последний натиск Азии будет сломлен…"{123}

Получив данные о таком, с позволения сказать, «документе», Военный совет фронта порекомендовал начальнику политуправления генералу Ф. В. Яшечкину оперативно «откликнуться» на приказ Гитлера и развернуть активную контрпропаганду среди войск противника, разоблачая подлый обман и лихорадочный бред обанкротившегося фюрера.

За годы войны политорганы постигли сложнейшее искусство пропаганды среди войск противника, обогатили ее формы и методы, повысили действенность. Если сопоставить листовки, выпускавшиеся в 1941 году, с листовками 1945 года, то нетрудно убедиться, что наши кадры обрели навыки, опыт, зрелость. Пропаганда среди войск противника на завершающем этапе Великой Отечественной войны приобрела предельно краткую, чеканную и выразительную форму. Листовки рассказывали солдатам противника и немецкому населению правду о крушении фашистского режима и разгроме Красной Армией гитлеровского вермахта, о выполнении советскими войсками благородных, освободительных интернациональных задач, оказывая все большее воздействие на сознание немецких военнослужащих, заставляя их серьезно задуматься над своей собственной судьбой и судьбой народа, оказавшегося под гнетом кровавой фашистской тирании.

Перед Берлинской операцией в составе войск 1-го Украинского фронта произошли некоторые изменения. Находившаяся на левом крыле 60-я армия генерала П. А. Курочкина по приказу Ставки передавалась 4-му Украинскому фронту, освобождавшему районы Чехословакии. Эта боевая заслуженная армия воевала в составе фронта с 1942 года. Она героически обороняла Воронеж, участвовала в битве за Днепр и Киев. 60-я армия отличилась в боях за освобождение Львова, Кракова, Катовиц, Рыбника и Ратибора. В этом войсковом объединении у меня было много хороших друзей. Я с большим сожалением расставался с членами Военного совета армии

генералом В. М. Олениным, генералом В. И. Родионовым, начальником поарма генералом И. М. Гришаевым и другими командирами и политработниками. А с участником Октябрьской революции и штурма Зимнего командармом П. А. Курочкиным мы были связаны давней довоенной дружбой.

В те напряженные дни, когда завершалась подготовка к наступлению на Берлин, от нас перевели начальника штаба генерала армии В. Д. Соколовского. Его назначили первым заместителем командующего войсками 1-го Белорусского фронта. Василий Данилович пробыл у нас ровно год. Под его руководством штаб 1-го Украинского фронта занимался планированием и осуществлением таких выдающихся наступательных операций, как Львовско-Сандомирская и многие другие. Самозабвенно, не щадя себя, занимался он и разработкой боевых действий фронта в Берлинской операции.

Талантливый военачальник внес большую долю творческого труда в боевые успехи войск, проявив на посту начальника штаба фронта высокие организаторские способности, инициативу, смелость, волю и твердый характер. За Львовско-Сандомирскую операцию В. Д. Соколовский был награжден орденом Кутузова I степени, а за Висло-Одерскую — орденом Суворова I степени.

Нам жаль было расставаться с этим глубоко партийным и отзывчивым человеком, активно участвовавшим в работе Военного совета и поддерживавшим хороший контакт с политуправлением фронта.

Вместо генерала армии В. Д. Соколовского на должность начальника штаба 1-го Украинского фронта прибыл генерал армии И. Е. Петров, командовавший до этого 4-м Украинским фронтом. Времени на передачу дел не было, и Василий Данилович кратко проинформировал своего преемника о том, что все оперативные документы, связанные с Берлинской операцией, отработаны в деталях, утверждены и спущены исполнителям, что штаб фронта слажен и укомплектован знающими дело офицерами.

Василий Данилович Соколовский заверил Ивана Ефимовича Петрова, находившегося всю жизнь на командных должностях, что он быстро постигнет все «секреты» штабной работы, встретит здесь надежную опору в лице опытных боевых помощников — начальника оперативного управления генерала В. И. Костылева, начальника разведотдела генерала И. Г. Ленчика и других руководящих работников фронта.

Перед отъездом к новому месту службы Василий Данилович зашел попрощаться со мной. Несмотря на ранний час, у меня находились начальник политуправления фронта генерал Ф. В.

Яшечкин и его заместитель генерал П. А. Усов. Они были одеты по-походному и, как большинство работников политуправления, уезжали в войска.

— Когда же политработники спят? — шутливо спросил Василий Данилович, входя в мой кабинет. — Ни свет ни заря они уже на ногах.

— Пора в поход, труба зовет, — в тон ему так же шутливо ответил Филипп Васильевич Яшечкин.

— Вот и меня труба зовет. Пришел час расставания, друзья, — с ноткой грусти произнес генерал армии В. Д. Соколовский. — Верховный приказал немедленно выехать на 1-й Белорусский и до начала наступления войти в курс дела.

Мы сердечно попрощались, пожелали друг другу боевого счастья, и статный, подтянутый генерал направился к машине.

От нас забирали кадры, перебрасывали армии, но и к нам поступало мощное подкрепление. По распоряжению Ставки из Восточной Пруссии и Прибалтики на 1-й Украинский фронт двинулись 28-я армия генерал-лейтенанта А. А. Лучинского и 31-я армия генерал-лейтенанта П. Г. Шафранова. Но как ни спешно перебрасывались они по железным дорогам, как ни пробивали им "зеленую улицу" представители управления военных сообщений, эти войсковые объединения не могли к нам прибыть до начала наступления. Командующий фронтом планировал вводить их в сражение в ходе операции.

На заседании Военного совета мы предварительно обговорили все детали и четко определили, кто из нас и на каком участке должен находиться. Мне, например, надлежало быть в 5-й гвардейской армии генерала А. С. Жадова. Но дня за три до начала «сабантуя» я решил съездить в 3-ю гвардейскую армию генерала В. Н. Гордова и посмотреть, как завершается подготовка войск к наступлению, выяснить некоторые интересующие меня вопросы с членом Военного совета армии генералом И. С. Колесниченко и начальником политотдела генералом Г. А. Бойко.

Да и не только с ними. Я был уверен, что встречу в том районе и танкистов, которые должны были вводиться в прорыв в полосе 3-й гвардейской армии.

Мои предположения подтвердились. В реденьком лесочке стояли прикрытые еловыми ветвями боевые машины. Ко мне подошел полковник с двумя Золотыми Звездами на груди. Это был командир 53-й гвардейской танковой бригады дважды Герой Советского Союза полковник Василий Сергеевич Архипов. Он доложил, что после длительного марша из Уттига экипажи прибыли в район сосредоточения и завершают подготовку материальной части к наступлению.

Вместе с заместителем командира бригады по политчасти подполковником А. Я. Зарапиным мы прошли по подразделениям. Возле одного танка расположилась на перекур группа гвардейцев. Они внимательно слушали агитатора, читавшего напечатанную во фронтовой газете статью о Берлине.

— Столица Германии — Берлин — расположена в центре Средне-Германской низменности на реке Шпрее, которая разделяет город на две почти равные части, — читал агитатор. — Берлин является мощным узлом железных и шоссейных дорог и водных путей. В городе имеется десять вокзалов дальнего следования, отсюда идут шесть автострад и восемь шоссе. Столица Германии окружена кольцевой автострадой.

Берлин делится на двадцать округов, из коих шесть являются старейшими и составляют центр столицы. В старом городе имеется семьдесят две площади, пятьдесят четыре моста и до тысячи улиц. В Берлине насчитывается примерно шестьсот тысяч каменных строений.

— Тысяча улиц и шестьсот тысяч домов! — воскликнул один из слушателей. — Таким огромным городом с ходу не овладеешь. Не один день придется повоевать.

— Зато на Западе идет веселая война, — отозвался другой танкист. Недавно в газете я вычитал, что нацистский чиновник без единого выстрела, по телефону, сдал сорок четвертой американской пехотной дивизии город Мангейм.

— На телефон надеяться не приходится, надо всецело рассчитывать на нашу боевую силу. Гитлер и Геббельс по телефону нам Берлин не сдадут. Там фашисты понастроили множество баррикад, дотов, дзотов и других укреплений. Нацистские военные преступники будут сражаться против советских войск с яростью обреченных. Это надо учесть!

Во время прошлых наступательных боев гвардейцы-танкисты на одной из фронтовых дорог нашли коротенькую записочку, в которой девушки, попавшие на фашистскую каторгу, сообщали, что подлые фашистские рабовладельцы гонят несчастных пленниц в глубь германской территории. Записка заканчивалась страстным призывом: "Дорогие красноармейцы! Спешите! Скорее спасите нас из неволи!"{124}

Этот впечатляющий документ, способный потрясти душу каждого солдата, был размножен и направлен во все подразделения соединения. Агитаторы читали бойцам и газетные сообщения о том, что в Равенсбрюке под Берлином гитлеровцы уничтожают и сжигают тысячи советских людей. Мы призывали воинов как можно лучше подготовиться к завершающим боям, наступать решительно и стремительно, спасти наших родных

советских людей, угнанных на фашистскую каторгу и в лагеря смерти, избавить человечество от коричневой чумы.

Воспитание ненависти к врагу на завершающем этапе Великой Отечественной войны приобрело особенно четкую направленность. В канун Берлинской операции партия еще раз внесла предельную ясность в этот сложный вопрос и дала командирам и политорганам, всем советским войскам важнейший руководящий документ. 14 апреля 1945 года, то есть за два дня до начала наступления на Берлин и другие жизненно важные центры Германии, в газете «Правда» была опубликована уже упоминавшаяся мною статья "Тов. Эренбург упрощает". Опровергая ошибочный тезис писателя-публициста, «Правда» писала: "…разные немцы по-разному воюют и по-разному ведут себя… Красная Армия, выполняя свою великую освободительную миссию, ведет бои за ликвидацию гитлеровской армии, гитлеровского государства, гитлеровского правительства, но никогда не ставила и не ставит своей целью истребить немецкий народ"{125}. Мы никогда не отождествляли немецкий народ и преступную гитлеровскую клику, мирных немцев и нацистский вермахт.

Такова была точка зрения Коммунистической партии, которая четко и ясно излагалась в выступлениях наших руководителей на всем протяжении Великой Отечественной войны.

Статья «Правды» от 14 апреля 1945 года была сразу же перепечатана фронтовой газетой. Мы обязали военные советы армий, командиров и политорганы еще раз разъяснить личному составу ее основные положения, сделать достоянием каждого воина. Об этом мы обстоятельно говорили с политработниками различных соединений.

В Военном совете 3-й гвардейской армии у меня была продолжительная беседа об особой задаче этого войскового объединения, призванного надежно прикрыть стык между 1-м Украинским и 1-м Белорусским фронтами и защитить наш правый фланг от нависавшей над ним крупной группировки противника, состоявшей преимущественно из танковых дивизий.

Я напомнил, что на Днепре и Висле, а также в некоторых других случаях немецко-фашистское командование применяло свой излюбленный прием и предпринимало сильные танковые контрудары вдоль реки с намерением срезать "под корень" наши прорвавшиеся войска, ликвидировать переправы и плацдармы.

Выслушав меня, член Военного совета армии генерал И. С. Колесниченко заверил, что ошибки, допущенные под Аннополем, не повторятся. Он имел в виду неприятный случай на Висле,

когда гитлеровцам удалось контратаками ликвидировать один из наших плацдармов и отбросить за реку подразделения 76-го стрелкового корпуса 3-й гвардейской армии.

Начальник поарма генерал Г. А. Бойко доложил, что в войсках, и прежде всего в соединениях, прикрывавших правый фланг фронта, лучшие истребители танков делятся с молодыми воинами боевым опытом, учат их стрелять из трофейных фаустпатронов. Агитаторы проводят беседы на темы: "Танк смелому и умелому воину не страшен", "Крах фашистской авантюры с "королевскими тиграми", "Уязвимые места танков противника", "Где смелый стоит с бронебойным ружьем, там танки врага полыхают огнем" и другие.

В связи с приближавшейся 75-й годовщиной со дня рождения В. И. Ленина в частях и подразделениях фронта читались лекции и доклады, проводились беседы о жизни и деятельности гениального вождя, о мудрых заветах родного Ильича. Агитаторы и газеты напоминали воинам звучавшие с исключительной злободневностью слова великого Ленина: "…надо внушить каждому в отдельности, что от его храбрости, решительности и преданности зависит окончание войны"{126}.

Часть пятая. К рубежам победы

На Берлин!

В ночь на 16 апреля 1945 года Маршал Советского Союза И. С. Конев и я с небольшой оперативной группой штаба выехали на наблюдательный пункт фронта, оборудованный у реки Нейсе, на участке главного прорыва.

Спустившись в блиндаж, построенный саперами, и окинув быстрым взглядом свежеотесанные бревенчатые стены, на которых сверкали янтарные капельки сосновой смолы, командующий фронтом с удовлетворением сказал:

— Добротный теремок!

Иван Степанович опробовал телефонную связь, поговорил по ВЧ с командармами, а свой разговор с командующим 2-й армией Войска Польского генералом Каролем Сверчевским завершил приглянувшимся ему польским словом «добже». Тем самым он выразил свое полное удовлетворение завершившейся подготовкой к наступлению.

Мы с Коневым вышли из блиндажа. Пахло весенней прелью, с реки тянул слабый ветерок. На западном берегу то и дело вспыхивали разноцветные ракеты и сыпали яркие искры в мрачные воды Нейсе. За рекой стояла какая-то удивительная тишина, изредка нарушаемая автоматными очередями. Я закурил и, напряженно всматриваясь в темноту ночи, невольно подумал о том, что в условленный час хрупкую тишину нарушит артиллерийский гром, и наши войска двинутся в атаку. Но что ждет нас за рекой, как пройдет форсирование Нейсе, какие сюрпризы подготовил нам противник, — этого мы пока не знали. Хотя командующий и штаб фронта предприняли меры по оперативной маскировке, гитлеровцы, видимо, все же догадывались о наступлении советских войск и в свою очередь предусмотрели какие-то контрмеры. Но вряд ли противнику удастся сдержать могучий напор наших войск, вряд ли немецко-фашистское командование знает, где мы нанесем главный удар и каким будет это наступление.

Часовой, охранявший командно-наблюдательный пункт, крикнул в темноту:

— Стой! Кто идет?

По голосу, назвавшему часовому пароль-пропуск, я без труда узнал командующего 2-й воздушной армией генерала С. А. Красовского. Вместе с ним прибыл и его заместитель по политчасти генерал С. Н. Ромазанов.

Красовский доложил маршалу о готовности армии к боевым действиям. Конев поздоровался с ним и его заместителем, затем показал рукой на усыпанное звездами небо и сказал:

— У летчиков есть шанс отличиться. Погода что надо!

— Да, погода летная, и метеосводка благоприятная, — сдержанно согласился Красовский.

— Ты, Степан Акимович, на метеоролога надейся, но сам не плошай, шутливо проговорил Иван Степанович, перефразировав известную народную поговорку. — Умей самолично определять погоду, делать предварительный прогноз по облачкам и солнцу, по тому, как поднимается дым от костра, как летают ласточки и стрижи, а также по другим признакам и приметам.

Показав на отчетливо видимый тонкий серп луны, Конев спросил, о каких признаках погоды свидетельствует небесное светило. Никто из нас сразу ответить не смог. Тогда Иван Степанович, многое повидавший на своем веку, хорошо знавший народные приметы, пояснил:

— У молодого месяца крутые рога — к вёдру, то есть к хорошей и ясной погоде, пологие — к ненастью; тусклый месяц — к мокрети, а ясный — к сухой погоде.

Я хорошо понимал, что Конев затеял такой разговор вовсе не для того, чтобы объяснить народные приметы. Ему хотелось поднять настроение находившихся на НП военачальников, томительно ожидавших начала наступления. Командующий фронтом, надо заметить, постоянно интересовался метеослужбой и метеосводками, краткосрочными и долгосрочными прогнозами погоды, всегда учитывал научные данные в боевой подготовке войск. Его радовал благоприятный прогноз на 16 апреля 1945 года и на последующие дни. Это означало, что 1956 боевых самолетов 2-й воздушной армии увеличат ударную огневую силу и боевую мощь войск фронта.

— Почти две тысячи боевых самолетов, не считая транспортных, — с гордостью говорил мне заместитель командующего 2-й воздушной армией по политической части генерал С. Н. Ромазанов. — А ведь летом сорок второго года, когда была организована армия, в ней насчитывалось всего лишь триста семьдесят четыре самолета. Причем одну треть из них составляли машины устаревших конструкций. К началу контрнаступления советских войск под Курском вторая воздушная армия имела семьсот сорок восемь самолетов, а под Киевом — около семисот. Как быстро умножилась наша воздушная мощь!

Чувствовалось, что Сергей Николаевич Ромазанов. свободно оперировавший цифрами, хорошо знает свою армию, ее историю.

Он обладал богатым боевым опытом, сражался на фронтах гражданской войны, громил басмачей, воевал с японскими милитаристами на Халхин-Голе и с первых дней Великой Отечественной войны находился на фронте. Я всегда с уважением относился к этому заслуженному и опытному политработнику.

В завязавшемся разговоре я спросил генерала С. Н. Ромазанова, не порождают ли наше безраздельное господство в воздухе и возросшая авиационная мощь зазнайство среди летчиков и нет ли у них пренебрежения к противнику, опасной недооценки его сил и возможностей.

Сергей Николаевич ответил, что зазнайство решительно пресекается, что личный состав 2-й воздушной армии нацелен на борьбу с сильным, коварным и опасным врагом, имеющим еще немало авиации. Гитлеровцы стянули под Берлин фактически весь оставшийся у них военно-воздушный флот, перебросили с Западного фронта почти все боеспособные авиачасти, и прежде всего истребительные. Нам было известно, что на подступах к столице Германии действовала группа отборных фашистских асов, пилотировавших новые реактивные истребители Ме-262. Применялись и другие авиационные новинки, включая так называемую систему «Мистель». Она представляла собой сцепку из двух машин пилотируемого истребителя и беспилотного бомбардировщика, начиненного взрывчаткой. Над объектом бомбардировщик отделялся от истребителя и направлялся на цель. Противник пытался использовать подобные самолеты-снаряды для уничтожения мостов и переправ, а также других важных объектов.

Политотдел 2-й воздушной армии, возглавляемый в прошлом летчиком генерал-майором авиации А. И. Асауленко, совместно со штабом армии и инженерно-эксплуатационной службой вооружил авиаторов рекомендациями, помогающими успешнее бороться с немецкими реактивными истребителями Ме-262, имевшими серьезные конструкторские недоделки. Были даны и практические советы по перехвату и уничтожению довольно громоздкой системы «Мистель», не обладавшей достаточной маневренностью и оборонительным вооружением. Это, несомненно, помогло летчикам в борьбе с немецкими авиационными новинками. На Висле наши войска развенчали миф о непобедимости сверхтяжелых немецких танков — "королевских тигров". На Нейсе и Шпрее была развеяна дутая слава сверхскоростных для того времени немецких реактивных самолетов Ме-262 и самолетов-снарядов системы «Мистель».

На войне очень важно вовремя заметить появление у врага нового оружия и не оказаться застигнутыми врасплох. Важно

быстро распознать сильные и слабые стороны новой техники противника, раскрыть тактику ее боевого применения, найти эффективные способы борьбы, сделав их достоянием всех войск. При таких условиях новое оружие противника не может поколебать моральный дух личного состава и боеспособность войск, внести перелом в ход боевых действий.

Беседу с генералом С. Н. Ромазановым прервал выскочивший из блиндажа связист. Меня вызывали к телефону. Член Военного совета 3-й гвардейской армии генерал И. С. Колесниченко сообщил по ВЧ, что наш сосед справа — 1-й Белорусский фронт, судя по всему, начал артиллерийскую и авиационную подготовку. До войск правого крыла доносится сильный орудийный грохот и неумолкаемый гул самолетов, а небо непрерывно озаряется всполохами.

Я поблагодарил генерала И. С. Колесниченко за хорошее сообщение. Узнали мы, почему в полосе соседа так ярко полыхало небо. Оказалось, что войска ударной группировки 1-го Белорусского фронта выдвинули на передний край большое количество мощных прожекторов, осветив поле боя.

Мне захотелось узнать, как И. С. Конев оценивает применение соседями большого количества прожекторов. Он выслушал меня внимательно, слегка улыбнулся и сказал:

— Не знаю, Жукову виднее, как успешнее разбить врага. Он — полководец многоопытный. А мы вместо прожекторов, как тебе известно, применяем маскирующие дымы.

Но тревожная мысль не давала мне покоя: Жуков освещает поле боя, а мы, наоборот, задымляем. И я еще раз обратился к Коневу:

— Что же все-таки лучше?

— Что лучше? — переспросил Иван Степанович и, немного подумав, твердо и убежденно ответил: — Конкретно в условиях нашего фронта — дымы!

Войскам 1-го Украинского фронта, надо заметить, приходилось наступать в обстановке, которая сильно отличалась от условий нашего соседа. 1-й Белорусский фронт имел за Одером крупный плацдарм в районе Кюстрина. У нас же за рекой Нейсе, прикрывавшей южные подступы к Берлину, не было ни одного плацдарма. В результате войска 1-го Украинского фронта, как я уже отмечал, вынуждены были начинать наступление с форсирования Нейсе при одновременном прорыве обороны противника на западном берегу реки.

Чтобы скрыть и замаскировать переправы, помешать противнику вести прицельный огонь по нашим войскам в момент форсирования ими реки, было решено поставить во всей полосе

фронта дымовую завесу общей протяженностью 310 километров. В таком крупном масштабе маскирующие дымы применялись в Великую Отечественную войну впервые, другого подобного примера история не знала.

— Вроде неплохо все задумали и спланировали, — заключил наш разговор Маршал Советского Союза Конев. — Но точнее на этот вопрос ответит сама операция.

Иван Степанович озабоченно взглянул на часы. До начала наступления осталось совсем немного времени, и он приказал вызвать машину.

— Поеду к Пухову, — сообщил Конев, — буду с армейского НП следить за ходом артиллерийской и авиационной подготовки, за началом атаки. Потом вернусь сюда.

Я в свою очередь выехал в 5-ю гвардейскую армию. Наблюдательный пункт командарма Жадова находился неподалеку от фронтового НП. После короткой беседы с командующим и членами Военного совета армии я вместе с начальником поарма генералом Ф. А. Катковым направился в один из ближайших стрелковых полков, чтобы встретиться с воинами, побеседовать с ними, узнать их думы и настроения перед боем.

Побывал я и на митингах. Всюду выносились боевые Знамена, зачитывалось обращение Военного совета фронта, а командиры и политработники давали солдатам боевое напутствие. Я мысленно сопоставлял митинги начального периода Великой Отечественной войны и победного 1945 года. Невольно пришел к выводу, что эта великолепная форма политического воздействия на массы обогатилась еще более глубоким идейным содержанием. Заметно повысилась политическая сознательность солдат, сержантов и офицеров, еще более возрос боевой дух воинов-патриотов. Выступавшие с сыновней любовью говорили о партии Ленина, о Родине и народе, выражая свои мысли и чувства ярко, кратко и эмоционально. Они зажигали сердца воинов отвагой, воодушевляли их на героические подвиги.

В 6 часов 15 минут 16 апреля 1945 года на нашем фронте грозно и мощно заговорила артиллерия всех калибров. На направлении главного удара огонь вели более 300 орудий и минометов на километр фронта прорыва. Дополнительно были выделены артиллерийские подразделения и танки для непосредственной поддержки пехоты. Им ставилась задача непрерывно сопровождать наши штурмовые батальоны и роты.

Неумолимо грохотали тяжелые орудия. Над головами пехотинцев, находившихся в траншеях, с воем пролетали снаряды крупного калибра, вспышками молний сверкали залпы

легендарных «катюш». Это вели огонь 3-я гвардейская минометная дивизия генерала П. В. Колесникова (начальник политотдела полковник С. И. Белобородое), 3-я и 17-я артиллерийские дивизии прорыва, которыми соответственно командовали генералы И. Ф. Санько и С. С. Волкенштейн (начальники политотделов полковники И. Е. Евдокимов и П. А. Лапаев).

С наблюдательного пункта 5-й гвардейской армии хорошо было видно, как на вражеские позиции мощными волнами, эскадрилья за эскадрильей, накатывались краснозвездные самолеты.

— На противника надвигается девятый вал, — произнес командарм Алексей Семенович Жадов, наблюдая за воздушной армадой, взявшей курс на Мускау.

Этот крупный опорный пункт обороны противника подвергся сильным ударам наших бомбардировщиков. Непрерывно штурмовали неприятельские позиции самолеты Ил-2. Командир 1-го гвардейского штурмового авиакорпуса генерал В. Г. Рязанов находился на НП 5-й гвардейской армии и лично руководил группами «илов», давал целеуказания, уточнял вопросы взаимодействия, выполнял заявки командиров наземных войск.

— Внимание, — предупредил находившихся на НП генералов и офицеров Василий Георгиевич Рязанов, — сейчас будет поставлена дымовая завеса.

Низко, чуть ли не на бреющем полете, пронеслась над Нейсе группа штурмовиков. Как позднее мы узнали, ее возглавлял Герой Советского Союза М. И. Степанов. Самолеты, оснащенные дымовыми авиационными приборами (УХАП-250), оставили за собой длинный шлейф дыма. Клубясь и расползаясь, дымовая завеса, которой не было ни конца ни края, окутала реку и скрыла от взора врага наших саперов с переправочными средствами и пехотинцев, готовившихся к форсированию Нейсе. Кроме авиации на нашем участке применялись артиллерийские дымовые снаряды и мины, а также ручные дымовые гранаты и шашки. Маскировочные дымы, примененные в столь широких масштабах, несомненно, помогли войскам при форсировании Нейсе значительно снизить их боевые потери.

Наша артиллерийская и авиационная подготовка была рассчитана на длительное время — на 2 часа 35 минут. Форсирование реки планировалось осуществить в ходе артподготовки с таким расчетом, чтобы переправившиеся войска с ходу атаковали оборону противника. Это явилось своего рода новинкой в нашей тактике.

Все воины, от солдата до маршала, горели желанием как

можно скорее покончить с лютым врагом — германским фашизмом. Мы были свидетелями могучего взлета морального духа советских воинов. К Берлинской операции наши войска готовились не только шестнадцать апрельских дней, а на протяжении всех суровых лет войны. Мудрость ленинской партии, умение и опыт командиров и политработников, всех армейских коммунистов воплотились в политическом обеспечении Берлинской операции, когда патриотический подъем морально-боевого духа войск достиг наивысшей точки.

Героические сыны ленинской партии, как сообщали первые политдонесения, увлекали за собой солдат в атаку. Когда под прикрытием дымовой завесы и артиллерийского огня началась переправа через Нейсе, член ВКП(б) рядовой Пасечник первым вплавь преодолел студеные воды реки и установил на ее западном берегу красный штурмовой флажок. С возгласом "За нашу Советскую Родину, вперед, на Берлин!" он увлек в атаку всех бойцов подразделения. Захватив неприятельскую траншею и не задерживаясь в ней, советские воины продолжали продвигаться в глубь вражеской обороны.

Первым в части форсировал Нейсе стрелковый взвод лейтенанта Алиева. Горстка смельчаков встретила бешеное сопротивление численно превосходящего противника. В траншее завязался рукопашный бой. Коммунист Алиев лично уничтожил несколько фашистов. Когда на командира взвода сзади набросился рослый гитлеровец, на выручку ему подоспел комсомолец Кондратьев.

Ошеломленные такой неистовой атакой, многие немецкие солдаты подняли руки, а остальные побежали.

Переправа через Нейсе проходила на широком фронте, и обстановка не везде была благоприятной. Несмотря на мощную артиллерийскую подготовку, в ряде мест советские войска встретили очень упорное сопротивление гитлеровцев. На подступах к реке одно наше подразделение попало под сильный артиллерийско-минометный огонь. Молодые солдаты в нерешительности остановились. Одни залегли, другие начали метаться по берегу в поисках укрытий. Чтобы восстановить положение и поднять боевой дух воинов, коммунист Щербина зычно крикнул:

— Не робей, ребята! Лежать не годится, так фашисты могут перебить нас. Вперед!

Проявив разумную инициативу, воин-коммунист вывел солдат из опасной зоны, а затем помог им организованно сесть в десантные лодки. Руководивший переправой командир высоко оценил находчивость члена партии Щербины. В момент

форсирования реки воин-коммунист призывным словом, а то и веселой шуткой помогал молодым воинам сохранять под обстрелом спокойствие и уверенность в успехе. Вслед за партийным вожаком на берег спрыгнули все солдаты и дружно ударили по гитлеровцам. Захватив вражескую траншею, они обратили противника в бегство.

При переправе через Нейсе, как и во всех наступательных операциях, политработники уделяли особое внимание первому эшелону войск. Туда были влиты все основные силы политуправления фронта, политотделов армий, корпусов, дивизий и бригад. Многие политработники действовали непосредственно в штурмовых батальонах. Все было подчинено главной задаче форсированию реки Нейсе и прорыву обороны врага.

Будучи в 5-й гвардейской армии, я лично видел, что начальник поарма Ф. А. Катков со своими заместителями находился на переправах. Мне докладывали, что начальник политотдела 15-й гвардейской стрелковой дивизии подполковник Д. Г. Муратов форсировал Нейсе вброд вместе с передовым подразделением. Словом и личным примером он поднимал боевой дух молодых воинов. Точно так же поступали многие начальники политорганов и политработники подразделений. Это во многом способствовало нашим боевым успехам.

Форсирование Нейсе проходило в основном организованно. Наша артиллерия мощным огневым валом надежно защищала воинов инженерных подразделений, которые под прикрытием дымовой завесы спускали на воду десантные лодки и другие переправочные средства, собирали паромы, перебрасывали через реку штурмовые мостики и наводили понтонные мосты.

Для переправ через водные преграды инженерные войска заранее подготовили 750 погонных метров штурмовых мостиков, около 2300 погонных метров деревянных мостов под грузы от 16 до 60 тонн, а также 2440 лодок типа СДЛ.

Воины инженерных подразделений действовали быстро и сноровисто. Чувствовалось, что они много тренировались, добились слаженности расчетов и теперь показывали высокий класс боевой работы.

Самоотверженно трудились в ледяной воде, наводя 60-тонный мост, парторги рот 106-го отдельного саперного батальона старшины П. А. Осин и П. Е. Ступин, комсорг роты старшина Г. С. Воронин и другие коммунисты и комсомольцы. Во время артиллерийского обстрела они воодушевляли всех саперов, призывая их не уходить в укрытия, не покидать рабочих мест и как можно быстрее навести переправу для танков.

Все тяготы жарких боев и трудных работ вынесли на своих мужественных плечах коммунисты — лучшие люди армии, вожаки и воспитатели солдат, опора командиров. Мне довелось видеть, как вслед за первыми десантами на лодках и по штурмовым мостикам на широком фронте двинулись наши главные силы, как на паромах переправлялись орудия и танки непосредственной поддержки пехоты.

Фактически в течение часа через реку переправился первый эшелон главных сил 5-й гвардейской армии. После 45-минутной артиллерийской подготовки и ударов авиации форсировавшие Нейсе войска поднялись в атаку и начали штурм главной полосы обороны противника.

Наша артиллерийская подготовка, длившаяся в общей сложности 2 часа 35 минут, до основания потрясла вражескую оборону. "В 6 часов утра начался настоящий кошмар, — показал пленный обер-ефрейтор из штабной роты 1087-го полка 545-й пехотной дивизии. — Трудно было найти место, чтобы скрыться от русских снарядов и мин. Воздух был полон свиста и гула. Это был ад. От огня русских мы понесли огромные потери. Никто из нас не предполагал, что русские способны создать такую огневую завесу. Все наши траншеи обвалились. Люди, как безумные, метались в поисках спасения"{127}.

Взятый нашими войсками в плен адъютант батальона 554-го пехотного полка 342-й дивизии сообщил, что только на участке полка поставлен заслон из "охранных подразделений численностью до 900 человек с задачей — направлять обратно бегущих в тыл немецких солдат"{128}. Эсэсовцам был дан приказ расстреливать каждого, кто посмеет отступить с занимаемого рубежа, даже целые подразделения.

Несмотря на жесточайшие меры, некоторая часть немецких солдат, особенно фольксштурмовцы, покидала окопы и траншеи, отступая под натиском советских воинов.

Мне хорошо памятны героические переправы через Днепр и Днестр, Вислу и Одер. Боевой опыт нам крепко пригодился. Достигнутый советскими войсками успех на Нейсе превзошел все наши ожидания. Даже при упорном сопротивлении гитлеровцев форсирование реки происходило в стремительном темпе. Большой похвалы заслуживали энергичные, слаженные и продуманные действия инженерных войск фронта, возглавляемых генералом И. П. Галицким. За какие-нибудь пятьдесят минут через Нейсе были наведены легкие понтонные мосты, а через два часа на направлении главного удара 5-й гвардейской армии мы имели четыре тридцатитонных моста и вскоре — шестидесятитонный, по которому двинулись танки, самоходки,

артиллерия. Всего же в полосе наступления ударной группировки фронта работало 133 переправы.

Успешное форсирование реки обрадовало всех нас. Повеселел и заулыбался Алексей Семенович Жадов, оживились члены Военного совета армии генералы А. М. Кривулин и П. Е. Сухарев, начальник штаба генерал Н. И. Лямин, командующий артиллерией генерал Г. В. Полуэктов и другие военачальники. Жадов доложил по ВЧ Коневу о первом успехе. Иван Степанович, находившийся на НП 13-й армии, воспринял это известие с большим удовлетворением и сообщил, что у Пухова и Гордова тоже полный порядок. Вместе с тем он потребовал не ослаблять бдительности, не обольщаться первыми победами, ибо борьба только началась и коварный враг наверняка приготовил нам немало неприятностей.

Вечером, когда мне надо было уже возвращаться в штаб фронта, войска 5-й гвардейской армии прорвали главную полосу обороны противника и вклинились во вторую, носившую идиллическое наименование «Матильда». Итоги первого дня боев выглядели благоприятно. Войска 3-й, 5-й гвардейских и 13-й армий, действовавшие на главном направлении, прорвали оборону противника в полосе шириной 29 километров и продвинулись вперед на глубину до 13 километров. Вспомогательная ударная группировка, состоявшая из 2-й армии Войска Польского и нашей 52-й армии, тоже форсировала Нейсе и, ломая сопротивление гитлеровцев на дрезденском направлении, продвинулась на глубину 6-10 километров.

Бои в лесистом междуречье Нейсе — Шпрее сразу же приняли ожесточенный характер. Гитлеровцы ввели в сражение оперативные резервы, в том числе танковую дивизию "Охрана фюрера". По показаниям пленных, ею командовал фанатичный нацист Ремер, который по личному приказу Гитлера 20 июля 1944 года арестовывал главарей заговора против фюрера и жестоко расправлялся с участниками неудавшегося путча. Свирепый палач сделал на этом карьеру и заслужил генеральский чин.

Первое столкновение с немецкой танковой дивизией "Охрана фюрера" произошло в ночь на 17 апреля 1945 года. Передовой отряд, возглавляемый Героем Советского Союза гвардии полковником И. И. Прошиным, обнаружив выдвигавшиеся на рубеж «Матильда» резервы противника, внезапно атаковал их. Наши танкисты упредили врага, не дали ему возможности развернуться на выгодном рубеже и застали его врасплох. 62-я гвардейская танковая бригада полковника И. И. Прошина и 29-я мотострелковая бригада полковника А. И. Ефимова из 10-го

гвардейского танкового Уральского корпуса генерала Е. Е. Белова во встречном ночном бою наголову разбили два немецких танковых полка и захватили штаб танковой дивизии "Охрана фюрера".

Именно тогда в наши руки попал только что подписанный генералом Ремером приказ, в котором довольно подробно перечислялась группировка противника, сосредоточенная в районе оборонительной полосы «Матильда». Эти данные нам пришлись очень кстати.

Докладывая о результатах ночного встречного боя, генерал В. Г. Гуляев сказал мне:

— Воюем по гвардейским законам. Гвардия не ждет противника, а сама ищет его и, найдя, беспощадно бьет! С непреклонной решимостью победить Советская гвардия вступила в смертельный бой с личной гвардией Гитлера и разбила ее. От дивизии СС "Охрана фюрера" остались рожки да ножки…

Я выразил Василию Георгиевичу признательность за хорошее сообщение и попросил передать танкистам от имени Военного совета фронта благодарность, а наиболее отличившихся гвардейцев представить к правительственным наградам.

Гвардии полковник И. И. Прошин, сыгравший видную роль в разгроме упомянутой эсэсовской дивизии, вступил в командование 62-й гвардейской танковой бригадой в первых числах апреля 1945 года. Военный совет фронта утвердил его кандидатуру как раз в тот момент, когда началась напряженная подготовка к Берлинской операции. Генерал В. Г. Гуляев сообщил, что полковник И. И. Прошин является воспитанником командарма Д. Д. Лелюшенко и служил под его началом еще в довоенное время. Зимой 1939/40 года Иван Прошин в составе танковой бригады, которой командовал Дмитрий Данилович Лелюшенко, участвовал в боях на Карельском перешейке и заслужил звание Героя Советского Союза. Отрадно было, что новый комбриг хорошо проявил себя, возглавив передовой отряд. Его смелые, инициативные и умелые действия существенно улучшили боевую обстановку на данном участке и позволили подвижным войскам развить успех.

В боевой обстановке очень многое значит умение командира творчески решать поставленные задачи. Этим качеством отличалось большинство наших офицеров и генералов.

Незадолго до Берлинской операции мне довелось вместе с начальником политотдела 5-й гвардейской армии генералом Ф. А. Катковым побывать в 294-м гвардейском стрелковом полку и познакомиться с командиром этой части гвардии полковником А. Д. Харитоновым. Он тоже обладал большим боевым опытом и еще

в 1939 году был награжден орденом Красного Знамени. Второй боевой орден Красного Знамени Александр Данилович заслужил в 1941 году, а третий — в марте 1945 года при прорыве сильно укрепленной обороны противника в районе Штрелена.

Берлинская операция была сложной на всех ее этапах, Она потребовала от воинов предельного напряжения физических и моральных сил. Гвардейский стрелковый полк, которым командовал А. Д. Харитонов, занял ряд населенных пунктов северо-запад нее Мускау. Наступая днем и ночью, он искусными обходными маневрами наносил по гитлеровцам мощные удары.

Но на войне случается всякое, обстановка может быстро измениться. Бросив в бой оперативные резервы, немецко-фашистское командование предприняло сильный контрудар, и 294-й гвардейский стрелковый полк на какое-то время оказался отрезанным от своих войск. Но и находясь в окружении, гвардии полковник А. Д. Харитонов не терял мужества, твердо и умело руководил подразделениями, воодушевлял воинов личным примером и боевыми призывами. Парторг полка гвардии капитан В. А. Назаренко и все коммунисты активно подкрепляли усилия командира-единоначальника. В результате 294-й гвардейский стрелковый полк 97-й гвардейской стрелковой дивизии не только выстоял, но и нанес врагу огромные потери.

Он уничтожил 19 фашистских танков и 11 самоходных штурмовых орудий, 12 бронетранспортеров и 2800 вражеских солдат и офицеров. Не утратив наступательного порыва, эта часть вышла из окружения и снова двинулась вперед. Президиум Верховного Совета СССР присвоил гвардии полковнику Александру Даниловичу Харитонову звание Героя Советского Союза.

Велика роль командира-единоначальника как руководителя войск и организатора боя, умеющего быстро и правильно оценить обстановку, инициативно и смело принять наиболее правильное решение, позволяющее разгромить врага с наименьшими потерями. Военные советы фронтов и армий, наши штабы и политорганы заботились о том, чтобы офицерские кадры овладевали ленинским учением о защите Отечества, накапливали опыт, военные и политические знания, постигали искусство управления войсками и науку побеждать.

От операции к операции росло ратное мастерство командира 52-й гвардейской танковой бригады гвардии подполковника Людвига Ивановича Куриста. Возглавляемое им соединение в числе первых 16 апреля 1945 года форсировало Нейсе и к 20 часам овладело перекрестком автострады и железной дороги юго-западнее Дамсдорфа. Командир бригады твердо и умело управлял

боем, отражая сильные контратаки пехоты и танков противника, и обеспечил прочное удержание захваченного плацдарма. Это позволило другим частям успешно переправиться через реку и изготовиться к новому броску вперед.

Тяжелые бои за рекой Нейсе развернулись в районе селения Гари, являвшегося сильным опорным пунктом обороны противника и важным узлом дорог. Усиленная головная походная застава не смогла преодолеть сопротивление вражеских автоматчиков и фаустников, поддерживаемых тяжелыми танками и артиллерией. В бой вступили главные силы 54-й гвардейской танковой бригады, которой командовал полковник И. И. Чугунков.

Но противник по-прежнему имел численное превосходство. Части 21-й немецкой танковой дивизии контратаковали наших гвардейцев одновременно из Требендорфа и Маттендорфа, пытаясь любой ценой выбить их из селения Гари и перекрыть перекресток дорог.

Командир танкового батальона дважды Герой Советского Союза Семен Васильевич Хохряков, несмотря на тяжелое ранение, продолжал руководить боем. Заняв выгодные позиции на опушке леса, гвардейцы точно били по бортам «тигров» и «пантер», пытавшихся прорваться к высоте с отметкой 90,4.

Обороняя эту важную высоту и сдерживая натиск врага, коммунист дважды Герой Советского Союза С. В. Хохряков был ранен вторично, ранение оказалось смертельным. Гвардейцы отомстили фашистам за гибель своего командира. Они "уничтожили в этом бою 22 фашистских танка и 6 бронетранспортеров, 5 зенитных орудий и много вражеских солдат и офицеров.

Разгромив гитлеровцев в районе Гари и овладев другими опорными пунктами противника, гвардейцы-танкисты открыли нашим войскам путь к Шпрее. В тесном взаимодействии со стрелковыми соединениями они прорвали и вторую полосу вражеской обороны, оборудованную за рекой Нейсе. Вскоре войска 3-й и 4-й гвардейских танковых армий вышли на оперативный простор. Получив об этом донесения, находившийся на передовом наблюдательном пункте командующий фронтом И. С. Конев написал приказ: "Немедленно!

Начальнику инженерных войск фронта, начальникам инженерных войск 3-й гвардейской, 13-й и 5-й гвардейской армий, командирам 6-й и 3-й понтонных бригад.

На путях наших войск к Берлину последняя водная преграда р. Шпрее. Приказываю:

1. Всем рядовым, сержантам, офицерам инженерных войск

фронта обеспечить быстрое и организованное форсирование р. Шпрее нашими войсками. Главное быстрейшая переправа танков армий Рыбалко и Лелюшенко.

2. Подтянуть ближе к войскам переправочные средства".

— Документ, можно сказать, исторический, — заметил я, прочитав написанные Иваном Степановичем строки. — Поскольку речь идет о Берлине, может быть, стоит придать приказу политическое звучание.

Маршал Советского Союза Конев согласился со мной и быстро дописал следующие строки: "Проявить напор и изобретательность… Родина ваших героических дел не забудет.

3. Саперы! Смелее и решительнее штурмуйте последнее водное препятствие на пути к Берлину, открывайте безостановочный путь нашим войскам на Берлин.

4. Приказ довести до всех инженерных войск армий и всего рядового и офицерского состава.

Командующий войсками 1-го Украинского фронта Маршал Советского Союза Конев

Член Военного совета, фронта

Крайнюков"{129}.

Подписи начальника штаба генерала армии И. Е. Петрова на документе нет, так как Иван Ефимович оставался в штабе фронта. Но хорошо знаю, что с содержанием приказа он был ознакомлен по телефону. Бережно хранимые мною фотокопии этого и некоторых других документов о Берлинской операции воскрешают в памяти многие события того героического прошлого.

Во время форсирования войсками фронта водных преград и напряженных боев на плацдармах Иван Степанович всегда с большой озабоченностью следил за развитием событий, но, когда удавалось сокрушить укрепления врага, преодолеть реки, когда наши подвижные войска могли уже выйти на оперативный простор, командующий фронтом преображался. Охваченный боевым порывом, он требовал: темпы, темпы и темпы! Конев обязывал обходить опорные пункты, не ввязываться в затяжные бои, не оглядываться назад и решительно продвигаться вперед. Маршал предлагал политработникам особенно настойчиво внушать эту мысль танкистам и личному составу конно-механизированных групп.

Вот и в этот раз он поинтересовался, где находятся члены военных советов и начальники политотделов танковых армий. Я ответил, что в момент форсирования Нейсе генералы С. И. Мельников, В. Г. Гуляев, А. Д. Капник, полковник Н. Г. Кладовой и другие руководящие политработники наших подвижных войск

находились на переправах. Сейчас же они работают в частях, готовят танкистов к преодолению реки Шпрее, на которой стоит Берлин. Этим также всецело заняты начальники политотделов инженерных понтонно-мостовых и саперных бригад.

— Очень хорошо, — заметил Иван Степанович. — Война научила политработников правильно находить свое место в бою. Это тоже искусство.

Вслед за танкистами, вышедшими на оперативный простор, мы с Иваном Степановичем выехали к Рыбалко и Лелюшенко. Наш путь пролегал через горящие леса. Все окрест было затянуто густым дымом. Едкая гарь разъедала глаза.

В дороге мы продолжили беседу о политработе, связанной с проведением Берлинской операции. Иван Степанович Конев, так же как Павел Семенович Рыбалко, Степан Акимович Красовский и некоторые другие наши военачальники, в годы гражданской войны был боевым комиссаром и хорошо знал цену политработе. Он очень требовательно относился к политработникам, и заслужить его уважение было нелегко. Иван Степанович терпеть не мог шаблона, казенщины, формализма, от него крепко доставалось людям инертным, равнодушным.

— Чтобы убеждать и воодушевлять массы, — говорил он, — политработник должен сам гореть и живым, ярким словом, освещенным мудрой мыслью, воспламенять сердца воинов.

Маршал ценил политработников храбрых, энергичных, инициативных, способных в любой боевой обстановке оперативно и творчески решать поставленные перед ними задачи, действенно помогая командованию в обеспечении боевых успехов.

Иван Степанович с заметным интересом слушал мой рассказ о крупицах фронтового опыта. В сражениях Великой Отечественной войны все более обогащались и разнообразились формы и методы партийно-политической работы. Обеспечение подразделений топографическими картами всегда, например, считалось делом техническим. Но в 4-й гвардейской танковой армии и этому техническому делу сумели придать политическое содержание. Член Военного совета армии генерал В. Г. Гуляев и начальник поарма полковник Н. Г. Кладовой, с которыми я встретился после переправы через Нейсе, показали мне карту района боевых действий и план Берлина с надписью: "Запомни, гвардеец-танкист! От Нейсе — 120 км до логова фашистского зверя, а от Шпрее — 85 км. Вперед, стальная гвардия, водрузим Знамя Победы над Берлином!" Такие карты послали во все батальоны армии.

Увеличенные карты-схемы и план столицы Германии были установлены на щитах у переправ. Политработники, выделенные

для обслуживания развернутых там агитпунктов, отмечали занятые нами населенные пункты и важные объекты противника.

Примерно такие же карты-схемы были изготовлены и вывешены в госпиталях. С ранеными воинами ежедневно проводились политинформации, устраивались коллективные читки сводок Совинформбюро, объявлялись последние данные о ходе Берлинской операции.

— Я убедился, — говорил мне начальник санитарного управления фронта генерал Н. П. Устинов, — что не только врачи и медикаменты, но и воодушевляющее слово политработника, агитатора помогает быстрее излечивать больных и раненых. Солдаты, сержанты и офицеры спешили как можно скорее выписаться из госпиталя и вернуться в родной полк, чтобы принять участие в завершающих сражениях.

В Берлинской операции, пожалуй, больше, чем в любой другой, раненые в массовом порядке оставались в строю, отказываясь идти в медсанбаты и на эвакопункты. Только в апреле 1945 года в 4-й гвардейской танковой армии осталось в боевом строю около 2 тысяч учтенных раненых{130}. Такое явление наблюдалось буквально во всех армиях и соединениях. Во время Берлинской операции в войсках 1-го Украинского фронта, по неполным данным, осталось в строю свыше 15 тысяч легкораненых солдат, сержантов и офицеров. А раненый, не покинувший боя, — самый активный пропагандист мужества и стойкости. Это свидетельство патриотизма и сознательности советских воинов, их высоких моральных, политических и боевых качеств.

Перед началом нашего наступления на броне танков и САУ, на орудийных стволах и бортах самолетов, бронетранспортеров и автомашин появились надписи: "Вперед, на Берлин!", "Даешь Берлин!"

Когда 3-я гвардейская танковая армия входила в прорыв, член Военного совета генерал С. И. Мельников погрузил на свой «виллис» красочный щит с выразительными словами: "Вот оно, логово. Дошли. Добьем фашистского зверя! Ура!!!"

— Об этом щите, — сказал мне Семен Иванович Мельников, — знают во всех бригадах армии. Мы с командармом Рыбалко условились: кто первым ворвется в столицу Германии, тот на окраине Берлина установит этот щит, тому честь и слава!

Даже отрывочные воспоминания о далеких фронтовых днях свидетельствуют о том, сколько творчества, инициативы, энтузиазма проявилось на завершающем этапе войны и каким глубоким содержанием наполнилась партийно-политическая работа во всех ее звеньях. Командиры и политорганы, парторги и

комсорги, коммунисты и комсомольцы, накопившие за годы боев драгоценный фронтовой опыт, искусно и творчески применяли его в Берлинской операции. Огромный арсенал средств политического воздействия на солдатские массы помог в короткие сроки утроить, удесятерить наступательный порыв и моральный дух наших солдат, сержантов и офицеров, мобилизовать войска на выполнение исторической задачи, поставленной Коммунистической партией и Советской Родиной, — разгромить немецко-фашистских захватчиков и водрузить Знамя Победы над Берлином.

Наступательным порывом были охвачены поистине все воины, от солдата до маршала. Вспоминаю, как Конев пробивался сквозь охваченный огнем лес в войска первой линии и, кажется, готов был обогнать не только передовой отряд, но и головную походную заставу.

— Гриша, надо обжать эту колонну, — время от времени говорил маршал водителю Г. И. Губатенко, и тот виртуозно обгонял грохотавшие по лесным дорогам танки и бронетранспортеры. Чувствовалось, что Ивану Степановичу не терпится скорее вырваться к Шпрее и ускорить переправу через нее подвижных войск фронта.

И вот нашему взору открылась река, разделенная надвое островной полоской. Гитлеровцы поспешили взорвать мосты, оставив на восточном берегу оборонявшиеся подразделения. А за рекой расположились с пулеметами эсэсовские заградотряды. "Кто отступит и побежит за Шпрее, будет расстрелян!" — угрожал гитлеровский генерал.

Но внезапно прорвавшиеся к реке советские танки опрокинули вражеский заслон. Барахтаясь в прибрежной грязи, удиравшие фольксштурмовцы, сами того не желая, показали нам брод. Правда, брод неважный, с топким грунтом. А ждать, пока саперы наведут мост, было рискованно. На войне нередко миг решает победу. Упустить нужный момент — значит дать противнику возможность подбросить резервы, привести в порядок потрепанные нашими войсками разрозненные боевые группы и укрепиться на водном рубеже. Вот почему так важно было форсировать реку с ходу, на плечах отступающего противника, не дав ему возможности организовать оборону.

Из большого числа добровольцев, вызвавшихся первыми переправиться через Шпрее, командующий 3-й гвардейской армией П. С. Рыбалко и член Военного совета армии С. И. Мельников отобрали самый лучший экипаж и приказали ему форсировать реку, чтобы проверить состояние брода. К сожалению, не могу назвать фамилии танкистов, но хорошо знаю,

что командарм наградил их орденами.

На глазах у гвардейцев, достигших в числе первых заветного рубежа, танк лихо перемахнул через Шпрее и нигде не завяз. Глубина реки в этом месте немногим превышала метр и для боевых машин не представляла преграды.

Механики-водители, наблюдавшие за переправой головного танка, приступили затем к массовому форсированию Шпрее вброд. Переправившись на западный берег, гвардейцы сразу же вступали в бой. Они уничтожали вражеские огневые точки из пушек и пулеметов, давили гусеницами засевших в траншее гитлеровцев.

Не отставали от танкистов и мотострелки. На броне боевых машин и вброд автоматчики преодолели Шпрее. Не дожидаясь, пока будет наведена переправа, комсорг роты младший сержант Бормотов бросился в мутные воды реки и громко крикнул:

— За мной, бойцы! Комсомолия, вперед!

Вслед за ним, держа оружие над головой, перебрались через реку рядовые Садилов, Мадолин, Авганесян и другие. Затем до нас донеслось раскатистое «ура». Это рота капитана Ларикова решительным ударом выбила гитлеровцев из траншеи и продолжала наступать.

А саперы, не теряя времени, уже развертывали понтонный парк, наводили мост.

И. С. Конев решил со Шпрее не возвращаться в штаб фронта и, показав на здание, напоминавшее старинный замок, потребовал развернуть там передовой командный пункт. Отсюда Иван Степанович позвонил по ВЧ Верховному Главнокомандующему и доложил о развернувшейся полным ходом переправе войск 1-го Украинского фронта через Шпрее и о том, что первые эшелоны танковых армий уже форсировали реку. Теперь они успешно развивают наступление в северо-западном направлении.

Маршал Советского Союза И. С. Конев напряженно ждал дальнейших распоряжений. И хотя Верховный Главнокомандующий при обсуждении в Ставке плана операции предусмотрел в качестве дополнительного варианта возможность поворота танковых армий 1-го Украинского фронта на Берлин, в этот раз он не сразу принял решение, видимо, прикидывал, как лучше поступить. Положение осложнялось тем, что нацеленные на германскую столицу войска 1-го Белорусского фронта встретили в районе Зееловских высот ожесточенное сопротивление гитлеровцев и продвигались медленно. Как рассказал Конев нам, присутствовавшим при разговоре, у Сталина возникла даже мысль о переброске подвижных войск 1-го

Белорусского фронта на наш участок. Он намеревался ввести их в прорыв через образовавшийся коридор, а также через переправы на реке Шпрее и пустить их в направлении Берлина.

Самого разговора я не слышал, но видел, как переменился в лице и сильно разволновался Иван Степанович. Затем он стал доказывать, что это займет много времени, внесет замешательство и что у нас сложилась благоприятная оперативная обстановка для того, чтобы своими силами нанести удар по Берлину с юга и тем самым помочь 1-му Белорусскому фронту.

Впрочем, Сталин не настаивал на предложенном им варианте и кратко сказал, что у Жукова наступление пока идет туго, что танковые армии Рыбалко и Лелюшенко надо повернуть на столицу Германии, как было договорено об этом в Ставке.

Командующий войсками 1-го Украинского фронта Маршал Советского Союза Конев доложил о направлении, в котором будут повернуты наши танковые армии. В качестве ориентира он назвал населенный пункт Цоссен, находящийся примерно в 25 километрах от Берлина.

Сталин поинтересовался, знаем ли мы, что в Цоссене расквартирована ставка гитлеровского генерального штаба. Иван Степанович ответил утвердительно.

— Очень хорошо. Я согласен, — повторил Верховный Главнокомандующий. Поверните танковые армии на Берлин.

Получив столь ответственное боевое задание, Конев как-то торжественно вытянулся и на добрые пожелания Верховного Главнокомандующего взволнованно ответил:

— Служу Советскому Союзу!

Положив трубку, Иван Степанович посмотрел на нас счастливыми глазами и с молодым задором воскликнул:

— А теперь, братцы, даешь Берлин!..

Надо отметить, что Маршал Советского Союза И. С. Конев сильно переживал затянувшуюся неопределенность с разграничением между фронтами. Директивное указание Ставки о том, что столицу Германии будет брать 1-й Белорусский фронт, оставалось пока в силе. Иван Степанович был все время уверен, что одному фронту, даже достаточно насыщенному живой силой и боевой техникой, невозможно решить такую необычайно сложную оперативно-стратегическую задачу. Сама жизнь подтвердила это.

В своей книге "Воспоминания и размышления" Маршал Советского Союза Г. К. Жуков справедливо отмечал: "Слов нет, теперь, когда с исчерпывающей полнотой все ясно, куда легче мысленно строить стратегический план, чем тогда, когда надо

было практически решать уравнение со многими неизвестными. И все же хочу поделиться своими соображениями по этому поводу.

Взятие Берлина следовало бы сразу, и в обязательном порядке, поручить двум фронтам: 1-му Белорусскому и 1-му Украинскому, а разграничительную линию между ними провести так: Франкфурт-на-Одере — Фюрстенвальде — центр Берлина. При этом варианте главная группировка 1-го Белорусского фронта могла нанести удар на более узком участке и в обход Берлина с северо-востока, севера и северо-запада. 1-й Украинский фронт нанес бы удар своей главной группировкой по Берлину на кратчайшем направлении, охватывая его с юга, юго-запада и запада"{131}.

Но и так, как фактически развивалось наступление на практике, получилось в общем итоге очень даже неплохо. Коррективы в оперативный план внесены были своевременно.

Получив от Верховного «добро» на удар по Берлину с юга, Маршал Советского Союза Конев был в приподнято-радостном настроении. Он тут же стал звонить командующему 3-й гвардейской танковой армией генералу Рыбалко, командующему 4-й гвардейской танковой армией генералу Лелюшенко и другим военачальникам. Он сделал боевые распоряжения, связанные с завершением форсирования реки Шпрее и поворотом танковых армий на Берлин. Одновременно сообщал, что его устный приказ будет подтвержден документально. Директива фронта от 17 апреля 1945 года гласила: "Во исполнение приказа Ставки Верховного Главнокомандования приказываю:

1. Командарму 3-й гвардейской танковой армии: в течение ночи на 18 апреля 1945 года форсировать р. Шпрее и развивать стремительное наступление в общем направлении Фечау, Гольсен, Барут, Тельтов, южная окраина Берлина. Задача армии — в ночь на 21. IV. 45 г. ворваться в г. Берлин с юга.

2. Командарму 4-й гвардейской танковой армии: в течение ночи на 18 апреля 1945 года форсировать р. Шпрее севернее Шпремберга и развивать стремительное наступление в общем направлении Дребкау, Калау, Даме, Луккенвальде. Задача армии — к исходу 20. IV. 45 г. овладеть районом Белиц, Трёйенбритцен, Луккенвальде. В ночь на 21. IV. 45 г. овладеть Потсдамом и юго-западной частью Берлина. При повороте армии на Потсдам район Трёйенбритцен обеспечить 5-м мехкорпусом. Вести разведку в направлении Зенфтенберг, Финстервальде, Герцберг.

3. На главном направлении танковым кулаком смелее и решительнее пробиваться вперед. Города и крупные населенные пункты обходить и не ввязываться в затяжные фронтальные бои. Требую твердо понять, что успех танковых армий зависит от

смелого маневра и стремительности в действиях.

Пункт третий приказа довести до командиров корпусов, бригад.

Командующий 1-м Украинским фронтом Маршал Советского Союза И. С. Конев

Член Военного совета Генерал К. В. Крайнюков

Начальник штаба 1-го Украинского фронта генерал армии И. Е. Петров"{132}.

Наши подвижные войска, круто повернувшие на Берлин, энергично и отважно выполняли почетный приказ командования. Темпы наступления нарастали. Если в первый день операции войска, форсировавшие Нейсе, продвинулись вперед на 13 километров, во второй — на 16, то на третий день они прошли уже 25 километров. А на четвертый день наши танковые армии даже по труднопроходимой лесистой местности сделали решительный рывок на 30–35 километров. Такого стремительного наступления, такого высокого темпа продвижения войск не предполагали ни Ставка, ни Генштаб, ни командование фронта. Наш успех объяснялся многими обстоятельствами, в том числе тем, что мы крепко потрепали противостоявшую группировку немецко-фашистских войск, а также, несомненно, высоким боевым подъемом, царившим среди советских воинов, их готовностью с честью выполнить приказ Родины.

Наступление развивалось успешно. Но командование фронта не без основания считало, что вполне возможны контратаки и даже контрудары вражеских войск, сосредоточенных в районах Котбуса и Шпремберга. Гитлеровцы, несомненно, попытаются ликвидировать наш коридор и отрезать вырвавшиеся вперед танковые армии.

Не сбрасывая со счетов эту реальную опасность, командиры и политработники стремились постоянно укреплять моральный дух танкистов, разъясняли им, что общий успех наступления зависит прежде всего от маневренности и стремительности в действиях наших подвижных частей. Они напоминали, что общевойсковые армии и артиллерийские соединения сумеют защитить фланги и тылы.

Именно такую нелегкую задачу доблестно выполняли войска 3-й гвардейской армии генерала В. Н. Гордова, отражавшие вражеский контрудар в районе Форста и Котбуса. Когда положение стало особенно напряженным, командующий фронтом усилил эту армию 1-й гвардейской артиллерийской дивизией прорыва, которой командовал генерал-майор артиллерии В. Б. Хусид.

Мощные удары по врагу наносили эскадрильи штурмовых

авиакорпусов генералов В. Г. Рязанова и С. В. Слюсарева, бомбардировочных авиакорпусов генералов Д. Т. Никитина и П. П. Архангельского.

18 апреля 1945 года группа «илов», ведомая капитаном А. Я. Суворовым, пулеметно-пушечным огнем и реактивными снарядами разгромила железнодорожный эшелон гитлеровцев с живой силой и техникой. Переброшенная из района Котбуса резервная часть противника так и не смогла прибыть к месту назначения и вступить в бой.

Мастером дерзких штурмовых атак зарекомендовал себя и коммунист капитан Ю. М. Балабин, многократно водивший группы «илов» численностью до 18–24 самолетов. Под Берлином он лично уничтожил 7 фашистских танков, 13 автомашин и 6 орудий.

В разгар Берлинской операции из состава 3-го Белорусского фронта к нам поступила 28-я армия, которой командовал генерал-лейтенант А. А. Лучинский (член Военного совета генерал-майор А. Н. Мельников, начальник штаба генерал-майор С. М. Рогачевский). Генштаб первоначально планировал, что войска этого объединения комбинированным маршем по железной дороге и автотранспортом к 26 апреля 1945 года прибудут в район Глогау, Познань, Яроцин. Но Берлинская операция началась, как известно, раньше предполагаемого срока, и события подхлестывали нас.

Когда на КП фронта, находившийся юго-восточнее Форста, прибыл для доклада командующий 28-й армией генерал-лейтенант Лучинский, Маршал Советского Союза Конев обрадованно сказал:

— Хорошо, что прибыли на несколько дней раньше запланированного срока. Попали, как говорится, с корабля на бал! Мы даем вам такое боевое задание, о котором мечтают все наши армии.

Подойдя к карте, командующий фронтом показал Лучинскому на Берлин и с подчеркнутой торжественностью произнес:

— К этому населенному пункту с юга приближается третья гвардейская армия генерала Рыбалко. Ставлю вам задачу — догнать танкистов и вместе с ними ворваться в Берлин!

— Задача ясна, — с радостной взволнованностью ответил генерал Лучинский. — Спасибо за доверие. Все силы приложим, чтобы с честью ее выполнить.

А потом, как бы про себя, он задумчиво добавил:

— Но как все-таки нам, пехотинцам, догнать танкистов? Задача не из легких.

— Мы поможем перебросить войска, — сказал Иван Степанович. — В ваше подчинение передается четырнадцатый автополк РГК. По моему приказу он уже поднят по тревоге. Свяжитесь с начальником штаба фронта генералом армии Петровым и сообщите ему, куда подать автомашины. Не мешает вам послать своих гонцов к начальнику тыла генералу Анисимову. Действуйте!

Это происходило, если мне память не изменяет, 20 апреля 1945 года. В тот день танкисты Лелюшенко, продвинувшиеся за предыдущие сутки на 50 километров, достигли Луккенвальде, а танкисты Рыбалко овладели Барутом.

Как потом стало известно, прорыв танкистов с юга вызвал большой переполох в стане гитлеровцев и нашел свое отражение в военном дневнике ОКБ в виде следующей многозначительной записи: "20 апреля 1945 года. Для высших командных инстанций начинается последний акт драматической гибели германских вооруженных сил.

Передовым танковым подразделениям русских удалось прорваться в район Барута, находящегося в 18 км от Цоссена, где на протяжении многих лет располагалась ставка верховного командования вооруженных сил (ОКБ), штаб оперативного руководства вооруженными силами ОКБ, а также генеральный штаб сухопутной армии… Обстановка на фронте вынуждает перенести из Цоссена на север ставку верховного командования вооруженных сил, штаб-квартиру штаба оперативного руководства вооруженными силами и генерального штаба сухопутных войск. Штаб оперативного руководства вооруженными силами располагается в Ваннзее. Все совершается в спешке, так как уже слышно, как вдали ведут из пушек огонь русские танки. В Ваннзее деловая жизнь штаба продолжается. Настроение подавленное"{133}.

Вклинившись в цоссенский оборонительный рубеж, который изобиловал озерами и насквозь простреливаемыми перешейками, войска 3-й гвардейской танковой армии встретили очень упорное сопротивление врага. Их продвижение замедлилось. Тяжело было пробиваться через межозерные дефиле, усиленные инженерными сооружениями, прикрытые значительными противотанковыми средствами.

Обходя заминированные лесные завалы и сбивая вражеские заслоны, мотострелковые подразделения уничтожали фаустников, замаскированные засады и решительно пробивались вперед.

Задержку наших танкистов на цоссенском оборонительном рубеже Конев воспринял болезненно, то и дело поторапливал

командарма Рыбалко и, как он сам сказал, "в порядке воспитания и назидания" послал Павлу Семеновичу следующую радиограмму: "Опять двигаетесь кишкой. Одна бригада дерется, вся армия стоит. Приказываю: рубеж Барут, Луккенвальде через болото переходить по нескольким маршрутам развернутым боевым порядком. Исполнение донести. Конев. 20. IV. 45 г."{134}.

Я пытался отговорить Конева от посылки радиограммы такого резкого содержания, мотивируя тем, что Павел Семенович Рыбалко — многоопытный военачальник, известен как мастер вождения войск и, несомненно, со своей стороны он предпринимает нужные меры. Но Конев стоял на своем.

А Рыбалко, как я потом выяснил, действительно не бездействовал. В то время как часть его сил вела напряженные бои под Цоссеном, передовые отряды соседних соединений обтекали этот мощный опорный пункт и выходили на оперативный простор.

Командующий фронтом И. С. Конев тоже не ограничился радиограммой и со своей стороны оказал 3-й гвардейской танковой армии мощную поддержку авиацией. Во время глубокого рейда армии по тылам врага авиация во многом заменяла артиллерию, оказывая активную и эффективную помощь танковым соединениям.

Преодолев цоссенский оборонительный рубеж, гвардейцы-танкисты как бы распахнули ворота на Берлин и снова устремились к столице Германии. Командиры и политорганы, используя различные средства информации, оповещали войска о ходе боевых действий на советско-германском фронте, прежде всего о наступлении на берлинском направлении.

20 апреля 1945 года в 19 часов 40 минут Военный совет 1-го Украинского фронта отдал приказ: "Т. Рыбалко, т. Лелюшенко. Лично.

Войска маршала Жукова в 10 км от восточной окраины Берлина.

Приказываю обязательно сегодня ночью ворваться в Берлин первыми.

Исполнение донести.

Конев, Крайнюков"{135}.

Рассказывая о напряженных боях на подступах к столице Германии, я невольно вспоминаю, как руководству 1-го Украинского фронта, а равно и всем войскам, нацеленным на Берлин, страстно хотелось ворваться туда как можно скорей и прийти первыми. Шло своего рода негласное соревнование, вносившее в войска хороший боевой настрой и повышающее наступательный порыв.

В тот вечер командующий войсками фронта Маршал Советского Союза И. С. Конев, член Военного совета генерал Н. Т. Кальченко и я заслушали доклад начальника тыла генерала Н. П. Анисимова о материальном обеспечении боевых действий войск. Примеры прошлых операций напоминали нам о том, как опасны заторы на переправах, пробки на дорогах, плохая пропускная способность коммуникаций. Чтобы избежать таких нежелательных явлений, Военный совет предусмотрел ряд эффективных мер и категорически запретил переводить обозы дальше реки Шпрее, чтобы не забивать ими пути подвоза в войска снарядов и горючего. Разрешалось только движение транспорта, доставляющего в части боеприпасы и ГСМ. Начальнику тыла генералу Анисимову и начальнику дорожного управления генералу Олехновичу было приказано строго следить за исполнением установленного порядка.

Берлинская операция проходила в те дни, когда советский народ и его воины, все прогрессивное человечество широко и торжественно отмечали 75-летие со дня рождения основателя Коммунистической партии и Советского государства В. И. Ленина. Войска фронта ознаменовали славный юбилей выдающимися победами над темными силами фашизма. В канун знаменательной даты, 21 апреля 1945 года, подвижные войска 1-го Украинского фронта одновременно с войсками 1-го Белорусского фронта заняли пригороды Берлина, а 22 апреля, в 75-ю годовщину со дня рождения дорогого Ильича, взломали внешний оборонительный обвод, ворвались с юга в столицу Германии и, победно пронеся гвардейские Знамена с изображением великого Ленина, вышли на Тельтов-канал.

В этих исторических боях особенно отличились 3-я гвардейская танковая армия генерала П. С. Рыбалко (член Военного совета генерал С. И. Мельников, начальник штаба генерал Д. Д. Бахметьев), 4-я гвардейская танковая армия генерала Д. Д. Лелюшенко (член Военного совета генерал В. Г. Гуляев, начальник штаба генерал К. И. Упман), 28-я армия генерала А. А. Лучинского (член Военного совета генерал А. Н. Мельников, начальник штаба генерал С. М. Рогачевский), а также наши летчики и артиллеристы.

Приказ Верховного Главнокомандующего от 23 апреля 1945 года, возвестивший о том, что войска 1-го Украинского фронта ворвались с юга в столицу Германии, а северо-западнее Дрездена вышли на реку Эльба, был экстренно напечатан ночью отдельной листовкой и разослан во все армии, и прежде всего в ударные группировки.

Наша танковая гвардия получила надежную поддержку

пехоты. Совершив многокилометровый марш-маневр, развернула активные наступательные действия 28-я армия генерала Лучинского.

Здесь первым вступил в сражение за Берлин 128-й Гумбиненнский стрелковый корпус, которым командовал генерал-майор П. Ф. Батицкий, впоследствии Маршал Советского Союза.

Корпус наступал на столицу Германии в очень трудных условиях, обеспечивая наш правый фланг на участке от Тойпитца до Берлина. Именно здесь пытались прорваться на запад крупные силы окруженной 9-й немецкой армии. Генералу Батицкому пришлось одновременно решать несколько сложных задач. Продолжая напряженные бои по овладению южными пригородами столицы Германии и продвигаясь вдоль автострады на соединение с войсками 1-го Белорусского фронта, части его корпуса одновременно готовились к решающему штурму вражеского логова. Командарм Лучинский поставил боевые задачи 3-му гвардейскому стрелковому корпусу генерала П. А. Александрова и 20-му стрелковому корпусу генерала Н. А. Шварева.

Начало форсирования канала и штурма центральных районов Берлина Маршал Советского Союза И. С. Конев назначил на утро 24 апреля 1945 года. Военный совет 1-го Украинского фронта в своем обращении призвал войска, имевшие огромный опыт преодоления водных преград, решительно и быстро форсировать Тельтов-канал, являвшийся последним водным рубежом на пути к гитлеровскому логову, прорвать укрепления внутреннего обвода и во взаимодействии с войсками 1-го Белорусского фронта выполнить приказ Верховного Главнокомандующего — окончательно добить фашистского зверя, навсегда избавить Советскую Родину, народы Европы и все человечество от коричневой чумы, победно завершить Великую Отечественную войну.

Обращение заканчивалось призывом: "За нашу Советскую Родину, вперед на полный разгром кровавого фашизма! Водрузим Знамя Победы над Берлином!"

Войска, изготовившиеся к штурму столицы Германии, весьма своевременно получили довольно мощное подкрепление. Части 10-го артиллерийского корпуса прорыва, которым командовал генерал-лейтенант артиллерии Л. И. Кожухов (начальник политотдела полковник М. Н. Балюк), менее чем за четыре дня прошли форсированным маршем 150 километров и перебросили под Берлин не только всю материальную часть, но и несколько боекомплектов снарядов, необходимых для ведения

артподготовки и дальнейших боевых действий. Для этой цели Военный совет фронта выделил корпусу 1300 грузовых автомашин. Даже по этому частному примеру можно судить, какова была загрузка наших коммуникаций и как своевременно мы решили оставить за рекой Шпрее, на восточном ее берегу, все обозы, весь гужевой транспорт, все второстепенные материальные средства.

Чтобы не опоздать к началу штурма и не застрять где-нибудь в пути, я еще накануне выехал в войска. Переночевав в районе Цоссена, на рассвете 24 апреля 1945 года прибыл в расположение 6-го гвардейского танкового корпуса, которым командовал генерал В. А. Митрофанов.

Как и во всей 3-й гвардейской танковой армии, здесь проходили партийные и комсомольские собрания с повесткой дня: "Задачи коммунистов и комсомольцев в боях по овладению столицей фашистской Германии Берлином".

— Быстро летит время на войне, — сказал начальник политотдела 3-й гвардейской танковой армии генерал А. Д. Капник. — Кажется, недавно на собраниях обсуждали задачи коммунистов по форсированию Днепра, по освобождению Киева, Проскурова, а теперь на повестку дня встал Берлин!

В берлинском пригороде Тельтов, во дворе одного из домов, заседала партийная комиссия. Она принимала в ряды ВКП(б) героев нашего победного наступления. Механик-водитель Николай Шуплецов в своем заявлении писал: "В дни боев за Берлин, когда Красная Армия ведет завершающие бои с проклятыми гитлеровскими мерзавцами, я очень хочу быть в рядах нашей родной большевистской партии и пойти коммунистом на последний штурм фашистского логова. Доверие партии оправдаю в боях".

Заветное желание отмеченного боевыми наградами танкиста Николая Шуплецова, бывшего колхозного тракториста, исполнилось. Он пошел на штурм столицы Германии коммунистом.

В Берлине, на подступах к Тельтов-каналу, в ряды партии были приняты младший лейтенант Григорий Валюх, сержант Василий Гатилов и другие гвардейцы-танкисты.

На заключительном этапе войны авторитет ленинской партии, обеспечившей победу советского оружия, поднялся на небывалую высоту. Велика была любовь воинов к Коммунистической партии, и столь же огромна была тяга в ряды ВКП(б). В канун Берлинской операции и в ходе ее в апреле 1945 года в войсках 1-го Украинского фронта вступило в партию 14 265 солдат, сержантов и офицеров, в том числе 8445 стали

кандидатами в члены ВКП(б) и 5820 — членами партии{136}.

Наши солдаты, сержанты и офицеры, охваченные огромным политическим и боевым подъемом, с нетерпением ждали начала артподготовки, после которой должна была развернуться переправа через канал. Я был свидетелем того, как на огневой позиции коммунист офицер Носков объявил расчетам:

— Приготовиться всем. Как только скомандую "По фашистскому логову огонь!", действовать одновременно, слаженно и быстро. Залп по Берлину должен быть мощным и дружным, а темп огня — наивысшим!

Перед началом артподготовки офицер произнес короткую, но яркую речь, которая затронула души людей, воодушевила артиллеристов.

Агитация, являющаяся сильным и действенным оружием партии, играла огромную роль в подготовке войск к наступлению, к решающим сражениям и непосредственно в боях. Конечно, само слово физически не уничтожает врага. Но оно поднимает настроение людей, воодушевляет их на подвиги, активно содействуя достижению победы. Как говорил А. М. Горький, героическое дело требует героического слова. И наши командиры, политорганы, партийные и комсомольские организации широко использовали самые разнообразные формы политической агитации для мобилизации воинов на разгром фашизма. Во время Берлинской операции в войсках фронта работало более 100 тысяч агитаторов.

Когда перед форсированием Тельтов-канала началась артиллерийская подготовка, коммунист офицер Носков дополнял уставные команды пламенными призывами: "За Родину — огонь!", "За партию — огонь!", "По фашизму — огонь!"

По его примеру командир орудия Павленко выкрикивал: "По фашистскому логову — огонь!", "По нацистским кровавым палачам — огонь!", "По Гитлеру огонь!"

Да, это был поистине исторический залп, от которого под ногами содрогнулась земля. Примерно 600 орудийных и минометных стволов было сосредоточено на один километр фронта прорыва{137}. Такой концентрации артиллерии я не встречал за всю войну. Участники Берлинской операции, ждавшие этого залпа без малого четыре года, с восторгом встретили начало артподготовки.

Орудия различных калибров, вплоть до артиллерии особой мощности, почти час обрабатывали засевших за каналом гитлеровцев. Артиллерийская подготовка была подкреплена бомбовыми и штурмовыми ударами 200 самолетов 2-й воздушной армии генерала Красовского. Командующий и Военный совет

фронта делали все возможное для того, чтобы у нас было как можно меньше потерь, чтобы наши солдаты, сержанты и офицеры в большинстве своем в добром здравии встретили желанный час близкой победы.

Еще шла артподготовка, а разведчики привели первого пленного. Он нахлебался воды в канале и был так физически и морально потрясен после пережитой им артподготовки, что ничего вразумительного и путного сказать не мог. Пленный испуганно лепетал:

— Гитлер — капут, Берлин — капут.

Потом он заплакал и, размазывая грязным кулаком слезы, несколько раз уныло повторил:

— Аллес — капут, аллес — капут…

— По-другому запели фашистские вояки, — произнес Семен Иванович Мельников, — а в начале войны попавшие в плен фашисты нахально вопили: "Хайль Гитлер, Русслянд — капут!" Но потом уразумели, что Страну Советов победить нельзя. Теперь вот окончательно убедились, что гитлеровская военная машина разлетелась вдребезги.

Пристально посмотрев на пленного, генерал Мельников с укоризной сказал ему:

— Зачем вы повторяете нацистскую брехню "всему конец"? Красная Армия не собирается уничтожать немецкий народ. Но Гитлеру и фашизму действительно приходит полный капут. А все человечество, в том числе немецкий народ, вздохнет свободно, избавившись от кровожадного нацистского чудовища.

Затем мы с генералом Мельниковым отправились на НП фронта. Маршала Советского Союза Конева я разыскал на крыше высокого здания, расположенного на берегу Тельтов-канала. Отсюда Иван Степанович наблюдал за ходом артиллерийской и авиационной подготовки. Вместе с ним на крыше находились командующий 3-й гвардейской танковой армией генерал П. С. Рыбалко, командующий 28-й армией генерал А. А. Лучинский, командир 10-го артиллерийского корпуса прорыва генерал Л. И. Кожухов, командир 6-го гвардейского бомбардировочного авиакорпуса генерал Д. Т. Никишин и другие военачальники.

— А не многовато ли собралось генералов на этом скворешнике? — спросил я, здороваясь с Коневым. — Крыша — это не блиндаж в четыре наката. Такую заманчивую мишень противник может накрыть.

Это был далеко не первый случай, когда мне приходилось предостерегать Ивана Степановича от возможных опасностей, тактично, а порой и настойчиво требовать, чтобы и он не забывал о соблюдении мер предосторожности.

Иван Степанович в таких случаях сердился и говорил:

— Ты, Константин Васильевич, вроде мной командовать собираешься?

Я отвечал, что приказывать командующему не имею права, но вовремя предупредить его считаю своей служебной и партийной обязанностью.

Однажды пришлось напомнить Коневу о трагическом случае, происшедшем с генералом армии Н. Ф. Ватутиным, и о строгом внушении, сделанном мне Верховным Главнокомандующим за то, что я, как член Военного совета фронта, не сумел отговорить Николая Федоровича от рискованной поездки без надежной охраны по безлюдной и незнакомой проселочной дороге, по недостаточно разведанной прифронтовой местности.

Иван Степанович, несколько остыв, задумался и сказал:

— Да, пожалуй, ты прав. Надо знать меру.

И на этот раз мои опасения оказались не напрасными. Противник заметил скопление на крыше и начал обстреливать здание. Хорошо, что наши артиллеристы быстро засекли вражеские огневые точки и подавили их, ликвидировав возникшую опасность. Но могло быть и хуже.

Даже невооруженным глазом нам был виден противоположный берег, окутанный дымом и огнем. Тяжелые снаряды и бомбы сокрушали траншеи и опорные пункты противника. Тельтов-канал, окаймленный высокими и отвесными бетонированными берегами, имел ширину 40–50, а глубину — до 3 метров. Это была серьезная водная преграда.

Когда штурмовые группы с плотами начали скрытно выдвигаться к переправе, наши артиллеристы еще более усилили огонь. Многие расчеты выдвинулись на прямую наводку, готовые мгновенно поразить любую ожившую огневую точку. В бой вступили экипажи танков и САУ, открывшие огонь по закопанным в землю «тиграм» и «Фердинандам», по бронеколпакам и другим важным целям.

С НП было видно, как замелькали темные фигурки устремившихся к каналу автоматчиков. Некоторые из них начали переправляться по остаткам торчавших из-под воды ферм взорванного моста. Воспользовавшись тем, что гитлеровцы еще не опомнились от нашего артиллерийского шквала, несколько групп наших воинов прорвались на северный берег Тельтов-канала. Это облегчило переправу советских войск.

Однако огневые точки врага начали оживать. На первых порах подавленные и оглушенные фашисты вели разрозненную стрельбу. Но с каждой минутой она усиливалась, становилась организованнее. Несмотря на возросшее сопротивление

гитлеровцев, подразделения 22-й гвардейской мотострелковой бригады, возглавляемые заместителем командира майором И. П. Зарубиным, на двух участках форсировали Тельтов-канал. Захватив прибрежную траншею врага, они выбили его из нескольких зданий.

Под прикрытием мотострелков, удерживавших два плацдарма, саперы 19-й инженерной бригады, которой командовал полковник А. Г. Шалахов (начальник политотдела подполковник Г. Д. Тетдоев), к 14 часам 24 апреля 1945 года навели два понтонных моста. Это заметно ускорило и облегчило переброску через канал 51, 52 и 53-й гвардейских танковых бригад, которые начали теснить противника и расширять плацдармы.

На эти понтонные переправы командарм П. С. Рыбалко повернул и соседний 7-й гвардейский танковый корпус, ибо на его участке форсирование водной преграды проходило с большими трудностями. В результате за сутки на северный берег Тельтов-канала была переброшена вся танковая армия.

Вместе с гвардейцами-танкистами первой форсировала канал 48-я гвардейская стрелковая дивизия генерала Г. Н. Корчикова из 28-й армии. Инициативно и умело обеспечивал переправу войск личный состав 91-го инженерно-саперного батальона, которым командовал майор В. Л. Гоголев, удостоенный высокого звания Героя Советского Союза. Мне довелось ближе познакомиться с этим мужественным офицером уже в послевоенные годы, на встрече участников штурма Берлина в редакции газеты «Правда».

Как рассказывал Виктор Леонтьевич Гоголев, в ночь на 24 апреля 1945 года, когда войска фронта готовились к форсированию Тельтов-канала, он со взводом саперов скрытно перебрался по остаткам взорванного гитлеровцами моста на противоположный берег и захватил крохотный плацдарм. Саперы сразу же приступили к восстановлению разрушенной фашистами переправы. Несмотря на непрерывный обстрел врага, они продолжали упорно работать. Коммунист комбат В. Л. Гоголев получил четыре ранения, но не покинул объекта, воодушевляя подчиненных личным примером. Лишь после того как Виктор Леонтьевич, доложив старшему начальнику о выполнении задания, потерял сознание, его эвакуировали в полевой госпиталь.

А по мосту, восстановленному саперами майора В. Л. Гоголева, двинулись на противоположный берег части 28-й армии генерала А. А. Лучинского. Вместе с танкистами генерала П. С. Рыбалко они ворвались в Берлин.

Геройский подвиг совершил помощник командира взвода

старший сержант П. Н. Богданов. Славный советский патриот, пришедший на фронт семнадцатилетним юношей, и до этого не раз отличался в боях. Он был дважды ранен. За смелость и мужество его наградили орденом Славы III степени и медалью "За отвагу". Вот и теперь старший сержант Петр Богданов, возглавив стрелковый взвод, первым ворвался на горящий мост и сквозь бушующее пламя пробился на противоположный берег канала. Захватив важную переправу, он организовал оборону ее и тушение пожара. Мост был спасен.

Фашисты непрерывно контратаковали, стремясь во что бы то ни стало отбить захваченную переправу. Но наши воины сражались стойко. Около двух часов они защищали переправу, истребили более 60 гитлеровцев.

Бои за Тельтов-канал, изобиловавшие массовым героизмом, завершились полным успехом. К середине дня саперы навели мосты большой грузоподъемности, и наши танки, самоходки, бронетранспортеры, артиллерия, а также колонны пехоты ринулись на штурм Берлина.

Командующий фронтом перенес свой НП за канал. Мы с Коневым подошли к мосту, по которому нескончаемым потоком шли войска и боевая техника. Солдаты, сидевшие в кузове одной из автомашин, заметили маршала и закричали "Ура!". А звонкоголосые девчата-связистки весело запели на новый лад известную песню времен гражданской войны: "Никто пути пройденного у нас не отберет, Жукова и Конева дивизии — вперед!"

Иван Степанович рассмеялся и шутливо погрозил пальцем задорным певицам в солдатских шинелях. Как и все воины, он радовался нашим боевым успехам в Берлине и за его пределами. 24 апреля 1945 года подразделения 71-й гвардейской механизированной бригады полковника А. Д. Кочетова соединились в районе Басдорфа с передовым отрядом 1-го Белорусского фронта. Почти одновременно части 28-й армии генерала А. А. Лучинского встретились с частями 8-й гвардейской армии генерала В. И. Чуйкова.

Таким образом, теперь многотысячный гарнизон Берлина оказался отрезанным от франкфуртско-губенской группировки противника.

Радостные вести поступали из 4-й гвардейской танковой армии. Передовые подразделения 6-го гвардейского мехкорпуса овладели населенным пунктом Новавес, ворвались на окраину Бранденбурга и, захватив часть Потсдама, вышли на реку Хафель.

Отличился в боях и комбат Герой Советского Союза капитан Ф. И. Дозорцев, которому перед началом операции были вручены

орден Ленина и медаль "Золотая Звезда". Принимая высокие награды, Федор Иванович заверил командование, что оправдает их новыми боевыми успехами.

В боях за Берлин Федор Иванович умножил свою ратную славу. Батальон, которым он командовал, получил задачу форсировать Тельтов-канал и обеспечить переправу на остров Ваннзее подразделений мехбригады. "Около двух часов ночи, — вспоминает Герой Советского Союза Ф. И. Дозорцев, — мы под покровом темноты начали переправляться на шести амфибиях".

Враг открыл бешеный огонь. Первые две машины, на одной из которых находился я, получили повреждения, и нам пришлось вплавь добираться до вражеского берега. Надо было срочно сообщить своим, что амфибии для переправы не годятся и следует воспользоваться лодками, менее заметными на воде. Их на нашем берегу было множество: переправа проходила неподалеку от бывшей лодочной станции. Больше уже не имело смысла скрывать от врага наших намерений. Необходимо было также поддержать форсирование канала артиллерийским и минометным огнем.

Рядовой Иван Насыров (он теперь живет в Свердловске) вплавь вернулся к своим и доложил командованию, что мы ждем поддержки. Вскоре на головы гитлеровцев обрушился мощный огневой удар. Оборонительные позиции фашистов, расположенные перед нами, обрабатывали минометный полк, которым командовал Герой Советского Союза подполковник В. Зыль, артиллерийский полк и подоспевшая к тому времени танковая бригада. Батальон выбил гитлеровцев из первой и второй траншей и захватил на острове плацдарм.

И тут враг предпринял яростную контратаку. Примерно до полка пехоты при поддержке 40–50 танков пытались сбросить нас в воду. Наверное, пришлось бы очень туго, если бы мы не воспользовались складом фаустпатронов, отбитым у гитлеровцев. Этим оружием мы и жгли атаковавшие нас танки".

Коммунисты вели людей на подвиги. Политотдел 4-й гвардейской танковой армии докладывал нам о героической гибели заместителя командира 29-й гвардейской мотострелковой бригады подполковника Р. Н. Сердюка, который с красным стягом в руках поднял воинов для смелого и решительного броска через Тельтов-канал.

В критические минуты, когда в рядах наступающих может возникнуть заминка, судьбу боя часто решают воодушевляющее слово и личный пример.

Мы, политработники, хорошо убедились в действенности этого оружия особого рода.

Победной весной 1945 года каждый день и каждый час были насыщены большими событиями. Многие из них имели историческое значение. Взять хотя бы 25 апреля 1945 года. 6-й гвардейский мехкорпус полковника В. И. Корецкого из 4-й гвардейской танковой армии соединился с войсками 1-го Белорусского фронта. В результате берлинская группировка гитлеровцев оказалась отрезанной и от 12-й армии Венка, на которую Гитлер возлагал огромные надежды, и от 9-й армии Буссе, которая в свою очередь тоже оказалась в нашем прочном кольце.

В тот же день, 25 апреля, примерно часа через полтора после полного окружения Берлина, генерал А. С. Жадов доложил по ВЧ Маршалу Советского Союза И. С. Коневу, что части 5-й гвардейской армии в районе Торгау соединились с передовыми подразделениями 12-й американской армейской группы генерала О. Брэдли. Тем самым фронт немецко-фашистских войск оказался рассеченным на две теперь уже несоединимые части.

Но, как мы впоследствии уточнили, первая встреча с союзниками произошла в районе города Риза.

25 апреля начальник штаба 4-й гвардейской танковой армии генерал К. И. Упман и член Военного совета генерал В. Г. Гуляев поставили в известность Военный совет фронта о том, что в Бабельсберге освобожден из фашистского концлагеря бывший премьер-министр Франции Эдуард Эррио с супругой. Начальник штаба фронта генерал армии И. Е. Петров приказал немедленно доставить его к нам.

Поделившись впечатлениями о встрече с Эррио и другими освобожденными, член Военного совета 4-й гвардейской танковой армии генерал Гуляев сказал мне по телефону, что он, кроме всего прочего, рассматривал у французского государственного деятеля чудом сохранившиеся диковинные старинные часы с выгравированной надписью: "Мэру города Лиона Эдуарду Эррио от лионских ткачей". Сообщение о редкостных часах невольно вызвало у меня улыбку и напомнило давнюю историю. Впервые я услышал ее в Ленинграде, когда учился там в академии, а потом прочел в "Записках следователя" Л. Шейнина.

Активный сторонник франко-советской дружбы Эдуард Эррио впервые посетил нашу страну в 1922 году, когда империалистические державы упорно не желали признавать первое в мире социалистическое государство. Но визит зарубежного друга был омрачен неприятным инцидентом. Когда лидер французской радикал-социалистической партии сенатор Эррио осматривал Эрмитаж, какой-то карманник ловко похитил у него старинный брегет, возможно, как раз тот самый, о котором

рассказывал мне генерал В. Г. Гуляев. На ноги был поставлен весь уголовный розыск. Часы удалось найти и вернуть владельцу несколько оригинальным способом. Под наблюдением работников милиции временно отпущенный из тюрьмы король карманников тряхнул стариной и виртуозно, совершенно незаметно водворил брегет в карман высокого французского гостя.

— А часы-то на месте, — удивился Эдуард Эррио. — Как я их не заметил раньше? Оказывается, они вовсе не пропадали.

Поведав Гуляеву об этой забавной истории, я спросил его:

— Давно к нам отправили французского государственного деятеля?

Но Василий Георгиевич неожиданно замялся и сбивчиво сообщил, что Эррио не отправился к нам, а вернулся опять в концлагерь.

— Это зачем же?

— У него там остались книги и вещи.

— Багаж могли привезти и люди, которые помоложе. Зачем же обременять пожилого человека?

— Но Эррио пожелал непременно поехать сам и проститься с товарищами по заключению, записать адреса некоторых друзей, завершить свои личные дела.

Я вынужден был упрекнуть Гуляева в непродуманных действиях. Ведь в этом районе продолжался бой, туда прорывалась и 12-я немецкая армия Венка. А вдруг видного французского деятеля убьет шальной снаряд или сразит пуля? Что мы доложим Верховному Главнокомандующему?

Василий Георгиевич как мог успокаивал меня и разъяснял, что Эррио отправлен на бронетранспортере в сопровождении десяти автоматчиков, что вместе с ним находится заместитель начальника политотдела подполковник М. Н. Иваненко.

Прошло несколько томительных часов, прежде чем Василий Георгиевич сообщил, что Эррио благополучно вернулся из поездки в концлагерь, усажен с супругой в восьмицилиндровый трофейный «хорьх» и в сопровождении того же бронетранспортера с автоматчиками направлен в штаб фронта.

Наступила полночь, а Эррио все еще не появлялся. Об освобождении видного французского государственного деятеля узнали корреспонденты, радио тоже передало информацию об этом. Ставка и Главное политическое управление потребовали от нас донесения, а мы не могли сообщить ничего определенного, пока не прибыл Эррио. Признаться, я немало поволновался в ту ночь. Возникали и тревожные мысли: а вдруг бывший премьер Франции нарвался на блуждающий котел гитлеровцев, которые в

различных местах норовили пробиться на запад?

Но опасения оказались напрасными. Глубокой ночью Эдуард Эррио и сопровождавшие его лица добрались до штаба фронта. Конев, Петров и я сердечно приветствовали господина Эррио и его супругу, предложили им подкрепиться и отдохнуть.

Эррио был сильно истощен. Его изможденное лицо подергивалось нервным тиком. Но глаза смотрели молодо и весело.

С помощью переводчика Эдуард Эррио рассказал, что по пути в штаб фронта он встречал большие группы французов, освобожденных Красной Армией из фашистской неволи. Многие бывшие узники узнавали Эррио, обнимали, целовали, пытались качать на руках. Словом, трогательно было до слез.

На митингах, стихийно возникавших на фронтовых дорогах, Эдуард Эррио несколько раз выступал перед своими соотечественниками. Он выражал сердечную благодарность Советскому Союзу и Красной Армии за спасение французских граждан и народов Европы от гитлеровской тирании. Об этом Эррио взволнованно говорил и нам. Особую признательность он выразил молодому советскому лейтенанту, который вошел в концлагерь как вестник свободы и оказал французскому государственному деятелю внимание и заботу. Эррио просил передать благодарность командиру и начальнику штаба войсковой части, освободившей узников концлагеря. Мы знали, что речь идет о командире 63-й гвардейской танковой бригады полковнике Фомичеве и начальнике штаба майоре Черныше, но фамилия молодого лейтенанта стала известна гораздо позднее. Маршал Конев, опубликовавший фронтовые воспоминания, получил письмо от В. С. Езерского, оказавшегося тем самым лейтенантом, командиром роты автоматчиков 63-й гвардейской танковой бригады. В письме говорилось, что первой сообщила гвардейцам о томившемся в фашистском концлагере французском государственном деятеле Тамара Прусаченко из Сталинграда и показала, где он находится.

Эдуард Эррио, убедившийся в годы тяжелых испытаний в честной, открытой и искренней дружбе советских людей, в послевоенное время стал еще более ревностным поборником франко-советского сближения, мужественным борцом против возрождения фашизма и германского милитаризма, против агрессивного империалистического блока НАТО. Будучи уже тяжелобольным, он прибыл в Национальное собрание Франции, чтобы произнести страстную обличительную речь против поджигателей новой войны и предателей его родины, против создания планируемой реакционерами европейской агрессивной

армии. Со стороны Эррио, находившегося в тяжелейшем физическом состоянии, это было проявлением героизма.

И в апреле 1945 года, когда мне довелось познакомиться и побеседовать с видным французским государственным деятелем, он твердо заявил, что будет до конца дней своих самым решительным борцом против фашизма, принесшего народам кровь и страдания.

После дружеской беседы с бывшим премьер-министром Франции, проходившей глубокой ночью, я позвонил генералу Гуляеву и сообщил, как прошел прием Эдуарда Эррио. Сказал о том, что бывший премьер-министр дружественного нам государства и его супруга будут специальным самолетом доставлены в Москву. Оттуда они отправятся в родную Францию.

— А я все не спал, с тревогой ждал сообщения от вас, — признался Василий Георгиевич.

— Теперь спите спокойно, — сказал я ему. — Все в полном порядке.

Но Гуляев вдруг ответил, что спать ему, видимо, не придется: он получил информацию об освобождении нашими танкистами бывшего главнокомандующего вооруженными силами Норвегии генерала Отто Рюге.

— Окажите норвежскому главнокомандующему максимум внимания и при первой возможности направьте его в штаб фронта, — попросил я. — А сейчас время позднее, и беспокоить генерала Отто Рюге не надо. Немного отдохните и вы. Ведь у нас с вами впереди еще много больших и трудных дел.

Если во время Висло-Одерской наступательной операции войска 1-го Украинского фронта освободили из фашистской неволи немногим более 25 тысяч советских граждан и военнопленных союзных армий, то в апреле эта цифра исчислялась уже сотнями тысяч человек. Их всех надо было обеспечить питанием, а в ряде случаев и одеждой. Многие из них нуждались в медицинской помощи и даже госпитальном лечении. Требовались также и транспортные средства для доставки их на родину.

Военные советы фронта и армий, все наши политорганы, работники тыла и непосредственно отдел по репатриации, возглавляемый генералом С. М. Фоминым, постоянно занимались этим большим политическим вопросом — обеспечением нормальных условий жизни освобожденным из фашистской неволи советским людям и гражданам других государств.

После встречи наших войск с американцами в Торгау и на других участках в полосу 1-го Украинского фронта с большими трудностями стали проникать из-за Эльбы отдельные группы

репатриантов. Они рассказывали, что возвращению советских людей на Родину чинят немалые препятствия реакционные круги союзных держав, что буржуазная пропаганда на все лады повторяет гнусные измышления гитлеровцев, а предатели всех мастей норовят запугать побывавших на фашистской каторге советских граждан и с помощью обмана, лжи и клеветы вынудить их к отказу от возвращения в СССР.

Военный совет фронта через уполномоченного СНК СССР по делам репатриации выразил американскому командованию наше законное недоумение по поводу подобных ненормальностей в отношениях между союзниками. Американцы, как и следовало ожидать, сослались на трудности "технического порядка", хотя подоплека была явно политическая. В результате мы договорились об организации совместных пропускных пунктов, которые с нашей стороны обслуживались опытными политработниками, хозяйственниками, врачами и другими специалистами.

Среди репатриантов проводилась большая массовая работа. Для этой цели из фронтового резерва и тыловых частей было выделено большое количество политработников. Политуправление фронта выпускало для граждан, освобожденных из нацистской неволи, различные листовки и плакаты. На всех сборных пунктах имелись квалифицированные агитаторы, которые знакомили освобожденных советских людей с последними событиями на фронте и в тылу, рассказывали о кипучей и яркой жизни первого в мире социалистического государства.

Отдел по репатриации 1-го Украинского фронта специальной листовкой оповестил советских граждан, освобожденных из фашистской неволи, что их переход через линию соприкосновения наших и союзных войск будет организованно осуществляться в районах Эйленбурга, Вурцена и Хемница. Там наши хозяйственники развернули питательные пункты. Там же оказывалась первая медицинская помощь раненым и больным. Отсюда сначала автотранспортом, а затем и по железной дороге отправлялись женщины с детьми и престарелые люди, которые не могли двигаться самостоятельно.

Из пропускных пунктов репатрианты должны были следовать в Торгау, Ризу и Мейсен. Все маршруты обозначались указателями.

Советские люди, освобожденные из фашистской неволи, могли получить исчерпывающие разъяснения на пропускных пунктах и пунктах, созданных для приема граждан СССР. Листовка призывала точно выполнять требования и указания

солдат и офицеров дорожной службы, чтобы обеспечить образцовый порядок на магистралях, без чего нельзя было организовать быструю переброску репатриантов в Советский Союз. Политуправление фронта тиражом 25 тысяч экземпляров выпустило плакат. На нем был напечатан призыв: "Граждане Советского Союза, вызволенные из фашистской неволи! Советская Родина-мать ждет вас как своих сыновей и дочерей!"{138}

Плодотворно решая широкий круг вопросов, военные советы фронта и армий настойчиво, с непреклонной решимостью руководили боевыми действиями войск, добиваясь осуществления главных целей операции и всей войны — взятия столицы Германии Берлина, уничтожения гитлеровского осиного гнезда и полного разгрома фашизма.

В Военный совет поступала информация о том, что Гитлер и его преступная клика, не считаясь с потерями, предпринимают отчаянные меры по удержанию Берлина, стремясь любой ценой отдалить хотя бы на несколько дней свой позорный и неизбежный крах. Мы ожидали контрудара врага с запада силами 12-й армии Венка. В связи с этим командующий войсками 1-го Украинского фронта И. С. Конев приказал 13-й армии генерала Н. П. Пухова спешно выдвинуться к Эльбе. Гитлеровцы не застали нас врасплох. Контрудар противника натолкнулся на несокрушимую мощь советских войск и не получил своего развития.

Напряжение борьбы нарастало. Я связался с членом Военного совета 13-й армии генералом М. А. Козловым, который передал мне, что войска армии ведут бои в очень сложной обстановке.

— Развернулись бои всюду, — сказал мне Марк Александрович, — на западе и на востоке. Мы отражаем сильный натиск рвущейся к Берлину 12-й армии Венка и уничтожаем пробивающиеся на запад из окружения части 9-й немецкой армии Буссе. И хотя бои идут очень тяжелые, моральный дух наших войск непоколебим. Воины дерутся стойко и мужественно. Враг нигде не пройдет!

13-я армия генерала Н. П. Пухова образцово выполнила поставленную перед ней задачу и не допустила прорыва гитлеровцев извне к окруженному Берлину. В трудном положении вела бои и 4-я гвардейская танковая армия. Ее открытый фланг надежно защищал 5-й гвардейский механизированный корпус генерала И. П. Ермакова. Вместе с соседним 1-м Белорусским фронтом наши войска держали в тисках 9-ю немецкую армию Буссе, решительно расчленяя, громя и уничтожая эту крупную группировку.

Но замыслы Гитлера, Кейтеля, Йодля и их подручных не ограничивались контрударами упомянутых армий. Подлые и

коварные планы фашистских заправил преследовали в конечном счете сепаратный сговор с реакционными кругами Запада на антикоммунистической основе. Об этом более подробно стало нам известно гораздо позднее, уже после войны. Когда наши войска 24 апреля 1945 года форсировали Тельтов-канал, в военном дневнике ОКВ появилась запись: "Командование все еще питает надежду, что в результате наступления войск 12-й армии, расположенной западнее и юго-западнее Берлина, удастся задержать наступление войск противника, продвигающихся с юга (то есть войск 1-го Украинского фронта. — К. К.), а также продвижение вражеских сил, пытающихся охватить Берлин с севера и северо-запада.

…Начальник штаба оперативного руководства вооруженными силами отдает особую директиву, предписывающую бросить все имеющиеся в распоряжении силы против смертельного врага, против большевизма. При этом не следует обращать внимание на то, что англоамериканские войска могут овладеть значительной территорией…"{139}

Сказано яснее ясного: полностью прекратить сопротивление на западе, фактически капитулировать перед англоамериканскими войсками и бросить все, что только возможно, против большевизма, против Красной Армии. Тогда мы еще не знали содержания этой директивы немецко-фашистского командования, но располагали достоверными данными о поведении гитлеровских войск на западе и хорошо понимали, что немцы почти не оказывают сопротивления англо-американским войскам, сдают без боя города и целые районы, что основная и решающая борьба идет на советско-германском фронте.

Какую же цель преследовал акт отчаяния, выразившийся в фактической капитуляции фашистских войск на западе? Это также поясняет запись одного из офицеров немецкого генштаба, находившегося в подземелье имперской канцелярии Гитлера. Он пишет, что Гитлер "все время стремился убедить свое окружение в том, что американцы и англичане не оставят его в беде (дословно!) как первого защитника западной культуры и цивилизации от восточных варваров, что они предложат ему перемирие, чтобы он успешно мог продолжать борьбу против Советов. Больше того, они окажут ему в этой борьбе даже материальную помощь. Когда было получено известие о смерти Рузвельта, в "бункере фюрера" эти настроения перешли даже в уверенность, что война с Западом окончена"{140}.

Что ж, у Гитлера, Геббельса, Риббентропа были кое-какие основания воспрянуть духом после преждевременной кончины выдающегося американского государственного деятеля.

Тогдашний вице-президент Гарри Трумэн, неожиданно ставший хозяином Белого дома, своих антикоммунистических настроений никогда не скрывал, с циничной откровенностью их высказывал и впоследствии преуспел в развязывании против СССР и других социалистических стран так называемой "холодной войны". Делая ставку на подобных реакционеров, гитлеровцы решили любой ценой вести борьбу "за политический выигрыш времени", с нетерпением ожидая желанного для них раскола между СССР и западными союзниками.

Но в победную весну 1945 года, года, когда все честные люди земли славили героическую Красную Армию, спасшую человечество от фашизма, даже такие матерые империалистические зубры, как Черчилль и Трумэн, не властны были круто повернуть политику своих государств и пойти на преступный сговор с кровавой кликой Гитлера.

Народы не допустили бы такого предательства. На наших недругов, конечно, не менее отрезвляюще действовало и военно-экономическое могущество первого в мире социалистического государства, твердая, последовательная политика ЦК партии и Советского правительства в вопросах международных отношений.

Немецко-фашистские главари, предчувствуя бесславный конец третьего рейха, решили идти ва-банк. На Берлин, как уже говорилось выше, они двинули с запада 12-ю армию Венка, а на соединение с ней 9-ю армию Буссе.

Порой крупные прорывающиеся группировки создавали серьезную угрозу тыловым коммуникациям войск 1-го Украинского фронта, сражавшихся в Берлине. Наше положение порой было весьма сложным, а на отдельных участках даже критическим. Часто нам приходилось сражаться с гитлеровцами перевернутым фронтом.

Докладывая Коневу о сложившейся обстановке, начальник штаба фронта генерал армии И. Е. Петров заметил, что если на первом этапе Берлинской операции труднее было 1-му Белорусскому фронту, то теперь нашему соседу стало гораздо легче. Противник не угрожал его тылам, а нас жал с запада и с востока. Войскам 1-го Украинского фронта в условиях быстро меняющейся обстановки пришлось вести очень тяжелые и кровопролитные бои.

Но враг был обречен. По нему наносили концентрические удары 3, 69 и 33-я армии 1-го Белорусского фронта, 3-я гвардейская, 28-я и отдельные соединения 13-й армии, части 4-й гвардейской танковой армии и славные летчики 2-й воздушной армии 1-го Украинского фронта.

На некоторых участках гитлеровцам ценой огромных потерь

удавалось вырваться из котла, но их перехватывали снова и, поскольку они не сдавались, беспощадно уничтожали. В этих завершающих боях ненависть к фашистам проявлялась с еще большей силой. Призыв Коммунистической партии "Смерть немецким оккупантам!" действовал до конца войны, до полной капитуляции врага.

Ожесточенные бои разгорелись в районе Барута, где противник на какое-то время перерезал основную дорогу на Берлин. Здесь героически сражались части 50-й гвардейской стрелковой дивизии генерал-майора А. С. Владычанского и 54-й гвардейской стрелковой дивизии генерала М. М. Данилова.

96-я гвардейская стрелковая дивизия генерал-майора С. Н. Кузнецова вступила в бой с ходу после форсированного ночного марша. Особенно решительно громил врага ее 293-й полк, возглавляемый полковником А. А. Свиридовым. Дерзко атаковав превосходящие силы противника, он отбросил гитлеровцев за автостраду и обеспечил свободу передвижения по ней. В течение нескольких дней полк сражался с частями противника, прорывавшимися на запад, отразил 23 вражеские контратаки. Гвардии полковник А. А. Свиридов в течение двух суток почти не смыкал глаз. За эти два дня руководимые им подразделения уничтожили 1850 гитлеровцев и взяли в плен 1720 вражеских солдат и офицеров. Александру Андреевичу Свиридову было присвоено звание Героя Советского Союза.

Так же отважно сражались и другие части и соединения правого крыла фронта, отбивавшие натиск прорывавшихся на запад гитлеровцев. Временами дело доходило до рукопашных схваток. Некоторые части вынуждены были переходить от наступления к обороне.

Сложная, подчас противоречивая боевая обстановка заставляла нас менять и формы политработы. Порой вместо призыва "Вперед, на Берлин!", отражавшего главную задачу операции, выдвигались ближайшие задачи — удержать те или иные важные коммуникации или населенные пункты, отразить контрудар фашистских танков, не дать противнику возможности отрезать наши войска, ведшие бои в Берлине.

Все члены Военного совета во главе с Коневым выехали в войска, сражающиеся на правом фланге, чтобы оперативно влиять на ход и исход боевых действий. Начальник тыла фронта генерал Н. П. Анисимов и некоторые другие руководящие работники занимались обеспечением войск, сражавшихся в Берлине, горючим и боеприпасами. Порой личному составу наших тыловых частей приходилось с боем освобождать дороги, чтобы доставить воинские грузы по назначению.

Политуправление фронта направило свои главные силы, а также большое количество резервных политработников в 3-ю гвардейскую, 13-ю и 28-ю общевойсковые армии, в 3-ю и 4-ю гвардейские танковые армии. Политработа еще более укрепляла моральный дух воинов, повышала их стойкость, помогала успешно выполнить боевые задачи.

Активно велась и пропаганда на войска противника. В конце апреля 1945 года только на участке 28-й армии под влиянием наших передач к нам перешло 26 групп немецких солдат и офицеров, насчитывавших в общей сложности 387 человек.

Только за последнюю неделю апреля 1945 года политработники армии направили в окруженную группировку противника 263 антифашистски настроенных военнопленных. Почти все они благополучно вернулись обратно и привели с собой 4151 немецкого солдата и офицера, распространив в частях противника несколько тысяч советских листовок на немецком языке{141}.

За время Берлинской операции политуправлением фронта и политотделами армий были подготовлены, а затем сброшены советскими самолетами над территорией, занятой противником, 1 миллион 600 тысяч различных листовок{142}. На завершающем этапе Великой Отечественной войны, когда удары Красной Армии стали особенно чувствительными, а бои развернулись в самом Берлине, наши листовки производили довольно сильное впечатление на солдат противника. Основная масса немцев отчетливо сознавала, что дни фашистского режима сочтены и вооруженное сопротивление стало бессмысленным. Немецкие солдаты и офицеры сдавались в плен сотнями и даже тысячами. Порой групповая сдача в плен происходила после неудачных попыток прорыва, стоивших противнику огромных потерь. Во всех случаях наши листовки и устные передачи были как бы дополнительным толчком, побуждавшим солдат и офицеров противника преодолеть боязнь плена.

Так, 300 военнослужащих 35-го немецкого артполка сдались в плен по инициативе командира 9-й батарей, который в ночь на 27 апреля 1945 года выслал к нам парламентеров, чтобы договориться об условиях капитуляции. Утром 27 апреля 300 вражеских солдат и офицеров с белым флагом явились к нашим позициям и организованно сдались в плен вместе с исправным оружием и боевой техникой.

В тот же день на нашу сторону перешли 350 немецких солдат и офицеров 89, 90 и 91-го полков 35-й немецкой полицейской дивизии и обозники 22-го танкового полка 21-й пехотной дивизии во главе с лейтенантом{143}.

Массовая сдача в плен солдат и офицеров противника началась, главным образом, на заключительном этапе Берлинской операции. Гестаповцы всеми мерами пытались помешать этому, усилили террор и запугивание немцев «ужасами» нашего возмездия. В фашистской пропаганде появились и новые нотки. Нацисты все чаще стали расточать похвалы в адрес буржуазной демократии Запада, противопоставляя ее "азиатскому варварству русских и Советов". В окруженной нашими войсками 9-й немецкой армии офицеры по национал-социалистскому воспитанию внушали солдатам мысль о том, что, пробиваясь на запад, на соединение с 12-й армией Венка, они найдут спасение за Эльбой, где американцы и англичане, как истые поборники гуманизма и демократии, встретят их по-рыцарски благородно, с распростертыми объятиями.

Эта призрачная надежда на спасение и гнала на запад охваченные ужасом фашистские войска. 9-я немецкая армия, окруженная войсками 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов юго-восточнее Берлина, была раздроблена нашими ударами и превратилась в несколько блуждающих котлов. Эта многочисленная вражеская группировка причинила немало забот и неприятностей. Нельзя забывать о том, что она состояла из 14 дивизий и ряда отдельных частей, насчитывала в общей сложности 200 тысяч солдат, унтер-офицеров и офицеров.

Группа немецко-фашистских войск, возглавляемая нацистским генералом Буссе, продолжала настойчивые атаки в направлении Луккенвальде. Ценой огромнейших потерь гитлеровцам удалось захватить несколько населенных пунктов. В самом конце апреля большая группа противника под покровом ночи прорвалась к штабу 4-й гвардейской армии. По сигналу тревоги за оружие взялись все офицеры полевого управления. Боевыми действиями в ночных условиях непосредственно руководили командарм Д. Д. Лелюшенко и начальник штаба армии К. И. Упман. В этой критической обстановке, как мне рассказывали, вместе с офицерами штаба мужественно действовали начальник политотдела армии полковник Н. Г. Кладовой, его заместитель подполковник М. Н. Иваненко и другие политработники.

Подоспевшие 7-й гвардейский мотоциклетный полк и другие части разгромили вражескую группировку, захватили много пленных и трофейного оружия.

Прорыв соединений 9-й немецкой армии Буссе в район Луккенвальде временно нарушил не только наши дорожные коммуникации, но и проводную связь со штабами трех армий, которые участвовали непосредственно в штурме Берлина.

Несмотря на это, управление войсками не прерывалось ни на минуту. Штаб фронта продолжал поддерживать устойчивый контакт с командующими армиями с помощью радиосредств.

Наши связисты, возглавляемые генералом И. Т. Булычевым, работали неплохо. В Хальбау, куда 18 апреля переместился штаб фронта, находился основной узел связи, имевший 27 телеграфных и 30 телефонных проводных линий, 30 радиостанций. Специалисты подсчитали, что за полмесяца боев по штабному телеграфу было передано и принято более четырех с половиной миллионов слов. Через основной узел проходил огромнейший поток оперативной информации. Устойчивой проводной и радиосвязью обеспечивались и НП командующего фронтом. Непрерывный обмен оперативной информацией осуществлялся также по ВЧ. Случай с временной потерей проводной связи в самый ответственный период операции еще раз подтверждает, сколь необходима для управления войсками радио — и радиорелейная связь.

После нападения на штаб 4-й гвардейской танковой армии один из крупных блуждающих котлов вплотную приблизился к аэродрому, на котором базировались самолеты 9-й гвардейской истребительной авиадивизии трижды Героя Советского Союза А. И. Покрышкина. По приказу находившегося на аэродроме командира авиаполка В. И. Боброва технический состав занял круговую оборону, отражая превосходящие силы гитлеровцев огнем пулеметов и автоматов. Поднявшиеся в воздух летчики принялись немедленно штурмовать и бомбить врага. Отстояв аэродром, гвардейцы-авиаторы заставили капитулировать более 3 тысяч гитлеровцев.

Численно превосходящего врага разгромили не боевые части, имеющие артиллерию, минометы и другое мощное оружие, а техники и младшие авиаспециалисты, солдаты аэродромного обслуживания и авиационного тыла. Это свидетельствовало о том, что моральная стойкость была присуща воинам всех звеньев нашего огромного войскового организма. Психические атаки гитлеровцев, автоматная трескотня и прочие методы психологического устрашения не действовали даже на ездовых гужевого транспорта, водителей автомашин, ремонтников и дорожников, которым приходилось порой драться с гитлеровцами до подхода наших боевых частей.

Контрудар 9-й армии Буссе в направлении Луккенвальде, где гитлеровцы намеревались соединиться с 12-й армией Венка, ни в малейшей степени не ослабил высокого наступательного духа наших войск, штурмовавших Берлин. Даже когда 9-я армия угрожала перерезать наши коммуникации, никто не дрогнул,

никто не отступил. Железная стойкость советских воинов была выкована совместными усилиями командиров и политорганов, целеустремленной, непрерывной и действенной партийно-политической работой.

Решая военно-политическую задачу по овладению столицей Германии, войска 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов занимались планомерным уничтожением живой силы и техники армии Буссе. Мы не могли позволить вражеским блуждающим котлам безнаказанно гулять по нашим тылам. На запад они прорывались в полосе нашего фронта и все время встречали подвижные заслоны наших иптаповских полков и бригад. Вражескую группировку непрерывно громили 1-я гвардейская артиллерийская дивизия (командир генерал-майор артиллерии В. Б. Хусид, начальник политотдела полковник Я. И. Гордиенко) и 17-я артиллерийская дивизия (командир генерал-майор артиллерии С. С. Волкенштейн, начальник политотдела полковник П. А. Лапаев). Эти дивизии я знал еще по боям на Днепре, знал их командиров и начальников политотделов, многих героических артиллеристов. Гвардейцы этих прославленных соединений дрались стойко и мужественно.

Не было спасения врагу и от нашей авиации, непрерывно преследовавшей и беспощадно уничтожавшей большие и малые блуждающие котлы. Гитлеровцам особенно крепко досталось в районе Барута, где образовалось настоящее кладбище разбитых и обгоревших немецких танков, бронетранспортеров и другой боевой техники. Мощные удары по врагу наносили эскадрильи и полки 1-го гвардейского штурмового авиакорпуса (командир генерал-лейтенант авиации В. Г. Рязанов, начальник политотдела полковник В. З. Гультяев), 2-го гвардейского штурмового авиакорпуса (командир генерал-майор авиации С. В. Слюсарев, начальник политотдела полковник И. М. Карачун), 4-го бомбардировочного авиакорпуса (командир генерал-майор авиации П. П. Архангельский, начальник политотдела полковник В. Г. Точилов). Штурмовые удары по гитлеровцам наносили и наши истребители. Большие группы самолетов водили на врага командир 9-й гвардейской истребительной авиадивизии трижды Герой Советского Союза гвардии полковник А. И. Покрышкин, ныне маршал авиации, командир 22-й гвардейской истребительной авиадивизии Герой Советского Союза гвардии подполковник Л. И. Горегляд и многие другие.

Когда войска 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов завершили ликвидацию окруженной юго-восточнее Берлина группы немецко-фашистских войск, Верховный Главнокомандующий отдал приказ, в котором говорилось, что за

время боев с 24 апреля по 2 мая в этом районе наши войска захватили в плен более 120 тысяч немецких солдат и офицеров. В приказе перечислялись отличившиеся в боях войска, в том числе 3-я гвардейская армия генерала В. Н. Гордова, 13-я армия генерала Н. П. Пухова, 28-я армия генерала А. А. Лучинского, 4-я гвардейская танковая армия генерала Д. Д. Лелюшенко и другие.

Отражая яростный натиск фашистских дивизий Венка, 13-я армия генерала Н. П. Пухова продолжала одновременно выполнять наступательные задачи и 27 апреля 1945 года с боем овладела городом Виттенберг — важным опорным пунктом обороны противника на реке Эльба. Умело маневрировали силами и войска 4-й гвардейской танковой армии генерала Д. Д. Лелюшенко, участвовавшие в овладении Потсдамом, Шпрембергом, Бранденбургом и в штурме Берлина. Одновременно они отражали натиск вражеских войск Венка с запада и блуждающих котлов Буссе с востока.

О геройскую стойкость наших войск разбились все атаки гитлеровцев, пытавшихся прорваться на запад и к окруженному Берлину. Напрасно генерал Кребс взывал из имперской канцелярии ко всем командующим армиями, действовавшими в междуречье Одер — Эльба, и от имени фюрера приказывал, "используя все имеющиеся силы и средства, не теряя времени, перейти со всех сторон в наступление на Берлин с целью деблокирования города и успешно завершить его. Перед этой решающей задачей отходит на задний план также и борьба с советскими войсками, устремившимися в провинцию Мекленбург"{144}.

В правое крыло фронта входили: 3-я гвардейская танковая армия генерала П. С. Рыбалко, 4-я гвардейская танковая армия генерала Д. Д. Лелюшенко, 3-я гвардейская армия генерала В. Н. Гордова, 28-я армия генерала А. А. Лучинского, часть сил 13-й армии генерала Н. П. Пухова, 2-я воздушная армия генерала С. А. Красовского. Оценивая боевые действия этих объединений, а также поддерживавших их артиллерийских и минометных дивизий и инженерных бригад фронта, следует отдать им должное: они сыграли очень важную роль в окружении 9-й немецкой армии генерала Буссе. Советские войска не позволили противнику ни прорваться к Берлину, ни пробиться на запад, за Эльбу. Крупная группировка гитлеровцев, окруженная юго-восточнее столицы Германии, была полностью разгромлена.

Одновременно войска 4-й гвардейской танковой армии, поддерживаемые частью сил 13-й и 5-й гвардейской армий, закрыли все пути 12-й немецкой армии Венка, наносившей контрудар с запада. Если бы этим двум фашистским

группировкам удалось прорваться к Берлину и соединиться с окруженным войсками 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов многотысячным гарнизоном гитлеровцев, тогда бои в столице Германии, очевидно, приняли бы затяжной характер.

Но все попытки противника деблокировать свою берлинскую группировку провалились. В тесном взаимодействии войска 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов полностью изолировали, а затем разгромили окруженного врага.

Войска 1-го Украинского фронта не только активно содействовали 1-му Белорусскому фронту в овладении Берлином, но совместно с нашим соседом решительно громили противника непосредственно в самой столице Германии и ее пригородах, вплоть до полной капитуляции оборонявшей ее вражеской группировки. И я, как член Военного совета 1-го Украинского фронта, горжусь тем, что наши войска совместно внесли достойный вклад в разгром немецко-фашистских войск как на подступах к Берлину, так и непосредственно в самом городе.

В ходе Берлинской операции войскам 1-го Украинского фронта пришлось решать сложные задачи на двух различных операционных направлениях. Сильное противодействие гитлеровцев мы встретили и на дрезденском направлении. 5-я гвардейская армия генерала А. С. Жадова, 52-я армия генерала К. А. Коротеева и получившая боевое крещение 2-я армия Войска Польского, возглавляемая генералом К. Сверчевским, с боями заняли города Ессен, Кирххайн, Фалькенберг, Мюльберг, Пульснитц. Они вышли на Эльбу северо-западнее Дрездена. Как я уже говорил выше, на этом водном рубеже, в районах Торгау, Риза и других населенных пунктов, войска 1-го Украинского фронта соединились с союзниками.

Бои повсеместно носили напряженный характер. Обреченный на гибель враг сопротивлялся с ожесточением.

Даже в апреле 1945 года наши боевые действия не состояли из одних побед. На дрезденском направлении противник преподнес нам особенно большую неприятность. Генерал-фельдмаршал Шернер нанес восточнее Баутцена сильный контрудар в северном направлении вдоль реки Шпрее. Это был излюбленный прием гитлеровцев: бить вдоль реки и отрезать переправившиеся части. Нащупав стык между 52-й армией и 2-й армией Войска Польского, противник силами двух пехотных дивизий при поддержке сотни танков протаранил на узком участке растянувшийся фронт нашего 48-го стрелкового корпуса и напал на тылы 2-й армии Войска Польского, продвинувшись вперед до 20 километров. Положение сложилось тревожное, связь фронта с командармом Каролем Сверчевским на некоторое время

нарушилась.

На дрезденское направление немедленно выехали начальник штаба фронта генерал армии И. Е. Петров, начальник оперативного управления генерал-майор В. И. Костылев и я с группой офицеров политуправления фронта. Члены Военного совета догадывались о главном намерении противника — помочь окруженному в Берлине гарнизону.

Продвигаясь к Шпрембергу, гитлеровцы могли наращивать силы и развивать успех, так как группа армий «Центр» являлась одной из самых многочисленных, насчитывала около миллиона солдат и офицеров.

На помощь 2-й армии Войска Польского командующий фронтом бросил не только 52-ю армию, но и 5-ю гвардейскую. Он приказал Жадову немедленно направить в район прорыва высвободившиеся на Эльбе 34-й гвардейский стрелковый и 4-й гвардейский танковый корпуса.

Находясь в то время в 52-й армии, я связался с членом Военного совета 5-й гвардейской армии генералом А. М. Кривулиным и порекомендовал ему выехать в 34-ш гвардейский стрелковый корпус. Начальника политотдела этого объединения генерала Ф. А. Каткова направил в 4-й гвардейский танковый корпус. До сознания гвардейцев необходимо было довести, что перед ними стоит не только важная боевая, но и ответственная политическая задача — оказать интернациональную помощь братьям по классу, по совместной антифашистской борьбе.

В районе боевых действий я лично убедился в том, с каким умением и твердостью Кароль Сверчевский восстанавливал положение в подчиненных ему частях. Польского командарма мы встретили у моста, где образовалась пробка. Он распекал какого-то артиллериста, увозившего снаряды в тыл, куда якобы переместился его дивизион.

— Разворачивайтесь — и марш на передовую! — приказал генерал. Указав на видневшийся вдали населенный пункт, он добавил: — Я не помню, как точно называется эта немецкая деревня, но хорошо знаю, что на ее западной окраине находится батарея. Она ведет огонь по танкам врага. Отвезите боеприпасы туда. Понятно? Тогда марш-марш.

Поздоровавшись, генерал К. Сверчевский пригласил нас в свой штаб, чтобы там детально проинформировать о сложившейся обстановке. У него было усталое, озабоченное лица. Под глазами, красными от бессонницы, лежали темные тени. Он уже не говорил, а хрипел сорванным голосом.

Иван Ефимович Петров спросил Кароля, не простудился ли он, но командарм ответил, что простуда в данном случае ни при

чем.

— Художественным чтением занимался, — мрачно пошутил он. — Много декламировал…

Кароль Сверчевский на минуту замолчал, а затем по привычке, как когда-то, сказал мне:

— Ты извини, комиссар, что вгорячах сказал солдату кое-что недозволенное. В критические минуты боя такое иногда случается.

По совместной предвоенной службе я знал, что у этого вспыльчивого, порой резковатого военачальника было доброе, отзывчивое сердце, ясный ум и высокие партийные качества. Мое мнение подтвердил и полковник Э. Ю. Пщулковский, возглавлявший политработу во 2-й армии. Ветеран Войска Польского, начавший воевать еще под Ленине, он рассказывал о трудностях и особенностях воспитательной работы среди личного состава. По сравнению с первыми регулярными формированиями, созданными на территории СССР, такими, например, как дивизия имени Костюшко, части 2-й армии Войска Польского имели менее обученный состав. Многие ее солдаты, призванные из недавно освобожденных районов, не были обстреляны, хотя и они горели ненавистью к немецко-фашистским захватчикам. Правда, костяк объединения составляли закаленные в борьбе с фашизмом партизаны из Армии Людовой.

Обсуждая вопросы совместной боевой деятельности, мы одновременно говорили о политработе, интернациональном воспитании советских и польских воинов. По просьбе командарма К. Сверчевского и политработника Э. Пщулковского политуправление фронта направило во 2-ю армию группу агитаторов, знавших польский язык. Они проводили среди польских воинов беседы о Советской стране, Вооруженных Силах СССР, освободительной миссии и боевой дружбе двух братских армий. Это поднимало боевой дух наших товарищей по оружию, укрепляло их уверенность в своих силах и возможностях.

Контрудар немецко-фашистских войск по тылам 2-й армии Войска Польского, несомненно, имел и политическую подоплеку. Гитлеровские офицеры по национал-социалистскому воспитанию всячески разжигали среди немецких солдат ненависть к полякам, призывали истреблять их с такой же жестокостью, как русских большевиков.

Идеи справедливой войны за безопасность новых границ новой Польши, за избавление человечества от ужасов фашизма вели на подвиги воинов Войска Польского. Они сражались плечо к плечу с советскими бойцами, на их бело-красных знаменах было начертано: "За нашу и вашу свободу". Идея братской дружбы двух армий была выражена во вдохновенных словах присяги польских жолнежей: "Присягаю соблюдать союзническую верность Советскому Союзу, который дал мне в руки оружие для борьбы с нашим общим врагом, клянусь сохранять братство по оружию с союзной Красной Армией".

Это нерушимое братство по оружию крепло и закалялось в совместной борьбе против фашизма. Наши 5-я гвардейская и 52-я армии в тесном взаимодействии со 2-й армией Войска Польского не только отразили контрудар гитлеровцев, но и разгромили гёрлицкую группировку врага.

Мне пришлось быть свидетелем беседы командарма Кароля Сверчевского с польскими и советскими солдатами. Он увлекательно рассказывал о классовой солидарности и интернациональном братстве, вспоминал бои в Испании, где под его командованием сражались русские и поляки, американцы, англичане, французы, испанцы, чехи, итальянцы и немцы-тельмановцы. Он вспомнил гражданскую войну и историческую речь В. И. Ленина, произнесенную 2 августа 1918 года на митинге в Варшавском революционном полку. Выступая перед отправляющимися на фронт поляками-добровольцами, Владимир Ильич сказал, что им выпала честь с оружием в руках защищать святые идеи и на деле осуществлять интернациональное братство народов. Великий вождь выразил тогда уверенность, что если сплотить все военные силы в могучую интернациональную Красную Армию и двинуть ее против эксплуататоров, против насильников, против черной сотни всего мира, то против нас не устоит никакая сила империалистов.

Бои на дрезденском направлении весной 1945 года были прекрасным подтверждением мудрых ленинских слов. Перед объединенной интернациональной силой Красной Армии и Войска Польского не устояли черные сотни гитлеровских головорезов, поддержанных множеством фашистских танков. В сражениях Великой Отечественной войны закладывались гранитные основы дружбы и братства Вооруженных Сил стран социализма, объединенных ныне в могучем и непобедимом боевом союзе Варшавского Договора.

Но вернемся в окруженный советскими армиями Берлин, где в конце апреля 1945 года войска 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов вели тяжелые уличные бои. Особенности городского боя потребовали создания штурмовых отрядов и групп. Так же как и в Бреслау, они состояли из автоматчиков, саперов-подрывников, экипажей танков или САУ, артиллеристов и огнеметчиков.

Вот где пригодился опыт уличных боев в Бреслау, широко пропагандируемый фронтовой и армейской печатью, командирами, политработниками, агитаторами. Оперативно освещался и опыт берлинских боев. 27 апреля газета 3-й гвардейской танковой армии опубликовала статью командира взвода гвардии младшего лейтенанта А. Панова, рассказавшего о

тесном взаимодействии танкистов с автоматчиками, штурмовавшими каменные строения, превращенные гитлеровцами в опорные пункты. Он с благодарностью говорил о пехотинцах, не раз спасавших боевые машины от фаустников и обеспечивших их живучесть и неуязвимость. Наши автоматчики неоднократно предупреждали экипажи о вражеских противотанковых засадах. Получив сигнал о замаскированном орудии противника, экипаж гвардии младшего лейтенанта Алексеева совершил обходный маневр, зашел фашистскому расчету в тыл и уничтожил его. Целеуказания пехотинцев помогли другому экипажу подавить огонь неприятельской минометной батареи.

Танкисты в свою очередь обеспечивали продвижение пехотинцев. Взаимодействие осуществлялось и внутри подразделений.

Во время боев за Тельтов-каналом, когда наши войска штурмовали один из центральных районов Берлина, командиры стрелковых и танковых батальонов нередко находились на одном НП и совместно решали многие вопросы. Танки были распределены по штурмовым группам и эффективно поддерживали продвижение стрелков. Саперы взрывчаткой уничтожали баррикады и завалы, обеспечивая проходы для боевой техники. Они уже помогали пехотинцам выкуривать гитлеровцев из бункеров и подвалов. Здесь широко применялись ранцевые огнеметы, дымовые завесы.

Несмотря на напряженность уличных боев, партийно-политическая работа не ослабевала. Мы постоянно и строго контролировали доставку газет и листовок, особенно в штурмовые группы. В танковых ротах было разрешено использовать рацию одной из боевых машин для приема сводок Совинформбюро. Агитаторы записывали важные сообщения и информировали солдат. Все приказы Верховного Главнокомандующего о Берлинской операции печатались отдельными листовками, которые разбрасывались с самолетов над районами боев. Военный совет 1-го Украинского фронта использовал и другие средства агитации, призывая воинов скорее добить фашистского зверя и ознаменовать праздник Первомая взятием Берлина.

Ломая сопротивление гитлеровцев, войска 3-й гвардейской танковой армии генерала П. С. Рыбалко и 28-й армии генерала А. А. Лучинского продвигались к центру Берлина. Они готовились переправиться через Ландверканал и ворваться в Тиргартен. Но как раз в тот момент Ставка Верховного Главнокомандования установила новую разграничительную линию, и все части 1-го

Украинского фронта надлежало вывести из центральных районов германской столицы.

К исходу апреля 1945 года остатки немецко-фашистских войск в Берлине были блокированы нашими соединениями в нескольких разрозненных котлах: в Тиргартене, в Пренцлау, Эрберге и, наконец, в Вестенде и Вильмерсдорфе. Котел, расположенный в западной части Берлина, являлся особенно твердым орешком. Убедившись в том, что участь германской столицы решена и никакой фюрер не спасет фашистов от неминуемого разгрома, сюда по подземным переходам метро пробирались из других районов многочисленные группы гитлеровских вояк — преимущественно эсэсовцы. Гитлеровцы яростно контратаковывали наши части, пытаясь во что бы то ни стало прорваться на запад и соединиться с 12-й армией генерала Венка или же сдаться англо-американским войскам.

Несмотря на ожесточенное сопротивление немецко-фашистских частей, войска 1-го Украинского фронта в канун Первомая заняли ряд кварталов германской столицы, еще более сузив кольцо в районах Вильмерсдорфа и Вестенде.

Члены Военного совета фронта встретили праздник Первомая в войсках. И. С. Конев направился в 4-ю гвардейскую танковую армию, где шли очень напряженные бои, Н. Т. Кальченко — в 13-ю армию, я же поехал в 3-ю гвардейскую танковую армию, которая штурмовала городские кварталы Берлина.

Павел Семенович встретил меня вопросом:

— Какие новости привез?

Я ответил, что главные новости должны быть у них, что сейчас все народы земного шара с нетерпением ожидают сообщения о завершении штурма Берлина. В первомайском приказе Верховного Главнокомандующего говорится, что над рейхстагом советские войска водрузили Знамя Победы. Эта весть, пожалуй, самая радостная.

Генерал П. С. Рыбалко заметил, что она была бы еще более радостной, если бы удалось взять в плен Гитлера.

— Кстати, о фюрере, — добавил Павел Семенович. — Взятые утром пленные невразумительно болтают о возможной смерти бесноватого маньяка,

Я ответил, что такая версия вполне вероятна, но официальных подтверждений пока не поступало.

Через некоторое время мы позвонили начальнику штаба фронта генералу армии И. Е. Петрову и справились о новостях. Он ответил, что из штаба 1-го Белорусского фронта по ВЧ ему сообщили о прибытии в расположение советских войск важной персоны с белым флагом. «Гость» отрекомендовался начальником

генерального штаба немецких сухопутных войск генералом пехоты Кребсом. В переговорах с генералом армии В. Д. Соколовским и генерал-полковником В. И. Чуйковым он предложил временное прекращение военных действий в Берлине и передал официальное письмо на имя И. В. Сталина, в котором сообщается о том, что Гитлер покончил жизнь самоубийством.

— Расписался в своем бессилии, поспешил уйти от народного суда, признал полное банкротство фашизма, — проговорил Павел Семенович и по-молодому воскликнул: — А ведь это здорово, война и в самом деле приближается к концу!

Он обрадованно обнял меня, сердечно поздравил с победой в Берлине, потом, хитровато подмигнув, таинственно сообщил:

— А у меня, братцы, хранится заветная бутылочка шампанского. Хотя сам не пью, но ради исторического тоста в поверженном Берлине придется нарушить "сухой закон".

Я, правда, не стал прерывать победного тоста, но потом все-таки заметил, что ликовать, пожалуй, рановато.

По приказу Ставки руководство 1-го Белорусского фронта потребовало от Кребса полной и безоговорочной капитуляции. Немецко-фашистское командование еще не приняло это предложение, и, видимо, придется громить врага до тех пор, пока он не сложит оружия.

Эту мысль я повторил и на митинге гвардейцев-танкистов, посвященном первомайскому празднику, где был зачитан приказ Верховного Главнокомандующего. Митинг завершился командой:

— Торжественным маршем по улицам Берлина — шагом марш!

То было волнующее шествие Советской гвардии, отмеченной орденами и медалями. По Берлину гордо и величаво шли ветераны Курской битвы и Днепровской переправы, освободители Киева и Львова, герои Вислы и Одера, участники величайшей в истории войн Берлинской наступательной операции Красной Армии. Шли в последний решительный бой созданные руками тружеников тыла прославленные танки "Сумский колхозник", "Освободитель Проскурова", "Московский колхозник". Видел я в Берлине и легендарную машину «Мать-Родина», приобретенную на средства патриотической семьи Орловых и врученную экипажу гвардии младшего лейтенанта Петра Кашникова. Наступая от Одера к Нейсе, погиб смертью героя командир механизированного корпуса Василий Федорович Орлов. Не сбылась его мечта побывать в Берлине. А танк, приобретенный на сбережения его семьи, дошел до столицы Германии, и павший герой незримо присутствовал здесь.

Боевая мощь Советских Вооруженных Сил демонстрировалась

на земле и в воздухе. 1 мая группа самолетов 115-го гвардейского истребительного авиаполка, ведомая гвардии подполковником А. Ф. Коссом, взяла курс на Берлин. В боевом строю находились дважды Герой Советского Союза А. В. Ворожейкин, Герои Советского Союза К. В. Новоселов, В. Н. Буянов, И. П. Лавейкин, П. И. Песков и другие. В центральной части города над зданием рейхстага Герой Советского Союза К. В. Новоселов сбросил кумачовый стяг, на котором было написано: "Слава советским войскам, водрузившим Знамя Победы над Берлином!"

И хотя 1 мая погода не очень нас баловала (временами накрапывал дождь, и солнце редко выглядывало), хотя еще шли бои, настроение у воинов было праздничное, все чувствовали канун полной победы. Командиры и политработники вручали награжденным ордена и медали, ценные подарки и посылки, присланные тружениками тыла, зачитывали письма, отправляемые на родину героев штурма Берлина. Перед воинами выступали бригады фронтового и армейских ансамблей, участники красноармейской художественной самодеятельности.

В торжественной обстановке молодому командиру САУ-100 младшему лейтенанту Курганову были вручены комсомольский билет и значок.

— Честь комсомольца оправдаю, — заявил Курганов, — не пожалею ни крови, ни жизни во имя Отчизны.

А вечером, когда остатки окруженной группировки противника попытались психической атакой вырваться из кольца и пробиться на запад, младший лейтенант Курганов стойко отражал натиск численно превосходящего противника. Он не пропустил ни одного гитлеровца, лично уничтожил два «тигра» и до двух десятков фашистов.

Комсомольцы 61-й гвардейской танковой бригады в перерыве между боями написали душевное письмо молодежи индустриального Урала. Они рассказали о подвигах молодых патриотов своего соединения. "Немало воинов отдали свою жизнь за счастье и свободу дорогой Отчизны, — писали они, — немало гвардейцев пролили кровь за дело народа, за дело Победы. Но кровь, пролитая на полях сражений, не пропала даром".

Радио доносило из Москвы радостные вести: в ночь на 30 апреля в столице нашей Родины отменили затемнение, и она засияла ярким светом победных огней.

— Хорошая должность быть солдатом, — говорил бойцам агитатор сержант В. Свиридов. — Мы вернули советским людям свет, избавили человечество от фашистского мрака, спасли миллионы жизней от гитлеровских душегубов.

На войне наши люди научились понимать, что такое жизнь и

свобода. Мне довелось слышать беседу старшего сержанта Петра Букова, бывалого фронтовика, который воевал против немцев еще в первую мировую войну. В годы Отечественной войны он прошел путь от Сталинграда до Берлина. В боях у Шпрее Буков с группой солдат обошел немецкий заслон и внезапной атакой смял его, захватив пулемет и трех пленных. На подступах к Берлину старшего сержанта ранило, но он не покинул передовой.

— Сил у меня еще хватит, а душа зовет в бой, — заявил отважный сибиряк.

Петр Буков с любовью говорил товарищам о великой нашей Родине, о ее несметных богатствах, о замечательных людях Страны Советов.

— Все у нас прочное, надежное, крепкое. Наше дерево руками не обхватишь и не согнешь! И люди такие! А какие поля у нас. какие богатства! И все наше. Народного достояния, великих завоеваний революции и социализма, нашей свободы никому и никогда у нас не отнять. Это мы доказали в боях, победно прошагав от Сталинграда до Берлина.

Хорошее, праздничное настроение придавали и веселые, принарядившиеся девчата-регулировщицы. По-хозяйски заняв места на перекрестках улиц у дорожных указателей, они с какой-то подчеркнутой лихостью орудовали флажками, указывая путь нашим танкам, самоходкам, тягачам с орудиями, автомашинам.

От руководства 1-го Белорусского фронта, занимавшегося переговорами с немецким командованием, нам стало известно, что в 18 часов 1 мая 1945 года был получен ответ германского правительства, отказавшегося объявить о своей полной и безоговорочной капитуляции. В результате Ставка приказала нам продолжать штурм Берлина. Все было заранее подготовлено, и в 18 часов 30 минут войска двух фронтов, действовавших в Берлине, произвели мощный артиллерийский налет по окруженным группировкам врага. А затем они с новой силой развернули штурм неприятельских укреплений.

Решительный штурм советскими армиями вражеских котлов вынудил гитлеровцев снова выслать парламентеров. На этот раз для переговоров прибыл командующий обороной Берлина генерал артиллерии Вейдлинг. В конце концов он согласился на безоговорочную капитуляцию и отдал следующий приказ:

"30.4.45 г. фюрер покончил жизнь самоубийством и нас, присягнувших ему на верность, оставил одних.

Согласно приказу фюрера вы должны продолжать борьбу за Берлин, несмотря на недостаток в тяжелом оружии и боеприпасах, несмотря на общее положение, которое делает борьбу явно бессмысленной. Каждый час борьбы увеличивает

ужасные страдания гражданского населения Берлина и наших раненых.

Каждый, кто падет в борьбе за Берлин, принесет напрасную жертву.

По согласованию с верховным командованием советских войск требую немедленного прекращения борьбы.

Вейдлинг, генерал артиллерии и командующий обороной Берлина"{145}.

2 мая 1945 года, когда сопротивление гитлеровцев в столице Германии было сломлено, войска 1-го Украинского фронта в районе Берлина взяли в плен 34 тысячи немецких солдат, офицеров и генералов.

Помню, мы с членом Военного совета 3-й гвардейской танковой армии С. И. Мельниковым увидели на одной из улиц Берлина такую картину. Прокопченный и измазанный танкист, сверкая белозубой улыбкой, весело разъяснял выбравшимся из подземелья крупным нацистским чинам в мундирах и при орденах, что именно он, советский лейтенант, берет их в плен и что прибытия советских военачальников не стоит ждать.

— У меня, герры генералы, — с гордостью произнес танкист, — полномочия огромные, и капитуляцию вашу я готов принять. Меня на это уполномочила мать-Родина! — Затем молодой лейтенант с усмешкой добавил: — А командарму с вами заниматься некогда. Вас, пленных, много, а он один.

Мы с генералом С. И. Мельниковым подошли к этой группе, от души посмеялись над забавной историей и одобрили действия советского лейтенанта хорошо понятным немцам словом «гут». С нами как раз был переводчик, и мы через него подтвердили полномочия гвардейца-танкиста, предложив без промедления и проволочки выполнить условия капитуляции. Гитлеровские генералы и полковники горестно повздыхали, помялись и вызвали из подземелья остальных своих коллег, чтобы организованно сдать оружие.

Такие сцены наблюдались довольно часто.

Когда смолкли залпы орудий и прекратились автоматные очереди, повсеместно начались митинги. Гремело могучее «ура», раздавались здравицы в честь героического советского народа и социалистической Родины, в честь родной Коммунистической партии — вдохновителя и организатора наших боевых и трудовых побед.

Ликование вспыхнуло с новой силой, когда по радио передали приказ Верховного Главнокомандующего и в столице нашей Родины Москве 2 мая 1945 года в 21 час раздался салют в честь доблестных войск 1-го Белорусского и 1-го Украинского

фронтов, завершивших ликвидацию группы немецко-фашистских войск, окруженных юго-восточнее Берлина.

Прошло немного времени, и новая, еще более мощная волна восторга охватила всех наших воинов. Не скрывая радостного волнения, диктор Юрий Левитан проникновенно объявил приказ Верховного Главнокомандующего, возвещавший о том, что берлинский гарнизон немецких войск во главе с начальником обороны генералом артиллерии Вейдлингом и его штабом 2 мая в 15 часов прекратил сопротивление. К 21 часу нашими войсками в Берлине было взято в плен более 70 тысяч немецких солдат и офицеров.

В этом документе содержалась политическая оценка взятия Берлина как центра немецкого империализма и очага агрессии. Разгромив фашистское логово, в котором нашли свой бесславный конец Гитлер, Геббельс и другие главари, Советская Армия уничтожила разветвленный аппарат нацистской партии, учреждения гестапо и другие институты кровавого и преступного третьего рейха.

Приказ Верховного Главнокомандующего был обращен ко всем войскам Красной Армии и Военно-Морскому Флоту, ибо взятие Берлина явилось итогом многолетней и тяжелой войны советского народа и его героической армии, одержавших под руководством Коммунистической партии историческую победу над фашизмом.

Раскаты салютов прогремели и в поверженном Берлине. В эту незабываемую майскую ночь небо расчертилось огненными строчками трассирующих очередей и яркими вспышками ракет. Всюду звенели песни, заливались саратовские гармошки с перезвоном и тульские баяны, а на площадях не прекращалась лихая солдатская пляска…

Всю ночь царило веселье. Да и как уснешь в такую счастливую, незабываемую и неповторимую, победную майскую ночь!

Но что же творилось в стане поверженного врага? Бывший личный шофер фюрера эсэсовец Э. Кемпка, написавший претенциозную книгу "Я сжег Гитлера", так, например, описывает обстановку, предшествовавшую капитуляции берлинского гарнизона, обреченного нацистскими главарями на печальную участь: "…глазам нашим представилась потрясающая картина. Смертельно усталые солдаты, раненые, о которых никто не заботился, и беженцы лежали у стен, на ступеньках лестниц, на платформах. Большинство этих людей уже потеряло всякую надежду на бегство и было безучастно ко всему происходящему"{146}.

Он, разумеется, не пишет ничего по поводу безумного приказа Гитлера о "выжженной земле", об уничтожении всего ценного, что есть на территории Германии, обрекавшего тем самым мирных немцев на голод, холод и смерть. Недаром сами немцы прозвали этот документ "приказом Нерона", который, как известно, сжег древний Рим. Теперь многие буржуазные историки утверждают, что Гитлер был сумасшедшим и потому-де издавал такие изуверские приказы. Но Геббельс, являвшийся комиссаром обороны Берлина, был не лучше фюрера. Когда советские войска прорвались к Берлину, колченогий идеолог фашизма в истерике кричал: "…если нам суждено уйти, то пусть тогда весь мир содрогнется"{147}.

Своими циничными заявлениями о массовом истреблении славянских народов печально прославились Геринг, Розенберг и Кох. А «деятельность» рейхсфюрера СС Гиммлера, организатора огромной сети лагерей смерти, и кровавого Кальтенбруннера, как говорится, не требует комментариев. Нацистские главари, руководившие обороной Берлина, действительно заставили содрогнуться самих немцев, когда отдали людоедский и бессмысленный приказ об открытии шлюзов и затоплении ряда станций метро, где погибло много раненых немецких солдат и мирных жителей, женщин и детей, укрывавшихся в этих подземных убежищах.

Герои штурма Берлина, разгромившие фашистское логово, спасли Германию и все человечество от нацистского мракобесия, вернули немецкому народу утраченную им свободу. Вот почему известный немецкий поэт, видный антифашист и политический деятель ГДР Иоганнес Бехер с благодарностью писал о советском воине-освободителе:

Кто сделал, как брат для брата,
Что мы от чумы спасены?
Страны Советской солдаты,
Герои Советской страны{148}.

Героев штурма Берлина славил советский народ, славили народы нашей планеты. Митинги по случаю исторической победы проходили по всей стране, от края и до края, на предприятиях и в учебных заведениях, в колхозах и совхозах, в городах и селах, аулах и кишлаках. И конечно, они были созваны во всех частях и подразделениях фронта. Воины с гордостью говорили о нашей великой победе и героях штурма Берлина. В их горячих и взволнованных выступлениях вместе с тем звучала и хозяйская забота воина-гражданина о приведении частей и подразделений, танкового и автомобильного парка, самолетов и артиллерии в полную боевую готовность.

Берлин был взят, но война еще не завершилась, и войскам 1-го Украинского фронта предстояли новые боевые дела.

По земле Саксонии

И вот отгремели залпы победного салюта в честь героев штурма Берлина. Солдаты едва успели почистить прокопченные порохом автоматы и пулеметы, пробанить стволы орудий и привести в порядок боевые машины, как началась крупная перегруппировка войск. Они готовились к Пражской наступательной операции — завершающей в Великой Отечественной войне.

Еще в конце апреля 1945 года, когда мы пока неполностью овладели Берлином и вели напряженные бои юго-восточнее и юго-западнее столицы Германии с 9-й немецкой армией Буссе и 12-й армией Венка, состоялся разговор И. В. Сталина с И. С. Коневым. Верховный Главнокомандующий предложил нам разработать и представить Ставке и Генштабу предложения, связанные с задачей освобождения столицы братской Чехословакии — Праги. Военный совет 1-го Украинского фронта доложил их очень быстро. И уже 1 мая 1945 года Ставка передала нам директиву о сосредоточении войск фронта для решительного наступления на Прагу с севера.

Завершив 2 мая бои в Берлине, войска 1-го Украинского фронта без какой-либо паузы и промедления развернули самую энергичную подготовку к новой наступательной операции. Из района взятой штурмом столицы Германии в срочном порядке выводились соединения и части 3-й и 4-й танковых армий. Им была поставлена задача форсированным маршем, преимущественно в ночное время" пройти до двухсот километров и скрытно сосредоточиться на исходных для наступления позициях северо-западнее Дрездена. Необходимо было в кратчайший срок осуществить и сложную перегруппировку четырех общевойсковых армий. Все наши войска, находившиеся под Берлином, перемещались в южном направлении за новую разграничительную линию Люббен, Виттенберг, передавая свои позиции и боевые участки соседнему 1-му Белорусскому фронту.

Хочу особо подчеркнуть, что в разработку плана Пражской наступательной операции вместе с командующим вложил наряду с другими членами Военного совета очень много труда начальник штаба фронта генерал армии И. Е. Петров. Иван Ефимович раньше командовал 4-м Украинским фронтом, нацеленным на Чехословакию и освободившим часть ее территории, и тогда основательно изучил эту страну, ее важнейшие промышленные объекты, коммуникации и военно-географические особенности. Когда обсуждался план наступательной операции, генерал И. Е.

Петров детально охарактеризовал театр военных действий и подчеркнул, что подступы к Праге прикрыты грядой Рудных гор, протянувшихся чуть ли не на полтораста километров. Севернее, в районе Дрездена, громоздятся гигантские песчаниковые высоты и лесистые плато, рассеченные Эльбой и ее притоками,

— Эти необычайно красивые места часто называют "саксонской Швейцарией", — заметил Иван Ефимович, — но горы могут доставить нам массу неприятностей. Если мы задержимся на перевалах или сделаем передышку в "саксонской Швейцарии", то понесем излишние потери и не сумеем отрезать пути отхода шернеровской группе немецко-фашистских армий…

Учитывая это обстоятельство и выполняя указания Ставки, Военный совет предусмотрел в плане наступательной операции мощные и стремительные удары по вражеской обороне, отсекающие гитлеровцев от Рудных гор. Это должно было позволить нашим подвижным соединениям захватить перевалы через Рудные горы и вырваться на равнинный простор.

Если мне не изменяет память, 4 мая 1945 года проходило совещание командующих и членов военных советов армий. Маршал Советского Союза И. С. Конев ознакомил собравшихся с директивой Ставки и поставил конкретные задачи войскам. Он напомнил, что Пражская наступательная операция осуществляется силами 1, 2 и 4-го Украинских фронтов и основная ее цель — завершение освобождения братской Чехословакии и ее столицы Праги, полный разгром последней крупной группировки немецко-фашистских войск.

Главный удар, как это предусматривал план операции, должны были наносить из района Ризы вдоль Эльбы и Влтавы в общем направлении на Прагу 3-я и 5-я гвардейские и 13-я общевойсковые армии, 3-я и 4-я гвардейские танковые армии. Другая группа, состоявшая из 28-й, 52-й армий и 7-го гвардейского мехкорпуса, наносила вспомогательный удар в направлении Циттау, Млада-Болеслав, Прага. Обходя Дрезден с юго-востока, на Пирну должны были наступать 2-я армия и 1-й танковый корпус Войска Польского. 5-й гвардейской армии и 4-му гвардейскому танковому корпусу ставилась задача овладеть главным городом Саксонии — Дрезден.

Конкретные задачи получили вновь прибывшая на наш фронт 31-я армия генерала П. Г. Шафранова, а также 21-я армия и обеспечивавшая наш левый фланг 59-я армия.

В своем выступлении И. С. Конев напомнил, что крупнейшая стратегическая группировка в районе Берлина полностью разгромлена. Взятие Красной Армией столицы Германии поставило нацистский вермахт перед неизбежной военной

катастрофой. Но в районе Чехословакии, продолжал командующий, за Судетами и Рудными горами, засела крупная и фактически последняя группировка фашистских войск под командованием генерал-фельдмаршала Шернера, насчитывающая 65 дивизий, в том числе 13 танковых, 4 моторизованные, а также большое количество отдельных частей и подразделений. Он сообщил, что миллионная группировка, возглавляемая фанатичным нацистом Шернером, является главным вооруженным оплотом фашистского режима Деница, лихорадочно пытавшегося заключить сепаратный мир с западными державами.

— Шернер, по всем данным, замыслил драться с нами не на жизнь, а на смерть и в то же время готов поднять руки перед англо-американскими войсками, — сказал Иван Степанович. — Ставка поставила перед Первым, Вторым и Четвертым Украинскими фронтами задачу не дать вооруженным эсэсовским дивизиям, военным преступникам и всякому фашистскому сброду улизнуть на запад, непременно окружить группировку Шернера и, если она не сложит оружия, уничтожить ее!

Командующий фронтом отметил, что у наших соединений имеются все возможности с ходу преодолеть Рудные горы. Для этого надо, отметил он, смело вырываться вперед, не ввязываясь в бои за населенные пункты и не допуская линейности действий, дерзко выходить на фланги и тылы противника и отрезать группировке Шернера пути отхода на запад и юго-запад. Маршал порекомендовал высылать сильные передовые отряды, способные самостоятельно решать боевые задачи, а для того, чтобы пехота не отставала от танков, сажать стрелковые подразделения на машины, широко используя автотранспорт. Он напомнил, что мы вступаем в Пражскую операцию, имея в своем распоряжении более 70 тысяч автомашин, и обязал начальника тыла генерала Н. П. Анисимова еще раз проверить обеспеченность войск горючим и боеприпасами, чтобы ничто не мешало успешному осуществлению завершающей операции на советско-германском фронте.

Когда маршал предоставил слово мне, я, сделав краткий обзор политической обстановки, подчеркнул, что разгром фашистского логова, где нашли бесславный конец обанкротившиеся главари третьего рейха и другие военные преступники, свидетельствует о полном крушении гитлеровского режима. Но так называемое «правительство» гросс-адмирала Деница, которого ушедший в небытие фюрер назначил своим преемником, преступно затягивает войну, лелея мечту о тайном сговоре с реакционными кругами Запада. Мы располагали

радиоперехватом «программного» выступления Деница 1 мая по радио, в котором он довольно откровенно и категорически заявил: "Моей первейшей задачей является спасение немцев от уничтожения наступающими большевиками. Только во имя этой цели продолжаются военные действия".

Мы рекомендовали командирам и политорганам, партийным и комсомольским организациям непременно закрепить царивший в частях огромный политический и боевой подъем и разъяснить всем воинам величие возложенных на нас интернациональных задач. Красная Армия вступала на территорию Чехословакии для того, чтобы ликвидировать последние очаги сопротивления гитлеровцев и полностью освободить союзную нам страну от ига фашизма. Каждый боец и командир призван был олицетворять великолепные качества воина-интернационалиста, славного представителя героической Красной Армии, питающего к чехословацкому народу самые добрые братские чувства.

Ставка Верховного Главнокомандования приказала войскам 1-го Украинского фронта начать Пражскую наступательную операцию 7 мая 1945 года. На эту дату были ориентированы командармы и все участники совещания руководящего состава, созванного маршалом И. С. Коневым 4 мая 1945 года. Времени для подготовки было крайне мало. И тем не менее события разворачивались так, что наступать нам пришлось раньше установленной даты.

5 мая 1945 года трудовая Прага восстала против ненавистных фашистских оккупантов. Разгорелась кровопролитная и неравная борьба. Командующий группой немецко-фашистских армий «Центр» генерал-фельдмаршал Шернер бросил на подавление восстания крупные силы. В ночь на 6 мая Чешский национальный совет обратился по радио с тревожным призывом: "На Прагу немцы наступают со всех сторон. В действии германские танки, артиллерия и пехота. Прага настоятельно нуждается в помощи. Пошлите самолеты, танки и оружие. Помогите, помогите, быстро помогите!"{149}

Учитывая критическую обстановку в чехословацкой столице, Ставка Верховного Главнокомандования приказала войскам 1-го Украинского фронта перейти в наступление на сутки раньше намеченного срока, то есть без промедления.

В первой половине дня 6 мая 1945 года передовые отряды ударной группировки, поддержанные мощнейшими ударами артиллерии, внезапно для противника атаковали его позиции и на ряде участков достигли успеха. Затем перешли в наступление и наши главные силы. В состав ударной группировки входили 13-я и 3-я гвардейская общевойсковые армии, 3-я и 4-я гвардейские

танковые армии (командующие соответственно генералы Н. П. Пухов, В. Н. Гордов, П. С. Рыбалко и Д. Д. Лелюшенко).

По ряду причин с ними не могла одновременно перейти в наступление 5-я гвардейская армия. Хотя командующий фронтом и отложил на несколько часов начало ее боевых действий, но он всячески торопил командарма А. С. Жадова и в конце концов отдал ему письменный приказ: "Светлого времени не терять, начать наступление немедленно. Исходное положение для наступления занимать с ходу"{150}.

Жадову была поставлена задача не только овладеть Дрезденом, но, кроме того, отсечь и сковать сосредоточенные в районе города крупные силы гитлеровцев, обезопасив от флангового удара наши танки, устремившиеся к Рудным горам.

5-я гвардейская действовала успешно. Поарм, возглавляемый генералом Ф. А. Катковым, политорганы соединений, партийные и комсомольские организации сумели в сжатые сроки мобилизовать войска на выполнение боевых задач. Воины-гвардейцы проявили высокие морально-боевые качества. Даже когда настала темная ненастная ночь и хлынул проливной дождь, части продолжали двигаться вперед по бездорожью, по незнакомой горно-лесистой местности. Охватывая Дрезден с северо-запада и северо-востока, они заняли более сотни населенных пунктов и 7 мая ворвались на окраины города. Подразделения 15-й гвардейской стрелковой дивизии генерала П. М. Чиркова с ходу форсировали Эльбу и продолжали развивать наступление.

Одновременно подразделения 4-го гвардейского танкового Кантемировского корпуса, осуществившие дерзкий обходный маневр, одними из первых достигли юго-западных окраин Дрездена и захватили там мост. Это позволило быстро переправить на противоположный берег Эльбы стрелковые подразделения и начать планомерный штурм городских кварталов.

Бои в Дрездене продолжались всю ночь на 8 мая, не прекращались они и днем. К 14 часам гитлеровский гарнизон города был разгромлен, его остатки капитулировали.

Днем раньше войска 6-й армии генерала В. А. Глуздовского приняли капитуляцию находившегося в длительной осаде сорокатысячного гарнизона гитлеровцев в Бреслау (Вроцлаве).

Но на пражском направлении бои продолжались. Утром 8 мая, когда еще не завершились бои в Дрездене, а наши подвижные войска, вступившие в Чехословакию, преодолевали яростное сопротивление группы немецко-фашистских армий «Центр», в Военный совет и политуправление фронта поступило

несколько запросов. Командиры и политработники соединений и объединений интересовались, как расценивать сообщения зарубежного радио об окончании войны и наступившем мире. Ничего определенного, конечно, мы не могли им сообщить. После нескольких таких звонков я включил трофейный радиоприемник «Телефункен». Лондон и Париж, Брюссель, Цюрих и Амстердам передавали торжественную музыку и церковные хоралы. А работник политуправления фронта подполковник Л. А. Дубровицкий представил Военному совету перехваченное в эфире сообщение о том, что в Реймсе англо-американское командование приняло от немцев капитуляцию.

Но на нашем участке фронта капитуляции фашистов, судя по всему, не предвиделось. Группа армий «Центр» генерал-фельдмаршала Шернера оказывала яростное сопротивление советским войскам и продолжала зверствовать в Праге, жестоко расправляясь с восставшими трудящимися Чехословакии. Поэтому Военный совет фронта еще раз разъяснил командирам и политработникам, что в создавшихся условиях не следует принимать всерьез сообщения о капитуляции гитлеровцев на Западе, а бить фашистскую группировку Шернера до тех пор, пока она не сложит оружия. Мы срочно передали войскам, что нашу братскую помощь с великой надеждой ждет восставший народ Чехословакии, а поэтому нужно как можно скорее продвигаться на Прагу.

В тот день я разговаривал по В Ч с заместителем начальника Главного политического управления Красной Армии генералом И. В. Шикиным и рассказал ему о поступивших из частей запросах в связи с принятием англо-американским командованием капитуляции от гитлеровцев. И. В. Шикин сообщил, что церемония в Реймсе рассматривается лишь как подписание предварительного акта. Он целиком одобрил наши указания войскам фронта и проинформировал, что 8 мая 1945 года в Берлине будут официально принимать капитуляцию от поверженного врага заместитель Верховного Главнокомандующего Красной Армии Маршал Советского Союза Г. К. Жуков и представители военного командования союзных держав.

— Ваша задача, определенная Ставкой, — сказал в заключение И. В. Шикин, — как можно быстрее оказать помощь восставшей Праге, спасти столицу Чехословакии от разрушения, а братский народ от уничтожения.

Я поинтересовался, как себя чувствует А. С. Щербаков.

— Александр Сергеевич тяжело болен, — вздохнув, ответил И. В. Шикин. Мы серьезно озабочены состоянием его здоровья.

К глубокому сожалению, опасения эти не были напрасными. На другой день после нашей великой победы, 10 мая 1945 года, на сорок четвертом году жизни генерал-полковник Александр Сергеевич Щербаков, выдающийся деятель партии и государства, кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б), секретарь Центрального Комитета партии, начальник Главного политического управления Красной Армии и начальник Совинформбюро, скончался. Это была большая утрата для партии и народа, для всех Вооруженных Сил.

Продолжим же рассказ о последних днях войны. Как только 8 мая 1945 года наши войска овладели Дрезденом, командующий 5-й гвардейской армией генерал А. С. Жадов представил Военному совету фронта предварительную информацию о катастрофическом состоянии древнего саксонского города, превращенного англо-американской авиацией в сплошные руины, и бедственном положении местного населения.

После того как в пригород Дрездена Радебёйль переместился штаб фронта, мне чуть ли не ежедневно приходилось проезжать по улицам и площадям старинного немецкого города, и передо мной все полнее представала картина бессмысленных разрушений, учиненных массированными налетами англо-американской авиации.

До войны в Дрездене насчитывалось около 630 тысяч жителей, но в результате наплыва беженцев к моменту массированных бомбардировок там скопилось, как удалось установить, примерно 1,2–1,4 миллиона человек. Дрезден, один из красивейших городов Европы, прозванный "немецкой Флоренцией" и "музеем Германии", фактически не имел важных военных объектов. Почему же англо-американское командование избрало его в качестве мишени для столь странной, даже скорее чудовищной воздушной операции "Удар грома"? Английский историк Дэвид Ирвинг в своей книге, посвященной дрезденской трагедии, откровенно говорит, что выдающиеся успехи Красной Армии, громившей немецко-фашистские войска и быстро продвигавшейся в глубь Германии, не на шутку встревожили реакционные круги империалистических держав Запада. Ирвинг признает, что долгожданная Крымская конференция, от которой в большой степени зависело будущее послевоенной Европы, должна была открыться в условиях демонстрации советской военной мощи в таком огромном масштабе, что успехи западных союзников в Италии и продолжавшееся в Арденнах сражение выглядели слишком скромными по сравнению с наступлением 1-го Украинского и 1-го Белорусского фронтов.

Черчиллю и ему подобным империалистическим зубрам

хотелось на Крымской конференции козырнуть боевой мощью Запада, чтобы повести переговоры с пресловутой "позиции силы". Именно потому премьер-министр Великобритании требовал, чтобы итогом воздушной операции "Удар грома" стал бомбовый удар "катастрофической силы". Было решено ударить по одному из городов Восточной Германии, который впоследствии войдет в советскую зону оккупации. Начальник штаба английских ВВС указывал в памятной записке: "Эффект будет особенно большим, если избранный в качестве цели город до сих пор является относительно не разрушенным".

Именно таким объектом оказался Дрезден, где скопилось много беженцев и где была слабая противовоздушная оборона.

В ночь на 14 февраля 1945 года, когда исход войны был уже предрешен, англо-американская стратегическая авиация обрушила на Дрезден удары небывалой дотоле силы. В первом ночном налете на город экипажи четырехмоторных бомбардировщиков «Ланкастер» сбросили очень много зажигательных бомб. Был создан огненный шквал, уничтоживший огромное количество построек и погубивший тысячи мирных жителей.

С 13 по 15 февраля 1945 года англо-американская авиация совершила на город четыре массированных налета, в которых участвовало в общей сложности около 1400 бомбардировщиков, сбросивших 4210 тонн бомб.

В результате этой беспрецедентной по своей жестокости воздушной операции погибло 135 тысяч мирных жителей. Из 220 тысяч квартир 75 тысяч оказались полностью разрушенными, а 99 тысяч получили повреждения.

Сразу же после вступления советских войск в растерзанный англо-американской авиацией Дрезден Советское правительство возложило на нас нелегкую и ответственную обязанность — помочь бедствующему населению города.

Ни для кого не секрет, что Военному совету фронта и органам тыла было очень трудно изыскивать продовольственные ресурсы, так как мы не располагали большими резервами. Ведь и у нас в стране скромные продовольственные пайки выдавались по карточкам. Но даже в этих тяжелых условиях наше правительство сочло возможным оказать помощь населению Германии.

По поручению Государственного Комитета Обороны в Дрездене, как и в Берлине, побывал заместитель Председателя Совета Народных Комиссаров А. И. Микоян, который дал нам ряд конкретных рекомендаций по поводу снабжения мирных жителей продуктами питания.

Военный совет и политуправление фронта, органы тыла и

особенно продовольственная служба, автомобилисты, инженерные войска мобилизовали все силы, чтобы как можно быстрее нормализовать жизнь в Дрездене, спасти мирных жителей от голода, восстановить вместе с населением разрушенное коммунальное хозяйство. По указанию Правительства СССР Военный совет передал в распоряжение обер-бургомистра Дрездена все оставшиеся в городе продовольственные базы, овощные хранилища, склады с товарами широкого потребления. Мы предложили вновь созданному магистрату организовать планомерное снабжение населения предметами первой необходимости.

Но местные ресурсы были невелики. Предчувствуя неизбежный крах, гитлеровцы варварски уничтожили значительную часть продовольствия. Немало продуктов они испортили. Учитывая бедственное положение населения Дрездена, Военный совет 1-го Украинского фронта выделил из своих запасов для снабжения жителей города 9500 тонн зерна, 1115 тонн мяса, 512 тонн жиров, 800 тонн соли, 200 тонн кофе и 30 тысяч тонн картофеля. Начальнику автоуправления фронта генерал-майору Соболеву было предложено организовать завоз картофеля в Дрезден, выделив для этой цели автополк. Кроме того, он выделил в распоряжение коменданта города два автомобиля, которые специально занимались развозом продовольствия по районам и магазинам.

Занимаясь упорядочением условий жизни жителей Дрездена и районов, входящих в полосу нашего фронта, Военный совет широко опирался на помощь немецких коммунистов и демократических слоев населения. Мы с удовлетворением узнали, что в годы минувшей войны коммунисты Саксонии даже в условиях жесточайшего гестаповского террора не сложили оружия и вели мужественную борьбу против кровавой нацистской тирании. Выйдя из подполья, коммунисты энергично взялись за ликвидацию последствий войны и строительство новой жизни.

Военным комендантом Дрездена был назначен командир 33-го гвардейского стрелкового корпуса генерал-лейтенант Никита Федотович Лебеденко. Ветеран Коммунистической партии и Советских Вооруженных Сил, он обладал необходимыми политическими, организаторскими качествами и, как говорится, хозяйственной жилкой. Для оказания помощи в организации снабжения населения города продовольствием Военный совет направил в его распоряжение 20 офицеров во главе с начальником продотдела 5-й гвардейской армии майором Востропятовым.

Затем генерала Лебеденко сменил полковник И. А. Горохов, а

заместителем коменданта по политчасти стал подполковник А. А. Соловьев. Активно развернули свою деятельность и военные комендатуры районов города.

В приказе № 1 военного коменданта Дрездена объявлялось о роспуске, немедленном и категорическом запрещении деятельности национал-социалистской партии и подчиненных ей организаций.

Мы, представители социалистического государства и Коммунистической партии Советского Союза, выступали за рубежом как братья немецких рабочих, крестьян и интеллигенции по классу, как союзники трудящихся Германии и поэтому поддерживали все здоровые антифашистские силы, помогая трудящимся закладывать фундамент новой, демократической, миролюбивой Германии.

Наши политорганы направили большую группу офицеров, знающих немецкий язык, для массовой воспитательной работы среди местного населения. Большой популярностью у немцев пользовался издаваемый нами "Информационный листок". Вскоре политуправление фронта приступило к выпуску ежедневной газеты на немецком языке "Новости дня". Она информировала трудящихся о важнейших событиях в мире, рассказывала правду о Советском Союзе и Красной Армии, которая выполняла интернациональную миссию и спасла немецкий народ и все человечество от коричневой фашистской чумы. Газета сообщала о мероприятиях советской военной администрации по восстановлению народного хозяйства и возрождению культурной жизни в Германии.

Помощь политорганов немецким коммунистам и всем демократическим силам имела неоценимое значение. Поднимая политическую активность масс, мы совместными усилиями способствовали проведению в стране антифашистских, демократических, революционных преобразований.

Огромную работу по восстановлению коммунального хозяйства города проделало 8-е фронтовое управление оборонительного строительства, возглавляемое полковником Ковиным. Военно-строительные отряды управления при широком участии местного населения и инженерно-технических работников управлений коммунального хозяйства города развернули первоочередные восстановительные работы.

Всюду разбирались завалы, расчищались улицы и площади, трамвайные пути и дорожные магистрали. Воины и специалисты 8 ФУОС в кратчайший срок восстановили электросеть и на шести улицах сдали в эксплуатацию трамвайную линию. Они отремонтировали 50 километров газопровода и почти 30-

километровую водопроводную магистраль, а также канализационную сеть общей протяженностью 67,5 километра{151}.

При разминировании зданий, разборке завалов и расчистке города советские воины проявляли бережное отношение к архитектурным сокровищам Дрездена и помогли немецким специалистам законсервировать для последующей реставрации и спасти от дальнейшего разрушения драгоценные ансамбли главного города Саксонии.

Когда были завершены бои за Дрезден, Военный совет фронта получил тревожное сообщение о том, что всемирно известный музейный комплекс Цвингер разрушен англо-американскими бомбами, а хранившиеся там бессмертные сокровища картинной галереи бесследно исчезли.

В поиски пропавших шедевров искусства включилась масса людей: работники разведывательного управления штаба и политуправления фронта, «Смерша» и военных комендатур, немецкие должностные лица городского и районных магистратов Дрездена. Из Москвы прибыла группа специалистов во главе с видным искусствоведом Натальей Ивановной Соколовой и опытным художником-реставратором Степаном Сергеевичем Чураковым.

Наиболее отличились в поисках художественных ценностей воины 164-го батальона, которым командовал В. П. Перевозчиков, офицер трофейной бригады художник Л. Н. Рабинович, лейтенант Ф. Горбик и другие. Вскрывая вход в разрушенное здание Альбертинума, сержант Бурцев и другие саперы обезвредили заложенные гитлеровцами мощные фугасы и спасли от уничтожения десятки находившихся там ценных скульптур. Затем в заброшенных каменоломнях возле села Гросс-Котта была обнаружена значительная часть картин Дрезденской галереи. В вагоне, загнанном по узкоколейке в штольню, находились полотна Рубенса, Рембрандта, Тициана, Риберы. Многие шедевры мирового искусства отсырели, покрылись плесенью. В той самой каменоломне, где со стен сочилась вода, в большом ящике была обнаружена знаменитая "Сикстинская мадонна" Рафаэля.

Маршалу Советского Союза Коневу, генералам Петрову, Кальченко, Яшечкину, Осетрову и автору этих строк довелось в числе первых увидеть эти сокровища в заброшенной и сырой каменоломне. Затем еще один тайник был обнаружен у шахты Покау-Ленгфельд. Наша поисковая группа, возглавляемая старшим лейтенантом Позирайло, с боем пробилась туда, разгромив подразделение эсэсовцев,

Здесь, так же как и повсеместно, пришлось разминировать

подступы к тайнику и спасать драгоценные полотна от уничтожения их фугасами, которые подготовили фашистские саперы.

Вспоминая о первом «свидании» со спасенными шедеврами мирового искусства, член-корреспондент Академии художеств СССР Н. И. Соколова впоследствии рассказывала: "Вместе с солдатами спустились в каменоломню. Лучик электрического фонаря выхватил из темноты картину Рембрандта "Автопортрет с Саскией". Фронтовики, прошедшие тяжелыми дорогами войны, как зачарованные, рассматривали творение прославленного голландца. Не знаю, сколько прошло времени. Нарушил молчание пожилой сапер: "А за кого поднимает бокал художник?" И вместо рассказа об истории картины у меня вырвалось: "Рембрандт поднимает бокал и за вас, за отважных солдат. Он радуется, что вы спасли его картину, вернули ее людям…" Может быть, в этот момент бойцы почувствовали, что совершили еще один подвиг во имя человечества…"{152}

Под наблюдением Н. А. Пономарева, Н. И. Соколовой, Е. И. Востокова и под охраной советских воинов все картины были бережно доставлены в Дрезден, тщательно просушены. С. С. Чураков и другие художники-реставраторы оказали поврежденным полотнищам "первую помощь".

И. В. Сталину было послано следующее сообщение: "Докладываю: в районе г. Дрезден обнаружены в различных местах ценности, принадлежавшие саксонским королям.

1. Произведения живописи, работы великих мастеров, всего около 1000 картин. Среди них:

"Сикстинская мадонна" Рафаэля,

Рембрандта — 10 картин,

Тициана — 6,

Рубенса — 12,

Веронезе — 8,

Ван Дейка — 7,

Корреджио — 2,

а также произведения Джорджоне, Тинторетто, Ватто и многих других, собрание гравюр и рисунков, в числе которых оригиналы античной скульптуры Ренессанса, барокко и рококо…

Конев, Крайнюков"{153}.

В связи с тем что в разрушенном англо-американской авиацией Дрездене картинную галерею содержать было невозможно, по указанию Государственного Комитета Обороны мы направили спасенные полотнища на временное хранение в Москву. Там большая группа реставраторов под руководством народного художника СССР П. Д. Корина полностью восстановила

картины.

В послевоенное время, когда я уже вернулся в Москву, в залах Государственного музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина, где были выставлены шедевры мирового искусства, в течение многих месяцев не иссякал поток трудящихся.

В 1955 году Советское правительство передало эти бесценные сокровища Германской Демократической Республике. Спасенные воинами 1-го Украинского фронта и восстановленные советскими художниками картины снова разместились в поднятом из руин музейном здании Дрезденской галереи.

Как драгоценную историческую реликвию сохранили трудящиеся ГДР «автограф» нашего сапера, запечатленный на стене здания в майские дни победного 1945 года: "Музей проверен. Мин нет. Проверял Ханутин".

Марш на Прагу

В то время как 5-я гвардейская армия очищала от противника Дрезден, 2-я армия Войска Польского овладела Баутценом, а 52-я армия — Герлицем, подвижные войска ударной группировки развивали успех на пражском направлении. Это отнюдь не означало, что советские танкисты продвигались вперед, не встречая сопротивления. Гитлеровцы пытались любой ценой задержать нас на рубеже Рудных гор и Судет, неоднократно переходили в контратаки, выставляли мощные заслоны из пехоты, усиленной противотанковой артиллерией. В горах, поросших лесом и кустарником, они устанавливали фугасы и I мины, устраивали завалы, организовывали засады фаустников.

Там, где позволяла обстановка, советские танкисты старались не ввязываться в затяжные бои, обходить опорные пункты обороны противника. Но горная местность крайне ограничивала возможности для маневра. Поэтому нашим частям приходилось выбрасывать вперед десанты автоматчиков. Пробираясь по заросшим кустарником кручам, мотострелки обходили вражеские заслоны, атаковали их с тыла и флангов, уничтожали в первую очередь фаустников.

В голове каждой танковой части двигались саперы, которые расчищали завалы, разминировали местность, помогали экипажам боевых машин преодолеть горные речушки, ручьи и другие препятствия.

В передовых отрядах находились представители авиасоединений. Когда улучшилась погода, они по радио руководили боевыми действиями летчиков. В сложных горных условиях меткие удары по врагу наносили летчики-штурмовики Т. Я. Бегельдинов, С. И. Потапов, А. П. Артеменко, Н. И. Дегтярь, Н. Н. Кочмарев и многие другие.

Подвижные войска фронта в достаточном количестве были насыщены артиллерией всех калибров. Хорошо поддерживали наступающих соединения 10-го артиллерийского корпуса прорыва, особенно 31-я артдивизия генерала Д. М. Краснокутского.

На колонных путях действовал жесткий закон: все, что мешает движению войск, должно быть немедленно устранено. Любая поломавшаяся машина, застрявшая повозка или же поврежденный танк мгновенно убирались с дороги, а в случаях исключительных и чрезвычайных даже сбрасывались в пропасть, чтобы открыть войскам беспрепятственный путь. Это диктовалось крайней необходимостью: на счету были каждый час, каждая минута.

Наши радисты ловили в эфире тревожные сигналы пражан. Коммунистическая партия Чехословакии неустанно призывала рабочих, тружеников, всех героических граждан Праги на баррикадные бои, на борьбу за свободу своего народа, за классовое раскрепощение, за республику.

В обращении к народу говорилось: "Граждане! Товарищи рабочие! Усиливайте свои удары по противнику! Пусть каждая ваша пуля достигнет цели! Пусть каждый ваш удар будет местью за смерть брата, сестры, отца, матери! Пусть сегодня ночью на улицах Праги вырастет еще больше баррикад, чтобы не прошел через них ни один немецкий танк, ни один немецкий бандит, чтобы не пробил их ни один снаряд!"

Нельзя было без волнения слушать слова, обращенные к братьям красноармейцам и непосредственно к советским танкистам. Военный совет и политуправление фронта делали все для того, чтобы о волнующих призывах восставшей Праги знал каждый советский солдат, сержант, офицер. Наши воины, сознавая свою высокую ответственность и интернациональный долг, усиливали темпы наступления, спеша на выручку сражавшимся на баррикадах чехословацким патриотам.

Марш с боями через Рудные горы принес много испытаний. Особенно тяжело пришлось водительскому составу. После сильных дождей боевые машины с трудом пробирались по осклизлым и узким горным дорогам. Чуть в сторону — обрыв, бездонная пропасть! Но танкисты, не щадя себя, не зная сна и отдыха, днем и ночью вели машины по труднопроходимым дорогам. Несмотря на сильное сопротивление гитлеровцев и тяжелые условия горной местности, среднесуточные темпы наших танковых войск составляли 50–60 километров. Беспримерный в истории марш-маневр танковых армий потребовал предельного напряжения физических и моральных сил советских воинов.

Вся партийно-политическая работа проводилась под лозунгами: "На помощь братской Праге!", "Завершим разгром фашизма!", "Вперед, на Прагу, вперед, к победе!" Подавляющее число работников политуправления фронта во главе с генералом П. А. Усовым и начальниками отделов полковниками В. И. Суриковым, А. А. Пироговым, Г. Н. Любимовым и Л. А. Дубровицким выехали в войска, чтобы помочь командирам и политорганам выполнить приказ Ставки и командующего фронтом — как можно быстрее освободить Прагу и добить фашистов.

В 3-й гвардейской танковой армии перед началом наступления я невольно явился свидетелем оживленной беседы гвардейцев, собравшихся возле танка, на котором мелом было написано: "Даешь Берлин!"

— Хороший призыв, можно сказать, исторический, — с гордостью сказал командир экипажа. — Но он уже выполнен, и Берлин для нас — пройденный этап. Теперь поставлена новая боевая задача.

Командир танка не без сожаления стер с брони призывные слова о Берлине и размашисто написал: "Вперед, на Прагу!"

Военный совет и политическое управление 1-го Украинского фронта в специальной директиве потребовали от политорганов

"разъяснить всем бойцам и офицерам, что Красная Армия вступила на территорию Чехословакии, чтобы ликвидировать последние очаги сопротивления гитлеровцев и помочь полностью освободить союзную нам Чехословацкую республику от ига гитлеризма… Разъяснять населению освобождаемых от немецкой оккупации районов благородные цели и задачи прихода Красной Армии на территорию Чехословакии. Довести до широких слоев населения высказывания Верховного Главнокомандующего и официальные документы, касающиеся нашего отношения к Чехословакии. Добиться, чтобы каждый гражданин в освобожденных войсками фронта районах Чехословакии знал об освободительных целях Красной Армии.

Оказать всемерную помощь чехословацким властям в ведении массовой политической работы и в культурном обслуживании населения освобожденных городов и сел, для чего проводить беседы с населением, лекции, доклады, митинги, посвященные освобождению Чехословакии от фашистских оккупантов, укреплению советско-чехословацкой дружбы, рассказывать правду об СССР и Красной Армии, разоблачать гитлеровскую пропаганду и ее клевету на Советский Союз"{154}.

В директиве отмечалось, что в ходе войны родился и окреп боевой союз советского и чехословацкого народов и что наши

солдаты, сержанты, офицеры и генералы призваны достойно выполнить почетный интернациональный долг, всегда и везде высоко держать честь и достоинство воина героической Красной Армии освободительницы народов.

В войсках фронта проводились беседы о положении в Чехословакии. Агитаторы рассказывали воинам об образовании Национального фронта чехов и словаков под председательством руководителя Коммунистической партии Клемента Готвальда, о создании в Кошице народно-демократического правительства и провозглашенной им программе социальных преобразований. Это, несомненно, помогло нашим воинам правильно понять политическое положение в Чехословакии и расстановку классовых сил в стране.

Но буржуазные круги западных держав не хотели смириться с тем, что Чехословакия выпадает из их орбиты. Премьер-министр Англии Уинстон Черчилль, как впоследствии стало известно, усиленно склонял президента США Гарри Трумэна к нарушению демаркационной линии, установленной между советскими и англоамериканскими войсками Ялтинской конференцией. Черчилль писал Трумэну о том, что занятие его войсками Праги и как можно большей территории Западной Чехословакии может полностью изменить послевоенное положение в Чехословакии и к тому же повлиять на соседние страны.

В связи с этим вспоминается, с какой вкрадчивой заинтересованностью генерал Омар Брэдли, нанесший нам 5 мая 1945 года официальный визит, расспрашивал И. С. Конева, когда мы начнем наступление и как намерены брать Прагу, выражая желание включить в это дело вверенные ему американские войска и двинуться к Влтаве.

Этого вопроса мы, признаться, ожидали, тем более начальник Генштаба генерал армии А. И. Антонов предупредил нас о том, что командующий союзными войсками генерал Эйзенхауэр уже зондировал почву по поводу продвижения союзных войск к линии Влтава — Эльба и что американцам не терпится как можно дальше продвинуться на восток, включив в сферу своего влияния значительную часть Чехословакии, в том числе и Прагу. Но Советское Главнокомандование не могло согласиться с подобными планами.

Когда Омар Брэдли завел разговор о Чехословакии, Иван Степанович многозначительно переглянулся со мной и с вежливой улыбкой, но довольно твердо предупредил представителя США, что продвижение американских войск к востоку от ранее обусловленной демаркационной линии внесет путаницу, вызовет перемешивание с советскими соединениями и

затруднит маневр наших подвижных войск. А демаркационная линия, напомнил маршал Конев, определена союзным соглашением на Ялтинской конференции, и документ, подписанный главами трех великих держав, военные не правомочны изменять и нарушать. Командующий 12-й армейской американской группой войск генерал О. Брэдли вынужден был признать убедительность наших доводов.

За рубежами родной земли советские полководцы, облеченные высоким доверием партии и правительства, были и политиками, и дипломатами, полномочными представителями великой социалистической державы.

Спеша на помощь восставшей рабочей Праге и громя гитлеровских оккупантов, советские войска сражались за светлое будущее братской страны, перечеркнув черные замыслы международного империализма и внутренней реакции, намеревавшихся повернуть вспять историческое развитие Чехословакии.

Уничтожая и опрокидывая оборонявшиеся фашистские части, наши войска настойчиво преодолевали труднопроходимую местность. Перемахнуть через главный хребет Рудных гор оказалось делом далеко не легким. На подступах к перевалу, окутанному дымкой облаков, натужно гудели двигатели, в радиаторах машин порой закипала вода, то и дело скрипели готовые оборваться тормоза.

Но вот преодолены горные перевалы, и войска 3-й гвардейской танковой армии генерала П. С. Рыбалко, 4-й гвардейской танковой армии генерала Д. Д. Лелюшенко, 3-й гвардейской армии генерала В. Н. Гордова, а также другие объединения и соединения, овладевшие рубежом Рудных гор, вступили на территорию дружественной Чехословакии.

Когда наш передовой отряд освободил город Либерец, из подвалов и погребов показались первые смельчаки, а за ними на улицы высыпали все жители, от мала до велика. Чехи радостно обнимали наших разведчиков-автоматчиков, целовали чумазых от копоти механиков-водителей самоходных артиллерийских установок. Девушки забрасывали воинов-освободителей охапками сирени.

— Наздар, Руда Армада! — раздавались возгласы в честь Красной Армии. Провозглашались здравицы в честь Советского Союза и нерушимой советско-чехословацкой дружбы.

О стихийно возникшем митинге в городе Либерец нам докладывал начальник политотдела соединения тов. Яровой. Трибуной для выступающих служила краснозвездная самоходка, которая первой ворвалась в этот населенный пункт. Чехи

взволнованно благодарили Страну Советов и героическую Красную Армию за освобождение от фашистского ига.

Командир передового отряда кратко поблагодарил чехословацких братьев за теплые слова и сказал, что освобождения от ненавистных фашистов ждут жители других городов и сел Чехословакии, поэтому советским воинам надо без промедления идти в бой и довершить разгром врага.

Раздалась команда: "По машинам!"

И дивизион самоходно-артиллерийских установок совместно с подразделением автоматчиков-десантников двинулся вперед.

В те волнующие дни я тоже не утерпел и, отложив все дела, выехал в первый освобожденный населенный пункт Чехословакии. Здесь я увидел ликующих людей, которые встречали советских воинов хлебом-солью, вручали славным освободителям букеты цветов, выставляли на улицы столы со всевозможной едой, угощали бойцов кто молоком, кто квасом и пивом. Где позволяла обстановка, в селах водружались арки, украшенные приветственными лозунгами, советскими и чехословацкими государственными флагами.

— Трудовой народ Чехословакии, — сказал мне механик-водитель из 53-й гвардейской танковой бригады, — встречает нас с такой же сердечной теплотой, с какой родители встречают любимых сыновей. Такое забыть нельзя. — Танкист посмотрел счастливыми глазами на ликующих людей и продолжил: — Порой становится даже неловко. Мы после боя грязные и пропыленные. Иной механик-водитель выглядит чернее черного, одни лишь зубы сверкают, а празднично одетые люди обнимают, целуют нас и устилают дорогу цветами. Словно мы короли какие!

— В этом ничего удивительного нет, — ответил я. — Звание советского воина несравненно выше королевского. Королям-угнетателям почести оказывались по принуждению, а вас, освободителей Чехословакии и других стран Европы, трудящиеся приветствуют и чествуют по велению души и братского открытого сердца.

О восторженной встрече советских войск в Чехословакии единодушно докладывали Военному совету и политуправлению фронта начальники политотделов 3-й и 4-й гвардейских танковых армий, 3-й и 5-й гвардейских и 13-й общевойсковых армий. Вот некоторые из этих сообщений.

В Горжовице советские части были торжественно встречены населением, вышедшим с красными знаменами и чехословацкими национальными флагами, с оркестрами и транспарантами. Были вывешены лозунги: "Слава Советской России!", "Слава Красной Армии!", "Да здравствует дружба чехословацкого и советского

народов!"

В населенном пункте Тегров чех Владислав, приветствуя наши войска, заявил:

— Мы с нетерпением ждали Красную Армию и были уверены, что вы придете к нам. Мы установили в населенном пункте дежурство, чтобы встретить вас вовремя и поблагодарить русскую армию за освобождение Чехословакии. Я два года сидел в тюрьме. Гитлеровцы обыскали мою квартиру, но хранившейся у меня тайно книги В. И. Ленина "Государство и революция" так и не нашли.

В населенном пункте Сободка советских воинов встретила хлебом-солью старушка Марта Вайтова. Со слезами радости на глазах она от имени собравшихся односельчан взволнованно поблагодарила их за освобождение.

— Шесть лет угнетали нас фашисты, — сказала Марта Вайтова. — Они угоняли наших родных и близких на каторжные работы, закрывали школы. Эсэсовцы убили моего единственного сына. Только вы, наши кровные братья, спасли нас от уничтожения. Мы никогда этого не забудем. Передайте от нас привет Москве.

В населенном пункте Чеховице созданная коммунистами подпольная Народна рада распространила среди жителей чешско-русский разговорник, призвала их организованно встретить Красную Армию. Владельцев пивных заведений она обязала три дня бесплатно угощать пивом всех советских военнослужащих. Мы, разумеется, умерили гостеприимство друзей и попросили не облагать пивоваров таким оброком.

Своеобразно была отмечена наша победа в Млада-Болеславе, где местный священник собрал множество людей и отслужил молебен в честь советских воинов-освободителей, изгнавших гитлеровцев из Чехословакии{155}.

О яркой демонстрации интернационального братства в городе Мосте нам докладывал начальник политотдела 4-й гвардейской танковой армии полковник Н. Т. Кладовой. Советских танкистов горячо и взволнованно благодарили за освобождение не только жители города, но и вызволенные из фашистской каторги поляки, французы, бельгийцы, датчане. В городе Мосте было освобождено также много советских граждан, насильственно угнанных гитлеровцами и превращенных в рабов.

Начальник политотдела сообщал о трогательной встрече на одной из фронтовых дорог с молодой чешской патриоткой, вышедшей приветствовать гвардейцев-танкистов с алым стягом.

— В условиях фашистского террора я несколько лет берегла красный флаг как символ грядущей свободы, как символ

интернационализма, — сказала она. Красный стяг дорог народам Чехословакии, как и трудящимся Советского Союза.

Подобные волнующие встречи проходили повсеместно, на всех маршрутах и колонных путях, во всех городах и селах братской Чехословакии. Но задерживаться долго мы не могли, ибо от времени зависел боевой успех. Командиры, возглавляющие передовые отряды, политработники танковых частей вежливо благодарили местное население за радушный прием и стремились всемерно сократить срок пребывания наших передовых частей в населенных пунктах, ускорить боевой марш авангарда. Главный объем массовой политической работы среди чехословацкого населения выполняли в более благоприятной обстановке политработники, партийный и комсомольский актив, агитаторы вторых эшелонов. Так, например, в Усти-на-Лабе мощные громкоговорящие установки политотдела 5-й гвардейской армии на улицах и площадях города в течение двух дней передавали сводки Совинформбюро, последние известия и различные пропагандистские материалы. Поарм организовал демонстрацию советских кинофильмов, выступление коллективов красноармейской самодеятельности. Инструктор политотдела армии тов. Кипятков сделал доклад об освободительной миссии Красной Армии. На докладе присутствовало около полутора тысяч жителей города Усти-на-Лабе и близлежащих деревень{156}.

И так было всюду. А боевые части, наши передовые отряды, не задерживаясь, продолжали выполнять возложенные на них задачи и развивали наступление.

В Военный совет фронта поступали тревожные данные воздушной разведки и другая оперативная информация, подтверждающая принятое экстренное радиосообщение о том, что гитлеровцы наступают на Прагу со всех сторон, намереваясь задушить восстание трудящихся, руководимых Коммунистической партией Чехословакии. Мы прекрасно понимали, что восставшая Прага, важный узел коммуникаций, закрывала последней, но многочисленной группировке немецко-фашистских войск все пути на запад. Вот почему недобитые эсэсовцы, запятнавшие себя кровавыми преступлениями гитлеровцы и их прихвостни с ожесточением обрушились на рабочую Прагу, стремясь во что бы то ни стало пробиться к англо-американцам.

Зная, как трудно приходится восставшим пражанам, правильно оценивая сложившуюся обстановку, командиры, политработники и все воины наращивали и без того высокий темп наступления.

Из показаний многих военнопленных стало известно, что командующий группой немецко-фашистских армий «Центр» генерал-фельдмаршал Шернер и его штаб скрывают от немецких солдат, унтер-офицеров и офицеров факт подписания германским командованием акта о полной и безоговорочной капитуляции. Более того, пленные говорили, что им зачитывали приказ Шернера, обязывающий не поддаваться красной пропаганде, не верить ложным слухам о капитуляции Германии и сражаться с большевиками до последнего. Об американцах и англичанах в приказе Шернера ничего не говорилось, зато всячески варьировались «ужасы» Сибири и русского возмездия.

Чтобы в какой-то мере локализовать демагогические ухищрения преступной фашистской клики и избежать напрасного кровопролития, политуправление фронта по заданию Военного совета в ночь на 9 мая напечатало листовку на немецком языке, оповещавшую войска противника о только что подписанном в Берлине акте о безоговорочной капитуляции всех вооруженных сил Германии на суше, на море и в воздухе. Оперативность в данном случае была проявлена небывалая. Листовки разбросали с самолетов над группировкой Шернера. Это оказало воздействие на определенную часть немецких солдат, узнавших, что война закончена и продолжать боевые действия бессмысленно. Листовка извещала, что повсеместно, на всех фронтах начался массовый прием пленных немецких солдат и офицеров.

Лишь в Чехословакии от капитуляции уклонялась довольно значительная группировка Шернера. Как выяснилось, это произошло не столько из-за сумасбродства упомянутого фельдмаршала, сколько в результате темных закулисных махинаций временного фашистского правительства адмирала Деница. Известную роль сыграло и вероломное поведение реакционных кругов Запада. Позднее это подтвердилось документально. Соглашаясь на капитуляцию немецких войск, глава временного правительства разгромленного фашистского рейха Дениц тайно отдал Шернеру приказ следующего содержания: "Задача состоит в том, чтобы отвести на запад возможно большее количество войск, действующих на Восточном фронте, пробиваясь при этом в случае необходимости с боем через расположение советских войск. Немедленно прекратить какие бы то ни было боевые действия против англоамериканских войск и… сдаваться им в плен"{157}.

Для «разъяснения» подобной «капитуляции», носившей явно односторонний, прозападный характер, в штаб группы немецко-фашистских армий «Центр» еще 7 мая был направлен самолетом офицер генштаба полковник Мейер-Детринг, передавший

требование "как можно дольше продолжать борьбу против советских войск, ибо только при этом условии многочисленные части немецкой армии смогут выиграть время для того, чтобы пробиться на запад к союзникам"{158}.

Однако посланец Деница предпринял неблаговидный вояж явно не вовремя, так как штаб группы немецко-фашистских армий «Центр» в районе Жатеца был внезапно атакован прорвавшимися туда частями 5-го гвардейского механизированного корпуса генерала И. П. Ермакова. Особенно отличилась в этом бою 10-я гвардейская мехбригада полковника В. Н. Буслаева, разгромившая штаб и захватившая в плен девять гитлеровских генералов, много старших офицеров и важные документы. Сокрушительный удар наших танкистов нарушил управление армиями и соединениями группы Шернера. К сожалению, ретивого фельдмаршала захватить не удалось. Он, как стало известно позже, бросил войска и поспешил улизнуть к американцам. По настоянию Советского правительства Шернер, известный своими кровавыми преступлениями, был выдан нам и предан суду военного трибунала СССР.

Но вернемся к событиям победного мая 1945 года. На помощь восставшей Праге спешили подвижные войска 1, 4 и 2-го Украинских фронтов. В составе 38-й армии стремительно продвигалась к родной столице и 1-я отдельная чехословацкая танковая бригада.

В ходе завершающейся операции Великой Отечественной войны советские войска, выполнявшие интернациональный долг, делали все возможное и невозможное. В ночь на 9 мая наши танкисты совершили беспримерный в истории 80-километровый марш-маневр, и на рассвете 63-я гвардейская добровольческая танковая Челябинско-Петраковская Краснознаменная бригада под командованием гвардии полковника М. Г. Фомичева вступила в Прагу,

Несшие боевое дежурство на баррикадах чешские повстанцы несказанно были обрадованы, когда появились краснозвездные танки. В результате глубокого обходного маневра они вышли к Праге неожиданно с северо-запада. С приветственными возгласами "Наздар!" и со слезами радости на глазах повстанцы крепко обнимали советских воинов, горячо благодарили за спасение Праги от разрушения, а защитников баррикад — от гибели, ибо озверевшие эсэсовцы не щадили никого. Отовсюду неслись восторженные возгласы: "Да здравствует Красная Армия!", "Да здравствует братская Москва!", "С Советским Союзом на вечные времена!"

Легендарный танк № 23, который первым с северо-запада

ворвался в Прагу, ныне стоит в столице Чехословакии на гранитном постаменте как символ братства, свободы и великой победы. Механик-водитель Илья Григорьевич Шкловский, тяжело раненный в этом последнем бою, после пребывания в госпитале обосновался в Казахстане, работал на железнодорожном транспорте. Командир орудия Павел Григорьевич Батырев вернулся на родину, в Сусанине, Костромской области, а заряжающий Николай Семенович Ковригин некоторое время работал ветеринарным фельдшером в Куйбышевской области. Сержант Александр Николаевич Филиппов после демобилизации приехал в Москву, стал слесарем седьмого разряда. Все они в послевоенные годы побывали в качестве почетных гостей в Злате Праге. Встречаясь с жителями города, они рассказывали о том, как они ворвались на танке в столицу Чехословакии, как встретились с повстанцами, а затем по незнакомым улицам двинулись к центру Праги. Вот отрывок из коллективной корреспонденции членов экипажа, в свое время опубликованной в газете:

"Двигаемся вперед. На наш танк № 23 пересаживается чех — проводник, который до этого был на машине командира взвода. Тогда мы не узнали имени этого мужественного человека. Только сейчас, спустя много лет, нам стало известно — это был Франтишек Соучек. Он живет в городе Пардубице.

По крутому спуску двигались мы к Влтаве, чтобы захватить мосты и не дать отступающим гитлеровцам их разрушить. Наш танк на подходе к реке оказался головным. И вот здесь, вблизи Манесова моста, мы приняли свой последний бой.

Две замаскированные самоходки врага открыли огонь. Остальные танки еще не подошли. Командир орудия Павел Батырев начал ответный огонь. Ему помогал заряжающий Николай Ковригин. Завязалась артиллерийская дуэль.

Одна из болванок угодила в башню. Наш командир лейтенант Иван Григорьевич Гончаренко замертво упал. Батырев продолжал стрельбу и накрыл одну самоходку. Но вторым вражеским снарядом были тяжело ранены механик-водитель И. Шкловский и находившийся на борту машины чех Франтишек Соучек. Третьим снарядом врага поражен Александр Филиппов, также получивший тяжелое ранение. Почти одновременно контузило и Ковригина".

Так окончился последний бой героического экипажа, командир которого гвардии лейтенант Иван Григорьевич Гончаренко пал смертью храбрых, а остальные воины были ранены в этом бою на пражской земле. Они выполнили поставленную перед ними задачу, помешали противнику взорвать

мост. Подоспевшие танкисты подразделения старшего лейтенанта В. Т. Полегенького закрепили успех, захватили переправу и, прорвавшись на противоположный берег, тоже устремились к центру столицы Чехословакии.

Засевшие в подвалах и на чердаках каменных зданий недобитые гитлеровцы упорно оборонялись. Ожесточенными были бои на подступах к пражскому Кремлю. Вместе с советскими автоматчиками и чехословацкими повстанцами туда первым прорвался танковый экипаж гвардии лейтенанта Чередниченко из 63-й гвардейской танковой бригады.

Почти одновременно в Прагу вступили 62-я гвардейская танковая бригада и 70-я гвардейская самоходно-артиллерийская бригада, входившие в состав 10-го гвардейского добровольческого танкового Уральского корпуса, которым командовал генерал Е. Е. Белов.

Наши подвижные части, выполнявшие глубокий обходный маневр, вступали в Прагу с разных сторон. В числе первых с боями ворвался в столицу Чехословакии передовой отряд 3-й гвардейской танковой армии, возглавляемый генералом И. Г. Зиберовым. Примерно в то же время в город вошли 69-я механизированная бригада полковника И. Ваганова, 54-я гвардейская танковая бригада полковника И. И. Чугункова, 16-я самоходно-артиллерийская бригада и другие части.

Среди общевойсковых объединений фронта первыми вступили в столицу Чехословакии 13-я армия генерала Н. П. Пухова и 3-я гвардейская армия под командованием генерала В Н. Гордова.

Утром 9 мая 194 5 года штаб фронта принял по радио первые отрывочные донесения о том, что наши подвижные войска вступили в Прагу и что завершается очищение города от немецко-фашистских захватчиков. А потом долго не поступало никаких известий. В эфире — разноязычная какофония, вызванная естественными и искусственными радиопомехами. Радисты штаба фронта долго не могли связаться с нашими передовыми частями, находившимися за высокими Рудными горами на большом удалении. А для донесения в Ставку, для сводки Совинформбюро и приказа Верховного Главнокомандующего требовались более подробные сведения о точном времени вступления наших войск в столицу Чехословакии, об отличившихся соединениях, захваченных трофеях и пленных.

Прочитав составленный штабом фронта проект оперативного донесения, Иван Степанович Конев отодвинул бумагу в сторону и сказал:

— Я никогда не доношу того, о чем сам плохо знаю. Погодите

бить в литавры и сочинять победные реляции. Возможно, и не мы первыми вступили в Прагу. Прочтите вот это любопытное сообщение.

Конев протянул мне радиограмму, в которой лаконично сообщалось: "Нахожусь в Праге. Еременко".

— Стало быть, там уже Четвертый Украинский фронт? — удивился я. — Когда же успели войска Еременко преодолеть такое огромное расстояние? Мы находились значительно ближе к Праге, чем они, и наши танкисты совершили за ночь чуть ли не стокилометровый бросок…

— Мне тоже не верится, — добавил начальник штаба фронта генерал И. Е Петров.

— Я и сам не пойму, хотя на войне всякое бывает, — недоуменно пожал плечами Иван Степанович. — Произошло какое то недоразумение. Штабу фронта надо срочно собрать исчерпывающие данные об освобождении столицы Чехословакии. Верховный не терпит неточностей и неясностей.

Генерал армии И. Е. Петров по ВЧ дал Генштабу предварительную устную информацию о броске наших танкистов к Праге и о непрекращающемся сопротивлении группировки Шернера. Одновременно он обязал 2-ю воздушную армию немедленно выслать в Прагу несколько разведывательных самолетов. По заданию Военного совета мы направили туда и корреспондента «Правды» Бориса Полевого. По настоятельной просьбе последнего маршал Конев предоставил «правдисту» самолет с условием, что и Борис Полевой доставит объективную информацию о положении дел в столице братской Чехословакии.

Но ни один самолет из Праги к двум часам дня не вернулся, никаких сигналов оттуда не поступало. Оказывается, всех наших летчиков, всех наших посланцев пражане встречали с таким ликованием, что вырваться из их братских объятий, проехать по запруженным народными массами улицам и добраться до какой-либо армейской штабной радиостанции, чтобы передать сообщение, было прямо-таки невозможно.

Вот как Борис Полевой описал в «Правде» свое необычное воздушное путешествие в столицу братской Чехословакии: "Приземление немудреного нашего самолета на аэродроме неожиданно вызывает триумф. Это первый самолет Красной Армии, севший здесь, и нам, как представителям Красной Армии, приходится принять адресованные ей восторги и уважение праздничной, шумной пражской толпы, в несколько минут сбежавшейся сюда.

И уже тут, на пражском аэродроме, ощущаешь во всей мощи и полноте то чудесное, восторженное отношение, которое питают к

Красной Армии народы, освобожденные от фашистской оккупации, и чувством невольной гордости наполняется сердце за свое советское гражданство, за свой русский офицерский мундир. Девушки протягивают нам букеты цветов, какие-то очень солидные и радостно оживленные люди протягивают записные книжки, требуя автографов.

Нам долго, вероятно, не вырваться из окружения этой толпы, если бы не патруль из местных партизан с трехцветными повязками.

У группы наших танков такая большая толпа, что по улице прекратилось движение. Огромные стальные машины, как потом, покрытые маслом и пылью, украшены венками, лентами. Смущенные, улыбающиеся танкисты едва успевают отвечать на рукопожатия и принимать новые и новые букеты цветов. И тут же на гусеницах, отполированных долгими переходами, целая выставка съестного корзиночки с яблоками и солеными помидорами, бутылками с молоком, кругленькие какие-то пирожки и зеленые сырки.

— Вот попали в окружение-то! — скалит белые зубы танкист. — Говорим им: не надо, сыты мы вот так, Нет, несут и несут…

Я задал нескольким пражанам вопрос, что хотели бы они сказать через «Правду» советским людям в день освобождения их родного города,

— Я хочу сказать, что мгновение, когда я увидела на дороге у Влтавы колонну ваших танков, было самым счастливым за все годы моей жизни, заявила студентка Пражского университета.

— Если бы это было можно, я перецеловала бы всех солдат и офицеров Красной Армии за то, что они освободили мою Прагу, — под общий дружный и одобрительный смех сказала работница пражского трамвая"{159}.

Во второй половине дня Рыбалко и Лелюшенко подробно доложили по радио Коневу о результатах ночного марш-маневра танковых соединений и об освобождении столицы Чехословакии.

Забавная история произошла и с радиограммой Еременко, взволновавшей Конева. Выяснилось, что радировал о своем благополучном прибытии в Прагу не командующий 4-м Украинским фронтом, а его однофамилец полковник Еременко, оперативный работник штаба 3-й гвардейской танковой армии.

Как было уточнено, 9 мая 1945 года в первой половине дня в столицу Чехословакии с северо-востока вошла подвижная группа 4-го Украинского фронта, возглавляемая генералом армии Г. Ф. Захаровым, а с востока пробилась подвижная группа 38-й армии того же фронта. В ее составе действовала, как я уже сообщал

ранее, 1-я отдельная чехословацкая танковая бригада. Вместе с командармом К. С. Москаленко, возглавлявшим эту подвижную группу, с передовыми частями вошел в Прагу член Военного совета 38-й армии генерал А. А. Епишев.

Во второй половине дня 9 мая 1945 года в столицу Чехословакии вошла и подвижная группа 2-го Украинского фронта. Так было нанесено сокрушительное поражение последней крупной группировке гитлеровцев, хотя разрозненные ее остатки продолжали упорно сопротивляться.

Над древним кремлем у Влтавы вместе с красным знаменем свободы взвился национальный флаг Чехословакии. Советская Армия с честью выполнила свой интернациональный долг. Она избавила братский народ от фашистского ига, помогла ему снова обрести свободу и воссоздать попранное гитлеровцами независимое национальное государство.

День 9 мая 1945 года, до предела наполненный всевозможными хлопотами, связанными с завершением операции, пролетел быстро. Диктор Левитан торжественно и проникновенно объявил, что в 19 часов 50 минут будет передано важное сообщение. Маршал Конев поднялся из-за стола и в каком-то необычном возбуждении зашагал по кабинету. Как мы и предполагали, передавался приказ Верховного Главнокомандующего. В нем говорилось, что войска 1-го Украинского фронта в результате стремительного ночного маневра танковых соединений и пехоты сломили сопротивление противника и 9 мая 1945 года в 4 часа утра освободили от немецко-фашистских захватчиков столицу союзной нам Чехословакии — город Прага. В приказе отмечались отличившиеся войска 3-й гвардейской армии генерал-полковника В. Н. Гордова, 13-й армии генерал-полковника Н. П. Пухова, 5-й гвардейской армии генерал-полковника А. С. Жадова, 3-й гвардейской танковой армии генерал-полковника П. С. Рыбалко, 4-й гвардейской танковой армии генерал-полковника Д. Д. Лелюшенко, 2-й воздушной армии генерал-полковника С. А. Красовского, а также другие части и соединения.

В 20 часов загремели победные залпы. Прислушиваясь к ним, Иван Степанович сказал собравшимся в его кабинете членам Военного совета:

— Поздравляю вас, товарищи, с завершением последней операции Великой Отечественной войны. — И, слегка улыбнувшись, добавил: — Салюты отгремели, а боевая работа еще продолжается. Эсэсовцы и прочая фанатичная сволочь во главе с Шернером сдаваться нам не желают, рвутся на запад. Еще немало гитлеровцев продолжают драться. Придется стукнуть их

по-расейски, во всю нашу силушку, чтобы пощады запросили.

Прошло немного времени, и в эфире снова послышались мелодичные позывные Москвы. Затем диктор возвестил, что в 21 час по радио выступит Председатель Государственного Комитета Обороны И. В. Сталин.

В отличие от диктора, говорившего приподнято-вдохновенно, Верховный Главнокомандующий необыкновенно просто и спокойно сообщил о событии всемирно-исторического значения — о победоносном завершении Великой Отечественной войны и разгроме фашистской Германии. Он сказал, что после подписания 7 мая 1945 года в городе Реймсе предварительного протокола 8 мая представители немецкого командования в присутствии представителей Верховного Главнокомандования советских войск и Верховного Командования союзных войск подписали в Берлине окончательный акт капитуляции, исполнение которого началось с 24 часов 8 мая 1945 года.

— Зная волчью повадку немецких заправил, считающих договора и соглашения пустой бумажкой, — заметил Сталин, — мы не имеем основания верить им на слово.

Однако сегодня с утра немецкие войска во исполнение акта капитуляции стали в массовом порядке складывать оружие и сдаваться в плен нашим войскам{160}.

После этих слов Иван Степанович Конев многозначительно крякнул и с досадой произнес:

— Конечно, войска Шернера потрепаны, но они еще дерутся. Боевые действия у нас не кончились.

Верховный Главнокомандующий не умолчал и об этом, откровенно сказав советскому народу, что группа немецко-фашистских войск в районе Чехословакии все еще сопротивляется и уклоняется от капитуляции.

— Но я надеюсь, — сказал Сталин, — что Красной Армии удастся привести ее в чувство. Теперь мы можем с полным основанием заявить, что наступил исторический день окончательного разгрома Германии, день великой победы нашего народа над германским империализмом. Великие жертвы, принесенные нами во имя свободы и независимости нашей Родины, неисчислимые лишения и страдания, пережитые нашим народом в ходе войны, напряженный труд в тылу и на фронте, отданный на алтарь Отечества, — не прошли даром и увенчались полной победой над врагом{161}.

Потом был объявлен приказ Верховного Главнокомандующего войскам Красной Армии и Военно-Морскому Флоту, а в 22 часа 9 мая 1945 года в ознаменование полной победы над фашистской Германией прогремел последний салют из тысячи орудий, самый

мощный и внушительный салют за всю историю Великой Отечественной войны. Салютовали не только в столице, но и на всех фронтах, на всех флотах, во всех войсковых частях.

Не остался в стороне и личный состав штаба и управлений 1-го Украинского фронта. В тот день проходила наша последняя в Отечественной войне передислокация, и все, кто уже прибыл в пригород Дрездена — Радебёйль, высыпали на улицы и подняли неистовую пальбу изо всех видов отечественного и трофейного оружия. Взлетали снопы ракет, строчили счетверенные зенитные пулеметы и неумолкаемо трещали автоматы. Праздничное возбуждение и ликование долго не утихало. А на рассвете мы с Коневым выехали в освобожденную советскими войсками столицу братской Чехословакии. Злата Прага встретила нас цветущими каштанами и бурным ликованием народных масс. На улицы и площади столицы вышли все — и стар, и млад. Трудящиеся восторженно приветствовали командующего войсками 1-го Украинского фронта Маршала Советского Союза И. С. Конева и других военачальников, усыпали цветами путь, по которому следовали машины с советскими воинами-освободителями. На многих зданиях развевались чехословацкие национальные флаги и красные стяги Советского Союза. Отовсюду неслись возгласы: "Наздар, Руда Армада!", "Слава советским воинам-освободителям!", "Да здравствует СССР!", "Москва и Прага — дружба на вечные часы!" (на вечные времена).

Было много радостных встреч, бесед, воспоминаний. Пражане и советские воины праздновали всемирно-историческую победу над кровавым фашизмом.

Начальником пражского гарнизона командующий фронтом назначил генерала В. Н. Гордова, а комендантом города — генерал-майора Парамзина. Маршал Советского Союза И. С. Конев обязал их, а также командармов, чьи войска дислоцировались в Праге и ее окрестностях, прочесать, как он выразился, "частым гребешком" все чердаки и подвалы города, полностью обезвредить столицу Чехословакии от фашистских диверсантов. Он предложил поддерживать контакт с вооруженными отрядами чехословацких рабочих и вместе с ними осуществить эту боевую акцию.

Командующий войсками 1-го Украинского фронта Маршал Советского Союза И. С. Конев еще заранее предупредил начальника гарнизона, командармов и членов военных советов армий, что он уже послал в Кошицу специальный самолет и надобно сердечно, с отданием воинских почестей встретить правительство Чехословацкой республики, власть которого распространяется на всю освобожденную территорию.

Маршал Конев распорядился в наикратчайший срок завершить работы по разминированию городских кварталов. Стремительный марш-маневр наших подвижных войск, как известно, спас трудящихся Чехословакии от массовых расстрелов и бесчинств эсэсовских палачей. Теперь перед советскими воинами стояла задача полностью спасти Злату Прагу от разрушения, перечеркнуть подлый план гитлеровцев по уничтожению объектов города замаскированными минами, фугасами и другими взрывоопасными веществами замедленного действия с часовыми замыкателями и прочими коварными «сюрпризами».

При разминировании важных объектов Праги особо отличился 2-й отдельный Келецкий орденов Богдана Хмельницкого и Александра Невского полк спецслужбы, которым командовал полковник В. Я. Покровский. Воины части обезвредили и сняли тысячи взрывных заграждений, в том числе в пластмассовой, деревянной, стеклянной и бумаго-картонной оболочке, укрытых подчас на значительной глубине. Подобные работы в больших масштабах выполняли и другие инженерные части фронта.

Когда мы были в Праге, нам сообщили радостную весть о том, что сохранилось историческое здание, где в 1912 году под председательством В. И. Ленина проходила VI (Пражская) Всероссийская конференция РСДРП. Вместе с И. С. Коневым и другими генералами мы направились на Гибернскую улицу. У длинного серого здания уже собралась большая группа солдат, сержантов и офицеров. Они с огромным вниманием слушали рассказ убеленного сединами чеха о событиях далекого 1912 года. Ветеран пояснил, что в то время в здании Народного дома находились типография и администрация легального социал-демократического органа "Право Лиду". Большевики-ленинцы, подвергавшиеся жестоким преследованиям, добирались до Праги с большим риском для жизни.

С чувством большого волнения мы поднялись на второй этаж Народного дома, где в скромной комнате с 5 по 17 (с 18 по 30) января 1912 года под руководством В. И. Ленина проходила VI (Пражская) Всероссийская конференция РСДРП, изгнавшая меньшевиков-ликвидаторов из партии, укрепившая большевистские ряды и повысившая боеспособность марксистской пролетарской партии нового типа. Это имело огромное значение для развития революционного движения.

В исторической комнате на столике, покрытом кумачом, уже стоял бюст Владимира Ильича, подаренный чешским товарищам походным красноармейским клубом. В победном 194.5 году здесь,

в Ленинском зале, была развернута экспозиция, посвященная Пражской конференции РСДРП. Ее посещали трудящиеся Чехословакии, воины 1, 2 и 4-го Украинских фронтов. Ныне в Праге в здании Народного дома на Гибернской улице находится созданный по решению Центрального Комитета Коммунистической партии Чехословакии Музей В. И. Ленина. Первую запись в книге посетителей сделал Клемент Готвальд. Он написал: "Пусть Музей В. И. Ленина будет школой коммунизма для миллионов наших людей".

В победные майские дни 1945 года, а потом и позже, в 1946–1947 годах, мне неоднократно приходилось встречаться и беседовать с выдающимся деятелем международного рабочего движения Генеральным секретарем Коммунистической партии Чехословакии Клементом Готвальдом. Он всегда держался необыкновенно просто, ничем не выделял себя, в разговоре был нетороплив, по-государственному мудр. Чувствовалось, что он умеет глубоко и всесторонне, с классовых, марксистско-ленинских позиции анализировать самые сложные процессы общественной жизни. Клемент Готвальд рассказывал, как разрабатывалась Кошицкая правительственная программа, как внутренняя и международная реакция противилась ее принятию, пытаясь повернуть страну на буржуазный путь развития.

Коммунистическая партия Чехословакии, возглавляемая Клементом Готвальдом, стремилась полностью использовать благоприятные условия, сложившиеся в результате разгрома гитлеровской Германии, и в победном 1945 году мобилизовала трудящиеся массы на претворение в жизнь Кошицкой правительственной программы, на строительство новой жизни. В нерушимой дружбе с советским народом, в братском союзе с СССР Коммунистическая партия Чехословакии видела гарантию национальной независимости и государственной самостоятельности Чехословакии, залог успехов социальных преобразований. Провозглашенный выдающимся интернационалистом-ленинцем Клементом Готвальдом девиз "С Советским Союзом на вечные времена!" и поныне является основой внешней политики Чехословакии и жизненным принципом братского народа.

Разработанная по инициативе К. Готвальда Кошицкая правительственная программа была воспринята трудящимися страны как подлинно народная программа. Она сыграла огромную роль и в организации чехословацкой Народной армии.

Вспоминается одна из моих встреч и бесед с выдающимся руководителем чехословацких коммунистов товарищем Клементом Готвальдом в советском посольстве в Праге. В беседе

также принимал участие Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР в Чехословакии В. А. Зорин.

Зная хорошо боевой путь чехословацкого отдельного батальона, отдельной бригады, а потом и отдельного чехословацкого армейского корпуса, я поделился воспоминаниями и впечатлениями о совместных боевых действиях под Киевом, Белой Церковью и в районе Дуклинского перевала, где бойцы чехословацкого корпуса под командованием генерала Людвика Свободы вступили на свою родную землю. Мы вспоминали, как чехословацкие воины в боевом содружестве с Красной Армией, в частности с войсками 1-го Украинского фронта, сражались с немецко-фашистскими захватчиками, как они мужали в боях, обретали ратный опыт, стойко и отважно дрались с ненавистным врагом, как росла и крепла боевая дружба советских и чехословацких воинов, скрепленная кровью лучших сынов двух братских народов.

Клемент Готвальд слушал меня внимательно, а потом сказал примерно так:

— Мы, коммунисты, рассматриваем чехословацкий корпус как надежную основу и фундамент строительства вооруженных сил республики. Из состава корпуса мы черпаем и будем черпать кадры для новой армии. Эти кадры закалены в многолетней борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, проверены в боях и на деле показали себя воинами-интернационалистами, воинами-патриотами. Они впитали в себя все лучшее, что имеет Красная Армия, армия самого передового в мире общественного и государственного строя. Коммунистическая партия Чехословакии, — продолжал Клемент Готвальд, — дает достойный отпор реакционным деятелям из буржуазного лагеря и делает все необходимое для того, чтобы вооруженные силы Чехословакии строились на основе ленинских принципов, по образу и подобию Красной Армии — армии нового типа. Освобожденной от фашизма Чехословакии нужны вооруженные силы, беззаветно преданные рабочему классу, трудовому народу республики, идеям социализма и коммунизма, ибо трудящиеся Чехословакии взяли курс на народно-демократическую революцию, на последовательное осуществление социалистических преобразований.

Как бы ни бешенствовали наши классовые враги и буржуазные политиканы, какие бы козни ни строил международный империализм, трудящиеся страны во главе с Коммунистической партией Чехословакии никому и никогда не позволят свернуть с нашего генерального курса, определившего справедливое будущее страны и отвечающего чаяниям народных

масс, — с твердой убежденностью заключил Клемент Готвальд.

Я весьма горд тем, что был знаком с мужественным и несгибаемым революционером ленинской школы Клементом Готвальдом. Встречи и беседы с ним оставили у меня неизгладимое впечатление.

Не могу не вспомнить о генерале Люд вике Свободе, которого знал с 1943 года. Чехословацкий отдельный батальон, бригада, а потом чехословацкий армейский корпус, которыми последовательно командовал Л. Свобода, входили в состав Воронежского, позднее — 1-го Украинского фронта. После боев на Дукле 1-й чехословацкий армейский корпус был передан в состав 4-го Украинского фронта.

С прославленным генералом мне довелось встречаться и в Великую Отечественную войну, и в послевоенные годы. Всегда, на любом посту он оставался испытанным борцом КПЧ, мудрым государственным деятелем, мужественным патриотом и интернационалистом, большим другом Советского Союза.

8 ходе Пражской наступательной операции Советские Вооруженные Силы с честью и славой завершили выполнение исторической освободительной миссии в Европе, протянув руку братской помощи восставшим пражанам. В этой операции наиболее ярко воплотились ленинские принципы интернационализма и боевого содружества братских армий. Вместе с 1, 4 и 2 м Украинскими фронтами громили последнюю сопротивляющуюся группировку немецко-фашистских войск 1-й отдельный чехословацкий армейский корпус, 2-я армия Войска Польского и румынские соединения Боевое содружество вооруженных сил братских стран, рожденное и закалившееся в огне борьбы против фашизма, еще более окрепло и упрочилось в организации Варшавского Договора, воплощающего неразрывное единство национальных и интернациональных задач и обеспечивающего надежную защиту завоеваний социализма.

9 и 10 мая ликовала вся Советская страна, ликовала освобожденная Прага, праздновал победу над темными силами фашизма весь мир, а войска 1, 2 и 4-го Украинских фронтов продолжали вести бои с остатками двух групп немецко-фашистских армий «Центр» и «Австрия». Порой бои достигали большого ожесточения. Вражеские части и сводные боевые группы, составленные главным образом из недобитых эсэсовцев, неистово, со слепой яростью пробивались на запад, норовя любыми путями и средствами улизнуть в американскую зону.

Великая Отечественная война, длившаяся почти четыре года, потребовала много человеческих жертв, но вдвойне труднее солдату идти на бой, на подвиг и на смерть, когда он знает, что

все главные испытания остались позади и на земле наступил долгожданный мир. В этой сложной и необычной обстановке политически обеспечивать боевые действия было нелегко. Командиры и политработники снова напоминали воинам наш боевой девиз: "Если враг не сдается, его уничтожают!" Агитаторы разъясняли солдатам, что в плотном кольце наших войск в бессильной ярости мечутся злобные враги человечества, чьи руки обагрены кровью замученных женщин, детей и стариков. Ненависть к эсэсовским палачам и факельщикам, превратившим многие города и села в руины, была огромна, и это умножало силу наших ударов.

Но ненависть к врагу не была слепой. Обогащенные многолетним опытом Великой Отечественной войны солдаты, сержанты и офицеры обрели политическую зрелость и житейскую мудрость, научились распознавать, кто злобный враг, а кто обманут нацистской пропагандой и готов при первом удобном случае сложить оружие.

Над окруженной группировкой противника и над блуждающими котлами наши самолеты сбрасывали листовки с текстом акта о безоговорочной капитуляции фашистской Германии. В последних листовках этот документ был дополнен сообщениями о том, что уже сложили оружие курляндская группировка и группа войск «Нарвик», что капитулировали войска противника восточнее Данцига, на Балтийской косе, на датском острове Борнхольм и на других участках советско-германского фронта и что сопротивление остатков группы армий «Центр» в высшей степени бессмысленно, ибо оно неизбежно будет раздавлено всей мощью Советской Армии.

Наша печатная и устная пропаганда при усиливающихся ударах оказывала все большее воздействие на противника.

В итоге наши подвижные части окружили остатки группы немецко-фашистских армий «Центр» и перекрыли все переправы через Эльбу и другие реки. 20 мая войска 1-го Украинского фронта вошли в соприкосновение с союзниками на линии Хемниц, Рокицани.

Все попытки гитлеровцев прорваться к переправам пресекались сокрушительными залпами наших грозных «катюш», ствольной артиллерии, смертоносными штурмовыми ударами авиации, атаками танков. 9 мая ведомый прославленного аса А. И. Покрышкина Герой Советского Союза Г. Голубев сбил над Прагой один из последних вражеских самолетов. Завершающий штурмовой удар по прорывавшейся на запад вражеской колонне 11 мая нанесла группа самолетов Ил-2, ведомая Героем Советского Союза В. А. Рогожиным. Всего за время Великой

Отечественной войны 2-я воздушная армия под командованием генерала С. А. Красовского совершила 348 тысяч боевых вылетов.

Войсками фронта были захвачены в плен генерал-лейтенант Эрнст Зилер, генерал артиллерии Мозер, генерал-лейтенант Эрнст Хитцегр, выполнявший особые поручения фашистского министерства протектората Чехии и Моравии, а также полтора десятка других генералов.

Не ушел от справедливого народного суда и гнусный предатель Власов. Он был захвачен воинами славного 25-танкового корпуса генерала Е. И. Фоминых (начальник политотдела полковник П. М. Елисеев). Части корпуса, и прежде всего 162-я танковая бригада, которой командовал полковник И. П. Мищенко, неотступно преследовали разгромленные эсэсовские части и подразделения так называемой РОА изменника Родины Власова.

К полудню 12 мая 1945 года части 25-го танкового корпуса Е. И. Фоминых вышли на западную окраину Клатовы и в район Непомука. Командир корпуса приказал на основных направлениях, узлах дорог и переправах выставить засады, пикеты и вести разведку с задачей обнаружения частей СС и власовцев.

Вскоре было установлено, что в окрестностях населенного пункта Брежи находится штаб Власова.

Поскольку в мемуарной литературе об их пленении говорится по-разному, я приведу выдержку из боевого донесения командира 25-го танкового корпуса генерала Е. И. Фоминых: "В 16.00 12.5.45 г. командир 162-й танковой бригады полковник И. П. Мищенко поставил задачу командиру батальона капитану М. И. Якушеву направиться в расположение 1-й дивизии РОА и взять в плен Власова с его штабом и командиром дивизии Буяниченко.

Южнее 2 км Брежи капитан Якушев встретил командира батальона из 1-й дивизии РОА капитана Кучинского, который показал, что впереди следует колонна легковых автомашин со штабом дивизии, где находится и сам Власов.

Капитан Якушев обогнал колонну и машиной загородил дорогу… После первого осмотра тов. Якушев не обнаружил Власова, но один из офицеров показал на машину, в которой находился Власов.

Подойдя к упомянутой машине, тов. Якушев обнаружил прикрывавшегося одеялом и ковро и заслоненного сидевшими в машине переводчиком и женщиной предателя Власова.

Приказание тов. Якушева сойти с машины и следовать за ним в штаб 162-й танковой бригады Власов выполнить отказался, мотивируя тем, что он едет в штаб американской армии.

Только под угрозой расстрела Власов подчинился и сел в машину Якушева, но в пути сделал попытку выпрыгнуть из машины и был снова задержан…

Через 2 дня, 15.5.45 г., были взяты командир 1-й дивизии РОА Буяниченко, начальник штаба дивизии Николаев, офицер для особых поручений Ольховик, личный переводчик Власова Весслер"{162}.

Трудно словами передать то неодолимое чувство омерзения, которое охватило меня при виде отвратительно жалкого, трусливо озиравшегося предателя Власова.

— Что, предательская сволочь и фашистский холуй, помогли тебе твои гитлеровцы?! — гневно воскликнул я.

Изменник Родины, потупившись, молчал.

Да, прав был выдающийся писатель А. М. Горький, заявивший, что даже тифозную вошь сравнение с предателем оскорбило бы.

Потом Власов под охраной был отправлен в Москву.

За измену Советской Родине и совершенные кровавые злодеяния предатель Власов по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР был приговорен к смертной казни и повешен. Не избежали суровой кары и его приспешники.

Затянувшиеся в районе Чехословакии боевые действия шли к своему логическому завершению. 14 мая 1945 года в 1 час 20 минут Военный совет 1-го Украинского фронта доложил Верховному Главнокомандующему об итогах Пражской наступательной операции. В донесении говорилось: "В результате внезапного удара и быстрого продвижения войск ударной группировки фронта по западному берегу реки Эльба, успешного преодоления укреплений противника в горных перевалах южнее Дрездена, стремительного удара и овладения танковыми армиями городом Прага, а также перехода в решительное преследование армий центра и левого крыла фронта главная группировка войск противника была окружена, в последующем пленена и частично уничтожена.

Захват города Прага и пражского узла дорог лишил войска немецкой группировки «Центр» возможности выполнить приказ Шернера, отданный 8.4.45 г., об отходе на запад и юго-запад для сдачи в плен войскам союзников".

В донесении сообщалось, что за время Пражской операции, с 5 по 12 мая, войска 1-го Украинского фронта захватили в плен 258 661 солдата и офицера противника и взяли в качестве трофеев 649 танков и САУ, 3069 орудий, 1389 минометов, 6683 пулемета, 118 696 винтовок и автоматов, 41 131 автомашину, 793 самолета, 510 паровозов, 12749 вагонов и 445 складов{163}.

Оперативная сводка Советского информбюро за 15 мая 1945 года, была, пожалуй, самой короткой из всех сводок времен Великой Отечественной войны. Она гласила: "Прием немецких солдат и офицеров на всех фронтах закончен".

Война, как это официально считается, продолжалась 1418 огненных дней и ночей. На 1, 2 и 4-м Украинских фронтах она продолжалась на несколько суток больше. И, как поется в песне, майскими короткими ночами, отгремев, закончились бои…

Да, бои закончились и принесли советскому народу и его армии великую победу.

Апофеозом всенародного торжества стал незабываемый Парад Победы. Маршал Советского Союза И. С. Конев, приглашенный в Президиум Верховного Совета СССР для вручения ордена, позвонил нам 24 мая 1945 года из Москвы и сообщил, что ровно через месяц на Красной площади в столице будет Парад Победы и что начальнику штаба генералу армии И. Е. Петрову надо немедленно начать формирование сводного полка 1-го Украинского фронта, отобрав наиболее достойных участников из числа Героев Советского Союза, кавалеров орденов Славы и других заслуженных солдат, сержантов, офицеров и генералов. Иван Степанович попросил меня подключить к этому важному делу военные советы армий и политорганы.

На другой день к нам поступило официальное приказание, отданное от имени Верховного Главнокомандующего и подписанное начальником Генштаба генералом армии А. И. Антоновым.

Подготовка к параду оказалась куда более хлопотным делом, чем мы вначале предполагали. Иван Ефимович Петров не раз шутливо говорил:

— Наступательную операцию, пожалуй, легче разработать и осуществить, чем подготовиться к параду.

Для комплектования сводного полка надлежало отобрать из огромной массы боевых войск 1-го Украинского фронта 1059 солдат, сержантов и офицеров и 10 запасных участников. Когда командиру дивизии требовалось, например, выделить достойных участников Парада Победы, он предлагал человек двадцать Героев Советского Союза, столько же кавалеров ордена Славы и большое количество награжденных другими орденами, заявляя, что каждый из них подвигами своими, боевой отвагой и пролитой кровью заслужил это почетное право.

Мы с радостью послали бы на этот знаменательный парад всех участников Великой Отечественной войны, кто ратными трудами и отвагой добывал великую победу. Однако приходилось придерживаться точно спланированного парадного расчета.

Командиром сводного полка 1-го Украинского фронта был назначен Герой Советского Союза гвардии генерал-майор Г. В. Бакланов. Этот стройный и красивый, по-спортивному сложенный боевой генерал подходил для такой роли не только внешними данными. В предвоенные годы Глеб Васильевич продолжительное время служил в Московской Пролетарской стрелковой дивизии, участвовал во многих парадах на Красной площади и был великолепным строевиком, хорошо знающим все тонкости строевого обучения и предпарадных тренировок.

Сводный полк сформировали в необычайно сжатые сроки. Строевой подготовкой занимались от подъема до отбоя и тренировались, как говорится, до седьмого пота. А поступить иначе было нельзя: за годы войны и фронтовой жизни люди в известной мере отвыкли от строевой подготовки; начинать приходилось с азов.

В первых числах июня Военный совет фронта проверил выучку полка, обнаружил много недоработок и порекомендовал продолжить тренировки и сколачивание парадных шеренг и подразделений. Но этим заниматься пришлось уже в Москве, на плацу Военного училища имени Верховного Совета РСФСР.

Парад Победы был назначен на 24 июня 1945 года. Погода в тот день немного подкачала. Хмурое небо и моросящий дождь словно подтверждали, что жизнь наша не была безоблачной и на нашем боевом пути встречалось немало трудностей и лишений. Но советские люди, прошедшие сквозь военные бури и грозы, никогда не унывали, а в такой торжественный день тем более. Москвичи, заполнившие все тротуары радостно приветствовали воинов-фронтовиков, героев-победителей. В колоннах демонстрантов, собравшихся на дальних подступах к Красной площади, не умолкали песни, оркестры играли бравурные марши, и наперекор ненастью повсюду царили радость и веселье.

Заблаговременно отправляюсь на Красную площадь и занимаю место возле Мавзолея В. И. Ленина, на площадке, отведенной для генералов. Отсюда хорошо видны четкие квадраты сводных полков, которые стояли в той же последовательности, в какой вели боевые действия фронты, сражавшиеся с фашистскими полчищами на всем протяжении советско-германского фронта — от Баренцева моря до Черного.

Медленно двигается минутная стрелка на главных часах нашего государства, расположенных под рубиновой звездой Спасской башни Кремля. Но вот на Мавзолей поднимаются Верховный Главнокомандующий И. В. Сталин и другие руководители партии и правительства. Слышится мелодичный перезвон Кремлевских курантов, и часы размеренно отбивают

десять ударов. Из Спасских ворот на белом коне под синим чепраком выезжает заместитель Верховного Главнокомандующего Маршал Советского Союза Г. К. Жуков. Ему навстречу скачет на вороном коне под красным чепраком командующий парадом Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский и отдает рапорт.

Речь о всемирно-исторической победе советского народа и его Вооруженных Сил, одержанной под водительством ленинской партии, завершается громовыми перекатами «ура» и залпами артиллерийского салюта. Сводный оркестр в составе 1400 музыкантов, под руководством генерал-майора С. А. Чернецкого, мощно и величаво исполнил Гимн Советского Союза.

А потом начался парад победителей. Его открыли герои Заполярья и легендарные защитники Ленинграда. Затем пошли сводные полки 1-го Прибалтийского и Белорусских фронтов. Вот показался и сводный полк моего родного 1-го Украинского фронта, возглавляемый Маршалом Советского Союза И. С. Коневым. За маршалом следовала шеренга прославленных командармов — П. С. Рыбалко, Д. Н. Гусев, Н. П. Пухов, А. С. Жадов, В. Н. Гордов, В. А. Глуздовский, Д. Д. Лелюшенко, С. А. Красовский, К. А. Коротеев, И. Т. Коровников, А. А. Лучинский, П. Г. Шафранов. Перед трибунами Мавзолея В. И. Ленина они единым взмахом четко отсалютовали шашками.

Боевой стяг 1-го Украинского фронта нес трижды Герой Советского Союза гвардии полковник А. И. Покрышкин. Чеканя шаг, в парадном строю шли дважды Герои Советского Союза Д. А. Драгунский, Д. Б. Глинка и другие известные всей стране воины. Стяги частей и соединений несли Герои Советского Союза И. И. Качалин, Е. И. Просяник, С. С. Санриев, Ф. Д. Туров, В. А. Пермяков, полные кавалеры ордена Славы старшины Н. Ф. Жаров, Н. А. Сухих и другие заслуженные воины.

Правофланговый старший сержант Петр Ерофеев нес посеченное осколками боевое Знамя времен гражданской войны, принадлежавшее одному из кавполков 1-й гвардейской кавалерийской дивизии. Меня, как и других ветеранов, до глубины души взволновало хорошо знакомое нам вишневого цвета полотнище, напоминавшее о революционных боях за власть Советов, давних сабельных схватках, о первых пограничных сражениях в июне 1941 года и стремительном прорыве к берегам Эльбы в победном 1945 году.

Война с фашистской Германией была самой тяжелой в истории всех войн. Она отметила ратными шрамами не только людей, но и боевые Знамена.

Иссеченный пулями и осколками снарядов стяг 39-го гвардейского стрелкового полка 13-й гвардейской стрелковой

дивизии пронес через Красную площадь старшина В. В. Гамашев. Это славное Знамя вело воинов на штурм Мамаева кургана в Сталинграде, вдохновляло в жарких боях под Прохоровкой на Курской дуге. Когда под Богодуховом пал сраженный автоматной очередью знаменщик А. Т. Кузнецов, боевой стяг подхватили другие. Знамя по-прежнему реяло над полем боя, воодушевляя воинов на борьбу, придавая им новые силы. Когда враг был отбит и положение восстановлено, на бархатном полотнище насчитали более ста пулевых и осколочных пробоин. Овеянный пороховым дымом, многократно простреленный стяг стал еще дороже воинам-гвардейцам.

Боевое Знамя 91-й отдельной танковой бригады пронес через Красную площадь кавалер многих орденов и медалей сержант Леонид Калинников. Соединением продолжительное время командовал дважды Герой Советского Союза И. И. Якубовский Танкисты геройски сражались под этим стягом у стен Сталинграда и на Курской дуге, под Киевом, Фастовом, Проскуровом, под Берлином и Прагой.

В дни битвы на Волге величественный подвиг совершил экипаж танка под командованием лейтенанта А. Наумова. Когда фашисты окружили подбитую машину и предложили экипажу сдаться в плен, они услышали в ответ гордые слова: "Комсомольцы не сдаются!" Гитлеровцы облили танк горючей смесью и подожгли, ожидая, что советские воины покинут пылающую машину.

Но этого не произошло. Включив рацию и передав командованию важные разведывательные данные о противнике, члены экипажа Алексей Наумов, Павел Смирнов, Петр Нарицын и Николай Вялых запели "Интернационал>; и продолжали сражаться с гитлеровцами до последнего дыхания. Они погибли в горящем танке, но не сдались врагу. Так сражались советские герои, незримо присутствовавшие теперь на Параде Победы.

О многом напомнил мне и стяг 15-й гвардейской Стрелковой дивизии. Вспомнилась поздняя осень 1941 года и. тяжелые бои в районе Дьяково с танками Клейста. На этом участке враг не прошел. Гвардейцы стояли несокрушимой стеной.

В 1941 году у нас не хватало противотанковой артиллерии и противотанковых ружей, не было тогда кумулятивных бомб, термитных снарядов и других эффективных средств борьбы с бронированными машинами, чем мы в достатке располагали в последующие годы войны. Но боевой дух советских воинов-патриотов оставался непоколебимым.

Несокрушимая вера в партию и народ, в нашу грядущую победу цементировала ряды воинов, укрепляла дух войск, делала

солдат еще более стойкими, бесстрашными, готовыми на смерть и на подвиг во имя победы правого дела.

Вот какие воспоминания навеяли мне славные боевые Знамена, пронесенные перед трибунами ленинского Мавзолея. Они напомнили не только о трудностях борьбы с немецко-фашистскими захватчиками, но и о радости нашей великой Победы, о воинской чести и ратной славе, о героическом пути Вооруженных Сил Страны Советов.

А когда смолкли мелодии оркестров, раздалась отрывистая и жесткая дробь барабанов. Двести советских героев, двести воинов-победителей, пронесли через Красную площадь знамена разгромленной фашистской армии. Вражеские полотнища, захваченные войсками 1-го Украинского фронта, несли под барабанный бой сержант Михаил Сергеев, начавший воевать 22 июня 1941 года и прошедший со своей 291-й стрелковой дивизией до Дрездена, сержант Петр Чернов из 308-го гвардейского минометного полка, завершивший войну под Прагой, сержант Андрей Коновалов из 3-й понтонно-мостовой бригады, участвовавший в героических переправах через Днепр, Вислу, Одер, и многие другие воины. Они с презрением бросали фашистские флаги на специально сколоченные деревянные помосты. Среди вороха нацистских знамен, поверженных к ногам советских воинов-победителей, были черно-белые полотнища всевозможных эсэсовских дивизий — «Викинг», "Великая Германия", "Мертвая голова", разбитой нами под Берлином личной лейб-гвардии Гитлера "Охрана фюрера", а также знамена многочисленных соединений из разгромленной группировки Шернера.

Парад кончился, но долго еще мокли под дождем поверженные полотнища разбойничьей армии, и меж ними валялся личный штандарт Адольфа Гитлера с паучьей свастикой и линялым, общипанным орлом…

Эта картина была символичной и поучительной для любых агрессоров, в том числе и новоявленных претендентов на мировое господство.

В час всенародного торжества мы почтили скорбным молчанием тех, кто не дожил до радостного дня, и у фронтовиков, не раз смотревших смерти в глаза и никогда не плакавших, навернулись слезы.

Безмерно было жаль, что не дожили до победного дня и не увидели поверженных вражеских знамен талантливые советские полководцы — командующий 1-м Украинским фронтом генерал армии Н. Ф. Ватутин, смертельно раненный при объезде войск; самый молодой среди командующих фронтами генерал армии И.

Д. Черняховский, погибший на поле боя; отдавший все свои силы без остатка борьбе с фашизмом и скончавшийся от тяжелой болезни командарм генерал-полковник К. Н. Леселидзе. Все они воевали на 1-м Украинском фронте, с каждым из них я не раз встречался, а с некоторыми и продолжительное время работал, участвовал в боях.

Сколько горя, утрат и лишений перенес в войну наш народ! Он не дрогнул перед немецко-фашистскими захватчиками. Ни одно государство, ни одна армия мира не смогли бы выдержать мощного и внезапного удара гитлеровских полчищ, покоривших многие страны Европы, А советский народ, руководимый Коммунистической партией, не только выстоял, но и сыграл решающую роль в разгроме немецко-фашистской Германии.

По призыву ленинской партии на смертельную битву с фашистскими ордами поднялись миллионы советских людей, готовых победить или умереть, И они победили!

Боевым отрядом Коммунистической партии, активными проводниками ее политики в войсках и на флотах являлись и ныне являются наши политорганы, которые своей беззаветной борьбой, многогранной организаторской, идеологической и ратной деятельностью снискали у воинов незыблемый авторитет.

Мне, кадровому политработнику, участнику гражданской и Великой Отечественной войн, последовательно прошедшему все ступени службы от политбойца-пулеметчика и политрука подразделения до члена Военного совета фронта, хотелось поделиться с молодыми читателями воспоминаниями о всем том, что довелось видеть и пережить за годы боевых испытаний, поведать суровую правду о войне, рассказать о могучей силе такого важного и особого вида оружия, каким является политическая работа в армии и на флоте.

Много лет прошло с тех пор, как отгремели победные залпы. Поседевших в сражениях ветеранов сменила замечательная, всесторонне развитая, энергичная молодежь. Вместе с боевой эстафетой мы, ветераны боев, считаем своим долгом передать молодым командирам и политработникам богатый и разносторонний опыт, доставшийся нам ценой огромных усилий, испытаний, жертв и имеющий непреходящую ценность. Повествуя о некоторых событиях Великой Отечественной войны, я одновременно решил рассказать о практике партийно-политической работы в различной боевой обстановке. Если это в какой-то мере мне удалось, буду считать, что я свой долг выполнил.

Примечания

{1} Коммунистическая партия в Великой Отечественной войне. М., 1970, с. 55, 61.

{2} Центральный архив Министерства обороны СССР (далее — ЦА МО СССР), ф. 417, оп. 8673, д. 1, л. 60.

{3} ЦА МО СССР, ф. 395, оп. 19419, д. 2, л. 219.

{4} ЦА МО СССР, ф. 395, оп. 123863, д. 1, л. 77.

{5} Военно-исторический журнал, 1963, № 11, с. 5. 2 — К. В. Крайнюков.

{6} Условная фамилия И. С. Конева.

{7} Условная фамилия Н. Ф. Ватутина.

{8} Военно-исторический журнал, 1963, № 11, с. 8.

{9} Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 50, с, 271.

{10} Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 56.

{11} ЦА МО СССР, ф. 132-А, оп. 2642, д. 28, л. 2–3.

{12} ЦА МО СССР, ф. 236, оп. 315337, д. 1, л. 65

{13} ЦА МО СССР, ф. 236, оп. 22834, д. 8. л. 367.

{14} Правда, 21 ноября 1943 г.

{15} Меллентин Ф. Танковые сражения 1939–1945 гг. Сокр. пер. с англ. М., 1957, с. 214.

{16} Военно-исторический журнал, 1970, № 6, с. 79.

{17} История второй мировой войны. 1939–1945, 1977, с. 63.

{18} Газета 1-го Украинского фронта "За честь Родины", 24 декабря 1943 г.

{19} ЦА МО СССР, ф. 32, он. 440031, д. 24. л. 331

{20} Партийно-политическая работа в Советских Вооруженных Силах в годы Великой Отечественной войны. М., 1968, с. 369.

{21} ЦА МО СССР, ф. 302, оп. 4196, д. 63, л. 76.

{22} Красная звезда, 18 февраля 1944 г.

{23} ЦА МО СССР, ф. 236, оп. 2727, д. 16, л. 37.

{24} ЦА МО СССР, ф. 236, оп. 2727, д. 16, л. 37.

{25} Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М., 1969, с. 537–539.

{26} Псевдоним И. В. Сталина.

{27} ЦА МО СССР, ф. 236, оп. 2673, д. 986, л. 86.

{28} Жуков Г. К. Воспоминания и размышления, с. 539.

{29} Фрунзе М. В. Избранные произведения, М., 1965, с. 171.

{30} Фрунзе М. В. Избранные произведения, с. 148.

{31} ЦА МО СССР, ф. 48-А, оп. 2294, д. 14, л. 39–40.

{32} ЦА МО СССР, ф. 236, оп. 2673, д. 994, л. 85.

{33} ЦА МО СССР, ф. 236, оп. 2673, д. 1009, л. 4.

{34} Жуков Г. К. Воспоминания и размышления, с. 559–560.

{35} Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 428–429.

{36} Там же, с. 46.

{37} Меллентин Ф. Танковые сражения 1939–1945 гг., с. 237.

{38} ЦА МО СССР, ф. 236, оп. 2673, д. 1033, л. 283–284.

{39} Партийно-политическая работа в Советских Вооруженных Силах в годы Великой Отечественной войны. М., 1963. с. 158.

{40} ЦА МО СССР, ф. 236. оп. 6507, д. 8, л. 240.

{41} Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 26.

{42} За рубежом, 1969, № 38 (483), с. 25.

{43} ЦА МО СССР, ф. 236, оп. 2712, д. 219, л. 277.

{44} ЦА МО СССР, ф. 236, оп. 2727, д. 21, л. 209–212.

{45} Известия, 11 августа 1972 г.

{46} ЦА МО СССР, ф. 236, оп. 2673, д. 1102, л. 13–15.

{47} Правда, 1 ноября 1944 г.

{48} Правда, 1 мая 1944 г.

{49} Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 121.

{50} Гусев С. И. Гражданская война и Красная Армия. М., 1958, с. 145.

{51} ЦА МО СССР, ф. 236, оп. 2675, д. 231, л. 583.

{52} Подвойский Н. И. Красноармейская звезда. М., 1918, с. 15.

{53} ЦА МО СССР, ф. 236, оп. 41794, д. 57, л. 317–323.

{54} ЦА МО СССР, ф. 236, оп. 2727, д. 21, л. 202, 203.

{55} ЦА МО СССР, ф. 236, оп. 2675, д. 351, л. 14.

{56} Газета 1-го Украинского фронта "За честь Родины", 16 декабря 1944 г.

{57} Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 348.

{58} Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-Министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., т. 1. М., 1957, с. 298.

{59} Там же, с. 299.

{60} ЦА МО СССР, ф. 236, оп. 210750, д. 1, л. 2.

{61} Газета 1-го Украинского фронта "За честь Родины", 11 января 1945 г.

{62} ЦА МО СССР, ф. 236, оп. 2675, д. 351, л. 26–27.

{63} Правда, 14 января 1945 г.

{64} Меллентин Ф. Танковые сражения 1939–1945 гг., с. 280.

{65} ЦА МО СССР, ф. 33, оп. 793756, д. 35, л. 96.

{66} ЦА МО СССР, ф. 236, оп. 2675, д. 351, л. 65–69.

{67} Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 52, с. 212.

{68} Бюллетень АПН, 27 сентября 1968 г., с. 3.

{69} ЦА МО СССР, ф. 236, оп. 2675, д. 175, л. 29. 12 — К. В. Крайнюков.

{70} ЦА МО СССР, ф. 236, оп. 2675, д. 474, л. 11–12.

{71} ЦА МО СССР. ф. 236, оп. 2727, д. 32, л. 323.

{72} ЦА МО СССР, ф. 236, оп. 28384, д. 5, л. 110.

{73} ЦА МО СССР, ф. 236, оп 2727, д. 33, л. 236.

{74} ЦА МО СССР, ф. 236, оп. 2727, д. 33, л. 238–239.

{75} Красная звезда, 14 мая 1972 г.

{76} Красная звезда, 14 мая 1972 г.

{77} ЦА МО СССР, ф. 69, оп. 12111, д. 3184, л. 1-53.

{78} ЦА МО СССР, ф. 3, оп. 795756, д. 3, л. 3.

{79} ЦА МО СССР, ф. 33, оп. 795756, д. 60, л. 236–237.

{80} ЦА МО СССР, ф. 236, оп. 2727, д. 33, л. 167

{81} ЦА МО СССР, ф. 236, оп. 2673, журнал боевых донесений.

{82} ЦА МО СССР, ф. 236, оп. 2673, д. 2538, л. 283.

{83} Конев И. С. Сорок пятый. М… 1966, с. 51.

{84} Возрастной состав фольксштурмовцев — от 14 до 60 лет.

{85} Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 770.

{86} Правда. 7 ноября 1942 г.

{87} ЦА МО СССР, ф. 236, оп. 2727, д. 33, л. 384–385.

{88} ЦА МО СССР, ф. 236, оп. 2727, д. 33, л. 77–78.

{89} Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 110.

{90} Роковые решения (сборник). М., 1958, с. 300, 303.

{91} ЦА МО СССР, ф. 236, оп. 2673, д. 2570, л. 235–236.

{92} Военно-исторический журнал, 1970, № 5, с. 62–63.

{93} ЦА МО СССР, ф. 236, оп. 2673, д. 2538, л. 104–106.

{94} ЦА МО СССР, ф. 236, оп. 2673, д. 2546, л. 232.

{95} ЦА МО СССР, ф. 236, оп. 2675, д. 165, л. 90–93.

{96} Правда, 21 февраля 1945 г.

{97} Правда, 23 февраля 1945 г.

{98} ЦА МО СССР, ф. 236, оп. 2706, д. 258, л. 119.

{99} ЦА МО СССР, ф. 236, оп. 2675, д. 337, л. 94.

{100} ЦА МО СССР, ф. 236, оп. 2673, д. 2570, л. 235–236.

{101} Типпельскирх К. История второй мировой войны. М., 1956, с. 513.

{102} ЦА МО СССР, ф. 236, оп. 28385, д. 31, л. 492.

{103} Роковые решения, с. 179.

{104} Военно-исторический журнал, 1971, № 5, с. 73–74.

{105} ЦА МО СССР, ф. 334, оп. 5252, д. 564, л. 67.

{106} ЦА МО СССР, ф. 334, оп. 5252, д. 566, л. 29–30.

{107} Чуйков В. И. Начало пути. М., 1959, с. 332. 15 — К. В. Крайнюков.

{108} ЦА МО СССР, ф. 334, оп. 5259, д. 153, л. 134.

{109} Там же.
{110} ЦА МО СССР, ф. 236, оп. 2675, д. 354, л. 33.
{111} Великая Отечественная война Советского Союза. 1941–1945. М., 1970, с. 491–492.
{112} И. С. Конев. Сорок пятый, с. 98.
{113} Военно-исторический журнал, 1965, № 4, с. 81–84.
{114} ЦА МО СССР, ф. 236, оп. 2675, д. 165, л. 170.
{115} ЦА МО СССР, ф. 236, оп. 2675, д. 165, л. 99.
{116} ЦА МО СССР, ф. 4 гв. ТА, оп. 4762, д. 46, л. 118.
{117} Павленко П. А. Писатель и жизнь. М., 1966, с. 131.
{118} ЦА МО СССР, ф. 236, оп. 2675, д. 166, л. 332.
{119} ЦА МО СССР, ф. 236, оп. 2675, д. 166, л. 321–322.
{120} ЦА МО СССР, ф. 4 гв. ТА, оп. 4762, д. 48, л. 328.
{121} Газета 1-го Украинского фронта "За честь Родины", 28 марта 1945 г.
{122} ЦА МО СССР, ф. 6598, оп. 801858, д. 187, л. 14 об.
{123} ЦА МО СССР, ф. 236, оп. 2675, д. 354, л. 63–64. 16 — К. В. Крайнюков.
{124} ЦА МО СССР, ф. 236, оп. 2675, д. 267, л. 68.
{125} Правда, 14 апреля 1945 г.
{126} Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 317.
{127} ЦА МО СССР, ф. 236, оп. 2675, д. 354, л. 51
{128} ЦА МО СССР, ф. 236, оп. 2675, д. 193, л. 90.
{129} ЦА МО СССР, ф. 236, оп. 2712, д. 359, л. 23.
{130} ЦА МО СССР, ф. 236, оп. 2675. д. 193, л. 75.
{131} Жуков Г. К. Воспоминания и размышления, с. 643.
{132} ЦА МО СССР, ф. 236, оп. 2712, д. 359, л. 24–25.
{133} Военно-исторический журнал, 1960, № 6, с. 81, 82.
{134} ЦА МО СССР, ф. 236, оп. 2712, д. 359, л. 35.
{135} ЦА МО СССР, ф. 236, оп. 2712. д. 359, л. 36.
{136} ЦА МО СССР, ф. 236, оп. 2675, д. 244, л. 15.
{137} Конев И. С. Сорок пятый, с. 170.
{138} ЦА МО СССР, ф. 236, оп. 2727, д. 37, л. 228–234.
{139} Военно-исторический журнал, 1960, № 6, с. 84.
{140} Военно-исторический журнал, 1964, № 4, с. 96.
{141} ЦА МО СССР, ф. 236. оп, 2675, д. 267, л. 188–191.
{142} ЦА МО СССР, ф. 236, оп 2675, д. 344, л. 43.
{143} ЦА МО СССР, ф. 236, оп. 2675, д. 267, я. 191.
{144} Военно-исторический журнал, 1960, № 6, с. 87.
{145} Военно-исторический журнал, 1959, № 5. с. 87.
{146} Военно-исторический журнал, 1965, № 5, с. 108.
{147} Военно-исторический журнал, 1965. № 4, с. 89.
{148} Военно-исторический журнал, 1965, № 5, с. 112.
{149} ЦА МО СССР, ф. 236, оп. 178408, д. 24, л. 168.

{150} ЦА МО СССР, ф. 328, оп. 4865, д. 171, л. 532.
{151} ЦА МО СССР, ф. 236, оп. 136718. д. 27, л. 153–156.
{152} Правда, 31 мая 1975 г.
{153} ЦА МО СССР, ф. 236. оп. 2712. д. 371. л. 76–77.
{154} ЦА МО СССР, ф. 334, оп. 5250, д. 10, л. 62–63.
{155} ЦА МО СССР, ф. 236, оп. 2675, д. 354 л 197–199
{156} ЦА МО СССР, ф. 236, оп. 2675, д. 364, л. 204–206.
{157} Военно-исторический журнал, 1960, № 6, с. 93–94.
{158} Там же, с. 94.
{159} Правда, 11 мая 1945 г.
{160} Правда, 10 мая 1945 г.
{161} Там же.
{162} ЦА МО СССР, ф. 236, оп. 2727, д. 30, л. 180–182.
{163} ЦА МО СССР, ф. 236, оп. 2673, д. 2609, л. 177–181.

Аннотация, Содержание, Выходные данные

{1}Так помечены ссылки на примечания. Примечания в конце текста

Аннотация издательства: Генерал-полковник К. В. Крайнюков, назначенный осенью 1943 г. членом Военного совета 1-го Украинского фронта, прошел с его войсками путь от Днепра до Эльбы, от Киева до Берлина и Праги. В своих воспоминаниях он рассказывает о разработке Ставкой Верховного Главнокомандования и претворении в жизнь планов фронтовых наступательных операций; показывает значение партийно-политической работы в бою как оружия особого рода: раскрывает великую освободительную миссию Советской Армии, которая спасла народы Европы от фашистского рабства.

Содержание

Часть первая. Битва на Днепре
Часть вторая. Освобождение правобережной Украины
Часть третья. Выполняя интернациональный долг
Часть четвертая. Вперед, на запад!
Часть пятая. К рубежам победы
Примечания

Крайнюков К. В. Оружие особого рода. — М.: Мысль, 1984. — 2-е изд. — 591 с. 1 л. портр. — (Военные мемуары). — Литературная запись А. П. Верхолетова — Тираж 165 000 экз. Печатается с изменениями по изданию: К. В. Крайнюков. Оружие особого рода. М.: Воениздат, 1978